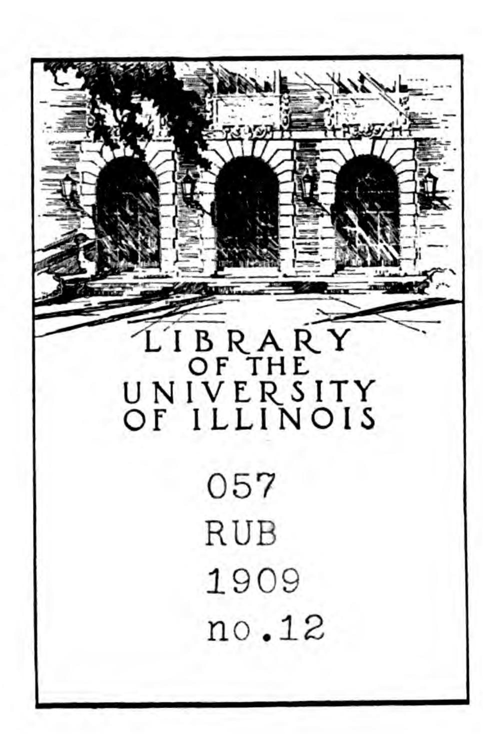
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

ДЕКАБРЬ. 1909.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 12

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34
1909.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

и продолжается подписка на 1909 годъ.

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ Вл. Гал. КОРОЛЕНКО

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Ф. Д. Крюкова, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, Н. С. Русанова (Н. Е. Кудрина), А. Е. Рѣдько, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р., на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскій бульваръ, д. 79 Мошкиной.*

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Одесскія Новости—*Дерибасовская, 20* *).—Въ магазинѣ „Трудъ“—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать вмѣсто **9** рублей, **8** руб. **60** коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная—8 р. 60 к.— отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства“.

Съ начала 1910 г. въ «Русскомъ Богатствѣ» начинается печатаніе 2-ой части «Исторіи Моего Современника» В. Г. Короленко.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

НА КРАЮ ЖИЗНИ.

IX.

Бываетъ такъ, что человѣкъ долго готовится къ какому-нибудь важному событію въ своей жизни и долго думаетъ о немъ, тщетно стараясь примириться съ этимъ неизбѣжнымъ событіемъ, и много разъ воображаетъ, какъ свершится оно, старается проникнуть въ мелочи его, представить его во всей полнотѣ. И всегда почти бываетъ такъ, что самое событіе приходитъ неожиданно, поражая подготовлявшагося къ нему человѣка внезапностью своею. И, думая о немъ, силится человѣкъ разсмотрѣть первые признаки поразившаго событія и съ горечью замѣчаетъ послѣдовательную связанность его со многими бывшими раньше событіями, тѣ нераздѣльныя, цѣпляющіяся одно за другое звенья безконечной цѣпи, въ которую вытягиваются въ прошломъ дѣла, мысли, чувства, слова и дѣйствія, складывающіяся въ то, что называется жизнью человѣческой.

И, въ новомъ и странномъ изумленіи, человѣкъ говоритъ

— Если-бъ я могъ знать, я всего ожидалъ, только не этого!..

И застываетъ или бьется; забываетъ или перебираетъ въ памяти ничтожнѣйшія мелочи; старается приспособить свою жизнь къ свалившемуся событію или махаетъ рукой, но всегда и опредѣленно мѣняется, перестаетъ быть тѣмъ человѣкомъ, что былъ раньше, а становится новымъ, какъ будто мало знакомымъ и чуждымъ, ибо новое вошло въ его [illegible] и иною увидѣлъ онъ жизнь свою.

[illegible]акъ бываетъ со многими, такъ было и съ Анной.

[illegible]слѣ того, какъ Торнъ ушелъ—сначала къ Шутову, по[illegible] совсѣмъ изъ Неси, послѣ того, какъ утромъ Поповъ [illegible]залъ ей, что Торнъ ушелъ къ Селюженкову, и, чтобы [illegible]ть это менѣе замѣтнымъ для волнующагося населенія [illegible]жаго стражника, ушелъ, не прощаясь и не заходя до-

мой,—далекая догадка мелькнула въ ея умѣ, но она постаралась прогнать ее.

Уходъ Торна, такой странный, такой нелѣпый по сбивчивымъ объясненіямъ, былъ слишкомъ страшенъ для нея, чтобы сразу повѣрить ему. Она вся сжалась, ушла въ себя, съежилась, какъ звѣрь въ зимнюю спячку, и старалась не думать, не двигаться, не говорить, ходить осторожно и тихо, бережно нося хрупкую чашу своей драгоцѣнной вѣры.

Прошелъ день, прошелъ вечеръ, явился Шутовъ и убѣдилъ Римму переселиться въ ихъ избу.

Она хотѣла было подумать: „зачѣмъ?“. Но побоялась, прогнала ненужный ей теперь вопросъ и стала думать о маленькомъ человѣчкѣ, этомъ огромномъ, грозномъ событіи которое дѣлало немыслимымъ, въ ея глазахъ, причиненіе ей какой-либо боли или страданія.

И осторожно, какъ весь этотъ безконечный день, упорно цѣпляясь мыслью за маленькаго человѣчка — единственное средство сберечь уходящую въ незамѣтную ей самой трещину вѣру,—перешла въ избу повѣсившагося Захара.

— Такъ нужно, должно быть!—думала она, сидя на приготовленной для нея кровати, узкой и маленькой, на которой нельзя было бы помѣститься вдвоемъ:—они лучше знаютъ, что нужно, они такіе добрые, они не сдѣлаютъ мнѣ больно, не могутъ сдѣлать!

И снова, чувствуя, что она подходитъ къ какой-то страшной грани, сдерживала себя, усиливалась расходовать какъ можно меньше энергіи, возвращала себя къ маленькому человѣчку.

А вечеромъ, когда всѣ сидѣли у стола, и Римма готовила ужинъ, встала съ кровати, медленно подошла къ столу и долго глядѣла на завернувшійся краснымъ уголькомъ конецъ лучины.

— Уже поздно, а его нѣтъ,—спокойно и негромко проговорила она:—его нѣтъ...

И оглядѣла всѣхъ просящимъ взглядомъ умирающаго животнаго.

— Его нѣтъ,—еще разъ повторила она въ полной тишинѣ наступившей сразу:—онъ ушелъ... Совсѣмъ ушелъ, я знаю!

И, вдругъ поднявъ руки страннымъ, какъ будто театральнымъ жестомъ, и держа ихъ протянутыми—эти блѣдныя исхудавшія руки,—сказала съ тупымъ недоумѣніемъ, внятно и раздѣльно:

— Такъ что же я буду дѣлать?

Опустила руки, опять оглядѣла всѣхъ, какъ будто силясь сказать что-то, и, не находя словъ, медленно повернувшись, пошла къ кровати, гдѣ сидѣла прежде.

— Анна Васильевна!—негромко окликнулъ Шутовъ.

Она подняла на него глаза, и то же нѣмое, просящее выраженіе толкнуло его.

— Онъ ушелъ,—проговорила она.

— Видите ли, Анна Васильевна,—заговорилъ Шутовъ, но Анна уже опустила вѣки, и видно, было что она совершенно не слушаетъ, даже не слышитъ его.

— Оставьте...—шепнула Римма.

Опять наступило молчаніе, и въ немъ четкимъ и яснымъ звукомъ похрустывала подгоравшая лучина. Конецъ у нея зачернѣлъ, завернулся въ сторону и съ легкимъ сухимъ звономъ упалъ на полъ, разсыпавшись мелкими угольками,

Поповъ поднялся и, стараясь не шумѣть, ступая на носки сапогъ, давно не стриженными волосами напоминая дьячка, который на панихидѣ осторожно оправляетъ обтаявшую свѣчу, собралъ угольки и бросилъ ихъ въ печь.

— Ужинать я вамъ тамъ соберу, — шепотомъ сказала Римма, кивая на сѣни,—пойдемте отсюда...

Шутовъ поднялся и пошелъ къ дверямъ. Около Анны онъ пріостановился, ища, что бы сказать ей, и смутно чувствуя какую-то вину свою.

Она взглянула на него съ тою же безмолвной просьбой и повторила, какъ заученный урокъ:

— Онъ ушелъ!

И ждала и молила о чемъ-то свѣтлыми сухими глазами, окруженными синими кольцами, страшными на исхудавшемъ, обострившемся, какъ у покойниковъ, лицѣ.

Смѣшанное чувство огромной жалости и неяснаго протеста жгучимъ стыдомъ ударило въ лицо Шутова.

Онъ отвернулся и прошелъ мимо, не въ силахъ выносить больше этой не могущей высказаться просьбы живыхъ, мерцающихъ глазъ на темномъ, словно тронутомъ первымъ тлѣніемъ лицѣ.

И тамъ, въ сѣняхъ, уже поужинавъ и ложась спать, путаясь въ темнотѣ въ наваленномъ кое-какъ на койку одѣялахъ, онъ говорилъ шепотомъ возившемуся около Попову.

— Сейчасъ умеръ человѣкъ, понимаете—умеръ! У нея треснула и раскололась, разсыпалась пылью душа, понимаете, сгорѣла, разсыпалась пылью, раздавленная огромнымъ сва[illegible]имся на нее камнемъ, понимаете? Это смерть, настоя[illegible] смерть, можетъ быть болѣе ужасная, чѣмъ естественная [illegible]ть, потому что послѣ этой осталось еще сознаніе... Если [illegible] была загробная жизнь, то—понимаете—душа человѣче[illegible] переживала бы то же послѣ смерти, что теперь Анна... [illegible]маете? Все умерло, исчезло, пусто, а остались какіе-то [illegible] сознанія, осталась какая-то связывающая съ землею

цѣпь, не порванная, вѣрнѣе, не дорванная до конца, и надо тянуть скучную пустоту—ѣсть, пить, думать о новой, готовой явиться жизни, понимаете?

Онъ скомкалъ перепутавшіяся одѣяла и, скинувъ сапоги легъ, но тотчасъ же сѣлъ.

— Мнѣ душно,—сказалъ онъ,—давитъ до невозможности... Вѣроятно, дамы, передъ тѣмъ какъ разразиться истерикою, чувствуютъ нѣчто подобное... Вы спите?

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Поповъ.

Потомъ они оба замолчали и молчали долго, чутко прислушиваясь ко всякому звуку, доносившемуся изъ избы. Но тамъ было тихо все, и можно было подумать, что Римма и Анна спятъ.

Шутовъ опять легъ. Сердце стало работать ровнѣе, сухой горячій комокъ отошелъ отъ горла. Онъ началъ дремать. Гдѣ-то на деревнѣ крикнулъ пѣтухъ, еще дальше ему отозвался другой. Ихъ было всего два на весь поселокъ, и странно-одиноко перекликались они, словно ободряя другъ друга, затерянные въ безпросвѣтномъ мракѣ натучившейся ночи.

Шутовъ подумалъ о Торнѣ. Гдѣ онъ? Шагаетъ гдѣ-нибудь тропкой между болотъ, узенькой потайной тропкой, о которой разузналъ Селюженковъ, разспрашивая осторожно своего стражника о его путешествіяхъ въ городъ.

Попалъ ли Торнъ на эту тропку? Понялъ ли онъ, какъ найти ее? Селюженковъ нашелъ, когда шелъ сюда, но хорошо ли объяснилъ онъ Торну? Не сбился бы Торнъ, городской, наивный, не знающій природы человѣкъ?

Дремота прошла, и Шутовъ заворочался на койкѣ.

— И какъ, какъ дойдетъ онъ до первой колоніи ссыльныхъ, гдѣ можетъ ждать помощи... Селюженковъ говорилъ что-то про одиночку-ссыльнаго, кажется рабочаго, что жилъ на пути. Хорошо бы, если бы Торнъ нашелъ его... Не выдалъ бы онъ только себя при случайной встрѣчѣ съ какимъ-нибудь старовѣромъ, или зыряниномъ... Охъ, худо ему!..

Въ избѣ застоналъ кто-то, и сразу въ другомъ концѣ ея скрипнула кровать, и побѣжали, шлепая по полу, торопливыя шаги. Это Римма встала на стонъ Анны. Тоже не спитъ, вѣрно.

Шутовъ повернулся на спину, заложилъ руки подъ голову и сталъ думать о домѣ.

У него было много дѣтей—и всѣ, здоровые крѣпыши, бойкіе и шумливые, создававшіе во всемъ домѣ атмосферу какой-то веселой, здоровой возни. Къ этой вознѣ, шуму и смѣху Шутовъ такъ привыкъ, что когда его взяли въ тюрьму, онъ скучалъ безъ него въ одинокой тишинѣ ка-

меры. А когда жилъ дома, ему казалось, что онъ усталъ отъ этого вѣчнаго крика, гама, безтолковщины и, какъ онъ называлъ, распущенности, при которой нельзя было ничего оставить на столѣ въ кабинетѣ, чтобы ребята не залѣзли туда, не испачкали бумаги, не поломали карандашей.

Онъ вспомнилъ, какъ бранилъ ихъ, когда они портили какую-нибудь вещь на его столѣ, и теперь ему стало жаль дѣтей. Онъ представилъ себѣ сосредоточенные, серьезные глаза меньшого бутуза Мишки и улыбнулся въ темнотѣ. Потомъ, послѣдовательно, вообразилъ лица всѣхъ дѣтей, остановился на любимицѣ четырнадцатилѣтней Лидіи, какъ онъ звалъ ее—Ли, вспомнилъ энергичное лицо жены, никогда не теряющейся, на которую онъ такъ же смѣло могъ положиться, какъ на себя самого, племянника Васю, жившаго у нихъ, бонну, прислугу Аннушку, угрюмую чухонку, горничную.

Вспомнилъ квартиру на Бассейной, сослуживцевъ по желѣзнодорожному управленію, членовъ союза, предсѣдателемъ котораго былъ онъ, вспомнилъ массу неотложной, важной работы, которая стояла безъ движенія, безъ человѣка, могущаго взяться за нее,—и позавидовалъ Торну.

— Хорошо уйти отсюда! — думалъ онъ, вынимая изъ подъ головы затекшія совсѣмъ руки и стараясь осторожно, чтобы не скрипнуть досками койки, повернуться на бокъ.

Опять далекимъ, одинокимъ призывнымъ крикомъ пропѣлъ пѣтухъ. Другой долго не отвѣчалъ ему. Шутовъ усталъ ждать уже, когда слабымъ придушеннымъ откликомъ отозвался онъ.

— Да, плохо, плохо,—шепталъ въ темнотѣ томимый безсонницей человѣкъ, думая о томъ, что тысячи верстъ раздѣляютъ его отъ всего того, что вспоминалъ онъ сейчасъ,—плохо...

Онъ представилъ себѣ, какъ лежитъ онъ безъ сна съ открытыми глазами, прислушиваясь и сторожа невообразимое страданіе другого человѣка за стѣной: оба—потонувшіе во мракѣ ночи, какъ въ огромномъ черномъ колодцѣ, вышедшіе бодрствованіемъ своимъ изъ обычной жизни людей... И ему стало жаль не то Анну, не то себя, не то семьи, не то того, что онъ часто обижалъ ребятъ своихъ суровымъ окрикомъ, а теперь этого ничѣмъ, ничѣмъ нельзя исправить!..

Онъ вздохнулъ и съ изумленіемъ почувствовалъ, что глаза его влажны отъ наполнившихъ ихъ теплыхъ и тяжелыхъ слезъ.

— Плохо, плохо дѣло, — шепталъ онъ, стараясь не дви-

нуть головой, чтобы не пролить неожиданныхъ слезъ, которыхъ ему было немного стыдно...

Пріѣздъ становаго ссыльные замѣтили по усиленной бѣготнѣ въ поселкѣ. Первымъ признакомъ было появленіе около ихъ избы стражника. Они знали этого молодого парня, единственнаго умѣвшаго подписать свою фамилію изъ всего поселка и потому назначеннаго начальствомъ стражникомъ, молчаливаго, какъ всѣ здѣсь, работящаго и трезваго.

Обычно онъ почти не вмѣшивался въ жизнь ссыльныхъ, заглядывая въ ихъ избы, только когда народъ начиналъ говорить о побѣгѣ. И это онъ дѣлалъ не самъ, а старикъ-отецъ его, тотъ безносый, который кричалъ однажды на Попова, совѣтуя односельчанамъ бить его.

По тому патріархальному раздѣленію труда и обязанностей, которое бываетъ только среди крестьянъ очень глухихъ мѣстъ, старикъ полагалъ, вѣроятно, что если сынъ его, безусый парень Никитка, поставленъ начальствомъ для строгости по отношенію къ присланнымъ въ ихъ поселокъ ворамъ и разбойникамъ, то онъ, отецъ безусаго Никитки, имѣетъ такое же, ежели еще и не большее по отцовскому своему положенію, право проявлять строгость.

Вмѣстѣ съ сыномъ, одѣтымъ въ короткій, едва сходящійся на груди, мундиръ съ красными жгутами погонъ, путающимся непривычными ногами въ широкой, драгунскаго образца, шашкѣ и комичнымъ отъ того, что ноги его были обуты въ кожаные поршни, аккуратно повязанные по чистенькимъ подверткамъ ременными оборинками, старикъ явился къ избѣ и занялъ сторожевой постъ.

Неизвѣстно, что караулилъ онъ около избы и чего опасался, можетъ быть, того, что при слухѣ о появленіи становаго въ поселкѣ ссыльные разбѣгутся, какъ тараканы отъ свѣчки, какъ разбѣжалась половина крестьянъ поселка. Но старикъ твердо стоялъ передъ воротами, очевидно, опасаясь особенно близко подвинуться къ нимъ, заглядывая не безъ страха подъ повѣть, гдѣ повѣсился памятный всѣмъ Захаръ, остался стоять и тогда, когда сынъ по обязанностямъ службы долженъ былъ отлучиться по начальству.

Выходили на дворъ Шутовъ и Римма, выглядывалъ Поповъ — старикъ молчаливо поворачивалъ въ ихъ сторону плоское, безносое лицо свое и принималъ такой видъ, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Ага, что, дождались-таки?!

Черезъ нѣкоторое время къ нему присоединился другой старикъ. Этотъ былъ огромнаго роста и, въ противополож-

ность первому, съ огромнымъ, покрытымъ сѣтью напряженныхъ синихъ жилокъ, носомъ и съ узенькими, залѣпившимися никогда не смываемымъ гноемъ глазами. Такъ же молчаливо, ни слова не говоря, онъ сталъ рядомъ и уставился на ворота.

Такъ стояли они неподвижными сторожевыми столбами, исполняя темную, непонятную самимъ, обязанность.

Вѣроятно, стражникъ, бѣгавшій впопыхахъ по поселку, торопливо крикнулъ имъ на ходу:

— Вы, коли что, поглядывайте, старики!..

Они пришли, стали и начали поглядывать, не зная въ точности на что именно, какъ не зналъ и крикнувшій на бѣгу стражникъ.

Становой пріѣхалъ съ двумя урядниками, захваченными въ попутныхъ поселкахъ стражниками и, пока ѣхалъ, замучилъ лошадей, сломалъ тарантасъ на гати и изнемогъ самъ.

Онъ былъ толстый и по натурѣ добродушный человѣкъ, лѣнивый и слабый, пившій много вина и проигрывавшій въ карты присылаемое на ссыльныхъ пособіе. Требованіе одного изъ порученныхъ его надзору ссыльныхъ на судъ въ Петербургъ было безпокойно и непріятно ему, какъ потому, что, судя по тону бумаги, ссыльный былъ важный (онъ вызывался въ качествѣ одного изъ обвиняемыхъ по серьезному дѣлу), и за нимъ приходилось ѣхать самому, такъ еще и потому, что необходимость встрѣтиться самому съ ссыльными, которымъ онъ, ужъ и самъ забылъ сколько времени, не выдавалъ пособія, грозила непріятностями, крикомъ, упреками, всѣмъ тѣмъ, что онъ называлъ красивымъ и мало понятнымъ словомъ „демонстрація".

Съ самаго пріѣзда около него вертѣлись двое ссыльныхъ, Крендельщиковъ и Рымша, кланялись, лебезили, посмѣивались и, подталкивая другъ друга локтями, клянчили задержанное пособіе, и дѣлали это съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣли посмѣшить пріѣхавшее начальство своей нищетой и голодомъ.

— Въ амбарушкѣ живемъ, ваше высокородіе, судите сами, ни прикрыться, ни угрѣться, не ѣвши можно сказать...—бормотали они, тискаясь въ дверяхъ стражниковой избы, гдѣ остановилось начальство.

Становой относился къ нимъ съ добродушной усмѣшкой, отлично понимая разницу между этими двумя административными и тѣми, на которыхъ они жаловались и кляузничали.

„Съ этими, по крайности, спокойнѣе,—думалъ онъ, по-

сылая урядника со стражникомъ за Торномъ, — народъ бывалый"!..

— Брысь!—коротко бросалъ онъ, когда Крендельщиковъ и Рымша очень приставали, — самъ не получалъ еще, чего клянчите... Не изъ своихъ же мнѣ вамъ давать!..

— Ваше высокородіе, извольте войти въ положеніе, въ амбарушечкѣ крохотной... Ни укрыться, ни угрѣться... Сами изволите видѣть, ироды эти, мужиченки... амбарушечку и то съ бою!

— Я вамъ дамъ съ бою!--лѣниво грозилъ становой, тяжело отдуваясь въ душной, пропахшей насквозь рыбой избѣ. Онъ помолчалъ немного и посопѣлъ носомъ.

— Что я сдѣлаю, какъ мнѣ не присылаютъ? — проговорилъ онъ, наконецъ.—Пишите въ Петербургъ...

Онъ еще помолчалъ, подумалъ и потянулся въ карманъ.

— Дамъ я вамъ по цѣлковому изъ своихъ и—брысь! не лѣзьте больше, ни шиша не получите... И то изъ своихъ!..

И, посапывая и усмѣхаясь, щуря узкія, заплывшія вѣки, очевидно, самъ забавляясь двумя кривлявшимися передъ нимъ парнями, онъ далъ имъ по рублю.

Рымша и Крендельщиковъ выклянчили еще полтинникъ и все-же остались, зубоскаля и посмѣиваясь, говоря двусмысленности, которыя по желанію можно было принять и за лесть, и за дерзость, оба похожіе на двухъ вихлястыхъ, голодныхъ и ласковыхъ псовъ, вѣжливо и угодливо скалящихъ острые, крѣпкіе зубы.

Пришелъ урядникъ и съ вытаращенными, испуганными глазами, низко наклонившись къ становому, зашепталъ что-то.

— Што-о-о ттакко-о-ое-е?!—нахмурившись и начиная багровѣть снизу, съ оплывшихъ мягкими мѣшками щекъ, протянулъ становой,—штто-о-о ты такое болтаешь?!.

— Какъ ихъ нѣтъ, ушедши и невѣдомо куда... — бормоталъ урядникъ, отступая.

Становой поднялъ глаза на придвинувшагося къ самой двери стражника и всталъ.

— Какъ ушедши, что такое ушедши? — хрипло заговорилъ онъ, краснѣя все болѣе и болѣе и дыша тяжело, словно поднимая большую тяжесть.—Я тебя, сукинъ сынъ...

Онъ подошелъ вплотную къ стражнику и вперилъ въ него свѣтлые, водянистые глаза.

Парень въ мундирѣ со шнурами и въ поршняхъ съ аккуратными оборниками опустилъ глаза и угрюмо бросилъ:

— Извѣстно, въ бѣги пошевши...

— Въ бѣги пошевши?—передразнилъ становой, весь до

лба и жирнаго затылка, толстой складкой лежавшаго на тугомъ воротникѣ военнаго сюртука, наливаясь тяжелой, гнѣвной кровью,—повтори, что ты сказалъ такое?..

Какъ всѣ грузные, апоплексическіе люди, онъ медленно поддавался гнѣву, инстинктивно опасаясь его, сдерживая огромнымъ усиліемъ.

— Говорю, въ бѣги пошевши! - упрямо повторилъ парень, не подымая глазъ.

Становой медленно, размѣренно развернулся и тяжело и плотно ударилъ стражника по лицу.

— Въ бѣги! —заревѣлъ онъ, уже потерявъ совершенно власть надъ собою и уже не думая ни о чемъ, ничего не чувствуя, кромѣ непреодолимаго бѣшенства,—въ бѣги, мерзавецъ! Ты для того, мерзавецъ, поставленъ здѣсь, чтобы въ бѣги бѣгали! Тебѣ за то деньги платятъ, а?..

Онъ еще разъ ударилъ и еще, повалилъ своими ударами парня на колѣни и совалъ безъ толку кулаками въ согнувшуюся спину.

— Въ бѣги!—хрипло гремѣлъ онъ, такъ что собравшіеся возлѣ избы сельчане вздрагивали,—въ бѣги, мерзавецъ!..

Рымша и Крендельщиковъ посмотрѣли на вымазанное въ крови лицо парня, на налившійся кровью затылокъ станового и выскользнули изъ избы.

— Ке-е-е-екъ онъ его... — говорилъ Крендельщиковъ, когда они пробрались сквозь толпу сельчанъ и уходили къ своему сарайчику.

— Пронзило стараго чорта здорово!—усмѣхался Рымша:— гляди, кондрашка не хватилъ бы...

— А туда ему и дорога!

— Ловко подстроили, тѣ-то...

— Чего лучше, въ самую пору!

— Будетъ имъ теперь на орѣхи!..

— Не миновать.

— Гляди, теперь къ тѣмъ пошли! — указалъ Рымша на всколыхнувшуюся толпу у избы станового,—эво и самъ вылѣзъ..,

Становой, какъ былъ безъ шапки, съ всклокоченными свѣтлыми волосами, показался на крыльцѣ.

— Я васъ, подлецовъ, въ тюрьмѣ сгною, чего глядѣли, сволочь старовѣрская!—оралъ онъ, спѣшно направляясь къ избѣ ссыльныхъ.—Ушевши, пришевши... только и знаете, черти эдакіе!..

Онъ прошелъ въ прогонъ, и за нимъ, скучиваясь и разсыпаясь, переливаясь, какъ брошенная на землю ртуть, покатилась сѣрая, безшапочная толпа.

Шутовъ встрѣтилъ станового на крыльцѣ избы. Ему показалось, что становой пьянъ, и онъ нахмурился.

— Я пришелъ сдѣлать обыскъ о политическомъ ссыльномъ, евреѣ Торнѣ,—заговорилъ становой, подымаясь на крыльцо,—онъ бѣжалъ!..

— Меня это мало касается,—сдержанно отвѣчалъ Шутовъ.—Лучше бы вы позаботились о своевременной выдачѣ пособій...

— Это не ваше дѣло!—вспыхнулъ становой и засопѣлъ тяжело и громко:—извольте показать помѣщеніе Торна!

— Проходите сами, если хотите, я не имѣю желанія врываться въ чужую жизнь!

Становой махнулъ рукой и прошелъ мимо. За нимъ два урядника, стражники, появились и Кренделыщиковъ съ Рымшей. Но они не входили въ избу, а стояли возлѣ воротъ, въ толпѣ не рѣшавшихся войти сельчанъ.

При самомъ входѣ, не успѣвъ, что называется, переступить порогъ, становой нарвался на неожиданность. Онъ еще щурился и почти ничего не видѣлъ, попавъ со свѣта въ темную избу, и успѣлъ замѣтить только на кровати высокую бѣлую фигуру съ обвязанной полотенцемъ головой, какъ внезапно, у самаго плеча его выросла другая фигура.

— Я имѣю сдѣлать заявленіе,—заговорила она, почти загораживая входъ,—относительно выдачи...

— Какое заявленіе, что такое?—бормоталъ становой, не ожидавшій столькихъ препятствій и думавшій только объ обыскѣ,—что такое?

— Римма, оставьте!—сморщившись, какъ отъ боли, попробовалъ остановить Поповъ.

Римма обернулась къ нему и быстро бросила, не обращая вниманія на стоявшаго въ дверяхъ станового:

— Ничего, онъ долженъ принять... Я имѣю заявленіе,—твердила она, не пропуская станового.

Тотъ вдругъ двинулся прямо на нее.

— Извольте оставить ваши заявленія до болѣе подходящаго времени!—закричалъ онъ.—Ванюковъ, обыскъ!

Два урядника втиснулись въ двери и проворно замелькали по избѣ. Хрипя и отдуваясь, поводя свѣтлыми выпуклыми глазами, становой сѣлъ на скамью.

Онъ зналъ, что изъ обыска ничего не можетъ быть выяснено, и помочь поймать Торна онъ ничѣмъ не могъ бы, но неожиданность этого побѣга такъ сбила его, что возбужденіе искало какой-нибудь дѣятельности. Кромѣ того, обыскъ онъ дѣлалъ по обязанности службы, чтобы представить куда слѣдуетъ составленный о результатахъ его протоколъ.

Избу перерыли отъ пола до потолка, повыворачивали по-

стели, ощупали подушки, поднимали полъ. Нѣсколько книжекъ, ничѣмъ не опасныхъ, бумагу и кое какія замѣтки, набросанныя Торномъ (черную тетрадь свою онъ взялъ съ собой) отобрали и сложили жалкой кучкой на столѣ.

— Ванюковъ, портфель!—крикнулъ становой и сѣлъ составлять протоколъ.

Поповъ вышелъ на крыльцо. Шутовъ, стоявшій тутъ, наклонился къ нему и зашепталъ:

— Въ случаѣ чего, если меня арестуютъ, револьверъ спрятанъ въ сарайчикѣ возлѣ двери съ правой стороны, подъ крышей... Тамъ же и патроны.

Онъ посмотрѣлъ внимательно на Попова и усмѣхнулся.

— Да не волнуйтесь вы, ну чего въ самомъ дѣлѣ? Экій вы нервный, право!..

Громыхая огромными сапогами, на крыльцо вошелъ урядникъ.

— Въ избу зовутъ!—сумрачно проговорилъ онъ.

Поповъ двинулся было.

— Кто зоветъ?—спросилъ Шутовъ.

— Бумагу подписывать ихъ высокоблагородіе зовутъ...

— Скажи, что мы подписывать отказываемся,—чуть придерживая за локоть Попова проговорилъ Шутовъ.

Урядникъ угрюмо поглядѣлъ на него и пошелъ назадъ въ избу.

— Какъ угодно, какъ угодно!—пробормоталъ становой, дописывая послѣднія строки протокола. Онъ уже успокоился, вспомнивъ, что волноваться ему вредно, къ тому же сообразивъ, что Торну некуда дѣться въ необъятныхъ болотахъ хорошо извѣстнаго ему края.

— Вотъ-съ, чѣмъ сердиться да обижать зарабатывающаго кусокъ хлѣба человѣка, вы бы, барышня, отсовѣтовали братцу бѣгать... Все равно убѣжать некуда! — съ старческимъ добродушіемъ обратился онъ къ Риммѣ, снимая выпуклые круглые очки и складывая бумаги.—Такъ то...

Онъ пересталъ сердиться и опять былъ слабымъ и добродушнымъ старикомъ, снисходительно-обидчивымъ, не любящимъ шума, споровъ и ссоръ.

— Васъ ничѣмъ обидѣть нельзя, разъ вы считаете возможнымъ врываться въ чужую жизнь съ обысками и протоколами!—рѣзко отвѣтила Римма.

— Служба, служба, ничего не подѣлаешь! Кому служишь, тому и пѣсенку поешь, такъ то! — бормоталъ становой, возясь съ незакрывавшейся никакъ дорожной чернильницей и, очевидно, плохо слушая то, что ему говорили,—сердитая вы очень, барышня!

— Вы можете не высказывать своихъ сужденій обо мнѣ,—

волновалась Римма,—я еще разъ дѣлаю вамъ заявленіе относительно невыдачи пособія и прошу запомнить, что заявленіе сдѣлано!..

— Молодость, молодость!—ворчалъ становой, ища шапки, безъ которой пришелъ сюда:—все увлеченія, все волненія...

Римма готова была плакать отъ того, что весь ея гнѣвъ отскакивалъ отъ этого толстокожаго человѣка, не производя на него, повидимому, никакого впечатлѣнія.

Становой вышелъ и въ сѣняхъ натолкнулся на стражника съ разбитымъ лицомъ.

— А ты, мерзавецъ, еще запляшешь у меня!—вдругъ закричалъ онъ, вспомнивъ недавній гнѣвъ:—погоди, я тебѣ пропишу еще!..

Затѣмъ, очевидно, вспомнивъ, въ какое положеніе могъ поставить его передъ начальствомъ побѣгъ Торна, онъ опять разсердился и накинулся на попавшагося на глаза Попова.

— Я принужденъ буду принять мѣры-съ, да-съ!—заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово.—Я думалъ, что съ вами можно по хорошему, но вижу-съ, что ошибся! Пеняйте на себя-съ, да-съ, такъ не дѣлаютъ-съ!

И посапывая, опять дѣлая усиліе, чтобъ не разсердиться, онъ прошелъ мимо. У воротъ онъ что-то сказалъ стражнику и урядникамъ. Поповъ не обратилъ на это вниманія, потому что въ это время съ нимъ произошелъ случай, совершенно уничтожившій его.

Когда, бормоча что-то и какъ будто оправдываясь въ чемъ-то (впослѣдствіи онъ со стыдомъ вспоминалъ и это), онъ вышелъ вслѣдъ за не слушавшимъ уже его становымъ на крыльцо, прежде всего въ глаза ему бросилось улыбающееся и подмигивающее лицо Рымши, зачѣмъ-то очутившагося возлѣ избы. За нимъ, пожимаясь, прятался Крендельщиковъ, улыбался и скалилъ здоровые, крѣпкіе зубы, и было похоже, будто они осторожно и еще недовѣрчиво подбираются поближе къ избѣ, чувствуя поживу, какъ два трусливыхъ, жадныхъ и голодныхъ волка къ еще не умершему, но несомнѣнно умирающему животному.

Становому они закланялись, заулыбались, но тотъ не обратилъ на нихъ вниманія и пошелъ къ воротамъ.

Тогда Рымша нагнулъ голову, весь подобрался и, уставившись прямо въ глаза Попова, шагнулъ впередъ.

— Здравствуйте, господинъ Поповъ!—раздѣльно проговорилъ онъ.

И, съ испугомъ чувствуя, что чѣмъ-то грозятъ ему эти наглые зеленоватые, замершіе въ молчаливомъ смѣхѣ глаза,

растерянный и не вполнѣ понимающій, что случилось, Поповъ замѣтилъ прямо предъ собой протянутую руку.

Онъ хотѣлъ шагнуть назадъ, хотѣлъ отвернуться, но взглянулъ еще разъ на подобравшуюся, сжавшуюся, какъ будто для внезапнаго удара, фигуру Рымши и съ чувствомъ, похожимъ на то, что испытываетъ человѣкъ, внезапно сорвавшійся съ послѣдней опоры, за которую цѣплялся слабѣющими ногами, какъ-то неловко и робко, прямо вытянувъ ладонь, выставилъ свою.

Рымша схватилъ ее и разомъ заговорилъ что-то, чему-то засмѣялся, кажется, даже потрепалъ по плечу—можетъ быть, этого не было, но такое впечатлѣніе осталось у Попова. Онъ не слышалъ, что говорили ему, не понималъ, чему радуется Рымша, такъ какъ весь былъ поглощенъ его взглядомъ, холоднымъ, насмѣшливымъ и презрительнымъ, отъ котораго невозможно было оторваться.

Все это произошло въ какихъ-нибудь двѣ минуты, и когда онъ, наконецъ, понялъ и охватилъ то, что случилось,—Рымша уже сходилъ съ крыльца, оборачиваясь и приговаривая:

— Такъ-то, господинъ Поповъ!

И подмигивалъ лукаво, намекая на что-то, имъ теперь обоимъ извѣстное и общее.

У воротъ онъ еще разъ обернулся и крикнулъ:

— До свиданья, господинъ Поповъ!—съ особымъ выраженіемъ упирая на „господинъ Поповъ“.

Крендельщиковъ шепнулъ ему что-то, и онъ захохоталъ дерзко и довольно и громко выговорилъ:

— Пусть бы попробовалъ!..

Совершенно растерянный, уничтоженный и подавленный, Поповъ поплелся въ избу.

Но онъ не нашелъ въ себѣ силы войти туда, гдѣ были всѣ. Ему вдругъ представилась Римма—милая Римма!—и ея безсильный протестъ, ея непримиримость по отношенію къ становому, ея сердитыя, обиженныя слезы, выдавленныя глубокой обидой на то, что при всемъ желаніи, при всей твердости, она ничего не можетъ сдѣлать, ничѣмъ не можетъ проявить отпора. Поповъ почувствовалъ, что онъ потерялъ Римму, потерялъ навсегда, что никогда не осмѣлится онъ взглянуть на нее, на эту дѣвушку, которую такъ робко любилъ онъ.

Онъ вспомнилъ случайно подслушанныя слова Рымши о ней (неясно онъ помнилъ ихъ все время съ начала столкновенія на крыльцѣ, но ярко, выпукло, такъ что почувствовалъ всю безъисходную тоску свою, вспомнилъ ихъ только теперь), и душный, давящій стыдъ смутнаго предательства

чистой, любимой дѣвушки ударилъ тупо и твердо въ голову.

Онъ застоналъ отъ боли и, заплетаясь подгибающимися ногами, пошелъ къ двери, съ тѣмъ чтобы выйти на дворъ, потомъ въ сарайчикъ и тамъ, надъ дверью направо, поискать что-то важное, нужное сейчасъ, сію минуту, но когда хотѣлъ выйти—дверь закрылъ своей фигурой урядникъ.

— Не приказано! - коротко сказалъ онъ, исподлобья глянувъ на Попова.

— Мнѣ выйти надо...—растерянно проговорилъ Поповъ.

— Выпущать не приказано... До допросу!—угрюмо повторилъ урядникъ и схватился за открытый кобуръ револьвера.

Поповъ двинулся, совсѣмъ не думая ослушаться, но урядникъ, которому побѣгъ Горна грозилъ многими бѣдами, сердитый на всѣхъ и все и боявшійся новыхъ осложненій съ ссыльными, выхватилъ револьверъ и, махая имъ передъ Поповымъ, закричалъ пронзительно и испуганно-злобно:

— Стрѣлять буду, не приказано, нельзя, стрѣлять буду!

Поповъ попятился, И въ полномъ безсиліи, раздавленный всѣмъ случившимся, упалъ на стоявшую тутъ же въ сѣняхъ койку.

Такъ пролежалъ онъ, пока не пришелъ другой урядникъ и стражникъ съ разбитымъ лицомъ, все время сплевывавшій кровь изъ выбитыхъ зубовъ, и они не взяли его на допросъ.

Машинально, безъ мысли, онъ пошелъ за ними. Потомъ вернулся и опять легъ и не слышалъ, какъ тѣ же урядникъ и стражникъ долго препирались съ Шутовымъ.

— Приказано, никакъ нельзя!—кричалъ урядникъ.

— Я не пойду! - спокойно заявлялъ Шутовъ.

— Никакъ нельзя, потому приказано!—растерянно убѣждалъ урядникъ, не знавшій, что дѣлать въ подобныхъ случаяхъ.

— А я все таки не пойду, хоть и приказано,—неизмѣнно отвѣчалъ Шутовъ.

— Чего тамъ - бери!—бросилъ тотъ, что стоялъ часовымъ у двери.

Шутовъ посмотрѣлъ на него и такъ же коротко бросилъ:

— Попробуй...

Стражникъ и урядники посмотрѣли на его руки, на огромную фигуру, помялись и отступили.

— Не йдетъ!—доложили они становому.

— А чортъ съ нимъ, довольно и этого, что былъ!—

махнулъ рукой становой, которому надоѣло возиться со всѣмъ этимъ,—погоню-то послали?

— Такъ точно, ваше высокородіе, еще утромъ послана... Горленскій урядникъ, два стражника и мужиковъ пять человѣкъ.

— Ну и ладно!..

X.

Торнъ шелъ быстро. Когда онъ вышелъ за поселокъ и, еще чувствуя своей рукой прикосновеніе большой и сильной руки Шутова, оглянулся на него, то ничего не увидѣлъ. Тьма плотной стѣной стояла у самаго лица, и Шутовъ, отъ котораго онъ не могъ отойти далеко, пропалъ въ ней, словно растаялъ.

Торнъ хотѣлъ крикнуть ему, чтобы онъ шелъ къ Аннѣ, но махнулъ рукой и пошелъ дальше. Понемногу глаза привыкли къ мраку, и ночь стала казаться не такой уже темной, какъ раньше. Намѣтилась тусклой сѣрой полосой дорога, низкіе, разросшіеся больше въ ширь, чѣмъ вверхъ, кусты темными пятнами сѣли по краямъ ея, и вдали, особенно пригнувшись немного или присѣвъ, можно было различить смутную полосу горизонта. Небо было чуть-чуть свѣтлѣе черной земли.

— Свѣтаетъ,—подумалъ Торнъ и пошелъ быстрѣе.

Идти было неудобно въ набухшемъ водою озямѣ, твердомъ и тяжеломъ, какъ желѣзная броня; огромные сапоги, притащенные Селюженковымъ, были слишкомъ велики, и, несмотря на нѣсколько паръ онучъ, на шерстяные чулки, даже на сѣно, которое Селюженковъ для мягкости напихалъ въ нихъ, они болтались на ногѣ за каждымъ шагомъ, и тамъ, гдѣ было пришито голенище къ твердому, какъ дерево заднику, назойливо и больно терли.

Сильно мѣшалъ идти еще мѣшокъ, давившей тесьмой плечо. Въ немъ были положены только самыя необходимыя вещи, сухари, котелокъ, немного крупъ и вяленая рыба, но онъ былъ тяжелъ и неудобенъ, и отъ мысли, что его нельзя сбросить, становился какъ будто еще тяжелѣе.

Отойдя верстъ шесть, Торнъ присѣлъ прямо на сырую дорогу и попробовалъ перевѣсить мѣшокъ на другое плечо. Рукава озяма были нелѣпо длинныя, самъ онъ гнулся туго и все путался полами, и Торнъ, перевѣшивая мѣшокъ, усталъ больше, чѣмъ отъ ходьбы. Потомъ онъ опять пошелъ.

Стало, какъ будто, еще свѣтлѣе. Сомнѣній не было—приближался разсвѣтъ, еще далекій, мутный и долгій, но ночь

уже измѣнилась. И въ небо, и въ землю вошелъ сѣрый холодъ. Онъ стлался по ровнымъ болотамъ туманомъ безъ тѣней и переходовъ, скучно и однообразно.

Отъ того, что со времени ухода изъ поселка онъ не слышалъ ни одного звука, кромѣ привычнаго шарканья своихъ шаговъ, и слова Шутова стояли въ ушахъ, какъ будто онъ только что сказалъ ихъ, Торну казалось, что прошелъ онъ очень немного. Онъ боялся подумать, что скоро уже наступитъ день, какъ боялся и гналъ мысли объ Аннѣ, оставшейся въ поселкѣ, брошенной имъ и даже обманутой, о своемъ полутораставерстномъ пути, который ему надо было пройти до колоніи ссыльныхъ, о тяжести, давившей плечо сумки, о натиравшемъ ногу сапогѣ.

Онъ старался думать о томъ, что, обойдя старой болотной гатью лѣсъ, онъ долженъ встрѣтить большую майну, окнище чистой отъ болотной поросли воды—мѣсто, гдѣ затонула, прорвавшись сквозь мохъ и ряску, гать,—и сразу направо, примѣтная только по чистой водѣ узенькой канавой, уходящей въ мохъ, будетъ тропка.

Этой тропкой надо было пройти тридцать слишкомъ верстъ тундры—самое узкое мѣсто ея здѣсь, вдавшееся косой въ твердый берегъ. Это была самая трудная часть пути. Вторая трудность—рѣка. Но черезъ нее можно было перебраться воровскимъ путемъ, укравъ ночью лодку у прибрежныхъ сельчанъ.

Свѣтало больше, и то, что казалось прежде туманомъ, теперь превратилось въ мелкій, какъ пыль, дождь, беззвучный и почти невидимый, осѣдавшій влагой на платьѣ, на лицѣ, на бородѣ. Онъ скопился на горизонтѣ сизой тучей и соединилъ ею небо и землю, такъ что болото уходило въ него, и нельзя было разсмотрѣть черты, гдѣ оно кончается.

Торнъ оглянулся—и ему стало жутко. Не было привычной грани горизонта, и маленькая жалкая фигура его стояла въ центрѣ огромнаго, безконечнаго, незамѣтно переходящаго въ сѣрое низкое небо круга, плоскаго, однообразнаго и сѣраго. Трудно было вообразить, что гдѣ-то тамъ, за этой плотной, непроницаемой завѣсой приникшей къ болоту тучи, есть твердая земля, живутъ люди, есть, вообще, что-то другое, не эта ровная и зыбкая поверхность.

Онъ шелъ, стараясь не терять силъ излишней торопливостью движеній, ровно и споро, не обращая вниманія на оттягивавшій плечо мѣшокъ и натиравшій ногу твердый задникъ сапога.

Встрѣтилось одно окнище чистой воды, Торнъ обошелъ его; другое обойти было уже труднѣе. Перемочившись, раза два черпнувъ воды въ голенище, онъ перебрался и че-

резъ эту полынью и пошелъ дальше. Вода была очень холодная, и чтобы согрѣться, онъ шелъ, широко размахивая руками.

Наконецъ, дорогу преградило третье окно, и такое большое, что перебраться черезъ него нельзя было и думать. Кое-гдѣ, ближе къ этому краю, изъ воды торчали концы осклизлыхъ, позеленѣвшихъ и поросшихъ мхомъ бревенъ затонувшей гати, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже, потомъ чистое пространство, потомъ мохъ, узкими мысиками, какъ щупальцами, вдававшійся въ чистое пространство воды.

— Должно быть, эта!—подумалъ Торнъ и сталъ искать тропки, похожей на канавку.

Ихъ было много, и нельзя было отличить, которая настоящая. Раза два Торнъ пробовалъ ступить, но нога уходила глубоко въ вязкій, сосущій мохъ, не встрѣчая твердой опоры. Онъ стоялъ въ нерѣшительности, стараясь разглядѣть, которая изъ канавокъ шла дальше.

Отъ того, что онъ не спалъ ночь, или отъ непривычной ходьбы, въ вѣкахъ было такое ощущеніе, какъ будто глаза засыпаны пескомъ. Была довольно сильная рѣзь, и все время шла слеза, туманившая взоръ, которую надоѣдало вытирать.

Наконецъ, онъ выбралъ одну изъ тропокъ, ощупалъ ее палкой, и ему показалось, что палка стукнула о что-то твердое. Онъ ступилъ на эту тропу, нога ушла выше колѣна и въ сапоги съ бульканьемъ полилась вода, такая холодная, что кости заныли. Но, дѣйствительно, внизу было твердо, хотя и относительно: нельзя было стоять на мѣстѣ, надо было идти, потому что ступню засасывало медленно, но неуклонно. И каждый разъ, какъ онъ дѣлалъ шагъ, сзади подымались мутные пузыри и долго неподвижно плавали на водѣ. Онъ оглянулся разъ и увидѣлъ ихъ длинную жемчужную цѣпь на зеленой ржавой водѣ.

Такъ онъ шелъ долго-долго, до того, что спину начало ломить, и ногъ совсѣмъ не было слышно отъ холода и усталости. Онъ ничего не думалъ въ это время, потому что думать было страшно—новое чувство, котораго никогда не испытывалъ онъ прежде, наложенное на него замкнутымъ кольцомъ пустыни; но когда онъ посмотрѣлъ на часы, пожертвованные ему товарищами, онъ чуть не вскрикнулъ отъ горькаго изумленія: съ того момента, какъ онъ вступилъ на тропку, прошло всего сорокъ минутъ.

Онъ приложилъ часы къ уху, они шли и неторопливо и дѣловито съ чуть уловимымъ звономъ выстукивали секунды.

Это было странно слушать черные стальные часы, такіе

дѣловитые и корректные, помнящіе фабрики и заводы, мастерскія и людей, въ сѣрой, мертвой пустынѣ. Они были какъ живые—равнодушный, непроницаемый товарищъ, которому все равно гдѣ отбрасывать секунды—въ пустынѣ или въ городѣ, въ жизни или смерти.

Онъ подумалъ немного, опустилъ опять часы за воротъ и пошелъ дальше.

Онъ шелъ, наклонивъ голову, упирая плечами впередъ, согнувшись такъ, какъ будто пробивался сквозь густую стѣну заросли.

Онъ переставлялъ ноги, съ упорствомъ вытягивая ихъ изъ засасывавшей тины и налегая на каждый шагъ упрямо и точно со злобой.

Къ полдню онъ захотѣлъ ѣсть и подумалъ о томъ, что хорошо бы вскипятить въ чугункѣ воду. Но, несмотря на то, что это можно было сдѣлать, привалившись на одну изъ зыбкихъ, качающихся, какъ неустойчивый плотъ, кочекъ, поросшихъ чахлой, сѣрой, какъ посыпанной пепломъ, сосной, онъ не рѣшился этого сдѣлать: ему казалось, что онъ отошелъ еще недостаточно далеко.

Онъ пообѣдалъ размоченнымъ въ водѣ сухаремъ, но не могъ преодолѣть имъ металлическаго вкуса во рту. И едва съѣлъ половину сухаря, какъ ѣсть уже не хотѣлось. Онъ пошелъ дальше.

Та влажная пыль, что сыпалась съ разсвѣта, теперь окрѣпла въ настоящій дождь—мелкій, но какой-то убористый, проникавшій за воротъ, напитавшій собою озямъ, отчего онъ сталъ еще тяжелѣе. Онъ мочилъ лицо, скатывался подъ брови къ глазамъ и ползъ живыми, щекочущими струйками по щекамъ, какъ слезы.

Но онъ шелъ, съ тупымъ упрямствомъ переставляя ноги и послѣдовательно налегая всѣмъ отяжелѣвшимъ тѣломъ то на ту, то на другую. И казалось, что съ каждымъ шагомъ идти все труднѣе, потому что плечи давила невыносимая тяжесть, грудь давила тесьма отъ мѣшка, а во рту была колющая сухость. И оттого, что тяжелый мѣшокъ оттягивалъ плечо и давилъ грудь, казалось, глаза выдавливались изъ орбитъ и горѣли болѣзненнымъ напряженіемъ, такъ что слышно было, какъ въ нихъ или около нихъ пульсируетъ кровь.

Передъ вечеромъ случилось небольшое происшествіе. Уже протянулся по плоской пустынѣ сумракъ, и тотъ кругъ, въ центрѣ котораго былъ человѣкъ, сузился, когда покрытая водою тропинка, по которой онъ шелъ, раздвоилась. Одна шла мягкими извилинами налѣво, другая—направо Онъ не могъ отчетливо размотрѣть, но, повидимому, эта правая загибалась дальше крутой излучиной еще сильнѣе

вправо и исчезала въ сумракѣ, сливаясь съ сѣрыми мхами. Онъ пошелъ по лѣвой, и нога ощупала нѣчто похожее на затонувшія бревна. Иногда они стояли тычкомъ, и онъ спотыкался объ нихъ, иногда уходили подъ ступней покорно и мягко, какъ клавиши.

Разъ, зацѣпившись онѣмѣвшей ногой за стоячее бревно, онъ попалъ другою на плавучее и упалъ. И, барахтаясь въ водѣ, понимая, что его никто не можетъ услышать, все же закричалъ пронзительно и страшно, не въ силахъ превозмочь ужаса безпомощности.

Но онъ быстро овладѣлъ собой, опять сталъ на ноги, весь мокрый по шею, задыхающійся отъ тяжести и усилій. Укрѣпившись на скользкой балкѣ, онъ сдѣлалъ провѣрку себѣ.

Шапка при паденіи упала, и теперь ее нельзя было найти. Мѣшокъ намокъ, и, сунувъ въ него руку, онъ нащупалъ мокрую осклизлую рыбу, подмоченные сухари и разлѣзающуюся бумагу, въ которую была завернута крупа. Онъ вытянулъ за шнурокъ изъ-за ворота рубахи часы и послушалъ ихъ. Они были тоже мокры и стояли...

Тогда онъ почувствовалъ огромное одиночество, плотнымъ кольцомъ охватившее его, налегшее на плечи, на руки, ставшее за спиною молчаливо и выжидательно.

Спокойный, дѣловитый товарищъ умолкъ, и теперь онъ былъ совсѣмъ одинъ.

Онъ порывисто пошелъ впередъ—и опять упалъ, бросился въ сторону и сталъ тонуть. И, задыхаясь, захлебываясь горькой ржавой водой, раза два окунувшись съ головою, выбрался опять на тропинку и, напрягая послѣднія силы, пошелъ назадъ.

Но тутъ произошло непонятное. Онъ шелъ назадъ, онъ это отлично помнилъ и долженъ былъ выйти къ тому мѣсту, гдѣ тропинки сливались въ одну, по которой онъ дошелъ до ихъ раздвоенія, но когда онъ уже думалъ, что сейчасъ увидитъ эту тропу—передъ нимъ та, по которой онъ шелъ, раздѣлилась на двѣ точь въ точь такъ же, какъ та, главная.

Это его поставило въ тупикъ, и онъ долго думалъ у мѣста раздѣленія. И, такъ какъ прежде онъ пошелъ налѣво, то теперь, чтобы попасть на главную тропу ему опять, казалось, слѣдовало свернуть влѣво. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ наткнулся опять на раздѣленіе.

Ясно было, что онъ заблудился въ странномъ перепутывающемся лабиринтѣ раздваивающихся тропинокъ. Уже теряя силы, но все еще удерживаясь отъ отчаянія, онъ сталъ поворачивать направо и налѣво, уже не думая, не сообра-

жая, повинуясь только слѣпому инстинкту, заставлявшему идти безъ остановки.

Онъ зналъ, что разъ остановится хоть на одну минуту, ему уже не сдѣлать будетъ ни шагу.

Когда силы его совсѣмъ оставили, онъ упалъ грудью на колыхнувшуюся подъ нимъ кочку и замеръ.

Онъ задремалъ или впалъ въ обморокъ, и когда очнулся, не могъ бы сказать, нѣсколько минутъ, часъ или три часа пробылъ въ такомъ состояніи. Очнулся онъ отъ нестерпимаго озноба, колотившаго все тѣло порывистой судорожной дрожью. Ноги были въ водѣ и ныли тягучей зудящей болью. Казалось, эта ледяная, никогда не отогрѣвающаяся вода, пронизывала тѣло насквозь, какъ ветхую тряпку, проходила сквозь кожу, мускулы, сухожилія и знобила самыя кости.

Онъ попробовалъ подобрать ноги, но кочка закачалась, перекрученная сосенка на ней затрепетала, вся эта ничтожная, зыблющаяся опора его ослабѣвшаго тѣла грозила уйти въ воду.

Онъ оставилъ ноги въ томъ же положеніи и оглянулся напряженными, вылѣзающими изъ орбитъ глазами.

Сумракъ легъ на болото, но оно не измѣнилось отъ этого. Было такое же ровное и сѣрое, и такъ же нельзя было отличить, гдѣ востокъ и гдѣ западъ.

Тогда странное ощущеніе овладѣло имъ. Онъ зналъ, что лежитъ на этой кочкѣ недавно, всего съ наступленія темноты, но была какая то оборотная сторона сознанія, другая плоскость его, по которой ему представлялось, что онъ лежитъ на этой пахнущей влажнымъ мхомъ кочкѣ безконечно долго, не часы и не дни, а цѣлые мѣсяцы, можетъ быть, годы. Онъ отлично помнилъ вчерашній день, но какая-то прозрачная и холодная грань, какъ стеклянная стѣна, стала между этимъ воспоминаніемъ и тѣмъ, что теперь съ нимъ было, и все оставшееся въ поселкѣ: жена, товарищи, самый поселокъ, производило такое впечатлѣніе, какъ эпизоды далекаго дѣтства.

И все это потеряло остроту важности, и онъ равнодушно вспоминалъ, что, уходя, онъ обманулъ Анну, не сказавъ ей, что уходитъ совсѣмъ.

Снова нашло забытье, и покорно онъ отдался ему.

Какъ въ первый разъ онъ очнулся отъ холода, такъ теперь его разбудила жажда, поднявшаяся отъ нестерпимаго жара.

Съ усиліемъ онъ открылъ глаза и тотчасъ же закрылъ снова. Все тѣло горѣло сухо и непріятно, и все хотѣлось

скорчиться или вытянуться, и никакъ нельзя было найти покойнаго положенія.

Онъ разстегнулъ воротъ, распахнулъ озямъ и прилегъ пылающей сухой кожей къ мокрому, холодному мху кочки.

Со странной чувствительностью ощущалъ онъ мелкія твердыя листочки ягодника, колкіе прутики и прохладную влажность мха. Онъ сдѣлалъ усиліе и заставилъ себя подумать:

— Я боленъ.

Отъ этого усилія, такъ же, какъ и отъ влажности мха, къ которому приникъ онъ, голова прояснилась. Но что-то измѣнилось въ ней или во всемъ его существѣ, потому что думалъ онъ не такъ, какъ прежде. Онъ замѣтилъ странность, ничуть его не удивившую, но новую.

Думалъ въ одно время и тотъ Торнъ, что лежалъ грудью на кочкѣ съ опущенными въ воду ногами, затерянный въ безконечномъ одиночествѣ, и другой, который какъ бы взлетѣлъ надъ тундрою, надъ поселкомъ, надъ всею землею и смотрѣлъ оттуда съ новымъ таинственнымъ изумленіемъ и новой всеобъемлющей скорбью на дѣла и жизнь людей.

Ему были видны тщетныя усилія крохотнаго человѣчка, какъ раздавленный червякъ, корчащагося среди болота, свершить что-то, чего-то достичь, о чемъ-то сказать.

Онъ видѣлъ его сидящаго въ тюрьмѣ, въ узкой и высокой, какъ квадратный стаканъ, камерѣ, съ электрической лампочкой у потолка и окномъ вверху стѣны, подчиняющагося не своей волѣ и желаніямъ, а волѣ и желаніямъ тѣхъ, кого онъ никогда не видѣлъ. Ему приносили ѣсть не тогда, когда онъ хотѣлъ, а когда по расписанію наступало время обѣда, его пускали гулять въ крохотный, какъ темница, дворикъ, надъ которымъ вмѣсто лампочки былъ клокъ сѣраго неба, не тогда, когда онъ хотѣлъ, а когда наступалъ назначенный никогда не гулявшими въ такихъ дворикахъ людьми часъ; его не выпускали, держали запертымъ, заключеннымъ.

Потомъ тюрьма раздвинулась — и сѣрыя, поросшія чахлой сосной, стѣны легли вокругъ поселка съ дикими, грубыми и злыми людьми. Но это была та же тюрьма, и такъ же нельзя было никуда податься, нельзя было заняться тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ, нельзя было жить такъ, какъ нравилось.

— Допустимъ,—шепталъ корчившійся внизу Торнъ, подавленный безпощадностью того, который скорбно и спокойно смотрѣлъ на землю сверху,—допустимъ, я достигну того берега, мнѣ удастся уйти, пробраться сквозь тысячи препятствій, добраться до города. Допустимъ, я живу уже въ немъ — но что это за жизнь! Вѣчная боязнь, вѣчный страхъ быть пой-

маннымъ, вѣчное прятанье отъ городовыхъ, отъ шпіоновъ, отъ знакомыхъ! Та же тюрьма, ограниченная узкимъ кругомъ дѣла, которому служишь и не можешь не служить, ибо у тебя не можетъ быть никакого другого дѣла, съ крохотнымъ кружкомъ лицъ и крохотнымъ кругомъ интересовъ, крохотной части дѣла...

— Тюрьма, тюрьма! — прошепталъ онъ въ отчаяніи и, опомнившись, добавилъ:

— Я слабѣю!

Но тотъ, что былъ безконечно выше его, печально усмѣхнулся его непониманію и вымолвилъ:

— Ты крѣпнешь...

Онъ подумалъ немного и не согласился.

— Допустимъ, — говорилъ онъ черезъ минуту, — допустимъ, что ничего бы этого не было. Но развѣ возможна увлекательная, прекрасная жизнь, когда вездѣ грубость, жестокость и злость, вездѣ насиліе и рабство, ужасъ и страхъ? Жить надо съ вдохновеніемъ, съ восторгомъ, благословеніемъ, принимая все, что даетъ она жизнь; а кругомъ— грязь, кругомъ пошлость, кругомъ злость необъятная, и такъ перепутались, скомкались и переплелись отношенія человѣческія, что надо обманывать любимыхъ людей, какъ онъ Анну, надо лгать, изворачиваться, прятаться, на каждомъ шагу опасаться, каждое мгновеніе страдать...

Такая жизнь, жизнь безъ восторга, безъ вдохновенія — ремесло, и можно дѣлать самое высшее, самое прекрасное съ чувствомъ неизбѣжности, необходимости, съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ которымъ ремесленникъ шьетъ неизбѣжные для его куска хлѣба башмаки!

При всѣхъ усиліяхъ, при всѣхъ жертвахъ, при всей безпощадности къ себѣ и другимъ, безпощадности къ любимымъ, онъ ничего, ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что Анна умретъ отъ ужаса жизни безъ него, всѣмъ ссыльнымъ станетъ тяжелѣе бороться съ озлоббенными его побѣгомъ полицейскими и мужиками, а онъ самъ издохнетъ ненужно и безполезно, какъ раздавленный червь среди угрюмыхъ болотъ!..

Жизнь груба и ужасна, жизнь страшна и безпощадна, она слѣпа, глуха и безсознательна, какъ поступки сумасшедшаго, и для нея искреннее, пылающее сердце—не ко двору! Оно мѣшаетъ грубой силѣ ея, оно явилось слишкомъ рано!

Отъ этого умираютъ безвременно лучшіе: отъ чахотки, отъ тоски, отъ переутомленія, отъ петли, отъ грубости дикой силы...

— Тюрьма, тюрьма! — простоналъ Торнъ, падая лицомъ въ мокрый, пахнущій сыростью и плѣсенью мохъ.

И вся огромная земля съ милліонами людей представилась ему огромной тюрьмой.

Это было такъ горько, такъ оскорбительно больно, что Торнъ заплакалъ.

И опять забытье прозрачной дремотой охватило его.

Бѣлыя, твердыя, какъ металлъ, сверкающія и слѣпящія, тѣ же самыя тундры развернулись безгранной гладью. Напряженный, тугой и хрупкій, какъ огромная глыба голубого льда, воздухъ стоялъ надъ нею — беззвучный и сжавшійся, отдавшій подъ страшнымъ давленіемъ мороза всю влагу, какая была въ немъ. И солнце, низкое, свѣтлое, сверкающее, жестоко-веселое, пронизываетъ его серебряными стрѣлами.

Такъ безмолвно, страшно и мертво это сіяніе, что трудно вообразить это же самое солнце жаркимъ и высокимъ.

И, угрюмо-веселые, молчаливые, въ томъ же жестокомъ восторгѣ, какъ это солнце, этотъ морозъ, эта безгранная бѣлая гладь,—на легкихъ, игрушечныхъ нартахъ носятся изъ края въ край, закутанные, какъ звѣри, радостные молчаливой звѣриной радостью самоѣды.

Задравъ широкіе обледенѣлые храпы кверху, заложивъ тяжелыя рога на спину, летятъ, словно не касаясь твердаго, какъ ледъ, наста, олени, несутъ игрушечныя нарты и близкаго, сосредоточеннаго въ созерцательномъ восторгѣ, хозяина...

Такъ живо и ярко было это видѣніе, что Торнъ застоналъ отъ тоски невозможности быть такимъ угрюмо-веселымъ, по звѣриному радостнымъ и молчаливымъ, такъ связаннымъ съ морозомъ, бѣлой пустыней, запряженными въ нарту звѣрями и вольнымъ.

Опять знобило, и нижняя челюсть прыгала въ ознобѣ, ляскала зубами, и ее никакъ нельзя было удержать.

Нечеловѣческимъ усиліемъ поднялъ онъ тяжелыя, какъ каменныя, вѣки и оглянулся. Мертвымъ холодомъ пахнуло въ лицо тьма.

— Какъ, зачѣмъ, почему попалъ человѣкъ на мокрую колыхающуюся кочку посреди необозримаго болота? Что могло, какая сила, какая нечеловѣческая жестокость посмѣла бросить человѣка сюда!

Что случилось, почему, зачѣмъ онъ здѣсь?..

Не умомъ, не мыслью, не чувствомъ, а огромнымъ напряженіемъ всего существа своего онъ понялъ нѣчто.

Въ смертной скорби, уже застилавшей взоръ его воскликнулъ горестно:

— Такъ нельзя, такъ нельзя!..

И поникъ. Такъ пролежалъ онъ ночь и утро и не поднялъ головы, когда передовой сельчанинъ, шедшій головнымъ въ пробиравшейся по тропкѣ цѣпи другихъ мужиковъ, стражниковъ и урядниковъ, злобно и радостно ударилъ его бывшей въ рукахъ палкой.

XI.

Отъ Анны хотѣли скрыть, что Торна поймали и привезли обратно. Но она какимъ-то образомъ узнала это, порывалась встать съ кровати и бѣжать къ мужу, и ее приходилось держать силой.

Но послѣ истерики она какъ-то сразу успокоилась, замолчала и лежала неподвижно, свернувшись маленькимъ комочкомъ подъ одѣяломъ. Казалось даже, что она заснула, и чтобы не мѣшать ей, всѣ вышли изъ избы, кромѣ дежурившей около нея Риммы.

Такъ какъ опасались дурныхъ послѣдствій нервнаго потрясенія, то рѣшили не оставлять ее совсѣмъ одну, а раздѣлились на дежурства: сначала Римма, потомъ Попогъ, потомъ Шутовъ...

Римма сѣла въ темный уголокъ и чутко дремала, изрѣдка подымая голову и посматривая на Анну. Окна были завѣшаны, но все же въ избѣ было достаточно свѣтло, чтобы видѣть каждое движеніе лежавшей на кровати.

Послѣ тревожнаго дня, безсонной ночи, когда пришлось возиться съ безпокоившейся все время Анной, въ ушахъ Риммы все время стоялъ непрерывный шумъ, похожій на шумъ вѣтра въ старомъ саду, когда старыя корявыя яблони гнутся и мотаютъ вѣтвями, небо сѣро и грозитъ дождемъ.

Закрывая глаза, Римма воображала этотъ садъ, какого она никогда не видала, и ей становилось холодно. И долго вслушиваясь въ однообразный, ровный гулъ, она начинала чувствовать что-то похожее на тошноту.

Тогда она отрывала глаза съ усиліемъ и болью въ вискахъ и взглядывала на Анну. Первое время ощущеніе тошноты проходило, но была непріятна дрожащая дымка, застилавшая все, что было передъ глазами; потомъ дымка таяла, она видѣла, какъ слѣдуетъ, но за то опять подымалась тошнота. Тогда она закрывала глаза.

Это раздражало и безпокоило, и она знала, что избавиться отъ этого можно только движеніемъ, дѣломъ, когда некогда сосредоточиваться на себѣ и некогда вслушиваться въ этотъ томительный шумъ. Но надо было сидѣть на

мѣстѣ, потому что Анна дремала, и всякое движеніе могло потревожить ее.

Сидя въ уголку, то закрывая, то открывая глаза, Римма въ одно и то же время и представляла себѣ огромный, незнакомый садъ со старыми, подпертыми со всѣхъ сторонъ, какъ старухи костылями, палками, и думала о Торнѣ, о Шутовѣ, о Поповѣ. О себѣ она не думала, потому что считала недостойнымъ человѣка посвящать много времени себѣ, и отвыкла отъ этого.

Она жалѣла товарищей потому, что любила ихъ, возмущалась кинувшими ихъ въ такую жизнь условіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тихая, странная радость, похожая на глубокій и тайный восторгъ, волновала ее при мысли о всѣхъ страданіяхъ, выпавшихъ на долю этой кучки людей. Было что-то оправдывающее въ ея глазахъ эти страданія, что-то, чего она не могла даже себѣ точно выяснить, то самое, что заставляло ее съ восторгомъ любоваться братомъ, поднявшимъ огромное страданіе и знавшимъ, что онъ поднимаетъ его, гордиться Шутовымъ, противопоставлявшимъ этому страданію свою силу, добродушіе и твердость, любить Анну, пошедшую для страданія за Торномъ въ ссылку, на боль и, можетъ быть, смерть, и нѣжно жалѣть Попова, который не выдерживалъ всей падавшей на него тяжести, жалѣть не за страданіе, не за боль, выносимую имъ, а именно за то, что онъ не можетъ найти въ себѣ силы вынести гордо этого страданія и этой боли.

— Должно быть, — думала Римма, спуская вѣки и откидывая голову къ стѣнѣ,—должно быть, чѣмъ больше муки, чѣмъ больше боли, униженія и скорби, тѣмъ крѣпче правда... Она, какъ сталь — въ огнѣ пріобрѣтаетъ твердость и упругость... Поповъ! Онъ такой добрый, такой хорошій и такой слабый!

Она съ удовольствіемъ представила себѣ Попова и подумала о томъ, какъ жаль, какъ безконечно жаль, что онъ не можетъ стоять гордо и твердо, что онъ слабѣетъ и готовъ упасть. Но поймавъ себя на мысли о Поповѣ, пробуждавшемъ въ ней теплое чувство, отъ котораго хотѣлось улыбаться, она внутренне смутилась: она знала, что никто не можетъ узнать ея мысли, но то, что будила эта мысль, было ненужно, лишне и, какъ ей казалось, унижало человѣка.

Она открыла глаза и, по привычкѣ, взглянула на Анну. И разомъ встала.

Анна сидѣла на постели и тревожно и пристально смотрѣла на нее. Какъ она поднялась,—Римма совершенно не слышала и не могла понять этого. И едва только Анна замѣтила, что Римма видитъ ее,—она засмѣялась напряженно

и заискивающе, скользнувъ глазами по ея лицу, и тотчасъ же снова опустилась на подушки.

— Ты что, Анна? — спросила Римма, уже подозрѣвая что-то.

— Я такъ, ничего, устала лежать, присѣла,—проговорила Анна и опять виновато и мелькомъ взглянула на нее.

Она говорила съ тѣмъ неискреннимъ равнодушіемъ, съ какимъ напроказившіе и желающіе обмануть дѣти лгутъ, увѣренные, что имъ все равно не повѣрятъ.

Римма пристально поглядѣла ей въ глаза. Ихъ трудно было поймать, потому что они все время бѣгали, безпокойно и съ кажущимся равнодушіемъ, но когда она уловила ихъ взглядъ,—она тихо дрогнула. Они были лживые, скрывающіе глаза, виноватые и этимъ выраженіемъ напоминающіе глаза провинившейся собаки, надъ которой занесли хлыстъ, но гдѣ-то въ глубинѣ ихъ, въ самомъ зрачкѣ, сузившемся до размѣровъ крохотной точки, стояло неподвижное и мертвое, отъ чего вздрогнула Римма.

За хитрымъ, шкодливымъ выраженіемъ, глубоко затаившись въ черной точкѣ, стояло безуміе. Незамѣтной, скрытой паутиной легло оно по всему лицу, — тронуло тайной, знающей усмѣшкой губы, легло въ мягкихъ морщинахъ около нихъ, притаилось гдѣ-то около глазъ...

Можетъ быть, это казалось только Риммѣ, но все же это было страшно.

Анна закрыла глаза и лежала неподвижно, какъ будто дремала.

Римма вернулась на свое мѣсто и опять сѣла, рѣшивъ не засыпать. Одинъ моментъ ей показалось, что лѣвая бровь Анны, видная ей, слабо дрогнула, и глазъ чуть-чуть, почти неуловимо пріоткрылся. И въ то же время около губъ скользнула снова тѣнь хитрой, знающей улыбки... Но было это на самомъ дѣлѣ, или только показалось?.. Лицо было спокойное, дремотное и строгое, какъ всѣ лица настрадавшихся людей, когда закрыты глаза.

Послѣ Риммы, съ Анной сидѣлъ Поповъ, потому что Шутовъ ушелъ объясняться со становымъ относительно пособія. И въ это время явились два урядника арестовать Римму. Старый полицейскій зналъ, что самое удобное время для ареста, когда онъ говоритъ и споритъ съ сѣдымъ человѣкомъ—меньше возни и ссоры,—послалъ урядниковъ какъ разъ, когда занималъ Шутова всяческими обѣщаніями.

У него не было приказанія свыше доставить въ столицу вмѣстѣ съ Торномъ и Римму, но онъ зналъ, что они сосланы по одному дѣлу, что Римма—сестра Торна, и, на всякій случай, рѣшилъ арестовать и ее.

Поповъ ничего не могъ сдѣлать противъ ареста. Онъ ходилъ съ тѣмъ видомъ, который бываетъ у людей, упорно задумавшихся надъ чѣмъ-то; не обращалъ совершенно вниманія на происходившее кругомъ и сидѣлъ возлѣ Анны въ глубокой задумчивости.

Если бы та спокойно встала и вышла изъ избы, онъ, вѣроятно, не замѣтилъ бы этого.

Въ этотъ день утромъ Поповъ, сшивая разодравшуюся отъ ветхости рубашку, замѣтилъ у себя на тѣлѣ какія-то прыщи; возможно, что они появились отъ нечистоты, отъ грязнаго бѣлья, отъ того, что спалъ онъ, не раздѣваясь, но возможно, что это было первое проявленіе уже развивающейся въ немъ болѣзни.

Какъ узнать, какъ выяснить это?

Сидя возлѣ Анны, онъ часто выходилъ въ сѣни, потомъ на дворъ, выбиралъ какой-нибудь уголъ и, раскрывъ на груди рубашку, всматривался въ эти прыщи. Потомъ опять шелъ, вздыхая, назадъ, и ему казалось, что у него уже нечистое дыханіе, что болитъ поясница, что на спинѣ, навѣрное, есть такіе же большія красныя пятна, какъ у Селюженкова.

Никогда не жалѣлъ онъ такъ объ отсутствіи зеркала, какъ въ это время. Если онъ боленъ, то уже, навѣрное, на деснахъ появились папулы, а безъ зеркала ихъ нельзя было разсмотрѣть.

Онъ бралъ вываливающійся изъ разбитаго окна треугольный кусочекъ стекла, подставлялъ подъ него черный рукавъ тужурки, но въ это зеркало можно было видѣть только черный, будто вымазанный смолой абрисъ чужого незнакомаго лица и смутно бѣлѣющія зубы открытаго рта, но десенъ совсѣмъ нельзя было различить.

Шутовъ вернулся взволнованный. Съ Торномъ свиданія ему не удалось добиться, а, возвращаясь, онъ встрѣтилъ Римму между двухъ урядниковъ. Онъ понялъ, что ничего уже нельзя сдѣлать, и, вернувшись, только съ горечью сказалъ Попову:

— Вы-то, вы чего смотрѣли? Вѣдь поймите, поймите, наконецъ, странный человѣкъ, что покорствомъ и повиновеніемъ ничего нельзя выиграть! Вѣдь все равно смерть—такъ, иначе, все равно смерть, неужели вы не видите этого?!

Онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но махнулъ рукой и вышелъ. Поповъ вяло выслушалъ его. Уже ничто, казалось, не могло взволновать его, потому что между нимъ и всѣмъ окружающимъ протянулась тонкая завѣса, сквозь которую звуки долетали слабыми и разрозненными, и надо было употребить усиліе воли, чтобы связать изъ нихъ понятную рѣчь.

— Конецъ!—думалъ онъ, выдыхая воздухъ черезъ носъ,

гдѣ ему чудились уже зачатки гніенія, и въ этомъ короткомъ звукѣ для него соединялось все: и болѣзнь, и презрѣніе къ себѣ, и негодованіе Шутова, и страхъ, и жажда жизни.

Онъ пошелъ въ сарайчикъ, долго шарилъ надъ дверью подъ крышей, нащупалъ револьверъ,—старый, шестизарядный буль-догъ, когда-то никеллированный, а теперь мѣстами проржавѣвшій черными пятнами,—и, осторожно поворачивая барабанъ, провѣрилъ пули. Одно изъ шести гнѣздъ было пусто, а изъ пяти остальныхъ выжидательно и молчаливо торчали пять тускло поблескивавшихъ коническихъ носиковъ пуль.

Поповъ вспомнилъ, что этотъ револьверъ привезла Римма, съ изумительнымъ искусствомъ сохраняя его отъ обысковъ.

— Римма, ахъ, Римма!—прошепталъ онъ, чувствуя вмѣстѣ съ сладкимъ трогательнымъ волненіемъ горечь невознаградимой потери, о которой даже не смѣлъ жалѣть, — милая Римма!

Онъ спряталъ револьверъ въ боковой карманъ тужурки и пошелъ въ избу.

Анны не было.

Поповъ испугался было по старой привычкѣ, но тотчасъ же какъ-то опустился внутренно и перестатъ думать объ этомъ.

Шутова тоже не было, должно быть, убѣжалъ за Анной.

Когда становой уѣзжалъ,—онъ считалъ, что сдѣлалъ все и сдѣлалъ хорошо.

Торна пришлось положить въ телѣгу. Онъ былъ боленъ и все время горѣлъ жаромъ, кромѣ того, урядники и мужики, отправленные за нимъ въ погоню, избили его такъ, какъ избивали всѣхъ бѣглыхъ.

Когда его клали въ телѣгу, сквозь толпу пробилась Анна. Она была въ растрепанномъ, разстегнутомъ у ворота платьѣ, съ спутанными волосами и сверкавшими глазами.

Шутовъ нашелъ ее въ ту минуту, когда Торнъ, приподнявшись на локоть, лежа въ телегѣ, пытался улыбнуться женѣ. Но на разбитомъ, мѣстами черномъ отъ запекшейся и никѣмъ не обмытой крови лицѣ, эта улыбка вышла страшной.

Анна вскрикнула и бросилась къ мужу, но стражникъ грубо оттолкнулъ ее, и, сдѣлавъ нѣсколько неровныхъ шаговъ, она упала бы, если бы подоспѣвшій Шутовъ не подхватилъ ее.

Съ усиліемъ, уговаривая и временами борясь, онъ увлекъ ее домой. Съ полпути она такъ ослабѣла послѣ недавняго на-

пряженія, что онъ принужденъ былъ донести ее на рукахъ.

Послѣ этого у нея появилось сильное кровотеченіе. Шутовъ сразу понялъ, что начался конецъ Анны. Весь день до вечера онъ просидѣлъ возлѣ ея кровати, слушая, какъ въ поселкѣ шумѣли послѣ отъѣзда станового.

Онъ зналъ, что урядники и стражники, всѣ, кто имѣлъ возможность, привозили изъ города водку—драгоцѣнность въ поселкахъ. Должно быть, теперь шло пьянство въ компаніи съ оставленнымъ для наблюденія урядникомъ.

Вечеромъ прибѣжала дѣвочка, сосѣдка по старой избѣ. Она вызвала Шутова, кинувъ въ окно кусокъ земли.

— Худо, мужики худо думаютъ,—заговорила она, когда Шутовъ вышелъ за ворота (во дворъ дѣвочка ни за что не хотѣла зайти, несмотря на рискъ быть замѣченной на улицѣ),— гораздъ худо... Болтавши, бить пойдутъ, чтобы и духу ихняго, говорятъ, не было... Гораздъ худо!

— Ты отъ кого слышала?

— Всѣ говорили. Никитка стражникъ лается: изъ-за нихъ, баитъ, начальникъ четыре зуба вышибъ, мѣсячины рѣшусь, сгонитъ со стражниковъ... Онъ давно злобится, за что я къ тебѣ бѣгаю!

Она говорила быстро и не договаривала иногда окончанія словъ, такъ что понять ея торопливую рѣчь было нелегко.

— А ему-то что, что ты бѣгаешь?

— Всѣ злобятся—грѣхъ. А онъ меня за себя взять думаетъ, нашъ домъ богатый... Боится, ты научивши, чтобы не идти...

— Тебя били за то, что ты бѣгаешь?

Она отвернулась.

— А пусть!—шепнула она, упрямо мотнувъ головой,— пусть бьютъ. Я кориться не буду...

Шутовъ глядѣлъ на наморщенныя брови на грязномъ, загорѣломъ, странно-тонкомъ личикѣ, гдѣ смѣшивалось выраженіе дѣтства и пробуждающейся женственности, и ему захотѣлось сказать ей что нибудь ласковое и доброе.

Онъ подумалъ немного и сказалъ:

— У меня тамъ,—онъ махнулъ рукою въ сторону,—дочка осталась такая, какъ ты... Гляжу на тебя и вспоминаю ее.

Она посмотрѣла на него недоумѣло, какъ будто не понявъ, зачѣмъ онъ говоритъ это.

— Бѣжать хошь?—спросила она.

— Отсюда трудно убѣжать. Видѣла—одинъ нашъ попробовалъ...

— Онъ не зналъ, какъ...

— А ты знаешь?

Она опять посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

— Ты меня слухайся, я худого тебѣ не скажу. И этого, Давыдъ Иванова, слухайся, его мужики уважаютъ. Когда бъ онъ былъ тутъ, мужики не били-бъ.

Шутовъ подумалъ, что хорошо бы предупредить Селюженкова, но не зналъ, какъ. Онъ высказалъ это дѣвочкѣ.

— Я схожу. Я тропку тундрой знаю, скоро сбѣгаю.

— Тебя бить будутъ.

— А пусть!

Кто-то завозился возлѣ колодца: дѣвочка быстро, крадучись по стѣнѣ, незамѣтная, какъ кошка въ сумеркахъ, побѣжала прочь.

Шутовъ пошелъ домой.

Въ сѣняхъ на койкѣ лежалъ Поповъ, повернувшись лицомъ внизъ, и, повидимому, спалъ.

— Поповъ, вы спите?—окликнулъ Шутовъ.

Поповъ долго молчалъ. Наконецъ, не двигаясь, хриплымъ чужимъ голосомъ, котораго Шутовъ никогда не слыхалъ у него, отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Вамъ худо, вы нездоровы?

Онъ опять долго молчалъ. И такъ же, не двинувшись, по прежнему лежа лицомъ въ подушкѣ, сказалъ:

— Я здоровъ. Оставьте меня.

Шутовъ не выдержалъ.

— Послушайте, Поповъ,—сдержанно, но уже волнуясь и боясь дать волю этому волненію, заговорилъ онъ,—я все молчалъ и все смотрѣлъ на васъ, но, наконецъ, это невозможно. Я не говорю о томъ, что въ то время, когда всѣ работали, всѣ старались облегчить другъ другу жизнь, вы ничего не дѣлали и наводили на всѣхъ тоску своимъ видомъ. Я уже не говорю, что вы облѣнились и опустились, раскисли... вы простите меня, что я говорю вамъ это, было бы хуже, если бъ я это думалъ и не сказалъ бы вамъ, нося, такимъ образомъ, камень за пазухой,—да, вы облѣнились, опустились, раскисли до того, что на васъ противно смотрѣть. Это бы еще ничего, если бы все было, какъ прежде, но подумайте, заставьте себя подумать, вѣдь насъ теперь осталось всего трое, вы понимаете—трое, при чемъ не сегодня-завтра останется только двое, я уже вижу это... Подумайте, наконецъ, что простое чувство самосохраненія заставляетъ насъ сплотиться, стать опорой другъ другу. Неужели вы этого не хотите понять?

— Вѣдь подумайте,—продолжалъ, волнуясь все сильнѣе и сильнѣе, но сдерживая голосъ до шепота, такъ какъ бо-

ялся, чтобы ихъ не услышала Анна,—подумайте, странный вы человѣкъ, что сегодня намъ хотятъ устроить погромъ, и мы должны предпринять что-нибудь... Мы не одни, на нашихъ рукахъ женщина; больная! Невозможно же, право, проявлять свое участіе въ жизни только тѣмъ, что ѣсть, пить, спать и лежать на брюхѣ цѣлыми днями! Ну, чего вы лежите, чего вы раскисли, больны вы, что-ли?

Поповъ медленно поднялся и сѣлъ.

— Ну, что, вамъ нездоровится? Не хорошо?—уже жалѣя о томъ, что онъ обидѣлъ человѣка, можетъ быть, совсѣмъ незаслуженно,—спрашивалъ Шутовъ,—у васъ голова болитъ?

Поповъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него. Въ полутьмѣ нельзя было разглядѣть лица, но Шутову почему-то стало не по себѣ отъ этого невидимаго взгляда.

— Я не боленъ,—медленно проговорилъ Поповъ, снова опуская голову и какъ бы раздумывая надъ тѣмъ, что говорилъ,—я не боленъ, нѣтъ.

Онъ помолчалъ немного и добавилъ:

— Я не боленъ, а мертвъ.

— Какъ мертвъ, что такое?

— Такъ. Я умеръ. Меня нѣтъ—и ничего нѣтъ. Это одна только видимость, что я двигаюсь, хожу, говорю. Въ сущности, я мертвъ давно, и все живое мнѣ чуждо и непонятно, какъ живому трупъ.

— Что за вздоръ такой,—возмутился Шутовъ,—что вы еще выдумали?

— Это не вздоръ. Впрочемъ, какъ хотите.

Онъ подкорчилъ ноги, поднялъ ихъ на койку и легъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Послушайте, Поповъ, что съ вами такое?—спросилъ Шутовъ, но Поповъ лежалъ неподвижно и молчаливо, ничѣмъ не отзываясь на вопросъ.

Шутовъ постоялъ немного и пошелъ къ Аннѣ.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, со стороны поселка показалась толпа. Это была та шумная, безпорядочная, разсыпающаяся и путающаяся толпа, крикливая и буйная, какой всегда бываетъ толпа сильно пьяныхъ, злыхъ и темныхъ людей, въ обычной жизни угрюмыхъ и скрытныхъ, ищущихъ предлога обрушить на кого-либо пьяную злость.

Въ такой толпѣ неожиданно и безъ видимыхъ причинъ вспыхиваютъ драки, надъ нею столбомъ стоятъ ругательства, иногда просыпается полусознательный протестъ, долго таившійся въ трезвомъ человѣкѣ и неудержимо выливающійся въ дикія, нелѣпыя формы у пьянаго.

И въ этой толпѣ пѣсня мѣшалась съ ругательствомъ,

пьяная угроза со слезами, вспыхнувшій темный протестъ со смѣхомъ.

Пьяный урядникъ, въ заправленной въ штаны нижней рубахѣ, перетянутой ремнемъ, на которомъ болталась шашка, безъ шапки, съ одеревенѣвшимъ отъ водки лицомъ, былъ въ этой толпѣ. Онъ не предводительствовалъ ею, потому что не могъ уже ничего дѣлать, а только выкрикивалъ безсмысленную брань, принимался пѣть и, отчаянно и горько взмахнувъ рукою, обрывалъ пѣсню и шелъ, спотыкаясь, иногда всхлипывая неожиданной хмельной слезой, куда влекло его общее движеніе толпы.

Около него вертѣлся Рымша, присосѣдившійся къ даровой водкѣ и поддерживавшій качавшееся изъ стороны въ сторону начальство подъ локоть, а Крендельщиковъ шелъ сзади и бубнилъ что-то, чего нельзя было разобрать.

Предводительствовалъ толпою, насколько можно предводительствовать пьяными, безносый старичекъ, отецъ избитаго становымъ стражника. Онъ тоже былъ сильно пьянъ, но пьянъ особенно, злобно, свирѣпо, и именно злость еще поддерживала его обмякшія ноги, не позволяя падать и спотыкаться. Съ собою онъ тащилъ сына, окончательно размякшаго, заливавшагося неудержимыми слезами и бормотавшаго что-то про обиду, при чемъ никакъ нельзя было понять, въ чемъ, главнымъ образомъ, состояла она: въ томъ ли, что его избилъ становой, или въ томъ, что дѣвчонка Сибаевой семьи, которую онъ хотѣлъ взять за себя, бѣгаетъ къ сѣдому демону.

Толпа подкатилась къ воротамъ и толкнулась въ нихъ.

— Какъ есть на то приказаніе начальства и согласно конструкціи...—крикнулъ урядникъ и взмахнулъ рукою, но тотчасъ же опустилъ голову и задумался.

Ворота оказались запертыми, и этой неожиданностью первымъ возмутился безносый старикъ.

— Не по закону!—заоралъ онъ:—не по закону!

Онъ подскочилъ къ уряднику и сталъ тормошить его.

— Гляди, начальникъ, не по закону, зачѣмъ заперши? Не можно, такъ не дозволено, чтобъ заперши, гляди!—гнусилъ онъ, дергая его за рукавъ рубахи.

— Невозможно! — бормоталъ урядникъ:—согласно конструкціи во всякое время дня и ночи... Пр-ротоколъ!

Выдвинулся высокій, тощій сельчанинъ въ озямѣ и зимней шапкѣ. Въ темнотѣ онъ казался еще выше, и къ этой огромной, темной фигурѣ не шелъ тонкій, визгливый голосъ.

— Чего тамъ глядѣть—бей!—вскрикнулъ онъ и навалился плечомъ на калитку.

Знакомое, близкое въ пьяномъ угарѣ слово сразу подхватили, и десятокъ голосовъ заоралъ:

— Бей, чего глядѣть, вышибай воротину!

— Лупи, лупи, стяжкомъ-то, эво стяжокъ добрый!

— Бей по кольцу-то!

Стражникъ Никитка вдругъ очнулся, пересталъ плакать и освирѣпѣлъ.

— Вышибай ихъ, бей!—заоралъ онъ дикимъ голосомъ и, подхвативъ какое-то полѣно, съ размаху запустилъ имъ въ калитку, чуть не повалившись самъ.—Вышибай аридовъ!

Въ ворота и калитку полетѣло все, что нашлось подъ рукою. Два сельчанина, одновременно уцѣпившись за длинную жердь, очевидно, выхваченную изъ изгороди (должно быть, это и былъ тотъ самый стяжокъ, про который кричали) били имъ какъ тараномъ.

Кто-то запустилъ камнемъ въ окно—и стекла со звономъ посыпались. Толпа отозвалась восторженнымъ гоготомъ. Еще разбили одно окно и, подбирая свалившіеся съ полуразрушенной трубы старые кирпичи, начали швырять ихъ черезъ разбитыя окна въ избу.

— Выходи!—оралъ стражникъ, напирая въ послѣднемъ усиліи на калитку.—Вылазь, демоны, по бревнышкамъ разнесу!..

Еще нѣсколько человѣкъ привалилось къ нему, калитка не выдержала, распахнулась, сорванная съ верхней петли, и вся кучка ввалилась въ дверь.

— Урррa-а-а!—заревѣла толпа, рванувшись въ открывшуюся брешь.

Какія-то бабы появились въ толпѣ, сновали по двору, что-то кричали, потрясая кулаками, что-то совѣтовали, но ихъ никто не слушалъ, какъ онѣ не слушали никого. Все дѣлалось само собой: ломали зачѣмъ-то сарайчикъ, перекатывались къ крыльцу и начинали зачѣмъ-то раскачивать поддерживающіе навѣсъ столбики.

Такъ возились долго—часа два, и уже началъ падать пьяный задоръ, какъ исчезнувшій на время Крендельщиковъ появился вдругъ съ водкой.

У нѣкоторыхъ мелькнула мысль о томъ, что водка украдена, можетъ быть, украдена у него самого, но урядникъ обнялъ Крендельщикова и закричалъ на весь дворъ:

— Другъ! Милый, дай я тебя поцѣлую!—и приникъ къ парню, ослабѣвъ отъ восторга.

Изъ боченка выбили дно и пили кто чѣмъ: шапкой, найденнымъ тутъ же черепкомъ, просто горстью.

Смѣшанный на половину съ водою, спиртъ поддержалъ падавшее настроеніе, толпа опять стала ломиться въ избу.

Взятымъ изъ разрушеннаго сарайчика бревномъ выбили дверь и съ крикомъ, бранью и хохотомъ ворвались въ избу.

Но ни въ сѣняхъ, ни въ самой избѣ никого не было.

— На чердакѣ, не иначе какъ на чердакѣ!—суетился безносый старикъ и кинулся къ лѣсенкѣ на чердакъ, но она была убрана.—Тамъ, видитъ Богъ, тамъ забравши!—кричалъ онъ, чуть не плача отъ досады.

Онъ звалъ и кричалъ, тащилъ за рукава къ чердаку, но всѣ рвались отъ него, и только одинъ, опять ослабшій, сынъ-стражникъ путался пьяными ногами по сѣнямъ.

Въ избѣ шелъ грабежъ ,грабежъ жалкаго имущества, подушекъ и одѣялъ, кое-какихъ запасовъ, никому ненужныхъ книгъ, старой одежды.

Тащили все, а что не нужно было,—то рвали и ломали, швыряли въ окно собравшейся тамъ толпѣ бабъ и ребятъ.

Бѣгали домой, относя схваченную вещь, и опять возвращались, отбивали другъ у друга и иногда дрались и, пьяные, свалившись гдѣ-нибудь на полу, не въ силахъ были подняться снова.

— Пррото-колъ!—гремѣлъ урядникъ, тщетно стараясь вырваться отъ державшихъ его Крендельщикова и Рымши,—какъ обнаруженъ побѣгъ государственныхъ злодѣевъ, согласно конструкціи...

— Не по закону!—вопилъ безносый старичекъ,—не можно чтобы на чердакъ, не по закону!..

Въ темнотѣ нельзя было разобрать, что кто дѣлалъ, но всѣ кричали, что-то ломали, что-то хватали, сновали по избѣ, сталкивались другъ съ другомъ.

Съ улицы кричали что-то, но никто не слушалъ; тогда въ избу прибѣжалъ мальчишка и звонко, покрывая шумъ, крикнулъ.

— На крышѣ усѣ, видать, тамъ спрятавши, ей Богу видать!..

Тѣ, кто могъ идти, выбѣжали на улицу.

Изба была старая, крыша во многихъ мѣстахъ провалилась, а гдѣ была цѣла, тамъ осѣла на чердакъ подгнившими стропилами. Полуразрушенная труба возвышалась непривычно-высоко надъ голымъ чердакомъ, заваленнымъ на одномъ концѣ хламомъ осѣвшей крыши.

У трубы, прижавшись къ ней, ютились три человѣка. Въ чемъ-то бѣломъ, свѣтлѣющемъ въ сумракѣ, полулежала женщина, судорожно извивавшаяся и вскрикивавшая глухо и отчаянно; надъ ней, стараясь закрыть ее, возвышалась тяжелая фигура человѣка безъ шапки, широкоплечаго и боль-

шого, а возлѣ, почти у ногъ его, сидѣлъ еще человѣкъ, скорчившись, втянувъ голову въ плечи, но видимо равнодушный ко всему, что дѣлалось вокругъ.

Мальчишки швыряли камнями, комками земли, ухали и свистали, если замѣчали, что попадали въ цѣль, а люди на крышѣ молча выносили это.

И только, когда одинъ парень изъ выбѣжавшей на улицу толпы, ставъ на плечи другому полѣзъ на крышу, человѣкъ безъ шапки выломалъ кирпичъ изъ трубы и пустилъ имъ въ лѣзущаго.

Камень ударился въ плечо—парень мѣшкомъ повалился внизъ, а въ отвѣтъ на это изъ толпы полетѣлъ вверхъ градъ камней.

Человѣкъ безъ шапки отвѣчалъ кирпичами и кричалъ что-то. Но голосъ его терялся въ общемъ шумѣ, и нельзя было разобрать словъ.

Такъ прошло много времени. Толпа разбредалась и снова собиралась; совсѣмъ пьяные, свалившись, спали тутъ же, бабы бродили еще по двору и по избѣ, а мальчишки, кое-кто изъ парней и безносый старикъ съ сыномъ Никиткой все еще швырялись камнями на крышу, ругались и грозились убить.

Передъ свѣтомъ, когда на востокѣ уже отмѣтилось свѣтлое пятно занимающейся зари, въ поселокъ прибѣжалъ Селюженковъ.

Уговорами, просьбами, запугиваніями и угрозами, что начальство спроситъ строго за каждаго ссыльнаго, ему удалось разсѣять толпу.

— Поймите, дурьи башки, государственные преступники, не какіе-нибудь—государственные!—упиралъ онъ на страшное слово.

— Да мы что-жъ, мы ничего...—оправдывался высокій сельчанинъ,—какъ они, господинъ начальникъ, хотѣли обыскъ сдѣлать...

— Прото-колъ!—лепеталъ урядникъ, окончательно потерявшій способность понимать что-либо.

Селюженковъ уговорилъ мужиковъ увести его.

Но одна баба обнаружила особенное упорство. На всѣ угрозы и уговоры она угрюмо молчала, морща безбровое, оплывшее мягкими складками, звѣриное лицо. Временами медленно, поддерживая длинную, бѣлую рубаху-стануху, она наклонялась, подымала камень или кирпичъ или комъ грязи и размѣреннымъ, обдуманнымъ движеніемъ бросала его въ тѣхъ, что были на крышѣ.

Какъ призракъ смерти, возвышалась она надъ пьяной,

обезсилѣвшей толпой и равнодушно и медленно дѣлала свое дѣло: брала камень и старческой рукой бросала его.

Съ Рымшей у Селюженкова вышла исторія.

— А тебѣ какое дѣло, ты что тѣнь наводишь—государственные!—передразнилъ Рымша, накидываясь на Селюженкова.

— А ты что, рвань некрещеная, народъ сбиваешь? Знаю я тебя, хорошо знаю, не гляди, что молчу!

— А что знаешь, ну, что, говори?

— А вотъ то и знаю! Думаешь, не знаю? А кто рыбу у безносаго кралъ, кто портки у дѣдъ-Афремы свелъ? Думаешь, не знаю?

Рымша подскочилъ, казалось, съ намѣреніемъ ударить.

— Ты не очень-то скакай! — угрожающе предупредилъ его Селюженковъ,—не горазцъ, не то худо будетъ!..

— Ты та-а-акъ! — вскрикнулъ Рымша и безъ размаху крѣпко ударилъ Селюженкова подъ грудь.

Тотъ, рявкнувъ отъ боли, присѣлъ.

— Православные, бей ворье проклятое, не дай въ обиду!—завопилъ онъ, оправляясь, и кинулся за убѣгавшимъ Рымшей,—это они, проклятые, портки у дѣда украли, они рыбу таскаютъ, вотъ Христосъ,—они!..

— Бей ихъ!—заоралъ безносый и побѣжалъ за догонявшимъ Селюженковымъ.

Толпа, уже рѣдкая и вялая, вновь оживилась.

— Бей ихъ, бей гадовъ!—пронеслось по поселку, и, какъ бы найдя выходъ неудовлетворенному чувству, всѣ бросились за Рымшей.

Крендельщиковъ исчезъ, его не могли найти, а Рымшу догнали въ прогонѣ, въ концѣ поселка.

Селюженковъ уже отсталъ и шелъ назадъ къ разгромленной избѣ, когда безносый, чувствуя, что Рымша сейчасъ убѣжитъ, сдѣлалъ прыжокъ и всею тяжестью упалъ на него Тотъ не удержался, сунулся на вытянутыя впередъ руки и поползъ, но остальные догнали и стали бить.

Били долго, свирѣпо, молча, какъ могутъ бить только осатанѣвшіе отъ водки, озлобленные всею жизнью люди, одурѣвшіе отъ безсонной, пьяной ночи, били сапогами, палками, камнями.

И когда разошлись, какъ сонныя, равнодушныя мухи, уставъ отъ безсонницы и побоевъ, въ сѣромъ сумракѣ утра на потоптанной травѣ прогона остался только безформенный комокъ.

Въ полдень, когда въ разбитыя, съ разломанными рамами, окна свѣтило длинными, уже по осеннему холодными и

темными лучами солнце,—лежа на пристроенный кой-какъ изъ обломковъ койкѣ, съ Селюженковскимъ озямомъ вмѣсто подушки подъ головой, Анна умерла послѣ долгихъ и страшныхъ мученій преждевременныхъ родовъ.

Безсильное, измученное тѣло не могло разрѣшиться новой жизнью и унесло ее съ собою.

Въ послѣднюю минуту въ избѣ былъ только Поповъ.

Съ жаднымъ, сжигающимъ любопытствомъ глядѣлъ онъ въ перекошенное, застывающее лицо Анны и ждалъ и требовалъ пытливымъ взглядомъ какого-то рѣшенія, какого-то отвѣта.

Но расходились уже судорожныя морщины, и расплывалось по лицу величавое спокойствіе глубокой мысли, уже далекимъ и давнимъ было впечатлѣніе предсмертнаго крика, потрясшаго послѣднимъ порывомъ умиравшее тѣло, и твердая неподвижность вошла въ мучительное движеніе скорченной руки, а не было отвѣта страшному вопросу.

Онъ вышелъ изъ избы, молча прошелъ сѣни, потомъ дворъ, не понялъ, что его спросилъ Шутовъ, странный и новый отъ промокшей кровью повязки черезъ всю голову, и заглянулъ въ сарайчикъ.

Но онъ былъ окончательно разрушенъ: уголъ обвалился, и соломенная крыша лежала внутри, криво держась еще на одной стѣнѣ.

Здѣсь нехорошо было.

Онъ зашелъ подъ повѣть, въ ту сторону, гдѣ обвалившійся сарайчикъ образовывалъ темный уголъ.

Оглянулся на дворъ — никого. Должно быть, Шутовъ ушелъ въ избу.

Револьверъ провалился за подкладку, потому что въ карманѣ была дыра отъ ветхости.

Всю ночь онъ берегъ его, крѣпко прижимая въ полѣ и ожидая чего-то. Иногда онъ думалъ:

— Пора!

И останавливалъ себя:

— Еще рано.

И, въ жестокомъ кошмарѣ ужасной ночи, уже отупѣвъ для всего, что просходило кругомъ, мучился послѣднимъ мученіемъ.

Тюрьма, ссылка, страхъ передъ сельчанами, передъ обысками, передъ хулиганами, багровое, усатое лицо становаго, тонкій профиль Риммы и ея большой, строгій глазъ, укоризненно и съ сожалѣніемъ покосившійся на него..

Страхъ, заставляющій протянуть руку тому, кого надо было ударить.

Позорный страхъ за собственную шкуру...

Почти предательство на допросѣ у становогo.

Свершился кругъ: для того, чтобы сохранить драгоцѣнную жизнь, любимую жизнь, прекрасную молодость, дѣлалъ все, чѣмъ обезцѣнилась эта жизнь, опозорилась молодость, и жить стало нельзя.

— Какая тоска, какая тоска!—шепталъ онъ, качая головой, будучи не въ силахъ подыскать настоящее, исчерпывающее слово, въ которомъ могъ бы вмѣститься весь растерянный ужасъ его.—Какая тоска!

Онъ посмотрѣлъ на себя.

Маленькій скорченный комочекъ присѣлъ въ темномъ углу старой повѣти... Нервный, трусливый, никому не нужный,—съ нимъ всѣмъ было неудобно и тяжело жить, потому что онъ возбуждалъ только тяжелую, нездоровую жалость!

— Какая тоска, какая тоска!—качалъ онъ головою, удивленный неожиданностью того, что увидѣлъ.

Одинъ патронъ былъ пустой. Онъ повернулъ барабанъ такъ, чтобы противъ ствола сталъ острый носикъ пули. Но, должно быть, револьверъ заржавѣлъ, потому что барабанъ вертѣлся туго и все отходилъ назадъ.

Онъ опустилъ предохранитель на непонятную букву „S“ и приложилъ стволъ къ виску.

Но рука качалась—могла выйти ошибка, вмѣсто смерти только мучительная рана, и онъ перенесъ руку къ лицу, схватилъ ртомъ стволъ и сталъ нажимать спускъ.

Жалъ долго и крѣпко и видѣлъ, какъ за барабаномъ никкелированный курокъ приподымается, какъ живой, и вновь опускаетъ острый штифтикъ, которымъ разбивается пистонъ, какъ будто не въ силахъ достичь нужной высоты, чтобы отчетливо и рѣзко ударить по патрону.

Поповъ взялъ его иначе, такъ что нажимать на спускъ могъ большимъ пальцемъ, и зажмурился.

Моментъ—было темно. Потомъ слѣпо и неясно проглянули три бѣлыхъ пятна полукруглыхъ вверху оконъ, вышитый бисеромъ кисетъ на красномъ столикѣ, ручки дивана, какъ два изогнувшихъ шеи лебеля, бурыхъ, словно вымазанныхъ старой, потемнѣвшей кровью, и два зеркала въ простѣнкахъ—высокія, прозрачныя, уходящія въ тьму потолка.

И уже началъ намѣчаться мальчикъ въ нихъ, черный мальчикъ въ бѣломъ ажурномъ воротничкѣ, уже въ неистовомъ ужасѣ впились широкіе глаза въ прозрачную таинственную дверь холоднаго стекла, уже показалось Попову, что что-то открылось, и хотѣлъ онъ крикнуть восторженнымъ крикомъ:

— Понялъ, понялъ, понялъ!.. — какъ палецъ судорожно

нажалъ согрѣвшееся теплотою руки желѣзо, и оглушительный грохотъ разорвалъ черепъ.

XII.

Когда становому доложили о томъ, что въ Неси трое ссыльныхъ умерло, умалчивая о томъ, что одинъ изъ нихъ убитъ сельчанами, и ярко расписывали смерть отъ преждевременныхъ родовъ Анны и самоубійство Попова,--онъ долго глядѣлъ на докладывавшаго урядника неподвижнымъ взглядомъ.

Урядникъ замѣтилъ, что лицо станового начинаетъ наливаться кровью, дряблыя старческія щеки начинаютъ дрожать, и попятился къ двери.

— Хоть они тамъ всѣ перевѣшайся и перестрѣляйся!—крикнулъ бѣшено становой:—къ чорту! Вонъ, не до нихъ теперь! Составить протоколъ и хоронить—къ чорту! Никакихъ докторовъ, никакихъ слѣдствій—къ дьяволу все!

Урядникъ выскочилъ, а становой разстегнулъ воротникъ сюртука и заходилъ по комнатѣ.

У него и безъ этихъ смертей были непріятности: Торна требовали въ Петербургъ уже третьимъ запросомъ, а докторъ заявлялъ, что его до Петербурга нельзя довезти: у него былъ тифъ, и все время былъ онъ безъ сознанія.

Урядникъ вернулся въ поселокъ, составилъ два протокола (о Рымшѣ онъ не составлялъ, полагая, что и безъ протокола дѣло ясно: умеръ своею смертью)—и уѣхалъ.

Сельчане отказались хоронить покойниковъ. Принялись за это Селюженковъ и Шутовъ.

Они сходили за гать въ лѣсъ и выкопали три могилы. Селюженковъ досталъ гдѣ-то досокъ, сколотилъ изъ нихъ что-то похожее на гроба и уложилъ мертвецовъ.

Потомъ вдвоемъ они взяли гробъ Анны, обмотали его полотенцами и понесли.

Нести было далеко, время отъ времени они ставили гробъ на землю, присаживались около и отдыхали. Потомъ опять брали и несли, вытирая потъ и щурясь отъ яркаго солнца.

Когда опустили гробъ въ могилу, Селюженковъ пригладилъ голову и засуетился.

— Молитву бы какую, али какъ... —забормоталъ онъ, безпомощно глядя на Шутова:—такъ то будто неловко, а? Ты ученый, ты долженъ знать...

— Забылъ, братъ, я всѣ молитвы,—задумчиво отвѣтилъ Шутовъ.

— Все-жъ, хоть какую ни на есть... Чай, православная была, не глядя, что съ жидомъ жила...

Но, видя, что Шутовъ не собирается читать молитву, онъ забормоталъ самъ:

— Упокой Господи... рабы твоея Анны... въ мѣстѣ свѣтломъ, мѣстѣ злачномъ, мѣстѣ сухонькомъ... Никола угодникъ, Зосима и Савватій и всѣ сродники ихъ... Идѣ же нѣсть!

Потомъ взялъ заступъ и сталъ торопливо и быстро забрасывать яму землей.

Потомъ такимъ же образомъ снесли останки Рымши, потомъ Попова. Надъ послѣднимъ Селюженковъ не сталъ читать, а только укоризненно покачалъ головой.

— Слабый гораздъ братъ былъ!—проговорилъ онъ, поплевывая на ладони и принимаясь за заступъ, — сердце больно мягкое было, вотъ и вышло нехорошо!..

Потомъ поставили надъ могилами три большихъ, чисто вытесанныхъ запасливымъ Селюженковымъ креста.

Отошли въ сторону и полюбовались издали.

Съ похоронами провозились цѣлый день: очень далеко нести было, и солнце уже уходило въ болото. Длинные широкіе лучи его, чуть-чуть заалѣвшіе, ярко освѣщали бѣлые кресты на темномъ фонѣ зеленой хвои. Близкими они были другъ другу по строгой чистотѣ линій, по безмолвной суровости прошлаго, надъ которымъ стали дружной семьей.

Посѣло солнце ниже, а кресты еще бѣлѣли въ сумрачной тѣни старыхъ сосенъ и лапчатыхъ елей, стройные, крѣпкіе, своими перекладинами какъ-бы развернувшіе широкія объятія.

— Чистенькія могилки, — проговорилъ Селюженковъ, склонивъ голову къ одному плечу и любуясь крестами, какъ художникъ картиной,—очень даже аккуратненькія...

Шутовъ заговорилъ о томъ, о чемъ они говорили послѣдніе дни до разрѣшенія хоронить покойниковъ,—о своемъ побѣгѣ.

Селюженковъ зналъ новый путь бѣгства на зимнія самоѣдскія становища, на кочевья ихъ, по которымъ они бродили теперь, пробираясь изъ глубины твердаго берега поближе къ тундрѣ, гдѣ становились зимой.

Объ этомъ пути ему разсказала дѣвочка, бѣгавшая за нимъ въ памятную ночь погрома. Всю дорогу, ведя его какими-то неизвѣстными ему до сихъ поръ перегонами, наполовину сокращавшими путь до поселка, она толковала ему, какъ надо идти, какъ держаться по звѣздамъ или по вѣтру, если небо было тучливое, какъ узнавать по травѣ и мху край земли на-полдень и край земли на-полночь.

— Такая занятная дѣвченка,—усмѣхался Селюженковъ,— и какой листъ куда глядитъ, и куда молодая хвоя тянетъ—

все понимаетъ!.. Кабы знать-то до господина Торна, не то-бъ было...

Въ тотъ же день Шутовъ уходилъ. Простился съ нимъ Селюженковъ холодно. Поцѣловались крестъ-на-крестъ три раза, но что-то отчужденное уже было въ немъ, какъ показалось Шутову.

Повидимому, мужикъ собралъ всѣ силы, всю жизнеспособность, всю энергію и затаилъ ее, запряталъ какъ можно глубже и старается какъ можно меньше расходовать на мысли, на слова, на дѣйствія, требующія мысли, на чувства. Какъ звѣрь въ зимнюю спячку старается какъ можно меньше двигаться, какъ можно меньше расходовать жизненной силы, такъ зоологическая приспособляемость мужика заставляла его какъ можно больше сдерживать себя, не позволять развернуться горькому чувству одиночества, не размечтаться, а терпѣливо и упорно ждать конца „испытанія“.

— Можетъ, увидимся тамъ, дома-то!—усмѣхнулся Шутовъ.

Селюженковъ устало махнулъ рукой.

— Гдѣ ужъ увидѣться, дай Господи дожить до дому-то!—проговорилъ онъ.—Наше дѣло...

— Что-жъ ваше дѣло?

— Наше дѣло мужицкое,—не находя словъ выразить темную мысль, повторилъ Селюженковъ.—Извѣстно, вы, какъ господа...

— Ну, я-то плохой господинъ, самъ видѣлъ, чай!—разсмѣялся Шутовъ.

— Оно конечно,—уклончиво отвѣчалъ Селюженковъ,—а только что все-таки гдѣ-жъ равнять... Тамотко ужо будете—на одну линію станете!

Шутовъ посмотрѣлъ въ маленькіе зеленоватые глаза его, подумалъ и еще разъ разсмѣялся.

Онъ понялъ, что для Селюженкова, для мужика, въ сущности нѣтъ различія между становымъ и политическимъ ссыльнымъ, жандармомъ и революціонеромъ, полицейскимъ и докторомъ, студентомъ и чиновникомъ. Всѣ эти различія чувствуютъ сами студенты и доктора, полицейскіе и ссыльные, революціонеры и министры, а для него все это объединяется однимъ словомъ—господа. Господа, т. е. то, что не крестьянство, не мужики, не землеробы, не плательщики подушныхъ и государственныхъ, всякихъ земскихъ и волостныхъ, дорожныхъ, страховыхъ и всякихъ иныхъ пошлинъ. Все это если не прямо, то косвенно враждебно мужику, потому что живетъ иначе, не понимаетъ и не хочетъ понять

его интересовъ и не можетъ никогда ни на одинъ моментъ почувствовать всю темную тяжесть его жизни.

Они могутъ ссориться между собой и драться, могутъ ссылать одинъ другого и вѣшать, могутъ говорить хорошія слова и бить по зубамъ, но у кого бы изъ нихъ ни была сила, та сила, что позволяетъ однимъ господамъ ссылать другихъ господъ, у тѣхъ, что теперь ссылаютъ, или у тѣхъ, что теперь сидятъ въ ссылкѣ, стрѣляются, бѣгаютъ или умираютъ въ ней—результатъ будетъ тотъ же: всегда мужику будетъ труднѣе всѣхъ, тяжелѣе всѣхъ и тоскливѣе всѣхъ...

Такъ, или приблизительно такъ, думалъ Шутовъ, когда шелъ темной лѣсной тропой, одинокій и грустный особой тихой грустью, которую испытываютъ люди на порогѣ новой невѣдомой жизни.

Пахло сыростью и намокшимъ мохомъ, сосны стояли строгія и молчаливыя, какъ огромныя свѣчи передъ невидимымъ престоломъ, и тихой лампадой свѣтилась сквозь нихъ подымающаяся луна.

Наступали уже осеннія ночи, холодныя, чуткія, звонкія прозрачной тишиной, бѣлыя по утрамъ отъ инея, съ крѣпкими, бодрящими заморозками.

Шутовъ шелъ и думалъ о томъ, что̀ осталось тамъ, за нимъ, и воспоминаніе о товарищахъ, о Торнѣ, объ Аннѣ, о погибшемъ слабомъ Поповѣ, мѣшалось съ мыслями о томъ, что свело его съ ними.

— Мы, ссыльные, лишенные правъ,—думалъ онъ, постукивая данной Селюженковымъ палочкой по твердымъ узловатымъ корнямъ, пересѣкавшимъ тропку,—мы считали себя несчастными отъ того, что лишены правъ, отъ голода, отъ забытости, отъ отсутствія газетъ, книгъ, пищи для ума, отъ того, что чувство наше было сдавлено тяжестью обстановки...

— Но если подумать, подумать только, что такъ мы прожили одинъ годъ, только годъ! И у всѣхъ у насъ была надежда на амнистію, на побѣгъ, на окончаніе срока, на то, что наша правда побѣдитъ, наконецъ! Но если подумать, представить себѣ только, на одинъ моментъ почувствовать, искренне, простосердечно почувствовать, не стыдясь шаблонщины, почувствовать, что такъ живутъ милліоны, подумать только—милліоны людей! Живутъ безъ правъ, въ голодѣ, вѣчномъ, забытые и забитые, безъ всякихъ надеждъ! Мы жили въ грязной и темной избѣ, но мы знали, мы надѣялись увидѣть еще чистыя, свѣтлыя комнаты, свѣжее бѣлье, вкусный обѣдъ... А гдѣ ихъ, этихъ сѣрыхъ, приниженныхъ, въ глубинѣ души оскорбленныхъ и озлобленныхъ людей,

пашущихъ, сѣющихъ, пьянствующихъ, дерущихся, замѣтныхъ только, какъ трава, когда ея много—гдѣ ихъ надежда? Даже на золотую грамоту, на бѣлыя воды и то разбиты давно всѣ надежды!

— Мы возмущались, когда урядникъ при обыскѣ отнималъ наши книги, а они не могутъ возмущаться тѣмъ, что имъ не даютъ понять хоть часть творящагося кругомъ!

-- Стыдно, ахъ, какъ стыдно!—вздохнулъ онъ.

Луна поднялась выше, стало свѣтлѣе и холоднѣе. Полянка легла передъ нимъ ровная, вся повитая сѣдымъ туманомъ. Тропинка бѣжала по краю ея узенькой, едва примѣтной змѣйкой.

Шутовъ постоялъ немного, оправилъ подоткнутыя подъ поясъ полы озяма и пошелъ дальше.

— Большинство не выдержало, погибло, погибну, можетъ быть, и я... Мы погибнемъ за грѣхи отцовъ, расплачиваясь за эгоизмъ, жестокость, барство, лѣнь отцовъ нашихъ... Мы уже поняли, что ихъ жизнь была всѣмъ этимъ, а не жизнью въ сущности. Мы расплачиваемся за нихъ, не сумѣвшихъ воспитать въ насъ силы, расплачиваемся своею слабостью, неприспособленностью, гибелью... И, можетъ быть, дѣти наши также погибнутъ, потому что мы тоже виноваты въ своей слабости... Мы только понимаемъ и передадимъ пониманіе свое дѣтямъ, а дѣти нашихъ дѣтей будутъ не только понимать, они будутъ сильны!

Онъ остановился, подумалъ еще немного и улыбнулся.

— Хорошо бы дожить до этого!

Полянка кончилась, тропинка снова уходила въ лѣсъ. Лунный свѣтъ переплетался въ немъ съ черной сѣтью тѣней, длинными полосами пробирался между деревьевъ, лежалъ дымчатыми пятнами на травѣ, на мху, на буреломѣ.

И весь лѣсъ былъ, какъ широкая декорація.

В. Муйжель.

Донское земство.

(*Окончание*).

VI.

Экстренныя земскія собранія. — Заключеніе областной управы. — Открытіе коммиссіи ген. Маслаковца. Отношеніе къ ней областного земскаго собранія.

Для обсужденія создавшагося въ результатѣ протеста казачества положенія вещей по всѣмъ округамъ были созваны экстренныя земскія собранія.

Всѣ они оказались согласными въ томъ, что причина недовольства земскими учрежденіями кроется не въ обременительности земскаго обложенія (на чемъ особенно настаивали представители администраціи), а въ томъ обстоятельствѣ, что «казаки не признаютъ законности налоговъ, а отсюда—и законности самихъ земскихъ учрежденій, и потому, какъ бы ни былъ уменьшенъ налогъ, едва ли начнутся казаками платежи» *).

Войсковая администрація не могла удовлетвориться такими объясненіями, и вскорѣ состоялось засѣданіе соединеннаго присутствія областного правленія и областной земской управы, съ участіемъ областного предводителя дворянства. По объясненію управы, причина недовольства земствомъ крылась въ воинской повинности, тормазящей гражданское развитіе края и вызывающей его экономическое оскудѣніе. Ближайшею задачею, разрѣшеніе которой въ интересахъ населенія должно послѣдовать возможно скорѣе, являлось поэтому уменьшеніе тягостей его воинской службы.

Такое объясненіе еще менѣе соотвѣтствовало видамъ администраціи, и 16 ноября 1879 года въ Новочеркасскѣ учреждается правительственная коммиссія, а во главѣ ея становится принципіальный противникъ земскаго самоуправленія г.-м. Маслаковецъ.

Время открытія коммиссіи какъ разъ совпало съ 4-ой очередной сессіей областного земскаго собранія, и гласные, естественно, не могли обойти молчаніемъ какъ самый фактъ назначенія коммиссіи, такъ и предположенную программу ея дѣятельности.

---

*) Докладъ Хоперск. окр. зем. управы экстренному зем. собр. отъ 7 октября 1879 г., с. 106.

Поводомъ къ возникновенію преній послужило предложеніе войскового наказнаго атамана прислать въ коммиссію двухъ представителей отъ земства.

Рядъ гласныхъ (В. Ф. Федоровъ, А. А. Донецкій, А. А. Карасевъ, Н. Н. Рудовъ) высказался въ томъ смыслѣ, что, разъ коммиссія ставитъ своею задачей «сокращеніе земскихъ расходныхъ смѣтъ», «приведеніе въ порядокъ земскаго бюджета, согласованіе его съ дѣйствительными средствами плательщиковъ» и «провѣрку всѣхъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ» *), то тѣмъ самымъ она вторгается въ сферу компетенціи земскихъ собраній, чѣмъ нарушаются существенныя права земскихъ учрежденій. Поэтому предлагалось существованіе такой коммиссіи признать излишнимъ и отказаться отъ посылки въ нее земскихъ представителей, а вмѣсто этого возбудить ходатайство о томъ, чтобы намѣченные коммиссіею вопросы предоставлено было обсудить текущей сессіи земскаго собранія. Другіе предлагали поставить въ обязанность делегатамъ отстаивать въ коммиссіи взглядъ земскаго собранія на значеніе воинской повинности для населенія.

„Поголовно существуя для несенія воинской повинности, состоя всегда наготовѣ къ выходу на полевую службу по первому требованію, всосавъ свои воинскія обязанности съ молокомъ матери, казакъ въ гражданскомъ быту—дитя,—говорилъ, между прочимъ, А. А. Донецкій.— Воинскія тягости лежатъ на его жизни тяжелымъ ярмомъ, подавляющимъ въ немъ всякіе зачатки гражданственности".

Делегатамъ предлагалось заявить, что труды коммиссіи могутъ имѣть какіе-нибудь практическіе результаты только въ томъ единственномъ случаѣ, если она выскажется за необходимость уменьшить кругъ обязанностей казачьяго населенія по отношенію къ воинской повинности; если же настоянія делегатовъ въ этомъ направленіи останутся безуспѣшны, то рекомендовать имъ «прекратить свою дѣятельность въ коммиссіи, такъ какъ всѣ остальныя ея задачи составляютъ предметъ вѣдѣнія однихъ земскихъ учрежденій, безъ вмѣшательства въ нихъ посторонняго элемента» (Карасевъ).

Большинство собранія высказалось за посылку представителей, — и коммиссія такимъ образомъ начала работу, имѣя въ своемъ составѣ двухъ земцевъ.

Цѣли коммиссіи были выражены просто и ясно. Въ своемъ «предложеніи» войсковому наказному атаману военный министръ ген.-ад. гр. Милютинъ, «во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній», счелъ необходимымъ предупредить, что министерство

„ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить ни сокращенія существующей для донскихъ казаковъ воинской повинности, ни измѣненія существующаго назначенія и порядка расходованія войсковыхъ капиталовъ".

Главнымъ предметомъ занятій коммиссіи, по предписанію мини-

*) Сб. Обл. Зем. 1879 г., с. 100, отношеніе в. н. атамана

стра, должно было быть обсужденіе вопроса «объ ограниченіи до крайней возможности всѣхъ падающихъ на земство расходовъ», какъ, напр., на содержаніе управъ, и вообще о томъ, «не представляется ли возможнымъ устроить земскую администрацію наиболѣе простымъ и дешевымъ способомъ *). Наказный атаманъ, съ своей стороны, предписалъ коммиссіи

„при всѣхъ заключеніяхъ по вопросамъ отбыванія земскихъ повинностей, упадающихъ на станичныя общества, строго сообразоваться съ существующимъ порядкомъ отбыванія воинской повинности".

И предсѣдатель коммиссіи г.-м. Маслаковецъ во второмъ же засѣданіи прямо заявилъ, что «коммиссія имѣетъ цѣлью стремиться къ возможному сокращенію земскихъ бюджетовъ и *тѣмъ самымъ* содѣйствовать устраненію возникшихъ среди казачьяго населенія недоразумѣній и неудовольствій» **).

Такимъ образомъ военнымъ министерствомъ, въ полномъ согласіи съ мѣстной администраціей, заранѣе былъ рѣшенъ вопросъ о причинахъ земскихъ недоразумѣній,—т. е. тотъ самый вопросъ, выясненіе котораго выставлялось конечной цѣлью коммиссіи,—заранѣе уже были найдены и средства къ устраненію этихъ недоразумѣній, въ формѣ сокращенія земскаго бюджета, упраздненія окружныхъ земскихъ управъ и т. п. Характеръ работъ коммиссіи и сущность ея выводовъ были такимъ образомъ заранѣе предрѣшены.

Этимъ вполнѣ объясняется и своеобразный ходъ ея занятій, вызвавшій въ свое время столько толковъ, и необыкновенная поспѣшность, съ какою разрѣшались въ ней самые сложные и запутанные вопросы. Въ полномъ соотвѣтствіи съ начальственными предписаніями понялъ свою задачу и руководитель коммиссіи ген. Маслаковецъ, перенесши центръ тяжести не на детальное изслѣдованіе обстоятельствъ, создавшихъ земскій кризисъ, а направивъ всю свою энергію на «разносъ» донского земства, при чемъ, для вѣскости и убѣдительности, постарался этотъ разносъ обставить таблицами «цифръ и фактовъ».

Представленные имъ въ коммиссію доклады явились настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ донскихъ земскихъ учрежденій. И, такъ какъ въ нихъ, этихъ докладахъ, впервые пущенъ былъ въ ходъ весь арсеналъ оружія, имѣвшійся въ распоряженіи противниковъ земства, небезынтересно остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

*) Труды коммиссіи, с. 3—4.
**) Стр. 12.

VII.

Обвинительный актъ донскому земству.—„Юношеская порывистость" земства и призывъ къ „единенію съ администраціей".

Въ первомъ же изъ своихъ докладовъ предсѣдатель коммиссіи, путемъ сравненія войсковой и земскихъ смѣтъ, старался доказать, что на содержаніе земскихъ управъ приходится 10—13% всего земскаго бюджета, на удовлетвореніе же «наиболѣе существенныхъ мѣстныхъ потребностей, каковы санитарная часть и народное образованіе», расходуется всего 4—6%, тогда какъ,—не безъ гордости отмѣчалъ докладчикъ,—войсковой капиталъ на эти послѣднія надобности расходуетъ 15½%, а на содержаніе вѣдающаго имъ областного правленія приходится всего лишь 4% общей цифры бюджета. При этомъ, въ частности, на медицину и ветеринарію войскомъ назначено 44½ т. р., или 1½%; а земство, по двухлѣтней сложности, израсходовало на эту же часть 19½ т. р., или 3,3%. Сравнивая непосредственно между собою цифры расходовъ, авторъ доклада затраты войскового капитала на санитарную часть находилъ превышающими земскія затраты въ 1½ раза, а на народное образованіе—даже въ 14 разъ; вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе областного правленія, по словамъ доклада, обходилось только въ 1½ раза дороже содержанія земскихъ управъ. Изъ такого сопоставленія, по мнѣнію автора, съ несомнѣнной очевидностью явствуетъ, что «земскія на Дону учрежденія въ сферѣ удовлетворенія наиболѣе насущныхъ потребностей мѣстнаго населенія, при весьма значительной сравнительно стоимости своихъ исполнительныхъ органовъ, играютъ (?) лишь второстепенное значеніе» *).

Далѣе, докладчикъ нашелъ, что, по бюджетамъ семи окружныхъ земскихъ управъ на 1877 и 78 гг., въ земскую кассу поступило всего-на-всего 38% съ исчисленной по смѣтѣ общей суммы бюджета, остальные 62% оказались въ недоимкахъ. Въ такой крупной цифрѣ недоимокъ ген. Маслаковецъ усматривалъ несомнѣнное доказательство «недостаточной компетентности управъ въ дѣлѣ исполненія лежащихъ на нихъ полномочій» и ихъ «нераспорядительности», при чемъ обвинялъ управы, между прочимъ, въ несвоевременной разсылкѣ окладныхъ листовъ и въ непринятіи «сколько-нибудь серьезныхъ мѣръ къ взысканію недоимокъ съ частныхъ землевладѣльцевъ и промышленныхъ заведеній», что въ значительной степени способствовало наростанію такой солидной цифры недоимокъ *). Допущенное же нѣкоторыми изъ окружныхъ управъ ошибочное направленіе окладныхъ листовъ въ областное

*) Тр. ком., с. 49—50.

правленіе, а не прямо въ станичныя общества «не могло не способствовать развитію въ станицахъ убѣжденія въ незаконности какихъ бы то ни было денежныхъ земскихъ сборовъ» *).

Другія причины неуспѣшной дѣятельности заключались, по словамъ ген. Маслаковца, въ томъ, что «окружные земскіе органы обнаружили недостаточное знакомство съ условіями экономическаго быта и благосостоянія мѣстнаго населенія и сильную разрозненность при достиженіи одинаковыхъ цѣлей по округамъ, что выразилось въ назначеніи крайне неодинаковыхъ кредитовъ на одноименныя потребности, величина коихъ часто находится въ обратномъ отношеніи къ дѣйствительнымъ въ оныхъ потребностямъ». Въ примѣръ такой неодинаковости кредитовъ приводились цифры на народное образованіе и на подводную повинность. По Міускому округу, напр., несмотря на значительно меньшую площадь и меньшее число его жителей, расходовалось на подводную повинность на $11^1/_2$ тысячъ и $24^1/_2$ т. р. больше, нежели по Усть-Медвѣдицкому и Хоперскому округамъ.

Во второмъ докладѣ предсѣдатель на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ страницъ приводилъ цифры въ доказательство полнаго несоотвѣтствія назначенія расходныхъ смѣтъ съ дѣйствительно произведенными расходами; такъ, смѣта на удовлетвореніе областныхъ потребностей въ 1877—78 гг., по крайней мѣрѣ, на 28% превышала общую цифру дѣйствительныхъ расходовъ областного земства за это время. Такое несоотвѣтствіе указываетъ на «произвольность» въ назначеніи смѣтныхъ кредитовъ, «въ большинствѣ случаевъ далеко превышающихъ дѣйствительную потребность»,— что, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ о «пренебреженіи управы къ общественнымъ интересамъ».

Но и «небрежность», и «некомпетентность», и «произвольность», и «нерадѣніе объ общественныхъ интересахъ» — все это, по словамъ докладчика, только частныя проявленія одного и того же свойства, присущаго въ одинаковой степени какъ областной, такъ и окружнымъ земскимъ управамъ. Все это—результатъ «юношеской порывистости» земства; а въ основѣ «порывистости» лежитъ стремленіе все забрать въ свои руки, въ подрывъ авторитету и въ ущербъ полнотѣ власти попечительнаго начальства.

«Съ какою-то юношескою порывистостью, — говорилъ ген. Маслаковецъ—принявъ въ свои руки бразды правленія, органы земскаго самоуправленія немедленно *вступили на путь распространенія сферы своей дѣятельности*. Вопросы, смѣняя одинъ другого, разрѣшались съ необыкновенной поспѣшностью, и земскія собранія, конкурируя другъ передъ другомъ, *старались* въ первый же годъ своего существованія *обнять своими постановленіями большую часть, если не всѣ отрасли, земскихъ потребностей*».

*) Стр. 52—54.

Рѣзче всего ихъ нетерпѣніе отразилось на возможно большемъ сокращеніи натуральныхъ повинностей и переложеніи ихъ въ денежныя. И, если большинство населенія запротестовало противъ такого нововведенія, то «не непониманіе собственной пользы выразилось со стороны казаковъ въ этомъ фактѣ», а, напротивъ, причиною его явилось «отсутствіе у земскихъ собраній пониманія общественнаго строя и потребностей станичныхъ и сельскихъ обществъ», причиною его явилось «неосторожное увлеченіе управъ общими взглядами на финансовыя операціи, безъ предварительнаго ознакомленія съ ихъ примѣнимостью среди мѣстнаго населенія и безъ достаточнаго знакомства съ его дѣйствительными потребностями». Только такимъ непониманіемъ «мѣстнаго строя» и «мѣстныхъ потребностей» и можно объяснить рѣшимость земства провести такую реформу.

И напрасно ссылаются управы на то, будто бы переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя имѣлось въ виду «уравненіе тяжестей ихъ между всѣми наличными источниками платежныхъ силъ». Истинныя намѣренія здѣсь въ сущности были совсѣмъ иныя. И ген. Маслаковецъ срывалъ маску съ земскихъ органовъ и разоблачалъ ихъ тайныя вожделѣнія. Такой реформой—говоритъ докладчикъ—органы земскаго самоуправленія *расширяли собственную юрисдикцію*, такъ какъ *окружная администрація*, наблюдавшая прежде за исправнымъ отбываніемъ населеніемъ натуральныхъ повинностей, съ новымъ (введеннымъ земствомъ) порядкомъ отбыванія ихъ, естественно, отходила уже на задній планъ *).

«Такія широкія стремленія земскихъ органовъ, — продолжалъ докладчикъ — естественно, требовали и не менѣе широкихъ средствъ»; а такъ какъ, благодаря неспособности управъ, окружныя земскія кассы съ перваго же года, при громадныхъ недоимкахъ, оказались «въ неблестящемъ состояніи» и такъ какъ земскіе органы все же «не желали отказаться отъ заманчивой роли— съ перваго шага стать, такъ сказать, полными хозяевами—распорядителями всѣхъ мѣстныхъ земскихъ потребностей, какъ равно и источниковъ платежныхъ силъ», то земскія управы, въ погонѣ за деньгами, «усвоили себѣ извѣстный взглядъ на общій войсковой капиталъ, и источники доходовъ послѣдняго, въ силу такого взгляда, привлекаются къ обложенію денежными земскими сборами далеко въ большей пропорціи, относительно ихъ цѣнности и дѣйствительной доходности, чѣмъ всѣ прочія платежныя земскія силы». Такое же отношеніе со стороны земства замѣчается къ каменноугольнымъ участкамъ, къ Грушевскому району съ дѣйствующими въ немъ шахтами частныхъ углепромышленниковъ. Такое обложеніе, въ которомъ сказалось «желаніе земства обойти за-

---

*) Труды коммиссіи, стр. 80.

конъ», запрещающій обложеніе сборами каменноугольной промышленности, оказывается уже, по словамъ ген. Маслаковца, «проявленіемъ чистѣйшаго произвола» и проведено было только потому, что «подобнаго рода антилегальнымъ способомъ земство разсчитывало съ сравнительно незначительной площади въ 800 дес. извлечь огромный доходъ въ земскую кассу». Благодаря высокому обложенію войсковой капиталъ «за одинъ 1878 г. напрасно потерялъ до 80 т. р.; столько же напрасно теряли и всѣ исправные плательщики земства».

Такія «особенности» въ дѣятельности земскихъ учрежденій «едва-ли могутъ быть названы сколько-нибудь благопріятными для процвѣтанія земской реформы».

«Поэтому и причины затрудненій, встрѣченныхъ земскими органами, слѣдуетъ прежде всего искать *въ нихъ самихъ*, а не въ современныхъ экономическихъ затрудненіяхъ края, или, и того менѣе, въ условіяхъ отбыванія казачьимъ населеніемъ воинской повинности», такъ что «всеобщее неудовольствіе, соединенное съ крайнимъ недовѣріемъ къ миссіи земскихъ учрежденій, есть *вполнѣ справедливое возмездіе* опекаемыхъ земскими органами общественныхъ слоевъ, интересы коихъ наиболѣе при этомъ затрогивались» *).

Къ счастью, дѣло еще поправимо, — говорилъ докладчикъ – и средство для этого—очень простое: «централизація». Единственное спасеніе, единственно правильный путь—«въ болѣе тѣсномъ соединеніи земскихъ органовъ съ мѣстной администраціей и въ подчиненіи ихъ серьезному независимому отъ нихъ правительственному контролю» *) Помимо всѣхъ прочихъ выгодъ, такимъ единеніемъ земства съ администраціей

„окончательно устранялось бы то вредное для дѣла *стремленіе къ препирательствамъ съ администраціею, которымъ такъ сильно заражены земскіе органы не только въ Донской области, но и въ другихъ мѣстахъ имперіи*".

Такова была сущность обвиненій, предъявленныхъ донскому земству.

Въ своихъ докладахъ ген. Маслаковецъ явился лишь выразителемъ взглядовъ и стремленій вообще противниковъ земства; онъ лишь сконцентрировалъ и обставилъ всѣми возможными аргументами все то, что въ разное время высказывалось противъ земства его многочисленными противниками, и сказалъ, такимъ образомъ, отъ ихъ имени ихъ «послѣднее слово».

Сколько же въ этихъ обвиненіяхъ было правды?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дали присутствовавшіе въ коммиссіи представители земства, А. А. Донецкій и В. Ф. Федоровъ.

---

*) Тр. комм., стр. 91.

**) Труды коммиссіи, стр. 84–90.

VIII.

Отвѣтъ земцевъ.—Столкновенія съ предсѣдателемъ.—Закрытіе коммиссіи.

«Если даже допустить, что въ истекшемъ трехлѣтіи дѣятельность земскихъ органовъ (какъ пытается доказать ген. Маслаковецъ) была только сцѣпленіемъ однихъ промаховъ и грубыхъ ошибокъ, то и тогда, прежде, чѣмъ поднимать вопросъ о необходимости большей централизаціи мѣстныхъ органовъ земскаго самоуправленія и подчиненіи ихъ серьезному правительственному контролю, надо было доказать, что эти ошибки и промахи были, есть и непремѣнно будутъ, что безъ опеки мѣстной администраціи земскіе органы, по волѣ какого-то неумолимаго рока, никогда не найдутъ прямого пути къ цѣли, составляющей ихъ призваніе. Но, такъ какъ предсѣдатель, по понятнымъ причинамъ, уклонился отъ подобной неблагодарной работы—доказывать фатальную необходимость вѣчныхъ скитаній земства въ заколдованномъ кругу опасныхъ для населенія заблужденій—и такъ какъ принятое имъ за аксіому положеніе не только не можетъ быть признано таковымъ, но и является логически невозможнымъ (земство не можетъ постоянно жить въ разладѣ съ обществомъ, состоя изъ выборныхъ представителей этого общества и находясь подъ его контролемъ), то единственнымъ выводомъ, который вытекаетъ изъ неспособности мѣстныхъ земскихъ органовъ служить съ пользою своему назначенію, было бы—дать совѣтъ обществу выбрать болѣе подходящихъ для земской роли дѣятелей, а отнюдь не проектировать возстановленія тѣхъ прерогативъ мѣстной администраціи, которыя нѣкогда ей принадлежали и законодательнымъ актомъ 1864 г. отмѣнены, какъ несоотвѣтствующія потребностямъ дальнѣйшаго культурнаго развитія страны. На самомъ же дѣлѣ, и тѣ грубые промахи, упущенія, незаконныя дѣйствія, въ какихъ обвиняетъ ген. Маслаковецъ донское земство, существуютъ лишь въ докладахъ предсѣдателя коммиссіи».

Такъ началъ свой отвѣтъ Маслаковцу А. А. Донецкій. И дальше, шагъ за шагомъ слѣдуя за прочитанными докладами, путемъ сопоставленія ряда «фактовъ и цифръ», Донецкій показалъ, къ какимъ ухищреніямъ, извращеніямъ и передержкамъ долженъ былъ прибѣгнуть предсѣдатель для того, чтобы построить по задуманному плану свой «разносъ».

Прежде всего, для сравненія бюджетовъ предсѣдатель взялъ смѣты разныхъ годовъ, при томъ земскія смѣты уже законченныя, а войсковыя далеко неисполненныя. Кромѣ того, для сравненія имъ взяты бюджеты областного правленія и земскихъ органовъ,—учрежденій, почти ничего общаго между собою не имѣющихъ.

Въ то время, какъ кругъ дѣятельности областного правленія, какъ бюрократическаго учрежденія, строго очерченъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ выходитъ изъ разъ опредѣленныхъ границъ,—дѣятельность земскихъ учрежденій разнообразна и неопредѣленна, какъ разнообразны и неопредѣленны вопросы о многочисленныхъ пользахъ и нуждахъ населенія; областное правленіе имѣетъ за собой десятки лѣтъ существованія, донское земство только народилось, при томъ при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ.

Въ виду этого было бы полезнѣе для дѣла и убѣдительнѣе взять въ сравненіе бюджеты земствъ Донской области и сопредѣльныхъ съ нею губерній. Изъ такого сравненія оказалось бы, что, тогда какъ на содержаніе управъ екатеринославскаго, саратовскаго, воронежскаго и тамбовскаго земства приходится отъ $10^1/_2$ до $19^1/_2$% общей суммы земскихъ расходовъ, на содержаніе управъ въ донскомъ земствѣ падаетъ всего лишь $6^1/_2$%.

Кромѣ того, изъ представленныхъ г. Донецкимъ оффиціальныхъ данныхъ выяснилось, что показанная ген. Маслаковцомъ цифра войскового бюджета значительно преувеличена, а цифра земскаго бюджета, наоборотъ, такъ же «неподлежательно» уменьшена. Выяснилось, что въ дѣйствительности содержаніе областного правленія обходилось не въ 132 т. р., а въ 217 т. р., составляя, такимъ образомъ, не 4%, а 8% *неисполненнаго войскового бюджета*; что и на медицину съ ветеринаріей по войсковой смѣтѣ значится не 45 (какъ показалъ ген. Маслаковецъ), а лишь 27 т. р., т. е. менѣе 1% всего смѣтнаго назначенія, тогда какъ земство во второй же годъ своего существованія затратило по этой статьѣ 3,3% своего бюджета,—откуда и явствуетъ, что нельзя, вмѣстѣ съ предсѣдателемъ, утверждать, будто войско, въ заботливости своей объ охраненіе народнаго здоровья «далеко оставило за собой мѣстное земство». Открылось также, что въ цифру войскового бюджета по народному образованію предсѣдатель включилъ $23^1/_2$ т. р., ассигнованныхъ на устройство *тира* для воспитанниковъ новочеркасскаго юнкерскаго училища; кромѣ того, г. Донецкій указалъ, что ген. Маслаковецъ въ оцѣнкѣ дѣятельности земства по народному образованію расходится съ другимъ представителемъ мѣстной администраціи, войсковымъ наказнымъ атаманомъ, который уже въ 1878 г., отмѣтивъ «отрадный фактъ» ежегоднаго увеличенія земскаго кредита на эту статью, заявилъ, что «окружныя земскія собранія назначили на народное просвѣщеніе суммы, въ общей сложности превышающія подобнаго же рода войсковыя издержки».

По вопросу о недоимкахъ г. Донецкій представилъ «цѣлую серію фактовъ», гдѣ полиція, несмотря на точность указанныхъ въ окладныхъ листахъ адресовъ, не могла разыскать землевладѣльцевъ въ теченіе двухъ и болѣе лѣтъ, такъ что «главнымъ виновникомъ накопленія недоимокъ, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть признаны полицейскіе органы, а не земскіе». Другой представитель земства добавилъ къ этому, что до введенія въ области земства, когда и составленіе, и разсылка окладныхъ листовъ сосредоточивались въ рукахъ административныхъ органовъ, напр., въ 1872 году, изъ 288 т. р., слѣдовавшихъ ко взысканію по окладнымъ листамъ, въ дѣйствительности поступило лишь 24 т. р., или $8^1/_4$% общей суммы, т. е. недоимокъ оказалось втрое больше, нежели при выборномъ земствѣ (25%). Такимъ образомъ, если размѣръ недоимокъ взять критеріемъ для сужденія о «компетентности» или некомпетентности

земскихъ и административныхъ органовъ въ дѣлѣ «выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей», то результаты сравненія окажутся рѣшительно не въ пользу административныхъ учрежденій.

Что касается утвержденія, будто бы неправильное отправленіе окладныхъ листовъ въ областное правленіе (а не въ станичныя общества) должно было вселить въ казакахъ увѣренность въ незаконности земскихъ сборовъ, то неосновательность такого утвержденія видна хотя бы изъ того, что и тѣ станичныя общества, которымъ листы были адресованы непосредственно (въ 1 и 2 Донскихъ окр., въ У.-Медвѣдицк. окр.), и даже тѣ, которыя ихъ до сихъ поръ не получали (въ Черкасск., Донецк. окр.), тѣмъ не менѣе выразили рѣшительный протестъ противъ существованія земскихъ учрежденій—отказомъ выбирать гласныхъ въ собранія.

Въ отвѣтъ на упреки предсѣдателя въ томъ, что земскіе дѣятели «громко заявляютъ» о необходимости равномѣрнаго распредѣленія повинностей между плательщиками земскихъ сборовъ, представители земства замѣтили, что, во первыхъ, въ этомъ не было бы ничего предосудительнаго, такъ какъ земскіе дѣятели не ограничились одними «заявленіями»; а во-вторыхъ,

„совсѣмъ ничего не заявляя о величіи своихъ плановъ, они самымъ обыкновеннымъ образомъ совершили не менѣе обыкновенное дѣло: исполнили, какъ понимали, свой долгъ, установивши такой порядокъ отбыванія повинностей, какой вызывался требованіями самой элементарной справедливости“.

Рядомъ цифръ показавъ, насколько уменьшились расходы по подводной повинности съ переложеніемъ ея изъ натуральной въ денежную, представители земства причину недовольства проведенной реформой видѣли, во-первыхъ, въ нерасположеніи казака къ земскимъ учрежденіямъ самимъ по себѣ, а не къ дѣятельности органовъ ихъ; вторая, скрытая, причина заключалась, по указанію земцевъ, въ нежеланіи многихъ лицъ, свободныхъ при прежнемъ порядкѣ отъ отбыванія этой повинности, принимать участіе въ ея отправленіи. Съ этой стороны, распоряженія земскихъ собраній, дѣйствительно, пошли въ разрѣзъ съ «бытовыми условіями» казачьяго населенія.

„Но оставлять неприкосновенными эти условія, хотя бы и исторически сложившіяся, нѣтъ достаточныхъ основаній, когда обстоятельста дѣла указываютъ на очевидную пользу отъ измѣненія ихъ; подчинять насущныя потребности, вытекающія изъ жизни населенія и обнимающія интересы большинства, простому, ни на чемъ серьезномъ не основанному, желанію меньшинства—и несправедливо, и неестественно“.

Къ этому А. А. Донецкій сообщилъ «историческую справку», изъ которой выяснилось, что неравномѣрность и обременительность подводной повинности, при натуральномъ способѣ ея отбыванія, была настолько для всѣхъ очевидна, что еще въ 1867 г. и коми-

тетъ, составлявшій проектъ положенія о примѣненіи къ области земскихъ учрежденій, и коммиссія, этотъ проектъ разсматривавшая, и бывшій тогда наказнымъ атаманомъ ген.-ад. Чертковъ признавали необходимость переложенія прежняго способа отбыванія этой повинности въ денежный. Наконецъ, «особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе» въ послѣдніе годы своего существованія собирало уже необходимыя свѣдѣнія для такого переложенія. Такимъ образомъ, во-первыхъ, преобразованіе порядка въ отбываніи подводной повинности явилось бы дѣломъ самой администраціи, если бы почему-либо введеніе земства на Дону замедлилось; во-вторыхъ, необходимость такого преобразованія была сознана представителями самого населенія, такъ какъ въ комитетѣ 1867 г. въ числѣ 24 членовъ, избранныхъ отъ всѣхъ сословій, станичныя и сельскія общества имѣли 10 депутатовъ. Въ земскихъ же собраніяхъ, переложившихъ повинность въ денежную, изъ числа 312 гласныхъ 178 принадлежало станичнымъ (127) и сельскимъ (51 челов.) обществамъ, при чемъ во всѣхъ округахъ, кромѣ Черкасскаго, численный перевѣсъ былъ на сторонѣ гласныхъ отъ станичныхъ и сельскихъ обществъ. Кромѣ того, такое переложеніе повинности проведено не въ двухъ, а во всѣхъ округахъ. Обвинять, при всѣхъ этихъ условіяхъ, земскія учрежденія въ «непониманіи общественнаго строя и потребностей станичныхъ и сельскихъ обществъ» было бы «слишкомъ смѣло», да и a priori трудно предположить, чтобы «гласные земскихъ собраній, вышедшіе изъ среды мѣстнаго населенія, знали бытъ его менѣе основательно, чѣмъ большинство членовъ коммиссіи».

На утвержденіе, будто бы переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежныя земство, прикрываясь красивыми фразами, въ дѣйствительности стремилось лишь къ «расширенію своей юрисдикціи», къ захвату власти, земцы возражали, что, если бы предсѣдатель обратилъ должное вниманіе на дѣйствующія по данному предмету законоположенія, то онъ увидѣлъ бы, что «прерогативы земскихъ учрежденій не такъ скромны, какъ онъ думаетъ... что и въ сферѣ завѣдыванія натуральными повинностями земству, а не полиціи, отведено первое мѣсто». Слѣдовательно, земство въ данномъ случаѣ «и не могло сдѣлать какихъ-либо на счетъ окружной полиціи пріобрѣтеній въ смыслѣ расширенія своихъ правъ».

Въ объясненіе «неравномѣрности» по округамъ ассигновокъ на народное образованіе земскіе представители напомнили коммиссіи, что условія и наличныя средства для достиженія возможнаго уровня далеко не вездѣ одинаковы; законодательство же предоставляетъ земскимъ собраніямъ полную самостоятельность въ этомъ отношеніи, такъ что желаніе предсѣдателя стѣснить эту самостоятельность явилось уже прямымъ «посягательствомъ на дорогія права, дарованныя земству закономъ 1 янв. 1864 г.». Что касается кредитовъ на подводную повинность, то неравномѣрность ихъ объясняется неодинаковою потребностью округовъ, рез-

личіемъ взглядовъ на эту повинность мѣстной полиціи и другими причинами, устраненіе которыхъ лежитъ внѣ средствъ земства. Въ частности большая сравнительно цифра въ Міусскомъ округѣ объясняется большею стоимостью здѣсь лошади и нигдѣ въ другихъ округахъ не наблюдаемымъ обиліемъ здѣсь населенныхъ мѣстъ съ волостными и сельскими правленіями; кромѣ всего этого, отношеніе начальника Міусскаго округа къ заявленіямъ мѣстной управы (объ уменьшеніи числа лошадей) было далеко не то же, что въ другихъ округахъ. А разъ начальникъ округа не соглашался сдѣлать какія-либо уступки, земство, по закону, волей неволей было обязано, хотя бы непроизводительно, затрачивать деньги на содержаніе требуемаго имъ количества станцій и лошадей. Но, что оказалось интереснѣе всего, разница въ цифрахъ издержекъ по округамъ на подводную повинность не только существовала еще въ то время, когда она находилась въ вѣдѣніи административныхъ органовъ, но и была гораздо значительнѣе, нежели при земствѣ: расходы на нее въ Міусскомъ округѣ превышали расходы У.-Медвѣдицкаго и Хоперскаго округовъ не на $11^1/_2$ и $24^1/_2$ т. р., (что Маслаковецъ ставилъ въ упрекъ земству), а на 20 и 33 т. руб.

По поводу несоотвѣтствія между расходами, смѣтными и дѣйствительно произведенными, земскіе представители не могли не отмѣтить странности утвержденія, будто бы земскіе кредиты на народное образованіе и медицину «*превышаютъ* дѣйствительную въ нихъ потребность населенія». Мыслимо ли бы дѣлать подобное утвержденіе относительно области, гдѣ до земской реформы 92% дѣтей школьнаго возраста не могли получить даже начальнаго образованія и гдѣ почти отсутствовала медицинская помощь? Но особенно странно звучало такое утвержденіе въ устахъ предсѣдателя, который въ другомъ мѣстѣ своего доклада посылалъ по адресу земства упреки за то, что послѣднее меньше, нежели администрація, тратитъ денегъ на санитарію и школы, и дѣлалъ отсюда выводъ, будто бы «въ дѣлѣ удовлетворенія наиболѣе насущныхъ потребностей населенія администраціи принадлежитъ первенствующее мѣсто, а не земству»...

Обвиненіе, будто земскіе органы стремятся пользоваться возможно большимъ сборомъ съ войсковыхъ земель, также, по словамъ земцевъ, было ни на чемъ не основано; наоборотъ, войсковая земля, сравнительно съ частновладѣльческою, находится даже въ привилегированномъ положеніи въ смыслѣ размѣровъ падающаго на нее земскаго обложенія.

Что касается земскаго обложенія каменноугольной промышленности, то мотивы, побудившіе земство къ такому обложенію, своевременно (въ 1876 г.) были высказаны областнымъ земскимъ собраніемъ: ко времени земской реформы на Дону эта отрасль промышленности значительно развилась и окрѣпла (въ 1874 г. вывезено болѣе $28^1/_2$ милл. пуд., въ 1875 г.—35 милл. п.); спросъ на

уголь постоянно возрасталъ; кромѣ того, шахтовладѣльцы пользовались такими громадными привилегіями отъ войска и правительства, что не нуждались въ дальнѣйшемъ поощреніи земства, и избавленіе ихъ отъ земскаго обложенія было бы актомъ величайшей несправедливости, особенно по отношенію къ другимъ, обремененнымъ всевозможными налогами, имуществамъ, напр., по отношенію къ сельскому хозяйству, находившемуся въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ и дававшему значительно меньшій, менѣе вѣрный и менѣе постоянный доходъ. Ссылка на «незаконность» обложенія ни на чемъ не основана; кромѣ того, земскія смѣты и раскладки передъ введеніемъ ихъ въ дѣйствіе разсматривались и утверждались войсковою администраціею, которая, слѣдовательно, въ дѣйствіяхъ земства не видѣла ничего противозаконнаго.

По поводу упрековъ въ «юношеской порывистости», въ стремленіи «въ первый же годъ существованія обнять своими постановленіями большую часть, если не всѣ отрасли, земскихъ потребностей», В. Ф. Федоровъ замѣтилъ:

„Я не знаю, на чемъ основано такое заключеніе предсѣдателя. Скромная исторія донского земства меня убѣждаетъ, что органы его далеко еще не всѣ отрасли земскаго хозяйства обняли своими постановленіями и впереди предстоитъ весьма многое, что нынѣ совсѣмъ не затронуто. Во всякомъ случаѣ, приписываемое молодымъ органамъ земскаго самоуправленія отношеніе къ отраслямъ земскаго хозяйства, свидѣтельствующее о стремленіи ихъ возможно строже исполнить возложенныя на нихъ закономъ обязанности, скорѣе должно быть поставлено имъ въ заслугу, нежели въ упрекъ. Возбужденные же ими вопросы вызваны были не „конкуренціею“, которую напрасно предсѣдатель кладетъ въ основу ихъ дѣятельности, а многочисленными и сложными нуждами края, въ интересахъ котораго они и получали посильное разрѣшеніе и направленіе.

„Если такимъ образомъ дѣятельность земскихъ органовъ не была ни „безпорядочной“, ни „антилегальной“, ни „произвольной и преднамѣренной“, то, значитъ, не составляла она, вопреки увѣреніямъ предсѣдателя, и причины недовольства земскими учрежденіями. А разъ это такъ, то нѣтъ ни малѣйшей надобности и въ осуществленіи того проекта, которымъ рекомендуется примѣненіе къ донскому земству „большей централизаціи“, подчиненіе его „серьезному, независимому отъ него правительственному контролю“ и „болѣе тѣсное соединеніе его съ мѣстной администраціей“,—который, другими словами, „самымъ легальнымъ путемъ ведетъ къ совершенному упраздненію на Дону земскихъ учрежденій“. Принять подобный проектъ — значило бы сдѣлать „безповоротный шагъ назадъ, къ тому времени, когда существовали „комитеты о земскихъ повинностяхъ“, а вмѣстѣ съ ними—полный застой въ экономической жизни народа“. „Принявъ свои выводы, добытые путемъ изслѣдованія земскихъ смѣтъ и раскладокъ въ финансовомъ и контрольномъ отношеніяхъ, за неоспоримую истину, ген.-м. Маслаковецъ — замѣтилъ Донецкій—забылъ, что протестъ станичныхъ обществъ противъ земской реформы не могъ быть результатомъ такого, недоступнаго ихъ силамъ, анализа, и доклады предсѣдателя представляютъ собою только неудачную попытку объяснить земскую неурядицу „некомпетентностью“ земскихъ органовъ и „нелегальностью“ ихъ стремленій.“

Выбранная изъ членовъ коммиссіи подкоммиссія причиною не-

доразумѣній въ станичныхъ обществахъ признала опасеніе казаковъ обратиться въ «податное сословіе», при чемъ отмѣтила роль, которую сыграли при этомъ и экономическое оскудѣніе станицъ, и продолжительная военная служба, и военная организація края; возможныя же ошибки въ дѣятельности земскихъ учрежденій подкомиссія признала несущественными, находя, что, не будь станицы такъ вооружены противъ налоговъ на землю, такія ошибки «прошли бы незамѣтно» *).

Однако, и докладъ подкомиссіи, и «особое мнѣніе» земскихъ представителей, еще болѣе расходившихся во взглядахъ съ предсѣдателемъ, такъ же какъ и рядъ другихъ докладовъ, записокъ и заявленій, коммиссія оставила безъ разсмотрѣнія, признавая ихъ «не вызывающими на какія-либо обсужденія и пренія».

И это вполнѣ понятно при той предрѣшенности предложенныхъ на ея обсужденіе вопросовъ, о которой была рѣчь выше, и при томъ составѣ, какой имѣла коммиссія.

Члены ея рѣзко распадались на двѣ группы. Одну составляли представители земства, другую—лица, большею частью совершенно чуждыя пониманія мѣстныхъ нуждъ и интересовъ и принципіальные противники земства: представители военнаго и гражданскаго управленія области, областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, донской казенной палаты, землевладѣльцевъ и частныхъ коннозаводчиковъ, во главѣ съ предсѣдателемъ ген. Маслаковцомъ.

При такомъ составѣ вполнѣ естественна и та рознь, какая съ самаго начала обнаружилась среди членовъ коммиссіи, доходя порою до открытыхъ столкновеній.

Поводовъ для столкновеній достаточно давало самое распредѣленіе засѣданій коммиссіи и планъ ея занятій. Тогда какъ первыя засѣданія происходили черезъ громадные промежутки времени отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, послѣднія, рѣшающія, пошли ускореннымъ темпомъ, назначаясь каждый день. Напрасно протестовали противъ такой стремительности земскіе представители, доказывавшіе, что, выслушивая каждый вечеръ по нѣскольку пространнѣйшихъ докладовъ, заполненныхъ рядами цифръ и всевозможными таблицами, немыслимо сейчасъ же подвергнуть ихъ надлежащей оцѣнкѣ; безрезультатны были заявленія, что ими въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ представлены обстоятельныя записки, которыя многое объяснятъ и многое представятъ въ иномъ освѣщеніи: засѣданія продолжали слѣдовать одно за другимъ, безъ разбора не только деталей, но и существа затронутыхъ вопросовъ.

Одно изъ засѣданій члены отъ земства вынуждены были покинуть «за позднимъ временемъ и физической усталостью». А на слѣдующій день поступило отъ нихъ заявленіе, что ими рѣшено выйдти изъ состава коммиссіи. И только увѣренія ген. Маслаковца,

*) Тр. комм., стр. 133.

что «за каждымъ изъ членовъ остается право представить свое мнѣніе письменно» и что такія мнѣнія «ни въ какомъ случаѣ не будутъ оставлены безъ вниманія среди работъ по земскому вопросу»,— только эти завѣренія, да надежда своимъ участіемъ предотвратить опасность, грозившую со стороны коммиссіи самому существованію земства, побудили земцевъ отказаться отъ принятаго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе, пользуясь случаемъ, они заявили, что коммиссія явно выказываетъ враждебное отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ, совершенно игнорируетъ принятый ею безъ преній докладъ подкоммиссіи, безъ всякихъ преній дѣлаетъ постановленія, не выслушавъ даже заявленія отъ членовъ земства, и что, если большинство коммиссіи не найдетъ возможнымъ возвратиться къ болѣе серьезной и спокойной работѣ, всѣ рѣшенія ея неизбѣжно окажутся односторонними.

Послѣ этого засѣданія ген. Маслаковецъ уѣхалъ въ Петербургъ, а по его пріѣздѣ состоялось еще одно засѣданіе, оказавшееся послѣднимъ. На немъ большинствомъ 4 голосовъ (включая сюда предсѣдателя) противъ 3-хъ было порѣшено, что «земскія учрежденія на Дону не пользуются сочувствіемъ большинства населенія»; что «нѣтъ основаній разсчитывать на измѣненіе къ лучшему земскаго дѣла въ будущемъ, при нынѣшнихъ его условіяхъ», и, наконецъ, что «необходимъ пересмотръ правилъ о земскихъ учрежденіяхъ и измѣненіе ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ и бытовымъ особенностямъ казачьяго населенія».

17-го мая 1880 г. коммиссія была объявлена закрытой.

IX.

Земство о коммиссіи Маслаковца и о казачьемъ недовольствѣ.—Поворотъ въ настроеніи казачества.—„Слухи и факты".—Проектъ Маслаковца.—1 марта 1881 г. и новыя вѣянія.

Коммиссія Маслаковца повисла надъ земствомъ какою-то зловѣщею тучей. Открытое превращеніе ея въ форменное судилище надъ земствомъ, безцеремонное обращеніе съ цифрами и фактами, нескрываемое пренебреженіе ко всему тому, что противорѣчило взглядамъ предсѣдателя, въ связи съ развязностью и увѣренностью, съ какими онъ дѣлалъ свое дѣло, наконецъ, неожиданное закрытіе коммиссіи—все это ни въ комъ не оставляло сомнѣнія на счетъ характера той «миссіи», какая возлагалась на нее въ центральныхъ правительственныхъ и мѣстныхъ административныхъ сферахъ. Легко поэтому представить, съ какимъ интересомъ мѣстное общество ожидало открытія очередной сессіи земскихъ собраній, которыя должны были сказать свое слово о «трудахъ» коммиссіи и высказать собственный взглядъ на земскую неурядицу.

Коммиссіи, дѣйствительно, пришлось выслушать нелестную

оцѣнку своей дѣятельности со стороны какъ окружныхъ, такъ и областного земскихъ собраній.

По мнѣнію областного собранія, коммиссія ген. Маслаковца, благодаря программѣ военнаго министра, съ самаго начала «поставила себя въ фальшивое положеніе», занявшись главнымъ образомъ «восхваленіемъ дореформенныхъ порядковъ и подыскиваніемъ всевозможныхъ обвиненій противъ земскихъ учрежденій, съ очевидною цѣлью проектировать затѣмъ уничтоженіе ихъ»; коммиссія не придала надлежащаго значенія имѣвшемуся въ ея распоряженіи матеріалу, «ничего не сдѣлала относительно своей существенной задачи—устраненія недоразумѣнія и изыскасканія мѣръ къ практическому примѣненію въ области земскихъ учрежденій» и потому «совсѣмъ не выполнила своего назначенія и не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ» *).

Такъ какъ, далѣе, поставленную задачу не въ состояніи была бы рѣшить «никакая административная коммиссія, какія бы полномочія при этомъ ни были ей присвоены», и такъ какъ полагаться въ данномъ случаѣ на областное правленіе также нѣтъ никакихъ основаній, то областное земское собраніе, глубоко убѣжденное въ томъ, что «съ дальнѣйшими судьбами донского земства связаны самые дорогіе интересы края», инціативу въ этомъ дѣлѣ «долгомъ своего призванія» сочло взять въ свои руки, «не полагаясь на постороннія силы», и рѣшило высказать собственное мнѣніе о причинахъ земской неурядицы.

Съ этой цѣлью собраніемъ была выбрана коммиссія (А. А. Донецкій, А. А. Карасевъ, Ф. И. Авиловъ, И. М. Поповъ), и заключеніе ея было затѣмъ формулировано въ качествѣ постановленія собранія.

Недовольство казаковъ земствомъ, по заключенію этой коммиссіи, было обусловлено «всѣмъ строемъ экономической жизни донского населенія и господствующими въ немъ понятіями», благодаря которымъ казакъ не выносилъ «ни малѣйшаго обложенія, идущаго не отъ почина станичнаго управленія»; земскія учрежденія, какъ казалось казаку, «нарушали самыя основныя стороны его міровоззрѣнія», являлись «могилой для ихъ правъ и привилегій», и примириться съ ними значило для казака «забыть преданія прошлаго, отказаться отъ порядковъ, освященныхъ вѣковою давностью, и слиться съ массой обложенныхъ подушною податью людей» (Донецкій). Собраніе отмѣтило и всѣ обстоятельства, способствовавшія укрѣпленію и росту протеста казаковъ, въ видѣ обнищанія населенія, агитаціи чиновниковъ, поддержанной администраціею, и т. д.

Исходя затѣмъ изъ той мысли, что, находясь подъ постоянной угрозой своему существованію, земскія учрежденія лишены возможности дѣлать что-нибудь капитальное, собраніе признало необходимымъ скорѣйшее разрѣшеніе земскаго вопроса и постановило

*) Сб. Обл. Зем., 1880 г., стр. 81—2.

возбудить ходатайство о предоставленіи донскому земству права имѣть—въ лицѣ предсѣдателя областного земскаго собранія и двухъ областныхъ гласныхъ — своихъ представителей «въ тѣхъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, которыя будутъ разсматривать проектъ измѣненій въ правилахъ о земскихъ на Дону учрежденіяхъ».

«Если же ходатайство желаннымъ успѣхомъ не увѣнчается,—постановило собраніе—то послать къ военному министру депутацію, для выясненія причинъ, вызвавшихъ ненормальное положеніе и для указанія средствъ къ ихъ устраненію, а въ случаѣ необходимости и для доклада государю императору» *).

Въ заключеніе областное собраніе выразило увѣренность, что земскій вопросъ будетъ рѣшенъ въ смыслѣ сохраненія на Дону земскихъ учрежденій «со всѣми правами и обязанностями, присвоенными имъ закономъ 1 іюня 1875 г., такъ какъ только эти права въ состояніи возвратить странѣ утерянное ею процвѣтаніе, и только они одни послужатъ самою крѣпкою связью между областью и общимъ нашимъ отечествомъ—Россіей» **).

Въ такомъ же смыслѣ высказались окружныя земскія собранія: хоперское, первое донское, донецкое и др.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду все усиливавшихся толковъ о предстоящемъ упраздненіи земскихъ учрежденій, въ части казачества произошелъ любопытный поворотъ въ его отношеніяхъ къ земству.

Отдѣльныя станицы въ различныхъ округахъ, наряду съ волостями, спѣшатъ составленіемъ на сборахъ общественныхъ приговоровъ, въ которыхъ земскія учрежденія признаются «полезными и благодѣтельными», приносится благодарность «дѣятелямъ правительства», введшимъ эти учрежденія, и выражаются настойчивыя ходатайства о сохраненіи ихъ и «на предбудущее время». Таковы станицы Константиновская, Кочетовская, Гол.-Калитвенская и др. Арчадинское станичное общество, отказавшееся во время общихъ выборовъ избрать своего гласнаго въ усть—медвѣдицкое окружное собраніе, теперь вновь изъявило желаніе воспользоваться правомъ представительства (въ чемъ и не встрѣтилось препятствій со стороны военнаго министра ***). Такіе же приговоры шли изъ волостей различныхъ округовъ (Купавская, Тростянская, Мачушанская); семеновскій волостной сходъ постановилъ: «узнали мы, что комитетъ призналъ безполезными земскія учрежденія. Жаль; это дѣло чиновниковъ»...; перечисливъ далѣе «благодѣянія», которыми населеніе обязано земству (школы, доктора, почта), волость обращалась къ начальству съ просьбой—не передавать земское дѣло бывшему при областномъ правленіи земскому присутствію и не

*) Сб. Обл. Зем., 1880 г., стр. 90, 473.
**) Сб. Обл. Зем., 1881 г., стр. 76.
***) «Дон. Гол.» 1880 г., № 80.

поручать его мѣстной администраціи, иначе все сдѣланное теперь земствомъ пропадетъ,—«о чемъ ходатайствовать предъ г-номъ в. н. атаманомъ и военнымъ министромъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же сходъ выражалъ благодарность Гол.-Колитвенскому обществу, которое однимъ изъ первыхъ возбудило подобное ходатайство *).

Но еще около $1^1/_2$ года должно было пройти въ томительномъ ожиданіи, среди самыхъ противорѣчивыхъ слуховъ и толковъ, еще $1^1/_2$ года земство вынуждено было оставаться въ неопредѣленномъ положеніи, тормазившемъ всѣ крупныя начинанія, и—то со дня на день ожидать окончательно своего упраздненія, то вновь питать надежду на предоставленіе ему возможности дальнѣйшаго развитія и дѣятельности.

Не одни только «слухи» поддерживали это напряженное состояніе, полное тревогъ и самыхъ худшихъ ожиданій. Осязательныхъ, самыхъ безспорныхъ «фактовъ» было также вполнѣ достаточно.

Въ концѣ 1880 года стало извѣстно, что предсѣдатель коммиссіи ген.-м. Маслаковецъ везетъ въ Петербургъ, въ качествѣ мѣры, устраняющей возможность повторенія какихъ бы то ни было «недоразумѣній», собственный проектъ реорганизаціи земскихъ учрежденій, заручившись предварительно сочувственнымъ проекту адресомъ съ 250 подписями. Въ проектѣ предполагалось окружныя земскія управы уничтожить и замѣнить ихъ чиновниками по назначенію, а областное земское собраніе поставить въ полную зависимость отъ военнаго совѣта и мѣстной администраціи **).

Въ январѣ 1881 г. военный министръ гр. Милютинъ препроводилъ на заключеніе атамана записку, въ которой предлагалось испросить высочайшее повелѣніе о временной пріостановкѣ дѣятельности земскихъ учрежденій въ области и возстановить прежній порядокъ отбыванія (натурою) земскихъ повинностей, а затѣмъ выслушать мнѣніе выборныхъ отъ всѣхъ сословій, но не ранѣе, какъ по истеченіи $1—1^1/_2$ года, «чтобы улеглись страсти, возбужденныя взаимными пререканіями между защитниками и противниками земства, и чтобы выяснились начала, на которыхъ можетъ быть устроено земское дѣло на Дону».

Войсковой наказный атаманъ Н. А. Краснокутскій, подъ вліяніемъ виднѣйшихъ изъ земскихъ дѣятелей, представилъ, однако, министру рядъ соображеній, доказывавшихъ неудобство пріостановки дѣятельности земскихъ учрежденій, и высказался за необходимость немедленнаго созыва коммиссіи, въ составѣ не менѣе 100 представителей отъ всѣхъ сословій области. Вмѣстѣ съ тѣмъ аги-

---

*) «Дон. Гол.», 1880 г., № 93, 95, 86 и др.

**) Копію проекта см. въ «Дон. Гол.», 1881 г., №№ 1—3.

тація противъ земства отставныхъ чиновниковъ и офицеровъ, разъѣзжавшихъ по станицамъ, была во всемъ разгарѣ.

Съ напряженнымъ интересомъ печать и общество слѣдили за перипетіями борьбы между земцами и «анти-земцами». Напряженность ожиданія была тѣмъ сильнѣе и неопредѣленность положенія тѣмъ томительнѣе, что вскорѣ послѣдовалъ рядъ крупныхъ перемѣнъ и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и въ средѣ мѣстной администраціи.

1 марта 1881 г. умеръ Александръ II; на постъ военнаго министра, вмѣсто гр. Милютина, вступилъ ген.-ад. П. С. Ванновскій, а на Дону высочайшимъ приказомъ войсковой наказный атаманъ Н. А. Краснокутскій былъ уволенъ по прошенію отъ занимаемой имъ должности и на его мѣсто назначенъ крайній реакціонеръ, ярый врагъ общеобразовательныхъ школъ для казачества и не менѣе ярый ненавистникъ принциповъ самоуправленія, кн. Н. И. Святополкъ-Мірскій.

Наконецъ, послѣдовало долго жданное объявленіе высочайшаго повелѣнія (отъ 17 марта 1881 г.) объ образованіи въ Новочеркасскѣ проектированной предшествующимъ в. н. атаманомъ такъ называемой «коммиссіи ста шести»,—и вмѣстѣ съ тѣмъ станицамъ сдѣлано было предписаніе о выборѣ въ нее уполномоченныхъ.

X.

Предвыборная агитація.—Земцы и „анти-земцы".—„Неповиновеніе начальству".—Казачьи приговоры.

Началась предвыборная агитація.

И, если еще областное земское собраніе ставило въ упрекъ коммиссіи ген. Маслаковца «замѣтную запальчивость, исключавшую всякую возможность безпристрастнаго обсужденія», и «многоразличныя проявленія страстности», проникавшей всѣ ея дѣйствія отъ начала и до конца, если, съ другой стороны, для того, чтобы, по закрытіи коммиссіи улеглись «страсти, возбужденныя взаимными препреканіями между защитниками и противниками земства», признавалось необходимымъ время не менѣе 1—1½ года,—то во время агитаціи передъ выборами въ коммиссію ста шести «страстность», волновавшая всѣ круги мѣстнаго общества, достигла крайней степени напряженія.

По мысли военнаго министра ген.-ад. Ванновскаго, коммиссія должна была представить сводку мнѣній «избранныхъ изъ среды самаго населенія лицъ» по земскому вопросу.

Не безъ основанія поэтому полагали, что тѣ результаты, къ которымъ придетъ коммиссія, будутъ имѣть рѣшающее значеніе для вопроса, «быть или не быть» земству на Дону.

Такое значеніе коммиссіи заставляло противниковъ земства

удвоить усилія для нанесенія ему рѣшительнаго удара. «Донскія Областныя Вѣдомости» съ новымъ жаромъ стали доказывать «экзотичность» земскихъ учрежденій, подкрѣпляя доказательства старыми и новыми обвиненіями земскихъ дѣятелей во всевозможныхъ преступленіяхъ и заранѣе читая имъ отходную. По округамъ и станицамъ зашевелились отставные войсковые старшины, есаулы и полковники, призывая казачество не заводить на Дону «русацкихъ обычаевъ»; ихъ поддерживали гражданскіе чины; кое-гдѣ съ соотвѣтствующими назиданіями съ церковнаго амвона выступали и отцы духовные. И почва для воспріятія такого рода рѣчей была, разумѣется, самая благопріятная. Быть можетъ, именно этимъ обстоятельствомъ объясняется и то, что, въ противовѣсъ этой агитаціи, мы нигдѣ не замѣчаемъ агитаціи сторонниковъ земства, да и тѣ немногочисленныя, отмѣченныя печатью, попытки, которыя дѣлались земцами съ цѣлью разъяснить создавшуюся въ умахъ путаницу,—и эти попытки встрѣчались съ нескрываемымъ недовѣріемъ, открытой непріязнью и даже угрозами.

Цѣлый рядъ станицъ категорически отказался посылать отъ себя депутатовъ въ коммиссію, подозрѣвая, что она назначена лишь «для виду», что истинное ея назначеніе—въ окончательномъ закрѣпленіи на Дону земскихъ порядковъ, выборные же отъ станицъ требуются лишь для того, чтобы они своими подписями скрѣпили постановленія коммиссіи и чтобы такимъ путемъ ея рѣшенія обманнымъ образомъ прошли подъ видомъ рѣшеній и пожеланій самихъ станичниковъ.

«Съ какой стати земство беретъ съ насъ налоги? Что мы ему: крестьяне?» говорили казаки на сборахъ и отказывались санкціонировать такіе порядки путемъ отказа отъ выбора депутатовъ.

Въ нѣкоторыхъ станицахъ депутаты, послѣ бурныхъ дебатовъ, все же избирались, но избраніе обставлялось цѣлымъ рядомъ «мѣръ предосторожности», и депутаты снабжались строжайшимъ наказомъ поддерживать въ коммиссіи «старинныя казачьи права и привилегіи» и самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ всякихъ попытокъ къ ихъ нарушенію, будутъ ли онѣ направлены къ закрѣпленію введенныхъ земствомъ налоговъ, къ оставленію въ неприкосновенности существующихъ земскихъ учрежденій или къ чему другому. Такъ, въ Вешенской станицѣ въ первый разъ выборы, по нежеланію станичниковъ, не состоялись; въ другой разъ, когда ихъ пригласилъ на сборъ окружной начальникъ, вешенцы явились, молча выслушали объясненія начальника, доказывавшаго необходимость выборовъ, и затѣмъ потребовали прочтенія грамоты Александра II, подтверждавшей казачьи привилегіи. Когда грамота была найдена и въ присутствіи окружнаго начальника, прочитана,—казаки потребовали, чтобы начальникъ поклялся въ томъ, что коммиссія перечисленныхъ въ грамотѣ привилегій нарушать иотбирать у казаковъ не будетъ. только И послѣ торже-

ственной клятвы начальства, удостовѣрившаго, что задачи коммиссіи совсѣмъ иныя, депутатъ былъ, наконецъ, выбранъ, тутъ же при всѣхъ торжественно вручена была ему и грамота, вмѣстѣ съ наказомъ по прибытіи въ Новочеркасскъ прочитать ее въ назиданіе всѣмъ членамъ коммиссіи *). Въ станицѣ Кумылженской, когда мѣстный засѣдатель объявилъ сбору распоряженіе в. н. атамана о назначеніи депутата, станичники «подняли неистовый гвалтъ: не надо земства! не желаемъ назначать выборщиковъ!» И лишь подъ вліяніемъ приглашеннаго на сборъ священника, выяснившаго цѣли коммиссіи, казаки согласились на выборы, при чемъ избрали «ярыхъ крикуновъ, громче всѣхъ кричавшихъ: не надо земства!» Сосѣдніе федосѣевцы, однако, въ своемъ отказѣ отъ выборовъ остались непреклонны, не взирая ни на какія увѣщанія, такъ что засѣдатель долженъ былъ составить протоколъ, который станичники тутъ же охотно и подписали **). Больше всего отказовъ отъ выборовъ наблюдалось въ станицахъ Хоперскаго округа, гдѣ казаки разсчитывали, что такимъ способомъ само собою послѣдуетъ упраздненіе земства. «Если бы мы были умнѣе, да съ самаго начала не выбирали гласныхъ въ земство, теперь бы давно ужъ не было у насъ никакого земства!»—говорили станичники, почесывая затылки и сокрушаясь по поводу допущенной имъ «съ самаго начала» оплошности.

Вешенскіе станичники мотивировали окружному начальнику свое нежеланіе выбирать опасеніемъ, что, если они выберутъ, согласно приказанію, *одного* депутата, то въ коммиссіи его могутъ *связать* и силой вынудить у него согласіе на признаніе земства, котораго они не желаютъ; при чемъ добавили, что «если коммиссія хочетъ знать ихъ, станичниковъ, мнѣніе, то пусть сама пріѣдетъ къ нимъ въ станицу, и здѣсь она услышитъ голосъ уже не одного человѣка, а десятковъ тысячъ!» ***). А окружной начальникъ Хоперскаго округа въ рапортѣ в. н. атаману доносилъ, что нѣкоторыя изъ станицъ «не только не приступили къ избранію выборщиковъ, не только не составили приговоровъ о причинахъ отказа отъ выборовъ, но даже никто изъ гражданъ не захотѣлъ подписать составленный участковымъ засѣдателемъ протоколъ о несогласіи обществъ исполнить высочайшую волю» ****). Въ другихъ рапортахъ тотъ же начальникъ сообщалъ, что станица Петровская, отказавшись отъ выборовъ, заявила:

«Мы находимъ справедливѣе, если бы депутатъ былъ изъ каждой станицы. Ему можно бы дать приговоръ,—чтобы онъ тамъ отъ себя ничего не выдумывалъ, а послѣ, если бы сдѣлалъ не по-нашему, хоть мы могли бы его поругать, а чужой—кто его знаетъ, чего надѣлаетъ?»

---

*) «Д. Гол.», 1881, № 48.

**) «Д. Гол.», 1881, № 48.

***) Ibid., № 48.

****) Рап. 1 іюля 1881 г., № 1032.

Станица Тепикинская заявила коротко и ясно: «не желаемъ земства, и никакихъ выборовъ и подписей дѣлать не будемъ!». Въ ст. Урюпинской, казаки, не слушая никакихъ объясненій, «безъ всякихъ мотивовъ» стали кричать: «Не надо! Никто не смѣетъ нашимъ добромъ распоряжаться!» На замѣчаніе, что воля о производствѣ выборовъ исходитъ отъ высшаго начальства съ высочайшаго соизволенія, казаки, нисколько не унимаясь, продолжали кричать: «Пускай хоть генералъ пріѣдетъ сюда! Пускай онъ пріѣдетъ къ намъ, да и спроситъ всѣхъ насъ! А то хотятъ *одного* (депутата) отъ четырехъ станицъ,—чтобы можно было его подкупить!»

Станица Котовская постановила:

Довѣрять обсужденіе *одному* человѣку, хотя бы и выборному, не желаемъ, а пусть запрашиваютъ (все) общество,—мы пошлемъ приговоръ. Гдѣ это было, чтобы жаворонокъ въ орлахъ пѣлъ (т. е. гдѣ это видано, чтобы простой казакъ высказывалъ въ начальственной коммиссіи свое мнѣніе наперекоръ генераламъ).

Михайловская и Добринская станицы приговорили:

„Если послать въ коммиссію (простого) казака, онъ, по неразвитости своей, не можетъ оградить интересовъ своихъ избирателей, и голосъ его въ кругу чиновныхъ людей не будетъ имѣть никакого вѣса; *чиновнику же дѣла этого мы ни въ какомъ случаѣ довѣрять не желаемъ*". Указавши далѣе, что земскія учрежденія являются лишь шагомъ на пути къ обращенію ихъ въ податное состояніе, казаки продолжали: „Если на это есть царская воля, то нечего насъ спрашивать" и, обратившись къ засѣдателю добавили: „Вы, говорите, присланы отъ начальства объявить намъ распоряженіе о земствѣ и пригласить къ выборамъ? Мы вѣримъ, что вамъ это поручено. Поэтому и уполномочиваемъ васъ сказать за насъ кому слѣдуетъ, что мы не желаемъ назначать отъ себя *одного* человѣка, а говоримъ здѣсь *всѣ*, что земства намъ не нужно. Если же государю угодно, чтобы оно было у насъ, то мы волѣ его подчинимся и будемъ платить всѣ налоги, *только не принуждайте насъ ничего по этому дѣлу подписывать. Мы не знаемъ примѣровъ, чтобы правительство въ чемъ либо насъ спрашивало* А если по земскому дѣлу спрашиваютъ собственно *нашего* согласія, то мы и отвѣчаемъ, что намъ никакого земства не нужно. Такъ и скажите!"

Въ такомъ же родѣ оффиціальныя донесенія о ходѣ выборовъ шли и изъ другихъ округовъ *).

XI.

Коммиссія 106-ти и ея „секретныя занятія".—Записка казачьихъ депутатовъ.— „Революціонная" настроенность коммиссіи.—Неожиданный финалъ.

Вопреки общимъ ожиданіямъ, засѣданія коммиссіи 106-ти происходили при закрытыхъ дверяхъ. Три группы, на которыя была раздѣлена коммиссія, не имѣли никакихъ сношеній между собою;

*) Рап. окр. нач. Донецк. окр. 14 авг. 1881 г., № 9035; рап. окр. нач. Усть-медвѣд. округа 18 августа 1881 г. и др.

вопросы, подлежавшіе ихъ обсужденію, хранились въ строгой тайнѣ и сообщались членамъ коммиссіи лишь въ день открытія засѣданій. Такой характеръ занятіямъ былъ приданъ на основаніи предписанія военнаго министра, опасавшагося, что, «если коммиссія будетъ засѣдать въ полномъ составѣ, то интеллигентные члены неминуемо овладѣютъ преніями и могутъ заглушить голосъ представителей изъ простого народа или осложнить предложенные вопросы до того, что они сдѣлались бы мало доступными для большинства собранія» *). Изъ того же опасенія «осложнить вопросы», в. н. атаманъ кн. Святополкъ-Мірскій предупредилъ предсѣдателя коммиссіи (ген.-л. Фомина), что «въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ военное министерство ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить ни уменьшенія лежащихъ нынѣ на донскомъ войскѣ воинскихъ повинностей, ни измѣненія въ назначеніи и расходованіи войсковыхъ капиталовъ и доходовъ», и что «какъ войско, такъ и земство не должны разсчитывать на какія-либо новыя субсидіи изъ государственнаго казначейства».

Такія условія работы дали поводъ одному изъ членовъ, А. А. Карасеву, выступить съ рядомъ упрековъ по адресу правительства и мѣстныхъ его агентовъ и съ выраженіемъ сожалѣнія о томъ, что не оправдались надежды, которыя возлагала на коммиссію «вся мыслящая Россія, вся печать, безъ различія оттѣнковъ».

— Съ *честными* цѣлями и широкими задачами коммиссіи 106 не было!—закончилъ свою рѣчь Карасевъ.—А происходили и происходятъ какія-то секретныя засѣданія, на которыхъ даются столь же секретные отвѣты на вопросы, предварительно намъ неизвѣстные.

Тѣмъ не менѣе, и то, что представители населенія успѣли высказать на немногихъ засѣданіяхъ, дало въ высокой степени интересный матеріалъ. Матеріалъ этотъ интересенъ и цѣненъ прежде всего потому, что здѣсь впервые съ полной опредѣленностью казакъ *самъ*, помимо своего намѣренія и желанія, высказалъ, какимъ роковымъ недоразумѣніемъ явился его «бунтъ» противъ земства; не менѣе интересенъ онъ и для характеристики послѣдующихъ дѣйствій администраціи.

Дѣло въ томъ, что именно теперь мѣстная администрація принялась увѣрять правящія сферы, что сердцу казака всего любезнѣе не выборныя земскія, а чиновничьи, облеченныя административно-полицейской властью, учрежденія, такъ какъ воспитанный въ духѣ военной дисциплины, пріученный къ этому военнымъ укладомъ всей своей жизни, казакъ признаетъ авторитетъ лишь военныхъ и чиновныхъ, облеченныхъ властью надъ нимъ и назначаемыхъ высшимъ начальствомъ лицъ. Между тѣмъ записка,

---

*) Рап. окр. нач. Хоперскаго окр. 24 іюля 1881 г., № 1189.

**) Отнош. в. н. атамана къ предсѣд. ком. 106-ти г.-л. Фомину, отъ 19 ноября 1881 г., № 3921.

поданная представителями станицъ предсѣдателю коммиссіи, показала, что земство представлялось казаку самымъ обыкновеннымъ административнымъ учрежденіемъ и что, протестуя противъ земства, онъ протестовалъ противъ отнятія у него именно прежняго *представительства* въ завѣдываніи своими нуждами

Записка эта настолько характерна, что содержаніе ея необходимо привести возможно полнѣе.

Отвѣчая на вопросъ о томъ, «какіе исполнительные органы по завѣдыванію земскимъ хозяйствомъ, прежніе или нынѣшніе, внимательнѣе относились къ населенію и были ему доступнѣе», станичные представители, образовавшіе *первую* группу коммиссіи, замѣчали, что

«какъ бывшіе (до земской реформы) органы по завѣдыванію земскимъ хозяйствомъ были безхозяйственны, такъ и нынѣшніе ни мало не выдали (не зарекомендовали) себя по хозяйству, а, напротивъ, дѣлали совершенно непроизводительные расходы».

Въ примѣръ такихъ непроизводительныхъ расходовъ приводились затраты «на акушерокъ, ветеринаровъ, докторовъ и другіе нелюбезные намъ земскіе предметы», такъ какъ «отъ акушерокъ и ветеринаровъ не видимъ пользы», докторами же пользуются лишь немногіе, богатые; а такъ какъ имѣть надлежащее, удовлетворяющее всѣхъ, количество врачей не по средствамъ населенія, то «и не надо ихъ вовсе».

«А вотъ, есть между нами тѣ фельдшера, которые научены на службѣ (ротные фельдшера), то ихъ бы полезно было, если можно, учить тамъ побольше, чтобы они вѣрнѣе давали лѣкарства. А ихъ каждая станица могла бы нанимать».

Въ виду несостоятельности и прежнихъ, и позднѣйшихъ земскихъ органовъ станичные делегаты высказывали желаніе,

«чтобы въ Новочеркасскѣ было учреждено *хозяйственное выборное гражданское управленіе*. При этомъ учрежденіи долженъ быть ежегодный созывъ войскового круга, состоящій *изъ представителей отъ каждой станицы по одному человѣку, которые и должны обсуждать и утверждать всѣ дѣла самоуправленія* и предъявлять правительству наши нужды».

Не менѣе интересенъ былъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, «какъ отражается на населеніи дѣятельность существующихъ въ области трехъ, независимыхъ другъ отъ друга, администрацій: военной, гражданской и земской». Существующую военную и гражданскую администрацію представители станицъ признали «совершенно полезною», «но, — прибавляли они, — *желательно, чтобы на всѣ должности гражданскія избирать представителей отъ населенія края*». Земскія же учрежденія «непріятны намъ тѣмъ, что они обложили насъ налогами за землю и недвижимыя имущества». «Если—заявили представители—и послѣ останется земское упра-

вленіе въ настоящихъ его формахъ и будетъ облагать насъ деньгами, то полагаемъ, что казаки сочтутъ это *нарушеніемъ ихъ вѣковыхъ правъ и окажутъ сопротивленіе*».

«Продумавши мнѣніе,—говорится въ концѣ записки,—мы его написали; а, написавши, подписали, и не могли еще не задуматься надъ самымъ главнымъ: вѣдь это наше мнѣніе будетъ доведено до лица его императорскаго величества, всемилостивѣйшаго государя. И передъ нами возсталъ самъ собою одинъ необыкновенный и важный вопросъ: пусть мы выразили мнѣніе неумно, но чистосердечно ли? Открыли ли мы свое сердце вполнѣ? Выговорили ли все такъ, какъ обязываетъ насъ оказанное довѣріе его императорскаго величества и какъ обязываетъ насъ долгъ нашего представительства отъ всего донского казачества? Чувства наши единодушно говорятъ, что нѣтъ. Во-первыхъ, желали бы мы, *чтобы выборы чиновниковъ на гражданскія должности* были не по старому положенію 1835 г., а *съ участіемъ наравнѣ и нашихъ депутатовъ*; во-вторыхъ, *чтобы завѣдываніе войсковыми хозяйственными дѣлами было вручено хозяйственно-выборному гражданскому управленію*»... «*Распоряженіе войсковымъ капиталомъ» также* должно происходить «*съ участіемъ въ смѣтахъ его нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашихъ представителей, насколько это необходимо для того, чтобы видѣть и знать, куда онъ идетъ*» *).

Такія же рѣчи раздавались и на засѣданіяхъ остальныхъ, второй и третьей, группъ.

Представители крестьянскихъ обществъ и торговаго сословія, образовавшіе *вторую* группу, *единогласно* признали, что новые, введенные земствомъ, способы отбыванія земскихъ повинностей «выгоднѣе и лучше прежняго способа»; что земскіе исполнительные органы «въ отношеніи населенія внимательнѣе и доступнѣе прежнихъ», и такъ же единогласно высказались за сохраненіе въ полной неприкосновенности земскихъ учрежденій и ихъ правъ. При этомъ, въ обоснованіе послѣдняго мнѣнія, одинъ изъ членовъ группы, Х. И. Поповъ (впослѣдствіи редакторъ «Дон. Обл. Вѣдомостей») представилъ обстоятельную записку, въ которой далъ сжатую и сильную, подкрѣпленную рядомъ фактовъ, характеристику мѣстной, военной и гражданской администраціи, нерѣдко не только не заботившейся объ улучшеніи экономическаго положенія края, но и дѣйствовавшей явно ему во вредъ.

Любопытенъ былъ ходъ преній въ *третьей* группѣ, въ которую вошли представители отъ землевладѣльцевъ, шахтовладѣльцевъ, конозаводчиковъ и войсковой администраціи, т. е. элементы наиболѣе консервативные и, казалось бы, ближе другихъ заинтересованные въ сохраненіи старыхъ, до-земскихъ порядковъ. Не менѣе интересны оказались и ея заключенія.

Первыя засѣданія группы прошли въ оживленныхъ, принимавшихъ довольно страстный характеръ дебатахъ; одни ораторы смѣняли другихъ; вслѣдъ за грозными рѣчами, обличавшими земство въ рядѣ ошибокъ, раздавались горячія защитительныя рѣчи, пере-

*) Труды коммиссіи 106-ти, гр. I, проток. № 1, прилож. 1.

ходившія въ не менѣе горячіе панегирики земству. Но, по мѣрѣ того, какъ работы коммиссіи приближались къ концу, по мѣрѣ того, какъ все яснѣе и яснѣе обрисовывалась культурно-экономическая роль земскихъ органовъ и въ сознаніе членовъ все глубже проникала мысль о той рѣшающей роли, которую, какъ казалось, суждено сыграть коммиссіи въ исторіи края, тѣмъ все дальше и дальше личные, групповые и сословные интересы и счеты отступали на задній планъ, тѣмъ солидарнѣе становились другъ съ другомъ отдѣльные члены коммиссіи и, въ концѣ концовъ, всѣ постановленія ея по кардинальнымъ пунктамъ программы прошли подавляющимъ большинствомъ голосовъ или *единогласно*.

Введенный земствомъ денежный способъ отбыванія повинностей былъ признанъ болѣе раціональнымъ и выгоднымъ для населенія большинствомъ 25 противъ 13 голосовъ; большая доступность и внимательность земскихъ органовъ къ нуждамъ населенія, по сравненію съ административными, была признана даже большинствомъ 31 противъ 6. Послѣднее засѣданіе группы еще болѣе объединило и подняло общественное чувство ея членовъ, быть можетъ, не безъ вліянія воодушевленныхъ рѣчей А. А. Донецкаго и А. А. Карасева.

Замѣтивъ, что казаку земства никто не «навязываетъ», такъ какъ самъ онъ желаетъ именно земства, т. е. осуществленія принципа, положеннаго въ его основу, Карасевъ, между прочимъ, сказалъ:

„Неужели отдать казака въ жертву прежнему чиновничьему безучастію и произволу? Вы не хотите употреблять словъ: „*земскія* учрежденія“? Но дайте ему *представительство въ управленіи всѣмъ областнымъ и окружнымъ хозяйствомъ* и назовите это представительство, какъ хотите,—только пусть оно будетъ дѣйствительное и широкое представительство, не на бумагѣ только; дайте такое представительство, чтобы и казакъ, и крестьянинъ, и землевладѣлецъ управляли общественнымъ дѣломъ черезъ своихъ избранниковъ и чтобы особые выборные отъ всѣхъ сословій контролировали это дѣло и давали указанія; чтобы судьба этого представительства и дѣйствій представителей не зависѣла отъ усмотрѣнія единичныхъ административныхъ лицъ“.

Большинство членовъ заявило, что они «вполнѣ раздѣляютъ» высказанное.

Послѣ же рѣчи Донецкаго не осталось и слѣда разногласій.

„Ближайшею задачею ожидаемыхъ на Дону реформъ мѣстнаго управленія должно быть *расширеніе круга дѣятельности* органовъ мѣстнаго самоуправленія,—сказалъ, между прочимъ, Донецкій.—Настала пора вручить всѣмъ слоямъ мѣстнаго населенія, въ лицѣ свободно избранныхъ имъ представителей, не только попеченіе объ удовлетвореніи т. наз. земскихъ потребностей, но и *завѣдываніе дѣлами общаго войскового хозяйства.* При этомъ будущій порядокъ мѣстнаго управленія долженъ быть организованъ такъ, 1) чтобы всѣ дѣла производились на мѣстахъ, гдѣ они должны приводиться въ исполненіе, и тѣми лицами, интересовъ коихъ они касаются; 2) чтобы создана была возможность установленія прочной и постоянной связи между избирателями и избираемыми и контроля первыхъ надъ

послѣдними; 3) чтобы будущія учрежденія пользовались полною самостоятельностью и тою долею власти, какая въ настоящее время принадлежитъ нѣкоторымъ учрежденіямъ правительственнымъ. Такія реформы необходимы. Такъ жить, какъ мы сейчасъ живемъ, нельзя. Съ томительнымъ, невозможнымъ настоящимъ насъ только и могутъ примирять надежды на коренное улучшеніе всѣхъ условій мѣстной жизни путемъ осуществленія въ самомъ ближайшемъ будущемъ указанныхъ реформъ".

И «всѣ члены, *единогласно*» (какъ значится въ оффиціальномъ протоколѣ),—въ томъ числѣ, слѣдовательно, и представители мѣстной администраціи,—присоединились къ оратору *).

Такимъ образомъ, представители казачьихъ станицъ, «ярые противники земства» (какими, въ простотѣ душевной, они сами себя признавали и какими, по недомыслію, считала ихъ мѣстная администрація, на основаніи наблюденій за ходомъ выборовъ въ коммиссію),—эти «ярые противники земства» не только не выразили желанія, чтобы на Дону «все осталось по-старому», какъ было при чиновно-приказныхъ порядкахъ, а, напротивъ, выразили самымъ опредѣленнымъ образомъ желаніе — вмѣсто земскихъ, съ незначительными правами, учрежденій имѣть выборныя учрежденія съ гораздо болѣе широкою компетенціею, съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности. И точно такія же пожеланія высказали представители крестьянства, торговцевъ, представители землевладѣльцевъ, промышленниковъ, шахтовладѣльцевъ, коннозаводчиковъ,—то-есть *всѣ* безъ исключенія элементы, входившіе въ составъ населенія области.

Такіе выводы и пожеланія, правда, слишкомъ отдавали «революціоннымъ» духомъ и для правящихъ сферъ оказались болѣе, чѣмъ неожиданны. Но, какъ бы то ни было, цѣль, поставленная военнымъ министерствомъ «выслушать мнѣніе выборныхъ людей всѣхъ сословій» была достигнута: представители *всѣхъ* слоевъ и сословій, дѣйствительно, высказались, и высказались настолько опредѣленно, что ни у кого уже не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, куда клонятся ихъ желанія и симпатіи.

Обществу оставалось теперь лишь ждать. Слово оставалось за правительствомъ. И правительство не захотѣло томить общество чрезмѣрно долгими ожиданіями: въ декабрѣ 1881 года «выборные люди всѣхъ сословій» высказали свое мнѣніе, а въ мартѣ 1882 г. послѣдовалъ указъ объ упраздненіи на Дону земскихъ учрежденій, какъ «несоотвѣтствующихъ духу казачества», и о возстановленіи дореформенныхъ приказно-чиновничьихъ учрежденій, какъ болѣе этому «духу» соотвѣтствующихъ.

---

*) Тр. комм. 106-ти, гр. III, проток. № 4, л. 116—117.

XII.

Одичаніе и культурность. Ихъ выгоды и невыгоды для „призванія" казачества.—Варіація старинныхъ «дипломатическихъ параллелей».—Будущіе шипы и терніи.

Правда, упраздненіе донского земства логически нисколько не вытекало изъ заключеній коммиссій ген. Маслаковца и 106-ти. Но за то оно являлось неизбѣжнымъ логическимъ слѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ взглядовъ правящихъ сферъ на «призваніе казака», съ одной стороны, и на дѣятельность земства—съ другой.

Для правительства донское войско это—просто крупная военная сила, къ тому же не стоящая государственной казнѣ ни копѣйки. И, конечно, условія, которыя поддерживаютъ казачество, какъ военную силу, заслуживаютъ, съ этой точки зрѣнія, самой энергичной поддержки, и, наоборотъ, всѣ условія, могущія подорвать такое значеніе, заслуживаютъ немедленнаго устраненія.

Каковы же условія, поддерживающія исключительное военное призваніе казачества?

Это, прежде всего, своеобразный укладъ мѣстной жизни, всѣ помыслы казака направляющій въ одну сторону—въ сторону воинскихъ обязанностей; затѣмъ долголѣтняя, до 38 лѣтъ, военная служба; рознь между казачествомъ и остальнымъ населеніемъ имперіи, искусственно поддерживаемая путемъ ограничительныхъ узаконеній по отношенію къ «иногороднимъ» и всевозможными «грамотами», подтверждающими разныя несуществующія «права и привилегіи» казачества и жалуемыми при торжественной обстановкѣ, съ благодарственными молебнами и колокольнымъ звономъ; крупную роль въ томъ же направленіи играетъ система управленія областью, съ полнымъ изгнаніемъ изъ нея выборнаго начала, благодаря чему создается возможность эксплуатаціи обширныхъ богатствъ края все въ тѣхъ же военныхъ видахъ.

Таковы условія, на которыхъ зиждется, которыми держится «призваніе» донского казачества.

Что же случилось съ появленіемъ на Дону земства?

Земство поставило себѣ задачи, не имѣющія ничего общаго съ воинскимъ назначеніемъ казачества и даже, съ виду, клонящіяся ему во вредъ: оно не только строило школы и открывало больницы, но еще и исповѣдывало принципы, по которымъ выходило, будто расходы на просвѣщеніе и лѣченіе производительнѣе милліонныхъ затратъ на содержаніе матокъ и жеребцовъ въ конноплодовыхъ табунахъ или на устройство тировъ для юнкерскихъ училищъ. Земство опредѣленно заявляло о необходимости *сближенія* казачества съ остальнымъ населеніемъ и установленія «крѣпкой связи» между областью и нашимъ отечествомъ Россіей. Земство указы-

вало, что существующій строй въ области является серьезнымъ тормазомъ на пути къ гражданскому развитію края, содѣйствуетъ обнищанію населенія, и высказывалось за необходимость сокращенія казачьей воинской службы. Земство заявляло, что расходы общегосударственнаго характера должны быть переложены съ войскового капитала на государственное казначейство, войсковой же капиталъ долженъ идти не на воинскія надобности, а на удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей мѣстнаго населенія, въ цѣляхъ его культурнаго и экономическаго развитія.

Въ такомъ направленіи развивало свою дѣятельность земство.

Что же высказали «представители всѣхъ сословій»? Оказалось, что всѣ сословія и классы, и даже казаки, вполнѣ солидарны со взглядами земскихъ собраній. Оказалось, что казаки, протестуя противъ земства, протестовали не противъ выборнаго, представительнаго начала, положеннаго въ его основу, а, наоборотъ, противъ *недостаточности* своего представительства, и требовали проведенія въ жизнь выборнаго начала не только въ сферѣ, отмежеванной земству, но и во всѣхъ распорядкахъ *внутренняго управленія* краемъ, и свои притязанія распространяли вплоть до права распоряжаться войсковымъ капиталомъ.

Таковы оказались «представители сословій», тѣхъ самыхъ сословій, которыя посылали гласныхъ и въ земскія собранія.

При такихъ тенденціяхъ *всего* населенія, чего же можно было въ будущемъ ожидать отъ земскихъ учрежденій?

«Военному призванію« угрожала несомнѣнная опасность.

Что же иное, при такихъ условіяхъ, можно было предпринять, какъ не упраздненіе земства?

И земство было упразднено.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятна и дальнѣйшая двуличная политика по отношенію къ вопросу о земствѣ на Дону, продолжающаяся вплоть до нашихъ дней. Всякій разъ, когда усиливались толки объ экономическомъ оскудѣніи казачества и—какъ результатѣ такого оскудѣнія—о предстоящей вскорѣ неспособности его къ исправному выполненію воинской повинности, а въ обществѣ все громче начинали раздаваться голоса о необходимости введенія земства,—правительство, снисходя къ общественному мнѣнію, изъ года въ годъ назначало коммиссіи и для изслѣдованія экономическаго состоянія области, и спеціально для разсмотрѣнія «земскаго вопроса» (коммиссіи ген.-л. Кульгачева—1882 г., г.-л. Маслаковца—1899 г., г.-л. Грекова—1899 г., т. с. Лемана—1903 г.), или же просто принимало «мѣры», въ видѣ «отношеній» къ войсковой администраціи съ запросомъ о своевременности и примѣнимости земства на Дону. Затѣмъ коммиссіи (къ чести ихъ сказать, всегда высказывавшіяся за необходимость введенія земства) упразднялись, а протоколы ихъ клались подъ спудъ. Когда общество вновь начинало терять терпѣніе въ ожиданіи результатовъ работъ упраздненныхъ ком-

миссій, правительство вновь назначало коммиссію, вновь, какъ ни въ чемъ не бывало, запрашивало войсковую администрацію о примѣнимости, своевременности и проч.,—и такъ безъ конца, вплоть до самыхъ послѣднихъ дней.

Даже теперь, когда законченъ опросъ станицъ, подавляющимъ большинствомъ высказавшихся за желательность земства, когда, казалось бы, разбиты «послѣднія надежды» и нѣтъ формальныхъ поводовъ къ дальнѣйшему затягиванію вопроса,—даже теперь дѣлаются попытки подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ оттянуть осуществованіе земской реформы.

Когда (въ мартѣ тек. года) въ Государственной Думѣ на засѣданіи коммиссіи по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія депутаты поинтересовались узнать, каковъ взглядъ военнаго министерства на введеніе земства въ Донской Области и что оно сдѣлало за послѣдніе четыре мѣсяца, пом. начальника главнаго управленія казачьихъ войскъ г. Котляревскій заявилъ, что „*военное министерство еще не составило себѣ опредѣленнаго мнѣнія*", что оно „до сихъ поръ еще не имѣетъ относящихся сюда приговоровъ станичныхъ обществъ", такъ что, при всемъ желаніи, лишено возможности принять участіе въ разработкѣ вопроса въ думской коммиссіи. Г. Котляревскому указали, что, если не подлинные приговоры, то сводка мнѣній и пожеланій обществъ, выраженныхъ въ приговорахъ, болѣе двухъ мѣсяцевъ назадъ препровождена областнымъ правленіемъ въ главное управленіе каз. в., и, слѣдовательно, результатъ опроса населенія не можетъ быть неизвѣстенъ вѣдомству. Г. Котляревскій тогда, нисколько не смущаясь, подтвердилъ, что сводка, дѣйствительно, получена, но,—заявилъ онъ,—„населеніе области это—только одна сторона, заинтересованная въ вопросѣ, а имѣется еще *и другая, не менѣе заинтересованная сторона*, войсковое начальство, которое еще не высказалось". Къ этому г. Котляревскій добавилъ, что военное министерство, считая совершенно непримѣнимымъ къ донскому краю земское положеніе 1890 г. (признававшееся вполнѣ примѣнимымъ всѣми предыдущими коммиссіями), поручило войсковому начальству выработать *новое земское положеніе*; до окончанія же этой работы предложилъ коммиссіи „*пріостановить разсмотрѣніе вопроса о введеніи земства на Дону*" *).

Иного отношенія трудно, конечно, и ожидать при усвоенной министерствомъ точкѣ зрѣнія на призваніе донского казачества.

Правда, нѣкоторые утверждаютъ, что въ дѣйствительности казачество далеко не имѣетъ такой цѣнности для правительства, какъ предполагаютъ, что роль казачества, какъ легкой конницы, давно уже сыграна и что при современныхъ способахъ веденія войны казаки со своими пиками и прочими доспѣхами производятъ впечатлѣніе скорѣе комическаго, нежели устрашающаго характера. Но, если бы даже это было и такъ, все же каждому, даже не изучавшему солдатскую «словесность», извѣстно, что помимо внѣшняго врага въ русскомъ государствѣ существуетъ еще врагъ внутренній. И пусть даже роль казачества въ дѣлѣ охраны государ-

---

*) „Дон. Жизнь", 1909 г., № 69, корреспонденція депутата М. С. Воронякова.

ства отъ нашествія внѣшняго непріятеля окончилась; за то по отношенію къ внутреннему врагу отъ войска донского, какъ это показали 1905—1907 гг., правительство въ правѣ ожидать еще многаго. А разъ это такъ, то какимъ же образомъ оно можетъ быть заинтересовано въ «немедленной» земской реформѣ на Дону? Вѣдь только при нынѣшнемъ приказно-военномъ строѣ казачьей жизни, на должной высотѣ поддерживающемъ одичаніе и деморализацію казачества и изолирующемъ его отъ остального населенія,—только при такомъ строѣ возможно питать надежду, что казачество и въ будущемъ окажетъ не менѣе славные подвиги въ борьбѣ съ все увеличивающимся внутреннимъ врагомъ...

И, если даже суждено осуществиться на Дону въ ближайшемъ будущемъ земской реформѣ, все же не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, сколько еще терній и шиповъ ожидаетъ новое земство въ его культурно-экономической работѣ, сколько еще ему встрѣтится подводныхъ камней въ предстоящей борьбѣ съ одичаніемъ казачества, до того момента, пока послѣднее сознательно отнесется къ навязанной ему роли охранителя существующаго строя.

Н. Лагуновъ.

ПОЭТЪ.

(Изъ Кардуччи).

Эхъ, людъ наивный! Поэтъ—не нищій,
За жалкой пищей
Плестись готовый на пиръ къ сосѣду
И разносить тамъ съ улыбкой блюда,
Тайкомъ отъ люда
Таская хлѣбъ себѣ къ обѣду.

Онъ не садовникъ! Въ своей отчизнѣ
Дороги жизни
Тотъ удобрялъ бы навозомъ въ мѣру
И одѣлялъ бы людей цвѣтами:
Фіалку—дамѣ,
Пучекъ гвоздики—кавалеру.

О, нѣтъ! Вѣдь это—титанъ могучій!
У печи жгучей
Весь закаленъ онъ, не хуже стали...
Онъ гордъ и строенъ, съ изящнымъ тѣломъ...
Въ порывѣ смѣломъ,
Гляди, какъ очи заблистали!

Лишь будитъ пташекъ на вѣткѣ зыбкой
Своей улыбкой
Заря, забрежживъ по-надъ холмами, -
Ужъ онъ, въ весельи, вновь за работой:
Въ горнѣ съ заботой
Огонь разводитъ подъ мѣхами.

Сверкаетъ пламя, гудитъ и вьется,
О стѣны бьется...
Металлъ расплавленъ: онъ ярко блещетъ,

Шипитъ и свищетъ и ненарокомъ
Бурлитъ потокомъ
И изъ горна на землю хлещетъ...

Но что въ горнѣ онъ своемъ сплавляетъ—
Господь лишь знаетъ.
Слѣди работу движеній твердыхъ:
Вотъ искръ огнистыхъ несутся ленты—
То элементы
Любви и думъ высокихъ, гордыхъ.

Завѣтный свитокъ сѣдыхъ преданій,
Воспоминаній
О дняхъ великихъ отцовской славы,
И все, что будетъ, и все, что было,
Бьетъ изъ горнила,
Какъ водопадъ горячей лавы.

Куетъ, поетъ онъ! Встаютъ палаты...
Отцовъ пенаты
Сыновъ сзываютъ на новоселье.
Алтарь забытый воздвигнутъ снова...
Разъ! Разъ! Готовы
Ковши и чаши для веселья.

Поетъ, куетъ онъ мечи народу
Въ бой за свободу...
Разъ! Разъ! Готовы для храбрыхъ шлемы,
Вѣнцы героямъ, покрытымъ славой
Въ борьбѣ кровавой,
И для красавицъ—діадемы.

А для себя онъ куетъ простую
Стрѣлу златую
И въ солнце мечетъ, въ просторъ безбрежный...
Межъ тѣмъ, какъ въ небо она взлетаетъ
И тамъ блистаетъ,—
Слѣдитъ за ней онъ, безмятежный!

А. Штернманъ.

ШКВАЛЪ.

V.

Первый служебный шагъ, который пришлось сдѣлать генералу по возвращеніи изъ заграничной поѣздки, не доставилъ ему удовольствія. Предписано было произвести слѣдствіе о наказѣ, раскрыть составителей и агитаторовъ, подбившихъ станичный сборъ подписать его.

Наказъ былъ и самъ по себѣ непріятностью. Онъ поражалъ неожиданностью и нелѣпостью. Четыре мѣсяца назадъ получили благодарность за приговоръ съ выраженіемъ чувствъ готовности и преданности. И вдругъ—протестъ противъ внутренней службы... Просто—издѣвательная непослѣдовательность!

И, какъ ни успокаивалъ себя генералъ тѣмъ, что всѣ эти непріятныя событія: наказъ, предшествовавшіе и послѣдовавшіе митинги, за которые придется отчитываться,—произошли въ его отсутствіе, но какая то неотвязчиво ноющая боль, какъ гнилой зубъ, держала сердце его въ смутномъ и непрерывномъ безпокойствѣ день и ночь. Самая эта неопредѣленность положенія смущала: съ одной стороны, искупить невольную вину—не свою, чужую—усердіемъ въ обнаруженіи агитаторовъ, конечно, возможно,—чего ихъ разыскивать?—они на виду... Но эти думскіе запросы, громы рѣчей съ безвозбраннымъ поношеніемъ очень высоко стоящихъ лицъ лишали увѣренности, смѣлости и рѣшительно отравляли существованіе. До сихъ поръ по улицамъ онъ привыкъ ходить безъ особыхъ опасеній: зналъ, что никому не насолилъ, никому не причинилъ ни обиды, ни слезъ, и былъ спокоенъ. А теперь что̀ и какъ будетъ, Богъ знаетъ,—ну-ка не по старому?

Съ другой стороны, и отнестись къ предписанію безъ достаточной ревности было не безопасно: если ему предложатъ уйти, то вѣдь въ Думу объ этомъ запроса не внесутъ

и ни одна газета даже сочувственной статьи не помѣститъ А вѣдь у него семья...

Терзаясь мучительными колебаніями, онъ старался взять среднюю линію поведенія, которая не разъ выручала его изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Производство дознанія поручилъ онъ есаулу Водопьянову. Онъ считалъ его, во-первыхъ, политичнымъ человѣкомъ, а затѣмъ, самое главное, вполнѣ грамотнымъ, даже литературно извѣстнымъ (его статьи о роли подпруги при сѣдловкѣ, напечатанныя въ областныхъ вѣдомостяхъ, обратили на себя вниманіе многихъ кавалерійскихъ генераловъ). А самъ придумалъ геніальный и единственный, какъ ему казалось, выходъ: составить новый общественный приговоръ съ выраженіемъ раскаянія въ минутномъ заблужденіи, подъ вліяніемъ агитаторовъ, и готовности служить противъ враговъ внутреннихъ такъ же всеусердно, какъ и противъ внѣшнихъ. На всякій случай, собиралъ стороной свѣдѣнія и объ агитаторахъ.

Опять Непорожневъ стоялъ передъ генераломъ и по военному ѣлъ его глазами, вытянувшись въ струну, сдѣлавъ деревянно-преданное лицо. Генералъ долго отводилъ душу въ ругательствахъ, пыхтѣлъ, сучилъ кулаками передъ носомъ атамана, стучалъ по столу, вспотѣлъ весь.

— Я никогда отъ тебя этого не ожидалъ! Никогда! Ты мнѣ подъ шапку наклалъ! Ты... ты могъ допустить это? Ты?.. Вотъ, — думалъ я, — человѣкъ! не человѣкъ, а скала! И ты... а?..

— Ваше п-ство! Какъ передъ Богомъ... никакой возможности не было! Изъ-подъ присяги могу показать, что всѣ мѣры принялъ! Ну, что подѣлаешь? Орда... съ крикомъ, съ гикомъ... выгнали! По шеѣ два раза съѣздили даже...

— А кто! Кто именно? Кто-о-о?

— Ваше п-ство! да развѣ въ такой публикѣ усмотришь? Вѣдь со всѣхъ сторонъ—орда. Къ одному обернулся—сзади взводъ кулаковъ. Словомъ сказать — всеобщая забастовка...

— Но кто руководилъ? Вѣдь не ослѣпъ же ты... Могъ же ты замѣтить запѣвалъ, запѣвалъ-то этихъ самыхъ? Агитаторовъ?...

— Не могу знать, ваше п-ство. Словомъ, общая пропаганда... Даже самые тихіе, хозяйственные люди которые, ну до того орали... хуже горлодранцевъ какихъ-нибудь и пролетаріевъ!..

— Но вѣдь кто-нибудь же чернилъ приговоръ? Не сборъ же самъ,—нашъ сборъ!—писалъ его... Вѣдь это что же такое? Революціонная программа... самая чистая соціалъ-демократія! Кто-нибудь же работалъ?

Непорожневъ пожалъ плечами, помолчалъ и съ почтительно скорбнымъ, но упорствующимъ выраженіемъ сказалъ:

— Не могу знать, ваше п-ство. Былъ прогнанъ со сбора...

Генералъ нѣсколько мгновеній гипнотизировалъ его проницательно-испытующимъ взглядомъ. Непорожневъ, изрѣдка моргая, глядѣлъ какъ-будто на него и въ то же время мимо, между его погономъ и ухомъ, вдавленнымъ въ пухлую, тѣстообразную мякоть подъ волосами. Генералъ сказалъ увѣренно и почти хладнокровно:

— Брешешь! Какъ это: не могу знать? Никогда не повѣрю! И что прогнанъ,—не повѣрю. Уговоръ! И по шеѣ, небось, самъ себя съѣздилъ?.. Молчать! Мол-чать! — вдругъ раздраженно и грозно закричалъ онъ жирно шкворчащимъ голосомъ, замѣтивъ, что Непорожневъ хочетъ оправдываться:—нечего! извѣстное дѣло: не могу знать! Ишь ты новости какія!..

Однако Непорожневъ оказался съ этой стороны непоколебимымъ, продолжая упорно отговариваться незнаніемъ. Генералъ, наконецъ, плюнулъ и махнулъ на него рукой. Но затѣмъ, когда раздраженіе нѣсколько остыло, онъ изложилъ ему свой планъ новаго приговора съ раскаяніемъ. Непорожневъ, не колеблясь и не измѣняя оффиціально-преданнаго тона, сказалъ:

— Да сколько угодно, ваше п-ство!

— Подпишутъ? — спросилъ генералъ съ нѣкоторымъ скептицизмомъ.

Тутъ Непорожневъ позволилъ себѣ даже легкій, хотя почтительный, упрекъ.

— Да помилуйте, ваше п-ство! Какъ же они посмѣютъ? Противъ самодержавія кто же у насъ?..

— Ну, смотри у меня! — многозначительно погрозилъ пальцемъ генералъ: — чтобы сборъ былъ полный... торжественный! Я самъ буду. Въ воскресенье... не въ это, а въ то... приказы успѣешь разослать?.. Что? Неаккуратно собираются? Тогда предпиши на два дня: на 9-е и 10-е. Жаль, будній день, рабочій...

— Никакъ нѣтъ, ваше п-ство, 10-го у насъ тоже чтимый праздникъ, не работаютъ: Положеніе честныя ризы.

— Ага, тѣмъ лучше. Итакъ, на 9-е и 10-е. Народомъ не стѣсняйся, чѣмъ больше, тѣмъ лучше... Пускай поймутъ, какую глупость спороли!

Въ тотъ же день на улицѣ генералъ встрѣтилъ Лапина. Докторъ привѣтствовалъ его почтительно и даже какъ-будто радостно, точно ничего не случилось такого, чего онъ долженъ былъ бы конфузиться при встрѣчѣ съ генераломъ,

точно онъ не былъ въ числѣ прочихъ несомнѣнныхъ агитаторовъ, причиной настоящихъ и грядущихъ огорченій для генерала. Это было почти возмутительно, и генералъ, холодно отвѣтивъ на привѣтствіе, прошелъ мимо. Потомъ раздумалъ сердиться и окликнулъ Лапина. Онъ былъ расположенъ къ этому тихонькому, черному человѣчку: милѣйшій, въ сущности, малый, мягкій, застѣнчивый, знающій... Ну да, конечно, мечтатель, разводитъ сантименты, говоритъ, что если разбирать какъ слѣдуетъ, то душа у него больше казацкая, чѣмъ у генерала... ха-ха!.. Толкуетъ о древнемъ казацкомъ рыцарствѣ и заступничествѣ за притѣсненныхъ, доказываетъ, что подлинный казацкій героизмъ и казацкая слава—тамъ, въ старомъ укладѣ и въ чемъ бишь?.. какъ его, чорта?.. да, въ широкомъ демократизмѣ! вотъ-вотъ... а тутъ, дескать, фронтъ и содѣйствіе полиціи... Бредни, туманъ!.. Но особенно зловредными генералъ этихъ бредней не считалъ, правда.

— Что же это вы дѣлаете, господа агитаторы? — почти плачущимъ, немножко придавленнымъ голосомъ воскликнулъ генералъ, взявши доктора за локоть и направляясь въ общественный садъ, гдѣ въ обѣденную пору дня не могло быть лишнихъ людей:—что вы со мной дѣлаете, господа? Къ чему этотъ наказъ? Къ чему эти слова разныя?.. Тьссс... фу ты! „На граняхъ государства мы готовы служить"... Еще бы посмѣли отказаться!.. „Но быть угнетателями родной страны"... Х-хо-ты!.. „считаемъ для себя позоромъ и требуемъ освободить насъ отъ этой службы". Фу ты, ну ты! Ска-жите, пожалуйста! Требуемъ... Кто это—„мы"? Кучка агитаторовъ?.. „Мы готовы"... Объ этомъ васъ не спросятъ, готовы или нѣтъ?.. Тоже... называются конституціоналисты!..

Генералъ выразительно потрясъ головой и кинулъ на Лапина уничтожающій взглядъ. Докторъ, не спѣша, досталъ портсигаръ и, предложивъ генералу папиросу, мягко возразилъ:

— Вотъ вы, Яковъ Ивановичъ, за-границей эту самую конституцію видѣли. Что же, плохо?

Генералъ не сразу отвѣтилъ, помолчалъ, поглядѣлъ на широкую полосу песчаныхъ дюнъ, желтѣвшихъ за рѣкой, на бѣлую церковку и сѣрыя хатки Проточной станицы, пріютившіяся въ дальнемъ уголку этого песчанаго моря, вздохнулъ и сказалъ:

— Въ Германіи—да, мнѣ понравилось. Не скажу, что плохо: порядокъ, выправка, города, фермы—все отлично. Даже завидно. Но, господа...

Генералъ склонилъ голову на бокъ, и лицо его приняло

ласково-увѣщательное выраженіе, а въ глазахъ, приподнятыхъ бровяхъ и собранныхъ на лбу продольныхъ морщинахъ написано было скорбное сожалѣніе.

— ...Тамъ вѣками этотъ порядокъ сложился... Доросли ли мы до него? Тамъ на почтѣ, напримѣръ, я деньги отправлялъ по телеграфу. Приняли, записали. Жду расписку,—не даютъ.—А что же,—говорю,—расписку?—„Не безпокойтесь. Дойдетъ и безъ расписки". Дѣйствительно,—дошло. Просто ротъ разинулъ. А у насъ?

Онъ пріостановился, подождалъ отвѣта. Докторъ курилъ и неопредѣленно улыбался.

— Эхъ, господа!—снисходительно сожалѣющимъ голосомъ, грустно качая головой, продолжалъ генералъ:—не съ того конца начинаете... Ну, этотъ наказъ, напримѣръ,—какой въ немъ смыслъ? Ну, что изъ того, что вы тамъ сочинили насчетъ земли, самоуправленія, выборныхъ началъ, бюджета и проч.? Кто же вамъ повѣритъ, что это народъ обмозговалъ, казаки? Ну, еще земля туда-сюда... Ну, насчетъ жеребцовъ—можно допустить... Но бюджетъ, самоуправленіе, отвѣтственность министровъ.. х-ха!.. Да я голову дамъ на отсѣченіе, если хоть одинъ изъ нихъ, изъ этихъ подписавшихся, правильно выговоритъ слово „министръ"... Можно ли говорить объ ихъ пониманіи? Кому вы хотите очки втереть?

Докторъ прикинулъ въ умѣ: разумно ли будетъ тратить усиліе на возраженіе? Рѣшилъ, что безполезно, и коротко сказалъ:

— Никому!

— А зачѣмъ наказъ написали?—проворно, точно поймалъ его на мѣстѣ преступленія, воскликнулъ генералъ.

— То-есть кто? Я, что ли?

— А кто же писалъ?

— Откуда же я знаю? Яковъ Ивановичъ, вы, ей Богу, удивляете...

— Ну-ну-ну...—примирительно сказалъ генералъ. Потомъ, прищуривъ одинъ глазъ и какъ-то бокомъ подвинувшись къ доктору, секретнымъ тономъ спросилъ:—А кто этого самаго... депутата... провожать ѣздилъ? А? Все, голубчикъ, знаю! И Евланъ туда же... (тутъ ласково фамильярное выраженіе на лицѣ генерала смѣнилось укоряющимъ...) Онъ бы лучше себѣ рясу приличную справилъ, а то съ заговорами ходитъ въ одномъ кафтанишкѣ... срамъ смотрѣть!..

Докторъ разсмѣялся и, пытаясь перевести генерала на другой разговоръ, беззаботно-веселымъ тономъ спросилъ:

— Яковъ Ивановичъ, ну, какъ за-граница? Какое впечатлѣніе произвела?

— Да что за-граница! Не до нея,—досадливо сказалъ генералъ, взмахнувъ потухшей папиросой. Посмотрѣлъ съ обрыва на бабъ, полоскавшихъ внизу, на берегу, бѣлье, покачалъ неодобрительно головой и крякнулъ такъ, какъ будто замѣтилъ непорядокъ.

— Конечно, интересна,—неохотно заговорилъ онъ:—Германія понравилась. Очень понравилась. И выправка, и порядокъ... все! Франція—хуже. Хоть и союзники, но въ Парижѣ, напримѣръ, въ ресторанахъ даже за тарелки берутъ. Пообѣдалъ, говорю человѣку (гарсонъ по ихнему): счетъ! Приносятъ. Смотрю: за то-то столько-то, за другое столько-то... Затѣмъ читаю: конвертъ... Что за чортъ? Конвертовъ я не спрашивалъ. —Этого я не ѣлъ,—показываю пальцемъ гарсону:—же нэ манже па... Смѣется.—„Этого не ѣдятъ,—говоритъ:—„кувертъ"... На тарелкки показываетъ.—Ахъ ты, чортъ,—думаю. Чуть не обругалъ, но постѣснился: республика все-таки... Чертъ съ вами,—думаю,—пейте мою кровь...

Генералъ вдругъ сдѣлалъ очень сладкое лицо, склонилъ голову на бокъ и, прищуривъ лѣвый глазъ, неожиданно спросилъ самымъ дружественнымъ тономъ:

— А скажите по правдѣ, Андрей Петровичъ, вы составляли наказъ?

— Нѣтъ.

— Вы—ы! Ей Богу, вы! По глазамъ вижу!

— Ну, какъ хотите. Говорю: не я.

— Слогъ вашъ. И мысли ваши. Вѣдь я знаю. Ей Богу, вы! Не миновать вамъ, голубчикъ, узилища...

Докторъ улыбнулся съ видомъ чрезвычайно довольнымъ, будто выслушалъ очень пріятный комплиментъ, выпустилъ нѣсколько клубовъ дыма и съ нарочнымъ спокойствіемъ увѣреннаго въ своихъ силахъ побѣдителя возразилъ:

— Такъ что же. Даже съ удовольствіемъ. Сейчасъ телеграмму въ Думу, запросъ... черезъ недѣлю выпустите! Вамъ же будетъ конфузно...

— Ну, ну... Я что же,—примирительно сказалъ генералъ,—я, вы знаете, не противъ, только... Эхъ, господа! повторяю: не съ того конца беретесь. Вотъ, если бы травосѣяніе или искусственное орошеніе,—ну, я обѣими руками подписался бы. А устои колебать рано, господа! Рано! Нельзя этого, господа! И на меня ужъ не ропщите, если въ случаѣ чего... я предупреждалъ, говорилъ... Теперь умываю руки!

Лапинъ отнесся къ словамъ генерала и къ его пугающе-загадочному тону съ самонадѣянным, веселымъ пренебреженіемъ. Въ душѣ даже немного сожалѣлъ, что эти благожелательныя опасенія едва ли сбудутся, а было бы очень любопытно по нынѣшнему времени слегка пострадать... Но,

противъ его ожиданія, генералъ оказался правъ въ своихъ предположеніяхъ. Въ тотъ же именно день, когда Лапинъ имѣлъ бесѣду съ генераломъ, по телеграфу были вызваны офицеры, возившіе въ Думу наказъ, а еще черезъ два дня пришло сообщеніе, что они арестованы и уже сидятъ на гауптвахтѣ. 5-го іюля генералъ получилъ распоряженіе арестовать земскаго врача Лапина и священника Діалектова.

Немножко неловко было арестовывать Лапина,—о. Евлампія генералъ съ удовольствіемъ готовъ былъ ввергнуть въ узилище. Но докторъ былъ близко знакомый, почти свой человѣкъ. И дѣло слагалось какъ будто такъ, что арестъ могъ показаться результатомъ разслѣдованія есаула Водопьянова. А этого не было.

Генералъ послалъ за докторомъ и, когда Лапинъ пришелъ, онъ, краснѣя, пыхтя и пыжась, старался напускною бранью затушевать неловкость и прикрыть свое сочувствіе, допустимое въ данномъ случаѣ менѣе всего.

— Да! вотъ дождались... да!—повторилъ онъ:—конституція, свобода... вотъ вамъ и конституція,—не угодно ли подъ замокъ на основаніи параграфа шестого? Я говорилъ: ѣшь пирогъ съ грибами, держи языкъ за зубами! Нѣтъ: лѣзутъ туда же, куда и другіе... наказы, торжественныя встрѣчи, проводы... На какого чорта вамъ нужны были эти проводы, напутствія? И не въ наказахъ дѣло, милый человѣкъ, а въ образованіи!—воскликнулъ онъ вдругъ съ особеннымъ негодованіемъ:—въ образованіи, да-съ!

— Эка Америку какую открылъ,—подумалъ докторъ съ улыбкой и сказалъ:

— Я возражать въ этомъ случаѣ не стану.

— Воз-ра-жать!—передразнилъ генералъ, останавливаясь передъ нимъ красный, потный и взволнованный:—хороши, нечего сказать... Карташевъ, Алехинъ, офицеры, герои минувшей войны, везутъ наказъ въ Думу... Я понимаю еще студентовъ: народъ не семейный, проворный, какъ щенки, зудъ у нихъ язычный—нестерпимъ, ну—отчего краснорѣчія не поупражнять? Вещь соблазнительная... Но вы, Андрей Петровичъ, вы... Или этотъ волосатый статуй (прости, Господи, мою душу грѣшную)—Евланъ... вы—не дѣти!.. Вы все: народъ, народъ... Какой же это народъ? Дикарь, эскимосъ? Есть табунъ, стадо, а народа нѣтъ. Сегодня этотъ табунъ вашъ наказъ подмахнетъ, а завтра подпишетъ мнѣ любой приговоръ... да-съ! И я докажу вамъ это публично и торжественно, хотя не сомнѣваюсь, что вы и безъ меня въ этомъ убѣждены!..

Лапинъ, усиленно подчеркивая свое равнодушіе и спокойствіе, сказалъ:

— Да вы напрасно разстраиваетесь, ваше п—ство! Мы что же? мы—ничего. Въ тюрьму—такъ въ тюрьму. Съ удовольствіемъ. Не надолго, надѣюсь. Сейчасъ телеграмму въ Думу, внесутъ запросъ и...

— Телеграммы вы не пошлете,—убійственно-холоднымъ тономъ возразилъ генералъ:—вы арестованы. Вотъ подитека проститесь съ семьей и приходите въ управленіе черезъ часъ,—я васъ подъ замокъ, въ угловую...

Генералъ заложилъ руки назадъ и, насмѣшливо растягивая слова, прибавилъ:

— Видъ оттуда ничего себѣ... Окно на восходъ, другое—на западъ, словомъ сказать: „солнце всходитъ и заходитъ"... Тѣсновато, ну да ничего: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. За то богословскіе дебаты можете вести безъ конца со своимъ камрадомъ... ха-ха!.. Политическихъ не позволю... Не по-зво люсъ!.. Дѣло не мое, милостивые государи. Исполняю волю пославшаго... Эхъ, господа, господа...

Когда Лапинъ черезъ часъ пришелъ въ управленіе, старый Шашалъ любезно распахнулъ передъ нимъ дверь небольшой угловой камеры, гдѣ уже сидѣлъ о. Евлампій. Батюшка привѣтствовалъ его радостной улыбкой и немножко театрально, по своему обыкновенію, воскликнулъ:

— Наконецъ, и мы дождались страданія за народъ!..

VI.

Генералъ приказалъ усилить составъ станичнаго сбора. Надѣялся, что опроверженіе непатріотическаго наказа патріотическимъ приговоромъ выйдетъ болѣе внушительнымъ, рѣзкимъ и выпуклымъ. Кромѣ обычныхъ выборныхъ-десятидворныхъ предписано было добавить еще по два особыхъ представителя отъ каждаго хутора.

Когда 9-го числа, въ двѣнадцать часовъ дня, Непорожневъ приступилъ къ провѣркѣ по списку явившихся выборныхъ, то увидѣлъ въ числѣ особыхъ представителей двухъ знакомыхъ студентовъ, одѣтыхъ въ бѣлыя гимнастическія рубахи и въ шаровары съ лампасами, учителей и какихъ-то незнакомыхъ ему молодыхъ людей въ казацкомъ платьѣ, но едва ли казаковъ, по его предположенію. Онъ зналъ, что передъ сборомъ шла усиленная агитація по поводу ареста Лапина и о. Евлампія. Прокламаціи печатались въ станичномъ правленіи, на циклостилѣ. Въ душѣ атаманъ былъ доволенъ. Ему хотѣлось, чтобы они, эти новые выборные, поговорили съ генераломъ по настоящему, какъ слѣдуетъ...

Не то, чтобы онъ былъ сердитъ или желалъ непріятности своему крикливому начальнику,—нѣтъ! Ему давно безсознательно хотѣлось, чтобы хоть разъ, хоть одинъ единый разъ эта темная, не сознающая себя сила—народъ—проявила дерзновеніе, отбросила слѣпой, овечій страхъ, заговорила спрятаннымъ въ ней безбоязненнымъ языкомъ съ тѣми, кто стоитъ надъ нею; чтобы хоть разъ показала и сама убѣдилась, что она—сила, а не куча соломы, обреченной на кизякъ. Самъ-то онъ зналъ ея силу, его не одинъ разъ она готова была и могла смыть съ атаманскаго стула, стереть, уничтожить, но онъ для нея — человѣкъ малый, слишкомъ понятный, близкій и потому не внушающій страха. Опрокинуть его—нѣтъ ничего ни геройскаго, ни вразумительнаго. А вотъ генерала—другое дѣло: облеченъ и полномочіемъ, и привычкой командовать, и силой отраженія, а главное, окруженъ, какъ всякій генералъ, увеличивающимъ размѣры и пугающимъ сумракомъ безпрекословно-покорнаго почета, страха, привычнаго раболѣпства. Но потому, что онъ, Непорожневъ, стоялъ близко къ генералу, зналъ его человѣкомъ обыкновеннымъ, несложнымъ, недалекимъ, иногда просто безтолковымъ, онъ себя считалъ выше и умнѣе генерала и удивлялся, почему одни и тѣ же люди передъ генераломъ робѣютъ, а его ругаютъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ?

Вотъ и теперь кричатъ на него, галдятъ, обвиняютъ въ томъ, въ чемъ онъ ни съ какой стороны не повиненъ. Какой-то старикъ привелъ четырехъ внучатъ (трехъ дѣвочекъ и одного мальчика) и ожесточеннымъ голосомъ кричалъ сбору:

— Кормите ихъ! Куда хотите, дѣвайте, а мнѣ нѣтъ мочи! Не въ состояніи я! Сынъ тамъ имѣнье Воронцова-Дашкина охраняетъ, а я тутъ одинъ прядай съ ними съ гумна на загонъ, съ загона на огородъ... Нѣтъ моей мочи! Не въ состояніи!..

Выборные кричали о томъ, чтобы дать пособіе. Непорожневъ говорилъ, что все роздано, и въ станичномъ сундукѣ нѣтъ денегъ даже на текущіе расходы. Ругали Непорожнева, ругали правительство такъ, что неловко было и слушать, грозились, ожесточались и искали, на чемъ бы сорвать накопившуюся злобу.

Около трехъ часовъ дня вдругъ пронесся слухъ, что Дума распущена. Кто-то гдѣ-то получилъ телеграмму. Слухъ перебѣгалъ по майдану, какъ блуждающій огонекъ,—то тамъ, то сямъ вспыхнетъ. Крики по поводу текущихъ дѣлъ все еще не улегались, но безпокойно зашевелились люди, выходили, входили, зажужжали на площади,

какъ шмели. Видны были въ разныхъ мѣстахъ группы, болѣе пестрыя, чѣмъ обычно въ дни сборовъ, болѣе живописныя отъ примѣси яркихъ женскихъ костюмовъ и дѣтской подвижной поросли. И по усиленной жестикуляціи рукъ, головъ, по жадно прислушивающимся позамъ, по смутному выраженію вопроса, обозначившагося на многихъ лицахъ, было похоже, что нѣчто общее, близкое, успѣвшее стать роднымъ и дорогимъ, всколыхнуло сердца этихъ людей, прошло по нимъ, какъ вѣтеръ по дубравѣ, и связало чувствомъ общей горечи и недоумѣнія.

Черезъ полчаса въ правленіи стало тихо: оставалось только два-три хуторскихъ атамана да съ десятокъ стариковъ, а вся площадь, начиная отъ ступеней крыльца и до лавокъ, была запружена народомъ. Непорожневу въ раскрытыя окна видно было, какъ ораторы, смѣняя другъ друга, взбирались поочередно на какой-то ящикъ или столъ, что-то говорили, оборачиваясь во всѣ стороны, угрожающе жестикулировали, а народъ сдавленно колыхался и временами глухой шумъ пробѣгалъ по площади, какъ будто сердитый вѣтеръ перекатывался по желѣзной крышѣ высокаго дома.

— Что-жъ, господа, разплылось дѣло,—сказалъ Непорожневъ старичкамъ:—до завтра, значитъ. Завтра пораньше, господа!

Его тоже потянуло на площадь, хотѣлось послушать, примкнуть къ народу, слиться съ нимъ въ единомъ чувствѣ общей печали. Думу ему было невыразимо жалко. Это была та Дума, которую и онъ выбиралъ. Ему какъ-то не вѣрилось, чтобы она, такая смѣлая, увлекательная, гордо бичевавшая, вся повитая лучшими надеждами, могла умереть. Защита въ ней чувствовалась, прочный оплотъ. Онъ понималъ, что и генералъ побаивался Думы. Да и одинъ ли генералъ? А вотъ онъ, Непорожневъ, чувствовалъ лишь больше увѣренности при Думѣ, все радовался чему-то ожидаемому хорошему. А теперь? Пусто и жутко будетъ теперь...

Сгрудившаяся, разнообразно - темная и мѣстами причудливо-пестрая толпа смѣшанно колыхалась передъ его глазами. Кончилъ рѣчь студентъ Алимовъ. Новый ораторъ взобрался на трибуну,—какой-то учитель въ форменной фуражкѣ. Непорожневъ подвинулся на самый край крыльца. Скорбною дрожью, трогательно прозвучалъ голосъ оратора, и холодокъ прошелъ по спинѣ у Непорожнева.—„Закатилось наше солнце“,—только и разобралъ онъ, а слезы уже—вотъ онѣ... Да, закатилось... Потерялъ онъ что-то близкое и безцѣнное, что, какъ будто, самъ взлелѣялъ, чѣмъ съ безкорыстнымъ и чистымъ наслажденіемъ любовался,

гордился. Вспомнилъ, какъ плакалъ онъ отъ умиленія, когда раздалось первое привѣтствіе избраннымъ ими еще тамъ, въ избирательномъ собраніи. Что-то изумительное, непонятное, никогда не испытанное, горячее хлынуло тогда въ сердце, изъ сердца—къ глазамъ... Тотъ особенный восторгъ, лучезарная радость, гордость, которыя снятся лишь въ рѣдкихъ, диковинныхъ грезахъ... Какъ это ярко встаетъ теперь въ тоскующей памяти...

Смѣнялись ораторы. Повторялись: укоряли и грозили, скорбѣли и негодовали. И почти всѣ въ однихъ выраженіяхъ. Негодующаго чувства было много,—въ отрывочныхъ, сердитыхъ, ожесточенно-быстрыхъ выкрикахъ бѣжало оно навстрѣчу призывамъ ораторовъ, — но похоже было, что вмѣстѣ съ грустью и горечью ему суждено исчезнуть въ пространствѣ: тѣ, кого порицали, кому угрожали, гдѣ-то далеко-далеко были, недосягаемые, окутанные туманомъ неизвѣстности...

Вечеръ наступилъ, душный и тихій, безъ веселаго говора, безъ смѣха и пѣсенъ, безъ праздничной толкотни, странно - тихій, насторожившійся вечеръ. Изсякъ потокъ ораторовъ. Но не расходились. Все ждали, не скажетъ ли еще кто-нибудь, не уловитъ ли въ своей рѣчи то смутно чувствуемое и важное, что какъ будто ускользало отъ всѣхъ предшествовавшихъ ораторовъ, но носилось надъ умами, близкое, настоятельное, разрѣшающее недоумѣнія.

Опять на столѣ фигура. Не сразу выросла,—видно было, что съ трудомъ взбиралась. Сострадательно-сердитый голосъ изъ заднихъ рядовъ прокричалъ въ пространство, неизвѣстно кому:

— Подсоби ему влѣзть-то, чаво стоишь!.. Не видишь: старецъ...

— Неужели это Евстафій Спиридонычъ въ ораторы записался?—подумалъ Непорожневъ, съ удивленіемъ присматриваясь къ патріархальной, древле-иконописнаго вида фигурѣ, понуро стоявшей на столѣ: бѣлая борода съ завитками, подъ мышкой объемистая книга въ кожаномъ переплетѣ, сразу видно—божественная книга; руки держитъ такъ, что вотъ сейчасъ сложитъ два перста и скажетъ: — „тако молитесь“.

— Да, это онъ... собственной персоной—купецъ Дѣтистовъ. Любопытно... Ну, гляди, не нагусти, отче Евстафій! Обувью торговать ты можешь, а каковъ ты ораторъ, послушаемъ. Только ежели ты всю эту библію вычитывать будешь, то это—ночи не хватитъ.

Мѣрное, сдержанное жужжаніе все еще стояло надъ площадью и гасло медленно. Повидимому, ораторъ не возбуж-

далъ интересныхъ ожиданій. Не сразу смолкали. Онъ уже говорилъ что-то. Мягкій, степенно-плавный, медленно-пѣвучій голосъ ровно и кротко плескался надъ угасавшимъ говоромъ, но словъ не было слышно. Вотъ старикъ уже раскрылъ свою книгу, не спѣша перевернулъ нѣсколько листовъ и скорбно-пѣвучимъ голосомъ, покачивая головой, сталъ читать какой-то длинный текстъ. Ближе стоявшіе слушатели, сгрудившись, смотрѣли напряженно, строго-внимательно и, уловивъ отдѣльное слово, покачивали головами.

— Именно!—громко согласился кто-то.

— Самая истинность! Это мы подтверждаемъ,—прибавилъ другой голосъ.

Но плохо разбиралось, и становилась скучно. Самъ ораторъ, чувствуя, видно, что слабый голосъ его тонетъ въ этомъ плещущемъ жужжаніи, остановился и сказалъ:

— Позвольте, братіе, тишины!

— А ты покрѣпше говори, Стахій Спиридонычъ!—раздался доброжелательный голосъ изъ толпы.

— Покрѣпше?

— Да.

— Грудь у меня легка... Ну, да буду стараться. А вы, съ своей стороны, потише...

И, напрягая голосъ, отчего онъ сталъ у него тоньше и звонче, Дѣтистовъ сталъ говорить о своихъ долгихъ, мучительныхъ сомнѣніяхъ, вызванныхъ нынѣшнимъ временемъ, о томъ, что онъ подозрѣвалъ молодежь въ безразсудствѣ, въ безбожіи и бунтѣ, когда она говорила противъ власти, установленной Богомъ.

— Вопросъ клонится къ рѣшенію того узла, какъ придти въ разумъ истины? Какъ узнать и развѣдать, и прочно установить, гдѣ она есть, настоящая правда, называемая правда Божія? Есть-ли это буесть юности, что слышимъ мы отъ зовущихъ стоять за угнетенныхъ ярмомъ нужды? Суть ли безразсудны и дерзостны передъ Богомъ слова ихъ, бунтующія противъ власти, которая, по слову апостола, отъ Бога есть? Или это подлинно то, Исаіей предугаданное время—время благовѣстить нищимъ и сокрушеннымъ сердцемъ, время прозрѣнія слѣпыхъ, время суда и скораго обличенія надменныхъ счастливцевъ, дѣлающихъ беззаконія чародѣевъ и прелюбодѣевъ?..

Было странно дѣйствіе этого тонкаго, пѣвуче-медлительнаго голоса и этихъ диковинныхъ, мудреныхъ, непривычныхъ словъ. Чувствовались въ нихъ не простое риторическое украшеніе, а что-то съ грустью и тяжестью ни сердцѣ выношенное и твердо признанное.

— И я обратился къ самой самосущей истинѣ, коей при-

выкъ руководствоваться въ жизни, къ основному камню краеугольному—къ священному писанію. И писаніе, когда я перечиталъ его со всѣмъ вниманіемъ и разъ, и другой, и третій, убѣдило меня, что молодое поколѣніе идетъ по дорогѣ, указанной Богомъ...

— Я не облѣнюсь и прочитаю вамъ изъ писанія и надѣюсь, съ Божіей помощью, показать вамъ, гдѣ отверзаются врата правды для насъ, живущихъ нынѣ въ прискорбіи и тѣснотахъ...

Онъ долго читалъ свою книгу, раскрывая ее въ разныхъ мѣстахъ, обозначенныхъ цвѣтными закладками. Пояснялъ, стуча пальцами по ея толстой крышкѣ, и было это такъ убѣдительно, какъ подкрѣпленіе вѣры въ новую правду, пришедшее съ неожиданной стороны, показывавшее, что корни новаго крылись уже тамъ, въ глубинѣ вѣковъ, стонъ труждающихся и обремененныхъ и тогда былъ тотъ же, что и теперь, и тогда жертвенникъ Бога обливался слезами обиженныхъ, и тогда духъ правый поднималъ бойцовъ противъ опьяненныхъ насиліемъ угнетателей.

— За то, что овцы Мои оставлены были на расхищеніе... и сдѣлались овцы Мои пищею всякаго звѣря,—Я—на пастырей... и взыщу овецъ Моихъ отъ руки ихъ... исторгну овецъ Моихъ изъ челюстей ихъ... и не будутъ онѣ пищею ихъ..

Слова входили въ сердце, торжественныя и строгія, какъ вечернія багряно-сизыя облака, предвѣщающія на утро бурю, и взывали къ спрятаннымъ на днѣ робѣющимъ силамъ. Поднималось и искрилось желаніе—стать заедино, громкій и смѣлый послать вызовъ, помѣряться съ темнымъ врагомъ.

— Эхъ, если бы теперь, какъ прошлой осенью!—думалъ съ сожалѣніемъ Непорожневъ.

Онъ смутно надѣялся и ждалъ,—ему очень хотѣлось этого,—что гдѣ-то тамъ... тамъ... онъ не могъ даже опредѣленно сказать гдѣ, но тамъ, въ тѣхъ таинственныхъ даляхъ, которыя раньше поднялись изъ-за земли, которыя узнали горшую участь, чѣмъ они, казаки,—тамъ снова поднимутся и станутъ за Думу. А затѣмъ и тутъ отзовутся... Отзовутся! Онъ былъ увѣренъ въ этомъ, глядя на стоявшую передъ его глазами силу—плотный, нѣмой пока міръ, по темной и загадочной душѣ котораго проходили сейчасъ скорбь и гнѣвъ безгласный. О, если она сдвинется, заговоритъ, развернется,—ее сломить будетъ мудрено!..

И когда многозначительное жужжаніе и говоръ пробѣгали по площади, когда выпрыгивали, какъ брошенные вверхъ камни, восклицанія злобы, угрожающе потрясались руки и головы, онъ радовался и вѣрилъ, что она сдвинется,

что гдѣ-нибудь тамъ болѣе грозный и обиженный міръ куетъ теперь себѣ мечъ оборонный...

VII.

Когда генералъ въ началѣ одиннадцатаго подъѣхалъ къ станичному правленію, майданъ гулко гудѣлъ отъ того жужжащаго и топчущаго многоголосаго говора, который напоминалъ сплошной бѣгъ по желѣзной крышѣ крупнаго дождя со вздохами вѣтра, звонко-дребезжащимъ разговоромъ потоковъ изъ трубъ, съ далекими, странными, спутанными голосами, тягучими и монотонными, точно кто издали дразнился упрямо и однообразно: а а... а-а... а-а...

Непорожневъ съ обычно-молодецкимъ видомъ отрапортовалъ о благополучіи въ ввѣренной ему станицѣ. Генералъ, не дослушалъ рапорта, начальнически-ласково отогнулъ руку Непорожнева отъ козырька и, въ предшествіи Авдюшкина, который благоговѣйно-испуганнымъ голосомъ восклицалъ: „посторонитесь! посторонитесь!..“—прошелъ къ столу, покрытому краснымъ сукномъ.

Несмотря на обильную вентиляцію сквозь настежь раскрытыя окна и двери, было такъ жарко и душно въ майданной, что генералъ сразу почувствовалъ, какъ липкій, спертый воздухъ одѣлъ горячей влагой его лицо, шею, забрался за воротникъ кителя, за рубаху, заставилъ открыть ротъ и участить дыханіе. Густой лѣсъ головъ поднялся передъ нимъ и ждалъ его привѣтствія. Ихъ было много что-то... Гораздо гуще, чѣмъ обычно на станичныхъ сборахъ. Тѣмъ лучше!

Видно было, какъ большіе круги, усѣявшіе площадь,—въ праздничные дни и дни станичныхъ сборовъ это всегда было,—стали вдругъ быстро рѣдѣть, и вереницы потянулись къ правленію. И вотъ уже въ дверяхъ, по всему крыльцу, на подоконникахъ, за окнами выросли живыя, широкія, колеблющіяся стѣны, валы, брустверы изъ тѣлъ, отъ которыхъ пыхалъ жаръ. И на всѣхъ лицахъ то поглощающее любопытство и праздно-жадное вниманіе, которое генералъ такъ привыкъ видѣть съ тѣхъ поръ, какъ носилъ генеральскіе погоны.

— Здорово, дорогіе станичники! — крикнулъ онъ бойко, молодцовато-звучнымъ голосомъ.

— Здррра.,. жла-а... вассство!..

На привѣтствіе отвѣтили дружно, громко, весело. О, онъ знаетъ казаковъ! Слава Богу, не первый день живетъ съ ними... Дорогой народъ! Дисциплина вкоренена въ нихъ вѣками, и никакіе анархисты, какъ ни потѣй, не вытравятъ ея.

Онъ присѣлъ на минутку. Такъ, для проформы, спросилъ у Непорожнева, въ полномъ ли составѣ сборъ. Очевидно было, что въ полномъ.

Пора начинать. Тихо и торжественно стало, какъ въ церкви. Генералъ всталъ, кашлянулъ, шумно вздохнулъ, какъ пузырь, выпустившій воздухъ, и сказалъ:

— Любезные станичники!

Онъ хотѣлъ взять тонъ скорбной серьезности, но чувствовалъ, что привычка командовать, кричать передъ глубокимъ строемъ, такъ, чтобы было слышно далеко, всѣмъ шести сотнямъ, всему полку, наложила неизгладимый отпечатокъ на его интонацію: слова выскакивали сырыми обрубками, коротко-строго, громко, однообразно, безъ желательной плавности и выразительности.

Рѣчь свою онъ сочинилъ еще дня четыре назадъ. Подзубривалъ, передѣлывалъ, измѣнялъ кое-что. Вчера, узнавъ о роспускѣ Думы, онъ рѣшилъ, что можно усилить ее коечѣмъ новымъ и не удержался: слегка посквернословилъ надъ свѣжей могилой. И ему казалось, что вышла очень убѣдительная рѣчь, простая, ясная, вѣская, доступная казацкому пониманію, безъ того цвѣтистаго краснобайства и выкрутасовъ, къ какимъ прибѣгали агитаторы, упражнявшіеся при немъ въ краснорѣчіи. Сильная рѣчь... Чтобы показать, что онъ тоже не лыкомъ шитъ, генералъ не избѣгалъ ученыхъ цитатъ, но главную силу и убѣдительность полагалъ все-таки въ простотѣ и ясности.

— Любезные станичники! Я не болѣе, какъ двѣ недѣли какихъ-нибудь вернулся изъ чужихъ краевъ... изъ-за границы... Въ гостяхъ, какъ говорится, хорошо, а дома лучше...

— Ишшо бы!—тихо, но явственно сказалъ тонкій, ехидно насмѣшливый голосъ въ неопредѣленномъ пространствѣ.

— И, конечно, я всѣмъ сердцемъ спѣшилъ сюда, на родное пепелище... Сами знаете: „И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“, какъ сказалъ нашъ Пушкинъ...

— Чекушкинъ?—переспросилъ, какъ будто, все тотъ же тонкій, издѣвательскій голосъ, но послышался онъ не тамъ, гдѣ въ первый разъ, а тутъ, ближе, сбоку. И генералъ услышалъ его.

Кто-то фыркнулъ въ глубинѣ тѣсно и жарко дышавшей толпы. Короткій шорохъ сдержаннаго смѣха провѣялъ по ней и упалъ.

— Потише, господа! Соблюдайте тишину!—сказалъ увѣщательнымъ тономъ Непорожневъ.

— Извѣстный писатель нашъ Пушкинъ!—сердито и вѣско повторилъ генералъ и сдѣлалъ паузу.—Къ чорту Пушкина!—тутъ же подумалъ онъ:—ну, къ чему онъ этому свиному

табуну? Не надо учености... бисеръ еще буду метать передъ ними...

— Пріѣхалъ и что же услыхалъ на первыхъ порахъ? — продолжалъ генералъ, строго хмурясь:—у меня даже волосы дыбомъ стали...

Непорожневъ кинулъ осторожный, косвенный взглядъ на голую, подчищенную нолевымъ номеромъ, значительно облысѣвшую голову генерала и поспѣшно погладилъ усы, чтобы скрыть улыбку.

— Вы!.. доблестные донцы!.. герои!.. вѣрные сыны тихаго Дона!! Защитники отечества!.. родины!.. и вѣры... вы отказываетесь служите Государю Императору?!. Я своимъ ушамъ не вѣрилъ!..

Генералъ шумно вздохнулъ и вытеръ платкомъ вспотѣвшую лысину.

— Братцы и станичники! Спрашиваю я васъ: что же это такое у насъ происходитъ? И кто возмущаетъ нашъ тихій Донъ?..

Генералъ уперся въ бока кулаками и обвелъ вопрошающимъ взоромъ налитый народомъ майданъ.

— Тьсссс...—раздался звукъ, исполненный изумленія и скорби.

Кто-то оборвался съ подоконника. Произошло небольшое замѣшательство и давка. Опять мгновенной, шелестящей зыбью прошелъ смѣхъ по толпѣ.

— Господа, потише!—крикнулъ Непорожневъ прискорбнымъ тономъ:—какая-то мѣшанина пошла!—добавилъ онъ, строго глядя въ ту сторону, гдѣ колыхались еще головы, не могшія размѣститься удовлетворительно.

— ...Если наши же донскіе члены Гос. Думы сдѣлали предложеніе, — продолжалъ генералъ мѣрнымъ, тяжкимъ, обличающимъ тономъ:—чтобы спустить со службы мобилизованные полки, то, по моему, они приняли на себя слишкомъ смѣлую отвагу и рѣшились внушить донцамъ забыть присягу!.. Не думайте, братцы, имѣть покушеніе на свою родину! Не поддавайтесь разнымъ анархистамъ и смутьянамъ, которые такъ ловко умѣютъ прельстить ораторствомъ и повертывать по своему!.. Это выйдетъ глупо... И вышло уже глупо!.. Они публично говорили, что не слѣдуетъ второй и третьей очереди идти внутрь Россіи, а слѣдуетъ только охранять ее отъ внѣшняго врага и границы... Но почему они умалчиваютъ о томъ, что внутренній врагъ нарушаетъ спокойствіе Россіи и приводитъ ее къ раззоренію?..

— А вы не приводите къ раззоренію?—снаружи изъ той массы, которая запрудила крыльцо и двери, послышался рѣзкій голосъ.

— Ужъ привели! Чего тамъ!—отозвался другой голосъ.

Генералъ остановился. Ему показалось, что онъ ослышался.

— Что-о?—съ сердитымъ изумленіемъ крикнулъ онъ.

Застилалъ ли глаза потъ, или это всегда такъ, но при всемъ усиліи расчленить эту плотную массу, разсмотрѣть отдѣльныя лица, угадать по движенію губъ, по выраженію глазъ зачинщиковъ и нарушителей, онъ не видѣлъ ничего, кромѣ странной чешуи изъ головъ, однообразной сѣти пятенъ тѣлеснаго цвѣта, многихъ глазъ, сцѣпившихъ его своими лучами отовсюду, и противно-мокрые, слипшіеся волосы. Точно сплошной загонъ бурьяна или татарника, сорной, густо пахнущей, волосатой травы. И казалась она то близко,—чувствовалось даже шумное, тяжелое, отдающее терпкимъ потомъ дыханіе ея,—то уходила вдаль и сливалась въ сѣтчатый, подвижной узоръ, въ которомъ бродило и скрывалось что-то враждебное и загадочное.

Въ другой разъ,—да, это въ другой, послѣ зимы—толпа показалась ему такимъ странно-невѣдомымъ существомъ. Онъ зналъ ее прежде простой, понятной и совсѣмъ не страшной, привыкши видѣть, какъ она безпрекословно шла, говорила, дѣлала по одному знаку, жесту, окрику то, что требовалось. На смотрахъ, на парадахъ стоило, бывало, генералу махнуть рукой въ сторону напиравшей плотной массы любопытныхъ,—и сейчасъ же передніе ряды давили на слѣдующіе и далѣе, и видно было, какъ движеніе быстро передавалось въ задніе ряды, какъ, опрокидывая и давя другъ друга, отбѣгали люди, точно отъ генеральской руки шелъ всесокрушающій вихрь и сдувалъ ихъ, какъ пыль.

Онъ привыкъ видѣть толпу какъ бы магически околдованной начальническимъ взглядомъ, жестомъ, окрикомъ, даже просто присутствіемъ, даже однимъ появленіемъ. Когда онъ входилъ, бывало, въ биткомъ набитую церковь или собраніе, то—предшествовалъ ли ему Авдюшкинъ или нѣтъ, — онъ въ первый же моментъ чувствовалъ, какъ, еще не видя, но чувствуя его, толпа раздавалась, очищала ему дорогу, жала другъ друга, наступала на ноги, и, куда бы онъ ни повернулся, она мгновенно дѣлала то, что нужно, какъ нужно.

Онъ не могъ не знать, что толпа можетъ быть и злобно возбужденной, способной къ натиску, разрушенію, какъ табунъ лошадей способенъ разрушить и передавить цѣлый лагерь, испугавшись ночью какого-нибудь пустяка—неожиданнаго громкаго чоха или треска. Но онъ просто не могъ заставить себя вообразить, что та толпа, въ которой онъ

привыкъ видѣть одну почтительно-робкую, проворно-гибкую податливость, охотную, стихійно-текучую, почти автоматическую покорность,—способна возражать и выражать что-то вродѣ протеста. Протестъ требуетъ сознательности, планомѣрной разсчитанности... Но что такое станичный сборъ, какъ не табунъ быковъ, пригодныхъ лишь для ярма? Никто въ этой кучѣ не видитъ дальше спины и затылка своего сосѣда и способенъ идти только туда, куда движется эта спина, и самъ будетъ толкать ее въ этомъ направленіи. Но чтобы изъ этого табуна раздался дерзкій, осуждающій звукъ, когда говоритъ начальникъ? Никогда! Онъ былъ увѣренъ, что вздумавшаго раскрыть ротъ протестанта немедленно взяли бы за шиворотъ его же сосѣди и въ похвальномъ усердіи немедленно представили бы для расправы...

Но вотъ раздались эти звуки, и онъ... смутился вдругъ передъ ними. Онъ понималъ, что надо сразу, однимъ взмахомъ уничтожить этотъ вздоръ, но не могъ побороть смущенія въ первый моментъ. И оттого, что онъ почувствовалъ минутную растерянность, а они замѣтили ее, его сейчасъ же охватилъ страхъ, что все пропало...

— Скорѣй! Какъ можно скорѣй покажи силу! Возстанови значеніе власти!—подгонялъ онъ самъ себя и гнѣвно повторилъ вопросъ:

— Что-о?

Никто не отвѣтилъ. Безмолвно и выжидательно глядѣли на него сотни глазъ. Въ глубинѣ, въ углахъ, какъ будто что-то глухо заворчало въ нѣсколько голосовъ, потомъ подалось влѣво, къ той стѣнѣ, что была подальше отъ генерала. Онъ глянулъ туда быстрымъ, строго пронизывающимъ взглядомъ,—смутный, сдавленно-протестующій говоръ улегся. Мелькнула чуть колеблющейся, широкой лентой живая, дышащая стѣна, плотная и темная снизу, съ лоснящимися пятнами тѣлеснаго цвѣта подъ шапкой разномастныхъ волосъ. И много глазъ.

— Ты чего тамъ?

Генералъ ткнулъ наугадъ, поймавъ глазами весело-насмѣшливый взглядъ стоявшаго впереди смуглаго, худого хуторского атамана Жилкина, знакомаго ему по разнымъ общественнымъ ходатайствамъ.

— Я ничего,—бойко отвѣтилъ стоявшій рядомъ съ Жилкинымъ молодой бѣлокурый казакъ, улыбаясь сѣрыми, смышлеными глазами.

— М-мерзавецъ!—подумалъ генералъ, чувствуя особую обиду отъ того, что казакъ не прибавилъ титула:—его не спрашиваютъ, а онъ лѣзетъ и даже не моргнетъ глазомъ!

Обнаглѣли, подлецы. И откуда такой молодой затесался на сборъ? По какому это положенію?

— Кто такой?—отрывисто спросилъ генералъ.

— Я? Уполномоченный хутора Горбатаго,—отвѣтилъ казакъ такъ же бойко и опять не прибавилъ: „ваше п—ство".

— Какой, къ чорту, уполномоченный? Что за уполномоченный?—раздраженно крикнулъ генералъ.

Казакъ улыбнулся, слегка пожалъ плечами и насмѣшливо-спокойно отвѣтилъ:

— Избранъ обществомъ...

— Согласно особому приказанію вашего п—ства,—почтительно прибавилъ Непорожневъ.

— Да вы для чего насъ собрали, ваше п—ство?—спросилъ вдругъ Жилкинъ своимъ басистымъ голосомъ.

— Что же мы, самозванцы, что ли? Провѣрять насъ?—послышался сейчасъ же рѣзкій голосъ въ затылкѣ генерала.

И точно плотина прорвалась,—вдругъ весь майданъ зашумѣлъ слитно-ревущимъ шумомъ, загудѣлъ, а оттуда, съ крыльца и съ подоконниковъ, съ площади новымъ валомъ поднялись и хлынули бурливо крутящіеся крики, въ которыхъ генералъ ничего не могъ разобрать. Онъ видѣлъ шевелившіяся бороды, злобно расширенные глаза, угрожающіе быстрые жесты головами и руками, даже сжатые кулаки. Отъ жаркой духоты и терпкаго запаха пота онъ почувствовалъ, что въ головѣ стало тяжело и мутно, качнулись въ глазахъ окна—разъ и другой,—онъ ухватился обѣими руками за столъ и напрягъ всѣ усилія, чтобы не упасть. Устоялъ. И въ слѣдующее мгновеніе по спинѣ поползло что-то холодное и склизкое, а взмокшая рубаха и китель зябко прилипли къ тѣлу...

Что они кричали? И всѣ, всѣ разомъ, перебивая другъ друга, мѣшаясь, ожесточаясь... Какіе упреки изливаютъ они ему? За что? Что онъ сдѣлалъ имъ дурного? Въ чемъ виноватъ? Чего требуютъ?

Надъ самымъ его ухомъ Непорожневъ, надрываясь и махая насѣкой, кричалъ:

— Господа! помолчите!.. Позвольте, господа!.. Уймите разговоръ! Что тамъ за шумъ! Вамъ сказано, чтобы потише!.. Нельзя, господа!..

Вскочивъ на табуретъ, онъ отчаянно замоталъ колокольчикомъ во всѣ стороны. Колокольчикъ визгливо заплакалъ, но шумъ, то усиливаясь, то отливая, не унимался, копошился и бился о стѣны, какъ лязгъ сыплющихся мелкихъ желѣзныхъ листовъ.

Вотъ на табуретѣ смѣнилъ Непорожнева студентъ Сигаевъ. Почему здѣсь студентъ? Откуда онъ взялся?.. Махая

руками, Сигаевъ кричитъ что-то, потомъ шипитъ, потомъ дѣлаетъ ладони трубой и опять кричитъ. Въ дверяхъ и окнахъ, на скамьяхъ сдавленно движутся, тѣснятся, лѣзутъ другъ черезъ друга любопытные. Вонъ женщины... Даже подростки какіе-то вонъ, мальчишки... Что такое?.. Почему это? Какъ это?

Студентъ снялъ тужурку и, оставшись въ одной блузѣ, сѣрой и мокрой на спинѣ, замахалъ тужуркой. Вѣтерокъ повѣялъ отъ нея на генерала. Одно мгновеніе было почти пріятно. И, какъ будто это маханье имѣло магическую силу,—сталъ стихать шумъ.

— Господа!.. Позвольте изложить его п—ству нашу просьбу!—сдѣлавши ладони трубой, закричалъ студентъ:—чтобы не затягивать времени, господа!..

— Именно!.. Говори!..—крикнули голоса такъ, какъ будто студентъ былъ на другомъ берегу рѣки.

Но сейчасъ набѣжали, спутались и сплелись съ ними другіе голоса:

— Что съ нимъ языкъ зря околачивать? Не къ чему!.. Плюнь!..

— Позво-ольте, господа...

— Говори! Пора къ дѣлу!.. Въ добрый часъ! къ дѣлу!..

— Уполномочиваете, господа?

— Въ до-о-обрый часъ!!.

— Говори!..—Дѣйствуй!..—Мури, братъ!..—Дроби на самыя мелкія дроби!..—Гляди, не фальшивы!..—Докладывай понятнѣй, повнимательнѣй!..

Студентъ снова надѣлъ тужурку, даже застегнулся. И когда пестрыя, разноголосыя восклицанія, поощрявшія его къ роли парламентера, стихли,—обратился къ генералу съ видомъ торжественнымъ, хотя нѣсколько комическимъ:

— Ваше п—ство! Покорнѣйшая просьба къ вамъ гражданъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, мы желаемъ знать, за что арестованъ докторъ Лапинъ, священникъ Діалектовъ, есаулъ Карташевъ и хорунжій Алехинъ? Во-вторыхъ, такъ какъ мы убѣждены въ томъ, что они рѣшительно ни въ чемъ не виновны, то просимъ васъ освободить ихъ...

Генералъ провелъ по лицу мокрымъ платкомъ и, ни на кого не глядя, глухимъ, слабо слышнымъ, но не потерявшимъ достоинства голосомъ, сказалъ:

— Арестованы по предписанію войскового наказнаго атамана... За что, — мнѣ неизвѣстно... Освободить не имѣю права...

— Какъ неизвѣстно?—крикнулъ громкій и рѣзкій голосъ, и сейчасъ же его обогнали еще нѣсколько вызывающе-дерзкихъ голосовъ:—а по чьему же доносу?..

И снова хлестнулъ общій крикъ, и ничего нельзя было разобрать въ угрожающемъ и уличающемъ гвалтѣ, въ напряженныхъ голосахъ, старавшихся пересилить другъ друга, то дробившихся въ мелкіе осколки, то разомъ сплетавшихся въ странно-уродливый клубокъ. Неистовые, безпощадно-грубые, сжатые стѣнами и потому дико-оглушительные, сыпались они на голову, какъ куча щебня, и захватывали дыханіе.

Опять студентъ снялъ тужурку и замахалъ.

— Господа! Позвольте же!.. Гос-по-да!..

— Я не могу.. Я задыхаюсь,—сказалъ генералъ страдальческимъ голосомъ, обращаясь къ Непорожневу и къ студенту:—здѣсь дышать нечѣмъ.

Студентъ поднялся на табуретъ и продолжалъ махать тужуркой. Но долго еще видно было, какъ тряслись озлобленно головы, разѣвались рты, бороды и усы прыгали въ безсмысленно-озлобленномъ водопадѣ звуковъ.

— Господа! дайте воздуху его п—ству!—закричалъ студентъ, когда шумъ упалъ.

И отвѣтили грубые голоса:

— Ничего! не задохнется!..

— Ваше п-ство! позвольте выяснить этотъ вопросъ: на основаніи какихъ данныхъ арестованы совершенно невинные люди? Производилось дознаніе о составителяхъ наказа. Но мы всѣ—составители, и всѣ мы подписали...

— Арестовывай всѣхъ!.. Бери!.. На!..

Вспыхнули крики и снова выжидательно остановились.

— Позвольте, господа! Позвольте одному!.. Ваше п-ство разрѣшите намъ этотъ вопросъ: почему именно такое исключительное вниманіе Лапину и Діалектову?

Генералъ приложилъ руку къ груди и голосомъ, которому онъ самъ удивился, точно это былъ не его голосъ, — слабымъ, обрывающимся голосомъ подсудимаго сказалъ:

— Господа! Повторяю: мнѣ ничего неизвѣстно. Получилъ предписаніе—обязанъ выполнить...

И сейчасъ же этотъ голосъ мгновенно потопили враждебно-подозрительные и ожесточенные возгласы:

— А-а, не зна-а-ешь! ишь ты!.. Нѣтъ, ты зна-а-ешь!..

— Чѣмъ они виновны?

— Почему именно подъ ними подозрѣніе? Мы всѣ подписали и всѣ будемъ отвѣчать!..

— Зачѣмъ людей зря марать? Съ себя самого... счищаешь да другихъ мажешь?.. Ага-а!..

— Господа!—съ горечью воскликнулъ генералъ, еще не теряя надежды добиться спокойнаго и разсудительнаго объ-

ясненія:—даю честное слово, что готовъ за нихъ хоть сейчасъ ходатайствовать, но... при чемъ же тутъ я?

— При че-емъ?.. А по какой причинѣ именно они? Покажи предписаніе! Тамъ должно быть обозначено, за что и почему?

— Вы сами, господа, знаете: я былъ за-границей, и могу ли я знать?..

Какой-то старикашка съ скудной бороденкой, похожей на ощипанныя перья, въ синемъ халатѣ, тощій и злой, изступленнымъ дребезжащимъ голосомъ закричалъ:

— Бумагу давай! Сейчасъ на столъ бумагу клади!..

И крутилъ головой, какъ голодная дворняга, поймавшая курицу.

И опять водоворотъ криковъ заплясалъ, закружился, потопилъ всѣ звуки и билъ молотками въ виски, въ мозгъ, въ сердце.

Когда стихли крики, студентъ перевелъ ихъ на человѣческій языкъ:

— Ваше п-ство! Общество желаетъ видѣть предписаніе. Въ немъ, вѣроятно, должны быть указаны мотивы ареста...

— Дава-ай!.. На столъ бумагу!..—заорало нѣсколько голосовъ, теперь уже, какъ показалось генералу, удивительно знакомыхъ, потому что именно они всегда начинали и открывали тотъ дикій концертъ, который сыпался лавиной на его голову.

— Господа! господа! полегче! не всѣ разомъ!..

— Предписанія у меня здѣсь нѣтъ,—отвѣчалъ генералъ снова упавшимъ, безнадежнымъ голосомъ: — обратитесь къ моему помощнику,—это въ его завѣдываніи. Можете уполномочить, кого найдете нужнымъ,—я распоряжусь, чтобы имъ показали предписаніе. Убѣдитесь, господа, лишь въ томъ, что предписаніе есть предписаніе и больше ничего... Я даже самъ готовъ поѣхать съ ними...

— Нѣ-ѣтъ, вы останетесь!..—Посылай за помощникомъ! Кузнецова сюда!..—Вы съ нами, ваше п-ство!..—Никого не выпустимъ, пока не дознаемъ!..—Кузнецова потребовать!..— Будь тутъ! Все равно, не выпустимъ!..—Идите за помощникомъ...

— Господа, да не могу же я...—взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ генералъ, со всею ясностью понявши, что онъ въ плѣну: — вы сами понимаете... надо же мнѣ, наконецъ, для вѣтра сходить...

Грубые голоса загоготали. Майданъ откровенно-весело загудѣлъ, закашлялъ, закричалъ въ отвѣтъ:

— Ни-че-го-ó!.. Хоть и здѣсь!.. — Не стѣсняйся, ваше п-ство!..

Генералъ въ изнеможеніи опустился на стулъ и не выдержалъ, заплакалъ. Никогда въ жизни онъ не испытывалъ такого униженія и обиды. Чувствовать себя совершенно во власти этихъ безсмысленно озлобившихся людей, стать посмѣшищемъ тѣхъ, которыхъ онъ привыкъ видѣть передъ собой испуганно-почтительными, чуть не пресмыкавшимися въ холопскомъ безмолвіи, безславно уронить авторитетъ положенія, по нелѣпой случайности попасть въ нелѣпую, непредвидѣнную и безвыходную ловушку,—что можетъ быть горше и несправедливѣе?.. Нечего было и думать вызвать воинскую команду. Кого послать? Какъ дать знать? Тутъ всѣ противъ него, ни одного человѣка нѣтъ за него. Ни одного!.. Непорожневъ? Онъ и пошелъ бы, едва ли ослушался бы, да развѣ его выпустятъ?.. Авдюшкинъ? Гдѣ онъ, Авдюшкинъ? Нѣтъ его. Да и воинская команда—подчинится ли, пойдетъ ли на своихъ? А если не пойдетъ? Тогда эта толпа прикончитъ его, растерзаетъ, затопчетъ ногами... Но... онъ предпочелъ бы даже такой безсмысленный конецъ теперешнему невыносимому состоянію.

Они торжествуютъ, да. Смѣются, осыпаютъ его тѣмъ переливчато издѣвательскимъ, зло-остроумнымъ говоромъ, въ которомъ теперь звучитъ уже не столько вражда, сколько насмѣшка. Слышны крики и споры тамъ, за стѣнами; въ окна все напираютъ, налѣзая другъ на друга, головы любопытныхъ, на его позоръ любуются...

Доставили войскового старшину Кузнецова. Онъ, какъ вошелъ, сразу сталъ такъ громко отдуваться и пыхтѣть, какъ будто только что вынырнулъ изъ воды и опять готовился погрузиться въ нее: п-пуффъ, п-пу-ф-фъ!..

— Предписаніе! предписаніе давай!—шарахнулись на него крики.

— Я не могу... Я задыхаюсь...—съ трудомъ поворачивая красную шею и изумленно озираясь, хрипло вскричалъ Кузнецовъ:—у меня порокъ сердца... я не могу!

Грубый, многоголосый, обрывающійся звонкой лавиной валъ голосовъ заглушилъ его. Когда Кузнецовъ понялъ, въ чемъ дѣло, онъ, задыхаясь и готовый упасть, прохрипѣлъ:

— У секретаря предписаніе.. у секретаря!.. Воды, ради Бога!

Ему предупредительно подали воды. Дрожащими руками онъ жадно поднесъ ее ко рту и, стуча стаканомъ по зубамъ, началъ громко глотать. Добровольцы, между тѣмъ, отправились за секретаремъ. Къ столу протискался полицейскій приставъ Чертихинъ, тощій, серьезный, но не очень храбрый человѣкъ. Онъ страдалъ за генерала и не зналъ, чѣмъ помочь. Преодолѣвая робость духа, онъ рѣшился показаться

на глаза плѣнному начальнику, выразить угнетеннымъ своимъ видомъ состраданіе и готовность немедленно исполнить всякія инструкціи, а тамъ... воля его п-ства.

Въ дверяхъ его немножко помяли. Костлявый кулакъ базарнаго сторожа Игната, имѣвшаго много причинъ сердиться на него, досталъ его въ затылокъ. Приблизившись къ столу, Чертихинъ перегнулся къ генералу, хотѣлъ спросить, не будетъ ли какихъ указаній, но толпа закричала, заулюлюкала на него. Генералъ отмахнулъ рукой: „не до васъ тутъ, Чертихинъ!“ Чертихинъ откланялся и сдѣлалъ попытку уйти. Но его сейчасъ отбросили снова къ столу.

— Шалишь!—закричали голоса:—побудь тутъ!..

— Садись, братъ, гость будешь!..

— А водки купишь, такъ и за хозяина почтемъ!..

И зубоскалили надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока въ майданную не доставили секретаря. Маленькій человѣчекъ съ брюшкомъ, лысый, словно молью подъѣденный, возбудилъ благодушный смѣхъ своимъ испуганно-недоумѣвающимъ видомъ. Онъ, держа руки по швамъ, глядѣлъ на генерала и видѣлъ передъ собой только генерала и никого больше.

— Предписаніе объ арестѣ Лапина и священника Діалектова нужно, Степанъ Семенычъ. Желаютъ знать, почему они арестованы...

Секретарь не сразу отвѣтилъ. Подумалъ. Потомъ съ разстановкой, вразумительно, мягко, при водворившейся общей тишинѣ сказалъ:

— Арестованы, руководствуясь § 6 обязательнаго постановленія отъ 14 января 1906 года, за № 208, какъ виновные въ нарушеніи § 3 того же положенія...

Подѣйствовала ли на толпу кристальная ясность и отчетливость этого сообщенія, устала ли она кричать, или кроткій видъ секретаря внушилъ ей чувство умиротворенія, но она лишь смутно зажужжала, и только нѣсколько громкихъ одиночныхъ голосовъ крикнули по адресу секретаря:

— У, сѣдая крыса!..—Взятки брать, небось, умѣешь!..—Хомякъ толстопузый!..

На этотъ разъ даже Непорожневъ своимъ звонкомъ скоро водворилъ тишину. Когда смолкли, генералъ сказалъ:

— Господа! даю вамъ честное слово, что буду хлопотать объ ихъ освобожденіи, но освободите же и насъ, наконецъ! Какой смыслъ, что вы насъ держите? Вѣдь это просто безчеловѣчно...

Но опять вспыхнуло яростное пламя криковъ:

— А-а!.. безчеловѣчно!..—А ты съ нами, ваше п-ство, по-лошадиному не поступалъ?..—Не показалось? Нѣтъ, ты покушай!..

Было что-то оголтѣлое и безудержное въ этомъ изступленномъ галдѣніи. Генералъ уже различалъ теперь, что начинаютъ два-три голоса. За ними сыплется каскадъ пестро-звонкихъ голосовъ, сливающихся потомъ въ однотонно-дикую пѣсню диковиннаго звѣринца. Пронесется, какъ вихрь, который разваливаетъ трубы, срываетъ крыши, хлопаетъ воротами, опрокидываетъ пустую бочку съ дрогъ, несетъ обгоняющіеся клочки. И упадетъ разомъ, словно обезсилѣвъ отъ напряженія и усталости.

Снова студентъ Сигаевъ, вскочивъ на табуретъ, замахалъ своей тужуркой.

— Господа! потише: Сигаевъ говорить будетъ!..

— Говори, Сигаевъ!.. Отчитывай ихъ бабушку!..

— Звякни, братъ, во всѣ колокола! Заяви ему торжественно!..

— Господа! — кричалъ Сигаевъ, прижимая руку къ груди:—предложеніе его п-ства, дѣйствительно, цѣлесообразно. Въ самомъ дѣлѣ: проходитъ драгоцѣнное время, нашимъ узникамъ отъ этого не легче...

— Освободить!..—Заразъ же выпустить!.. Замки сбить!..

— Господа, позвольте!.. Крайнія средства на край оставимъ! А сейчасъ давайте просить его п-ство тутъ же, при насъ, составить срочную телеграмму войсковому наказному атаману. При насъ же!. Сами отнесемъ на телеграфъ, а отвѣта подождемъ... тутъ же, вмѣстѣ... и его п-ство также...

Не сразу и не такъ дружно, но съ видимой готовностью отозвались голоса:

— Ну, въ добрый часъ!..—Отбивай телеграммъ самой большой скоростью!..—Просимъ, ваше п-ство! Уважьте!..

— Ваше п-ство!—склонивъ голову на бокъ, тономъ самой убѣдительной, нижайшей просьбы обратился къ генералу студентъ, а въ глазахъ его прыгали огоньки веселаго смѣха:—уважьте покорнѣйшую просьбу... телеграфируйте, что станичный сборъ требуетъ освободить арестованныхъ...

Генералъ всталъ, шумно вздохнулъ, помахалъ платкомъ въ лицо и осторожно-сожалѣющимъ голосомъ сказалъ:

— Такъ не могу.

— А-а... не можешь?..—посыпалась лавина криковъ на его голову:—ну, сиди тутъ!.—Чтобы не скучно было!..—Не мо-жешь? Ну, заночуешь!..

— Не могу, господа... Какъ хотите...

Генералъ развелъ руками, хотѣлъ прибавить что-нибудь убѣдительное, но не могъ,—мысль остановилась: все равно... безполезно...

— Я не ожидалъ отъ васъ, господа...

Не договорилъ. Слезы перехватили голосъ.

— ...Я всегда... старался...—всхлипывая и размазывая мокрымъ платкомъ слезы по мокрому лицу; съ трудомъ выговорилъ онъ:—...и меня все-таки... Я не могу... какъ хотите.. Вы обвиняете меня... подвергаете незаслуженнымъ оскорбленіямъ. Сила на вашей сторонѣ... Пусть. Но видитъ Богъ, господа...

Видно, тронули слезы: стали стихать. Смолкли. И стало слышно лишь, какъ генералъ хлюпалъ носомъ и сморкался въ мокрый платокъ.

— Ваше п-ство!—сказалъ студентъ сострадательно и серьезно:—не согласитесь ли выработать текстъ талеграммы совмѣстно?..

Генералъ молчалъ. Говорить не было силъ. Онъ долго утирался мокрымъ платкомъ, продолжая размазывать слезы по лицу. Доносился глухой, ровный говоръ съ площади.

— Все, что могу, это—просить,—сказалъ генералъ новымъ, измѣнившимся отъ слезъ голосомъ, какъ-будто страдая насморкомъ:—просить, господа!.. Требовать?.. Но какъ же я могу согласиться на это: требовать? Я—человѣкъ подчиненный, обязанный исполнять. Исполнитель. Не вѣрите... что-жъ дѣлать... больше не могу: просить отъ своего имени и изложить желаніе сбора—только... За успѣхъ не ручаюсь. Но попробую. Воды, пожалуйста...

Текстъ телеграммы выработали довольно скоро. Отправили на телеграфъ Непорожнева и двухъ довѣренныхъ. Генералъ просилъ позволенія выйти хоть въ канцелярію отдохнуть. Но вокругъ зданія и въ майданной стояли непроницаемо-плотныя, все-таки подозрительно враждебныя, людскія стѣны.

Войсковой старшина Кузнецовъ, въ изнеможеніи опустившись на стулъ, отдувался, какъ кузнечный мѣхъ: п-пуф-фъ... пуф-ф-фъ... И молчалъ. Молчалъ и генералъ. Точно совѣстились говорить и не глядѣли другъ на друга. Лишь одинъ секретарь спокойно моргалъ глазками и чувствовалъ себя, повидимому, безмятежно. Онъ поглядывалъ въ окно и изрѣдка вслухъ передавалъ свои наблюденія.

— ...Господъ агитаторовъ Дѣтистовъ къ себѣ повелъ... кучкой...

— Чай пить, должно быть,—не безъ ядовитости замѣтилъ приставъ Чертихинъ. Въ присутствіи генерала онъ не рѣшался присѣсть безъ приглашенія отъ начальника и почтительно стоялъ въ дверяхъ.

— ...Непорожневъ идетъ. Ага, бабы... бабы до него добираются за что-то... Грозятъ...

— ...Татьяна Семеновна подъѣхала, ваше п-ство. Безпокоятся, вѣроятно... Эхъ-хо-хо...

Генералъ подошелъ къ окну,—не очень близко, а такъ, чтобы лишь видѣть площадь. Двигался въ разныхъ направленіяхъ пестрый, оживленный муравейникъ. Громкій, взволнованный говоръ колыхался надъ стоявшими кругами, и все было необыкновенно и диковинно.

Глядя по тому направленію, куда осторожно тыкалъ пухлымъ указательнымъ пальцемъ секретарь, генералъ отыскалъ глазами Татьяну Семеновну,—пролетку свою онъ еще раньше увидѣлъ. Да, она... Бабы окружили ее... Жестикулируютъ, повидимому, враждебно, качаютъ головами укоризненно. Очевидно, пререкаются. И лицо у Татьяны Семеновны взволновано и испуганно. Присутствіе ея здѣсь, въ этой толпѣ, показалось ему совершенно неумѣстнымъ. Онъ хотѣлъ уже подойти къ окну и крикнуть ей: „Уѣзжай-ка, голубушка, домой,—нечего тебѣ здѣсь дѣлать...“ Но... не подошелъ. Еще при ней начнутъ улюлюкать на него... Да! кто бы это могъ предположить? кто бы зналъ?.. А можетъ быть, сейчасъ идетъ то же и по всей Россіи?.. И втайнѣ генералу очень хотѣлось, чтобы не онъ одинъ пережилъ теперь такую передрягу.

Въ шесть часовъ вечера былъ полученъ отвѣтъ на телеграммму. Разрѣшалось освободить арестованныхъ.

Генералъ хотѣлъ что то сказать, но восторженный ревъ заглушилъ его.

— Пок-корнѣйше благодаримъ, ваше п-ство!

— Спа-сибо вамъ!..

— Молодецъ генералъ!.. Вотъ такъ генералъ!.. Урра-а!.. А-а-а!.. А-а-а!..

И передъ его глазами, тѣснясь, налѣзая, давя другъ друга въ дверяхъ, всѣ эти взмокшіе, недавно озлобленные люди, теперь бурно обрадованные, добродушные, шумновеселые, ринулись вслѣдъ за приставомъ Чертихинымъ къ окружному управленію освобождать арестованныхъ. Было даже удивительно, какъ могла умѣститься здѣсь такая масса народа. Она запрудила всю улицу, растянулась на полверсты, шумно-торжествующая, многоголосая, спѣшащая. Бѣлая известковая пыль вилась надъ нею длинной полосой, какъ фантастическій воздушный мостъ. Крикъ стоялъ въ воздухѣ и, удаляясь, походилъ на глухой звонъ бубенцовъ.

И какіе добрые, почтительно-предупредительные стали всѣ, какъ мягко преобразилась вся недавно дикая толпа, какъ-будто новая стала у ней душа, расположенная, благодарная и благожелательная...

Когда сторожъ Игнатъ, однимъ изъ послѣднихъ, подошелъ къ генералу и поклонился ему въ ноги, со слезами

извиняясь за причиненное огорченіе,—генералъ расплакался самъ и пожалъ Игнату руку. Игнатъ, въ порывѣ восторженнаго чувства, поцѣловалъ руку генерала.

— За невинныхъ страдальцевъ, ваше п-ство!—сказалъ онъ растроганнымъ голосомъ:—честь вамъ и слава!..

— За невинныхъ страдальцевъ...—грустно подумалъ генералъ:—кого же онъ разумѣетъ подъ невинными страдальцами? Кто, въ сущности, изъ насъ больше невинный страдалецъ: я, или тѣ... въ кутузкѣ?.. Эхъ, какъ все безсмысленно и жестоко!

Даже дома, переодѣвшись, отдохнувши, какъ будто даже успокоившись, окруженный любящимъ попеченіемъ семьи, старавшейся деликатно и осторожно отвлечь его отъ невеселыхъ мыслей, онъ долго не могъ отрѣшиться отъ этого ужаснаго кошмара нелѣпой дѣйствительности, которая оглушила его такимъ неожиданнымъ крушеніемъ и униженіемъ,—долго не могъ забыть это дикое представленіе. Минутами ему казалось, что произошло нѣчто непоправимое, безнадежное, убійственно срамное, точно въ одномъ бѣльѣ прошелъ онъ по людной площади... И—будто самъ сдѣлалъ это, по своей волѣ, пренебрегши всѣми правилами приличія, въ слѣпо-надменной увѣренности, что раболѣпная толпа не посмѣетъ этого отмѣтить... А она посмѣла, она кричала, хохотала, показывала на него пальцами... Ея улюлюканье начинало плясать у него въ ушахъ, и, дрожа отъ негодованія, въ воображеніи своемъ онъ сейчасъ же вызывалъ воинскую команду, командовалъ: „маршъ-маршъ!..“ слышалъ свистъ нагаекъ, крики ужаса и боли, видѣлъ давку, панику, бѣгство... Нѣмое бѣшенство молотами ударяло ему въ голову, перехватывало дыханіе... сердце останавливалось... въ мстительномъ упоеніи онъ шепталъ: „жары!..“

Но когда приходилъ въ себя, оглядывался,—грустно крякалъ и, мысленно увѣщевая кого-то, шепталъ:

— Но при чемъ же я тутъ, скажите, пожалуйста?..

А восторженный шумъ толпы долго дразнилъ его. Даже ночью онъ кружилъ по станицѣ. Въ генеральскій домъ глухо звенящими отрывками залетали мотивы революціонныхъ пѣсенъ, клочки какой-то убогой музыки. Иногда гдѣ-то далеко мягко раскатывался въ ширь крикъ „ура“.

Хотѣлось уйти куда-нибудь отъ этихъ досадныхъ, торжествующихъ и ущемляющихъ его сердце звуковъ, но некуда было уйти: вездѣ роились и блуждали они съ веселыми группами, ходившими по улицамъ,—въ оживленномъ говорѣ ихъ, въ женскомъ заливчатомъ смѣхѣ, во всемъ праздничномъ шелестѣ и движеніи ночи...

VIII.

Генерала вызывали для объясненій.

Послѣ поѣздки онъ какъ-то сразу увялъ. Рѣдко показывался. Приказанія дѣлалъ такъ, какъ будто объ одолженіи просилъ, и никого не распекалъ. Ясно было, что закачался и вотъ-вотъ упадетъ. И жаль стало его всѣмъ.

Недавнее возбужденіе упало. И страннымъ казалось, что порывъ борьбы противъ кого-то далекаго, неясно рисовавшагося въ туманѣ невѣдѣнія, весь сгорѣлъ въ неожиданномъ натискѣ на генерала. При чемъ генералъ? Никто не могъ объяснить. Но потомъ, когда будничныя дѣла и заботы, обступившія кругомъ своей неотложностью и суровой необходимостью, пригвоздили всѣхъ къ тѣсному кругу ежедневной суеты, одѣли жизнь тусклыми, увядшими красками,— стали считать героическимъ дѣломъ и то, что взяли въ плѣнъ генерала. Гордились этимъ и возбуждали удивленіе у сосѣдей.

Черезъ двѣ недѣли послѣ своего освобожденія Лапинъ услышалъ, что на мѣсто милѣйшаго Якова Иваныча перемѣщается какой то генералъ Угорь. Докторъ съ изумленіемъ вдругъ почувствовалъ, что ему невыразимо жаль терять этого милаго крикуна, добродушнаго Барбоса, незамѣнимаго начальника, никому сознательно не сдѣлавшаго зла. Захотѣлось сейчасъ же пойти къ нему, сказать что-нибудь хорошее, ободряющее и покаянное... сказать, что онъ рѣдкостно-сердечный человѣкъ, идеальный начальникъ...

Пошелъ. Встрѣтились тепло, грустно, какъ старые друзья.

— Эхъ, Андрей Петровичъ, Андрей Петровичъ!—говорилъ генералъ не безъ горечи:—неужели вы думали тогда... да нѣтъ! вы этого не думали... А обидно было. И сейчасъ обидно. Ей-богу, обидно... Вѣдь, если бы у меня не семья.., Сами знаете: живу однимъ жалованьемъ. Ну, и обязанъ исполнять. Я—исполнитель. А развѣ я не понимаю? Развѣ я воспользовался усиленной охраной? Вы посмотрите: тотъ же Угорь, напримѣръ. Въ прошломъ году, въ самый разгаръ, струсилъ, позорно бѣжалъ изъ округа, прятался подъ юбкой у попадьи въ Ильменской станицѣ... А теперь какъ орудуетъ усиленной охраной! Сколько выслано, благодаря ему!.. Было ли что подобное въ нашемъ округѣ? Нѣтъ! Я привыкъ людямъ въ глаза смотрѣть прямо и могу сказать, что черезъ меня никто не пострадалъ. Вотъ пусть они отвѣдаютъ Угря, тогда, можетъ быть, вспомнятъ обо мнѣ...

Съ пріѣздомъ Угря въ станицѣ, дѣйствительно, появилась калмыцкая сотня, нѣсколько полосатыхъ будокъ на улицахъ и десятка полтора новыхъ полицейскихъ чиновъ. Старые какъ-то особенно быстро были раскассированы. Самъ Угорь старался показать себя человѣкомъ какъ бы вольномысленнымъ и на всѣхъ станичныхъ сборахъ давалъ самыя широкія обѣщанія насчетъ земли, чѣмъ вызвалъ у казаковъ шумныя оваціи, о которыхъ самъ же неукоснительно сообщалъ въ областныя вѣдомости; но условіемъ будущей земельной прирѣзки онъ ставилъ немедленную выдачу агитаторовъ.

Исподволь, какъ бы съ прохладцей, начались репрессіи

Сперва пріялъ крестъ возмездія о. Евлампій Діалектовъ его перевели въ захолустный приходъ—на хуторъ Плясучій. Оттуда злополучный іерей писалъ пріятелямъ, что собирается въ университетъ, ибо начато уже дѣло о лишеніи его сана. Вторымъ потерпѣвшимъ, къ удивленію всѣхъ, оказался бакалейщикъ Илья Воскобойниковъ, у котораго при обыскѣ нашли нѣсколько экземпляровъ какой-то брошюры. Воскобойникова арестовали. Слѣдующая очередь оказалась за Лапинымъ.

Какъ-то въ концѣ августа заглянулъ къ нему Непорожневъ. Пришелъ онъ поздно, вошелъ какъ-то таинственно, озираясь и со странными ужимками, точно представлялъ кого-то. Потирая руки и неестественнымъ голосомъ произнося ненужныя извиненія, сообщилъ, что пришелъ насчетъ своей поясницы. Пахло отъ него виномъ, и въ глазахъ замѣтно блестѣла пьяная влага.

— Ну что за извиненіе, Тарасъ Григорьичъ! Садитесь!—сказалъ Лапинъ, морщась. Ему былъ непріятенъ поздній, странный визитъ, но дѣлать было нечего.—Еще водки попроситъ,—подумалъ онъ съ досадой.

Непорожневъ сѣлъ осторожно, точно опасаясь упасть, и нетвердымъ, какимъ-то манернымъ, голосомъ повторилъ:

— Да-съ... насчетъ поясницы. Ну-съ... а главное—повидать васъ, мой милый Андрей Петровичъ! Вы меня простите, мой дорогой... я, можетъ, не во время?..

— Бросьте вы извиняться, Тарасъ Григорьичъ! Ну, разсказывайте, какъ живете?

— А прекрасно. Служу. И могу сказать: успѣшно служу. Вотъ пришелъ вамъ похвастаться. Генералъ Угорь... вы знаете его?

— Какъ же!

— Прекрасный генералъ, чудо—не коленкоръ! „Я,—говоритъ,—тебя на два аршина подъ землей вижу: ты общество въ рукахъ можешь держать, мнѣ такіе люди нужны...“ Всѣхъ пе-

ремѣнилъ: Чертихина—и то призналъ либераломъ, Авдюшкинъ даже закачался на своемъ посту, а я... укрѣпился. Вотъ какой это генералъ!..

— Ну, поздравляю васъ,—холодно, почти враждебно произнесъ Лапинъ.

— Позвольте. Не все. Потомъ поздравите. Не все... сулилъ земли намъ. Сѣряковскій юртъ, потомственный...

— Не можетъ быть,—равнодушно возразилъ докторъ.

— Самъ своей собственной губой брехалъ!—горячо воскликнулъ атаманъ, постукивая себя большимъ пальцемъ въ грудь. „Вы,—говоритъ,—старички, въ случаѣ чего—прямо ко мнѣ! Всякую нужду ко мнѣ и больше никуда! Чтобы я зналъ, кому и чего..."—Да вотъ землицы бы намъ, ваше п—ство!—сейчасъ ему ораторы наши.

Непорожневъ, изображая ораторовъ, говорилъ въ носъ, съ особымъ, вульгарно-простодушнымъ выраженіемъ.

— „Пишите! Составляйте приговоръ, обозначьте, какую землю и гдѣ желаете получить?"—Да намъ бы вотъ, ваше п—ство, у Сѣрякова бы—куда лучше! И подъ руками... А земли у него не въ проворотъ..."—„П-пишите и представляйте! А я направлю... я-я направлю! Я въ своемъ округѣ сколько приговоровъ направилъ! Уѣзжалъ оттуда,—даже арестанты жалковали—образъ мнѣ поднесли!" —Вотъ еще насчетъ жеребцовъ бы... тяжело намъ съ ними...—„Что же, пишите и насчетъ жеребцовъ. Направлю, все направлю! Ничего, пишите. Только чтобы сеймищъ у васъ не собиралось! Агитаторовъ этихъ разныхъ хватайте и ко мнѣ представляйте. А я ужъ сумѣю съ ними поступить..."

— Что же, это не дурно.

— Куда лучше! Мы—на другой же день ему приговорецъ, а черезъ недѣлю ужъ и обратно получили—съ надписью: „впредь мнѣ такихъ приговоровъ не представлять!..."

Непорожневъ остановился, посмотрѣлъ на Лапина смѣющимися глазами и съ особеннымъ выраженіемъ прибавилъ:

— А вѣдь качали! Положимъ, инструкція заранѣе была. Какъ кончилъ рѣчь, такъ мнѣ сейчасъ—этакъ потихоньку: „атаманъ, ура..." Ну, я шапкой махнулъ: „ура, господа! качать, его п—ство". Прогремѣли ура, покачали, десятку на пропой выкинулъ. Это ли не начальникъ?. Николая Ефимыча, старика одного, въ маковку поцѣловалъ. И сейчасъ, бѣднякъ, какъ вспомнитъ, такъ и зальется слезами: „съ роду,—говоритъ,—меня ни одинъ генералъ не цѣловалъ... и не думалъ, а вотъ привелъ Господь дожить..." До слезъ радъ...

Непорожневъ покрутилъ головой и даже замычалъ.

Трудно было разобрать, смѣется онъ или боль сердечную хочетъ выразить этими звуками.

— Плохо живется, Андрей Петровичъ! — воскликнулъ онъ неожиданно перемѣнившимся, совсѣмъ другимъ голосомъ, трезвымъ, искреннимъ и горькимъ:—тошно... Годовъ десять водки и въ ротъ не бралъ, теперь—пью: душа горитъ... вертитъ вкругъ сердца... душно въ собственной рубахѣ... И всего обиднѣе за эту пихру, за нашъ народъ! Не стоютъ они, сукины дѣти, ни гроша! Никакой твердости, никакого понятія... Горитъ душа: Боже мой, что было и что стало!.. Вспомнилъ и... и вотъ пришелъ къ вамъ... подъ секретомъ, разумѣется. Первымъ долгомъ—взглянуть, какъ вы тутъ... А во-вторыхъ, сказать: на этихъ дняхъ обыскъ у васъ будетъ... вѣрно!... Я ужъ знаю. Такъ вы... того... Книжечки, какія получше, я у васъ ужъ заберу... да...

Онъ около часу рылся въ книжномъ шкафѣ, продолжая разсказывать объ Угрѣ, о распространяемыхъ имъ прокламаціяхъ „союза русскаго народа“, о корреспонденціяхъ въ вѣдомости съ описаніемъ торжественныхъ встрѣчъ и проводовъ. Наконецъ, набралъ съ полсотни брошюрокъ, спряталъ ихъ подъ мундиръ и, похлопавъ себя по животу, сказалъ:

— Вотъ теперь у меня фигура поантичнѣй будетъ. Какъ у господина у хорошаго...

Прощаясь, онъ расцѣловался съ Лапинымъ, даже перекрестилъ его, потомъ заплакалъ чувствительными слезами подвыпившаго человѣка. Уже совсѣмъ выйдя, онъ снова вернулся и спросилъ тревожнымъ тономъ:

— А что, водку мнѣ не вредно?...

— Очень вредно,—сказалъ Лапинъ съ вѣсомъ.

— А ежели я коньячекъ?...

Дня черезъ три, дѣйствительно, въ квартиру доктора пришли полицейскіе чины съ обыскомъ. Это, впрочемъ, былъ скорѣе визитъ хорошихъ знакомыхъ, чѣмъ обыскъ, хотя знакомымъ изъ всѣхъ пяти лицъ былъ одинъ лишь Авдюшкинъ. Приставъ, засѣдатель и два казака съ полицейскими медалями были люди новые для Лапина.

И приставъ, и засѣдатель были въ тужуркахъ цвѣта хаки, при холодномъ оружіи (у засѣдателя, впрочемъ, изъ кармана предательски выглядывала ручка револьвера). Они расшаркались съ ловкостью почти военныхъ людей и поочередно отрекомендовались:

— Полицейскій приставъ станицы Бобровской.

— Засѣдатель перваго участка.

По узенькимъ погонамъ на ихъ плечахъ, съ однимъ просвѣтомъ и какъ будто одной звѣздочкой, Лапинъ опредѣ-

лилъ ихъ чинъ: коллежскіе регистраторы. И отъ того, что чинъ былъ не очень великъ, въ головѣ мелькнула самонадѣянная мысль: не такъ ужъ страшно!..

Пѣгое лицо пристава, изрытое рябинами и закопченое, очень напоминало морду не очень породистой, но серьезной лягавой собаки—изъ тѣхъ склонныхъ къ созерцательности собакъ, что любятъ мирно дремать подъ окномъ у кухни да изрѣдка, безъ особой охоты, щелкать зубами противъ надоѣдливыхъ мухъ. Засѣдатель напоминалъ скорѣе суетливаго, но неосновательнаго щенка и былъ весь точно сметаной вымазанъ: бѣлые, торчащіе изъ носа усы, бѣлыя брови, рѣдкая бѣлая шерсть на головѣ, не прикрывавшая прыщей на кожѣ, и шмыгающій по сторонамъ трусливо - вороватый взглядъ.

Приставъ не безъ торжественности возложилъ на столъ свой портфель, медленно раскрылъ его и съ глубокой, почти бездонной почтительностью, извлекъ оттуда полулистъ бумаги.

— Вотъ позвольте предъявить сей документъ,—сказалъ онъ дѣланно-равнодушнымъ тономъ, который предназначенъ былъ, видимо, подавлять своимъ ледянымъ холодомъ.

Самое обыкновенное предписаніе: на основаніи такого-то параграфа положенія объ усиленной охранѣ произвести обыскъ для обнаруженія нелегальной литературы. Точная ссылка на параграфы дѣлала документъ прямо идеальнымъ съ точки зрѣнія законности. И все-таки въ душѣ у Лапина въ первый моментъ невольно, какъ звукъ неискоренимой человѣческой слабости, поднялось чувство обиды и встали наивные вопросы: почему?.. На какомъ основаніи?.. По какому поводу?.. Однако, нѣкоторымъ усиліемъ воли онъ заставилъ себя сдѣлать веселую мину въ скверной игрѣ и беззаботнымъ тономъ сказалъ, указывая на книжные шкафы и письменный столъ:

— Не угодно ли?

Оба коллежскіе регистратора откашлялись. Кинули взглядъ сперва издали, словно измѣряли разстояніе, прицѣливались. Потомъ подступили ближе. Засѣдатель началъ проворно выхватывать брошюры въ красныхъ обложкахъ. Приставъ съ другой полки взялъ первую подвернувшуюся книгу и остановилъ свой взоръ на заглавіи.

— Записки революціонера.

Крякнулъ. Радость ли была въ этомъ короткомъ, внушительномъ звукѣ, или неодобреніе, — трудно было опредѣлить.

— Записки ре-во-лю-ці-о-не-ра! — повторилъ онъ раздѣльно:—я... сяду?

— Пожалуйста.

Онъ сѣлъ, раскрылъ книгу и сталъ читать. Долго читалъ. Перелистывалъ и опять читалъ. Крякалъ и на минуту останавливался. Тогда на лицѣ его застывало выраженіе озадаченнаго пса, увидѣвшаго въ рѣкѣ отраженіе солнца и облаковъ.

Засѣдатель, между тѣмъ, набралъ уже цѣлый ворохъ нелегальной литературы: „Журналъ для всѣхъ", „Былое", брошюры въ красныхъ обложкахъ со статьями Л. Толстого. Но лондонское изданіе тѣхъ же статей—въ голубой обложкѣ—лишь повертѣлъ въ рукахъ и положилъ на мѣсто. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ бокомъ подвигался къ приставу и шепотомъ, и мимикой спрашивалъ у него указаній. Приставъ, занятый „Записками революціонера", коротко ляскалъ зубами, какъ будто отпугивалъ надоѣдливую муху, и снова погружался въ чтеніе.

— Чтобы эту книгу правильно опредѣлить, ее всю прочитать нужно,—обратился онъ, наконецъ, къ Лапину тономъ упрека.

— Это долго,—сказалъ докторъ виноватымъ голосомъ (какъ-то само собой возникло въ немъ неожиданное и непонятное чувство виноватости).

— То-то и есть! Поэтому я... пріобщу ее къ дѣлу!

— А вы давно въ полицейской службѣ служите?—спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, не очень,—простодушно-серьезнымъ тономъ отвѣтилъ приставъ:—учителемъ былъ двѣнадцать лѣтъ... приходскимъ. А что?

— Да такъ...

Лапинъ слегка замялся, затрудняясь объяснить свое любопытство.

— Не замѣтно въ васъ этого... какъ бы сказать... навыка... Вотъ жандармы, напримѣръ,—у нихъ живо: взглянулъ на заглавіе—сюда или туда... А вы колеблетесь, боретесь съ сомнѣніями...

— Да... тѣ народъ практикованный... А мы недавно... Мой коллега—изъ ветеринарныхъ фельдшеровъ, тоже практики не имѣлъ.

— Не одна практика. И соображеніе нужно...

— Да вѣдь мы, можно сказать, только начинающіе!—Въ голосѣ пристава зазвучало даже чувство обиды.—Всякое дѣло навыка требуетъ,—вы сами понимаете! Сразу-то и вошь не поймаешь...

И, какъ бы желая опровергнуть неосновательно обнаруженное докторомъ предпочтеніе жандармовъ, онъ строгимъ голосомъ спросилъ:

— А вотъ, позвольте узнать, гдѣ прокламаціи у васъ хранятся?

Открылъ ящикъ письменнаго стола, взялъ пачку писемъ и, не читая, присоединилъ къ „Запискамъ революціонера".

— А въ этомъ ящикѣ что? Вырѣзки изъ газетъ? Ну, это тутъ цѣлую недѣлю разбирать надо... Пріобщу къ дѣлу... Тамъ будетъ видно... А-а, деньги... золотцо...

Онъ взялъ въ руки нѣсколько золотыхъ монетъ, вскинулъ ихъ на ладони, перебиралъ, разсматривалъ, перетиралъ пальцами, и лицо его освѣтилось какимъ-то родственнымъ, ласковымъ, выраженіемъ.

— Не фальшивые?—усмѣхаясь, подмигнулъ онъ лѣвымъ глазомъ.

— Можетъ, взяли бы одинъ... на память?—сказалъ докторъ съ невиннымъ видомъ.

Приставъ опустилъ глаза и отвернулся. Потомъ вздохнулъ и положилъ монеты въ коробочку съ перьями. Но не взялъ. Опять принялся было за поиски, но, смѣривши глазомъ ворохъ книгъ на диванѣ и вороха бумагъ на столѣ и стульяхъ, сказалъ въ раздумьи:

— А пожалуй, достаточно?.. Да, довольно будетъ!

Онъ досталъ изъ портфеля листъ бумаги и принялся писать протоколъ. Засѣдатель отъ скуки подошелъ къ другому шкафу, въ которомъ стояли журналы за старые годы, и спросилъ:

— Здѣсь, вѣроятно, классическое что-нибудь?

Не получивъ отвѣта, онъ потащилъ беремя толстыхъ переплетенныхъ книгъ и тотчасъ же разронялъ ихъ.

— Библіотека-то у васъ... фундаментальная!..—смущеннымъ голосомъ сказалъ онъ.

Казаки, стоя въ коридорѣ, монументальные, молчаливые, какъ будто недоумѣвающіе, тяжело вздыхали. По скучающимъ лицамъ ихъ видно было, что дѣло дѣлается серьезное, хотя и не совсѣмъ понятное имъ. Полуденное солнце конца августа дышало въ раскрытыя окна тихо струившимся зноемъ. Было томительно, скучно, нудно. Рой мухъ вился надъ пѣгимъ, мокрымъ лицомъ пристава, склоненнымъ надъ бумагою... Послѣднія мухи лѣта были злы и неотвязчивы. Отъ засѣдателя пахло отхожимъ мѣстомъ, и ароматъ этотъ, казалось, облипалъ лицо, руки, платье.

Когда Лапинъ вышелъ въ коридоръ, чтобы отдохнуть отъ полицейскаго визита, Авдюшкинъ, на правахъ знакомаго, сочувственно вздохнулъ и густымъ шепотомъ сказалъ:

— А у меня съ самаго утра крохи во рту не было... Туда сходи, того приведи, тамъ захвати... Домой давеча пошелъ, баба ушла куда-то... Росинки маковой во рту не было!

Ему принесли остатокъ вчерашняго пирога съ яблоками. Радостно и благодарно кивая головой, голодный сторожъ государственнаго порядка отошелъ подальше, въ уголъ, перекрестился и, закрывая кусокъ обѣими руками точно изъ опасенія, какъ бы кто не отнялъ его, предался торопливому насыщенію.

Составленіе протокола шло какъ-то туго. Приставъ, видимо, затруднялся въ опредѣленіи тѣхъ пестрыхъ документовъ, которые онъ забралъ изъ письменнаго стола. Нѣсколько разъ онъ перечеркнулъ листъ. Отбросилъ, досталъ новый. Вытиралъ рукавомъ потъ и досадливо крякалъ. Засѣдатель заскучалъ.

— Это вы все подробно хотите?!—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— А какъ-же?

— Да просто... гамузомъ.

Приставъ для приличія немного поколебался. Потомъ, чувствуя, видимо, что выбился изъ силъ, тономъ просителя обратился къ Лапину:

— Знаете что, докторъ? Я вамъ пришлю списочекъ послѣ? А сейчасъ—просто голова раскалывается! Да и вамъ, я думаю, надоѣло?

Лапинъ пожалъ плечами съ видомъ фатальной покорности.

— Ужъ очень много вы забираете... Едва ли что я съ васъ получу потомъ...

— Даю вамъ честное слово благороднаго человѣка,—съ достоинствомъ воскликнулъ приставъ:—списокъ всего вы получите... И книги, которыя законныя, тоже. Сегодня же вечеромъ... Свѣрюсь съ циркуляромъ и... ежели не того, такъ я ихъ назадъ! Вѣдь я полагаю, и инспекторъ типографій такъ же поступаетъ?

Онъ поглядѣлъ на доктора наивно вопрошающимъ взглядомъ.

— Не знаю, какъ инспекторъ типографій поступаетъ, — въ недоумѣніи пожимая плечами, уныло отвѣчалъ Лапинъ.

— Такъ я... вечеркомъ!

Приставъ поспѣшно набилъ портфель конфискованными бумагами и газетными вырѣзками. Казакамъ указалъ на книги, предназначенныя для ареста засѣдателемъ. Одинъ изъ огромныхъ бородачей, съ видомъ нѣкотораго опасенія, подошелъ къ дивану и большими, рабочими руками сталъ складывать лежавшія на немъ книги одну на другую. Сложилъ. Бережно обнялъ колеблющуюся кипу и тотчасъ же уронилъ на полъ. Растерялся, потому что приставъ сердито крикнулъ:

— Эхъ, ты! Что жъ-ты, братъ? Вѣдь это... вещь бумажная! Не арба какая нибудь... надо поделикатнѣй!

Стали собирать опять — уже вдвоемъ, при содѣйствіи Авдюшкина.

— Ну-съ...

Приставъ протянулъ руку доктору пріятельскимъ жестомъ хорошаго знакомаго. Лапинъ покраснѣлъ и, пряча руки назадъ, сказалъ не безъ смущенія:

— Но... извините...

Приставъ посмотрѣлъ наивно-удивленнымъ взглядомъ, какъ бы недоумѣвая, за что могъ обидѣться докторъ, крякнулъ и пошелъ, забывъ свой портфель. Засѣдатель галантно раскланялся издали и направился вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый казаками. Остался портфель съ арестованными бумагами, какой-то нехорошій запахъ и рой мухъ. Да на душѣ что то скверное, нагвазданное...

— Пришли, напакостили и ушли, — сказалъ докторъ, вмѣстѣ съ женой приводя въ порядокъ опустошенные шкафы:—какъ все это нелѣпо и первобытно-просто!..

Списка книгъ онъ такъ и не дождался. Приходилъ вечеромъ Авдюшкинъ взять забытый портфель и только. А черезъ мѣсяцъ тотъ Авдюшкинъ принесъ предписаніе о воспрещеніи врачу Лапину, какъ замѣченному въ политической неблагонадежности, оставаться въ предѣлахъ области, объявленныхъ на положеніи усиленной охраны.

И когда въ поискахъ работы, докторъ ходилъ по большому, неласковому городу и, вмѣсто тихихъ улицъ родной станицы, съ которой такъ свыкся, гдѣ его знали и любили, видѣлъ ущелья, сдавленныя многоэтажными каменными громадами, засыпанныя непрерывнымъ трескомъ и шумомъ движенія, залитыя пестрымъ потокомъ чужихъ, незнакомыхъ, равнодушныхъ людей,—тоскующее воображеніе изъ-подъ сѣраго, запыленнаго ползучею, желтою копотью неба упорно переносило его туда, въ далекій родной край, издали казавшійся необычайно прекраснымъ и милымъ. Оживало въ памяти прошлое, старое и недавнее, проходилъ передъ глазами родной народъ, полный темныхъ загадокъ, то охваченный воодушевленіемъ и бурнымъ протестомъ, то придавленный буднями тѣсной, скудной жизни, безнадежно-слѣпой и разрозненный...

Но чаще вспоминались веселые восходы изъ-за вербъ, закутанныхъ въ голубую вуаль кизячнаго дымка, безмолвные золотисто-багряные закаты съ алыми стѣнами станичной церковки и задумавшимися галками на крестахъ. И сжималось беззвучной и долгой печалью сердце... По ночамъ снилось: стучатъ въ стѣну дѣтскія ручки, кричитъ звонкій

голосокъ: „папа!“ и слышится въ сосѣдней комнатѣ проворный топотъ маленькихъ босыхъ ножекъ. Проснешься—никого... За окномъ непрерывно льется трескъ и грохотъ. Въ сѣрой мглѣ съ тоской гудятъ охрипшіе гудки...

Ѳ. Крюковъ.

---

* * *

Молчаливыя деревья въ кружевныхъ узорахъ снѣга
Стерегутъ въ сіяньи лунномъ тихій, чуткій сонъ домовъ.
Поздно, поздно. Высоко́ ужъ поднялася въ небѣ Вега,
И медлителенъ, и гулокъ отдаленный бой часовъ.
Городъ спитъ. Огни погасли, и не видно въ окнахъ свѣта,
Опустились занавѣски. Люди спятъ, къ нимъ сны пришли.
Бубенцы саней далекихъ прозвенѣли тихо гдѣ-то
И замолкли, затерявшись въ затуманенной дали.
Надъ заснувшимъ бѣлымъ міромъ звѣзды трепетно мигаютъ;
Я одна подъ темнымъ небомъ здѣсь осталась на крыльцѣ,
И срываются снѣжинки и, кружася, тихо таютъ,
Расплываются, какъ слезы, на обвѣтренномъ лицѣ.
Былъ ли ты, иль мнѣ все снилось?.. Стерлись призрачныя [грани,
Отличить мнѣ трудно правду отъ проснувшейся мечты...
Это ты прошелъ, быть можетъ, и опять исчезъ въ туманѣ,
На снѣгу я, будто, вижу серебристые слѣды...

Ада Чумаченко.

ЕГИПЕТЪ.

(*Окончаніе*).

VIII.

Кругомъ меня пустыня, бѣлая, осіянная... Я не знаю, откуда этотъ свѣтъ, и мнѣ нужно запрокинуть голову, чтобы видѣть луну прямо надо мной въ зенитѣ неба,—бѣлую, ясную и холодную. Все холмы и долы, отъ края до края, холодные, озаренные. Неизреченная тишина кругомъ и недвижимо все,—кажется, со временъ міровданія...

Далеко Нилъ. Затихла, поблекла многозвучная, яркоцвѣтная долина Нила. Ушелъ день съ пламеннымъ солнцемъ, съ радостями и заботами, съ восторгомъ и отчаяніемъ. Тихо на душѣ. Поблекли радости, утихли скорби. Хочется вспомнить, что было сегодня,—и не вспоминается...

Все пустыня безгласная, тихимъ, безстрастнымъ свѣтомъ озаренная... И, кажется, видѣлъ когда-то ее, и полузабытыя похороненныя воспоминанія встаютъ въ душѣ.

Встаютъ мысли не здѣшнія, не сегодняшнія,—мысли о давнемъ, мысли о далекомъ... Все идешь по обсыпающимся холмамъ, по затвердѣвшему долу, нѣтъ звука, — шороха, шелеста, — нѣтъ темнаго пятна, черной тѣни, рѣзкаго очертанія. Смотришь въ небо высокое, въ даль волнистую, безбрежную, осіянную,—и думы о высокомъ небѣ, о дали безбрежной обвѣваютъ голову. Думы о вѣчности...

Тишина неизреченная. Смутно мерцаютъ песчинки и кажется,—то пустыня сіяетъ и изъ нея идетъ этотъ тихій бѣлый свѣтъ къ небу высокому, къ рѣдкимъ, блѣднымъ далекимъ звѣздамъ...

Вѣчность встаетъ въ землѣ Египта. Безпредѣльная, безграничная, въ огромныхъ образахъ... Думами о вѣчности полны были души безконечныхъ поколѣній людей Египта... Ничто не кончается, такъ какъ ничто не начинается и вѣчно все продолжается...

Человѣкъ не рождается, а только возрождается, и нѣтъ смерти, а есть только умираніе.

Человѣческая жизнь только одинъ мигъ, только одна короткая остановка на пути вѣчно измѣняющейся, вѣчно грядущей, ни на минуту не останавливающейся жизни.

Гдѣ былъ человѣкъ, чѣмъ онъ былъ до того, какъ родился на землю? Онъ не знаетъ, но какія-то смутныя воспоминанія о чемъ-то пережитомъ, о какой-то старой, безконечно далекой жизни родятся въ немъ, вмѣстѣ съ нимъ. Часами слушаетъ онъ шумъ вѣтра, шелестъ листьевъ, скрипъ деревьевъ, часами смотритъ, какъ текутъ воды рѣки, бьются волны моря, какъ птицы кричатъ, обоняетъ запахи,—и смутныя воспоминанія просыпаются въ немъ, о старомъ, давнемъ, видѣнномъ, слышанномъ. Голоса онъ слышитъ—вѣтра, дерева, птицъ, рѣки, моря—и понимаетъ ихъ, понимаетъ, какіе изъ нихъ дружественные и добрые, какіе злые, враждебные. Онъ смѣется и радуется, когда встаетъ солнце, пугается и прячется, когда спускается темная ночь.

Онъ ходитъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ холодъ и жаръ, но, вмѣстѣ съ чувствами тѣла, у него есть мысль, есть думы о прошломъ, думы о томъ, откуда онъ пришелъ, и съ первыхъ дней сознанія не уходитъ отъ него предчувствіе будущаго, дума о томъ, что будетъ послѣ жизни, за предѣлами ея. И вѣчная неудержимая жажда познанія жизни, ея прошлаго, настоящаго и будущаго. И за ощущеніями холоднаго и жаркаго есть у него неизмѣнныя чувства и мысли истиннаго и справедливаго.

Ихъ два человѣка въ одномъ человѣкѣ. Одинъ тѣлесный, грубый, вѣчно измѣняющійся, который ничего не помнитъ и ничего, кромѣ чувствъ тѣла, не чувствуетъ, и рядомъ съ нимъ, въ немъ самомъ другой, двойникъ его,—помнящій, думающій, живущій другими чувствами. Двойникъ его, древній египетскій «Ка»... Онъ—сердце человѣка, душа его, но онъ—существо, такое же, какъ и тѣлесное, только тонкое, невѣсомое,—связанное съ тѣломъ неразрывными связями, но нетлѣнное, не разрушающееся, какъ тѣло,—вѣчное... Какъ тѣнь его... Не можетъ быть тѣни безъ человѣка, отъ котораго она падаетъ: и не можетъ быть человѣка, который не давалъ бы тѣни. Не можетъ быть души человѣческой безъ тѣла, безъ формы, въ которой бы она проявлялась, не можетъ быть тѣла, формы, безъ духа, который оживотворялъ бы ее. И гибнетъ и разлагается, въ прахъ превращается тѣло, когда покидаетъ его духъ животворный, находящійся въ немъ,—двойникъ человѣка, ангелъ-тѣлохранитель его,—другое *я* человѣка. Вмѣстѣ съ тѣломъ человѣка родится двойникъ его, вмѣстѣ растетъ, сопровождаетъ его во всѣхъ путяхъ жизни и покидаетъ тѣло, форму свою, только тогда, когда разрушается бренное, подлежащее тлѣнію тѣло человѣческое.

Временно и при жизни человѣка двойникъ покидаетъ свое тѣло,

человѣкъ *уходитъ изъ себя*, какъ говорили древніе египтяне. Когда тѣло, безгласное и недвижимое, лежитъ распростертое на опочивальномъ ложѣ, тѣнь его, душа его, его другое я бродитъ по далекимъ странамъ, охотится за львами въ пустынѣ, поражаетъ врага въ Хеттейской землѣ, такъ далеко отъ его опочивальнаго ложа. И когда закрыты тѣлесные глаза человѣка и не доходятъ до него звуки земли,—открываются духовныя очи его, и другая, не здѣшняя жизнь встаетъ предъ нимъ. Онъ видитъ образы, чудовищно страшные или неземнымъ свѣтомъ свѣтлые. Изъ дальняго міра, изъ невѣдомыхъ мѣстъ къ нему приходятъ люди, которыхъ онъ считалъ давно ушедшими изъ жизни, отецъ и мать, предки его, давно похороненные въ темныхъ каменныхъ глубинахъ каменной пустыни, друзья его, съ которыми онъ давно разстался. Онъ видитъ видѣнія... Изъ міра не здѣшняго къ нему спускаются сами боги, говорятъ ему слова гнѣвныя, угрожающія или слова ласковыя, ободряющія. Боги запрещаютъ ему воевать или боги велятъ идти на соединившихся для нападенія на Египетъ сирійскихъ царей и обѣщаютъ свою помощь...

А потомъ снова соединяются тѣло человѣка и двойникъ его. Когда человѣческое тѣло распростертое на одрѣ тяжкой болѣзни, полумертвое, «безъ языка» начинаетъ оживать и говорить, или открываетъ глаза лежавшій въ обморокѣ человѣкъ, древніе Египтяне говорили: «онъ *возвратился къ себѣ*»... Какъ мы говоримъ по сей день, когда человѣкъ очнется отъ обморока: «*онъ пришелъ въ себя*» какъ мы говоримъ: «онъ вышелъ изъ себя», «человѣкъ *внѣ себя*» «ему *не по себѣ*», «человѣкъ потерялся», «человѣкъ нашелся».

Каждый день въ будничныхъ дѣлахъ своей жизни человѣкъ испытываетъ чувства, далекія отъ будничныхъ дѣлъ. Гордый, сильный, не знающій предѣловъ власти человѣкъ, въ разгарѣ своей свирѣпости вдругъ испытываетъ чувство жалости, и опускается мечъ, занесенный надъ головой слабаго. И малый земли сей, котораго всѣ знали и видѣли за его будничными дѣлами, вдругъ начинаетъ говорить слова огромныя, отъ которыхъ дрожатъ сердца людей, слова великія, пророческія, отъ міра не здѣшняго.

Его тѣлесное я гибнетъ и разрушается и только высохшій блѣдный силуэтъ, безъ красокъ жизни, остается послѣ всѣхъ усилій сохранить человѣческое тѣло, а душа его остается, не старѣющая, безсмертная, вѣчная. И на смертномъ одрѣ, когда уже не двигаются ноги и руки и не видятъ глаза и не обоняютъ ноздри его, великія слова мудрости доносятся окрестъ стоящимъ изъ умирающаго тѣла. И мысли, и слова духовнаго я черезъ тысячелѣтія, послѣ того, какъ и праха не осталось отъ тѣла, все носятся надъ «всей землей», все волнуютъ сердца людей...

Не гибнетъ, не разрушается, не кончается душа человѣка, двойникъ его. Вѣченъ человѣкъ.

И сами боги... Они тоже жили на землѣ и умирали, и снова

возрождались. И у нихъ тоже были двойники. Въ статуѣ, матеріальной формѣ бога, жилъ двойникъ его, и, когда человѣкъ приходилъ съ мольбой къ подножію бога и просилъ отвѣта на трудные вопросы жизни, тотъ другой, жившій въ холодномъ камнѣ, слышалъ мольбу человѣка, и всегда недвижимая статуя помавала головой два и три раза, когда богъ хотѣлъ сказать «да», и оставалась недвижима, когда отвергалъ богъ просьбу человѣка. И не есть ли боги только часть божества, разлитаго въ мірѣ, только форма проявленія отдѣльныхъ свойствъ, божественныхъ силъ того единаго бога всемогущей мысли, слова творящаго, бога Истины и Справедливости, который не имѣетъ образа, сѣдалище котораго никто не знаетъ и настоящее имя котораго никому не извѣстно.

И все живущее также никогда не начинающееся, никогда не кончающееся и вѣчно продолжающееся,—земля и трава, и цвѣты, деревья, камни и животныя... Въ нихъ также двойственная жизнь, у нихъ тоже свои двойники, они тоже отбрасываютъ тѣнь, тоже замираютъ и вновь возрождаются, также имѣютъ свое великое отраженіе въ прошломъ и предчувствіе будущаго.

Весь міръ,—развѣ онъ не двоиственный? Развѣ онъ также не состоитъ изъ тѣла, временнаго, постоянно измѣняющягося, и его двойника, души вѣчной, непрерывающейся и не кончающейся, гдѣ все уходитъ изъ себя и снова приходитъ въ себя, отдѣляется отъ себя и вновь возвращается къ себѣ?

Мы всѣ, живыя существа—люди, птицы, животныя зеленыхъ долинъ и безпредѣльныхъ пустынь, и рыбы глубокихъ водъ, и деревья, и травы, и хлѣба произростающіе, мы братья, мы родные—развѣ мы не временное только тѣло, которое подлежитъ замиранію, но не смерти, и чей двойникъ, чья душа будетъ вѣчно жива, вѣчно перевоплощаться, вѣчно возрождаться?

И что такое Богъ,—Единый Богъ,—и человѣкъ, и весь міръ? Не есть ли этотъ предвѣчный Богъ, сотворившій боговъ и человѣка и все сущее, рядомъ съ которымъ нѣтъ другого, Богъ всемогущей мысли, Богъ Истины и Справедливости, не есть-ли онъ двойникъ человѣка и двойникъ всего сущаго, всего пребывающаго на землѣ и на небѣ,—и человѣка, и камня, и дерева, и рѣки безпредѣльно текущей, и пустыни безпредѣльно мертвой, и неба горячаго, и звѣздъ далекихъ, не есть ли онъ другое я, вѣчное сердце, вѣчная душа міра, собравшая въ себя всю Мысль, весь Разумъ, всю Истину и Справедливость міра? И не потому ли онъ не имѣетъ формы и образа, что весь міръ—форма и образъ его? Не потому ли нѣтъ у него мѣста, гдѣ возсѣдалъ бы онъ, что сѣдалище его вся земля, вся глубина подземнаго міра и глубокихъ водъ и вся высота неба звѣзднаго, безпредѣльнаго? И кто можетъ познать его имя, имя всѣхъ живущихъ душъ на землѣ? «Ты—небо, земля, вода, воздухъ, и ихъ обитатели!»—обращается Книга Мертвыхъ къ Единому Вѣчному Богу.

И какъ нѣтъ начала и конца Богу вѣчному, предначальному, такъ нѣтъ конца человѣку, частицѣ божества и всему міру, въ которомъ разлито божество. Не можетъ быть Бога безъ проявленія его въ мірѣ временномъ, въ мірѣ живущемъ, какъ не можетъ быть міра, всего живущаго безъ души его, безъ вѣчнаго сердца, безъ великой тѣни божества, осѣняющаго покровомъ своимъ землю...

Одно въ мірѣ истинно и несомнѣнно,—вѣчность, одна правда—правда вѣчности... Все временное, измѣняющееся, преходящее—есть не вѣрное, не истинное, обманчивое, потому что оно временное, преходящее. Истинно и необманно только не преходящее, вѣчное, неизмѣнное во всей измѣнчивости міра. Борьба добра со зломъ, борьба жизни и смерти—такова сущность міровой жизни. Непрерываемость жизни, вѣчное измѣненіе и совершенствованіе формъ на пути приближенія къ божеству, изъ котораго вышелъ міръ, на пути сліянія человѣка съ Богомъ, побѣда жизни надъ смертью—такова великая Истина міра. Познавать Истину міра, поступать согласно Истины по завѣтамъ закона вѣчности,—таково назначеніе человѣка.

Не будетъ исполнять своего назначенія, не будетъ «совершеннымъ въ формахъ своихъ»—человѣкъ, который будетъ довольствоваться правдой сегодняшняго дня и не познаетъ вѣчную правду.

Познавать Истину и творить Справедливость, — таковъ единственный законъ міра, завѣтъ вѣчнаго Бога, и тотъ, кто не соблюдаетъ этого закона жизни, нарушаетъ не законы человѣческія,—что такое законъ человѣческій?—нарушаетъ законы природы, законы жизни, законы вѣчности,—онъ разрушаетъ, а не созидаетъ міръ...

Человѣкъ долженъ познать судьбу и назначеніе человѣка, причины и цѣли всего сущаго, прошлое и будущее, законы вѣчности и, когда познаетъ, онъ можетъ гордо сказать о себѣ — человѣкѣ:

«Я—Вчера, я—Завтра! Я Всегда и Никогда... Я—сумма существованій и вещей!»

И только одна есть Справедливость на свѣтѣ,—Справедливость Бога безсмертного, Справедливость закона вѣчности. «Никогда не спасай своей жизни цѣной жизни другого!»... такъ гласитъ правило справедливости въ одномъ изъ луврскихъ папирусовъ *). «Справедливый живетъ истиной, питается истиной. Онъ распространяетъ радость кругомъ себя. Люди говорятъ о дѣлахъ его, боги раду-

*) Другія наставленія изъ того же папируса.

„Не обращайся дурно съ низшимъ, уважай старшихъ, не обращайся дурно съ женщиной, силы которой меньше твоихъ, пусть она найдетъ въ тебѣ своего покровителя, не заставляй страдать ребенка, по причинѣ его слабости—помогай ему; не дѣлай развлеченія, забавляясь надъ тѣми, кто зависитъ отъ тебя... (Очерки по исторіи религій С. Глаголева)."

ются дѣламъ его. Онъ сливается съ богомъ любовью своею. Онъ далъ хлѣбъ голодному, воду жаждущему, одежды голому, лодку нуждающемуся въ ней»... И на страшномъ судѣ въ царствѣ Истины и Справедливости Озирисъ, разрушитель неправды, скажетъ ему: «Вамъ справедливость, справедливые! Идите въ пребываніе Радости міра, идите со мной въ селенія праведныхъ, въ жилище Святого Духа!.. Не принимаетъ Амонъ-Ра, Судія, приношеній отъ жестокихъ; онъ осуждаетъ виновнаго, ввергаетъ его въ огнь вѣчный... По правую руку его становится справедливый...»

Высшее наказаніе человѣку, не соблюдавшему на землѣ закона вѣчности, были не мученія преисподней, не змѣи и не крокодилы невѣдомой на землѣ величины и свирѣпости, не стержень двери, вращающійся въ глазу поверженнаго на землю человѣка, высшей, самой страшной карой было уничтоженіе бытія человѣческаго существа, конецъ его, небытіе его...

Вѣчность заполняла душу древняго египтянина словами вѣчности, думою о вѣчности полны были книги Египта.

«Я пришелъ въ страну вѣчности»...—говоритъ человѣкъ на порогѣ смерти. «Домами вѣчности» назывались жилища мертвыхъ. Не могущества, не роскоши, не счастья человѣческого преходящаго желаетъ фараону Sinouit,—знатный эмигрантъ, долго жившій за границей, въ своемъ умилительномъ благодарственнномъ письмѣ въ отвѣтъ на разрѣшеніе фараона вернуться ему, Sinouhit'у въ Египетъ, чтобы умереть въ странѣ родной: «Пусть всѣ боги Дельты и острововъ зелено-зеленого моря (Средиземного) дадутъ тебѣ время безъ границъ, вѣчность безъ мѣры».

IX.

Свѣтла и радостна долина Нила, прекрасна жизнь человѣческая!

Жадными глазами смотрѣлъ человѣкъ на красоту жизни, глубоко и жадно вдыхалъ въ себя воздухъ Нила, пилъ воду его, обонялъ тонкіе ароматы земли, но жизнь человѣческая—только временная остановка его на путяхъ вѣчности, только узенькая цвѣтущая долина между широкими полями вѣчности, только одинъ мигъ вѣчности! И разъ земля и земная жизнь только временная квартира человѣка, комната, гостиница, гдѣ онъ отдыхаетъ въ одно изъ своихъ безконечныхъ странствованій, нужно ли много думать о земномъ, временномъ, преходящемъ? Нужно ли много заботиться о временномъ земномъ жилищѣ человѣка? Да, золото и слоновая кость и драгоцѣнные камни, и ковры Азіи, и тонкія ткани наполняли и украшали жилище людей, и цвѣтами были полны сады ихъ и тонкими ароматами полно было жилье человѣка и одежды его, но зачѣмъ строить толстыя стѣны и долгое жилье для короткой жизни на землѣ?

Нѣтъ слѣдовъ жилья человѣка, фараона и «друга его», знатнаго и бѣднаго; не осталось вѣковѣчныхъ стѣнъ, колоннъ и портиковъ дворцовъ когда-то жившихъ могущественныхъ людей Нила, владыкъ міра, не осталось стѣнъ и улицъ отъ городовъ когда-то великихъ, необъятныхъ; но остались «жилища вѣчности», жилища мертвыхъ,— пирамиды и мертвые города въ скалистыхъ утесахъ, съ улицами и площадями и съ домами для служителей, съ магазинами для запасовъ. И остались храмы, дома вѣчныхъ боговъ...

Фараоны древняго прошлаго управляли дѣлами жизни, воевали съ чужими народами, народами короткой жизни, врывавшимися въ вѣчную жизнь Египта, они жадно обоняли всю красоту жизни и могущество власти своей, но не было у нихъ заботы о дворцѣ своемъ, о временномъ жильѣ своемъ. Первой заботой фараона была дума о вѣчности, о будущемъ, о вѣчномъ жильѣ, и первое порученіе, которое онъ давалъ, какъ только становился фараономъ и богомъ земли египетской, своему главному министру, было—отыскать самый несокрушимый, самый красивый, вѣчный камень, изъ котораго можно было бы поставить обелискъ въ храмѣ во имя его, глыбу камня изъ гранитныхъ скалъ Ассуана, изъ которой можно бы сдѣлать его статую, начать работы по сооруженію пирамиды, которая сопротивлялась бы времени, которая могла бы служить вѣчнымъ жилищемъ его. И среди временныхъ и преходящихъ дѣлъ его было одно главное, самое важное, продолжавшееся тридцать лѣтъ и пятьдесятъ лѣтъ его царствованія, а былъ случай, и сто лѣтъ,—строить и все увеличивать и увеличивать пирамиду — вѣчное жилье его... И не меньше, чѣмъ на временныя дѣла его,—на войну съ врагами Египта, на проведеніе каналовъ и устройство долины Нила, уходило средствъ государства и жизни людей на воздвиганіе пирамиды ему, фараону, храмовъ богамъ Египта. И больше заботы его, фараона...

Первые министры, диктуя скрибамъ описанія своей жизни, начинаютъ съ того, что они нашли своему господину, отраженію Озириса, Амонъ-Ра на землѣ, камень для его статуи, рѣдкостную плиту для стола приношеній, который будетъ поставленъ въ его погребальной комнатѣ.

Туда, въ жилище мертвыхъ, въ города гробницъ, сносили люди самое драгоцѣнное въ жизни. Золотомъ покрывали ногти умершихъ, иногда въ золотые футляры вставлены были пальцы умершаго, самыми рѣдкими ароматами наполняли его пустыя внутренности, тонкими нѣжными тканями увивали тѣло его, золотомъ покрывали мумію, изъ дорогой эмали, изъ драгоцѣнныхъ камней вставляли глаза муміи. Въ погребальную комнату сносили новую заказанную для этого дорогую мебель и самое изысканное для ѣды и питья, заново переписанную книгу мертвыхъ, иногда цѣлую библіотеку.

Для жилищъ вѣчности, для жилищъ мертвыхъ работали скульпторы и живописцы и всякіе ремесленники. Для нихъ пѣлись гимны,

слагались танцы, создавались музыкальныя мелодіи. Для вѣчности слагали поэты вдохновенные гимны, объ ней мыслили и для нея творили величайшіе мудрецы и философы Египта.

И для храмовъ божіихъ... Для вѣчныхъ «жилищъ боговъ».

Когда ѣздишь по Нилу, видишь старые, не затопленные наводненіями Нила и не засыпанные песками пустыни огромные храмы и вновь отрытые изъ подъ песковъ, когда вспоминаешь количество и размѣры храмовъ, нѣкогда наполнявшихъ долину Нила, тогда встаетъ предъ тобой древній Египетъ... Встаютъ на берегахъ Нила безчисленные храмы съ могучими стѣнами, съ колоссальными колоннами, съ обелисками и пилонами, встаютъ пирамиды, какъ холмы пустыни и безконечныя жилища вѣчности, города мертвыхъ. Между ними терялось и тонуло людское жилье, бѣднаго и богатаго, фараона и нищаго,—блѣдное, временное, преходящее,—изъ земли Нила, изъ разрушающихся кирпичей нильскаго ила.

Тамъ, въ храмахъ, «вся земля», вся долина Нила, весь Египетъ,—все живущее, все сущее, и все божественное. Тамъ крокодилы и быкъ-Аписъ, и корова-Гаторъ, и шакалъ Анубисъ, и кошка и львица, и ястребъ, и жукъ, и змѣя... Папирусъ и лотосъ, распустившійся и не распустившійся, и перистыя листья пальмъ украшали капители колоннъ. Сами колонны были связанные вверху многогранные пучки папируса и лотоса и круглые стволы пальмъ. И все это—колоссальное, превышающее размѣры человѣческаго воображенія. Эти колонны, послѣ которыхъ кажутся такими маленькими, дѣтскими колонны аѳинскаго Акрополя и римскаго форума, колоссальныя плиты, связывающія вверху концы колоннъ, обелиски вырѣзанные изъ цѣльной скалы, каменныя изваянія людей—боговъ въ пять, въ семь, въ десять саженъ высоты... И нигдѣ нѣтъ мягкой земли, разрушающихся кирпичей изъ нильскаго ила, все каменное, изъ каменоломень древняго Ону, изъ неразрушающагося камня Ассуана.

Все—таинственное, необъемлемое короткимъ, временнымъ разумомъ человѣка... Яркіе лучи солнца горятъ между могучими колоннами, и свѣтло, радостно и торжественно на огромныхъ дворахъ храмовъ между колонадами перистелей, а потомъ мракъ начинаетъ сгущаться,—и по мѣрѣ углубленія въ храмъ становится темно... Тамъ низкія комнаты, узкіе коридоры, потайныя двери, тамъ святая святыхъ. Тамъ рѣдки и блѣдны солнечные лучи, тамъ бродятъ одинокія свѣтлыя пятна и черныя тѣни луны. Тамъ тайна... Тамъ горѣли въ темнотѣ голубыя письмена древней мудрости на бѣлой алебастровой доскѣ, тамъ сіяла неземнымъ свѣтомъ вѣчная книга, тяжкій папирусъ. Тамъ царство Истины и Справедливости. Тамъ вѣчный богъ, въ своей божественной ладьѣ, въ которой плаваетъ онъ по предначальнымъ водамъ въ голубомъ небѣ. Только посвя-

щенные, только избранные, жрецы и фараоны видятъ вѣчнаго бога въ его таинственномъ жилищѣ и только они знаютъ и умѣютъ прочесть таинственныя письмена на алебастровой доскѣ, въ священномъ папирусѣ. Изрѣдка сіяющій богъ въ свѣтлые праздники въ торжественные дни выходилъ въ золотѣ и въ блескѣ, несомый въ своей божественной ладьѣ священниками и первощенниками черезъ залы колоннъ, въ широкіе дворы, обходилъ кругомъ храмъ, и падалъ ницъ народъ предъ свѣтлымъ богомъ...

Каждый день приносилъ фараонъ жертвы предъ статуями боговъ, а иногда и предъ своей статуей, предъ собой, потомкомъ боговъ, отраженіемъ божества на землѣ. Цѣлые дни толпились вѣрующіе между колоннами храма и курился фиміамъ на алтаряхъ. Жрецы давали отвѣты на сложные вопросы жизни, и, когда предъ людьми вставали самые трудные и тяжкіе вопросы, они оставались ночевать въ храмѣ. Безплодная жена, жаждующая материнства, человѣкъ, измучившійся въ поискахъ правды жизни, усомнившійся въ вѣчности и въ правдѣ боговъ. Тогда боги сходили къ людямъ, разрѣшали его сомнѣнія, снисходили къ горю людскому.

Когда надвигалось народное бѣдствіе,—болѣзнь опустошала Египетъ, соединялись и шли войной на Египетъ враги его,—тогда къ богу великому, къ Аммону-Ра древнихъ Ѳивъ, приходилъ фараонъ, и «друзья фараона», и жрецы, и первосвященники, и военачальники, и правители областей—и вопрошали бога великаго и взывали о помощи. И помавала головой два и три раза статуя бога, если снисходила на моленія людей Египта, или недвижима оставалась статуя.

Тамъ двойственный міръ... Все тѣлесное—въ своей духовной сущности, все измѣнчивое въ своей неизмѣнности, временное, преходящее—въ вѣчности, «во времени безъ границъ». На людскихъ тѣлахъ головы львицъ и коровъ и острые клювы ястреба, и человѣческія лица на птичьихъ тѣлахъ. И нѣжные лотосы, и хрупкіе папирусы взяты въ своей огромной, вѣчной, возрождающейся сущности. И люди... Они стоятъ съ сухими бедрами, прямые, стройные, не гнущіеся, съ повисшими и прижатыми къ бедрамъ руками, они стоятъ со сложенными на груди руками, стоятъ съ знаками власти, съ цвѣткомъ лотоса въ правой рукѣ, они сидятъ, положивши руки на колѣни, огромные, молчаливые,—и двойникъ ихъ, ихъ духовное я встаетъ въ тонкихъ, одухотворенныхъ фигурахъ. Въ ихъ глазахъ, въ ихъ жестѣ, въ улыбкѣ ихъ. Кажется, что всѣ они, стоящіе и сидящіе, дѣлающіе приношенія и принимающіе ихъ, думаютъ о вѣчности, ушло отъ нихъ все временное, преходящее, земное,—и смотрятъ они въ огромное таинственное будущее.

Тамъ нѣтъ ничего будничнаго, обыденнаго, тамъ нѣтъ мелочей, нѣтъ полезностей... Только вѣчное, безграничное, колоссальное...

Только линіи, строгія, величественныя, молчаливыя... Только вертикальныя и горизонтальныя линіи. Только мысли, только идеи, символы торжественные, огромные, таинственные, вѣчные...

И надъ всѣми символами, на всемъ протяженіи верхняго и нижняго Египта, среди всѣхъ «Троицъ» мѣстныхъ храмовъ, среди мѣстныхъ угодниковъ поднимается и свѣтитъ великій общій символъ Египта, бога-отца Озириса, матери Изиды и сына Горуса, сына, который побѣдилъ смерть, побѣдилъ адъ, побѣдилъ злое начало въ мірѣ и далъ спасеніе человѣчеству и всему сущему, всему пребывающему въ жизни. И изъ всѣхъ идей встаетъ и покрываетъ собою все другое основная идея Египта — вѣчная борьба жизни и смерти, добра и зла, и побѣда жизни надъ смертью, торжество бытія надъ небытіемъ...

Молитвой, каменнымъ гимномъ вѣчности встаютъ египетскіе храмы...

X.

Не въ грозѣ и бурѣ, не потрясающій горами, не съ пучкомъ молній-стрѣлъ въ рукахъ открывался богъ жителямъ Египта. Не богомъ гнѣва, не богомъ мести и проклятій являлся онъ, богъ Египта, кроткій и благосклонный, прощающій людскіе грѣхи, снисходящій къ слабостямъ людей, ведшій ихъ въ долинѣ Нила и въ мрачныхъ нѣдрахъ преисподней къ вѣчному бытію, къ сліянію съ нимъ, богомъ... Онъ покидалъ народъ свой, когда народъ покидалъ его, не жилъ по велѣніямъ боговъ, нарушалъ законы вѣчности, не строилъ храмовъ ему, богу, не приносилъ жертвъ; но жертвъ долины Нила ждалъ онъ (сердце и печень быка, зерна, злаки долины Нила), не требовалъ онъ жертвы первенца на алтарѣ своемъ, не ждалъ богъ съ огненной раскаленной пастью, чтобы матери бросали въ нее своихъ дѣтей. Не было чудовищъ-боговъ...

Были фараоны жестокіе, налагали на свой народъ бремена неудобоносимыя, и много слезъ пролилось въ долинѣ Нила. Они вели безпощадныя войны, раззоряли цѣлыя страны, и количество отсѣченныхъ рукъ записывалось скрибами ихъ, какъ трофеи побѣды, но не выкалывали они сами глазъ плѣненнымъ царямъ, какъ ассирійскіе цари, не украшали дворцовъ своихъ гирляндами мертвыхъ головъ и аллеями высокихъ кольевъ, на которые посажены были враги ихъ, не покрывали стѣнъ крѣпостей содранной съ живыхъ человѣческой кожей и не увеселяли себя, когда возлежали съ своими женами на вечернемъ пиру послѣ побѣды, головой врага, подвѣшенной къ дереву предъ лицомъ его, возлежавшаго.

«Я никому не внушалъ страха»—говорилъ на страшномъ судѣ египтянинъ. Внушалъ страхъ египетскій народъ силой своей и

нерѣдко бывалъ страшенъ египтянинъ, но не было у него преизбыточной, преднамѣренной свирѣпости, нарочито пугающаго вида.

Нѣтъ у нихъ, у боговъ и фараоновъ, бычьихъ выкаченныхъ глазъ и не было у нихъ оскаленныхъ зубовъ, звѣрскихъ выраженій лицъ, всего того свирѣпаго, нарочито пугающаго облика, который неизмѣнно проходилъ чрезъ фараоновъ всѣхъ странъ и выродился теперь въ нелѣпые и смѣхотворные усы, угрожающіе старому и новому свѣту.

Я съ изумленіемъ часами стою и смотрю на древніе египетскіе лица боговъ и фараоновъ, воиновъ, скрибовъ и служителей храмовъ, на эти изящныя, возвышенныя лица, съ далекимъ взглядомъ широкихъ открытыхъ глазъ.

Единственное сближеніе невольно встаетъ предо мной: вспоминаются лица статуй античнаго греческаго міра, такія же благородныя и изящныя. Мнѣ кажется, что египетскія лица еще болѣе одухотворенныя, еще болѣе тонкія и болѣе человѣчные. И когда я вспоминаю, что цѣлый храмъ египетскій былъ украшенъ дорическими колоннами за двѣ тысячи лѣтъ до возникновенія дорическаго искусства въ Греціи, что великіе ученые и философы Греціи пріѣзжали учиться египетской мудрости въ академію древняго Геліополиса,—мнѣ невольно думается, что тонкость, изящество, одухотворенность скульптурныхъ лицъ людей и боговъ пришли въ Грецію оттуда, изъ Египта, и что оттуда-же пришло многое, что легло въ основу античнаго міропониманія.

Не тяжкимъ быкомъ, не съ звѣрскимъ лицомъ, — какъ геній красоты и высокаго вдохновенія, несется въ битву Рамзесъ II, оставленный всѣми, одинъ на своей колесницѣ, только съ возницей и вѣрнымъ своимъ львомъ. Съ тонкимъ лицомъ и изящными манерами награждаетъ фараонъ своего вѣрнаго министра Псару, и кидаютъ золотыя кольца ему и его подчиненнымъ вмѣстѣ съ фараономъ жена его и дѣти, такія же тонкія, изящныя.

И даже тотъ фараонъ, что сразу схватилъ за волосы десять враговъ и готовится снести мечомъ ихъ головы, сохраняетъ неизмѣнно благосклонное выраженіе.

Утонченныя, изящныя, благородныя лица смотрятъ съ колоссальныхъ статуй, съ барельефовъ храмовъ и жилищъ вѣчности. И есть въ нихъ особенное египетское, чего нѣтъ въ уравновѣшенныхъ, благополучныхъ античныхъ лицахъ, они ясныя и возвышенныя, и есть въ нихъ величіе бога и скорбь человѣка, дума о вѣчности и печаль о сегодняшнемъ днѣ...

Грусть залегла на ихъ лицахъ, печально и жалостно улыбаются губы, скорбь глядитъ изъ ясныхъ, широко открытыхъ глазъ... Побѣждена смерть,—«гдѣ жало твое?»—но «и вѣрѣ могила темна»... Уходитъ человѣкъ изъ радостной благоухающей долины жизни, уходитъ отъ родныхъ, отъ милыхъ и близкихъ и не услышитъ онъ пѣсенъ и музыки жизни, не будетъ обонять сладкій аро-

матъ жизни. Дорогой цѣной, пріуменьшеніемъ жизни куплена была побѣда жизни надъ смертью, и печаль осталась на египетскихъ лицахъ отъ долгой думы о смерти.

Стоятъ люди Египта, огромные, каменные, на востокѣ и западѣ долины Нила, у входовъ въ храмы, между рядами колоннъ, въ погребальныхъ комнатахъ городовъ вѣчности, сидятъ они со скрещенными руками на груди, съ цвѣткомъ лотоса въ рукѣ, сидятъ, нѣжно обнявшись съ женами; лица ихъ къ Нилу обращены, къ зеленой долинѣ Нила, и грусть лежитъ на ихъ лицахъ, словно не могутъ они оторваться отъ очарованія жизни, словно говорятъ послѣднее прости всему свѣтлому, радостному, многозвучному, сладко пахнущему, чѣмъ радовались они въ долинѣ Нила.

Какъ тотъ сфинксъ, старый сфинксъ у старыхъ пирамидъ... Онъ уже почти ушелъ въ пески запада и послѣдній разъ обернулся, чтобы взглянуть на востокъ, откуда встаетъ свѣтлое солнце Египта и грустно-грустно смотрятъ его большіе каменные глаза...

XI.

Испоконъ вѣковъ въ зеленую свѣтлую долину Нила стремились люди, которымъ бѣдно и сиро было жить въ своихъ земляхъ. Цѣлыя тысячелѣтія, съ юга, востока, съ запада и сѣвера, изъ далекихъ странъ «зелено-зеленого» моря вливались въ долину Нила волны иноземныхъ людей. Приходили черные люди Нубіи и Эфіопіи, люди Ливійской и Аравійской пустыни, что какъ птицы бездомовыя летали по пескамъ безбрежной пустыни, по бѣднымъ и тѣснымъ оазисамъ, въ которыхъ такъ часто изсякала вода, шли пастухи съ востока, что все искали зеленыхъ густыхъ пастбищъ для своихъ стадъ, стремились люди, для которыхъ война и грабежъ были ремесло, шли люди товаровъ, которые такъ легко покидаютъ свою землю и такъ легко находятъ другую родину. Чужіе люди приходили наемниками въ Египетскую землю, иногда переселялись цѣлыми племенами, случалось, овладѣвали всей египетской землей на короткое для Египта время. Вѣчная волна чужихъ людей отъ эѳіоповъ и гиосовъ до персовъ, грековъ и римлянъ заливала берега Нила, а Египетъ оставался Египтомъ,—не мѣнялись его нравы и обычаи, его культура, его вѣрованія...

Египтяне никуда не выходили изъ своего Египта, изъ своей «всей земли». Они не нанимались воинами и матросами въ другія страны, они не дѣлали ремесла изъ войны, они не искали, не желали искать чужихъ странъ.

Только Нилъ завоевывали они, только съ Нубіей и Эѳіопіей вели наступательныя войны, только югъ—протяженіе Нила колонизовали они. Только Нилъ имъ нуженъ былъ, только это продолженіе «всей страны» занимало ихъ, неотступно тянуло къ себѣ.

И всѣ безконечныя войны Египта были главнымъ образомъ оборонительными войнами, имѣли единственной задачей уберечь Египетъ отъ тѣхъ чужихъ людей, которые неудержимо неслись въ долину Нила изъ Сиріи, изъ горныхъ хребтовъ Мидіи, съ широкихъ площадей Тигра и Ефрата. Не колонизовали они этихъ завоеванныхъ областей и не ставили тамъ своихъ правителей, только довѣренные фараона объѣзжали покоренныя области, взимали дань и прежде всего слѣдили, не собираются ли азіатскіе варвары нападать на долину Нила.

Они не могли уходить изъ своей страны, люди Египта, потому что слишкомъ любили ее. Не могли пить другую воду люди, пившіе воду Нила. Имъ было тяжело и грустно отъ песчаныхъ степей, отъ высокихъ скалистыхъ горъ съ узкими ущельями, среди этихъ нечистыхъ людей, варваровъ, отъ которыхъ такъ дурно пахло. Египтянинъ не стригъ волосъ, пока жилъ на чужбинѣ, онъ тосковалъ, когда ему случалось долго жить въ чужихъ странахъ, и умиралъ отъ тоски по своей землѣ. И бѣдный матросъ, и намѣстникъ фараона, который собиралъ дани съ покоренныхъ народовъ, и тотъ эмигрантъ, который достигъ высокихъ почестей въ чужой землѣ, породнился съ царемъ и сдѣлался владыкой области,—они всѣ мечтали только объ одномъ, чтобы вернуться скорѣе изъ страны нечистыхъ въ свою чистую землю, чтобы лечь въ жилище вѣчности на западѣ Египта...

Превозносился фараонъ, убившій въ первые десять лѣтъ своего царствованія сто два льва, превозносились фараоны, проводившіе каналы и отвоевывавшіе новую часть Долины Жизни отъ Страны Смерти, фараоны, писавшіе книги по геометріи, по медицинѣ или открывавшіе вѣчныя книги мудрости, говорившіе объ устроеніи земли египетской, о путяхъ божіихъ, о законахъ вѣчной Истины и Справедливости, превозносились и фараоны, отражавшіе варваровъ, завоевывавшіе Египту новыя страны; но не воины и полководцы были героями Египта, его великими людьми. И не было ореола вокругъ воинскаго званія.

Истолкователи воли божіей, мудрецы, маги, философы, изслѣдовавшіе законы вѣчности, открывавшіе тайны бытія, завѣсы будущаго—люди *знанія*,—были великими людьми Египта, имена которыхъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Имъ нельзя было уходить, египетскимъ людямъ, отъ ихъ Нила, Нилъ неотступно звалъ ихъ къ себѣ, не отпускалъ отъ себя. Нельзя было уходить отъ журавлей-колодцевъ, нужно было неотступно поливать землю изъ все уходящаго и уходящаго Нила. Крестьяне они были, земледѣльцы и прежде всего крестьяне, только земледѣльцы. Не тянула ихъ къ себѣ жажда приключеній, не манила добыча, награбленная въ чужихъ земляхъ, не было въ душѣ ихъ пьяной страсти битвъ. Когда пріѣзжалъ въ деревню посланный фараона, Псару, дѣлать наборъ крестьянъ для войны

съ народомъ Кхета, съ сирійскими царями, плачъ поднимался по деревнямъ, матери, жены и дѣти собирались около запертой ограды мѣстнаго управителя, внутри которой отбирали годныхъ и не годныхъ, и кричали, и рвали на себѣ волосы, оплакивали своихъ сыновей и мужей, какъ идущихъ на смерть. И тѣ, которыхъ отбирали, оставались смутные и печальные въ казармахъ, куда тотчасъ запирали ихъ и только, когда пили крѣпкое пиво и тяжелое египетское вино, отъ котораго мысли выходятъ изъ головы, тогда плясали они, какъ безумные, свой военный танецъ. Они были могучіе и храбрые и, когда оставалась далеко за ними долина Египта и не слышно было плача женъ и дѣтей, они, а не тѣ наемные отряды, которые начинали битву стремительно и гнѣвно, они, мужики, выносили на себѣ тяжесть боя и съ мужицкимъ упорствомъ отстаивали свою родину противъ бурныхъ натисковъ иноземныхъ колесницъ.

Одинъ изъ наблюдателей египетской жизни отмѣчаетъ исключительный фактъ. Бывали случаи, что чума рогатаго скота уничтожала чуть не всѣхъ быковъ и коровъ Египта, и приходилось привозить рогатый скотъ изъ-за моря, изъ Европы, изъ Азіи, но черезъ нѣсколько поколѣній, очень немного поколѣній, быки принимали спеціально нильскій обликъ древнихъ египетскихъ быковъ, которыхъ такъ много на барельефахъ храмовъ и въ жилищахъ вѣчности. Когда я на сельско-хозяйственной выставкѣ въ Каирѣ смотрѣлъ египетскій скотъ, меня поразили яркой индивидуальностью именно египетскіе быки. Такъ было не только съ быками, но и съ фараонами. Я видѣлъ статуи фараоновъ изъ племени гиксовъ, изъ эѳіопскихъ и ливійскихъ пришельцевъ, но такъ быстро утончались и принимали изящный египетскій обликъ эти неуклюжія, темныя, бородатыя, съ вьющимися волосами тѣла варваровъ...

Иногда цѣлыя племена переселялись въ Египетъ: ливійскія, эѳіопскія; часть гиксовъ не пожелала послѣ изгнанія ихъ возвратиться къ себѣ и осталась въ долинѣ Дельты, и всѣ они такъ быстро, чрезъ немного поколѣній становились египтянами.

Поселялись въ долинѣ Нила люди, привыкшіе къ сѣдлу, чьи глаза слѣпило горячее солнце пустыни и зыбучіе сверкающіе пески ея, чьи ноги привыкли къ стременамъ, и тѣ, что носились по морямъ, не отрываясь отъ веселъ, и люди горъ, съ короткимъ взглядомъ глазъ, привыкшихъ смотрѣть въ стѣны темныхъ ущелій, не видавшихъ дали широкой—и всѣхъ ихъ охватывалъ Нилъ своею властью.

Они должны были качать воду. Съ ранняго утра до поздней ночи должны были они мѣрно сгибаться и разгибаться, и ноги

ихъ выпрямлялись и дѣлались сухими, длинными, и горы мускуловъ выростали на плечахъ ихъ, и, какъ желѣзныя, дѣлались могучія шеи. И смотрѣла въ ихъ глаза зеленая, разноцвѣтная долина Нила, мягкая и нѣжная, и широко открывались узкіе высматривавшіе глаза, и другой цвѣтъ, другія краски появлялись въ глазахъ. И другія мысли, новыя чувства проникали въ души пришельцевъ. Радости и горести Нила овладѣвали ими, они начинали ждать, какъ старые жители, каковъ будетъ разливъ Нила, они пріучались бросать просяное зерно въ божественную землю Нила и наблюдать, какъ пышнымъ зеленымъ букетомъ встаетъ изъ земли хлѣбъ, кормилецъ Египта.

Потухала въ нихъ жажда бродяжества, пьяная страсть битвъ и приключеній, и тихо и мирно становилось въ ихъ тревожной чужой душѣ.

Боги Нила, вѣчные законы Истины и Справедливости проникали въ ихъ душу. Становились они египтянами, людьми Нила, и блѣднѣли въ нихъ старые боги.

Не персы оперсивали ихъ, не греки эллинизировали ихъ и не прививали римляне своей государственности и культуры въ долинѣ Нила. И финикіяне, и греки, и римляне строили храмы въ Египтѣ, но не населяли своими богами долину Нила, а изъ нея, изъ долины Нила, воспринимали боговъ ея, воспринимали искусство и мудрость древняго Египта и строили храмы Изидѣ въ Греціи и въ Римѣ. Не оттуда ли, вмѣстѣ съ Кивотомъ Завѣта, сдѣланнымъ изъ нильской акаціи, вынесли евреи древнія слова свои, сказанія о сотвореніи міра, раѣ и изгнаніи изъ рая и законы свои? Не видѣли ли они тамъ древнее изображеніе змія на деревѣ и человѣка предъ зміемъ? И ученые люди спрашиваютъ себя, не отъ египетскаго ли бога Атума вышло имя перваго человѣка — Адама?

Когда въ древній Египетъ, къ людямъ, скатившимся слезами изъ божественныхъ глазъ, пришелъ богъ труждающихся и обремененныхъ, другъ нищихъ и рабовъ, богъ плачущихъ, когда къ старой справедливости: никогда не спасай свою жизнь цѣной жизни другого,—присоединилось новое слово справедливости: положи душу свою за други своя,—тамъ, въ долинѣ Нила расцвѣла новая вѣра. И насытилась она до краевъ древнею мудростью Египта. Не тамъ ли оформилась идея вѣчности, не тамъ ли выросло презрѣніе къ временнымъ благамъ жизни, текущей, измѣнчивой, и встало величіе жизни будущей, вѣчной, не тамъ ли встала «пустыня прекрасная», мечта о которой волновала всегда христіанскій міръ? Не оттуда ли вынесло христіанство свои погребальные обряды и похоронные гимны, страшный судъ и притчу о бѣдномъ Лазарѣ, и адъ, и рай?

XII.

Когда и какъ сложился этотъ несокрушимый Египетъ съ его несокрушимымъ государственнымъ устройствомъ, съ его религіей и философіей, съ его искусствомъ, со всѣмъ тѣмъ, что такъ не похоже на другія государства, на другія религіи?

Я долго бродилъ по развалинамъ Мемфиса, на которыхъ выросъ огромный пальмовый лѣсъ. Безконечныя развалины... Изъ подъ занесшаго все нильскаго ила выставляются полуразвалившіяся стѣны изъ старыхъ земляныхъ кирпичей, и между ними и изношенной рухлядью, изъ которой состоитъ вся почва пальмового лѣса, то и дѣло встрѣчаются обломки темнаго, вѣковѣчнаго ассуанскаго камня,—капитель могучей колонны, безформенный кусокъ камня съ какими-то знаками, чья-то нога вылѣзаетъ изъ земли, огромная, каменная... Среди пальмового лѣса полуврытый въ землю лежитъ тамъ между черепками и обломками Рамзесъ I, блестящій и огромный, съ сохранившимся великолѣпнымъ лицомъ и обломанными ногами, и десять старыхъ пальмъ выросли вдоль его огромнаго длиннаго тѣла. А еще дальше, въ томъ же пальмовомъ лѣсу лежитъ на голой землѣ другой Рамзесъ, и цѣлая деревянная постройка воздвигнута надъ нимъ, чтобы люди могли взойти на платформу и взглянуть на это колоссальное, неимовѣрное тѣло Рамзеса. Я видѣлъ раскопки въ Ассуанѣ на островѣ Элефантинѣ, все дальше и дальше углублявшіяся въ почву; каждый разъ, когда я бывалъ въ Каирскомъ музеѣ, туда все носили ящики съ богами и древними вещами изъ раскопокъ, производящихся во всей долинѣ Нила... И мнѣ все казалось, что подъ тѣми Рамзесами, глубоко въ египетской землѣ, лежатъ другіе Рамзесы и быть можетъ, подъ вновь открытыми храмами, въ этой вѣками наносившейся Ниломъ и все повышавшейся и повышающейся почвѣ Египта окажутся другіе, болѣе древніе храмы, подъ городами и деревнями другіе города и деревни, и что современный человѣкъ будетъ все углубляться дальше и дальше въ бездонную глубь египетской древности...

Мы горды тѣмъ, что прочитали іероглифы, перевели на свой языкъ древнія слова Египта. Мы думаемъ, что знаемъ, и мы горды тѣмъ, что открыли древнюю культуру Египта, ея религію, государственное устройство, но многое ли мы знаемъ, крѣпко-ли и вѣрно-ли знаемъ мы этотъ древній Египетъ? Цѣлыя полосы, цѣлые вѣка Египетской жизни остались непрочитанными. Изломанныя каменныя доски, полуистлѣвшіе папирусы, сказанія и легенды, иногда безъ начала и конца, кусочки законодательства, обрывки религіозныхъ и философскихъ системъ, изъ которыхъ мы только узнаемъ, что были эти системы, что былъ кодексъ вродѣ вавилонскаго кодекса

Гамурабы и, надо думать, явившійся раньше кодекса Гамурабы.. Мы догадываемся о двойникѣ, геніи, ангелѣ-хранителѣ, о древнемъ египетскомъ «Ка», но что мы знаемъ о другой формѣ прикосновенія къ божеству и проявленія вѣчности въ человѣкѣ, о другой душѣ его, «Ба», которая изображалась въ древнемъ Египтѣ птичкой съ человѣческимъ лицомъ, которая не уходила послѣ смерти человѣка въ приготовленное жилище вѣчности, не нуждалась въ статуяхъ и приношеніяхъ, а улетала отъ человѣка въ минуту смерти незримымъ эѳиромъ, солнечнымъ лучомъ, въ небо, къ божеству и которая, повидимому, являлась заключенной въ человѣкѣ частицей Міроваго Разума?..

Мы говоримъ: древній Египетъ... Что разумѣть подъ нимъ? Еще недавно мы считали возрастъ Египта 6 — 7 тысячъ лѣтъ. Еще недавно первыя династіи съ ихъ первымъ фараономъ Менесомъ считались легендарными, вродѣ древнихъ указаній, по которымъ раньше фараоновъ царствовали въ Египтѣ боги и полубоги и «Маны»... Теперь отрыты гробницы и тѣла первыхъ фараоновъ и прочитаны имена ихъ, и ихъ оказалось, дѣйствительныхъ людей, гораздо больше, чѣмъ думали, и теперь склонны принимать, что нѣкоторые изъ отрытыхъ фараоновъ царствовали раньше Менеса и первыхъ династій..

Начали отрывать предъисторическій Египетъ каменнаго вѣка, вѣка полированнаго камня, который такъ недавно ученые отрицали именно для Египта. Послѣднія работы Petrie, de Morgan, Quibell, Amelineau отрыли и открыли предъисторическій Египетъ, который уже теперь до извѣстной степени становится историческимъ... Десять-двадцать тысячъ лѣтъ считаютъ возрастъ его *), а передъ нимъ былъ періодъ нешлифованнаго камня, палеолитическій, многочисленные слѣды котораго тоже уже открыты, и продолжительность котораго опредѣляютъ во много десятковъ тысячъ лѣтъ. Онъ смутный и неясный, но періодъ полированнаго камня встаетъ уже въ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Тысячи могилъ открыты, тысячами найдены оружіе и инструменты и предметы культа и домашняго обихода, утварь и мебель.

Въ сухомъ пескѣ пустыни, въ овальныхъ ямахъ лежатъ скелеты въ согнутомъ положеніи, голые, иногда одѣтые въ шкуру пантеры, иногда завернутые въ циновки,—«люди высокаго роста, стройные, съ изящными линіями, съ бѣлой кожей, съ гладкими невьющимися волосами, часто бѣлокурые, съ широкооткрытыми миндалевидными глазами». Волосы или заплетены въ мелкія косички, съ прямымъ проборомъ, какъ у поразительной статуи Скрибы пятой династіи, или голова была обрита и оставлялась

---

*) Любопытно, что, по словамъ Діодора сицилійскаго, египетскіе жрецы со времени перваго царя египетскаго, —солнца Ра—до Александра Македонскаго насчитывали 23 тысячи лѣтъ...

только длинная прядь волосъ, спускавшаяся на спину, именно такая прядь волосъ, которая оставлялась египтянами на долгомъ протяженіи историческаго Египта. И та же желтая и красная краска, которыми потомъ красились мужскія и женскія тѣла, находились въ гробницѣ тѣхъ предъисторическихъ египетскихъ людей. Также глаза обводились кружкомъ зеленой краски, какъ у того же скриба, и также женщины носили парики и накидки изъ волосъ. Одна статуэтка, найденная въ могилѣ, изображала колѣнопреклоненнаго человѣка съ повисшими и прижатыми къ бедрамъ руками, повидимому, молящагося, другая танцовщицу, «съ тонкимъ изящнымъ тѣломъ», съ поднятыми вверхъ руками.

Повидимому, тѣ люди не были воинственными,—не найдено было ранъ на ихъ скелетахъ, они занимались охотой и рыбной ловлей и прежде всего были земледѣльцы. И земледѣльческія орудія находили въ гробницахъ и зерна хлѣбовъ въ вазахъ около мертвыхъ, и имѣли они прирученыхъ, домашнихъ животныхъ.

Очевидно, та же неустанная, покрывающая все мысль о загробной жизни, о вѣчномъ продолженіи ея занимала людей того каменнаго вѣка.

Полны были могилы утварью и оружіемъ, были тамъ чаши и тарелки, и подносы съ приношеніями, съ пищей для будущей жизни, тѣла были также украшены ожерельями и браслетами и драгоцѣнностями, амулетами и статуэтками и въ нѣкоторыхъ гробницахъ находились изображенія тѣхъ же самыхъ сценъ изъ охоты и рыбной ловли, и картины земледѣльческой жизни, которыя считались необходимой принадлежностью благоустроенной могилы историческаго періода.

И какъ древній Египетъ поражалъ и поражаетъ древнихъ и новыхъ людей своимъ искусствомъ, культурой и религіей, такъ и этотъ неолитическій Египетъ, такъ долго отрицавшійся, поразилъ ученыхъ своей предъисторической культурой. Нигдѣ въ остаткахъ неолитическихъ періодовъ другихъ странъ не найдено такой удивительной красоты и тонкости вазъ и издѣлій изъ твердаго камня, и приходится изумляться, какъ могли люди, не знавшіе металла, такъ обращаться съ твердѣйшими породами камня. Нигдѣ въ мірѣ не найдено такой красоты и твердости длинныхъ полированныхъ каменныхъ мечей, которые потомъ сохранялись всю историческую жизнь Египта въ храмахъ, какъ остатки и завѣты царствовавшихъ раньше въ Египтѣ боговъ.

Нѣкоторыя изъ удивительныхъ вазъ въ формѣ цилиндровъ и оваловъ, въ формѣ женщины и птицы были сдѣланы изъ породъ, не встрѣчавшихся въ долинѣ Египта и которыя должны были привозиться изъ полуострова Синая, изъ Азіи, съ острововъ Средиземнаго моря: были, очевидно, и тогда сношенія тѣхъ предъисторическихъ людей съ Азіей, съ островами Средиземнаго моря.

Не было письма, но были знаки на камняхъ, на утесахъ, оче-

видно, понятные тогдашнимъ людямъ, такъ какъ эти же знаки встрѣчались въ странахъ Средиземнаго моря того же періода.

И на вазѣ этого періода, хранящейся въ Лондонѣ, изображены, грубо и примитивно,—два человѣческихъ лица, и та же вѣчная египетская печаль лежитъ на губахъ тѣхъ лицъ и тоска смотритъ изъ глазъ.

Думаютъ, что «историческіе» египтяне явились 6—7 тыс. лѣтъ назадъ въ долинѣ Нила, что они пришли изъ древней Халдеи,—не той библейской, а гораздо болѣе ранней, когда не существовало и города Вавилона, — изъ древней таинственной страны нижняго Тигра и Ефрата, что они долго блуждали по пустынямъ Аравіи, на долго останавливались въ странѣ Pount, съ которой потомъ въ продолженіе тысячелѣтій никогда не воевали и всегда были въ союзѣ, что они долго скитались, пока пришли черезъ Красное море и Аравійскую пустыню въ центръ верхняго Егита.

Они пришли, повидимому, отдѣльными родами, кланами, колѣнами, какъ жили испоконъ вѣковъ бродячіе люди древнихъ-древнихъ временъ.

Они принесли съ собой мѣдь и бронзу и рѣдкое драгоцѣнное желѣзо, они принесли съ собой письмена, принесли своихъ боговъ, боговъ каждаго рода, отдѣльныхъ боговъ каждаго клана.

Они покорили тотъ Египетъ полированнаго камня, тѣхъ высокихъ, стройныхъ и тонкихъ бѣлокурыхъ людей,—но и сами покорились давнимъ людямъ, давней жизни. Они такъ же стали хоронить своихъ мертвыхъ, тѣ же дѣлать приношенія, такъ же устраивать своимъ роднымъ и ближнимъ будущую жизнь. И той же краской стали красить свое тѣло и такъ же заплетать волосы и шкуру пантеры носили на плечахъ при обрядахъ первосвященники всю историческую жизнь Египта, и наслѣдникъ престола носилъ прядь волосъ на бритой головѣ.

Покорились они Нилу и приняли законъ его. Единый богъ, богъ «всей земли» явился имъ, единую власть, единое государство, по завѣтамъ Нила, царствующаго въ Египтѣ, единаго, распредѣляющаго жизнь, устрояющаго людей,—создали они въ новомъ отечествѣ. И забыли, оставили они свои бродяжьи навыки и прилѣпились къ египетской землѣ, взяли ея нравы и обычаи, и манеры Египта.

И встали къ колодцамъ и начали день и ночь сгибать свои голыя спины надъ журавлями колодцевъ... Нилъ больше не отпустилъ ихъ отъ себя...

XIII.

Я не знаю земли, гдѣ власть ея была бы такъ сильна, полна, всеобъемлюща, гдѣ она такъ обнимала бы всего человѣка, такъ строила бы его по своему образу и подобію и такъ долго, безконечно долго предопредѣляла бы пути его. И я не знаю народа, который бы такъ долго и неустанно думалъ о небѣ, у кого думы о сущности міра и назначеніи человѣка, о вѣчности занимали бы такое огромное мѣсто въ душѣ и въ жизни его.

Я перебираю народы живущіе, народы, мнящіе себя древними, и не знаю ни одного, который, какъ египетскій, жилъ бы одной жизнью 5—6 тысячъ лѣтъ, который донесъ бы до сего дня свое лицо, свой жестъ, свои манеры, свой укладъ жизни, свою душу. Гдѣ старый римлянинъ, что осталось отъ античной Эллады въ современномъ грекѣ? И люди, называющіе себя англичанами, французами, нѣмцами, русскими, сколько осталось у нихъ старой крови, древняго лица, что осталось у нихъ отъ души и вѣрованій тѣхъ предковъ, отъ которыхъ пошли они, и такъ недавно?

Я не знаю страны и народа, гдѣ такъ бы непреложно знали, такъ несомнѣнно вѣрили...

И развѣ было мѣсто сомнѣнію въ этой несомнѣнной странѣ? Гдѣ все такъ ясно, гдѣ такъ рѣзко раздѣлено добро и зло, день и ночь, жизнь и смерть, гдѣ законы вѣчности начертаны такими огромными вѣчными, не разрушающимися письменами?

Кто не повѣритъ истинѣ предвѣчнаго закона, кто усомнится въ справедливости его? Кто дерзкій мыслью скажетъ: я не признаю закона Нила? Кто дерзкій волей скажетъ: я прейду предначертанную волю бога Египта?

Тяжкія, неудобоносимыя бремена возлагали фараоны на рамена качавшихъ воду изъ колодцевъ египетскихъ людей; горькими человѣческими слезами обливались столѣтія люди, скатившіеся слезами изъ божественныхъ глазъ. Случалось, подданные возставали противъ своего владыки и прогоняли и убивали фараона, случалось, что вырывали и выбрасывали кости фараона изъ жилища вѣчности,—но кто скажетъ, что царствованіе фараоновъ не предначертано, не предусмотрѣнно великой волей? Кто усомнится въ божественномъ происхожденіи фараоновъ, кто скажетъ, что фараоны не продолжаютъ работы своихъ предковъ боговъ, царствовавшихъ въ Египтѣ, и завѣщавшихъ имъ дѣлать работу, которой требуетъ Нилъ?

Жизнь ясна и непреложна, прошлое, настоящее, и будущее. Нужно только изучать пути божіи, судьбы и назначеніе человѣка

на землѣ, исполнять предначертанія великой воли, по стезямъ истины и справедливости проходить свою короткую земную жизнь. Сладкая и благоуханная она, но развѣ мигъ можетъ заполнить вѣчность, развѣ будетъ строить прочный домъ человѣкъ, остановившійся на день въ пустынѣ, чтобы дать отдыхъ своимъ усталымъ членамъ?

Есть древнее сказаніе о «предназначенномъ принцѣ», которому при рожденіи предначертана была судьба его и который особенно устроилъ свою жизнь и все таки не избѣжалъ судьбы своей.

Предначертанная, предназначенная, предопредѣленная была страна Египетъ... Было прошлое, будетъ будущее,—ясно прошлое, несомнѣнно будущее. Извѣстна была судьба только что пришедшаго на землю человѣка, было извѣстно, какіе мѣсяцы хорошіе для человѣка и какіе дурные дни для человѣка, въ какой день онъ можетъ съ веселіемъ и вѣрой дѣлать дѣла свои, и въ какой день ему опасно выходить на дѣло и лучше сидѣть дома въ жилищѣ своемъ.

Кто пойдетъ отъ красоты «всей земли» долины Нила къ скучнымъ, унылымъ чужимъ берегамъ? Кто отъ полноты великой истины и справедливости Египта,—отъ родника, къ которому издревле приходили утолять жажду всѣ народы древности,—кто будетъ искать иной, чужой истины и спараведливости?

И не уходили люди Египта отъ своего Нила, отъ боговъ своихъ, отъ своей Истины и Справедливости. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣками шли они, могучіе и кроткіе, съ высокой думой о вѣчности, съ тихой печалью земли.

С. Елпатьевскій.

Чудодѣйственный бальзамъ Тоно-Бэнге.

Романъ. *Г. Д. Уэльса.*

Переводъ съ англійскаго **А. В. Каменскаго.**

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Эпилогъ Тоно-Бэнге.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Хвостъ Ракеты.

I.

Въ тотъ вечеръ я въ послѣдній разъ разговаривалъ съ моимъ дядей въ Гардингемѣ. Атмосфера этого мѣста поразительно измѣнилась. Вмѣсто заискивающей толпы, я увидѣлъ человѣкъ шесть газетныхъ репортеровъ, добивавшихся *интервью.* Роперъ, рослый посыльный, по прежнему былъ на своемъ мѣстѣ, но теперь ему приходилось ограждать моего дядю отъ назойливыхъ посѣтителей другого сорта. Я нашелъ его одного во внутренней конторѣ; онъ дѣлалъ видъ, что занятъ дѣлами, но, въ дѣйствительности, сидѣлъ погруженный въ глубокое раздумье. Онъ пожелтѣлъ и обрюзгъ.

— Господи! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня. — Похудѣлъ же ты, Джорджъ. Твой шрамъ сталъ еще замѣтнѣе теперь.

Нѣсколько времени мы молча смотрѣли другъ на друга.

— *Кваппъ*,—сказалъ я,—на днѣ Атлантическаго Океана. Я привезъ счета, нужно разсчитаться съ людьми.

— Видѣлъ газеты?

— Прочелъ въ поѣздѣ.

— Припертъ къ стѣнѣ,—сказалъ онъ.— Продолжалось цѣлую недѣлю... Лаютъ вокругъ меня... Чувствую, что изнемогъ.

Онъ испустилъ глубокій вздохъ и сталъ вытирать стекла пенснэ.

— Желудокъ уже не тотъ, — объяснялъ онъ.—Особенно замѣчаешь это въ такое время. Какъ это все вышло, Джорджъ? Твоя *маркониграмма* меня ошеломила.

Я обстоятельно разсказалъ ему все. Онъ по временамъ кивалъ головою, слушая мой отчетъ; потомъ налилъ что-то изъ пузырька въ маленькую рюмку и выпилъ. Я замѣтилъ три или четыре такихъ пузырька съ лѣкарствами среди бумагъ, разбросанныхъ на столѣ, и въ комнатѣ носился слабый, какъ будто знакомый, запахъ.

Я пытался узнать отъ него о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, но ничего не могъ добиться.

— Какъ я жалѣлъ, что тебя не было, Джорджъ! У тебя иногда бываетъ ясная голова.

— Что случилось?

— О! все этотъ Бумъ—самая пакость.

— Да, но въ чемъ же дѣло?

Онъ началъ что-то бормотать про себя и мрачно задумался, потомъ опять заговорилъ.

— Тебѣ лучше держаться въ сторонѣ отъ этого. Дѣло выходитъ не ладно. Поѣзжай лучше въ Крестъ-Гилль и летай. Тамъ твое дѣло.

Его манера начала безпокоить меня. И я вспомнилъ свой сонъ на островѣ Мордетъ, когда увидѣлъ, что онъ опять берется за пузырекъ.

— Все желудокъ, Джорджъ,—сказалъ онъ при этомъ.— Благодаря этому я выдержалъ свалку. Каждому во время борьбы приходится къ этому прибѣгать: всегда, что нибудь да сдастъ — голова, сердце. печень. И Наполеонъ сдалъ наконецъ. Въ продолженіе всего Ватерлоо его желудокъ—да развѣ это былъ желудокъ! Куда хуже моего!..

Его подавленное настроеніе проходило, по мѣрѣ того, какъ начинало дѣйствовать возбуждающее средство. Его глаза заблестѣли. Онъ заговорилъ въ повышенномъ тонѣ и видимо старался представить въ моихъ глазахъ положеніе дѣлъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ можно было заключить изъ его первыхъ словъ. Онъ уподоблялъ его отступленію Наполеона изъ Россіи. Впереди все еще оставался Лейпцигъ.

— Это битва, Джорджъ, большая битва. Мы боремся за милліоны. У меня еще остаются шансы. У меня еще есть одна карта. Я не могу сообщить свои планы, когда я готовлю рѣшительный ударъ.

— Вы могли-бы,—началъ я.

— Нѣтъ, Джорджъ. Тебѣ придется подождать. Я какъ то

знаю, что нужно. Но сказать... Нѣтъ! Ты столько времени былъ въ отсутствіи. И все такъ усложнилось.

Для меня становилось все яснѣе по мѣрѣ того, какъ въ немъ происходилъ подъемъ духа, что дѣла находились въ гибельномъ положеніи. Я видѣлъ, что мои дальнѣйшіе разспросы ни къ чему не приведутъ. Поэтому я сразу перешелъ на другое.

— Какъ здоровье тетки?—спросилъ я.

Мнѣ пришлось повторить свой вопросъ. Его губы что-то шептали, и онъ отвѣчалъ почти машинально.

— Ей бы хотѣлось быть со мной въ свалкѣ. Она сейчасъ-бы пріѣхала въ Лондонъ. Но приходится изворачиваться одному.—Тутъ его взглядъ на мгновеніе остановился на пузырькѣ.

— Поѣзжай и поговори съ ней,—сказалъ онъ спокойнѣе.—

Онъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ закончить нашъ разговоръ...

II.

Мое возвращеніе въ Леди-Гровъ совсѣмъ не походило на то, что я ожидалъ, когда мы выходили съ грузомъ *кваппа* въ море, и когда я считалъ, что *Совершенное Волокно* было у меня въ рукахъ. Въ то время, какъ я проходилъ вечеромъ по холму, мнѣ казалось, что окружившая меня тишина носила какой-то мертвенный характеръ. По дорогѣ не видно было ни рабочихъ, ни велосипедистовъ.

Было очевидно, что все прекратилось. Тетка разсказывала мнѣ потомъ, что, при послѣднемъ разсчетѣ въ Крестъ-Гиллѣ, рабочіе добровольно устроили трогательную демонстрацію: они кричали ура дядѣ и предавали проклятіямъ подрядчиковъ и лорда Бума.

Я не могу припомнить теперь, какъ мы встрѣтились съ теткой. Должно быть, я изнемогалъ отъ усталости. Но я ясно помню, какъ мы обѣдали и разговаривали за маленькимъ круглымъ столомъ у большого окна, выходившаго на террасу.

Она спрашивала меня, какъ я нашелъ дядю.

— Хотѣла бы я помочь ему,—говорила она. Но это у меня никогда не выходило,—никогда. Онъ все дѣлалъ по своему. И съ тѣхъ поръ, какъ сталъ такъ богатѣть, онъ началъ все скрывать отъ меня. Въ старыя времена,—было совсѣмъ иначе. Вотъ онъ сидитъ тамъ,—я и не знаю, что онъ дѣлаетъ. Онъ не хочетъ, чтобы я была около него. Отъ меня все скрываютъ. Даже прислуга ничего не говоритъ. Они прячутъ отъ меня тѣ газеты, гдѣ особенно ругаютъ... Должно быть,

они его прижали къ стѣнѣ, Джорджъ. Не съѣшь-ли еще супу, Джорджъ... пока есть?

Слѣдующій день особенно ясно встаетъ въ моей памяти. Я помню, что проснулся въ знакомой большой комнатѣ, которая всегда была готова для моихъ пріѣздовъ, и долго лежалъ, созерцая ея красивую, мягкую мебель и кедры, мелькавшіе въ окно, и думалъ, что теперь всему этому пришелъ конецъ.

У меня никогда не было жадности къ деньгамъ, и меня не преслѣдовало желаніе богатства, но я былъ подавленъ сознаніемъ предстоявшихъ лишеній. Послѣ завтрака мы просмотрѣли, вмѣстѣ съ теткой, газеты и потомъ я пошелъ къ Котопу, узнать, что онъ сдѣлалъ съ *Лордомъ Робертомъ* В. Никогда еще сады Леди-Гровъ не производили на меня такого впечатлѣнія своимъ величавымъ спокойствіемъ и мирной тишиной. Это было теплое утро въ концѣ мая, когда красота наступающаго лѣта еще соединяется съ нѣжною прелестью весны. Кусты сирени были въ полномъ цвѣту.

Я шелъ по знакомой дорожкѣ между рододендрами, которая, черезъ калитку, выводила въ лѣсъ. Никогда еще такъ сильно не ощущалъ я въ себѣ то, что чувствуетъ привилегированный владѣлецъ собственности.—И теперь все это должно кончиться-кончится!—мысленно повторялъ я про себя.

Мы съ дядей не приняли никакихъ мѣръ, чтобы обезпечить себя на случай краха; все, что только у насъ было, находилось въ дѣлахъ, и я не сомнѣвался, что намъ предстоитъ полное раззореніе. Въ первый разъ послѣ того, какъ я получилъ его знаменитую телеграмму, мнѣ пришлось подумать о томъ, что заботитъ большинство людей,—о заработкѣ. Волшебный коверъ-самолетъ исчезъ подо мною, и мнѣ опять приходилось ступать по обыкновенной землѣ.

И тутъ я неожиданно очутился на томъ самомъ перекресткѣ, гдѣ, послѣ столькихъ лѣтъ, я опять увидѣлъ Беатрисъ. Странно сказать, я ни разу не подумалъ о ней послѣ высадки въ Плимутѣ... Крахъ и дядя поглотили всѣ мои мысли.

Меня точно кто неожиданно ударилъ по лицу.

Всѣ мои мысли внезапно сосредоточились на ней, и я ощутилъ страстное желаніе ее увидѣть. Какъ она поступитъ, когда узнаетъ о постигшемъ насъ разгромѣ? Какъ это подѣйствуетъ на нее? Меня удивляло, что я не могъ сдѣлать ни малѣйшаго предположенія объ этомъ...

Можетъ быть, я встрѣчусь съ ней?

Я вышелъ черезъ молодой лѣсъ на плоскогорье и тамъ увидѣлъ Котопа, царившаго на новомъ, своей конструкціи, *планеръ* по направленію къ обычному мѣсту моихъ спусковъ.

Онъ дѣйствовалъ очень хорошо. „Однако, каковъ Котопъ",— подумалъ я:—„продолжаетъ опыты безъ меня. Интересно, ведетъ ли онъ записи.. Но теперь все это придется бросить".

Котопъ страшно обрадовался, увидѣвъ меня.

Онъ былъ заброшенъ на цѣлый мѣсяцъ безъ жалованья, я совершенно о немъ позабылъ, посреди ряда событій, который мнѣ пришлось пережить въ этотъ промежутокъ.

— Я продолжалъ, насколько было можно,—сказалъ онъ — У меня было немножко своихъ денегъ, я и говорю себѣ: вотъ ты остался здѣсь одинъ со всѣми этими приборами, и никто тебѣ не мѣшаетъ. Такого, братъ, случая у тебя никогда не будетъ. Отчего имъ не воспользоваться?

— Какъ дѣла съ Лордомъ Робертсомъ β?

— Тутъ пришлось придержаться,—сказалъ Котопъ.

— Боги!—воскликнулъ я.—Неужто мнѣ не придется подняться на немъ до окончательнаго разгрома. — Вы читали газеты? Знаете, что мы прогорѣли?

— Какъ не читать! И какой позоръ, сэръ, что такая работа, какъ наша, зависитъ отъ этого. Простите меня, сэръ, но вы должны работать на счетъ государства...

— Тутъ нечего прощать,—сказалъ я —Я самъ отчасти соціалистъ въ теоріи. Пойдемъ взглянуть на него. Не наполненъ?

— Только на четверть. Вашъ послѣдній лакъ удивительно держитъ газъ. Утечка менѣе кубическаго метра въ недѣлю.

Когда мы возвращались изъ сараевъ, Котопъ опять вернулся къ соціализму.

— Я радъ слышать, что вы соціалистъ, сэръ, — сказалъ онъ,—это единственная форма для цивилизованнаго государства. Я сдѣлался соціалистомъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ: читалъ *Кларіонъ* (Clarion). И посмотрѣть на этотъ міръ—одна прогнившая кутерьма! Они хватаютъ все, что мы сдѣлаемъ или изобрѣтемъ, и обращаютъ чортъ знаетъ во что. Намъ, научнымъ людямъ, придется взять дѣло въ свои руки и положить конецъ всѣмъ этимъ финансовымъ штукамъ и рекламѣ. Очень ужъ все это глупо и дѣлается прямо невыносимо. Взгляните теперь на насъ!

Лордъ Робертсъ β, даже и не совсѣмъ наполненный газомъ, имѣлъ весьма внушительный видъ. И пока я смотрѣлъ на него, стоя рядомъ съ Котопомъ подъ навѣсомъ, для меня особенно горькою была мысль, что все это должно теперь кончиться. Я чувствовалъ себя, совсѣмъ какъ мальчишка, собиравшійся сдѣлать что-то дурное, и мнѣ хотѣлось использовать имѣющійся у меня въ рукахъ матеріалъ, пока еще не налетѣли кредиторы. Помню, у меня мелькнула нелѣпая фантазія, что мой подъемъ послужитъ для Беатрисъ извѣщеніемъ о моемъ возвращеніи.

— Мы наполнимъ его, - сказалъ я рѣшительно.

— Все приготовлено для этого,--отвѣчалъ Котопъ.—Только бы они не прекратили газа...

Все это утро я съ увлеченіемъ проработалъ съ Котопомъ и временно позабылъ о своихъ горестяхъ. Но мысль о Беатрисъ меня не покидала. Наконецъ, меня охватило какое-то неудержимое, болѣзненное желаніе увидѣть ее. Я почувствовалъ, что не въ силахъ долѣе сосредоточивать свое вниманіе на Лордѣ Робертсѣ β, пока онъ постепенно наполнялся газомъ, что я долженъ немедленно увидѣться съ нею. Направивъ дѣло и позавтракавъ съ Котопомъ, я, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, покинулъ его и пошелъ черезъ лѣсъ по дорогѣ къ Бедлей Корнеръ. Въ то же время меня одолѣвали сомнѣнія. Слѣдовало ли мнѣ видѣться съ нею?—спрашивалъ я себя, припоминая мое низменное соціальное положеніе прежнихъ лѣтъ. Наконецъ, около пяти, я подошелъ къ дверямъ дома. Ихъ приближенная, Шарлотта, встрѣтила меня съ выраженіемъ холоднаго изумленія на лицѣ.

Ни Беатрисъ, ни лэди Оспрей не было дома. Тутъ мнѣ пришла въ голову безумная мысль, что я ее встрѣчу. И я пошелъ по направленію къ Уокингу, гдѣ мы бродили подъ дождемъ и вѣтромъ, пять мѣсяцевъ тому назадъ. Нѣсколько времени я безцѣльно ходилъ по нашимъ прежнимъ стопамъ, потомъ повернулъ назадъ черезъ поля. Къ Котопу мнѣ почему-то идти не хотѣлось. И вдругъ я очутился передъ массою брошенныхъ построекъ въ Крестъ-Гиллѣ.

Мои мысли сразу повернули въ другомъ направленіи. На первомъ планѣ опять былъ мой дядя. Какимъ уныніемъ и пустотою поразило меня теперь это парализованное предпріятіе: какая грандіозная, вульгарная и нелѣпая затѣя, по своей глупости, неуступавшая и египетскимъ пирамидамъ! Я сѣлъ на перекладину изгороди и смотрѣлъ,—точно въ первый разъ,—на всѣ эти безконечные лѣса и громадныя стѣны, на которыя было даромъ изведено столько кирпича, тесанаго камня и извести, на пустыню исковерканной почвы съ кучами грязи и досчатыми колеями для тачекъ. Внезапно меня осѣнила мысль, что я вижу предъ собою наглядный примѣръ того, что у насъ часто сходитъ за прогрессъ,—всѣхъ этихъ раздутыхъ рекламою тратъ, безцѣльнаго строительства и ломки, предпріятій и замысловъ моего вѣка. Вотъ каковы были плоды нашей дѣятельности по образцамъ нашего времени! Вѣдь мы съ дядей были его вожаками, его выразителями и излюбленными продуктами...

— Боже мой,—воскликнулъ я,—неужели это жизнь?

Для этого обучались арміи, для этого дѣйствовалъ за

конъ и исполняли свое дѣло тюрьмы, для этого трудились и погибали въ страданіяхъ милліоны людей,—все для того только, чтобы нѣкоторые изъ насъ строили себѣ и не кончали дворцы съ подводными билліардами, выводили безсмысленныя стѣны вокругъ ненужной имъ земли, носились по свѣту въ автомобиляхъ, летали по воздуху, играли въ *гольфъ* и другія игры, собирались болтающей толпой на обѣдахъ, спекулировали на биржѣ и вели жизнь, представляющую собою одно сплошное расточеніе. Да, это была жизнь! Эта мысль осѣнила меня, какъ откровеніе, невѣроятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримое, показывающее всю безумную пустоту нашего существованія.

III.

Шумъ приближающихся шаговъ пробудилъ меня отъ этихъ мыслей.

Я повернулся (въ головѣ у меня промелькнула безсмысленная надежда, что это Беатрисъ) и остановился въ изумленіи. Это былъ мой дядя. У него было такое же блѣдное лицо, какъ я видѣлъ тогда во снѣ.

— Что!—воскликнулъ я.—Почему ты не въ Лондонѣ?

— Все кончено,—сказалъ онъ...

— Состоялось постановленіе о банкротствѣ?

— Нѣтъ!..

Нѣсколько мгновеній я молча смотрѣлъ на него и потомъ слѣзъ съ изгороди.

Онъ сталъ приближаться ко мнѣ, слабо двигая руками, точно человѣкъ идущій въ потемкахъ, пока не ухватился за изгородь. Нѣсколько времени мы молчали. Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою по направленію къ постройкамъ внизу и точно захлебывался. Я замѣтилъ, что его лицо было покрыто слезами и что онъ ничего не видѣлъ черезъ мокрыя стекла пенснэ. Потомъ онъ прислонился ко мнѣ, и, къ моему ужасу, этотъ маленькій, потрепанный свѣтомъ обманщикъ громко заплакалъ. Это не были рыданія, а точно плачъ ребенка. Это было нѣчто ужасное!

— Какъ жестоко, какъ жестоко,—проговорилъ онъ, наконецъ, сквозь слезы.—Замучили допросомъ, Джорджъ...

Онъ хныкалъ и не въ состояніи былъ говорить.

— Разбойники!—вскрикнулъ онъ.—Разбойники! Онъ пересталъ плакать и быстро заговорилъ.

— Это ужъ не по совѣсти. Берутъ изморомъ. Я совсѣмъ нездоровъ. Желудокъ не въ порядкѣ. И я простудился еще,—всегда былъ склоненъ къ этому. Заложило грудь. Заста-

вляютъ тебя говорить. И все время травятъ. Чистая пытка. Ты не помнишь, что говоришь, и неизбѣжно впадаешь въ противорѣчія. Совсѣмъ какъ въ Россіи, Джорджъ... Не по совѣсти... Вѣдь я извѣстный человѣкъ. Сколько разъ сиживалъ за обѣдами рядомъ съ Нилемъ, разсказывалъ ему смѣшныя исторіи... а онъ хуже другихъ! Бьетъ на то, чтобы погубить меня. Не можетъ вѣжливо спросить.

Тутъ онъ опять остановился.

— Они издѣвались надо мною и третировали, какъ собаку. Грязная сволочь! Я скорѣе готовъ быть шулеромъ, чѣмъ адвокатомъ,—лучше продавать кошачье мясо на улицѣ. И сегодня утромъ они подвели такую штуку, что я и не ожидалъ. Захватили врасплохъ! У меня все было въ рукахъ—и вдругъ сорвалось. И все этотъ Ниль,—тотъ самый Ниль, который пользовался моими совѣтами насчетъ бумагъ въ *Сити*... Мало ли я пособлялъ ему... Не могъ проглотить ни куска за завтракомъ. Я не въ состояніи былъ выдержать очную ставку. Вѣрно говорю, Джорджъ. Я сказалъ, что хочу подышать свѣжимъ воздухомъ, и ускользнулъ на набережную. Тамъ я сѣлъ на пароходъ въ Ричмондъ. Мнѣ пришла идея. Я нанялъ гичку и нѣсколько времени катался по рѣкѣ. Толпа молодежи на берегу очень смѣялась увидѣвъ меня съ веслами, въ цилиндрѣ и безъ сюртука. Должно быть, думали, что это прогулка. Хороша прогулка! Я высадился близъ Виндзора и пріѣхалъ этимъ путемъ сюда. Пусть они тамъ въ Лондонѣ дѣлаютъ со мною, что хотятъ... Мнѣ все равно теперь!

— Но,—началъ я, совершенно сбитый съ толку.

— Это значитъ—удралъ. Дадутъ предписаніе объ арестѣ.

— Я не понимаю,—сказалъ я

— Все лопнуло, Джорджъ,—окончательно. А я еще думалъ жить въ этомъ мѣстѣ,—и умереть лордомъ! Это большое мѣсто, достойное императора... Неужто не найдется умнаго человѣка, который бы его купилъ и достроилъ? Эта терраса.

Я стоялъ и думалъ о его положеніи.

— Слушайте,—сказалъ я.—По поводу этого предписанія объ арестѣ. Увѣрены-ли вы, что онъ состоится? Мнѣ ужасно жаль васъ, дядя; но что вы сдѣлали?

— Развѣ я тебѣ не сказалъ?

— Да, но тутъ вы немного пострадаете. Васъ только привлекутъ для окончанія слѣдствія.

Онъ нѣсколько времени молчалъ и потомъ сталъ говорить съ большимъ затрудненіемъ.

— Хуже этого. Я сдѣлалъ... Они докопаются. Навѣрное, у извѣстно.

— Что такое?

— Написано моей рукой... я сдѣлалъ это.

И тутъ я думаю, ему въ первый разъ въ жизни стало стыдно. Меня страшно мучила совѣсть, когда я видѣлъ его страданія.

— Мы всѣ виноваты,—сказалъ я.—Это часть той игры, которую свѣтъ заставляетъ насъ разыгрывать. Если васъ хотятъ арестовать, а вы не готовы къ отвѣту—ареста не должно быть.

— Нѣтъ. Вотъ почему отчасти я и поѣхалъ въ Ричмондъ. Но я никогда не предполагалъ.

Тутъ его маленькіе воспаленные глаза опять остановились на Крестъ-Гиллѣ.

— Этотъ Уитекеръ Райтъ *),—сказалъ онъ:—у него было подготовлено. А у меня нѣтъ... Теперь ты знаешь все, Джорджъ. Видишь, въ какую я попалъ яму!

IV.

Это свиданіе съ моимъ дядей ясно выступаетъ въ моей памяти. Я даже припоминаю содержаніе моихъ мыслей въ то время, какъ онъ говорилъ. Его отчаянное положеніе пробудило во мнѣ искреннее чувство; я былъ проникнутъ жалостью къ нему и рѣшилъ помочь ему, во чтобы ни стало. Но тутъ опять все представляется смутнымъ. Я помню, что уговорилъ его во всемъ положиться на меня, и тотчасъ же началъ дѣйствовать и составлять свой планъ... Я рѣшилъ немедленно увезти его и воспользоваться для этого Лордомъ Робертсомъ β. Было ясно, что его скоро начнутъ искать и что скрыться обычными путями на континентъ было небезопасно. Слѣдовало быстро придумать, какъ намъ незамѣтно очутиться по другую сторону канала. Мое намѣреніе хотя бы разъ подняться на моемъ дирижаблѣ удивительно совпадало съ этимъ. Мнѣ казалось, что мы можемъ ночью перелетѣть на другой берегъ и высадиться въ видѣ туристовъ въ Нормандіи или Бретани, предоставивъ потомъ нашему воздушному кораблю носиться въ пространствѣ. Такова была въ основаніи моя идея. Я отослалъ Котопа съ какою-то запиской въ Уокингъ, не желая впутывать его въ это дѣло, и свелъ моего дядю въ павильонъ. Послѣ того я отправился къ теткѣ и посвятилъ ее во все. Она вполнѣ.

---

*) Извѣстный аферистъ, ворочавшій милліонами, дѣло котораго надѣлавшее много шуму въ Англіи и разбиралось въ 90-хъ годахъ въ судѣ. Онъ такъ же оставилъ своимъ кредиторамъ недостроенный дворецъ. *Прим. пер.*

оказалась на высотѣ положенія. Мы пошли въ его уборную и, не задумываясь, изломали замки. Я досталъ его ботинки, *твидовую* пару и фуражку и вообще подходящій костюмъ для ходьбы, а также ручной мѣшокъ съ другими необходимыми вещами; я захватилъ автомобильное пальто и нѣсколько теплыхъ одѣялъ для ногъ. Не забыта была и фляжка съ коньякомъ, тетка же приготовила запасъ буттербродовъ. Я не помню, чтобы я видѣлъ кого изъ прислуги, и не знаю откуда она ихъ добыла. Во время всѣхъ этихъ приготовленій мы не переставали говорить, и меня поразило потомъ, съ какимъ самоувѣреннымъ спокойствіемъ мы все это обсуждали.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросила она.

— Боюсь сказать.

— Ничего, совѣсти у меня не осталось.

— Кажется, подлогъ.

Тутъ произошла небольшая пауза.

— Можешь ты снести этотъ тюкъ?—спросила она.

Я поднялъ.

— Женщина никогда не уважала законовъ,—сказала она.—До чего они глупы,—чего только нельзя сдѣлать при нихъ. А потомъ тащутъ къ отвѣту. Чисто сумасшедшая нянька, оставленная съ ребенкомъ!

Она вынесла мнѣ одѣяла въ потемнѣвшій уже цвѣтникъ.

— Могутъ подумать, что мы любезничаемъ при лунѣ,—сказала она, кивнувъ головою по направленію къ дому, гдѣ оставалась прислуга.—Интересно знать, за кого они насъ принимаютъ теперь—за воровъ, пожалуй. — И какъ бы въ отвѣтъ, послышался протяжный звукъ, на моментъ испугавшій насъ обоихъ.—Ахъ, милые люди!—сказала она.—Это гонгъ къ обѣду!... Но какъ мнѣ хочется чѣмъ нибудь помочь бѣдному Тедди, Джорджъ. Ужасно подумать объ немъ... съ воспаленными глазами, красный, съ пересохшимъ горломъ. И я знаю—ему сдѣлается еще больнѣе, какъ только увидитъ меня. И что я тогда наговорила, Джорджъ! Если бъ только я понимала, я предоставила бы ему цѣлый омнибусъ Скримджеръ. Я такъ раздѣлала его. Онъ и не думалъ раньше, что я могу такъ... Я должна помочь, сколько могу.

Я повернулся къ ней, услышалъ какую-то новую ноту въ ея голосѣ и увидѣлъ при отблескѣ луны слезы на ея глазахъ.

— Могла бы та ему помочь?—вдругъ спросила она.

— Кто?

— Та женщина.

— Богъ мой! — воскликнулъ я. — *помочь*! Такія существа не помогаютъ!

— Повтори мнѣ опять, что я должна дѣлать, — сказала тетка послѣ нѣкотораго молчанія.

Я повторилъ ей свой планъ, указалъ, какъ мы можемъ сообщаться и что она съ своей стороны можетъ сдѣлать. Я также далъ ей адресъ повѣреннаго, которому она могла довѣриться.

— Но вы должны дѣйствовать на свой страхъ,—настаивалъ я.—Вѣдь это, строго говоря, только отчаянная попытка. Спасите, что можете, и потомъ поѣзжайте вслѣдъ за нами-

Она проводила меня до самаго павильона, нѣсколько времени постояла около него и потомъ ушла.

Я нашелъ дядю въ общей комнатѣ, въ креслѣ съ ногами, протянутыми на рѣшетку газовой печки, которую онъ затопилъ. Онъ былъ на половину пьянъ отъ оставленной мною бутылки виски, совершенно раскисъ и палъ духомъ.

— Оставилъ тамъ мои капли,—еле проговорилъ онъ.

Онъ медленно и неохотно переодѣлся. Почти насильно я втащилъ его въ плетеную корзину дирижабля и уложилъ на плоскомъ днѣ. Одному, безъ помощника, мнѣ было чрезвычайно трудно подняться; мы зацѣпились за крышу навѣса и погнули крыло винта, нѣсколько времени я висѣлъ, безъ всякой помощи съ его стороны, чтобы взобраться въ корзину. Только благодаря особому приспособленію Котопа (родъ якоря съ колесомъ, бѣгающимъ по рельсу), мы, наконецъ, поднялись на воздухъ.

V.

Нашъ полетъ на Лордѣ Робертсѣ β не складывается у меня въ послѣдовательное описаніе. Онъ напоминаетъ скорѣе рядъ случайныхъ видовъ изъ альбома, снятыхъ въ раз ныхъ мѣстахъ. Мы оба лежали на горизонтальной плоскости корзины; Лордъ Робертсъ не обладалъ удобствами воздушнаго шара. Я лежалъ въ передней части, а дядя—позади меня, въ такомъ положеніи, что почти ничего не видѣлъ во время нашего полета. Отъ паденія насъ ограждала только сѣтка, оплетавшая стальныя прутья каркаса. Стоять было невозможно; намъ приходилось или лежать, или ползти на четверинкахъ по дну карзины. Въ средней ея части были коробки, сдѣланныя изъ матеріала Томсона. и между ними я уложилъ дядю, закутавъ его одѣялами. На мнѣ были высокіе сапоги, перчатки изъ тюленьей кожи и мѣховое автомобильное пальто. Съ своего мѣста, посредствомъ проволокъ и рычаговъ Боудена, я управлялъ двигателемъ.

Отъ первой части ночи у меня сохранилось впечатлѣніе тепла и освѣщеннаго луною ландшафта Соррея и Сессекса, мы быстро летѣли, то опускаясь, то поднимаясь, по направленію къ Югу. Мнѣ не видно было облаковъ изъ за висѣвшаго надо мною газоваго мѣшка; я также не могъ наблюдать звѣзды и слѣдить за происходившими перемѣнами погоды, но мнѣ было ясно, что вѣтеръ, переходившій отъ сѣвернаго къ сѣверо-восточному постепенно крѣпчалъ. Послѣ того, какъ я убѣдился, сдѣлавъ нѣсколько пробъ, что приспособленіе для сжатія и расширенія газа дѣйствуетъ удовлетворительно, и что Лордъ Робертсъ β представляетъ собою надежный воздушный корабль, я застопорилъ двигатель, въ видахъ сбереженія бензина, и предоставилъ ему нестись по вѣтру, слѣдя за его движеніемъ только по мѣнявшемуся подъ нами неясному ландшафту. Мой дядя спокойно лежалъ позади меня, почти ничего не говоря и устремивъ свой взглядъ въ пространство передъ собою, такъ что я былъ предоставленъ своимъ собственнымъ мыслямъ и ощущеніямъ.

Эти мысли давно уже померкли въ моей памяти, и всѣ мои ощущенія слагались въ представленіе какой то странной, точно покрытой снѣгомъ, лежавшей подо мною страны, съ темными пятнами мрака, прорѣзанными бѣлыми полосами дорогъ, съ черными клочками воды и сверкавшими, какъ алмазы, окнами домовъ. Я припоминаю поѣздъ, точно огненный червякъ пробуравливавшій себѣ дорогу посреди окружавшаго его мрака, и до меня доносился шумъ его движенія. Каждый городъ и улицы отмѣчались свѣтлыми пуговками уличныхъ фонарей. Мы оставили за собою землю къ Востоку отъ Брайтона. Я опустилъ нажимы газовой камеры, и мы сразу высоко поднялись надъ проливомъ.

Я хорошенько не припоминаю, что происходило ночью; должно быть, я дремалъ, а дядя спалъ. Мнѣ кажется, что разъ или два онъ что то бормоталъ во снѣ, обращаясь къ самому себѣ или къ воображаемому суду. Но не оставалось сомнѣнія, что вѣтеръ за ночь повернулъ къ востоку и что насъ несло въ открытое море. Я помню то, почти глупое недоумѣніе, съ которымъ я увидѣлъ на разсвѣтѣ находившееся подъ нами безконечное водное пространство и понялъ что съ нами творится что то неладное. Я находился въ такомъ одурѣніи, что только уже послѣ восхода солнца могъ догадаться, судя по направленію пѣнящихся гребней волнъ, что насъ гонитъ свѣжій восточный вѣтеръ. И даже тутъ, вмѣсто того, что бы повернуть на юго-востокъ, я пустилъ въ ходъ двигатель и взялъ курсъ на югъ.

Должно быть, я задремалъ; еще было совсѣмъ темно,

когда я внезапно проснулся и увидѣлъ, что мы находимся къ югу отъ сверкавшихъ огней какого то маяка, по сосѣдству съ большимъ городомъ, что причиною моего пробужденія была остановка машины и что насъ опять уноситъ къ западу.

Тутъ я почувствовалъ новый приливъ жизни въ виду грозившей намъ опасности. Я проползъ впередъ къ веревкамъ отъ клапановъ для выпуска газа и держалъ ихъ открытыми, пока мы не полетѣли на землю, скрытую въ туманной сѣрой мглѣ.

Несомнѣнно, въ этомъ мѣстѣ есть какой-то перерывъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Я замѣтилъ огни Бордо въ видѣ туманнаго зарева, когда еще было совершенно темно. Но наше паденіе произошло при началѣ разсвѣта. Въ этомъ я совершенно увѣренъ. Городокъ же, близь котораго мы опустились на землю, находится въ пятидесяти миляхъ отъ Бордо, и я раньше видѣлъ маячные огни гавани послѣдняго.

Я находился въ состояніи какого-то страннаго равнодушія, пока мы опускались на землю. Но послѣдніе моменты спуска были тревожны.

Я помню, какъ дядя вывалился на землю, внезапный порывъ вѣтра подхватилъ Лорда Робертса β, такъ что меня сшибло съ ногъ, и я упалъ на колѣни. Онъ точно самъ старался вырваться отъ меня. Наконецъ, веревки выскользнули у меня изъ рукъ. Я помню, что нѣсколько времени гнался за нимъ по колѣно въ водѣ, по направленію къ морю; когда всѣ мои попытки поймать его оказались тщетными, меня вдругъ осѣнила мысль, что, въ сущности, это самый лучшій для насъ исходъ. Онъ быстро несся надъ песчаными дюнами, то опускаясь, то отскакивая отъ земли, пока не скрылся за группою деревьевъ. Потомъ я еще разъ увидѣлъ его въ отдаленіи. Нѣсколько времени онъ еще держался на воздухѣ, затѣмъ опять медленно опустился, и больше я его уже не видѣлъ. Вѣроятно, онъ упалъ въ море и пошелъ ко дну, намокнувъ въ соленой водѣ.

Во всякомъ случаѣ, послѣ того никто уже болѣе не видѣлъ Лорда Робертса β и о дальнѣйшей его судьбѣ послѣ того, какъ онъ вырвался изъ моихъ рукъ, никакихъ извѣстій до меня не дошло.

VI.

Но если для меня невозможенъ послѣдовательный разсказъ о нашемъ долгомъ полетѣ черезъ море, то разсвѣтъ этого дня во Франціи ясно сохранился со всѣми подробностями въ моей памяти. Я какъ сейчасъ вижу предъ собою ряды за рядами песчаныхъ дюнъ, покрытыхъ скудною травою на верхушкахъ; опять ощущаю холодъ ранняго утра и слышу лай собаки.

Сперва все мое вниманіе было поглощено дядей. Его била лихорадка, и я едва поборолъ въ себѣ желаніе тотчасъ же разыскать какое-нибудь пристанище и уложить его въ постель. Но я понималъ, что намъ не слѣдуетъ возбуждать подозрѣній и наше появленіе на разсвѣтѣ бросилось бы въ глаза. Намъ волей-неволей предстояло отдыхать часть дня и потомъ, подъ видомъ утомленныхъ ходьбою туристовъ, искать такого мѣста, гдѣ мы бы могли поѣсть. Я отдалъ дядѣ большую часть оставшихся галетъ, подѣлилъ съ нимъ, что оставалось въ нашихъ фляжкахъ, и посовѣтовалъ ему заснуть. Но въ началѣ ему было слишкомъ холодно, хотя я и окуталъ его мѣховымъ одѣяломъ. Меня поразилъ видъ его истомленнаго пылавшаго лица, казавшагося еще старѣе отъ щетки сѣрыхъ волосъ, покрывавшихъ его небритый подбородокъ. Онъ сидѣлъ, скорчившись, дрожалъ и кашлялъ, нехотя пережевывая галеты и сопровождая это частыми глотками изъ фляжки. Онъ слегка хныкалъ. Но намъ ничего болѣе не оставалось, какъ терпѣть. Наконецъ, солнце поднялось надъ соснами, и песокъ сталъ быстро нагрѣваться. Дядя пересталъ ѣсть и сидѣлъ, сложа руки на колѣняхъ. Это была самая несчастная фигура, какую только можно было представить.

— Я боленъ,—говорилъ онъ,—чертовски боленъ. Мѣста живого нѣтъ; мнѣ слѣдуетъ быть въ постели, а не летать.— И онъ вдругъ заплакалъ.

— Постарайтесь заснуть, — сказалъ я, подымаясь съ своего мѣста и закрывая его одѣяломъ.

— Хорошо тебѣ говорить,—протестовалъ онъ,—я не молодой человѣкъ.

— Подымите голову,—прервалъ я его и подложилъ подъ нее мѣшокъ, въ видѣ подушки.

— Они поймаютъ насъ здѣсь, все равно, какъ и въ гостиницѣ,—ворчалъ онъ и потомъ затихъ.

Прошло нѣсколько времени, и я замѣтилъ, что онъ уснулъ. Онъ тяжело дышалъ и иногда кашлялъ. Я самъ

былъ страшно измученъ и, кажется, задремалъ — хорошенько не помню. Я припоминаю только, что я такъ просидѣлъ около него, какъ мнѣ казалось, безконечное время; я до того усталъ, что даже не въ силахъ былъ думать о чемъ-нибудь.

Никто къ намъ не подходилъ, мы не видѣли ни одного живого существа, даже собаки. Наконецъ, сознавъ наше безвыходное положеніе, я принудилъ себя встать, и, сдѣлавъ невѣроятное усиліе, мы кое-какъ добрели по пескамъ до небольшой фермы. Здѣсь, на своемъ ломаномъ французскомъ языкѣ, я попытался объяснить, что мы туристы изъ Біарица, сбились съ дороги по берегу и принуждены были провести ночь на дюнахъ. Мнѣ казалось, что наши хозяева удовлетворились моимъ объясненіемъ; намъ дали очень оживившаго насъ кофе и мы наняли здѣсь таратайку до маленькой станціи. Съ каждой новой остановкой на нашемъ пути дядѣ, очевидно, становилось все хуже. Когда я доставилъ его въ Баіонну, онъ сперва отказался отъ всякой ѣды, а потомъ почувствовалъ себя совсѣмъ худо; отсюда, по маленькой желѣзнодорожной вѣткѣ, совсѣмъ ослабѣвшаго и въ ознобѣ, я привезъ его въ пограничное мѣстечко, Люзонъ Баръ. Здѣсь мы нашли маленькую гостиницу изъ двухъ комнатъ, которую держала добродушная женщина изъ мѣстныхъ басковъ. Я тотчасъ же уложилъ его въ постель, и эту ночь рѣшилъ остаться при немъ въ той же комнатѣ. Часа черезъ два онъ проснулся въ сильномъ жару и сталъ бредить, проклиная Ниля и повторяя длинные ряды какихъ-то цифръ. Очевидно, требовался докторъ, и мы добыли его утромъ. Это былъ молодой человѣкъ изъ Монпелье, только что начинавшій свою карьеру, весьма современный, многозначительно таинственный и непрактичный. Онъ что-то говорилъ о простудѣ и ночи, проведенной на холодѣ, о гриппѣ и пневмоніи. Онъ далъ мнѣ подробныя и трудно исполнимыя наставленія... Я понялъ, что намъ необходима сидѣлка. Была приглашена сестра милосердія, которую я помѣстилъ въ сосѣдней комнатѣ.

VII.

И теперь мой разсказъ сосредоточивается около смертнаго одра моего дяди, которому суждено было умереть въ этой странной трущобѣ, ставшей его послѣднимъ убѣжищемъ. На фонѣ окружавшей меня картины я вижу Пиринеи, голубоватые холмы, освѣщенные яркимъ солнцемъ дома, старый Люзонскій замокъ и шумную, быструю рѣку. На

авансценѣ, — полутемная, душная комната, съ закрытыми окнами и большою кроватью подъ балдахиномъ, съ характерными французскими стульями, грязноватымъ умывальникомъ и лѣкарствами на столѣ. Въ этой тяжелой больничной атмосферѣ, скрытый за занавѣсками кровати, лежитъ въ какомъ-то странномъ уединенiи отъ остального мiра маленькiй человѣкъ,—мой дядя.

Его голова и туловище были высоко подняты подушками, чтобы ему легче было дышать. Онъ почти не спалъ.

Я смутно припоминаю дни и ночи, проведенные около этой кровати. Помню, что все время я старался незамѣтнымъ образомъ добыть себѣ англiйскiя газеты.

Мой дядя является центральной фигурой всѣхъ этихъ впечатлѣнiй.

Я попытался изобразить его въ разныхъ положенiяхъ,— сперва молодымъ въ уимбльгёрстской аптекѣ, потомъ невзрачнымъ ассистентомъ въ аптекарскомъ складѣ на Тотенгамъ Родъ, авантюристомъ первыхъ дней Тоно-Бэнге и, наконецъ, самоувѣреннымъ, нелѣпымъ плутократомъ. Теперь мнѣ приходится говорить о немъ при совершенно другихъ условiяхъ, страшно измѣнившимся, подъ грознымъ облакомъ наступавшей смерти. Его лицо, обросшее бородой, казалось мнѣ почти незнакомымъ, блѣдное, съ выступавшимъ на немъ потомъ, съ обвислой кожей, съ большими стеклянными глазами и заостреннымъ носомъ. Никогда еще не казался онъ мнѣ такимъ маленькимъ. И онъ говорилъ мнѣ напряженнымъ шепотомъ о большихъ вопросахъ, о своей жизни и о томъ, что его ожидало. Бѣдный, маленькiй человѣкъ! Это послѣдняя фаза стояла какъ бы совершенно въ сторонѣ отъ другихъ. Онъ точно выползъ на свѣтъ изъ подъ обломковъ своей карьеры и осматривался передъ тѣмъ, какъ умереть. Въ промежуткахъ бреда у него выпадали моменты полнаго сознанiя.

Онъ зналъ, что наступаетъ смерть. И это, до извѣстной степени, облегчало его. Теперь ему уже не предстояло встрѣчи съ Нилемъ, не нужно было скрываться отъ судебныхъ каръ.

— Эта была грандiозная карьера, Джорджъ, — говорилъ онъ,—но я радъ отдохнуть. Радъ покою!..

Въ своихъ мысляхъ онъ постоянно возвращался къ своей карьерѣ и относился къ ней съ гордостью. Когда наступалъ бредъ, она являлась въ преувеличенномъ свѣтѣ, и онъ распространялся о своемъ великолѣпiи. Онъ нервно перебиралъ пальцами простыню и, устремивъ взоръ куда-то въ пространство, шепталъ какiя-то отрывочныя, полупонятныя фразы.

— Что это за величественное зданіе—башни до небесъ!.. Иліонъ, резиденція нашего коммерческаго властелина... Терраса надъ террасой... Царства, невѣдомыя Кесарю... Великій поэтъ, Джорджъ. Величіе... Милліоны... Университеты... На террасѣ... даетъ направленіе торговлѣ...

Временами было трудно разобрать, когда онъ говорилъ въ памяти и гдѣ начинался бредъ. Тутъ обнаруживалась скрытая пружина всей его жизни, тщеславное воображеніе...

Иногда онъ возвращался къ нашему воздушному путешествію.

— Слишкомъ долго, Джорджъ. И такъ холодно... Я слишкомъ старъ для такой штуки Ты вѣдь меня не спасаешь,—убиваешь скорѣе.

Подъ конецъ я увидѣлъ, что мы перестали быть тайною. Газеты командировали въ погоню за нами своихъ представителей. Люди замѣтно стали интересоваться нами, и около кровати за занавѣсками, гдѣ происходила послѣдняя борьба со смертью, появилось нѣсколько новыхъ лицъ. Молодой докторъ настаивалъ на консультаціи, изъ Біарица прикатилъ автомобиль и внезапно появилось нѣсколько новыхъ лицъ, съ любопытствующими глазами, которыя совались съ разспросами и предложеніями помощи. Хотя ничего и не говорилось, я чувствовалъ, что на насъ уже не смотрѣли, какъ на средней руки туристовъ; я смутно сознавалъ, выходя на улицу, что меня уже преслѣдуетъ какой то престижъ извѣстности финансоваго и криминальнаго характера. Мѣстные обыватели, благосостоятельнаго вида, обращались въ гостиницу съ распросами о насъ, люзонскій кюре проявилъ большое вниманіе къ намъ, люди наблюдали за нашимъ окномъ и на меня пристально глядѣли, когда я показывался на улицѣ. И потомъ мы подверглись нападенію маленькаго англійскаго пастора и его добродушной жены въ стргомъ черномъ костюмѣ, которые налетѣли на насъ, какъ добродѣтельные, но рѣшительные коршуны изъ сосѣдняго селенія.

Пасторъ принадлежалъ къ тому любопытному типу англійскихъ священниковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ то въ отдаленномъ городѣ, то совершающихъ англійское богослуженіе въ какомъ-нибудь большомъ отелѣ за границей,—настойчивый, ревностный, маленькій человѣкъ, съ рѣдкою растительностью на лицѣ, въ очкахъ, съ красноватымъ носомъ пуговкой, облеченный въ заслуженную черную пару. Ему, видимо, импонировало финансовое величіе моего дяди, ему были извѣстны наши затрудненія, но онъ держалъ себя съ тактомъ и былъ преисполненъ желанія оказать всякую помощь. Онъ предложилъ чередоваться со мною у по-

стели больного и всякія другія услуги съ своей стороны. Такъ какъ въ это время, благодаря полученнымъ изъ Біарица газетамъ, я познакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Лондонѣ и старался распутать подробности нашего гигантскаго краха, то охотно воспользовался его предложеніемъ и приступилъ къ изученію современныхъ финансовъ. Чуждый религіозныхъ традицій, я вовсе не ожидалъ какихъ-либо теологическихъ выступленій съ его стороны по отношенію къ несчастной умирающей развалинѣ, какую представлялъ собою мой дядя. Но мнѣ скоро пришлось разубѣдиться въ этомъ, благодаря столкновенію, происшедшему между нимъ и хозяйкой, по поводу повѣшеннаго ею въ тѣни алькова маленькаго распятія, гдѣ его могъ увидѣть дядя, что и случилось.

— Богъ мой!—воскликнулъ я,—неужто это продолжается еще до сихъ поръ!

Въ эту ночь маленькій пасторъ, сидѣвшій около больного, произвелъ фальшивую тревогу, сообщивъ, что мой дядя кончается, и поднялъ на ноги весь домъ. Я никогда не забуду этой сцены.

Началось съ того, что кто-то постучалъ въ мою дверь въ срединѣ ночи, и затѣмъ я услышалъ его голосъ.

— Если вы хотите застать вашего дядю живымъ, то идите сейчасъ.

Когда я пришелъ, душная маленькая комната, освѣщенная тремя мелькавшими свѣчами, была полна народу. Мнѣ показалось, что я очутился въ восемнадцатомъ столѣтіи. Посреди этой суматохи лежалъ, разметавшись, въ своей постели, мой бѣдный дядя, совсѣмъ измученный и въ бреду; маленькій пасторъ старался захватить его руку и все время повторялъ:

— М-ръ Пондерво, м-ръ Пондерво! —все будетъ хорошо. Все хорошо. Только вѣруйте! „Вѣрующій въ меня спасенъ будетъ!“.

Вблизи стоялъ докторъ съ однимъ изъ этихъ идіотскихъ шприцовъ, кототорые современная наука часто даетъ въ руки мало знающихъ молодыхъ людей, и безъ всякой основательной причины поддерживалъ угасавшую жизнь моего дяди. На заднемъ планѣ мелькала сидѣлка, съ запоздалою дозою лѣкарства. Кромѣ того хозяйка не только встала сама, но подняла еще древнюю старуху, свою мать и слабоумнаго мужа. Въ комнатѣ находился еще солиднаго вида человѣкъ, въ сѣромъ костюмѣ. Кто онъ былъ и какъ попалъ сюда, я до сихъ поръ не знаю. Хотя докторъ и объяснялъ мнѣ что-то по французски, но я его не понялъ.

Всѣ эти сонные, наскоро одѣтые люди, собрались сюда

только для того, чтобы присутствовать при послѣднихъ моментахъ угасавшей жизни (это каждый изъ нихъ твердо рѣшилъ въ своемъ умѣ), представляя какую-то странную картину, родъ публичной церемоніи, освѣщенную тремя тускло горѣвшими свѣчами. Докторъ стоялъ; всѣ прочіе сидѣли на стульяхъ, нарочно принесенныхъ по этому случаю хозяйкой.

Но мой дядя испортилъ торжественность момента; онъ не умеръ въ эту ночь.

Я занялъ мѣсто пастора на стулѣ около кровати, но онъ оставался въ комнатѣ.

— Я думаю,—таинственно прошепталъ онъ, уступая мнѣ свой стулъ,—я вѣрю, что въ душѣ его все хорошо.

Я слышалъ потомъ, какъ онъ старался передать по-французски обычныя благочестивыя изреченія евангелическаго протестантства на пользу человѣка въ сѣромъ костюмѣ. Тутъ онъ уронилъ стаканъ со стола и сталъ подбирать осколки. Съ самаго начала я сомнѣвался въ немедленной смерти дяди. Я пошептался съ докторомъ и рѣшилъ дать ему шампанскаго; въ то время, какъ я шелъ за нимъ, я чуть не упалъ, зацѣпившись за ноги пастора. Онъ стоялъ на колѣняхъ у добавочнаго стула, позже принесеннаго для меня хозяйкой, и молился вслухъ: „Отецъ Небесный, помилуй это чадо твое...“ Я отодвинулъ его, но черезъ минуту онъ былъ опять на колѣняхъ и продолжалъ молиться у другого стула, загораживая дорогу сидѣлкѣ, которая несла мнѣ штопоръ.

Мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ очистить комнату, и я принялъ довольно рѣшительныя мѣры.

У меня какъ-то вдругъ отшибло память, и я позабылъ все, что зналъ по-французски. Я удалилъ ихъ больше жестами и благодаря тому, что, ко всеобщему ужасу, открылъ окно. Я далъ понять, что сцена смерти отлагается; да и, дѣйствительно, дядя умеръ только въ слѣдующую ночь.

Послѣ того я уже не подпускалъ къ нему пастора, и меня безпокоило, что тотъ взволновалъ его. Но я не замѣтилъ никакихъ признаковъ этого. Только разъ заговорилъ онъ объ „этомъ попѣ“.

— Онъ не встревожилъ васъ?—спросилъ я.

— Что-то просилъ,—сказалъ онъ.

Подъ самый конецъ, умъ его внезапно прояснился, и хотя онъ былъ очень слабъ, но говорилъ разборчиво.

— Джорджъ,—сказалъ онъ.

— Я здѣсь,—отвѣчалъ я,—около васъ.

— Джорджъ, ты всегда стоялъ за науку. Ты знаешь лучше меня.—Доказано-ли?

— Что доказано?

— Въ ту или другую сторону?

— Не понимаю.

— Смертью все кончается. Послѣ столькихъ... Такія блестящія начинанія. Гдѣ-нибудь—тамъ. Неужто—ничего?

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Въ его потухавшемъ взорѣ было серьезное выраженіе.

— Чего вы ждете? — спросилъ я, удивленный его словами.

— Были стремленія,—прошепталъ онъ, и потомъ началъ какой-то прерывающійся монологъ, позабывъ о моемъ присутствіи.

Послѣ продолжительнаго молчанія, онъ, наконецъ, сдѣлалъ знакъ рукой, что хочетъ говорить.

— Мнѣ кажется, Джорджъ...

Я наклонился къ нему и, приподнявъ его выше на подушкѣ, сталъ прислушиваться.

— Мнѣ кажется, Джорджъ, всегда казалось, во мнѣ должно быть что-то, что не умретъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто отъ меня зависѣло рѣшеніе этого вопроса.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—есть что-нибудь,—и опять на мгновеніе потерялъ нить своей мысли.—Хоть какая-нибудь маленькая зацѣпка,—прошепталъ онъ съ выраженіемъ какой-то мольбы и нѣсколько времени лежалъ въ молчаніи. Потомъ его опять что-то забезпокоило.

— Другой міръ...

— Можетъ быть. Кто знаетъ?

— Другой міръ.

— Но безъ предпріятій,—сказалъ я.

Послѣ того онъ замолчалъ. Я сидѣлъ около него, преслѣдуя свои собственныя мысли. Въ это время сидѣлка опять принялась закрывать окно.—Нѣсколько времени онъ задыхался... Мнѣ показалось несообразнымъ, что ему, — этому глупому маленькому человѣку,—приходилось такъ тяжело умирать.

— Джорджъ,—прошепталъ онъ, вытащивъ изъ-подъ одѣяла свою ослабѣвшую, маленькую руку.—*Можетъ быть...*

Онъ ничего болѣе не сказалъ и, судя по выраженію глазъ, я понялъ, что онъ ждетъ отвѣта.

— Да, я самъ думаю,—смѣло отвѣчалъ я.

— Ты увѣренъ?

— Положительно увѣренъ,—сказалъ я и почувствовалъ при этомъ легкое пожатіе его руки.

Такъ я продолжалъ сидѣть около него, крѣпко сжимая его руку, и старался представить себѣ,—какіе зачатки без-

смертія могли быть въ его существѣ, гдѣ въ немъ скрывался тотъ духъ, которому предстояло носиться въ безконечной вѣчности. Самыя удивительныя фантазіи приходили мнѣ въ голову... Онъ долго лежалъ въ совершенной тишинѣ на подушкахъ, съ рѣдкими приступами удушья, и я постоянно отиралъ его ротъ и губы.

Я до того былъ поглощенъ своими мыслями, что и не замѣтилъ первой перемѣны, пробѣгавшей по его лицу. Онъ лежалъ неподвижно, послышался слабый звукъ з...з...з...ъ, потомъ замолкъ—и онъ спокойно умеръ, утѣшенный моими послѣдними словами. Я даже не знаю, когда наступила смерть. Я не замѣтилъ, когда разжалась его рука. И вдругъ, весь потрясенный, я увидѣлъ, что его нижняя челюсть опустилась и что онъ мертвъ...

VIII.

Была темная ночь, когда я покинулъ смертное ложе моего дяди и направился, по кривой улицѣ Люзона, въ свою гостиницу.

Это возвращеніе также засѣло въ моей памяти, какъ нѣчто стоящее отдѣльно и еще не испытанное. Я оставилъ за собою суетящихся женщинъ, съ мелькавшими по дому огнями, занятыхъ послѣдними услугами около той опустѣлой оболочки, которая передъ тѣмъ была моимъ дѣятельнымъ, неугомоннымъ маленькимъ дядей. Всѣ эти обрядности казались мнѣ тяжелыми и оскорбительными. Я захлопнулъ за собою дверь и вышелъ на темную, залитую темнымъ туманомъ, маленькую улицу, освѣщенную кое-гдѣ точками тусклыхъ огней и совершенно пустую. Окружавшая меня туманная завѣса производила впечатлѣніе какого то безпредѣльнаго уединенія. Самые дома по сторонамъ казались гдѣ-то далеко, точно въ другомъ мірѣ. Ночная тишина нарушалась только отдаленнымъ лаемъ собакъ, которыхъ, въ виду близости границы, держатъ всѣ здѣшніе жители.

Смерть!

Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ моментовъ покоя, когда вы какъ будто находитесь за предѣлами жизни и въ то же время идете рядомъ съ ней. Мнѣ случалось испытывать такое же чувство послѣ окончанія театральной пьесы. Жизнь моего дяди представлялась мнѣ теперь, какъ нѣчто близко знакомое, доведенное до конца. Представленіе кончилось, книга была закрыта. Я вспоминалъ дѣловую и акціонерную сутолоку, грохотъ Лондона, съ его несмѣтными толпами, разныхъ людей, посреди которыхъ проходила наша

жизнь, публичныя собранія, пережитыя треволненія, обѣды и диспуты,—и вдругъ мнѣ показалось, что все это никогда не существовало. Я точно внезапно открылъ, что въ дѣйствительности ничего этого не было. Еще до того и позже жизнь представлялась мнѣ какой-то фантасмагоріей; но никогда еще я не былъ такъ глубоко убѣжденъ въ этомъ, какъ въ ту ночь... Мы оба, такъ долго *стоявшіе близко* другъ къ другу, разстались теперь. Но я зналъ, что тутъ не было конца,—ни для него, ни для меня. Его смерть была только сномъ, завершившимъ другой сонъ, и съ нимъ кончились его страданія. Мнѣ почти казалось, что и самъ я умеръ. Но что значило, когда все это,—всѣ наши страданія, желанія, начало и конецъ,—въ дѣйствительности не существовало. И настоящею реальностью была для меня только эта одинокая дорога, по которой я шелъ, въ глубокомъ раздумьи и нѣсколько усталый...

Часть окружавшаго меня тумана приняла видъ большой дворовой собаки, которая, съ рычаньемъ и отрывистымъ лаемъ, стала вертѣться около меня, пока опять не обратилась въ туманъ.

Тутъ мои мысли невольно повернулись къ древнимъ вѣрованіямъ и страхамъ нашей расы. Всѣ мои сомнѣнія и отрицанія свалились съ меня, какъ широкая, слегка накинутая одежда. И я, съ совершеннымъ простодушіемъ, сталъ гадать о томъ,—какія собаки лаяли по темной дорогѣ на того путника, какіе образы, какіе огни смутно показывались въ окружавшемъ его туманѣ въ то время, какъ онъ шелъ, послѣ нашей послѣдней встрѣчи на землѣ, тѣмъ путемъ, который существовалъ и будетъ существовать вѣчно.

IX.

Послѣднею запоздалою фигурою, изъ числа окружавшихъ смертное ложе моего дяди, была моя тетка. Когда уже не оставалось никакой надежды на его выздоровленіе, я, бросивъ всякія предосторожности, прямо телеграфировалъ ей. Но она не застала его въ живыхъ. Она увидѣла его, безмолвнаго и неподвижнаго совсѣмъ непохожаго на того оживленнаго, болтливаго человѣчка, къ которому привыкла.

— Это точно не онъ,—прошептала она, подавленная величавымъ спокойствіемъ смерти.

Я лучше всего помню нашъ разговоръ на мосту, пониже стараго замка. Было жаркое, солнечное утро; мы только что отдѣлались отъ какихъ-то любителей репортеровъ изъ Біарица и пошли по дорогѣ черезъ Портъ-Люзонъ. Нѣсколько

времени мы стояли на мосту, опершись на парапетъ, и смотрѣли на отдаленные голубыя массы Пиринеевъ. Мы долго молчали, потомъ она заговорила:

— Странная штука жизнь, Джорджъ! — начала она. — Кто бы могъ подумать, когда я штопала тебѣ чулки въ старомъ Уимбльгерстѣ, что такъ кончится вся исторія? Все это ушло куда-то далеко... эта маленькая лавка и наше первое гнѣздышко. И блестящія бутыли — большіе цвѣтные шары. Ты помнишь, Джорджъ,—какой падалъ свѣтъ на выдвижные ящички краснаго дерева? И маленькія золотыя надписи—Ol. Amygd. и Rycin! Я все это помню, какъ все сіяло—чисто голландская картинка. Точно было вчера. И вотъ мы тутъ, какъ во снѣ. Ты взрослый мужчина, а я—старуха, Джорджъ.—И бѣдный маленькій Тедди вѣчно мечется и все говоритъ и его з-з-зъ—О!

Она стала захлебываться, и полились неудержимыя слезы. Я былъ радъ, что она заплакала.

Она стояла, облокотившись на парапетъ, и смотрѣла въ воду; рука ея крѣпко сжимала мокрый отъ слезъ платокъ.

— Хотя бы на часъ опять увидѣть старую лавочку, услышать его болтовню. Прежде, чѣмъ все это случилось. Прежде, чѣмъ его захватили и одурачили.

— Не слѣдуетъ подвергать людей такимъ искушеніямъ...

— Они не мучили его, Джорджъ?—внезапно спросила она.

Я сначала не понялъ.

— Здѣсь, я хотѣла сказать.

— Нѣтъ,—не задумываясь, солгалъ я, подавивъ воспоминаніе о молодомъ врачѣ съ его шприцемъ.

— Хотѣлось бы мнѣ знать,—позволятъ ли ему говорить на томъ свѣтѣ?

Послѣ того она устремила на меня пристальный взглядъ.

— О, Джорджъ, дорогой, какъ болитъ у меня сердце, и я сама не знаю, что дѣлаю и говорю! Дай мнѣ твою руку: хорошо, что ты со мною, дорогой, я могу опереться на тебя... Я знаю, что ты меня любишь. Вотъ почему я и говорю. Мы всегда любили другъ друга, но молчали. Ты, однако, понималъ. Но у меня сердце разрывается на части отъ всего этого, и что я таила въ себѣ — выходитъ наружу. Правда, онъ былъ плохимъ мужемъ за послѣднее время. Но онъ былъ моимъ ребенкомъ, Джорджъ, моимъ глупенькимъ ребенкомъ, и жизнь такъ его замотала, и мнѣ приходилось молчать. Она же раздула его и потомъ прорвала, какъ старый пузырь, на моихъ глазахъ. У меня хватало ума, чтобы видѣть все это, но не хватило, чтобы предупредить. Мнѣ оставалось только мириться съ этимъ, какъ и большей ча-

сти изъ насъ. Но развѣ это справедливо, Джорджъ? Жизнь и Смерть—такія серьезныя вещи, почему не оставили онѣ его въ покоѣ, со всѣмъ его враньемъ и выходками? Если бъ мы могли видѣть, какъ все это пусто.

— Почему не могли оставить его въ покоѣ?—повторила она шепотомъ, когда мы шли обратно въ гостиницу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Любовь среди развалинъ.

I.

По возвращеніи, я увидѣлъ, что участіе въ побѣгѣ моего дяди, завершившемся его смертью, не только доставило мнѣ нѣкоторую извѣстность, но даже популярность. Въ продолженіе двухъ недѣль мнѣ пришлось выстоять, по выраженію дяди, „лицомъ къ лицу съ музыкой“, при чемъ я до нѣкоторой степени могъ облегчить положеніе моей тетки. И я до сихъ поръ удивляюсь тому вниманію, которое я встрѣтилъ при этомъ. Теперь стало до очевидности ясно, что мы съ дядей представляли въ глазахъ свѣта только одинъ изъ примѣровъ современнаго типа разбойниковъ, легкомысленно растрачивающихъ сбереженія публики въ разныхъ эфемерныхъ предпріятіяхъ. Мнѣ думается, что его смерть повернула до извѣстной степени общественное мнѣніе въ мою пользу и что нашъ полетъ, подробности котораго проникли теперь въ печать, подѣйствовалъ на общественное воображеніе. Онъ казался болѣе смѣлымъ и труднымъ дѣломъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности, и мнѣ неудобно было писать по этому поводу въ газетахъ. Люди всегда склонны увлекаться внѣшностью смѣлаго подвига, въ ущербъ голой правдѣ. Всѣ были убѣждены, что я былъ главнымъ авторомъ всѣхъ финансовыхъ затѣй моего дяди. Но, тѣмъ не менѣе, ко мнѣ отнеслись снисходительно. И администраторъ по дѣлу банкротства даже разрѣшилъ мнѣ остаться на двѣ недѣли въ моемъ *шале*, гдѣ я былъ занятъ разборкою массы бумагъ, разныхъ размѣтокъ, чертежей и т. п., брошенныхъ здѣсь въ безпорядкѣ, когда я ринулся въ свою отчаянную экспедицію за кучами *кваппа*, на О-вѣ Мордетѣ. Тутъ я оставался въ полномъ одиночествѣ. Котопа я устроилъ на той самой верфи Ильчестеръ, гдѣ теперь строю своихъ *истребителей*. Они пожелали взять его тотчасъ же и, такъ какъ у него не было денегъ, то я его отпустилъ и рѣшился справиться одинъ.

Но оказалось, что теперь мнѣ трудно было сосредоточиться на аэронавтикѣ. Прошло уже болѣе полугода съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ свою работу, и это время было полно для меня самыхъ потрясающихъ и печальныхъ событій. Нѣкоторое время мозгъ прямо отказывался работать надъ этими вычисленіями и тонкими задачами; моя голова была занята мыслями о мертвомъ лицѣ моего дяди, съ его упавшей нижней челюстью, о слезахъ тетки, о трупахъ негровъ и заразныхъ болотахъ,—о всѣхъ этихъ полныхъ жестокости и страданія реальностяхъ, связанныхъ съ жизнью и смертью. Кромѣ того, я былъ переутомленъ отъ страшнаго вороха цифръ и документовъ, еще ожидавшихъ меня въ Гардингамѣ; моя поѣздка въ Леди-Гровъ являлась только интермедіей въ этой работѣ. И еще оставалась Беатрисъ.

На второе утро послѣ моего пріѣзда, въ то время какъ я сидѣлъ на террасѣ, полный этихъ воспоминаній, и пытался разобрать краткія замѣтки карандашемъ, сдѣланныя Котопомъ, изъ-за павильона выѣхала Беатрисъ и остановилась. Она сидѣла на большой черной лошади и слегка раскраснѣлась отъ ѣзды.

Я даже сразу не поднялся съ своего мѣста и только смотрѣлъ на нее.

— Вы!—воскликнулъ я.

Я забылъ о всякихъ обычныхъ привѣтствіяхъ и, вставая, обратился къ ней съ первымъ пришедшимъ въ голову вопросомъ.

— Чья это лошадь?—спросилъ я.

— Карнаби,—отвѣчала она, смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Какъ вы попали сюда,—этой дорогой?

— Стѣна обрушилась.

— Обрушилась? Уже?

— Большой кусокъ, между плантаціями.

— Вы, значитъ, проѣхали тамъ и случайно попали сюда?

— Я видѣла васъ вчера. Я пріѣхала нарочно.

Тутъ я приблизился къ ней и остановился, вглядываясь въ ея лицо.

— Я только обломокъ теперь,—сказалъ я.

Она ничего не отвѣтила, но продолжала смотрѣть на меня съ какимъ-то выраженіемъ собственника.

— Я одинъ уцѣлѣлъ послѣ разгрома. Теперь я валюсь внизъ между лѣсами и подпорками соціальной системы... Еще неизвѣстно, окажусь ли я свободнымъ, когда упаду на землю, или мнѣ придется засѣсть года на два въ какой-нибудь темной трещинѣ.

— Васъ сильно обожгло солнце,—замѣтила она, не обращая вниманія на мои слова...—Я слѣзу.

Она опустилась съ сѣдла ко мнѣ на руки и стояла противъ меня, не спуская съ меня глазъ.

— Гдѣ Котопъ?—спросила она.

— Я его отпустилъ.

Она бросила взглядъ на павильонъ. Мы стояли рядомъ, какъ будто чрезвычайно близкіе другъ другу, и въ то же время насъ что-то раздѣляло.

— Я хочу посмотрѣть вашъ коттеджъ,—сказала она.—Я еще не видѣла его.

Я помогъ ей привязать лошадь къ столбу веранды.

— Получили вы то, зачѣмъ ѣздили въ Африку?

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Мое судно погибло.

— И съ нимъ пропало все?

— Все.

Она вошла впереди меня въ жилую комнату *шале*, и я замѣтилъ при этомъ, какъ крѣпко она сжимала хлыстъ въ своей рукѣ. Она оглянула комнату и взглядъ ея опять остановился на мнѣ.

— У васъ здѣсь удобно,—замѣтила она.

Мы продолжали смотрѣть другъ на друга и между нами происходилъ какой-то безмолвный разговоръ глазами. Мрачное облако окружало насъ и притягивало другъ къ другу; но насъ удерживала какая-то небывалая стыдливость. Наконецъ, она сдѣлала усиліе надъ собою и стала разсматривать обстановку.

— У васъ и портьеры. Я полагала, что безъ женщины мужчины никогда не додумаются до этого. Но, конечно, ихъ сдѣлала ваша тетка. И кушетка, и мѣдная рѣшетка... и что это, *піанола*? А это вашъ письменный столъ. У мужчинъ тутъ всегда безпорядокъ... Пыль и табачный пепелъ.

Она взглянула на мои гравюры и маленькій книжный шкафъ. Потомъ она подошла къ *піанолѣ*. Я не спускалъ съ нея глазъ.

— Эта штука играетъ?—сказала она.

— Что?—спросилъ я.

— Эта штука играетъ?

Я думалъ о другомъ, и точно проснулся.

— Въ родѣ какъ музыкальная горилла, съ пальцами одинаковой длины. Что до души... Это моя единственная музыка.

— Что вы играете?

— Бетховена, когда я хочу освѣжить голову во время работы. Онъ пробуждаетъ во мнѣ желаніе работать безъ конца. Иногда Шопена и другихъ, но Бетховена—больше всего.

Мы опять замолчали. Она, видимо, говорила съ усиліемъ.

— Сыграйте мнѣ что нибудь.—Она стала перебирать музыкальные валики въ стойкѣ, заинтересовалась и вынула одинъ изъ нихъ, съ первой частью Крейцеровой Санаты; потомъ нерѣшительно сказала:—Нѣтъ, не эту.

Она дала мнѣ второй концертъ Брамса, *Opus 58*, а сама свернулась на кушеткѣ и смотрѣла на меня, пока я уставлялъ валикъ и началъ играть.

— Слушайте,- сказала она, когда я кончилъ, — да это просто прелесть. Я и не подозрѣвала, что эти штуки могутъ такъ хорошо играть. Я совсѣмъ возбуждена.

Она подошла и встала надо мною.

— Теперь вы дадите мнѣ цѣлый концертъ,—сказала она, какъ то принужденно смѣясь, и опять стала перебирать музыкальные валики.

— Что-же такое выбрать?

Она взяла опять Брамса. Потомъ мы перешли къ Крейцеровой Сонатѣ. Удивительно, что сдѣлалъ съ ней Толстой, какими внушеніями она проникнута у него; онъ точно развратилъ ее и сдѣлалъ скандальнымъ символомъ сокровенныхъ интимностей. Когда я сыгралъ первую часть, Беатрисъ подошла къ піанолѣ и стояла надо мною, въ какомъ-то колебаніи. Я сидѣлъ, не шевелясь и ждалъ.

Вдругъ она схватила мою наклоненную голову и поцѣловала мои волосы; потомъ сжала между своими руками мое лицо и поцѣловала въ губы. Я обнялъ ее, и наши уста слились. Тутъ я вскочилъ на ноги и сжалъ въ своихъ объятіяхъ.

— Беатрисъ,—говорилъ я,—Беатрисъ!

— Мой милый,—шептала она, почти задыхаясь и обхвативъ мою шею своими руками!—О! мой дорогой!

II.

Любовь, какъ и все остальное въ томъ необъятномъ процессѣ соціальной дезорганизаціи, посреди котораго мы живемъ,—оторванная отъ всякой связи съ прочимъ, носится здѣсь безцѣльно, безплодно. Я распространяюсь объ этой любовной исторіи именно потому, что она стоитъ отдѣльно и потому что все ея значеніе только въ самой себѣ. Она живетъ въ моей памяти, какъ чудный цвѣтокъ, случайно разцвѣтшій посреди развалинъ катастрофы. Въ продолженіе почти двухъ недѣль мы встрѣчались и любили другъ друга. Еще разъ эта могучая страсть, которую заковала въ оковы, изувѣчила, обезплодила и унизила наша безцѣльная цивилизація,—охватила меня всего и наполнила мою душу во-

сторгомъ и радостями,—хотя бы мимолетными и также безцѣльными, какъ вы хорошо знаете. Еще разъ я проникся убѣжденіемъ, что „это самое важное; все остальное не имѣетъ такого значенія“. Посреди нашего блаженства мы оставались необыкновенно серьезны. Я даже не помню, чтобы мы хоть разъ засмѣялись.

Это продолжалось двѣнадцать дней, съ нашей встрѣчи въ *шале* до послѣдняго прощанья. Были чудные лѣтніе дни. Мы беззаботно встрѣчались каждый день, и до такой степени были поглощены другъ другомъ, до того намъ хотѣлось все высказать и понять другъ друга, что мы совершенно позабыли о внѣшнемъ видѣ нашихъ отношеній. Мы встрѣчались почти открыто, говорили о тысячахъ разныхъ вещей и о себѣ. Мы любили и всецѣло отдавались своей любви. Моей прозы недостаточно, чтобы описать эти волшебные часы. Одни факты ничего не говорятъ. Все, къ чему мы прикасались, хотя бы и самому низменному, какимъ то чудомъ, превращалось во что-то прекрасное... Я сижу теперь у моего стола и думаю обо всѣхъ этихъ непередаваемыхъ словами вещахъ.

Теперь я знаю, чѣмъ можетъ быть любовь. Мы любили другъ друга, нося слѣды ранъ на себѣ и, запятнанные жизнью, мы разстались,—это было неизбѣжно, но за то я почиталъ любовь.

Я помню, какъ разъ мы съ нею сидѣли въ челнокѣ на мелкой заводинѣ, заросшей камышемъ и скрытой за кустами, которую мы открыли въ сторонѣ отъ Уокинскаго канала, и она мнѣ разсказывала о томъ, что съ нею было до нашей второй встрѣчи...

Все, что она мнѣ говорила, до такой степени было слито съ разными другими отрывками, уцѣлѣвшими въ моей памяти, что казалось мнѣ какъ бы давно уже знакомымъ. Между тѣмъ я ничего не зналъ, и у меня были только смутныя подозрѣнія.

Она показала мнѣ, что изъ нея сдѣлала жизнь. Она разсказывала о своей юности, послѣ нашей встрѣчи дѣтьми.

— Мы были бѣдны, но скрывали это, и приходилось изворачиваться. Мы постоянно таскались по гостямъ. Мнѣ слѣдовало выйти замужъ. Но представлявшіяся партіи были не изъ важныхъ и не привлекали меня.

— Потомъ явился Карнаби,—сказала она послѣ паузы.

Я молчалъ. Она продолжала говорить, съ опущенными внизъ глазами, прикасаясь однимъ пальцемъ къ поверхности воды.

— И такая вездѣ непроходимая скука. Приходится разъѣзжать по этимъ огромнымъ домамъ. Какихъ только денегъ

стоитъ ихъ содержаніе! Приходилось оказывать услуги другимъ женщинамъ и быть пріятной съ мужчинами. Нужно одѣваться... Вы ѣдите, заняты спортомъ, у васъ на рукахъ куча свободнаго времени. Вотъ это свободное время, эту пустоту нужно заполнить; просто грѣхъ не воспользоваться представляющимся случаемъ. Карнаби не похожъ на другихъ мужчинъ. Онъ крупнѣе... У всѣхъ на умѣ любовь. Всѣ заняты этимъ, я также—и я ничего не дѣлаю въ половину.

Она остановилась.

— Вы знали?—спросила она, пристально посмотрѣвъ на меня.

Я кивнулъ головою.

— Съ какихъ поръ?

— Въ тѣ послѣдніе дни... Это не имѣло для меня значенія. Я былъ нѣсколько удивленъ...

Она бросила на меня спокойный взглядъ.

— Котопъ зналъ,—сказала она.—Инстинктивно я чувствовала это.

— Раньше,—началъ я,—это имѣло-бы для меня большое значеніе.

— Теперь мнѣ ничто не важно, — закончила она мои слова.—Я чувствовала, что должна высказать вамъ. Я хотѣла, чтобы вы поняли, почему я не могла сдѣлаться вашею женой. Я любила васъ,—она остановилась,—любила съ тѣхъ поръ, какъ мы цѣловались въ папоротникахъ. Только—я позабыла.

Тутъ она вдругъ закрыла лицо руками и разразилась рыданіями.

— Я забыла, я забыла!—вскрикнула она и замолкла...

Я опустилъ свое весло въ воду.

— Слушайте,—сказалъ я,—забудьте опять! Вотъ я—раззоренный человѣкъ. Будьте моею женой!

Она отрицательно покачала головой, не смотря на меня. Мы долго молчали,

— Будьте моею женой,—прошепталъ я.

Она взглянула на меня, откинула назадъ прядь волосъ и отвѣчала спокойнымъ голосомъ:

— Хотѣлось-бы мнѣ. Но все же у насъ были эти дни. Чудные дни—не такъ-ли—и для васъ? Я ничего для васъ не пожалѣла. Это бѣдный даръ... развѣ еще въ его сокровенномъ смыслѣ и чѣмъ онъ могъ быть раньше. Но мы теперь уже приближаемся къ концу.

— Почему? — спросилъ я. — Выходите за меня. Почему намъ двоимъ...

— Неужто вы думаете, —сказала она,—что у меня хватитъ

мужества быть вашей каждодневной женой, когда вы живете въ бѣдности.

— Почему-же нѣтъ?—спросилъ я.

Она серьезно посмотрѣла на меня.

— Неужто вы считаете меня способной на это? Развѣ вы не видѣли меня, какъ я есть?

Я не рѣшался продолжать.

— Я никогда серьезно не намѣревалась сдѣлаться вашей женой,—настаивала она.—Никогда. Я любила васъ съ самаго начала, но когда вы были на пути къ успѣху, я рѣшила, что этого не будетъ. Я васъ страстно любила, но вы ничего не понимали, я это видѣла, я сознавала, что не стою васъ. Чѣмъ я могла быть для васъ? Женщина съ дурными привычками и мыслями, женщина загрязненная. И что я могла для васъ сдѣлать, или какая была-бы моя роль? Если я не годилась быть женою богатаго человѣка, то, конечно, не гожусь для бѣднаго. Не сердитесь на меня, что я говорю вамъ теперь все это, но это простой, здравый смыслъ, и я давно хотѣла высказать.

Я остановилъ ее жестомъ и приподнялся. Челнокъ сильно качнуло.

— Мнѣ все равно,—сказалъ я.—Я только хочу, чтобы вы были моею женой.

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—не портите этихъ дней. Это невозможно.

— Невозможно!

— Подумайте! Я даже не умѣю сама причесать волосы! Вы готовы нанять для меня горничную?

— Богъ мой!—воскликнулъ я, пораженный,—неужто вы для меня не можете выучиться причесывать волосы? Неужто вы можете любить человѣка и...—Она протянула ко мнѣ руки.

— Не портите нашего счастья!—воскликнула она.—Я отдала вамъ все, что у меня было,—все, что могла. Если бъ я могла исполнить то, чего вы хотите, если бъ я годилась для этого, я бы согласилась. Но я—избалованная и развращенная женщина, дорогой, а вы—раззоренный человѣкъ. Теперь мы любовники, но подумайте, какая пропасть будетъ раздѣлять насъ въ привычкахъ, въ образѣ мыслей и воспитаніи, когда мы не будемъ заняты любовью. Подумайте объ этомъ.—Нѣтъ, лучше не думайте! У насъ еще осталось нѣсколько часовъ.

Она вдругъ опустилась на колѣни противъ меня, ея темные глаза сверкали.

— Что за бѣда,—воскликнула она,—если лодка опрокинется теперь! Если вы скажете слово, я васъ поцѣлую и обниму. И мы вмѣстѣ пойдемъ ко дну. Я не боюсь. Я умру съ вами. Выбирайте смерть, и я готова умереть вмѣстѣ. Вы-

слушайте меня. Я люблю васъ и всегда буду любить. Вотъ почему я не хочу опуститься и не хочу сдѣлаться грязной домашней вещью, вѣчно торчащей у васъ на глазахъ. Я отдала все, что могла. Я имѣла все отъ васъ... Скажите мнѣ,—и она подползла ближе—правда, что я была для васъ точно сумракъ, теплый вечерній сумракъ? Развѣ волшебство еще не исчезло? Слушайте, какъ журчитъ вода около весла. Посмотрите, какой теплый, вечерній свѣтъ въ небѣ. Пусть опрокидывается лодка! Придвинтесь ко мнѣ. О, сердце мое! Ближе! Вотъ такъ.

Она привлекла меня къ себѣ, и наши губы слились.

III.

Послѣ того, я еще разъ просилъ ее быть моею женой.

Это было наше послѣднее утро вмѣстѣ. Мы встрѣтились рано, почти на разсвѣтѣ, зная, что намъ предстоитъ разлука. Солнца не было. Небо заволокло; было свѣжее утро, освѣщенное какимъ-то холоднымъ, безжизненнымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ висѣла сырость, предвѣщавшая дождь. Когда я вспоминаю объ этомъ утрѣ, мнѣ почему-то всегда представляется остывающая, смоченная дождемъ зола.

Въ Беатрисъ также произошла перемѣна. Въ ея движеніяхъ уже не было прежней живости; мнѣ въ первый разъ представилось, что она можетъ состариться. Она теперь сдѣлалась какъ бы частью общаго человѣческаго тѣла; ея голосъ и манера утратили свою мягкость, чарующее обаяніе ея присутствія пропало. Я хорошо видѣлъ все это. И мнѣ было жаль ее и того, что теперь отсутствовало. Но моя любовь ни на волосъ не охладѣла. И, послѣ первыхъ принужденныхъ фразъ, я опять возвратился къ своему главному вопросу.

— И теперь,—воскликнулъ я,—будете вы моей женой?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—я буду жить здѣсь по прежнему.

Я просилъ ее отложить нашу свадьбу на годъ. Она покачала головой.

— Устроиться на свѣтѣ, — говорилъ я, — ужъ не такъ трудно, несмотря на теперешнее крушеніе. Я буду работать для васъ, въ годъ дѣла мои поправятся.

— Нѣтъ,—сказала она,—я выражусь грубо: я вернусь къ Карнаби.

— Но!..

Я не чувствовалъ гнѣва. Во мнѣ не было ни чувства ревности, ни оскорбленнаго самолюбія, или обиды. Я только

ощущалъ ужасъ грядущаго одиночества и видѣлъ какую-то безотрадную путаницу.

— Слушайте,—сказала она.—Я не спала эту ночь, да и всѣ эти ночи. Я все думала объ этомъ,—думала каждый моментъ, когда оставалась одна. Я отвѣчаю вамъ не подъ вліяніемъ импульса. Я люблю васъ... люблю. Я готова повторить это десять тысячъ разъ. Но мы...

— Мы проведемъ остальную жизнь вмѣстѣ,—сказалъ я.

— Нѣтъ, не вмѣстѣ. Мы вмѣстѣ теперь. Мы были вмѣстѣ. Мы полны воспоминаній. Я чувствую, что не забуду ни одного изъ нихъ.

— Я также.

— Я хочу закончить все это теперь. Понимаете ли, дорогой, что другого выхода нѣтъ.

Она повернула ко мнѣ свое блѣдное лицо.

— Все, что я знаю о любви, все что я видѣла въ моихъ грезахъ объ ней,—все это я соединила въ эти дни и отдала вамъ. Вы думаете, что мы можемъ жить вмѣстѣ и продолжать эту любовь по прежнему. Нѣтъ! Для васъ я не допускаю такихъ повтореній. Вы взяли изъ меня лучшее, что только было во мнѣ. Неужто вы хотите, чтобы, послѣ этого, мы встрѣтились въ Лондонѣ, въ Парижѣ, или въ какомъ другомъ мѣстѣ, поѣхали къ какой-нибудь жалкой модисткѣ, у которой устраиваютъ свиданія, или сошлись въ отдѣльномъ кабинетѣ?

— Нѣтъ,—сказалъ я.—Я хочу, чтобы вы были моею женой. Я хочу, чтобы вы вмѣстѣ со мною разыграли игру жизни, какъ слѣдуетъ честной женщинѣ. Будемъ жить вмѣстѣ. Будьте моей *скваy*. Родите мнѣ дѣтей.

Я взглянулъ на ея блѣдное, осунувшееся лицо, и мнѣ показалось, что я еще могу убѣдить ее. Я было остановился, не находя словъ.

— Богъ мой! Беатрисъ!—воскликнулъ я,—но это чистая трусость и безуміе.—Неужто вы боитесь жизни? Это совсѣмъ непохоже на васъ. Что намъ до того, что было или чѣмъ мы были. Мы стоимъ на порогѣ свѣта! Начнемъ все снова, вмѣстѣ. Мы пробьемъ себѣ путь! Я не такой глупый любовникъ, чтобы смолчать, когда вы поступите дурно; мы поспоримъ и разберемся между собою. Я хочу только одного, мнѣ нужно васъ... я хочу васъ всю. Наша любовь здѣсь только часть насъ, инцидентъ...

Она покачала головой и остановила меня.

— Это все,—сказала она.

— Все!—протестовалъ я.

— Я разумнѣе васъ, куда разумнѣе.

Она посмотрѣла на меня: въ глазахъ ея блестѣли слезы.

— Все, что вы говорите, это радость для меня,—сказала она.—Но все это однѣ глупости, дорогой. Вы сами знаете, что глупости.

Я пробовалъ удержать героическую ноту, но она не хотѣла слушать.

— Все это ни къ чему,—воскликнула она почти съ раздраженіемъ.—Этотъ жалкій свѣтъ сдѣлалъ изъ насъ, что мы есть. Развѣ вы не видите, развѣ не видите, что я такое? Я могу сама любить и позволять себя любить, очень красиво. Дорогой, не браните меня. Я отдала вамъ все, что у меня было. Если бъ что было еще, я передумала все, опять и опять. Сегодня у меня болитъ голова, глаза. Свѣтъ во мнѣ погасъ, и я больная и усталая женщина. Но я говорю правду—горькую правду. Я не могу быть вамъ помощницей, ни пригодной женой, ни матерью вашихъ дѣтей. Я испорчена. Я до того испорчена этой роскошной, праздной жизнью, что каждая моя привычка дурная, каждый мой вкусъ вредный. Такой и весь міръ. Людей столько же губитъ богатство, какъ и бѣдность. Неужто вы думаете, что я не пошла бы навстрѣчу жизни вмѣстѣ съ вами, если бы могла, если бы я не была увѣрена, что свяжусь и буду только обузой, при самомъ началѣ пути? Вотъ я вся тутъ, пропащая! Проклятая! Но я не хочу погубить васъ. Вы теперь знаете, что я такое! Вы знаете. Вы слишкомъ умный и честный для того, чтобы не понять. Вы пробуете продолжать романтическую роль, но вы знаете правду. Я просто маленькій, продажный плутъ. Вотъ кто я... Дорогой, вы думаете, что раньше я вела себя дурно, но эти дни я была на высотѣ... Вы не понимаете, потому что вы мужчина. Женщина, когда она испорчена, испорчена до мозга костей. Она пропала.

Она шла и плакала.

— Вы безумный, что желаете меня. Это безуміе — и для меня, и для васъ. Мы исчерпали все, что могли. Эти романтическія минуты...

Она смахнула слезы и обернулась ко мнѣ.

— Развѣ вы не понимаете?—сказала она вызывающе. — Вѣдь вы знаете?

Мы молча посмотрѣли другъ на друга.

— Да,—сказалъ я,—я знаю.

Долго мы не произносили ни слова и медленно шли рядомъ, печальные и не рѣшаясь повернуть назадъ къ тому мѣсту, гдѣ должны были проститься. Когда, наконецъ, мы подошли туда, она опять заговорила.

— Вы были моимъ,—сказала она.

— Этого ужъ ни небо, ни адъ не перемѣнять.

— Я хотѣла,—продолжала она —Я говорила съ вами по ночамъ и придумывала свои рѣчи. Теперь, когда я хочу говорить, языкъ не повинуется мнѣ. Настроенія приходятъ и уходятъ. Но для меня эти моменты, проведенные вмѣстѣ, кажутся вѣчными. Сегодня свѣтъ во мнѣ погасъ...

До сихъ поръ я не въ состояніи рѣшить, было ли тутъ ею произнесено слово „хлоралъ", или мнѣ это только показалось. Можетъ быть, въ мозгу у меня полусознательно промелькнулъ этотъ діагнозъ. Можетъ быть, со мною сыграла шутку память. Но, какъ бы тамъ ни было, это слово врѣзалось въ нее, точно написанное огненными буквами.

Наконецъ, мы подошли къ калиткѣ сада леди Оспрей. Началъ моросить дождь.

Она протянула мнѣ руку, и я сжалъ ее.

— Она ваша,—сказала она усталымъ, безстрастнымъ голосомъ,—все, что у меня было, какъ ни мало оно. Вы не забудете?

— Никогда,—отвѣчалъ я.

— Ни одного слова, ни одного прикосновенія?

— Нѣтъ.

— Вы забудете,—сказала она.

Въ молчаніи мы посмотрѣли другъ на друга. Лицо ея было полно страданія и усталости.

Что я могъ сдѣлать? Что можно было сдѣлать?

— Я хочу...—началъ я и остановился.

— Прощайте.

IV.

Но мнѣ суждено было еще разъ увидѣть Беатрисъ. Два дня спустя, мнѣ пришлось быть, по какому-то дѣлу, въ Лэди-Гровъ, и въ то время, какъ я шелъ оттуда на станцію, увѣренный что ея уже нѣтъ въ этихъ мѣстахъ, она неожиданно выѣхала мнѣ навстрѣчу, въ сопровожденіи Карнаби,—совсѣмъ какъ въ тотъ разъ, когда я въ первый разъ ее здѣсь увидѣлъ. Мы всѣ были неприготовлены къ такой встрѣчѣ. Она проѣхала мимо съ опущенными темными глазами на блѣдномъ лицѣ, едва меня замѣчая. При видѣ меня, она вздрогнула, и приняла холодный видъ, наклонивъ свою голову. Но Карнаби, считая меня разбитымъ и болѣе не опаснымъ соперникомъ, по пріятельски привѣтствовалъ меня и прокричалъ мнѣ вслѣдъ какія-то обычныя банальности.

Они скрылись изъ виду, оставивъ меня стоящимъ въ сторонѣ отъ дороги...

И тутъ я вкусилъ всю горечь жизни. Въ первый разъ я

почувствовалъ тщетность всего, я испытывалъ душевное потрясеніе, не вызывавшее за собою дѣйствія, меня охватили стыдъ и неописанная жалость. Я разстался съ нею холодно, недавно я созерцалъ съ спокойнымъ духомъ и съ сухими глазами смерть моего дяди, но это неожиданное появленіе на всегда утраченной Беатрисъ довело меня до слезъ. Мое лицо передернула судорога, и слезы полились по моимъ щекамъ. Все ея магическое обаяніе обратилось теперь въ одну невыносимую боль. „Господи"!—воскликнулъ я,—„это свыше моихъ силъ", и я простиралъ съ мольбою руки къ деревьямъ, за которыми она скрылась, и проклиналъ свою судьбу. Я готовъ былъ продѣлать самыя безумныя вещи: преслѣдовать ее, спасать, возвратить къ новой жизни. Ужъ не знаю, что бы вышло, если бъ я догналъ ихъ,—задыхающійся отъ бѣга, въ слезахъ, съ безсвязными словами на устахъ? Но я былъ близокъ къ этому.

Никому, ни небу, ни землѣ, не было никакого дѣла до моихъ слезъ и проклятій. Только на противоположной сторонѣ дороги показался какой-то человѣкъ, подстригавшій живую изгородь, и въ удивленіи выпучилъ на меня глаза.

Я сразу принялъ серьезный видъ, что было до крайности смѣшно, и поспѣшилъ на поѣздъ...

Но тоска, которую я испыталъ тогда, не покидаетъ меня и до сихъ поръ. Она преслѣдуетъ меня и въ то время, какъ я пишу эту книгу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ночь и открытое море.

Я сдѣлалъ попытку разсказать въ этой повѣсти все, что дѣйствительно было со мною. Въ самомъ началѣ,—и эти листки, грязные, помятые, съ загнутыми углами, еще лежатъ на моемъ столѣ,—я сказалъ, что хочу повѣдать о *себѣ* и томъ мірѣ, гдѣ я очутился. И я сдѣлалъ все, что могъ. Но насколько я успѣлъ въ этомъ,—я не могу себѣ представить. Все написанное здѣсь уже состарилось для меня, умерло, потеряло смыслъ; нѣкоторыя мѣста я знаю наизусть. Я послѣдній судья въ этомъ дѣлѣ.

Когда я перелистываю лежащій предо мною ворохъ рукописей, для меня выясняются нѣкоторыя мѣста, и особенно громадная непослѣдовательность во всемъ испытанномъ мною. Я вижу теперь, что это исторія безплодной дѣятельности. Я назвалъ ее *Тоно-Бэнге*, но было бы правильнѣе назвать—

Расточеніемъ. Я разсказывалъ о бездѣтной Маріонъ, о моей бездѣтной теткѣ, о Беатрисъ, растратившейся на пустяки, расточительной и пустой. Чего можетъ ждать народъ, когда его женщины дѣлаются безплодными? Я припоминаю свое участіе въ финансовыхъ замыслахъ дяди, его громадный, недостроенный Крестъ-Гилль и его шумную карьеру. Тысячи людей завидовали ему и желали быть на его мѣстѣ. Все это одна и та же картина даромъ пропадающихъ силъ, людей, пользующихся, но не возмѣщающихъ, страны, изнуренной лихорадкой безцѣльной, расточительной наживы и исканіемъ наслажденій. И теперь я самъ занятъ постройкой контръ-миноносца.

Другія націи, можетъ быть, имѣютъ другое представленіе объ этой странѣ, но я видѣлъ ее такой. Въ одной изъ первыхъ главъ этой книги, я уподобилъ наше теперешнее благосостояніе октябрьской листвѣ, пока первый морозъ еще не сгладилъ зеленаго листа. И я чувствую, что это удачный образъ. Можетъ быть, у меня извращенное зрѣніе. Можетъ быть, я вижу развращеніе вокругъ себя, только потому, что и самъ я до извѣстной степени его представляю. Въ глазахъ другихъ, это, можетъ быть, картина успѣха и творческой работы, освѣщенная радужными цвѣтами надежды. У меня также есть нѣкоторая надежда, но—отдаленная; и я не вижу ничего обѣщающаго въ этой имперіи и въ великихъ дѣлахъ нашего времени. Какъ они представляются въ исторіи—я не знаю, какими они окажутся, подвергнувшись испытанію времени и случая, — я угадать не могу. Но все это отразилось въ моемъ умѣ именно въ такомъ видѣ.

II.

Въ то время, какъ писалась послѣдняя глава этой книги, я былъ занятъ на заводѣ постройкою новаго типа контръминоносца, который мы кончали. Это было курьезное сочетаніе занятій. Три недѣли тому назадъ этотъ романъ пришлось отложить въ сторону, и я долженъ былъ посвятить все свое время, и днемъ и ночью, на окончательную установку машины. Въ прошлый четвергъ, *X 2*, какъ мы его назвали, былъ готовъ, и я повелъ его внизъ по Темзѣ и потомъ въ открытое море, почти до Текселя, для испытанія скорости хода.

Удивительно, какъ иногда наши впечатлѣнія сливаются въ одно цѣлое съ другими, совершенно чуждыми и отдаленными вещами. Быстрый пробѣгъ внизъ по рѣкѣ получилъ у меня какую то таинственную связь съ этою книгой.

Въ то время, какъ мы неслись по Темзѣ, мнѣ казалось, что передъ моими глазами проходитъ вся Англія. Я видѣлъ ее именно такой, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы видѣлъ и читатель. Эта мысль медленно развивалась у меня, въ то время, какъ мы шли по рѣкѣ; и она стояла ясно, когда мы ночью вышли на широкій просторъ Сѣвернаго моря.

Въ началѣ это была не столько мысль, а скорѣе родъ ея фотографіи, пока она постепенно не прояснилась. Въ то время, какъ *X 2* прорѣзалъ грязную, масляную воду, подобно ножницамъ, рѣжущимъ парусину, передняя часть моей головы была занята только тѣмъ, чтобы благополучно провести его подъ мостами и между сновавшими пароходами, баркасами и лодками. Вся моя жизнь сосредоточивалась теперь въ рукахъ и въ напряженно смотрѣвшихъ впередъ глазахъ. Я только думалъ о препятствіяхъ и какъ будто не обращалъ вниманія на другія явленія; но, тѣмъ не менѣе, всѣ они, полно и живо, гдѣ то фотографировались у меня въ мозгу...

И вдругъ меня осѣнила мысль:

— Это—Англія. Вотъ, что я хотѣлъ передать въ моей книгѣ!

Уже было далеко за полдень, когда мы снялись у нашей верфи, повыше Гаммерсмитскаго моста, повертѣлись немного и пустились внизъ по теченію. Мы быстро достигли Кревенъ-Ричъ и пронеслись мимо Фулема и Хермингама, мимо полосы грязныхъ луговъ и грязнаго предмѣстья, пока не достигли Баттерси и Чельси. Потомъ мы обогнули выступающій мысъ, съ фасадами домовъ Гросвеноръ-Родъ, и увидѣли Вестминстеръ. Мы обогнули вереницу угольныхъ баржъ, и налѣво, въ лучахъ октябрскаго солнца, передъ нами открылось зданіе парламента. Надъ нимъ развѣвался флагъ, парламентъ засѣдалъ...

Въ этотъ моментъ я видѣлъ его безсознательно; потомъ уже онъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ широкой панорамы, развернувшейся въ тотъ день передъ моими глазами. Чопорное кружево его Викторіанской готики, его башня, похожая на футляръ Голландскихъ часовъ,—точно взглянули на меня, посерединѣ скачка, и остались позади. Онъ какъ будто посылалъ мнѣ вдогонку вопросъ: „Развѣ ты не почитаешь меня"? Я—нисколько! Въ этой громадѣ Викторіанской архитектуры по прежнему собираются, то входятъ туда, то выходятъ,—лэндлорды и юристы, епископы, и желѣзно-дорожники и коммерческіе магнаты, все еще повинуясь неискоренимой традиціи коммерческаго Бледсовера, съ его земельнымъ дворянствомъ, покупаемымъ за деньги. Все это мнѣ слишкомъ хорошо знакомо. Ирландцы и рабочіе суетятся

подъ ихъ ногами, шумятъ, но достигаютъ малаго... Почитать его—вотъ еще! У него есть своя обстановка внѣшняго величія, но кого она обманываетъ? Король пріѣзжаетъ на открытіе церемоніи въ своей золоченой каретѣ, на немъ корона и порфира; тутъ цѣлая выставка ногъ, толстыхъ и тонкихъ, въ бѣлыхъ и въ черныхъ чулкахъ, и старый джентльмэнъ въ горностаѣ. Я припоминаю одинъ день страшной давки, который мы провели съ теткой, посреди цѣлой кучи волнующихся дамскихъ шляпъ, въ галлереѣ Палаты лордовъ, когда король открывалъ Парламентъ, и какую при этомъ, смѣшную фигуру представлялъ изъ себя герцогъ Девонширскій, точно разносчикъ, съ подносомъ на помочахъ, на которомъ лежала королевская шапка. Это было удивительное зрѣлище!

Несомнѣнно, въ этой Англіи есть много причудливо-оригинальнаго мѣстами величаваго и полнаго старыхъ ассоціацій. Но это нисколько не измѣняетъ реальности, скрытой подъ всѣми этими мантіями. А эта реальность—жадное торгашество, низменная погоня за барышемъ, наглая реклама; и само королевское достоинство, съ его рыцарствомъ, также мертво, несмотря на всѣ эти историческіе костюмы, какъ и крестоносецъ у Дофильдской церкви, котораго мой дядя охранялъ отъ набѣговъ крапивы.

Я много передумалъ о панорамѣ, открывшейся предо мною въ этотъ ясный день.

Пробѣжать внизъ по Темзѣ все равно, что перелистовать съ начала до конца страницы исторіи Англіи. Мы начинаемъ съ Кревенъ Рича,—это точно сердцевина старой Англіи.

Въ этомъ верхнемъ плесѣ Темзы есть и просторъ, и привлекательныя поля, и старыя деревья. Дальше уже начинаетъ преобладать новое, вамъ недостаетъ Бледсовера; на право и на лѣво тянутся ряды жалкаго жилья и потомъ грязный индустріализмъ южной стороны, а по сѣверному берегу—длинный фасадъ хорошихъ домовъ, обитаемыхъ художественнымъ, литературнымъ и административнымъ людомъ, эти дома продолжаются отъ Челси почти до самаго Вестминстера и закрываютъ собою трущобы. Отсюда, миля за милей, идетъ медленное *crescendo*, дома толпятся все гуще, число колоколенъ растетъ, архитектурныя постройки попадаются все чаще и чаще, слѣдуетъ рядъ мостовъ,—и вы вступаете во вторую часть пьесы, съ Ламбетскимъ дворцемъ и Парламентомъ впереди! Вы пролетаете подъ аркою Весминстерскаго моста, и часовая башня, съ ея круглымъ, бѣлымъ лицомъ на верху, опять взглядываетъ на васъ...

Въ этомъ мѣстѣ передъ вами открывается самая сущность Лондона: у васъ на глазахъ станція Чарингъ Кроссъ,

средоточіе міра, и набережная на сѣверной сторонѣ, съ ея новыми отелями, громоздящимися надъ архитектурою вѣка Георговъ и Викторіи, и грязь, и громадные склады, и фабрики, и трубы, и уличныя рекламы южной стороны. Линіи сѣвернаго контура на горизонтѣ дѣлаются разнообразнѣе и пріятнѣе для глаза, и вы мысленно благословляете Рена, великаго архитектора XVII-го вѣка. Его Соммерсетъ Гаузъ живописенъ не менѣе парламентскихъ войнъ, вы вспоминаете старинную Англію, вы чувствуете кружево временъ Реставраціи въ этомъ пестромъ небѣ.

Сквозь эту центральную часть лондонской рѣки *X 2* буравилъ себѣ путь, подымая волну пѣны и не обращая вниманія ни на что, какъ ищейка, бѣгущая по слѣду въ камышахъ...

Здѣсь вамъ въ первый разъ попадаются чайки, напоминая близость моря. Вы проходите Блекфрайерсъ, и въ промежуткѣ между двумя мостами (самый удивительный архитектурный моментъ въ мірѣ) вы видите, точно висящій въ небѣ надо всѣмъ этимъ хаосомъ складовъ, надъ сутолокою конкурирующихъ торгашей, далекій отъ нихъ и прекрасный соборъ св. Павла. Это лучшее воплощеніе изящнаго, на сколько его могла достигнуть старая англійская культура. Онъ суровѣе, холоднѣе и темнѣе Св. Петра, но проникнутъ большимъ достоинствомъ. Его никогда не разрушали, никогда не отвергали, но весь этотъ міръ лавокъ и складовъ, съ его ревомъ движенія, позабылъ его, да и всѣ его забыли. Пароходы и барки спѣшатъ, не обращаютъ на него вниманія, черная сѣть телефонныхъ проволокъ впилась въ его неглубокія тайны и когда, уловивъ удобный моментъ среди уличнаго движенія, вы начинаете искать его глазами, онъ уже исчезъ, растаялъ, какъ облако въ сѣро-голубомъ лондонскомъ небѣ.

И тутъ традиціонная, показная Англія покидаетъ васъ. Начинается третья часть, финалъ, грандіозной лондонской симфоніи, гдѣ законченная схема стараго порядка измельчала и поглощена новымъ. Вы приближаетесь къ Лондонскому мосту; надъ вами высятся огромные склады и верфи, поварачиваются чудовищные краны, чайки кружатся въ воздухѣ и оглашаютъ его своими криками, повсюду громадныя суда окруженныя ихъ лихтерами, и вы чувствуете, что находитесь въ міровомъ портѣ. Я уже нѣсколько разъ повторялъ въ этой книгѣ, что Англія представляетъ собою феодальную схему, пораженную какой-то жировой дегенераціей, съ случайными проявленіями уродливой гипертрофіи. Теперь эта нота прозвучитъ въ послѣдній разъ, при воспоминаніи освѣщеннаго солнцемъ древняго лондонскаго

Тоуэра, пріютившагося въ промежуткѣ между товарными складами, надъ которымъ высится это вульгарнѣйшее и крайне типичное произведеніе современной Англіи,—лжеготическая желѣзная оболочка т. наз. Тоуэрскаго моста.

Дальше вы уже находитесь въ мірѣ однѣхъ случайностей; потому что эта третья часть Лондонской панорамы не подчиняется никакому закону, порядку или прецеденту,— это морской портъ и море. Вы проходите расширяющійся фарватеръ рѣки посреди невѣроятнаго разнообразія судовъ: громадныхъ пароходовъ и парусныхъ кораблей, подъ флагами всѣхъ существующихъ націй, массы лихтеровъ, баржъ съ коричневыми парусами, неуклюжихъ буксировъ, посреди крановъ и рей, верфей, складовъ и кричащихъ вывѣсокъ съ надписями. По сторонамъ открываются перспективы громадныхъ доковъ и кое-гдѣ, посреди всего этого, виднѣются колокольни, кучки старомодныхъ, ветхихъ домовъ, прибрежные кабачки и т. п. слѣды городковъ, давно уже стертыхъ и подавленныхъ новыми нарожденіями. И во всемъ этомъ не замѣтно ни плана, ни цѣли, ни намѣренія. Въ этомъ и скрывается ключъ всего. Вы чувствуете, что давленіе торговли и движенія незамѣтно росло, пока не достигло этого невѣроятнаго размѣра; сперва кто нибудь строилъ верфь, другой ставилъ кранъ, потомъ одна компанія заводила свое дѣло, за нею—другая, и всѣ они толклись и тѣснились, вмѣстѣ образуя этотъ необъединенный, чудовищный потокъ движенія. И сквозь него мы пробивали себѣ дорогу въ открытое море...

Кругомъ все было полно жизни, сверкало, плескалось и проходило: корабли, пыхтящіе буксиры, съ натянутыми канатами, барки съ работавшими въ тюрьмахъ людьми; вода вся въ бурунахъ отъ пѣнящихся валовъ, остающихся за судами въ движеніи, которые разбиваются на милліоны другихъ волнъ, мелкихъ волнъ, подъ ударами непрерывнаго вѣтра...

... Далѣе Гринича мы проходимъ мимо освѣщеннаго теплымъ закатомъ стараго фасада Морского Госпиталя; затѣмъ берега рѣки начинаютъ уходить, и справа и слѣва, и близость моря чувствуется все сильнѣе.

Наконецъ, мы въ морѣ, и солнце осталось за нами. Все сильнѣе мы рѣжемъ и рвемъ масляную воду,—и холмы Кента, по которымъ я когда-то удиралъ отъ поученій Никодима Фраппа, уходятъ отъ насъ вправо, а Эссексъ—влѣво. Они уходятъ и исчезаютъ въ голубой дали, и высокіе корабли, еле двигающіеся за своими буксирами, точно облиты золотомъ, все время, пока мы проносимся мимо нихъ, въ пѣнистой волнѣ. Они уходятъ въ невѣдомыя миссіи жизни и смерти, можетъ быть—убійства людей въ незнакомыхъ

странахъ. И теперь за нами одна голубая тайна и фантастическій блескъ невидимыхъ огней; скоро и они исчезаютъ, и мы, съ моимъ истребителемъ, несемся въ невѣдомое по громадному сѣрому пространству. Мы несемся въ даль будущаго, и турбины говорятъ незнакомымъ языкомъ. Впередъ—въ открытое море, съ его вѣтрами и безслѣдными путями. Свѣтъ гаснетъ за свѣтомъ. Англія и королевство, Британія и Имперія, старые символы величія и и старыя преданія проходятъ мимо, остаются за кормой, тонутъ на горизонтѣ... Рѣка уходитъ—Лондонъ уходитъ, Англія уходитъ...

III.

Вотъ та нота, которую я старался усилить: она ясно звучитъ въ моемъ умѣ, когда я думаю объ этой повѣсти, не касаясь ея чисто личныхъ сторонъ.

Это—нота постоянно идущаго разрушенія и хаоса, вѣчной перемѣны и какого-то безцѣльнаго вздуванія,—бродящей пузыристой смѣси преходящихъ страстей и печалей. Но въ этомъ хаосѣ звучитъ и другая нота. Въ немъ есть что-то понуждающее, одновременно являющееся и человѣческимъ подвигомъ, и предѣломъ безчеловѣчія. Нѣчто выходитъ изъ изъ этого... Но какъ я могу оцѣнить то, что составляетъ сущность всего и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ неуловимо? И это нѣчто особенно подчиняетъ себѣ такихъ людей какъ я...

Въ послѣдней главѣ я намѣтилъ это въ символѣ моего контръ - миноносца, сильнаго и быстраго, удаленнаго отъ всѣхъ человѣческихъ интересовъ. Иногда я называю эту реальность Наукой, иногда—Правдой. Но это нѣчто, съ болью и усиліемъ распутывая его и выясняя, мы извлекаемъ изъ сердца самой жизни. Много людей служитъ ему въ искусствѣ, въ литературѣ, въ области соціальной мысли и видитъ его въ тысячѣ разныхъ образцовъ, подъ множествомъ разныхъ названій. Мнѣ оно всегда представляется, какъ нѣчто строгое и полное красоты. Это и есть сердце жизни,—единое вѣчное. Люди и націи, эпохи и цивилизаціи проходятъ, внося въ него свою долю. Я не знаю, что такое это нѣчто, кромѣ одного только, что оно выше всего. Это нѣчто, въ видѣ свойства или элемента, — вы находите иногда въ краскахъ и формахъ, иногда въ звукахъ, иногда въ мысляхъ. Оно выступаетъ, годъ за годомъ, изъ жизни каждаго человѣка, каждаго поколѣнія и вѣка, но какъ и почему—это за предѣлами моего ума.

Но сознаніе его не покидало меня всю эту ночь, когда,

какъ одинокій, не замѣчая порывистаго ропота моихъ машинъ, я проносился по волнующейся поверхности моря...

IV.

Уже былъ день, когда я вернулся, въ сопровожденіи четырехъ голодныхъ и измученныхъ качкой журналистовъ, которымъ было разрѣшено сопровождать меня на обратномъ пути вверхъ по рѣкѣ мимо стараго, сѣраго Тоуэра.

Я отчетливо припоминаю видъ этихъ четырехъ репортеровъ, когда медленными, усталыми шагами, они шли по одной изъ прирѣчныхъ улицъ. Это были добрые, не злопамятные люди, и они поднесли меня публикѣ подъ патріотическимъ нѣсколько вздутымъ соусомъ *à la* Киплингъ, въ видѣ скромной пуговицы на имперіалистскомъ мундирѣ. Хотя фактически *X. 2* не предназначается ни для имперіи, ни для какого иностраннаго правительства. Сперва мы предлагали его своимъ, но они не захотѣли имѣть со мною никакого дѣла, и съ тѣхъ поръ я давно уже не интересуюсь подобными вопросами. Я привыкъ смотрѣть на себя, равно какъ и на свою родину, со стороны, безъ всякихъ иллюзій. Мы дѣлаемъ и проходимъ.

Мы всѣ дѣлаемъ свое и проходимъ, пробиваясь, въ своей невѣдомой миссіи, въ открытое море.

КОНЕЦЪ.

НАШИ НА ДУНАѢ.

I.

Ходоки изъ „Русской Славы".

Солнце недавно поднялось, и тульчанская гора кидала еще синюю тѣнь, холодную и сырую, изъ которой свѣтлой иглой вынырнулъ только минаретъ турецкой мечети. Легкій запахъ росы и пыли ютился еще въ кривомъ узкомъ переулкѣ, гдѣ у воротъ „русскаго доктора" начала собираться толпа. Это были все русскіе люди, въ кумачевыхъ и ситцевыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ кожаными ремнями или цвѣтными гайтанами. Бородатыя лица, сильно загорѣлыя, наивныя, грубыя. На головахъ шляпенки, мягкія и измятыя, или жесткіе котелки, очень не идущіе къ скуластымъ круглымъ физіономіямъ. На ногахъ грубые сапоги, страшно отдающіе запахомъ ворвани и пота, который въ Добруджѣ считается характерной принадлежностью „липованъ *). У нѣкоторыхъ изъ-за голенищъ торчали кнуты. Лошадей и телѣги они оставили на базарѣ.

— Докторъ спитъ еще?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ у выбѣжавшей изъ калитки служанки.—Что больно долго?.. Гляди, солнце давно взойшло...

— Буди, смотряй. А то сами разбудимъ.

Черезъ нѣкоторое время, нагибаясь въ калиткѣ, появляется огромная фигура доктора. На немъ старенькая беззаботно примятая шляпенка и лѣтній костюмъ неопредѣленнаго цвѣта, очевидно много разъ мытый. У него сѣдые усы, сѣдина въ волосахъ, черты лица выразительныя, крупныя, отмѣченныя грубоватымъ юморомъ. Онъ останавливается, жмурится отъ свѣта и нѣкоторое время молча, сверху внизъ, смотритъ на липованъ. Въ его глазахъ свѣтится что-то насмѣшливое и

---

*) Липованами въ Добруджѣ называютъ старообрядцевъ, старинныхъ выходцевъ изъ Россіи.

вмѣстѣ добродушное. Липоване переминаются подъ этимъ взглядомъ и тоже молчатъ. Иные улыбаются...

— Ну!—говоритъ докторъ.—Чего васъ столько привалило? Какая хвороба принесла?

— Къ твоей милости, Ликсандра Петровичъ,—говоритъ передній липованъ, съ бронзовымъ лицомъ, отороченнымъ бѣлокурой растительностью. Черты у него нѣсколько интеллигентнѣе и одѣтъ онъ опрятнѣе другихъ.—Бѣда у насъ...

— Гдѣ?

— Да гдѣ-же еще? У Русской Славѣ.

— Что ты говоришь?

— Да вотъ у насъ тутъ человѣкъ... Человѣка мы тутъ найшли. Онъ объяснитъ. Дыдыкало! Идѣ Дыдыкало?

— Дыдыкало, выходи!—заговорили липоване, оглядываясь.—Идѣ ты, чортъ, хоронишься?

— Дыдыкало! Дыдыкало!

— У кырчму опять улѣзъ! Такой человѣкъ: голова! Ну, до солнца уже пьяной.

Двое липованъ выводятъ изъ сосѣдней ресторацiи не то сѣдого, не то только очень свѣтловолосаго старика, съ длинной бородой и нависшими густыми бровями. Скулы у него пухлыя и лицо розовое, какъ у ребенка, носъ красенъ, какъ вишня, ротъ впалый и въ немъ почти нѣтъ зубовъ. Идетъ онъ, при поддержкѣ двухъ липованъ, мелкими торопливыми шажками, но вдругъ сильно закатывается въ сторону и чуть не падаетъ на каменную мостовую.

— Стой ты, чортъ! Ишь спозаранку готовъ.

— Налимонился уже!

— А вы чего смотрѣли. Сказано вамъ было: не давай...

— Ништо за нимъ углядишь. И выпилъ пустяки!

— Съ воздуху пьяной.

Докторъ, огромный и неподвижный, смотритъ на приближающагося старца повеселѣвшимъ взглядомъ. Потомъ беретъ рукой за подбородокъ и поднимаетъ его голову.

— Мы-ый! — издаетъ онъ употребительное румынское междометiе, которому умѣетъ придать особую выразительность.—Гдѣ вы такого красавчика выкопали? Надыдыкался уже? Милашечка!

Липоване хохочутъ. Дыдыкало съ поднятымъ кверху лицомъ жмурится отъ свѣтлаго неба и безпокойно трясетъ головой.

— Докторъ... Домну доктòре,—съ трудомъ говоритъ онъ... Ликсандра Петровичъ...

— Чего мотаешь головой,—негодующе говорятъ липоване.—Объясняй дѣло! Объ дѣлѣ тебе пытають. Для чего тебе привели.

Старецъ оглядывается, вдругъ сдвигаетъ брови, топаетъ ногой и кричитъ жидкимъ пьянымъ голосомъ:

— Вонъ пошли. Всѣ. Не надобны вы! Домну докторе... Ты мине знаешь... Дыды̀кало... Напишу, такъ ужъ будетъ крѣпко. Раму̀нъ зубомъ не выгрызетъ...

— Ну, уберите его, — рѣшительно говоритъ докторъ.— Ступай, милашечка, ступай, проспись гдѣ нибудь...

— Вонъ всѣ! Ненадобны!—отбивается Дыды̀кало.—Домну докторе! Гони ихъ. На что онѣ годятся... Шкуру драть, больше ничего.

— Поговори! Съ тебе здеремъ.

— И вѣрно, когда дѣла не издѣлаешь.

— Веди его... Ну-ка, заходи справа... Вотъ такъ. Наддай теперича...

— Съ Богомъ.

Старца уводятъ куда-то вдоль переулка, а докторъ, обращаясь къ мужикамъ, говоритъ:

— Ну, кто у васъ тутъ не совсѣмъ очумѣлый? Говорите, въ чемъ дѣло. А то уйду.

Мужики сдвинулись и загалдѣли разомъ.

— Мы-ы-ый. Стой. Не всѣ вдругъ. Говори кто-нибудь одинъ.

— Говори, Хвадей. Или ты, Сидоръ, говорите...

— Пущай Сидоръ...

— Нѣтъ, Хвадей пущай...

— Ну, Сидоръ что-ли, говори,—рѣшаетъ докторъ.—Что у васъ тамъ?

— Да что, Ликсандра Петровичъ,—напасть!

— Ну?

— Перчепто̀ръ *) одолѣваить...

— Изъ-за чего?

— Да за чего-жъ? За податей.

— Вотъ, вотъ, — это самое, — одобрительно поощряетъ толпа.

— Ну?

— Ну, видишь ты, какое дѣло... Самъ знаешь: при раму̀нѣ не какъ при турчинѣ: за все ему подай. За скотину значить, за выпасъ десять левовъ *) съ головы...

— Это вотъ вѣрно: обклалъ кажную голову. Свиненка не упу̀стить: подай ему и за свиненка.

— За пашню по ектарамъ... Кто сколько ектаровъ сѣялъ, пиши у декларацію. Потомъ плати. Такъ я говорю?.. Ай можетъ не такъ что нибудь?

---

*) Perceptor—сборщикъ податей.

**) Leu—монета, равная одному франку.

— Вѣрно. Ето што говорить,—правильно.

— Вотъ, значить, самая причина у етомъ...—Видишь ты...

Сидоръ какъ-то нерѣшительно оглянулся на товарищей и крѣпко заскребъ въ головѣ. Какъ бы по сочувствію заскреблось въ затылкахъ еще нѣсколько рукъ.

— Ну! Разсказывай, — поощряетъ докторъ.—Чего церемонишься. Вы, вѣрно, не сдѣлали деклараціи.

— Нѣтъ.—Зачѣмъ не сдѣлали? Сдѣлали. Какъ можно!

— На то у насъ нотàрь (писарь) есть. Примàрь тоже. Какъ можно.

— Такъ что же?

— Декларацію-то, видишь, сдѣлали. Порядокъ знаемъ. Скольки годовъ у доменей *) землю рендуемъ... Съ самой съ туречины. Ну, никогда такого дѣла не было́. Подашь декларацію, деньги у кассу-доменилоръ отвезъ. Готово.

— А теперь что же?

— А теперь, видишь ты: перчептóръ землемѣра привезъ... Давай мѣрять...

— И, конечно, вы, милашки, запахали больше, а въ деклараціи наврали...

Въ головахъ заскреблись еще сильнѣе.

— Оно самое,—сказалъ Сидоръ. — У кажнаго ектаръ, ектаръ жуматати лишку ангасыть **).

Докторъ плюнулъ и, качая укоризненно головой, сказалъ:

— Мы-ы-ый... Умныя вы головы! — Что-жъ вы ко мнѣ притащились? Что я вамъ: такое лѣкарство пропишу, чтобы съ васъ денегъ не брали. Убирайтесь вы къ чортовой матери!

— Постой, домну докторе.—Чего разсердился?

— Что дюже горячій сталъ! Нечистаго поминаешь... Ты слушай насъ. Не все вить еще...

— Что-же еще?—Говори толкомъ...

— Видишь ты. Вымѣрялъ, потомъ кажеть:—давай деньги по деклараціи. Мы обрадовались: думаемъ пронесло. Отдали деньги по деклараціи, честь честью.

— Расписки взяли?

— Взяли. Какъ безъ расписокъ.

— Ну, такъ что же?

— А то: теперь взыскиваеть у трое... Значыть: у двое амендъ ***).—А за что еще третій? Когда по деклараціи уже плачено. Правильно ето?

— Какой ето законъ, — вдругъ возбужденно прорвалось въ толпѣ.—При турчинѣ никогда етого не было́...

---

*) Управленіе государств. имуществами.

**) Гектаръ, гектаръ съ половиной нашелъ лишнихъ.

***) Штрафъ.

— И рамунъ скольки годовъ землю не мѣрялъ!

— Теперь на тебѣ: давай мѣрять...

— Стойте вы, чего глотки дерете!—закричалъ докторъ.— Сказано: говори одинъ.

— Хвалей, говори... Ты, Сидоръ, говорите...

— Да мы развѣ не говоримъ. Не чуете, али какъ? Уши позакладало?.. Говоримъ: теперь у трое требуеть.

— Кто требуетъ?

— Да кто? Рамунъ. Перчепторъ. Съ епистатами *) пріѣхалъ.

— Тотъ самый, что выдалъ расписки?

— Онъ.

— Нѣтъ не той, другой...

— Кто ихъ тамъ до лиха разбереть... Рамунъ, функціонаръ

— Всѣ однимъ миромъ мазаны...

— А вы расписки показывали?

— А то нѣтъ, подъ самый носъ совали: подивись, домнуле...

Липоване опять заволновались. Пошелъ безпорядочный, возбужденный говоръ.

— Ну, стой!—остановилъ опять докторъ.—Будетъ. Поѣзжайте по домамъ. Я вамъ завтра человѣка пришлю.

— На етомъ вотъ спасибо. Дыдыкало, положимъ, у насъ. Вторую недѣлю поймъ.

— Дыдыкалу гоните въ шею...

— Чуете, докторъ своего пришлеть.

— Подождемъ, когда такъ.

— Докторъ, можетъ къ самому префекту сходить!—закинулъ Сидоръ, глядя на доктора вопросительно исподлобья.

— Къ кому и идтить, какъ не къ префекту...

— А ты ему, докторе, хочъ и префекту, тоже не очень вѣрь... Ты насъ слухай, что мы говоримъ.

— Ну, ну!—учите меня,—сказалъ докторъ презрительно.— Я хуже васъ знаю, куда идти и кому вѣрить. Ступай, ребята, ступай, проваливайте!

И онъ своей сильной рукой сталъ поворачивать липованъ и поталкивать ихъ въ спины... Толпа расходилась. Остался еще Сидоръ. Онъ подошелъ къ доктору ближе, оглянулся на уходящихъ и сказалъ:

— Сдѣлай милость, Лександра Петровичъ, — похлопочи ужъ. А то у насъ такой калабалыкъ пойдеть—не дай Богъ.

Его умные глаза печальны. Въ грубомъ лицѣ виднѣется скорбь „мірского человѣка“, озабоченнаго серьезнымъ положеніемъ дѣла.

— Самъ знаешь, какой у насъ народъ. Все еще которые

---

*) Epistat,—полицейскій, въ родѣ нашихъ жандармовъ.

турчина вспоминають. Есть горяченькіе. Плохой марафетъ выйдеть.

— Ну, ну, — сказалъ докторъ. — Не знаю самъ, что-ли! Сказалъ: постараюсь.

— А ты кого пришлешь?

— Катріана...

Сидоръ почесался.

— Такое дѣло... Хочъ и Катріана. А тольки, чтобы того...

— Что такое?

— Насчетъ Бога, чтобы... Знаешь нашъ народъ...

— Ну, ну! Что вы его молебенъ, что-ли, служить зовете? Знаетъ, зачѣмъ ѣдетъ...

— То-то вотъ... А то мы ничего. Такъ ужъ ты, докторе, того... похлопочи.

Они разстались. Сидоръ торопливо пошелъ на базаръ, докторъ подошелъ къ кофейной турка Османа, гдѣ его ожидала уже маленькая фарфоровая чашка и томпаковый кувшинчикъ съ дымящимся турецкимъ кофе. Солнце освѣщало уже весь переулокъ. Съ Дуная несся продолжительный гудокъ морского парохода. По улицамъ къ пристани гремѣли колеса... Съ базара начинали расползаться возы царанъ. Ѣхали и липоване, хмельные, съ обнаженными на солнцѣ головами: котелки и шляпы попрятали въ сѣно. Пьяному легко потерять.

II.

Домну Катріанъ, соціалистъ.

Послѣ обѣда, когда солнце далеко перешло за зенитъ,— докторъ вышелъ изъ дому и направился вдоль переулка къ Strada Elisabetha doamna, главной улицѣ Тульчи. Высокій и прямой, онъ шелъ по узкому переулку, чуть не задѣвая головой за низкія черепичатыя крыши и то и дѣло отвѣчая на поклоны. Порой онъ останавливался, громко привѣтствуя какого-нибудь заѣзжаго знакомаго, съ кѣмъ нибудь здороваясь за руку или безцеремонно ероша волосы какого-нибудь пробѣгавшаго молодого человѣка. И шелъ дальше, оставляя за собой повеселѣвшія осклабленныя лица.

Такъ онъ вышелъ на Strada Elisabetha и повернулъ къ Дунаю. По пути на лѣвой сторонѣ былъ бойкій ресторанъ. Изъ его открытыхъ оконъ неслось лихое пѣніе цыганъ-лаутаровъ, а въ тѣни стѣнъ, прямо на камняхъ широкой панели, стояли столики, занятые публикой. Въ Румыніи жизнь проходитъ значительной частью на улицѣ.

Поровнявшись съ этимъ ресторапомъ и размѣнявшись многими поклонами, докторъ увидѣлъ за однимъ изъ столиковъ серьезнаго, не стараго господина, погрузившагося въ чтеніе газеты.

— А! Домну су-префе́ктъ, — сказалъ докторъ громко и направился къ нему, лавируя между столиками и стульями съ такимъ видомъ, какъ если бы башню пустили между фигурокъ кегельбана. Румынъ отложилъ газету и вѣжливо приподнялся на встрѣчу.

Это былъ су-префектъ тульчанскаго округа (нѣчто въ родѣ нашего вице-губернатора). Либералъ, европеецъ не только по внѣшности, онъ, какъ большинство состоятельныхъ румынъ, получилъ высшее образованіе въ Парижѣ. Въ молодости,—тоже какъ всѣ румыны, — писалъ стихи, былъ немного публицистомъ, немного критикомъ и отдалъ свою дань увлеченію соціализмомъ. Теперь, призванный къ власти съ перемѣной политическаго курса, онъ привезъ въ Добруджу вмѣстѣ съ необыкновенно свѣжими воротничками и жилетами — также свѣжій либерализмъ и свѣжее благожелательство ново-испеченнаго министерства. Человѣкъ тонкій, серьезный и приличный, онъ стоялъ за скорѣйшее введеніе въ Добруджѣ конституціоннаго представительства и полнаго равноправія. За отъѣздомъ префекта онъ теперь исполнялъ его должность, слышалъ уже о начинающихся въ Русской Славѣ волненіяхъ и былъ въ свою очередь радъ поговорить объ этомъ съ русскимъ докторомъ, старожиломъ, популярнымъ въ Добруджѣ.

Его взглядъ на дѣло былъ опредѣленный и ясный. Началось это еще при прежнемъ министерствѣ. Вѣдомство доменей скоро обратится къ администраціи за содѣйствіемъ по взысканію податей и штрафовъ за землю. Онъ не въ правѣ разсуждать о неправильностяхъ обложенія. На это есть гражданскій судъ. Кто нибудь одинъ долженъ предъявить искъ. Выигрышъ одного дѣла будетъ прецедентомъ для другихъ однородныхъ. Тогда экзекуція будетъ пріостановлена. Нашего единаго сельскаго „міра“ законъ не знаетъ и имѣть съ нимъ дѣло не можетъ.

Этотъ серьезный разговоръ происходилъ среди рокочущаго говора ресторанной публики. Порой его прерывало какое нибудь необыкновенное furioso цыганскаго хора или шумный хохотъ сосѣдней компаніи щеголеватыхъ румынъ и кокетливыхъ румынокъ. Собесѣдниковъ толкали ресторанные мальчишки, торопливо проносившіе приборы, пѣвица красивымъ движеніемъ протягивала къ нимъ свой тамбуринъ, прося на ноты... Солнце заливало мостовую, черепичатыя крыши домовъ, стѣны изъ сѣраго

камня, выхватывая изъ тѣни то бѣлую панаму, то яркій дамскій зонтикъ, то свѣтлые костюмы какой нибудь уходящей компаніи. Въ перспективѣ улицы Елизаветы виднѣлась стальная полоса изнывающаго отъ жары Дуная, покачивались мачты рыбачьихъ лодокъ, просовывалась турецкая кочерма и порой, какъ тучи, проносились клубы густого чернаго дыма. Приставшій утромъ морской пароходъ далъ уже свой гудокъ, но отъ него и къ нему еще гремѣли ломовые возы. Разгружали и увозили желѣзо. На мостовой подымался лязгъ и громъ. Собесѣдники смолкали, но затѣмъ румынскій администраторъ и русскій эмигрантъ продолжали обсуждать положеніе затерявшейся въ глухомъ ущельи русской деревни.

Докторъ поднялся, подозвалъ проѣзжавшаго извозчика и куда-то послалъ его. Минутъ черезъ десять коляска вернулась, и изъ нея живо выскочилъ молодой человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ во все черное: черная шляпа, черный долгополый сюртукъ, черные ботинки и даже толстая черная палка была у него подъ мышкой. Онъ поискалъ въ толпѣ своими живыми сѣрыми глазами, и на его желтоватомъ не особенно здоровомъ лицѣ появилась улыбка. Онъ быстро прошелъ между столами, держа подъ мышкой сучковатую палку, что заставило молодого румына съ вздернутыми кверху черными усиками посторониться съ дѣланнымъ комическимъ испугомъ, а его дама захохотала.

— Чи май фаче, докторе *),—сказалъ новоприбывшій веселымъ рѣзкимъ голосомъ, подавая доктору руку, не особенно бѣлую и въ мозоляхъ.—Какъ здоровъ?

Затѣмъ онъ приподнялъ шляпу по направленію су-префекта. Румынъ корректно отвѣтилъ на поклонъ.

— Домну Катріанъ,—сказалъ докторъ.

— Денисъ-Катріанъ, соціалистъ,— подчеркнулъ пришедшій и протянулъ руку. Изящный румынъ протянулъ въ свою очередь холеную руку, и его тонкое лицо на мгновеніе невольно исказилось отъ слишкомъ крѣпкаго пожатія соціалиста. Но тотчасъ-же оно опять приняло выраженіе серьезной учтивости.

— Имѣлъ удовольствіе слышать вашу фамилію, domnu Catrianu,—сказалъ онъ.

Улыбка пробѣжала по желтоватому лицу соціалиста, а у глазъ собрались веселыя морщинки.

— Proletarii din toata lumea unici-va! *) —сказалъ онъ задорно.—Нашъ лозунгъ, господинъ супрефектъ, лозунгъ

*) Обычное румынское привѣтствіе.
**) Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь.

ростущаго рабочаго класса! Недавно еще правительство насъ преслѣдовало. Господа либералы насъ терпятъ, пока не увидятъ опасности.

Онъ громко засмѣялся и, вынувъ портсигаръ, принялся свертывать папиросу желтыми сильно обкуренными пальцами. Лицо румынскаго чиновника оставалось прежнимъ: серьезные глаза, старательно взлохмаченные кончики усовъ, вѣжливое вниманіе и замкнутость.

— Ну, постой, слушай меня,—сказалъ по-русски докторъ, прекращая дальнѣйшія самодовольныя изліянія Катріана.— Можешь ты завтра съѣздить въ „Русскую Сла́ву"?

— А для чево мине ѣхать у „Русская Слава"? — переспросилъ Катріанъ, закуривая папиросу. По-русски онъ говорилъ съ сильнымъ болгарскимъ акцентомъ. Отецъ его былъ румынъ, мать болгарка.

Докторъ принялся объяснять, въ чемъ дѣло. Лицо Катріана стало внимательно и серьезно. Вникнувъ въ сущность столкновенія нашихъ земляковъ съ перчепторомъ, онъ опять весело мотнулъ головой и сказалъ, обращаясь къ супрефекту.

— Штіу (понимаю). Вы не хотите на первыхъ же порахъ столкновеній. Хотя не наша роль смягчать классовыя противорѣчія, но... тутъ дѣло другое... Правовое сознаніе нужно развивать,—закончилъ онъ, догматическимъ тономъ.— Я поѣду.

Румынъ одобрительно кивнулъ головой, вынулъ изъ кармана изящную записную книжку и, доставъ визитную карточку, написалъ на ней нѣсколько словъ.

— Это на случай,—сказалъ онъ, передавая карточку Катріану.—Покажите, въ случаѣ надобности, примару...

Онъ позвонилъ, заплатилъ за свое кофе и вѣжливо попрощался. Видимо онъ былъ доволенъ. Помимо всего прочаго, начинать новое управленіе громкимъ столкновеніемъ въ Добруджѣ было бы плохой услугой новому министерству. Гораздо лучше разбить дѣло нашихъ безпокойныхъ соотечественниковъ на отдѣльные иски въ судѣ, чѣмъ встрѣтиться съ упорнымъ сопротивленіемъ страннаго и непонятнаго русскаго „міра"... Вопросъ о Добруджѣ и объ ея правахъ встаетъ отъ времени до времени на румынскомъ политическомъ горизонтѣ, и почти каждое министерство начинаетъ съ обѣщанія окончательно пріобщить Добруджу къ обще-румынской конституціи. Но дѣло не двигается дальше обѣщаній. Какъ извѣстно, Добруджа присоединена къ Румыніи по Берлинскому трактату, взамѣнъ части Бессарабіи съ Измаиломъ и Киліей. Это отторженіе сѣвернаго гирла Дуная съ кореннымъ румынскимъ населеніемъ является до

сихъ поръ незаживающей раной румынскаго національнаго самолюбія. Румыны далеко не считаютъ себя вознагражденными присоединеніемъ плодородной Добруджи, населенной почти поровну русскими выходцами, болгарами и только на остальную треть—румынами. На этотъ край они смотрятъ, какъ на подкидыша, стоившаго жизни родного ребенка, и не торопятся съ окончательнымъ усыновленіемъ. Къ тому же и само населеніе, повидимому, не выражаетъ особеннаго нетерпѣнія получить права представительства въ парламентѣ. Степь живетъ своею стихійною жизнью, вздыхаетъ „о турчинѣ", съ его дикимъ, но въ сущности довольно добродушнымъ режимомъ и въ свою очередь косятся на „мачеху", посылающую сюда новыя арміи функціонаровъ съ каждой перемѣной министерства. Только въ этихъ перемѣнахъ мѣстнаго служебнаго персонала степь чувствуетъ біенье конституціоннаго пульса...

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, добруджанскій вопросъ опять ожилъ: образовалось общество процвѣтанія Добруджи („Propasirea Dobrogei"), и на открытіе величественнаго Констанцкаго моста ожидались депутаціи изъ заграницы...

При такихъ-то обстоятельствахъ у воротъ скромной квартиры русскаго доктора и за столикомъ ресторана на Strada Elisabetha встрѣтились интересы темнаго русскаго села, забившагося въ ущелье балканскихъ предгорій,—съ дипломатическими соображеніями обновленной добруджанской администраціи.

Теперь я долженъ нѣсколько ближе познакомить читателя съ домну Катріаномъ, тульчанскимъ соціалъ-демократомъ.

III.

Удачи и неудачи домну Катріана.

По профессіи онъ—сапожникъ. Родился въ Добруджѣ, но съ дѣтства попалъ въ Бухарестъ, гдѣ учился ремеслу въ одной изъ сапожныхъ мастерскихъ столицы. Тутъ судьба свела его съ кружкомъ соціалистической молодежи и рабочихъ, а затѣмъ, не знаю ужъ почему, онъ опять переселился въ Добруджу убѣжденнымъ соціалъ-демократомъ. Здѣсь, въ скромной квартиркѣ на предмѣстіи онъ повѣсилъ вывѣску, гласившую, что сапожникъ изъ Бухареста готовъ оказывать гражданамъ и гражданкамъ Тульчи всякаго рода услуги по части обуви съ ручательствомъ за изящество и прочность. Сапожникъ онъ былъ порядочный, но настоя-

щимъ его призваніемъ была политическая агитація, которой онъ и отдалъ свои досуги.

Добруджа не имѣетъ представительства, но на нее распространены обще-конституціонныя свободы: свобода совѣсти, печати, союзовъ и слова. Правда, Добруджа не торопилась пользоваться и этими гарантіями, но все же соотвѣтствующіе параграфы стояли „въ хартіяхъ", ожидая своего времени. Катріанъ, вѣроятно, по внушенію еще изъ Бухареста, рѣшилъ открыть въ Тульчѣ первый рабочій клубъ (clubul muncitorilor).

Впослѣдствіи клубъ былъ закрытъ, но я еще имѣлъ случай присутствовать на одномъ изъ его собраній.

Это было въ воскресенье. Я проходилъ по базарной площади, наблюдая своеобразныя картины разноплеменнаго торга и прислушиваясь къ разноязычному говору. Тутъ были липованскіе возы, румынскіе дилижаны и каруцы. Между горами огромныхъ арбузовъ сидѣли торговки болгарки; румыны-пастухи, не скидающіе въ жару бараньихъ безрукавокъ, молчаливо оглядывались изсиня черными наивными глазами; недавніе владыки — турки въ красныхъ фескахъ продавали всякую мелочь съ лотковъ; липоване изъ Сарыкоя и Рязина и потомки запорожцевъ — равнодушно сидѣли на возахъ, налитыхъ до краевъ золотистой душистой пшеницей... Шныряли арнауты и мало-азіатскіе курды съ лимонадомъ въ грязныхъ стеклянныхъ кувшинахъ или съ сапожными щетками, пробѣгалъ газетчикъ съ листками каррикатуръ, на которыхъ Фердинандъ болгарскій изображался съ слоновымъ хоботомъ вмѣсто носа, а порой и regele Carol румынскій являлся въ болѣе или менѣе непочтительномъ видѣ. Въ общемъ—преобладала деревня, съ хлѣбомъ, кукурузой или раннимъ виноградомъ, разноязычная, характерная, живописная, съ рослыми дюжими мужчинами и застѣнчивыми женщинами...

Я уже собирался уходить, какъ вдругъ на углу площади и одного изъ переулковъ, надъ „чайникомъ" (ceanicu) болгарина Николая, на балконѣ появился молодой человѣкъ въ черной парѣ и, помахавъ надъ волнующимся внизу базаромъ черной шляпой, закричалъ рѣзкимъ, молодымъ голосомъ, раскатившимся надъ толпой:

— Domnilor! Граждане и гражданки... Сейчасъ открывается конференція рабочаго клуба съ участіемъ друзей студентовъ (prieteni studenti). О трудѣ и капиталѣ... Проблема богатства и бѣдности... Борьба классовъ и будущее пролетаріата. Poftim... Пожалуйте, входъ безплатный...

Вслѣдъ за этимъ возгласомъ онъ отступилъ, и двое ра-

бочихъ свѣсили съ балкона огромное малиново-красное знамя, на которомъ бѣлыми буквами было вышито:

— Proletarii din toata lumea uniti-va *).

Базаръ продолжалъ медлительно кишѣть разноплеменной толпой и рокотать разноплеменнымъ говоромъ, между тѣмъ какъ вѣтеръ шевелилъ складки знамени съ бѣлой струящейся надписью. Къ дверямъ подходили отъ времени до времени то осторожно-любопытный болгаринъ, то широколицый бородатый липованъ, съ лукавой усмѣшкой, то высокій турокъ въ красной фескѣ и широкихъ штанахъ... Больше всего было, конечно, городскихъ ремесленниковъ, въ пиджакахъ и даже порой крахмальныхъ сорочкахъ. Они входили увѣренно и поощряли деревенскихъ обывателей, робко подымавшихся по широкой лѣстницѣ и оглядывавшихся въ залѣ съ видимымъ сомнѣніемъ: для нихъ ли, полно, приготовлены эти стулья?

Я вошелъ тоже, и вскорѣ конференція началась. Первымъ говорилъ Катріанъ,—говорилъ быстро, такъ что мнѣ трудно было услѣдить за его румынской рѣчью, въ которой, однако, бойко мелькали знакомые термины: прибавочная стоимость... борьба классовъ. Затѣмъ выступили prietenі studenti,—изящно одѣтые, чистенькіе молодые люди, пріѣхавшіе сюда попробовать свои ораторскія силы. Они говорили о землѣ и земельномъ законѣ, жестикулировали и повышали голосъ, съ паѳосомъ громя „буржуазное“ правительство... Румынъ полицейскій, фигура почти партикулярнаго вида, сохранялъ безмолвіе и неподвижность статуи. Молодые ремесленники съ магалы (предмѣстія) апплодировали и кричали браво. Деревенскіе слушали въ загадочно-суровомъ молчаніи... По окончаніи конференціи они такъ же молча разошлись по базару, а потомъ разъѣхались по шляхамъ, унося „новое слово“ въ такія же молчаливыя поля, охваченныя горизонтомъ, на которомъ нигдѣ не видно было ни высокихъ фабричныхъ трубъ, ни многоэтажныхъ корпусовъ съ рядами оконъ. Поля, поля... села съ домами изъ дикаго камня, крытые очеретомъ, виноградники, гáрманы со слѣдами молотьбы... И степной вѣтеръ, который старательно гонитъ въ невѣдомую даль сухое перекати-поле...

А еще недавно у катріановскаго клуба была пора раснгольаэжитрулоловокѣта и вц успѣха.

Тулча—бойкая дунайская пристань, въ которую заходятъ даже большія морскія суда. Капитаны этихъ судовъ обращались для разгрузки и нагрузки къ ватафамъ, посредникамъ, которые поставляли имъ нужное количество груз-

*) Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь.

чиковъ за изумительно низкую плату. Ватафъ бралъ себѣ львиную долю; хамали, темные и живописные разноплеменные люди, сгибаясь подъ тяжестью, таскали огромные кули, смиренно получали ничтожную плату, пропивали ее въ дешевыхъ шинкахъ и кырчмахъ, а потомъ сидѣли или лежали на береговыхъ откосахъ, ожидая новой работы.

Такъ просто и колоритно сложились на румынскомъ берегу Дуная взаимныя отношенія „иностраннаго капитала и мѣстнаго труда", пока на нихъ не обратились зоркіе молодые глаза домну Катріанъ и его товарищей. Вскорѣ въ газетахъ появились бойкія статьи о „судовомъ промыслѣ", и соціалисты совали ихъ въ руки неповоротливымъ хамаламъ. Дюжіе широкоплечіе геркулесы въ лохмотьяхъ стали появляться на конференціяхъ и жадно слушали разъясненія о „прибавочной стоимости", попадавшей въ карманы ватафовъ. Эту сторону дѣла они поняли скоро.

Въ одинъ прекрасный день въ Тульчѣ разразилась стачка грузчиковъ. Огромный морской пароходъ загудѣлъ, описалъ огромный кругъ и присталъ къ дамбѣ. Ватафы забѣгали по набережной сгонять грузчиковъ, но хамалы спокойно сидѣли на откосахъ, курили трубки и философски глядѣли на пароходъ, какъ сторонніе зрители. Съ ватафами они не желали имѣть никакого дѣла, а капитану объявили, что пойдутъ работать не иначе, какъ за удвоенную плату. Пароходъ стоялъ, пыхтѣлъ, гудѣлъ и ушелъ кверху, къ Галацу, не разгруженный.

Неожиданная стачка поразила всю страну. О ней писали въ газетахъ, говорили въ парламентѣ. Консервативные органы требовали вмѣшательства власти. Соціалисты и либералы возражали, что было бы странно штыками принуждать румынскихъ подданныхъ работать на иностранцевъ дешевле, чѣмъ тѣ же капитаны платятъ за границей. Положеніе становилось напряженнымъ. Ватафы пробовали замѣнить профессіональныхъ грузчиковъ всякимъ сбродомъ. Къ приходу пароходовъ выходили на берегъ солдаты. Катріанъ и клубисты употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить столкновенія. Грузчики держались образцово, спокойно наблюдая, какъ непривычные штрейкбрехеры роняли въ воду тюки. Однажды грекъ ватафъ, юркій, тщедушный и горячій, выведенный изъ терпѣнія философскимъ спокойствіемъ своихъ недавнихъ рабовъ,—ударилъ по щекѣ гиганта-албанеса или турка. Тотъ вздрогнулъ, но, помня наставленія, удержался и только сталъ озираться кругомъ съ видомъ такого комическаго недоумѣнія, что берегъ огласился хохотомъ, а для вмѣшательства полиціи и властей все-таки не оказалось повода.

Стачка была выиграна. Иностраннымъ капитанамъ пришлось впервые отмѣтить въ расходныхъ книгахъ плату тульчанскимъ грузчикамъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ и австрійскимъ. Катріанъ на нѣкоторое время сталъ знаменитостью и рѣшилъ расширить поле своей агитаціи.

На среднемъ гирлѣ Дуная, у впаденія его въ море, стоитъ Сулинъ. Его длинный волноломъ вдается далеко въ море, вглядываясь по вечерамъ въ туманныя морскія дали послѣдними огнями Европы. На взморьѣ стоитъ огромное зданіе европейской коммиссіи, регулирующей дунайскую навигацію. Тутъ превосходная набережная, электрическое освѣщеніе, музыка, туалеты прямо изъ Парижа. А немного въ сторонѣ, въ жалкихъ переулкахъ, прижавшихся къ дунайской плавнѣ и часто заливаемыхъ болотной водой,—лихорадки, грязь, нищета и лохмотья. На косѣ, обмываемой Дунаемъ и взморьемъ—блескъ европейской культуры встрѣчается какъ будто съ задворками Азіи.

Въ одинъ прекрасный день сюда явился домну Катріанъ въ своей черной парѣ, съ узловатой дубинкой и беззаботно самоувѣреннымъ видомъ. Вечеромъ онъ расхаживалъ съ нѣсколькими молодыми ремесленниками по набережной у европейской коммиссіи, жестикулируя и громко излагая свои идеи. На слѣдующій день нанялъ помѣщеніе, а на третій объявилъ властямъ, что сегодня онъ открываетъ собранія рабочаго клуба. Съ утра красное знамя, съ сакраментальнымъ призывомъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ впервые развернулось въ Сулинѣ.

Румынія страна противорѣчій и неожиданностей. Наряду съ свободнѣйшей конституціей деревенская масса темная и забитая, отъ которой, какъ отъ ледяной глыбы, вѣетъ на всю страну темнотой и безправіемъ. Это даетъ просторъ для яркихъ контрастовъ свободы и произвола, особенно на добруджанской окраинѣ. Въ Сулинѣ въ то время префектомъ былъ человѣкъ цѣльнаго темперамента, кажется, выходецъ изъ Бессарабіи, мало читавшій газеты, еще меньше придававшій имъ значенія, привыкшій на своей косѣ любезничать съ Европой и не церемониться съ домашними. Узнавъ, что какой-то сапожникъ изъ Тульчи вывѣсилъ „красное знамя", префектъ распорядился просто: двое полицейскихъ въ самомъ началѣ „конференціи" безцеремонно схватили оратора и повлекли его въ кутузку, гдѣ и заперли впредь до распоряженія. А съ распоряженіемъ префектъ не торопился. Вечеромъ онъ беззаботно игралъ съ европейцами въ карты, забывъ и думать о такомъ пустякѣ, какъ сапожникъ, въ кутузкѣ.

Въ Сулинѣ все шло по старому: горѣло на косѣ электричество, звенѣлъ надъ морской гладью оркестръ, гуляла на-

рядная публика. Надъ плавней висѣла меланхолическая луна, заглядывавшая и въ узкій переулокъ, гдѣ изъ за рѣшетки виднѣлось блѣдное лицо Катріана. Но вотъ изъ густой тѣни вынырнули двѣ фигуры. Это молодые представители сулинскаго рабочаго класса прокрались, чтобы навѣстить своего апостола въ темницѣ. Такъ, вѣроятно, много вѣковъ назадъ молодые іудеи подходили къ римской каталажкѣ, гдѣ сидѣлъ апостолъ Петръ. Катріанъ тотчасъ-же подозвалъ ихъ и выбросилъ въ окно листокъ бумаги. Это была телеграмма. Телеграфъ—учрежденіе европейское, дѣйствующее независимо отъ взглядовъ префекта. Щеголеватый телеграфистъ съ любопытствомъ прочелъ текстъ, усмѣхнулся и сдалъ въ аппаратъ. Аппаратъ застучалъ, и слова побѣжали по проволокѣ черезъ пустынныя плавни. На слѣдующій день соціалъ-демократическая газета „Новый міръ“ (Lumea nova) появилась съ телеграммой изъ Сулина и съ громовой статьей о грубомъ нарушеніи консервативной администраціей основныхъ законовъ страны. Къ вечеру всѣ вечернія прибавленія либеральныхъ газетъ ударили въ набатъ.

Въ сущности то, что сдѣлалъ сулинскій префектъ, въ Румыніи не такая ужъ рѣдкость и при другихъ обстоятельствахъ легко сходитъ съ рукъ. Но не всегда. И въ этомъ „не всегда“ можетъ быть пока заключено все значеніе такихъ неокрѣпшихъ конституцій. Рѣшительный поступокъ сулинскаго „бессарабяна“ совпалъ съ назрѣвавшимъ кризисомъ. Консерваторы начинали колебаться. Всякій ихъ шагъ подвергался страстной и придирчивой критикѣ, а король Карлъ начиналъ подумывать, не пора-ли ему опять выступить въ роли конституціоннаго акушера, содѣйствующаго родамъ новаго политическаго курса. И вотъ, въ такую минуту всѣ либеральныя газеты бурно накинулись на „вопіющій произволъ“ сулинскаго префекта.

Первый же верховой пароходъ выкинулъ на улицы Сулины эту бурливую волну общественнаго негодованія. Префектъ уже ранѣе получилъ суровый запросъ отъ министра. требовали оффиціальнаго опроверженія...

Безпечный администраторъ схватился за голову и немедленно командировалъ коммиссара, чтобы выпустить Катріана. Коммиссаръ пришелъ съ страннымъ извѣстіемъ, что Катріанъ не идетъ. Требуетъ составленія протокола. Пробовали удалить силой. Оказываетъ сопротивленіе и хватается за рѣшетки. У оконъ собирается толпа.

Пришлось составить протоколъ и только тогда, подписавъ бумагу, Катріанъ вышелъ изъ каталажки, встрѣченный восторженными криками „ура“. На слѣдующій день клубъ былъ торжественно открытъ, при чемъ, наряду съ черными отъ

угля блузами грузчиковъ, виднѣлись модные рединготы и парижскія шляпки, а ближайшая почта принесла извѣстіе объ отставкѣ префекта. Падающее министерство успѣло еще выместить досаду на неловкомъ администраторѣ, не сумѣвшемъ обойтись болѣе „тактично“.

Въ Сулинѣ, конечно, тотчасъ-же разразилась стачка грузчиковъ и, какъ пожаръ полосой соломы, забастовки пробѣжали по всему Дунаю отъ Сулина до Галаца и Браилы... Казалось, молодой румынскій соціализмъ растетъ по часамъ и готовъ побѣдно охватить всю страну. Либеральное министерство и печать въ свою очередь стали задумываться надъ „грознымъ движеніемъ“. Но вскорѣ оно такъ-же неожиданно упало, какъ поднялось. Грузчики добились своего и съ этихъ поръ, кажется, плата въ этой отрасли никогда уже не падала до прежняго уровня. Но затѣмъ пожаръ, поглотивъ весь наличный горючій матеріалъ, угасъ на рубежахъ широкихъ степей, съ ихъ нивами, виноградниками и очеретяными крышами. Даже неблагодарные грузчики, добившись своего, перестали ходить на конференціи, предпочитая имъ собственныя конференціи за графинами дешеваго вина, въ корчмахъ или просто на открытомъ берегу Дуная... Молодой соціализмъ, напугавшій всѣхъ своимъ богатырскимъ ростомъ, умиралъ у предѣловъ неподвижной и загадочной земледѣльческой степи.

Тогда Катріанъ, живой и дѣятельный, сталъ обращать глаза въ сторону этой невѣдомой деревни и думать о пробужденіи „правового сознанія“ въ неповоротливыхъ тяжелодумныхъ мужичьихъ головахъ.

Вотъ почему онъ охотно принялъ предложеніе доктора ѣхать въ полудикую Русскую Славу, чтобы толковать съ липованами о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ классовой борьбой, ни съ прибавочной стоимостью въ капиталистическомъ производствѣ.

Я рѣшилъ присоединиться къ нему, чтобы посмотрѣть на мѣстѣ моихъ земляковъ, липованъ изъ Русской Славы.

IV.

Лука и его жена.

Я не знаю, какъ пѣли пѣвцы древней Эллады. Знаю только, что нѣтъ ничего ужаснѣе современнаго греческаго пѣнія. Образчики этой ново-греческой гармоніи перешли въ нѣкоторые наши монастыри въ видѣ аѳонскаго столповаго напѣва. Это хоровой крикъ въ унисонъ, нескладный и дикій, устраняющій всякую грѣховную прелесть мелодіи и рождающій суровую идею о вопляхъ грѣшниковъ въ аду.

Въ узенькомъ переулкѣ, какъ разъ противъ квартиры доктора, у котораго я гостилъ въ Тульчѣ, помѣщался маленькій греческій ресторанчикъ, въ которомъ порой отъ заката солнца до восхода происходили греческія оргіи. Тульча городъ музыкальный, да и вообще румынскіе города лѣтомъ наполнены пѣніемъ и порхающими звуками оркестровъ. Но все это обыкновенно стихаетъ около полуночи. Только ново-греческая муза почему-то оказывалась въ то время совершенно неугомонной. Можетъ быть, это совпало съ какими нибудь экстренными успѣхами въ торговлѣ, и греки праздновали ихъ усиленными возліяніями, но только цѣлыя ночи напролетъ изъ за старенькаго забора съ запыленными акаціями неслись такіе ни съ чѣмъ несравнимые звуки, что сосѣди обратились, наконецъ, къ городскимъ властямъ. Поэтому временами, когда музыкальный восторгъ грековъ достигалъ высшихъ предѣловъ, къ садику, насквозь пропахшему ароматомъ вина, пива и аміаку,—подходилъ полицейскій, стучалъ по забору своей палочкой и говорилъ печально-снисходительнымъ голосомъ:

— Poftim, domnilor! Poftim! (пожалуйста, господа пожалуйста).

Греки стихали, но не надолго. Черезъ нѣкоторое время пьяные голоса опять заводили свою какофонію, сначала осторожно, потомъ громче и громче. Надъ нестройнымъ хоромъ, грохотавшимъ, какъ начинающійся приливъ на каменистомъ берегу, взлетало рѣзкое женское сопрано, и за нимъ крикъ мужскихъ голосовъ, подобный реву цѣлаго стада буйволовъ, опрокидывался на переулокъ. А такъ какъ при этомъ, отказавъ грекамъ въ тонкости слуха, природа наградила ихъ необыкновенной силою легкихъ, то ихъ пѣніе вылетало далеко за предѣлы переулка и неслось надъ спящимъ городомъ за рѣку. Опять раздавался стукъ палочки и голосъ полицейскаго, казавшійся теперь особенно музыкальнымъ:

— Domnilor... Poftim, domnilor... La ora asta e interzis*).

Впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду, повидимому, не столько практическіе результаты, сколько удовлетвореніе общественнаго мнѣнія... Безсонные сосѣди получали пріятную увѣренность, что власть дѣлаетъ съ своей стороны, что можетъ, хотя это выходило еще хуже. Едва я привыкалъ, наконецъ, къ неистовому реву и начиналъ забываться,—стукъ палочки и голосъ полицейскаго вносилъ новую ноту и прогонялъ чуткій сонъ. Поэтому я искренно обрадовался, когда въ концѣ переулка послышалось дребезжаніе кованыхъ колесъ

---

*) Въ эти часы пѣть запрещено.

по круглымъ булыжникамъ мостовой. Это ѣдетъ Лукашъ, со своею каруцой, на которой мы съ Катріаномъ отправимся въ „Русскую Славу".

Я открываю окно и выглядываю наружу. Уже разсвѣло. Въ перспективѣ переулка подкатывается къ намъ каруца, запряженная парой крѣпкихъ лошадей. На козлахъ сидитъ человѣкъ лѣтъ тридцати въ толстомъ широкомъ пиджакѣ, подъ которымъ виднѣется шитая рубашка и красный шерстяной поясъ. На головѣ барашковая шапка. Лицо загорѣлое и сквозь загаръ проступаетъ румянецъ. Волосы черные, глаза тоже черные, не быстрые, скорѣе медлительные, задумчивые и глубокіе. Въ чертахъ какая-то грубоватая печальная мягкость. „Каруца" останавливается у нашихъ воротъ.

Въ ней сидитъ женщина, одѣтая на половину по деревенски. Платье на ней слишкомъ широко и обвисаетъ складками. Голова повязана простымъ платочкомъ, изъ подъ котораго глядитъ худое истомленное и истонченное страданіемъ молодое лицо. Въ черныхъ глазахъ усталость и какая-то особенная печаль.

Лука кладетъ бичъ, заматываетъ возжи и немного неуклюже, съ медвѣжеватой манерой слѣзаетъ на мостовую. Подходитъ къ воротамъ, пробуетъ калитку и, поднявъ глаза кверху, видитъ меня въ окнѣ.

— Чи май фаче (здравствуйте),—говоритъ онъ по румынски и потомъ спрашиваетъ:

— Докторъ хибà еще спитъ?

— Скоро встанетъ.

— Ну, хорошо. Вы отоприте фортку (калитку)... Я вотъ тутъ бабу свою привезъ. Больная, такъ къ доктору.

Я наскоро одѣваюсь, сбѣгаю внизъ и открываю калитку. Лука подходитъ къ сидѣнію, останавливается около и говоритъ: „ну"... Худая женская рука ложится ему на плечо. Лука сразу сильнымъ и осторожнымъ движеніемъ подымаетъ женщину на руки. Я подхожу ближе, чтобы помочь ему, но это оказывается лишнимъ: онъ уже держитъ ее, какъ ребенка. Блѣдное лицо молодой женщины лежитъ на его плечѣ съ трогательной улыбкой страданія и нѣги.

Пѣніе греческаго хора уже смолкло. Стучитъ калитка, и греческая компанія выходитъ на улицу. Дюжія крѣпкія фигуры, нѣсколько сутулыя спины, загорѣлыя лица, глядящія исподлобья. Изъ подъ черныхъ шляпъ выбиваются впередъ матово-черные волосы. На одномъ—круглая шапочка съ галунами. Это юноша почти мальчикъ. За нимъ появляется и пѣвица. Ея бѣлое лицо съ русыми волосами выдѣляется, точно свѣтясь, среди черныхъ, какъ головешки,

грековъ. Глаза у нея голубые, большіе и выразительные. Ночь кутежа какъ будто совсѣмъ не отразилась на ихъ блескѣ.

Увидѣвъ Луку съ больной женщиной на рукахъ, она на мгновеніе останавливается, какъ будто въ легкомъ испугѣ. Крѣпкая, пышущая здоровьемъ фигура ея обрисовывается съ какой-то особенной кричащей пластичностью, а выраженіе испуга смѣняется насмѣшливой наглостью. Она вся подается впередъ, вглядывается съ жаднымъ любопытствомъ, говоритъ что-то вполголоса и смѣется. Греки тоже останавливаются и съ пьяной тупостью смотрятъ на Луку, который быстро поворачивается и несетъ жену на крутую панель, потомъ по двору и вноситъ въ пріемную доктора. Это собственно застеклянныя сѣни, съ неприхотливой мебелью. Легко, какъ перышко, онъ усаживаетъ больную на диванъ, подкладываетъ подушки и вздыхаетъ глубоко и тяжело, хотя, казалось, ноша не стоила ему особеннаго усилія. Потомъ поворачивается и тихо уходитъ. Женщина раскрываетъ усталые глаза и смотритъ ему вслѣдъ. Въ этихъ глазахъ видна жалость не къ себѣ, а къ этому человѣку, пышущему здоровьемъ и силой.

Онъ привезъ ее къ доктору и оставитъ здѣсь. Черезъ часъ, когда мы уѣдемъ, за нею пріѣдетъ Ѳедоръ, городской „биржаръ", большой пріятель Луки. Онъ такъ же бережно возьметъ ее на руки и отвезетъ за городъ, гдѣ у Луки домъ и хозяйство. По городу Лука не ѣздитъ. Онъ пашетъ землю и гоняетъ почту. Теперь онъ повезетъ насъ въ „Русскую Славу", такъ какъ этого хочетъ докторъ.

Лука—„хохолъ". Это названіе довольно употребительно въ Добруджѣ, въ отличіе отъ старообрядцевъ, великороссовъ и потомковъ некрасовцевъ. Предки Луки вышли изъ запорожья, послѣ „зруйнованія" днѣпровской сѣчи, и поселились сначала въ австрійскихъ предѣлахъ на Дунаѣ. Потомъ спустились въ низовья, заняли южное кытерлезское гирло, выбили некрасовцевъ, которые ушли въ Анатолію, а сами разселились затѣмъ по Добруджѣ, не смѣшиваясь ни съ румынами, ни съ липованами. Дома съ отцомъ, братомъ и женой Лука говоритъ на чистомъ украинскомъ языкѣ. Для внѣдомашняго употребленія у него есть своеобразное обще-добруджанское „руснацкое" нарѣчіе. Въ немъ формы русскихъ глагольныхъ окончаній смягчены по украински и, кромѣ того, вошло не мало румынскихъ и турецкихъ словъ и оборотовъ. Этотъ особый смѣшанный, наивно неправильный говоръ—результатъ междуплеменнаго лингвистическаго компромисса, слышится часто въ пестрой толпѣ добруджанскихъ базаровъ и вообще надъ Дунаемъ.

Его кажется выработали липоване въ періодъ своихъ передвиженій черезъ Стародубщину и Буковину и за время пребыванія въ Добруджѣ. Напоминаетъ онъ отчасти и то испорченное русское нарѣчіе, которое можно слышать въ Херсонщинѣ и около Одессы и которому, кто еще знаетъ, какая роль предстоитъ въ судьбахъ нашего языка...

Лука выходитъ опять къ лошадямъ. Я за нимъ. Остановившись за воротами, онъ кидаетъ быстрый взглядъ вдоль переулка, какъ будто кого ищетъ. Лицо Луки печально и нѣсколько угрюмо. Онъ взволнованъ. Можетъ быть,—судьбой этой хрупкой больной женщины, можетъ быть,—еще чѣмъ нибудь. Его наивные черные глаза слегка затуманены.

Въ переулкѣ просыпается движеніе: надъ заборомъ садика появляется туча пыли, открывается калитка, и блѣдный кельнеръ, не спавшій всю ночь, выбрасываетъ на улицу соръ, клочки бумаги и осколки стекла. Турокъ Измаилъ, высокій съ красивыми умными глазами открылъ свою cafeana (кофейню). Глаза его тоже туманны: всю ночь онъ толокъ въ деревянной ступѣ кофейныя зерна. Онъ гордится тѣмъ, что никто лучше его не умѣетъ приготовить чернаго кофе, и, кажется, видитъ въ этомъ свое назначеніе.

Мы съ Лукой подходимъ къ нему первыми. Онъ кланяется, выноситъ маленькій столикъ и два стула и ставитъ на узкомъ тротуарѣ. Мальчишка въ фескѣ подаетъ кофейникъ и двѣ крошечныя чашки. Лука беретъ одну изъ нихъ своею загорѣлой грубой рукой. Османъ становится въ дверяхъ, опершись на притолку, и смотритъ на Луку сочувственнымъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что Лука привезъ больную жену.

— Болѣзнь и здоровье отъ Бога,—говоритъ онъ по румынски своимъ глубокимъ пріятнымъ голосомъ.

Лука ставитъ чашку на столъ, какъ будто обдумывая то, что сказалъ турокъ, и потомъ говоритъ мнѣ:

— Етой турокъ, господинъ Владиміръ, дармá што невѣрный. Ну, справедливый человѣкъ. А бѣдный... Работаеть, работаеть, а денегъ у себя не имѣеть.

Османъ нѣсколько понимаетъ распространенное въ Добруджѣ „руснацкое" нарѣчіе и говоритъ опять:

— Богатство и бѣдность тоже отъ Бога.

Лука киваетъ головой.

— Ну, и ето опять правда... А почему Богъ такъ дѣлаеть, что однымъ даеть счастье, другимъ не даеть... Етого тоже никто не можеть знать.

— Аллахъ одинъ все знаетъ... Самъ дѣлаетъ, самъ и знаетъ.

— Правда! Вотъ у мене баба. Молодая, ну, хворая.

Отчего хворая? Отъ работы. Надорвалась, глупая. Теперь страдаетъ. И я съ нею.

— Богъ велитъ людямъ терпѣть.

— Терплю. Докторамъ однимъ сколько переплатилъ. Возьмите себѣ усё. Лошади у мене,—продамъ! Двѣ каруцы. И каруцы продамъ. Домъ... выдѣлюсь отъ отца, тоже продамъ. Все себѣ возьмите, только сдѣлайте такъ, чтобъ была она здоровая. Будетъ здоровая, возьму ее за руку, пойдёмъ у двохъ по свѣту новой доли шукать... Лѣчили. Деньги брали. Много. Не помогли.

— Докторъ нѣ...—пытается Османъ выразить свою мысль по русски.—Думне-зеу... Алла́хъ.

Для большей вразумительности турокъ торжественно показываетъ на небо.

— Аллахъ значится по ихнему Богъ.—Думне-зеу,—ето опять Богъ по рамунски;—поясняетъ мнѣ Лука:—Хорошо. Богъ!—Ето правда. Значить не надо лѣчить?

— Ну-й треба (не нужно),—говоритъ турокъ убѣжденно.

— Ну, ето брехня,—говоритъ Лука въ раздуміи.—Когда бы не лѣчилъ, давно бы въ могилѣ была... Вотъ я вамъ, господинъ Владиміръ, скажу, какъ ето было. Рамуны лѣчили, лѣчили, нѣтъ пользы. Какъ тутъ пріѣзжаетъ русскій докторъ. У Букарештахъ былъ. Вернулся. Приходить ко мнѣ осмотрѣлъ ее...—„Слушай ты, что я тебѣ буду говорить: хочешь ты, чтобы жива осталась?"—Хочу.—„Вѣрно, говоритъ, хочешь? Помни: работница она тебѣ не будетъ".—Ето ничего не значыть. Хочу я, чтобъ была живая. Чтобъ дыхала, глядѣла на свѣтъ. Чтобъ зо мною говорила. Большъ ничего не надо...—„Ну, хорошо. Вызову я, говоритъ, одного тутъ доктора изъ Букарештовъ. Рамунъ, молодой. Онъ изъ нея хворь вынетъ".

Лука залпомъ выпиваетъ остывшій кофе, задумывается подъ сочувственнымъ взглядомъ Османа, потомъ продолжаетъ. Въ голосѣ и глазахъ его печаль и точно удивленіе. Какъ будто онъ разсказываетъ странный, нелѣпый сонъ.

— Привезъ. Посмотрѣли. Рѣзать надо (Османъ чмокаетъ губами и неодобрительно мотаетъ головой). Когда бы не докторъ Александръ Петровичъ, не далъ бы. Ну, рѣзали. Потомъ зашили. Александръ Петровичъ можетъ ночей пять не спалъ.—„Ну, говори, дуракъ, слава Богу. Живая будеть, на ноги встанетъ". Я заплакалъ! „Бери теперь у мене усё". А онъ говоритъ: „Дуракъ ты. Корми лучше больную бабу. Она не работница. Ничего не надо".

Лука поднимаетъ на меня свои черные глаза, въ которыхъ неподвижно стоитъ растроганность, печаль, недоумѣ-

ніе, и заканчиваетъ съ какой-то особенной силой внутренняго одушевленія:

— Я ему говорю: слухай, Александра Петровичъ. Что ты за человѣкъ, я не знаю. Ну, только скажи ты мнѣ, пока я живой: Лука, лѣзь у воду. Богомъ клянусь: полѣзу. Скажешь: иди Лука у огонь. Слова не скажу, у огонь пойду. Помни: я теперь твой человѣкъ до самой смерти.

Онъ поднимается, смотритъ вдоль переулка помутившимся взглядомъ, потомъ говоритъ:

— Катріанъ не йдётъ. А вы, господинъ Владиміръ, пеленку *) со мною вѣрно не выпьете? Не хочете? Оно и правда: спозаранку не хорошо. А я... выпью.

Улица густо усѣяна пивными. Лука направляется къ гостепріимно открытой двери, надъ которой виднѣется вывѣска: „Birt iconomic. Vin si bere“. Хозяинъ Николаки встрѣчаетъ его съ почтительной радостью. Напротивъ другая пивная Георгія, гдѣ тоже есть vin si bere (вино и пиво). Прежде Лука посѣщалъ Георгія, но хитрый шинкарь и вмѣстѣ ростовщикъ разъ ухитрился взыскать съ простодушнаго Луки двойныя деньги по векселю. Лука заплатилъ и съ тѣхъ поръ къ нему ни ногой. Плохая месть за 200 франковъ, но по лицу Георгія видно, что въ немъ кипитъ желчь при видѣ своего прежняго посѣтителя въ заведеніи противника. Лука заказываетъ графинъ за графиномъ. Пить онъ можетъ много и это бываетъ замѣтно только въ его рѣчи: постоянная задумчивая меланхолія принимаетъ въ такихъ случаяхъ торжественный оттѣнокъ: говоритъ онъ еще медленнѣе, протяжнѣе, съ паузами, слегка нараспѣвъ.

Въ концѣ переулка появляется фигура домну-Катріана. Въ одной рукѣ у него бѣлый узелокъ, въ другой—палка. Славное свѣжее утро, повидимому, бодритъ его: онъ идетъ размашистымъ шагомъ и по временамъ ударяетъ своей суковатой палкой по булыжникамъ. Ему, кажется, доставляетъ удовольствіе звонкій лязгъ, отдающійся отъ каменныхъ стѣнъ. Онъ видитъ ожидающихъ лошадей, оглядывается кругомъ и быстро входитъ во дворъ. Я расплачиваюсь съ туркомъ и иду за Катріаномъ. Застаю его въ передней. Онъ съ особенной дружеской галантностью жметъ руку женѣ Луки и говоритъ ей по-румынски комплименты. На блѣдномъ лицѣ молодой женщины выраженіе застѣнчиваго любопытства. Она смотритъ на этого молодого человѣка съ

*) Пеленокъ—мѣстное вино съ полынью. Считается полезнымъ отъ лихорадки.

выраженіемъ интереса, какъ на рѣдкій для нея экземпляръ человѣческой породы...

Черезъ десять минутъ, готовый ѣхать, я выхожу изъ комнаты. Больная спитъ, откинувъ на подушкѣ блѣдное лицо. Лука стоитъ въ дверяхъ и смотритъ на нее. Лицо его еще болѣе покраснѣло, можетъ быть, оттого, что онъ выпилъ у Николаки съ Катріаномъ. Въ глазахъ особенное выраженіе. Увидѣвъ меня, онъ отворачивается, будто слегка застыдившись, и говоритъ тихо:

— Будемъ ѣхать...

Катріану нужно еще заѣхать на магалу (предмѣстье, окраина города) надъ Дунаемъ, чтобы отдать заказъ, надъ которымъ онъ просидѣлъ почти всю ночь. Поэтому мы поворачиваемъ къ рѣкѣ и ѣдемъ берегомъ. Европейская коммиссія, регулирующая русло Дуная, производитъ тутъ какія-то работы. Берегъ оживленъ: каменьщики стучатъ молотами, пильщики работаютъ между штабелями лѣса. Солнце кидаетъ вдоль берега густые золотые лучи и на рѣкѣ сверкаютъ тѣла купальщиковъ.

— Теперь налѣво,—говоритъ Катріанъ. Но Лука будто не слышитъ и гонитъ лошадей прямо по насыпи; лошади бѣгутъ быстро, а Лука подергиваетъ возжами.

Невдалекѣ, у самой насыпи, я замѣчаю знакомую пару: бѣлокурую пѣвицу, выходившую утромъ изъ греческаго садика, и молодого грека. Она идетъ безъ платка, подставляя солнечнымъ лучамъ свои бѣлокурые мокрые волосы. Они, очевидно, только что выкупались въ Дунаѣ. Увидѣвъ Луку, она остановилась у насыпи, удержавъ за руку и своего спутника. Когда мы были близко, она подняла свое красивое лицо съ мягкими округленными чертами и сказала навстрѣчу Лукѣ румынскую фразу.

— De çe ai dus mostele la doctorul... Du le la cimitir...

Фраза была кинута съ такимъ невиннымъ видомъ, въ лицѣ было столько красиваго, привѣтливаго расположенія, что я не сразу понялъ ея оскорбительный смыслъ. Лаская Луку взглядомъ голубыхъ глазъ, красивая дѣвушка спрашивала, зачѣмъ онъ привезъ къ доктору мощи и совѣтовала свезти ихъ на кладбище...

Наша коляска вдругъ дрогнула и качнулась. Мнѣ показалось, что мы летимъ подъ откосъ и что Лука уже наполовину свалился. Но это было только мгновеніе. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ Лука наклонился съ козелъ и взмахнулъ бичемъ. Что-то рѣзнуло воздухъ, коляска опять выровнялась и тихо покатилась по насыпи. Лука оглядывался, повернувъ смуглое лицо съ странно внимательными глазами.

Я тоже оглянулся. Молодой грекъ съ смѣшнымъ выраженіемъ стоялъ безъ своей шапки съ галуномъ, которая лежала въ пыли, и держался за щеку. На полномъ плечѣ женщины виднѣлась полоса: плотно натянутый рукавъ былъ разрѣзанъ точно ножомъ, разошелся и обнажилъ тѣло съ рѣзкимъ краснымъ рубцомъ.

Лука задержалъ лошадей. Лицо его было спокойно, въ глазахъ можно было замѣтить одно только любопытство Онъ будто ждалъ чего... Но грекъ все съ тѣмъ же выраженіемъ испуга и недоумѣнія наклонился, поднялъ шапку и сталъ тщательно обтирать ее рукавомъ...

Лука мотнулъ головой и подобралъ лошадей. Но тутъ произошла новая неожиданность: едва молодой грекъ надѣлъ свою шапку, какъ женщина размахнулась, ударила его изо всей силы по щекѣ, такъ что звукъ разлетѣлся далеко по берегу, а сама опустилась на штабель бревенъ и заплакала. Плакала громко, жалобно, по-дѣтски. Ея круглыя плечи вздрагивали, какъ у огорченнаго ребенка. И на лѣвомъ плечѣ проступала изъ рубца кровь...

— Кънеле гречяска (греческая собака),—пробормоталъ Лука про себя и повернулъ коляску тихо назадъ. Мы еще разъ проѣхали мимо этого мѣста. Грекъ имѣлъ видъ все еще изумленный. Это былъ почти мальчикъ, рослый и стройный... Онъ испуганно посторонился, услышавъ близко шуршаніе колесъ; женщина закрыла лицо руками и заплакала еще сильнѣе... Когда каруца поравнялась съ нею, все ея большое красивое тѣло сильно дрогнуло, какъ будто она ждала новаго удара... Но она не посторонилась, только плачъ ея сталъ судорожнѣе; плакалъ уже не обиженный ребенокъ. Плакала женщина, сильная, чувственная и жестоко оскорбленная...

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, Лука?—спросилъ я съ невольной досадой.

Лука не отвѣтилъ.

Катріанъ насупился и покачалъ головой...

Коляска въѣхала въ переулокъ предмѣстья, и берегъ Дуная исчезъ изъ нашихъ глазъ.

V.

На магалѣ.

Мы остановились у маленькаго крытаго черепицей дома. Тутъ же подъ навѣсомъ здоровенный бондарь, рослый, свѣтловолосый и курчавый, съ лицомъ славянскаго типа набивалъ обручи на новую винную бочку. Увидѣвъ Катріана, онъ оставляетъ работу и кричитъ:

— Лилика! Лилика!

Красивая, маленькая румынка появляется на порогѣ дома. Катріанъ бережно съ самодовольнымъ видомъ вынимаетъ изъ платка пару новенькихъ лоснящихся ботинокъ, при видѣ которыхъ лицо Лилики вспыхиваетъ. Она закрываетъ лицо поднятой рукой и, глядя изъ-за локтя застѣнчиво восхищенными глазами, говоритъ:

— О, думне-зеу! Зачѣмъ такіе? Вѣдь дорого!

Дюжій бондарь самодовольно смотритъ то на свою крошечную жену, то на полусапожки съ круто выгнутыми каблуками, сверкающіе на солнцѣ чернотой и яркими бликами. Онъ беретъ одинъ изъ нихъ такъ осторожно, точно боится, чтобы онъ не разлетѣлся въ его грубыхъ рукахъ, и говоритъ съ оттѣнкомъ удивленія:

— И можетъ это прійтись на человѣческую ногу?..

— А вотъ, посмотримъ, — самодовольно говоритъ Катріанъ.—Poftim, cucoana (пожалуйте, сударыня)... Прошу примѣрить.

Женщина все съ тѣмъ-же нерѣшительнымъ видомъ садится на опрокинутую кадушку и говоритъ:

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ! это не годится... и очень дорого... И, навѣрно, не придется по ногѣ.

Какъ бы для того только, чтобы доказать, что *это* дѣйствительно не годится, она проворно снимаетъ старый башмакъ, стыдливо ставитъ его за кадушку и надѣваетъ новый. Ея маленькая нога въ черномъ полусапожкѣ становится на бѣлыя стружки.

— Точно вылито, смотрите, пожалуйста! — говоритъ она съ притворнымъ удивленіемъ и уже не можетъ оторвать глазъ отъ своей ноги. Катріанъ становится на колѣни, застегиваетъ, обглаживаетъ и начинаетъ хвастать: посмотрите подъемъ. Трудно найти другой такой въ Тульчѣ. Но надо также артиста, чтобы такъ обрисовать его. Ну, смотрите спереди, сбоку, сзади... Каково? А?

Бондарь доволенъ. Онъ искоса поглядываетъ на жену, которая на разные лады поворачиваетъ ногу, и его рука лѣзетъ въ карманъ.

— Ну, сколько же?—спрашиваетъ онъ.

Катріанъ поднимается съ колѣнъ. Лицо его становится серьезно.

— Доу-зѐчи де леу *),—говоритъ онъ небрежно.—Я вѣдь говорилъ уже...

Женщина испуганно вскидываетъ глазами на мужа и тихо стаскиваетъ башмакъ. Бондарь озабоченно сводитъ брови.

*) Двадцать левовъ (франковъ).

— Доу-зечи?..—повторяетъ онъ.—И не дорого это за такія маленькія штучки... Я за эти деньги долженъ сработать двѣ среднія бочки. Выпилить клепки, выстрогать, пригнать, набить обручи. Четыре дня работы, а то и больше. А ты ихъ сдѣлалъ въ два дня... Суди самъ, товарищъ, развѣ это справедливо?..

Бондарь посѣщаетъ clubul muncitorilor, слушаетъ конференціи Катріана и „пріетеней-студентовъ" и теперь пытается примѣнить къ частному случаю формулы трудовой стоимости и обмѣна. Между ними начинается оживленный споръ, который я понимаю только отчасти, такъ какъ говорятъ по румынски. Катріанъ горячо говоритъ о „квалифицированномъ трудѣ". Онъ увлекается, приводитъ примѣры, жестикулируетъ. На говоръ выходитъ сосѣдъ-столяръ и кузнецъ съ молотобойцемъ. Слушаютъ внимательно... Бондарь возражаетъ неувѣренно и слабо, потомъ хлопаетъ оратора по плечу и вынимаетъ кошелекъ. Онъ видимо доволенъ. Доволенъ маленькой женой, доволенъ башмаками, доволенъ, что онъ заказчикъ, что Катріанъ ждетъ отъ него уплаты, доволенъ, наконецъ, даровой конференціей, прочитанной здѣсь извѣстнымъ ораторомъ собственно для него. Довольны также и слушатели: каждый изъ нихъ нашелъ свое мѣсто въ стройной теоріи, а это всегда радуетъ человѣка. При этомъ оказалось, что чистыхъ пролетаріевъ во всей компаніи только два: Катріанъ и молотобоецъ. Столяръ, кузнецъ и бондарь — мелкіе капиталисты и пропріетары.. Болѣе всѣхъ, однако, довольна маленькая бондариха. Видя, что мужъ сдался и вынимаетъ деньги, она съ жадной быстротой хватаетъ ботинки, завертываетъ ихъ въ передникъ и убѣгаетъ, забывъ даже попрощаться...

Только Лука съ своихъ высокихъ козелъ смотритъ тяжелымъ взглядомъ. Можетъ быть, онъ вспоминаетъ, что у его жены такая же маленькая нога, что онъ могъ бы заказать ей такіе же полусапожки, и она такъ же радовалась-бы, если бы была здорова...

VI.

Гора Денизъ-Тепе.

Тульча осталась назади. На гребнѣ возвышенности видны еще валы бывшей турецкой крѣпости, разрушенной послѣ берлинскаго договора. Послѣдніе слѣды владычества турокъ на берегахъ Дуная. По нимъ теперь ходятъ овцы, и фигура чабана долго рисуется, неподвижная въ чистомъ небѣ.

Становится жарко. Солнце высоко. По степи, не успѣвшей остыть за ночь, уже тянетъ опять теплый вѣтеръ. Четыре пары подковъ ровно стучатъ по твердой дорогѣ. Вдали, колеблясь, пробѣгаютъ пыльные вихри, падаютъ, встаютъ опять въ другомъ мѣстѣ, точно это пространство они пробѣгали невидимками... Съ отдаленнаго Дуная, затерявшагося у мглистаго горизонта, чуть слышно долетаетъ гудокъ парохода... Отъ молчаливаго волнистаго простора Добруджи вѣетъ смутными воспоминаніями, точно это встаютъ въ убаюканной памяти какіе-то сны, которые видѣли, можетъ быть, еще наши предки...

Все кажется моему сердцу странно знакомымъ и еще болѣе странно чужимъ. Это—неуловимое, общее впечатлѣніе сопровождаетъ меня всюду въ моихъ скитаніяхъ по этимъ придунайскимъ степямъ...

Большое село какъ бы выползаетъ изъ оврага и, когда мы приближаемся, оно ростетъ и ширится. Оврагъ раздѣляетъ его на двѣ части.

— Каталуй ето, — вяло говоритъ Лука, указывая кнутомъ.—На етой вотъ половинѣ, направо, тальяны живуть...

И черезъ нѣкоторое время прибавляетъ:

— Откуда взялися—неизвѣстно... Давно живуть.

За тальянами, въ Ени-кеѣ, живутъ болгары. Бѣленькая, привѣтливая кырчма отбѣжала отъ этого села къ самой дорогѣ. Стѣны ея сверкаютъ на солнцѣ и въ двери видна густая заманчивая тѣнь. Лука приворачиваетъ сюда, разнуздываетъ лошадей и подвязываетъ имъ мѣшки съ овсомъ. Намъ ставятъ столикъ въ тѣни, подаютъ вино и кашкавалъ (простой овечій сыръ). Я соблазняюсь зарисовать эту кырчму, стоящую въ чистомъ просторѣ, безъ садика, безъ деревца, безъ тына. Пока я рисую, Лука наливаетъ мутноватое вино и каждый разъ чокается съ Катріаномъ. Потомъ требуютъ второй графинъ. Теперь наливаетъ Катріанъ и чокается первый. Лука разсказываетъ ему что-то медленно, серьезно, съ видомъ человѣка, который интересуется предметомъ, но не можетъ его понять. Катріанъ — слушатель экспансивный: онъ весь подался черезъ столъ, чмокаетъ губами (выраженіе крайняго вниманія) и порой издаетъ восклицанія. Говорятъ по румынски, но я улавливаю отдѣльныя фразы. Рѣчь идетъ о пѣвицѣ, которую Лука хлестнулъ кнутомъ. Никто не знаетъ, откуда она, кто ея родители. Привезъ ее какой-то нѣмецъ, который давно умеръ. Съ тѣхъ поръ перебывала во многихъ мѣстахъ. То появляется, то исчезаетъ. Знаетъ четыре языка: нѣмецкій, румынскій греческій и немного руснацкій. Водится теперь съ греками, но сама не гречанка. Кажется, Лука считаетъ ее не-

много колдуньей. Катріанъ презрительно смѣется... Закипаетъ какой-то споръ, но, когда я подхожу къ столу, Лука смолкаетъ... Онъ показываетъ мнѣ вдаль, гдѣ почти на горизонтѣ виднѣется синеватая цѣпь холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ. Она раздѣлена въ одномъ мѣстѣ переваломъ.

— Вонъ намъ куда надо: у етой дялъ будетъ лѣзть,— говоритъ Лука.—Далеко еще. Поздно выѣхали. Какъ бы дощъ не засталъ у балканахъ... *).

Опять ровный топотъ копытъ... Долго... Часы... Клонитъ дремота. Солнце перешло на другую сторону неба. Однообразная равнина начинаетъ волноваться. Въ одномъ мѣстѣ изъ за близкаго горизонта мелькнула круглая верхушка горы. Мелькнула и скрылась и потомъ встала вся отъ вершины до подошвы огромнымъ курганомъ. Она будто выбѣжала сюда одна отъ далекихъ горъ и стала одиноко и сурово со своей тѣнью, какъ передовой стражъ, господствуя надъ равниной. Стучатъ копыта, каруца катится, гора растетъ. Зовутъ ее Денизъ-тепе,—можетъ быть, потурченное названіе горы Діониса, забредшаго далеко на сѣверъ, въ страну варваровъ и здѣсь одичавшаго эллинскаго Бога... По сторонамъ ея, широкимъ кругомъ, охватывающимъ гору, виднѣются, каждый со своею тѣнью, меньшіе курганы. Движеніе коляски производитъ странную иллюзію: кажется, что огромная и грузная гора стоитъ на мѣстѣ и только растетъ къ небу, а курганы передвигаются, обходятъ насъ стороной, охватываютъ, окружаютъ магическимъ кругомъ... Это—какъ будто старый лагерь... Ставки невѣдомыхъ вождей или маленькіе алтари вокругъ гигантскаго жертвенника... Отъ всей группы вѣетъ загадочной торжественностью, застывшею старою тайной...

Лука поворачивается ко мнѣ, указываетъ кнутомъ и говоритъ:

— Етые могылы, господинъ Владиміръ,—усё люди подѣлали... Народы какіе-то... А какіе народы, я не могу знать... И никто не знаеть...

Потомъ, помолчавъ, прибавляетъ:

— Теперь отъ тыхъ народовъ не осталось можетъ ни одного человѣка... Нигдѣ... на усёмъ свѣтѣ. Тольки могылы...

Есть въ этой простой фразѣ Луки и въ его глубокомъ голосѣ, когда онъ ее произноситъ, что-то особенное... Или это только мнѣ кажется потому, что мы уже въѣхали въ синюю тѣнь Денизъ-тепе. Сначала въ нее нырнули лошади,

*) Балканы—нарицательно: горы. Дялъ (deal) долина, раздѣляющая горный кряжъ.

потомъ, зыбью пробѣжавъ по ихъ вздрагивающимъ спинамъ, она покрыла Луку и легкимъ вѣяніемъ холодка обдала наши лица. И кругомъ насъ сразу стало холоднѣе и печальнѣе. По бокамъ что то осторожно шептала сухая степная трава, и чудились какія-то давнія времена, и странная ночь, и чуждое небо, и не нынѣшняя луна и звѣзды, и невѣдомые „народы“, собиравшіеся здѣсь для невѣдомыхъ дѣлъ. Для войны? Для мира? Для совѣта?... И на этихъ мелкихъ курганахъ горѣли огни?... А на вершинѣ совершалась тайна?.. Лилась жертвенная кровь? Гремѣли завѣты грознаго божества?... И кругомъ во тьмѣ склонялись тысячи людей, въ молитвѣ и ужасѣ, и по склоненнымъ спинамъ пробѣгали трепетные отблески огней...

Катріанъ въ наивномъ удивленіи смотритъ на курганы. Онъ вздыхаетъ, качаетъ головой и его рѣзкій голосъ вспугиваетъ обаяніе минуты.

— Ахъ, господинъ Володя (такъ онъ величаетъ меня по болгарской привычкѣ къ уменьшительнымъ именамъ).—Какой народъ былъ глупый... Для чего потерялъ свой трудъ? Для чего потерялъ свой капиталъ?..

Я невольно улыбаюсь. Чѣмъ то удивительно наивнымъ звучитъ этотъ возгласъ. Лука поворачивается, смотритъ на Катріана въ упоръ и говоритъ:

— Тебе не спытали...

— Мене спыталъ бы,—съ той же наивной простотой отвѣчаетъ Катріанъ,—я бы не позволялъ. Это есть одна глупость. Лучше строить школа, народного дворца, театра. Для чего столько земля таскалъ? Какой надобность столько земля таскать у одно мѣсто?.. Мало гора на свѣтѣ?..

Вопросъ поставленъ такъ ясно и просто, что Лука не находитъ возраженія и глубоко задумывается. Мнѣ чуется, что какія то смутныя симпатіи связываютъ его простую душу съ тайной этого мѣста, гдѣ давно исчезнувшія поколѣнія оставили послѣ себя эти курганы и смутныя тѣни тоже давно исчезнувшей вѣры. Но рѣзкій раціональный голосъ Катріана распугиваетъ смутныя ощущенія: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, таскать столько земли въ одно мѣсто?..

Отвѣтить Лука не умѣетъ. Онъ задумчиво покачиваетъ головой и гонитъ лошадей, чтобы онѣ поскорѣй унесли его отъ неразрѣшимаго вопроса...

VII.

Собственный цыганъ Луки.

Навстрѣчу, по дорогѣ огибающей Денизъ-тепе, ползетъ возъ и скоро тоже ныряетъ въ тѣнь.

Это кочевая телѣга цыгана. Онъ идетъ впереди одинъ. Подъ навѣсомъ телѣги — его нехитрый скарбъ и, вѣроятно, семья. Далеко не доѣзжая до насъ, онъ торопливо сворачиваетъ съ дороги, останавливаетъ лошадь. Я съ удивленіемъ вижу, что онъ вытолкнулъ изъ подъ навѣса чернаго лохматаго цыганенка, а другого, поменьше, взялъ за шиворотъ и волокетъ къ дорогѣ, по которой мы должны проѣхать. Тутъ онъ швыряетъ ребенка на щебень и кидается самъ на землю. Всѣ трое лежатъ почти на серединѣ дороги...

Лука замедляетъ бѣгъ лошадей и сворачиваетъ въ сторону. Лошади осторожно пробираются краемъ, прижимаясь другъ другу, колеса сухо шуршатъ по щебню... Навстрѣчу намъ съ земли глядятъ съ страннымъ выраженіемъ три пары цыганскихъ глазъ, точно въ рамкѣ изъ матовыхъ черныхъ лохматыхъ волосъ... Поровнявшись съ ними, Лука тихо замахивается кнутомъ и покрываетъ всѣхъ ласково-шутливымъ ударомъ. Цыганы точно по командѣ приподнимаются на колѣни и начинаютъ порывисто кланяться, вслѣдъ нашей тихо удаляющейся каруцѣ. А сбоку, таинственно, серьезно и одобрительно смотритъ на эту картину загадочная гора Денизъ, окруженная своими курганами...

— Что это такое?—спрашиваю я съ удивленіемъ у Катріана.—Они просятъ милостыни?

Катріанъ пожимаетъ плечами:—Ну штіу (не знаю)—говоритъ онъ.—Се asta (что это) Лукашъ?

Лука стыдливо вытягиваетъ лошадей кнутомъ и говоритъ послѣ короткаго молчанія:

— Ето Янку... мой цыганъ.

— Зачѣмъ-же онъ ложится на дорогу?

Лука нѣкорое время молчитъ, думаетъ о чемъ-то.

— Такой у его обычай...—говоритъ онъ затѣмъ серьезно:— Моду себѣ такую узялъ. Какъ мене завидить, такъ сейчасъ и ляжеть. И дѣтей покладеть... Значыть: поѣзжай, Лука, черезъ мене, черезъ моихъ дѣтенковъ. Топчи копытами, ничего.

— Но зачѣмъ же?

— Такъ...

Онъ опять застѣнчиво смолкаетъ. Но потомъ, соображая, что мы въ недоумѣніи, говоритъ какъ то неохотно и вяло:

— Ты, Катріанъ, знаешь, гдѣ тутъ за горою Европа Дунай ровняла и дорогу строила...

— Знаю.

— Ну, выкопали они тутъ фосу (канаву) и шанецъ насыпали. А потомъ сверху, можетъ отъ желѣзныхъ воротъ, а то отъ Семендріи вода по Ду̀наю пошла и покрыла все етое мѣсто, и шанецъ, и фосу, геть усё... Ничего не видно... Ну, а етой цыганъ не зналъ. Онъ кочуеть далеко: пойдеть себѣ степами на Констанцу, въ Туречину залѣзеть, пропадаеть долго... Поѣхалъ етымъ мѣстомъ, задумалъ коней купать... Отпрегъ, повелъ у воду. Думаетъ себѣ, дурной, что тутъ мелко. Дошелъ до етой фосы,—бухъ у воду съ головою, давай уже тонуть... Когда бы не глупый былъ, то не былъ-бы выпустилъ повода. Лошади бы его выволокли. А онъ дурной: боится коней втопить, отпустилъ...

Лука усмѣхается и качаетъ головой...

— Ну?—нетерпѣливо понукаетъ Катріанъ.

— Такъ и утопъ-бы собака. Да на тую пору мене чортъ принесъ: ѣду себѣ надъ Ду̀наемъ изъ Сары-коя; вижу, что-то у водѣ чернѣется. Покажется и мырнеть опять. А по берегу цыганчата эти самые бѣгають, лопочуть, руки кверху здымають. Когда вижу: лошади надъ шанцомъ показались. Тутъ уже я догадался. Соскочилъ сейчасъ, орчики отъ каруцы отчепилъ, дышло вынялъ да съ дышломъ у воду...

— Такъ и вытащилъ цыгана?—смѣясь, спрашиваетъ Катріанъ.

— Самъ было утопъ,—серьезно отвѣчаетъ Лука.—Цыганъ мой уже одурѣлъ: я ему дышло у носъ, а онъ того понятія уже не имѣеть, чтобы ухватить руками... Что тутъ дѣлать у етакой бѣдѣ. А самъ я плавать тоже не умѣю. Ну, побѣжалъ на берегъ, схватилъ буланка, возжу ему за шею подвязалъ, до у воду. Спрыгнулъ съ коня у фосу, хлеснулъ его, самъ лѣвою рукою за возжу держусь, другою цыгана ухватилъ за чуприну... Онъ, дурной, мене на дно тянеть, буланка на мѣстѣ бьется, ажъ вода столбомъ стоить, по берегу цыганчата бѣгають, кричать...

Онъ усмѣхается, Катріанъ громко хохочетъ.

— Совсѣмъ было пропалъ съ проклятымъ цыганомъ. Надо бы кинуть, а мене уже зло взяло. Пущай же я его дурного вытащу, у то и самъ пропаду, когда мнѣ можеть такая смерть написана... Ну, все таки выволокъ насъ буланый до шанца,—руку мнѣ возжой всю ободралъ. Взялъ я етого цыгана на руки, донесъ до берега, положилъ лицомъ у низъ, вытрясъ изъ его воду. Можетъ съ ведро. Душа вернулась. Вотъ онъ съ етыхъ самыхъ поръ все мнѣ и кланяется... ѣду я, онъ на дорогу ляжеть. У городѣ встрѣ-

неть, руки цалуеть... Цыганъ, цыганъ, а душа такая же. „Я твой человѣкъ“.—А на что ты мнѣ, дурной, здался?..

— Ты есть алтруистъ,—говоритъ Катріанъ серьезно.— Omul brav (храбрый человѣкъ). Тебѣ треба у нашего клуба писаться.

— Не понимаю я, чего ты говоришь.—Лука пожимаетъ плечами и переводитъ разговоръ на другую тему.

— Тутъ вотъ могылочка будеть, такъ въ ей хохолъ съ Херсонщины усё кладъ шукаеть... Вотъ и теперь тутъ.

Денизъ-Тепе назади. Теперь гора повернулась къ намъ освѣщенной стороной и въ ровномъ косомъ свѣтѣ кажется далекой. Въ тѣни чуть замѣтнымъ пятнышкомъ маячитъ цыганскій возъ... По мѣрѣ движенія нашей каруцы, странно передвигается цѣпь кургановъ; послѣдніе изъ нихъ подбѣжали къ нашей дорогѣ, какъ бы загораживая выходъ изъ магическаго круга...

Одинъ подошелъ вплоть. Въ его бока врѣзалась канава. Изъ ямы, точно комъ земли среди другихъ комьевъ, видна лысая голова съ сѣдыми усами. Живые глаза провожаютъ насъ внимательно, подозрительно и враждебно. Лука кланяется съ обычнымъ серьезнымъ видомъ. Катріанъ громко смѣется.

— Nebun (сумашедшій),—говоритъ онъ безцеремонно.— Съ малаго труда, хочетъ большой дохода... Съ малаго труда не надо большой дохода... Правда, господинъ Володя?

„Балканчики“ все ближе. Надъ ними мутныя тучи тихо клубятся, громоздясь другъ на друга, но какъ будто не рѣшаясь покинуть гряду, чтобы двинуться къ долинѣ. Надъ нами и за нами еще свѣтло и весело. Вьется жаворонокъ, разсыпается гдѣ-то невидимой трелью и, какъ черная грудочка земли, падаетъ въ сухую траву. Высоко пролетаютъ ласточки, искрещивая воздухъ зигзагами. Вверху, освѣщенный солнцемъ, паритъ степной орелъ.

Лука и Катріанъ давно уже ведутъ о чемъ-то бесѣду по-румынски. Бесѣда дѣловая. Началъ ее Лука: „Аскультá, Катріане“,—сказалъ онъ, слегка повернувшись и затѣмъ медленно какъ будто сконфуженно сталъ ему говорить что-то о функціонарѣ, который приходилъ къ нему и о чемъ-то его просилъ... Катріанъ сначала смѣялся, потомъ сталъ говорить такъ быстро, что я пересталъ улавливать смыслъ его румынской рѣчи; онъ привставалъ къ Лукѣ, опять кидался въ сидѣніе и даже стучалъ кулакомъ по ладони.

Наконецъ, рѣдкія реплики Луки совсѣмъ стихли. Онъ ѣхалъ молча и наклонивъ голову на бокъ, не то изучая по-

бѣжку лошадей, не то раздумывая. Потомъ заговорилъ по-русски, обращаясь уже ко мнѣ.

— Вотъ, господинъ Владиміръ... Мы тутъ съ Катріаномъ майструемъ у двохъ надъ однымъ дѣломъ...

— Какимъ?

— Хочемъ такъ сдѣлать, чтобъ одного человѣка оставить безъ хлѣба.

Я невольно улыбаюсь. Катріанъ лукаво подмигиваетъ на Луку. А Лука продолжаетъ своимъ медлительно-вдумчивымъ голосомъ:

— Видите... Какой тутъ марахветъ выйшолъ. Приходять разъ ко мнѣ у дворъ помощникъ перчептора (по вашему сборщикъ) и два епистаты. Значить, по вашему сказать жандармы. Усѣ пьяные. Вышла къ нимъ тутъ теща моя, старая женщина. „Что вамъ надобно?“ — Подавай подать... Слыхали?—Ну, она ему отвѣчаеть: что ты у бабы подать пытаешь? Умный ты или дуракъ? Онъ ее—бить... Выбѣжала жена...

Онъ поворачивается ко мнѣ. Глаза его сверкають жалостью и гнѣвомъ.

— Вы ее видали: больная. Онъ и ее, подумайте, господинъ Владиміръ,—ногою вотъ сюда, подъ грудки... А меня не было̀. Я съ отцомъ и братомъ на га̀рманѣ былъ. Ворочаюсь до дому: жена моя лежить на постели. Съ етыхъ поръ вотъ опять до доктора вожу...

— Hotz, tilhar, bürokrat!—гнѣвно сверкая глазами, произноситъ Катріанъ.

— Ну, ето правда,—поясняетъ мнѣ Лука.—Тильга̀ръ, гоцъ—значится разбойникъ. И вѣрно, что разбой... А у меня, сказать вамъ, и подать давно заплачена... Оны, значыть, хотѣли съ етыхъ женщинъ на вино себѣ выманить... Что, господинъ Владиміръ, у васъ такъ бываеть, у Россіи?

— Случается тоже...

— Что тогда дѣлають у васъ люди?

— Что-жъ... жалуются, конечно.

— Ну, такъ... И вы тоже самое говорите. А у насъ, господинъ Владиміръ, прежде при ту̀рчинѣ былъ другой обычай... При ту̀рчинѣ, то взялъ-бы я себѣ добрый атаганъ... ножъ значыть, или пушку, по вашему рушницу, и пойшелъ-бы на дорогу дожидаться. Когда-бы онъ пойшелъ дорогою, то уже кому бы Богъ далъ. Или ему, или мнѣ. Кому, значить, какое счастіе. Мнѣ бы Богъ помогъ, я бы ему голову розбилъ. А если бы ему Богъ далъ, то онъ бы меня уклалъ на етой дорогѣ. До кого-бы, значыть, смерть пришла, то отъ смерти никому нельзя убѣгти... Ни одному человѣку... При турчинѣ у прежнее время оно такъ было̀...

— Глупый народъ билъ,—категорически отрѣзываетъ Катріанъ.—Феодальный време рушница дѣйствовалъ. Буржазный време—законъ!

— Ну, — мотаетъ головой Лука.—Прежде такъ было. Отецъ у меня, конечно, человѣкъ старинный. Такая, говоритъ, видно, твоя доля, а что покинуть етое дѣло нельзя... Ну... пошелъ я къ доктору. Прощай, говорю, домну докторе. Чи увидимся, чи можетъ уже не увидимся, я не знаю. Ну, онъ роспыталъ мене. Хочешь ты, дурной, мене послухать?—Я завсегда, говорю, долженъ тебе послухать.—Такъ покинь ты етые турецкіе глупости. Не надобно. Лучше я тебѣ одного человѣка пошлю... Онъ тебѣ дасть пораду... И прислалъ, вотъ его, Катріана.

Онъ тычетъ, повернувшись, ручкой бича по направленію къ Катріану и продолжаетъ:

— А онъ, Катріанъ, вотъ какой человѣкъ, вы его еще можетъ не знаете. Башмачникъ, чеботарь, черная кость. Худородный, какъ все одно я, или другой. А никого не стыдится. И имѣетъ силу...

Катріанъ самодовольно улыбается. — Помнишь Костю? — говоритъ онъ.

— Я не объ етомъ,—говоритъ Лука,—что ты Костю свалилъ. Мене не свалишь. У тебе сила большая, а короткая... А я, господинъ Владиміръ, вотъ о чемъ: приходитъ, напримѣръ, у ресторацію, или у градину (садъ), гдѣ сидитъ самъ прехвектъ. Здоровкается за руку. Запалюетъ цигарку, сажается себѣ на стулъ...

— Ты смотришь на префектъ, какъ на одинъ Богъ,—говоритъ Катріанъ. — А я не смотрю на его, какъ на одинъ Богъ. Затово что онъ народный слуга. Пишись, глупый царанъ, у нашего клуба, будешь понимать усе.

Лука задумчиво стегаетъ лошадь и, оставивъ восклицаніе Катріана безъ отвѣта, продолжаетъ:

— Пришелъ Катріанъ ко мнѣ у домъ, распыталъ. Аштяпъ (подожди) говоритъ. Ты покамѣсть не мѣшайся у етое дѣло. Мы будемъ у газету писать. Потомъ, когда уже газета не поможетъ, напишемъ петицу *)... На что мнѣ, я говорю, твоя газета и петица? Газета—бумага, а онъ у мене живую бабу билъ. Я ему, тилгару, кишки выпущу, какъ онъ ее подъ грудки вдарилъ.

Катріанъ иронически усмѣхается.

— А какъ онъ тебѣ кишки выпуститъ. А? Или посадятъ тебе у пенитенціаръ... Бабѣ лучше будетъ?

— Вотъ!—подтверждаетъ Лука.—Ето правда опять. Да-

*) Petitia—жалоба.

вай, говорить, мы у етыхъ людей кусокъ хлѣба изъ роту вырвемъ. Ето имъ будеть лучше атагáна и рушницы. Теперь онъ получаеть себѣ шестьдесятъ левовъ каждый мѣсяцъ... А мы у его отберемъ...

Лука качаетъ головой, какъ бы удивляясь, и продолжаетъ:

— Написалъ у газету. Пришла газета изъ Бухарештовъ до насъ. Люди читали,—газета, газета!.. Ну, а дальше что?—Аштяпъ,—говорить, значитъ: погоди. Не твое дѣло. Ты тольки побожись на образъ, что безъ мене не будешь съ нимъ мириться никакъ. Ну, я побожился. Почему побожился? Я ихъ у тое время живыми бы у землю радъ закопать...

Катріанъ при упоминаніи о клятвѣ на образъ лукаво улыбается и подмигиваетъ на Луку...

— Ну, хорошо,—продолжаетъ Лука.—Прійшла етая газета, кличуть мене у прехвектуру. И онъ тамъ, перчепторъ и епистаты съ нимъ. Стоять, чисто овечки. „Правда у газетѣ написана?" „А какъ-же!"—„Били они?"„—Били. И сейчасъ баба больная". Какъ же вы,—говоритъ функціонаръ,—можете прійти къ пропріетару у домъ и бить его кукóну? Ето не дозволяется никàкъ... За етое дѣло отвѣтите строго. Ну, и что вы думаете: пройшло дня можетъ три или четыре, приходить ко мнѣ етой перчептóръ. Бухъ у ноги... „Ярта ме пентру думніе зеу"... Значить: прости ты мене для Бога.

Голосъ Луки становится жалобнымъ.

— Прости, говорить. Не попомни етого дѣла... Ноги цѣлуеть. Потому что, видите вы, господинъ Владиміръ,—у него тоже баба и два дитёнка. Чѣмъ имъ кормиться?.. А?..

— Ну, и что-же вы, простили?

Лука нѣкоторое время молчитъ, Катріанъ сидитъ, сдвинувъ брови. Потомъ Лука говоритъ съ особенной медлительностью.

— Я вамъ правду скажу: хотѣлъ попуститься. Жалко. И жена просила. Ну, нельзя: присягалъ. А онъ, Катріанъ, не позволяеть никакъ...

Катріанъ дѣлаетъ рѣзкое движеніе и говоритъ:

— Вотъ, господинъ Володя, смотрите вы на этого народа: изъ рушница хотѣлъ стрѣлять, атаганъ хотѣлъ рѣзать, голова хотѣлъ разбивать—теперь хочетъ отпускать вовсе...

И, привставъ съ гнѣвно сверкающими глазами, онъ спрашиваетъ у Луки:

— Онъ тольки твоя баба билъ?

— Ето правда, господинъ Владиміръ,—смиренно отвѣчаетъ Лука,—у другихъ тоже билъ. Мужики изъ дому, они

у домъ. Которыя бабы испугаются, дадутъ лева три, а то четыре, они идуть дальше... А которая не дасть—бить...

— За ета причина нельзя простить,—отчеканиваетъ Катріанъ, обмусливая скрученную папиросу.—Asta afacere cetacenesca (это общественное дѣло). Когда ты увидишь одна змія, — убій его!.. Убій, чтобы не укусилъ другому... — заканчиваетъ онъ тономъ глубокого безповоротнаго убѣжденія.

Блѣдное лицо соціалиста покраснѣло отъ волненія. Лука молчитъ сконфуженно и покорно.

VII.

Липованъ изъ Черкесской Славы.

Перелѣсокъ. Дорога грязная. Здѣсь недавно шелъ дождь, рѣдкія капли проносятся въ воздухѣ и висятъ на листахъ. Изъ-за деревьевъ видны недалекія крутыя вершины лѣсистыхъ горъ, задернутыхъ дождливой пеленой. Слышенъ шумъ тихій и ровный. Разбѣжавшіяся лошади чуть не набѣгаютъ на препятствіе. На поворотѣ, у кустовъ, стоитъ возъ съ хворостомъ, наклонившійся на сторону. Правыя колеса по ступицу ушли въ колею. У воза хлопочетъ липованъ въ маленькой шляпенкѣ и кожаныхъ постолахъ, вымокшій, грязный и вспотѣвшій. Въ перспективѣ лѣсной дорожки равнодушно поскрыпываетъ другой возъ и скоро исчезаетъ за кустами. Липованъ хлещетъ взмокшую лошаденку поперекъ спины, потомъ по шеѣ, по глазамъ. Лохматый конекъ тужится, выгибаетъ худой хребетъ. Возъ не трогается.

Лука останавливаетъ каруцу, медленно подвязываетъ лошадей, потомъ нѣсколько секундъ стоитъ молча, изучая положеніе воза.

— Топоръ есть?—спрашиваетъ онъ у липована.

Тотъ достаетъ топоръ, покорно подаетъ его Лукѣ и потомъ, снявъ шляпу, отираетъ мокрое лицо и слипшіеся на лбу волосы. Лицо усталое, апатичное. Онъ, видимо, дошелъ до тупого отчаянія, когда человѣкъ уже ни на что не разсчитываетъ и готовъ хлестать дорогу, деревья, оглобли и, конечно, лошадь. Лошадь больше всего, потому что она способна тоже чувствовать отчаяніе: она вся дрожитъ мелкою дрожью ужаса, и умные глаза ея плачутъ крупными чистыми слезами.

Лука качаетъ головой неодобрительно и жалостливо. Потомъ беретъ топоръ, двумя-тремя ударами срубаетъ мѣшающія вѣтки, а затѣмъ вырубаетъ толстый корень у самой

ступицы. Возъ осѣдаетъ и накренивается на Луку, но вдругъ подымается опять. Это Катріанъ, замѣтивъ опасное положеніе пріятеля, быстро подставилъ плечо и порывисто нервнымъ усиліемъ приподымаетъ возъ. Липованъ подхлестываетъ лошадь, возъ выползаетъ на ровное мѣсто.

Лука одобрительно смотритъ на Катріана... Липованъ снялъ обѣими руками мокрую шляпенку. Его рубаха изорвана, съ одной ноги обувь свалилась и тянется сбоку на ремешкѣ, лицо удивленно радостное и благодарное.

— А что же твои тебѣ не помогли?—спрашиваетъ Лука, указывая головой въ ту сторону, откуда еще слышно потрескиваніе корней подъ колесами.

— Не свои, — отвѣчаетъ липованъ, — ето изъ Русской Славы, астрицкіе. Мы, стало быть, съ Черкеской. Безпопскіе...

— Ну, такъ что-же? — говоритъ Лука поучительно. — У бѣдѣ человѣку надо помочь. Когда бы твоя конячка не была сдвинула сама, то я бы тогда выпрягъ своихъ... Нельзя человѣка у такой бѣдѣ покинуть.

Онъ подходитъ къ липованскому коню и жалостливо гладитъ его по шеѣ.

— А коня, братъ, надо кормить. На бичѣ не уѣдешь. Главная сила у зернѣ. Лошади дай зерна, потомъ пытай работу. Безъ понятія вы, славскіе. Вотъ у Сарыкоѣ ваши тоже. Липованы. А посмотри ты коня, посмотри возъ... Усё справно.

Липованъ слушаетъ смиренно, потомъ вдругъ спохватывается. Широкое лицо его расцвѣтаетъ улыбкой.

— Пожди-ка, — говоритъ онъ, лукаво подмигивая, и кидается къ возу. Изъ-подъ хворосту онъ достаетъ объемистую посудину и большой стаканъ. Въ посудинѣ цуйка, — мѣстная сливяная водка, мутная, плохо очищенная, но необыкновенно крѣпкая. Онъ наливаетъ себѣ стаканъ, говоритъ: „Господи благослови“ и быстро опрокидываетъ въ ротъ. Потомъ подноситъ Лукѣ и Катріану. Они выпиваютъ. Липованъ наливаетъ по другому стакану.

— А самъ? — спрашиваетъ у него Лука, выпивъ послѣ Катріана.

Липованъ смотритъ съ наивнымъ сожалѣніемъ и чешетъ въ головѣ.

— Не догадался, вишь.—Теперича нельзя мнѣ: посудину вы опоганили. — Онъ кидаетъ стаканъ въ кусты и прибавляетъ простодушно:

— Ну, ничего! Для добрыхъ людей не жалко.

Каруца катится лѣсомъ, который становится все выше. Безсонная ночь и тихое ровное движеніе берутъ свое: я

начинаю дремать. Будто сквозь сонъ слышу, какъ Лука говоритъ:

— Тутъ, вотъ, долгоусы живутъ. А что за народъ — неизвѣстно.

И въ моихъ дремотныхъ глазахъ мелькаетъ лѣсная вырубка, хатки, синій дымокъ на фонѣ зелени, и черная голова на тонкой шеѣ, съ длинными усами, расходящимися надъ бритымъ подбородкомъ. Два глаза, съ темными, какъ угольки, зрачками. Потомъ какой-то цыганскій поселокъ съ землянками. Подобіе женщины съ черными лохмами и обнаженной терракотовой грудью...

Потомъ лѣсъ, сплошной, высокій, съ однообразнымъ убаюкивающимъ шумомъ.

VIII.

Столкновеніе.

— Для чего ты у нашъ клубъ не пишешься?—доносится ко мнѣ медленный голосъ Луки...—Хочется ему, чтобъ я записался у clubul muncitorilor. Ну, мнѣ ето не надобно... Почему не надобно?..

Онъ обращается ко мнѣ, и я просыпаюсь...

— Онъ, господинъ Володя, боится, что мы у Бога не вѣримъ,—живо подхватываетъ Катріанъ.—Боже мой!—поворачивается онъ къ Лукѣ:—кто тебѣ запретитъ? Вѣрь ты у свой бога, только будь солидàръ... Чтобы не давать своего труда кушать другому...

Лука не отвѣчаетъ. Катріанъ закуриваетъ. Опять долго ѣдемъ молча. Вечерѣетъ. Вверху надъ лѣсомъ проносятся красноватыя облака, точно торопятся на ночлегъ... И опять, очнувшись отъ дремоты, я слышу разговоръ:

— Такъ и не будешь жениться?—спрашиваетъ Лука.

— Не буду,—отвѣчаетъ Катріанъ и выпускаетъ въ воздухъ длинный густой клубъ дыма...

— Не хочешь... Ну, а какъ дитенокъ будетъ?..

— Дитенокъ родился уже,—говоритъ Катріанъ живо.— Одинъ большой мальчишка.. Четыре кило тянетъ.

— Ты уже его на кàнтарѣ *) важилъ?

— Важилъ.

— Та-а-къ. А крестилъ?

Катріанъ молча пожимаетъ плечами.

— У какую-жъ ты его вѣру окрестишь,—съ глубокимъ интересомъ продолжаетъ Лука.—У церкву понесешь?

*) Cântar—вѣсы.

— Зачѣмъ у церковь?—Не надо мнѣ церква.

Лука поворачиваетъ голову.

— Неужто у синагогу потащишь?

— На надо мнѣ синагога,—равнодушно отвѣчаетъ Катріанъ. Лука слегка откидывается и весь поворачивается къ сидѣнію.

— Какъ-же онъ у тебе будеть?..

— Никакъ...

Глаза Луки дѣлаются круглыми и на нѣсколько секундъ какъ-бы застываютъ... Онъ какъ будто не можетъ дать себѣ яснаго отчета въ слышанномъ и начинаетъ уяснять его себѣ, отпустивъ лошадей. Потомъ опять поворачивается.

— Слышите вы, господинъ Владиміръ...—Вотъ у его баба. Жидовка. Жениться онъ не хочеть. У насъ у Руманіи ето можно: либеръ, хочь зъ христіанкою, хочь зъ татаркою вѣнчаться можно. Неправду я говорю, Катріанъ?

— Правда,—подтверждаетъ Катріанъ.

— Ну, онъ не хочеть. Значить такъ: збѣжалися какъ собаки у одно мѣсто... Свадьба..

Папироса въ губахъ Катріана слегка вздрогнула. Его блѣдное лицо еще поблѣднѣло, а глаза загораются гнѣвнымъ огонькомъ.

— Ну,—продолжаетъ Лука успокоительно,—ето ихъ дѣло. У насъ тоже много такъ живуть... Грѣхъ, конечно, ну, ничего. А вотъ что онъ теперь говорить... Ето какъ?

— Слушай Катріанъ,—говоритъ онъ странно перемѣнившимся, почти просительнымъ тономъ:—ты мнѣ етого не говори... Пож-жа-луйста не говори! Я тебе прошу... Ну, не хочешь у церкву, неси у синагогу... Будетъ онъ у тебе еврей. Усё таки вѣра... Понесешь?

— Не...

— У мечеть неси. Будетъ онъ турчинъ.

— Не надо мине мечеть.

Каруца катится совсѣмъ тихо. Лука смотритъ на Катріана. Катріанъ, крѣпко зажавъ въ зубахъ папиросу, смотритъ на Луку. Я съ нѣсколько тревожнымъ любопытствомъ смотрю на обоихъ.

Трудно представить двухъ людей, менѣе похожихъ другъ на друга. Лука—крѣпкій, прямоугольный. Все на немъ прочно, широко, сшито съ запасомъ. Движенія немного неуклюжи, но въ нихъ чувствуется какое-то грозное, медвѣжье проворство. Лицо смуглое, трудно выдающее душевныя движенія. Черные глаза глубоки, и въ этой глубинѣ все смутно. Точно въ головѣ и сердцѣ этого человѣка клубятся и передвигаются медлительныя чувства и мысли, похожія на облака ночью надъ курганами Денизъ-Тепе... Катріанъ, сухой и нерв-

ный, весь точно на пружинахъ. Такъ какъ въ горахъ сыровато и холодно, то я далъ ему пелерину отъ своего непромокаемаго плаща. Изъ подъ нея видѣнъ черный сюртукъ. Все это какъ-то странно и случайно. Въ фигурѣ Луки чувствуется бытъ, по которому тяжело прошли вѣковыя перемѣны. Фигура Катріана вся — сегодняшній, можетъ быть завтрашній день... На блѣдномъ отъ нездороваго труда лицѣ проступаетъ быстрый непрочный нервный румянецъ...

— Будешь крестить?—спрашиваетъ Лука медленно.

— Не буду,—говоритъ Катріанъ.

— И у турецкую вѣру не окрестишь?

— Отвяжись отъ мене...

Лука останавливаетъ коляску и говоритъ:

— Вылазь изъ каруцы...

— Вылазь изъ каруцы,—повторяетъ онъ крѣпче. — Ты мою каруцу опоганилъ. Я добрыхъ людей вожу. Вылазь изъ каруцы!

И затѣмъ медленно, замотавъ на облучкѣ возжи, онъ слѣзаетъ съ козелъ.

Едва онъ ступилъ на землю, какъ Катріанъ, быстрымъ какъ молнія движеніемъ, выпрыгнулъ изъ каруцы, и стоялъ противъ него въ своей шляпенкѣ и моей пелеринѣ, но не смѣшной. Онъ весь выпрямился, какъ тугая пружина. Глаза его сверкали, тонкія черты стали красивы и значительны.

— Какъ ты смѣлъ говорить такъ о моей женѣ?—заговоритъ онъ по румынски звенящимъ голосомъ.

— А что-жъ тебѣ сказать,—медленно, тоже по румынски отвѣчаетъ немного оторопѣвшій Лука.

— Ты... ты глупый царанъ,—почти задыхаясь, заговорилъ Катріанъ,—звѣрь лѣсной.. Ты вотъ это дерево, ты вотъ этотъ камень, ты ничего не можешь понимать. Ты не имѣешь разума... И ты смѣешь такъ говорить о моей женѣ. Она честная женщина, мать моего ребенка...

Онъ нервно засмѣялся и, указывая пальцемъ на Луку, заговорилъ, обращаясь ко мнѣ, опять на своемъ руснацко-румынско-болгарскомъ жаргонѣ. Въ голосѣ его слышался горькій сарказмъ:

— Посмотрите на его, господинъ Володя: — это есть одинъ моралистъ, одинъ христіанинъ. Онъ учитъ мене, какъ держать моя семья. А самъ...

Онъ остановился и, пронизывая Луку горящимъ взглядомъ, прибавилъ:

— Имѣеть одна жена у селѣ и одна любовница въ городѣ... Скажи: неправда я говорю?

Лука, ожидавшій, повидимому, болѣе простаго разрѣшенія

этого спора,—видимо, растерялся. Онъ смотрѣлъ на противника округлившимися несоображающими глазами.

— Ха-ха!—нервно захохоталъ Катріанъ.—Онъ, господинъ Володя, сегодня ударялъ кнутомъ эта дѣвушка. За чего ты ударялъ Марица?.. За того, что она тебе бросала, пошла къ грекамъ. А за чего ты ее билъ? Это я считаю низкость, бить одна слабая женщина. И ты... ты говоришь о моей женѣ...

По блѣдному лицу соціалиста прошла судорога. Сѣрые глаза вспыхнули. Онъ подскочилъ къ Лукѣ и схватилъ его лѣвой рукой за грудь.

Я выскочилъ изъ каруцы, чтобы предупредить столкновеніе, которое, я чувствовалъ, могло быть ужасно. Катріанъ, надорванный городской жизнью потомокъ сильныхъ предковъ, обладалъ все-таки запасомъ той „короткой“, какъ говорилъ Лука, нервной силы, которая даетъ вспышками огромное напряженіе. Лука подался назадъ, тяжело дыша и озираясь, какъ медвѣдь, поднятый изъ берлоги.

Такъ прошла одна или двѣ секунды, которыхъ я никогда не забуду, съ этой лѣсной дорожкой, съ тихимъ шорохомъ листьевъ и съ журчаніемъ невдалекѣ невидимаго источника. Одна лошадь повернула голову, вытянула шею и широко зѣвнула...

Лука отвернулъ лицо и тихо отстранилъ руку Катріана.

— Пусти,—глухо сказалъ онъ и тяжело, точно спросонья, перевелъ духъ...

Это тоже было неожиданно. Катріанъ, выпустивъ пиджакъ Луки, остался въ той же позѣ.

Тяжелое недоумѣніе разрѣшили лошади. Онѣ тихо двинулись по дорожкѣ и черезъ нѣсколько секундъ вынесли каруцу на площадку, гдѣ у подножья холма оказался небольшой каменный водоемъ. На стѣнкѣ виднѣлись завитушки арабскаго изреченія изъ Корана. Водоемъ былъ, очевидно, сдѣланъ въ турецкое время. Вода тихо стекала по желобку, съ мелодическимъ примирительнымъ журчаніемъ и звономъ. Мы втроемъ пошли за каруцой...

Лука снялъ недоуздки, и, когда лошади принялись жадно пить, онъ повернулъ ко мнѣ печальное смуглое лицо и сказалъ тихо:

— Ето, господинъ Владиміръ, усё... правда. Только ты, Катріанъ,—повернулся онъ къ недавнему врагу,—не знаешь мою душу... Ни одинъ человѣкъ не можетъ знать чужую душу... Ни одинъ... На усёмъ свѣтѣ. Тольки вотъ кто знаетъ...

Его черные глаза печально поднялись кверху... А въ голосѣ звучала глубокая хватающая за сердце тоска...

Катріанъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, досталъ оттуда

двѣ сигаретки и, подавая одну Лукѣ, сказалъ, покрывая весельемъ невполнѣ еще улегшееся волненіе:

— Давай, хахолъ. Выкуримъ по одна сигарка...

По кустамъ шелъ тихій шорохъ... Красныя облака вверху уже потухли. За балканчиками сѣло солнце. Булькала вода, вздыхала напившаяся лошадь... Казалось, въ тихомъ, застывающемъ воздухѣ слышенъ полетъ уходящей минуты...

IX.

Вечеръ въ Балканахъ.

...Надъ Балканами тихо. Вечеръ, должно быть еще ранній, но мнѣ кажется почему-то, что уже глубокая ночь. Мы ѣдемъ то темными лѣсными ущельями, то взбираемся на крутыя вершины, и тогда надъ нами широко и далеко раскидывается ласковое, чистое небо, на западѣ еще свѣтящееся отблескомъ отошедшаго дня. Нигдѣ не слышно стука колеса, человѣческаго голоса, собачьяго лая, живого звука... Кругомъ—крутыя горы,—лѣсистыя, молчаливо-таинственныя. Гдѣ-то здѣсь забилась въ ущельяхъ „Черкеская слава", гдѣто есть хутора. Все притаилось, замолкло, можетъ быть, уже заснуло.. И если порой послышится въ сторонкѣ частый топотъ и побѣжитъ рядомъ съ нами шорохъ колесъ, смолкая и опять гулко отдаваясь въ чуткомъ воздухѣ, то это только звуковой призракъ: по ущельямъ бѣжитъ за нами наше эхо...

Катріанъ много куритъ. Огонекъ его сигареты вспыхиваетъ красной искрой. Тогда я вижу его блѣдное лицо, съ глазами, поднятыми къ небу. Оно неопредѣленно задумчиво, почти мечтательно... Въ этихъ поѣздкахъ онъ переживаетъ самый поэтическій періодъ своей жизни. Дѣтство въ тѣсныхъ, кривыхъ улицахъ полу-азіатскаго, полу-европейскаго большого города. Утомительный трудъ въ душной мастерской... Ни отдыха, ни игры, ни ласки, ни просвѣта. Недолгое обязательное ученіе въ школѣ... Потомъ грубый разгулъ съ товарищами-подмастерьями, потомъ случайная встрѣча съ соціалистической молодежью и яркія, нетрудныя, простыя откровенія, въ которыхъ онъ, какъ ему казалось, понялъ всю свою жизнь, какъ можно узнать коридоры и переходы въ большомъ домѣ... Переѣздъ изъ столицы въ Добруджу, опьяняющій успѣхъ пропаганды и непонятная ея остановка... Потомъ—деревенская темнота, деревенская стихійность. Лука, который становится его пріятелемъ, но по непонятнымъ причинамъ не пишется въ клубъ. А сегодня на минуту стоялъ передъ нимъ смертельнымъ врагомъ. Широта и раздолье

степей, по которымъ разсѣяны величавые памятники человѣческой глупости, и ночь въ лѣсныхъ балканахъ, можетъ быть, первая въ жизни, проводимая такимъ образомъ.

Смутный звукъ, точно дальній призывъ или стонъ пробѣгаетъ въ чуткомъ воздухѣ... Ночь отъ него вздрагиваетъ, и эта дрожь замираетъ въ ущельяхъ. Потомъ другой, третій...

— Ce asta (что такое)? — спрашиваетъ Катріанъ почти съ испугомъ.

— У ченобіи *), — отвѣчаетъ ему Лука, — къ вечернѣ вдарили.

— Значитъ, „Слава" близко?—спрашиваю я.

— „Слава" близко, а монастырь далеко. Его вотъ тутъ дялами (ущельями) доноситъ...

Дѣйствительно, мы оставляемъ за собой устье ущелья, и звонъ смолкаетъ... Опять тихо. Навстрѣчу изъ-за деревьевъ поднимается блѣдный серпъ луны, свѣженькій, точно сейчасъ обмытый дождями и росами. Онъ то пробѣгаетъ, будто играя за сѣткой зелени, то скрывается, падая за какую-нибудь вершину, то опять появляется, торопливо карабкаясь по вѣткамъ. И вдругъ смѣло пускается плыть по чистому небу... Катріанъ слѣдитъ за этими его продѣлками и поворачивается ко мнѣ. Лицо его здѣсь, на открытой горной площадкѣ, видно мнѣ довольно ясно. Въ немъ недоумѣніе и вопросъ, очевидно, выходящій изъ обычнаго круга его мыслей.

— Господинъ Володя,—говоритъ онъ медленно,—что я хочу васъ спрашивать?

— Пожалуйста, домну Катріанъ...

Онъ продолжаетъ слѣдить за луной, какъ будто отыскивая на ней какую-то свою заблудившуюся мысль, и потомъ, въ забывчивости, говоритъ по румынски:

— Vezi asta luna... Посмотрите на этого луна. Былъ круглый... потомъ не было. Теперь маленькій...

— Совершенно вѣрно,—что же?

— Я хочу знать: это все одинъ мѣсяцъ? Или все новый?

— Домну Катріанъ, —говорю я съ невольнымъ удивленіемъ,—развѣ въ школѣ вамъ этого не объясняли?

— Я учился мало,—печально говоритъ онъ.

Я кратко объясняю фазы луны человѣку, который понялъ сложные вопросы прибавочной стоимости и ея распредѣленія, но еще въ первый разъ задумался о томъ, что каждую ночь глядитъ на землю вѣчною заманчивой тайной. Катріанъ внимательно слушаетъ. Лука едва ли интересуется

---

*) Киновія, монастырь.

моими объясненіями. Онъ знаетъ это небо и эту луну по своему... Когда я кончаю, онъ тоже смотритъ кверху и говоритъ:

— А будетъ дощъ. Завтра у полдни...

— Почему?—спрашиваю я.—Небо чистое.

— Оно чистое. А зори невеселыя...

Дѣйствительно, вверху протянулся почти незамѣтный, тонкій туманъ. Зори—это, на языкѣ Луки, звѣзды. Онѣ видны ясно, но точно свѣтящіеся паучки протянули въ туманѣ огненныя лапки...

X.

Ночной сходъ въ „Русской Славѣ".

Каруца плавно катится по отлогому склону, какъ будто падая въ темноту широкой долины. И по мѣрѣ того, какъ она падаетъ, на противоположной сторонѣ неба ширится и растетъ огромная гора, точно мглистая туча, занявшая половину горизонта. Она все подымается, поглощая вверху звѣзду за звѣздой. А внизу, у ея подножья вдругъ загораются огоньки. Одинъ. Другой. Третій... Потомъ огоньки посыпались кучками, выползая изъ невидимаго ущелья... Среди нихъ, чуть освѣщенная снизу, вырисовалась на фонѣ горы бѣлая колоколенка...

Это „Русская слава".

У въѣзда—околица, какъ у насъ въ Россіи, и у околицы огромный бородатый старичище поднимаетъ фонарь и смотритъ на насъ съ выраженіемъ той почтительной враждебности, съ какой и у насъ глухая деревня встрѣчаетъ невѣдомыхъ пріѣзжихъ господъ... Становой?.. Исправникъ?.. Податной инспекторъ?.. Префектъ? Перчепторъ? Землемѣры?

На небольшую тѣсную площадку, сжатую надвигающимися склонами горы, привѣтливо свѣтитъ раскрытыми окнами большая корчма. Свѣтъ падаетъ на группу осокорей, у которыхъ стоитъ спутанная кучка телѣгъ. На одной тихо плачетъ маленькій ребенокъ. Дѣтскій голосъ постарше тянетъ, хныкая, жалобно и пѣвуче:

— Тять-ка! А, тятька. Тять-ка-а-жё! Чо-ортъ.

А тятька, должно быть, сидитъ за корчемнымъ столомъ, свѣсивъ буйную русую голову, побѣжденную хмелемъ, и забывъ, что пора ѣхать изъ села лѣсными дорогами, куданибудь на хуторъ, въ темное ущелье...

Отъ „Руской Славы" съ первыхъ шаговъ вѣетъ на меня наивнымъ юморомъ и наивною печалью родины...

У корчмы на крыльцѣ и на заваленкѣ маячатъ фигуры.

По тому сдержанному и молчаливому вниманію, съ которымъ смотрятъ на насъ, пока мы вылѣзаемъ изъ каруцы и когда входимъ въ корчму,—я чувствую, что насъ здѣсь ждали, о нашемъ пріѣздѣ много говорили, можетъ быть, много спорили, до хрипоты, до взаимнаго озвѣрѣнія, и разошлись съ неразрѣшенными спорами и съ гнѣвомъ.

Въ свѣтлой „кырчмѣ" за прилавкомъ кырчмарь, —человѣкъ серьезный и дипломатичный. Онъ вѣжливо и сухо кланяется намъ. На вопросъ Катріана о Сидорѣ, къ которому его направилъ докторъ,—корчмарь поворачивается къ служащему съ краткимъ приказомъ:

— Поди. Позови.

Въ ожиданіи мы заказываемъ кофе и сыру. Въ избу потихоньку входятъ мужики съ широкими бородатыми лицами, смотрятъ на насъ пытливо, недоброжелательно и серьезно. Точно Катріанъ пріѣхалъ не по просьбѣ ихъ односельцевъ и не по ихъ собственному дѣлу, а съ неизвѣстными, можетъ быть, враждебными намѣреніями. И мнѣ кажется, будто изъ этихъ глазъ или черезъ эти головы къ намъ заглядываетъ въ открытое окно темная лѣсистая гора, которая закрыла надъ Славой полъ неба своею мглистою тѣнью.

Приходитъ Сидоръ, тотъ самый, который послѣднимъ говорилъ съ докторомъ и выражалъ опасенія насчетъ отношенія Катріана къ Богу. Онъ безъ шапки. Жесткіе бѣлокурые волосы угрюмо торчатъ въ разныя стороны. Въ глазахъ странное выраженіе сдержанной, неизвѣстно еще куда направленной злобы... Онъ непривѣтливо кланяется намъ и садится на лавку, быстро и пытливо оглядывая густѣющую толпу.

Катріанъ наскоро допиваетъ кофе, обтираетъ платкомъ тонкіе усики и говоритъ:

— Ну. Мене пославъ докторъ.

Молчаніе.

— Такое дѣло,—произноситъ Сидоръ и опять его угрюмый, сверкающій взглядъ быстро вонзается въ толпу...

— Доктора довольно знаемъ,—произноситъ кто-то благожелательно.

— Докторъ, такъ и докторъ,—холодно говоритъ другой...

— Докторъ лѣчи... Наше дѣло особое...

— Не брюхи болять...

Сидоръ вдругъ вспыхиваетъ.

— Умные больно стали... Откеда набрались стольки ума...

Въ его голосѣ что-то закипаетъ, плечи нервно шевелятся.

— Въ люди за етимъ не ходимъ,—отвѣчають ему...

— То-то вотъ. Не хотится вамъ людей послухать. Своимъ умомъ наживете добра.

— Чаво не наживемъ,—раздается нѣсколько голосовъ сразу.—Сколько время жили, не жалились... Завсегда міромъ... Сопча...

— При турчинѣ мало дѣловъ бывало?.. Паша не грозился?... Черкесъ не приходилъ?.. А?

— А чего взяли?.. Дрючковъ не попробовалъ онъ?

— Не объ турчинѣ дѣло!—кричитъ Сидоръ, вскакивая съ мѣста.—Тольки вы, старики, и знаете, что турчина поминать. Теперь не тѣ времена.

— Чаво не тѣ...—Толпа гудитъ на разные голоса, точно улей:—То-то и есть, что не тѣ...—за турчина хуже что ли было?

— Не объ тѣмъ рѣчь, что хуже или лучше... Порядки были другіе... Турчинъ землю никогда не мѣрялъ!..

— И рамуну не дадимъ мѣрять, вотъ те и все. Не поддадимся...

— Не поддадишься ты...

— Чаво толковать: держись у мѣстѣ, больше ничего...—Ходоковъ послать у Букарешты...

— Чаво не ходоковъ... Не видали тамъ лапотниковъ...

— Бояринъ тоже сыскался.

— И то, братцы, бояринъ. Гляди, бороду-то ужъ постригать сталъ...

Кругомъ нашего стола становится тѣсно, душно, потно и жарко. Я беру свой стаканъ и выхожу изъ толпы, провожаемый пытливыми взглядами. Въ другой комнатѣ почти пусто. Въ открытыя окна вѣетъ свѣжестью, видна площадка, небольшіе домики, колокольня, кусокъ чистаго неба съ звѣздами и серпомъ мѣсяца надъ обрѣзомъ горы.

А сзади кипятъ споры, которые отсюда, я различаю яснѣе. „Русская Слава“ раздѣлилась на двѣ партіи. Сидоръ и его сторонники, уже слегка подстригающіе бороды, стоятъ за Катріана, который своимъ звонкимъ голосомъ убѣждаетъ липованъ выступить съ отдѣльными личными исками. Другіе считаютъ, что это подвохъ и что необходимо стоять всѣмъ одной безличной, сплошной мужицкою тучей. Имъ не страшно стать толпой хотя бы и противъ вооруженной румынской силы. Но страшно въ одиночку выступить, хотя бы только съ жалобой въ гражданскомъ судѣ..

— Поди-ка! Сунься къ ему...

— Онъ тебѣ покажетъ.

— Дряптъ, дряптъ... (dreapt — право)—передразниваетъ кто-то Катріана.—Опъ тибе дряпнить, погляди!

— Не бывало, что ли?

— За турчина... При черкесѣ...

— Держись у мѣстѣ, больше ничего!

Снаружи, у дверей, какой-то топотъ... Новая кучка людей вваливается въ комнату. Говоръ сначала смолкаетъ, потомъ раздается еще шумнѣе, и изъ общаго гула выдѣляется тонкій, надтреснутый, какъ будто знакомый мнѣ голосъ.

— Пусти, братцы... Я его поспрошаю сичасъ... Ты кто по здѣшнему мѣсту? А?.. Зачѣмъ пожаловалъ?

Вопросъ, очевидно, направленъ къ Катріану и среди возстановившейся тишины раздается нѣсколько удивленный отвѣтъ:

— Я? Я есть Катріанъ, соціалистъ. А ты кто?

— А-а?.. Я кто?—передразниваетъ спрошенный такимъ тономъ, какъ будто уличаетъ Катріана въ преступленіи.— Не зна-а-ешь?

И вдругъ, переходя на басовыя ноты, говоритъ грозно:

— Я кто? Дыдыкало я. Ялбàръ *). Вотъ я кто! Православный христіанинъ... Былъ купецъ, теперя писецъ. Вотъ кто. За православныхъ постою крѣпко, съ Господомъ, съ Николаемъ чудотворцемъ... Дыдыкало напишетъ—рамунъ зубомъ не выгрызетъ... Вотъ кто я...

И вдругъ, затопавъ ногами, онъ закричалъ громко, визгливо, какъ тогда на улицѣ, когда гналъ всѣхъ липованъ за ненадобностью:

— Можешь ты мнѣ отвѣчать, сукинъ сынъ! Отвѣчай: кытъ есте терминъ де касаціе... **) Ежели тебѣ джудикаторъ де паче ***) сдѣлалъ рефузъ ****). Куда ты пожалишься? А? Не зна-а-аишь, тынеръ, мукосъ (мальчишка, молокососъ)... У трибуналъ, вотъ куда! А ежели трибуналъ рефузуетъ?.. Иди у куртя де апелъ. А еще куда? Еще у куртя де касаціе... Не зна-аешь?.. А суешься! Туда-же—петицу писать! Ты знаешь, за это что бываетъ... За петицы? А?..

Сбитый съ толку, подъ этимъ градомъ безсмысленныхъ вопросовъ, которыми старый плутъ засыпалъ его, не давая времени для отвѣтовъ,—Катріанъ, повидимому, растерялся. Нѣкоторое время его не слышно. Передъ славскимъ міромъ состязались какъ будто два кудесника, спорившіе за преобладаніе въ невѣдомой и таинственной области румынскихъ законовъ, и старый знахарь, видимо, одолѣвалъ молодаго. Когда онъ упомянулъ, наконецъ, о возможныхъ грозныхъ послѣдствіяхъ сепаратныхъ петицій,—корчма опять зашумѣла:

— Петицу, петицу!..—Не надобно петицы!.. Не надо, не

---

*) Ходатай по дѣламъ.

**) Какой срокъ для кассаціи?

***) Мировой судья.

****) Отказъ.

надо... Поѣзжай, отколь пріѣхалъ...—Докторъ прислалъ...—Докторъ лѣчи!..—Платили, больше ничего!.. Квиты у насъ...

— Платили, платили. А скольки платили?..—кричитъ Сидоръ.

— Скольки! Какъ и прошлые годы, стольки-же и теперь...

— Такъ вѣдь слухайте вы, разумныя головы: тогда была земля немѣряна! А теперь обмѣрялъ. Дуракъ онъ по вашему хоть бы и рамунъ?.. Ты вотъ скольки платилъ, Тимохвей.

— Чаво скольки! Скольки у людей, стольки и у мене. Сингуръ (одинаково). Чаво пытаешь?

— Нѣтъ, вре-ешь... У тебѣ скольки лишку?

— А тебѣ што... Тебѣ за мене платить, што ли?..

— То-то нахватали вы, богатѣи... Міръ за васъ пропадай. Войски онъ пришлетъ, рамунъ, вы рады въ мутной водѣ рыбу ловить...

— Чего брешете?

—Не брешетъ онъ... Правда!

— Ахъ, Богъ мой,—выносится еще разъ звонкій голосъ Катріана.—Какой народъ. Какъ вы не понимаете простого дѣла...

— Ты понимаешь!.. Отколь взялся учить. Молоко не обсохло...

Дыдыкало стучитъ палкой и кричитъ визгливымъ голосомъ:

— Братцы! Православные! Онъ въ Бога не вѣруетъ... Ему, вишь-ты и Богъ не надобенъ...

Шумъ становится сплошнымъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что поѣздка домну-Катріана съ цѣлью пробужденія правосознанія среди моихъ земляковъ едва ли окончится успѣшно. Но въ это время на сцену выступаетъ новая дѣйствующая сила.

Мнѣ въ окно видна тихая площадь, облитая мягкимъ луннымъ свѣтомъ. По ней, въ направленіи къ корчмѣ, идетъ группа изъ трехъ человѣкъ, и на одномъ поблескиваютъ галуны. Когда эта группа подходитъ къ крыльцу, въ корчму врывается фраза, которая вдругъ заглушаетъ крики и шумъ.

— Примàръ...

— Примàръ идетъ... И потàръ съ нимъ.

— Третій—епистàтъ.

Примàръ—это сельскій старшина, нотàръ—писарь, епистàтъ—полицейскій. Въ Румыніи должность сельскаго мэра считается выборной, но это только фикція; общество выбираетъ трехъ кандидатовъ, мѣстная администрація прибавляетъ еще двухъ, и изъ составленнаго такимъ образомъ списка высшая администрація назначаетъ одного. Нечего и говорить, что этотъ счастливецъ всегда бываетъ изъ рекомендуемыхъ админи-

страціей. Въ Добруджѣ въ то время, особенно въ русскихъ селахъ примарями были почти исключительно греки. Чуждые и по культурѣ, и по происхожденію мѣстнымъ жителямъ,—они являлись просто правительственными чиновниками, престижъ которыхъ поддерживался властью... Измельчавшая традиція прежнихъ турецкихъ порядковъ, когда такимъ же образомъ высокая порта навязывала балканскимъ народностямъ даже князей изъ фанаріотовъ.

Въ кырчмѣ водворилась выжидающая тишина. Я поднялся и заглянулъ черезъ головы въ комнату. На порогѣ стоялъ пожилой человѣкъ въ партикулярной сѣрой клѣтчатой парѣ, небольшой, весь квадратный, съ четыреугольнымъ лицомъ и торчащими волосами съ сильной просѣдью. Усы и борода у него тоже были сѣдые, и только глаза выдѣлялись ярко и властно изъ-подъ черныхъ густыхъ бровей. Лицо сельскаго владыки было спокойное и твердое. Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой, какъ будто считая ниже своего достоинства обращать вниманіе на отдѣльныя фигуры этой сѣрой толпы. И только на Катріанѣ взглядъ авторитетнаго „начальника" остановился пытливо и внимательно. Нотаръ,—молодой румынъ съ закрученными кверху усиками и съ претензіями на щегольство, и эпистатъ, недавно командированный въ Славу для порядка,—почтительно и корректно стояли сзади.

Я съ любопытствомъ присматривался къ энергичному и неглупому лицу грека. Что онъ думаетъ и какую „политику" проводитъ среди этого броженія умовъ? Оно можетъ разрѣшиться сепаратными жалобами, которыя, въ сущности, будутъ означать подчиненіе новымъ порядкамъ и обмѣру земли, или.. тупымъ массовымъ сопротивленіемъ, вызовомъ войскъ, усмиреніемъ... Что нужно ему лично? Только порядокъ, какъ администратору? Или, наоборотъ, ему улыбается картина глупаго замѣшательства, за которымъ послѣдуетъ дешевая распродажа скота и имущества глупыхъ русскихъ дикарей. Въ лицѣ стараго грека нельзя было найти отвѣта на эти вопросы.

Остановившись на мгновеніе и сразу изучивъ положеніе дѣла, онъ сказалъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Че интрунйре аста (что это за собраніе)?

Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ среди разступившихся липованъ, подошелъ прямо къ Катріану и спросилъ въ упоръ, по-румынски:

— Кто вы? И по какому праву собираете здѣсь сборища?..

Сотня внимательныхъ глазъ обратилась на Катріана, который стоялъ у самаго прилавка, прямой и спокойный. Лицо его оживилось, въ сѣрыхъ глазахъ переливалась и поблескивала насмѣшка. Теперь, лицомъ къ лицу съ привычнымъ

противникомъ изъ администраціи, онъ, видимо, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ.

— Я—Денисъ Катріанъ, соціалистъ... гражданинъ свободной страны, пользующійся своимъ правомъ...

Можетъ быть это заявленіе не особенно подѣйствовало-бы на примаря... Въ деревнѣ, особенно въ деревнѣ добруджанской, ссылка, на гражданскія права не звучитъ особенно сильно. Но примара немного озадачила насмѣшливая увѣренность, съ которой говорилъ этотъ странный пришлецъ. Какъ будто играя недоумѣніемъ авторитетнаго сельскаго чиновника, Катріанъ, все улыбаясь глазами, медленно вынулъ записную книжку, досталъ оттуда небольшой кусочекъ бѣлаго картона и подалъ примарю.

— Vedz asta, domnule (посмотрите это, сударь),—сказалъ онъ, продолжая насмѣшливо улыбаться...

Въ комнатѣ стало такъ тихо, что можно было слышать полетъ мухи и шелестъ осокорей подъ ночнымъ вѣтромъ снаружи. Передъ затаившимъ дыханіе славскимъ міромъ происходило новое дѣйствіе изъ той самой таинственной и непонятной области, въ которой законъ и власть сплетаются въ магическій узелъ. Еще недавно этотъ молодой человѣкъ, казалось, былъ побѣжденъ старымъ знахаремъ Дыдыкаломъ. Теперь старикъ стушевался, и его хитрые глазки лишь злорадно заглядывали изъ за чужихъ плечъ, ожидая послѣдствій... Молодой стоялъ лицомъ къ лицу съ энергичнымъ грекомъ. Бѣлый кусочекъ картона въ рукахъ примаря привлекалъ всѣ взгляды, какъ талисманъ. Подѣйствуетъ-ли?—думали славцы. Молодой человѣкъ все такъ же весело полескивалъ глазами...

Начинаетъ дѣйствовать: грекъ, властный, умный и хитрый, повидимому, растерялся. Онъ еще разъ прочиталъ карточку, повернулъ ее, осмотрѣлъ съ изнанки и, отдавая обратно, сказалъ довольно угрюмо:

— Bine (хорошо), домнуле... Вы можете дѣлать свое дѣло...

И окинулъ глазами тѣсно набитую корчму. Теперь онъ вглядывался въ отдѣльныя лица, повидимому, только за тѣмъ, чтобы скрыть нѣкоторую неловкость положенія и внушить этой руснацкой толпѣ, что власть его остается по прежнему твердой, хотя... въ видѣ этого кусочка бѣленькой бумажки сюда, въ глухое ущелье заглянуло что-то новое... Для него она опредѣлила новый курсъ новаго министерства, обязательный хотя бы на нѣкоторое время.

Примаръ повернулся и вышелъ. За нимъ послѣдовали щеголеватый нотаръ и молчаливый полицейскій.

Въ кырчмѣ пронесся общій вздохъ, и я почувствовалъ сразу, что дѣло Катріана теперь окончательно выиграно. Его

аргументы значили мало, но фактъ рѣшалъ дѣло. Сила молодого горожанина въ недоступномъ и таинственномъ мірѣ закона и власти была доказана. Толпа сразу перекрасилась настроеніемъ Сидора и его сторонниковъ.

— Что узялъ?—заговорилъ наивно-весело какой то молодой голосъ.—Отскочилъ сразу...

— Найшлось и на нихъ слово.

— Молодой, молодой,—а гляди ты на его... А?

— Докторъ знаеть, кого послать, зря не пришлеть...

— Ну, чего тутъ,—сказалъ, выступая впередъ, Сидоръ.—Лицо его было спокойно и даже вихры не торчали такъ сердито, какъ въ началѣ бесѣды.—Давайте кончать,—прибавилъ онъ дѣловито.—Поздно. Пиши петицу, домнуле... Кто хочетъ подписывать?

Въ толпѣ слегка замялись. Кому нибудь нужно было подписать первому, а это все таки требовало рѣшимости.

— Я подпишу,—выступилъ, расталкивая мужиковъ, рослый человѣкъ въ полугородскомъ костюмѣ.

— Герасимъ подписуеть,—заговорили въ толпѣ.

— Откуль взялся? Не было его?

— Съ Дунаю вернулся. Сиводни...

— Да онъ землю-то развѣ оралъ?

— Оралъ... жуматати ектаръ,—сказалъ насмѣшливо какой-то старикъ, очевидно, изъ противной партіи и, наклоняясь къ сосѣду, сказалъ хорошо слышнымъ полушепотомъ:

— Что ему? Такой же отчаянный... Молоко у постъ въ городу хлѣбаеть... Самъ видалъ..

— Что говорить. Остатнія времена пришли, — сказалъ тотъ, и оба повернулись къ выходу.

Катріанъ потребовалъ у корчмаря перо и чернилъ и на маленькомъ столикѣ открылъ походную канцелярію. Два или три экземпляра „петиціи“ были у него заготовлены. Герасимъ, завернувъ рукавъ и наклонивъ большую кудрявую голову, вывелъ свою подпись.

— И мене пиши,—выступилъ изъ толпы другой, тоже въ пиджакѣ и съ слегка подстриженной бородой.

— И мене, когда такъ...

— И мене..

— И мене пишите!

Тотъ, кто вошелъ бы сюда въ эту минуту, могъ бы подумать, что здѣсь спокойно и просто дѣлается обычное дѣло. Отъ прилавка, держа въ рукѣ стаканъ съ виномъ, смотрѣлъ на Катріана Лука своими глубокими черными глазами, не выдававшими ворочавшихся въ его головѣ мыслей. Мнѣ казалось, впрочемъ, что онъ доволенъ успѣхомъ пріятеля

— Basta!—сказалъ Катріанъ, захлопывая въ бумажникѣ двѣ или три подписанныя петиціи.

Когда Лука подалъ лошадей, луна свѣтила уже съ самаго зенита. По площади расходились липоване, тихо разговаривали и скрывались въ тѣни домовъ. Подъ осокорями было пусто: телѣги разъѣхались и теперь, вѣроятно, поскрипывали плохо смазанными колесами по темнымъ лѣснымъ дорогамъ, въ ущельяхъ „балкана“.

Уѣхалъ и плакавшій мальчикъ. Я представлялъ себѣ, что его тятька, вѣроятно, храпитъ на возу, а онъ держитъ возжи и всматривается въ темноту круглыми, робкими, внимательными глазами.

Когда мы опять выѣхали за околицу, направляясь по дорогѣ въ монастырь, на сельской колокольнѣ ударило полночь. Задумчивый медлительный звонъ разносился надъ долиной, заглядывалъ въ сонныя ущелья, умиралъ, оживалъ вновь и бродилъ надъ лѣсомъ, и искалъ чего-то и о чемъ-то спрашивалъ, закрадываясь въ глубокіе тайники уставшей души.

И отъ всего окружающаго вѣяло опять печальнымъ юморомъ и насмѣшливой грустью нашей родины...

Черезъ часъ мы стучали въ запертыя ворота старообрядческаго монастыря, погруженнаго въ глубокій сонъ за крѣпкими каменными стѣнами... Эхо отдавалось въ темномъ лѣсу, и мнѣ казалось, что какія-то чары перенесли насъ въ сѣдую глубину прошедшихъ временъ.

Катріанъ, наклонившись ко мнѣ, говорилъ своимъ наивно удивленнымъ голосомъ:

— Ахъ, господинъ Володя. Для чево народъ такой глупый?.. Таскалъ гора на ровномъ мѣстѣ. Строилъ монастыря, чтобы другіе жили безъ труда. Ахъ, Боже мой... Для чево это? . . . .

. . . .

Когда, года черезъ два я опять пріѣхалъ въ Добруджу, Катріанъ все еще продолжалъ стучаться у дверей деревенскаго правосознанія и читалъ изрѣдка свои конференціи для ремесленниковъ города Тульчи.

Луки не было на свѣтѣ. Погибъ онъ безсмысленно, глупо, стихійно изъ-за той самой дѣвушки, которую ударилъ кнутомъ.

Но это уже другая исторія, о которой когда-нибудь послѣ.

Вл. Короленко.

---

*
* *

Не примирился, нѣтъ! я съ гнусной рабской долей:
Все такъ же пламенно я грежу вольной волей,
Все съ той же яростью позорный гнетъ кляну,
Но—голосъ мой ослабъ, но—пѣснь моя въ плѣну,
Но—грудь истерзана, и сердцу нѣтъ отрады,
Но изъ усталыхъ рукъ исторгнутъ грозный бичъ!

Ликуетъ злобный врагъ. Кровавой жатвѣ рады,
Клубятся въ черной мглѣ, шипя побѣдно, гады...
Бой конченъ. Нѣтъ бойцовъ. Призыва гнѣвный кличъ
Напрасенъ: изъ живыхъ никто не отзовется,
А мертвые изъ гроба не встаютъ...

И я молчу. Молчу.
Запѣлъ бы—не поется!
Заплакалъ бы—но слезы не текутъ!

Е. Придворовъ.

КОЛЕСО.

Романъ Іоганна Іенсена.

Переводъ Т. А. Богдановичъ.

XVI.

На слѣдующій день—это былъ Рождественскій сочельникъ — утреннія газеты принесли извѣстіе, что Канцеръ исчезъ изъ своего отеля при таинственныхъ обстоятельствахъ, заставляющихъ предполагать убійство.

Съ этого момента большая стачка вступила въ темную фазу, когда все начинаетъ само собой разваливаться, и кажется, что ничего не происходитъ, такъ какъ никто больше не обращаетъ вниманія на то, что дѣлается. Забвеніе, которое дѣйствуетъ въ Америкѣ, какъ обновленіе умовъ, и не даетъ ничему переживать больше дня, въ нѣсколько часовъ побѣдило движеніе, утратившее весь свой размахъ.

Къ полудню оправдалась общая увѣренность, что м-ръ А. Гронау завяжетъ переговоры съ рабочими, и явилась надежда, что еще до наступленія вечера городскія желѣзныя дороги начнутъ дѣйствовать. Что заставило стараго милліонера третій разъ перемѣнить рѣшеніе, теперь никого не занимало, благо онъ пришелъ въ хорошее настроеніе. Люди знали, что соглашеніе не за горами, и что имъ эта исторія больше не причинитъ убытка; остальное было дѣло тѣхъ, кого оно касалось.

Апостолы Канцера дѣлали въ теченіе дня гигантскія усилія поддержать волненія; они выпустили двѣнадцать различныхъ прокламацій, дали семь разъ двѣнадцать противорѣчивыхъ предписаній, но единственно, чего они достигли при этомъ,—было смертельное утомленіе. За каждымъ крупнымъ предпріятіемъ, хорошимъ или дурнымъ, стоитъ всегда одинъ человѣкъ. Только одинъ можетъ творить или вредить, многіе могутъ только разбивать въ куски или умирать.

А тутъ человѣка не стало. Дѣло утратило теперь всю силу; главный ударъ не былъ нанесенъ. Стачка, которая до сегодняшнаго дня носила утопическій характеръ и питалась самыми глубокими и опасными для жизни инстинктами, свелась, какъ и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ, къ вопросу о вознагражденіи, снова вошла въ будничную колею. Съ обѣихъ сторонъ въ соглашеньи играли роль разсчетъ и практическія соображенія. Теперь, несомнѣнно, дѣло будетъ такъ: Рождество всѣ будетъ отдыхать, а въ новомъ году все придетъ въ порядокъ, т. е., иными словами, все останется по старому.

Прежде всего безработные занялись тѣмъ, что стали очищать улицы отъ снѣга, который очень кстати нападалъ за ночь. По всему Чикаго стоялъ звонъ отъ заступовъ, мелькали метлы, на тротуарахъ визжали скребки. Снѣгъ все еще шелъ, но далеко не такъ сильно, и вѣтеръ стихъ, такъ что снѣгъ падалъ ровно и беззвучно; казалось, точно длинныя бѣлыя покрывала спускались съ неба въ глубокія улицы. Въ аллеяхъ парка лопаты стучали ускореннымъ темпомъ. Это была точно какая-то музыка, которая говорила о томъ, какъ легко бѣгать съ тяжестью. Люди ѣздили въ саняхъ по бѣлому городу.

А поѣзда мчались и мчались. Шумъ морского прибоя проникалъ въ Чикаго черезъ семь открытыхъ міровыхъ воротъ, колесо вертѣлось ускореннымъ темпомъ, грузно и радостно.

Но дневныя газеты разсказали одну исторію, которая наполнила всѣхъ трепетомъ и показала, какой неслыханный ужасъ угрожалъ беззаботному городу всего за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Исторія эта излагалась приблизительно съ столькихъ версіяхъ, сколько было газетъ въ городѣ, и все таки ни одна изъ нихъ не могла распутать всего, какъ оно было. Одно было твердо установлено; трупъ Канцера былъ найденъ, и второе: онъ былъ убитъ Уотомъ Гронау, извѣстнымъ неудачнымъ сыномъ милліонера. Какъ все это случилось, трудно было въ точности выяснить, такъ какъ Уота Гронау также уже больше не было въ живыхъ. Газеты пространно повѣствовали о его ужасной смерти; здѣсь онѣ, во всякомъ случаѣ, стояли на почвѣ факта—никогда еще ничья смерть не была такъ несомнѣнна, хотя одна газета и пыталась съ мрачнымъ юморомъ утверждать, что въ сущности этотъ случай надо отнести къ невыясненнымъ, въ виду нѣкоторыхъ затрудненій установить личность умершаго.

Судя по отчетамъ разныхъ газетъ и по тому, что изъ нихъ можно было извлечь, дѣло въ общихъ чертахъ произошло слѣдующимъ образомъ:

Какъ только въ отелѣ выяснилось, что Канцеръ исчезъ при подозрительныхъ обстоятельствахъ, оттуда было немедленно дано знать въ полицію, и она сейчасъ же разослала своихъ тайныхъ агентовъ. Но частный сыщикъ Томасъ Масонъ предупредилъ ихъ. Еще до 9 часовъ утра онъ напалъ на слѣдъ Канцера и нашелъ его трупъ во дворцѣ милліонера, въ комнатѣ молодого м-ра Гронау. Трупъ, когда его нашли, оказался раздѣтымъ и, видимо, подвергся цѣлому ряду возмутительныхъ надругательствъ, такъ какъ голова и спина были разбиты точно какимъ-то въ высшей степени тяжелымъ предметомъ, а кожа была во многихъ мѣстахъ надрѣзана и отдѣлена отъ тѣла; можно было подумать, что была сдѣлана попытка содрать кожу со всего трупа.

Само собой разумѣется, молодого Гронау не оказалось дома, когда было открыто ужасное преступленіе, но спустя всего какихъ нибудь полчаса Масонъ нашелъ и его. Снѣгъ еще не былъ сметенъ съ улицъ, такъ что не представляло особаго труда напасть на слѣдъ чудовища. Масонъ натолкнулся на него въ одной изъ боковыхъ улицъ, всего въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія отъ дворца; онъ совершенно спокойно дѣлалъ тамъ покупки въ лавочкѣ, торгующей разными заморскими диковинками; онъ стоялъ среди всевозможныхъ рѣдкостей, громовыхъ стрѣлъ, рыбъ, пресмыкающихся въ спирту и тому подобныхъ штукъ, на которыя теперь находится не мало охотниковъ. Молодой Гронау разсматривалъ глаза; передъ нимъ стоялъ цѣлый ящикъ съ разными стеклянными глазами, и онъ, повидимому, собирался остановиться на парѣ желтыхъ кошачьихъ глазъ, приготовленныхъ съ помощью фосфорическаго зеркала, и въ эту самую минуту его арестовали. До этой минуты ему, видимо, и въ голову не приходило бѣжать, о своемъ ужасномъ дѣяньи онъ, кажется, даже и думать забылъ. Но убійца скоро проявился въ немъ.

Что произошло вслѣдъ за тѣмъ, можетъ служить примѣромъ одной изъ тѣхъ ужасающихъ стихійныхъ вспышекъ, которыя поражаютъ воображеніе, какъ нѣчто нереальное, кажутся возвратомъ къ первобытнымъ временамъ, выходятъ за предѣлы вѣроятнаго. И тѣмъ не менѣе подобныя вещи случаются.

Молодой Гронау взглянулъ вверхъ, когда Масонъ взялъ его за руку, указавъ на свой полицейскій значекъ. Лицо у него сильно покраснѣло, но онъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія. Сконфужено онъ вытащилъ изъ кармана маленькій предметъ, старый почернѣвшій кабаній зубъ и положилъ его на прилавокъ. Очевидно, нашъ пріятель стащилъ эту реликвію въ то время, какъ онъ разсматривалъ глаза въ

лавочкѣ, и подумалъ, что дѣло идетъ именно о ней. Но Масонъ, который не зналъ привычекъ Гиппо, не пожелалъ удовлетвориться этимъ и вмѣсто того вытащилъ пару наручниковъ; это оскорбило Гиппо: ихъ онъ вовсе не желалъ. Онъ отступилъ назадъ и опрокинулъ полку съ индѣйскими свистками и томагавками. Тутъ Масонъ впервые замѣтилъ, что, приходя въ соприкосновеніе съ трехсотъ-фунтовымъ тѣломъ Гиппо, всѣ домашнія вещи кажутся сдѣланными изъ перьевъ или изъ паутины. Очевидно, онъ состоялъ не изъ одного мертваго жира. Когда Масонъ послѣдовалъ за нимъ, онъ уронилъ стулъ и плечемъ сорвалъ со стѣны шкафъ, уронилъ на полъ съ карниза разные предметы и кончилъ тѣмъ, что опустился въ углу на скелетъ какого то животнаго, который подалъ нѣкоторые признаки жизни, со стономъ разсыпавшись на куски.

Но это уже переполнило чашу терпѣнія хозяина лавочки, сколько вещей поломано, скелета ужъ никакъ не поправишь,— онъ ахнулъ и закричалъ, какъ хищная птица... Этотъ человѣкъ самъ по себѣ былъ рѣдкостью, длинный, тощій, точно жирафа, съ горящими глазами, носомъ, какъ у верблюда, и волосами, какъ у бушмена. Обыкновенно онъ велъ себя, какъ овца, но теперь онъ превратился въ льва. У этого диковиннаго человѣка хватило ума сдѣлать изъ револьвера два выстрѣла въ воздухъ, чтобы испугать Гиппо. Ему бы не слѣдовало этого дѣлать, въ тѣсной лавочкѣ они такъ страшно прокатились, что Гиппо совсѣмъ обезумѣлъ. Прежде, чѣмъ лавочникъ успѣлъ сдѣлать третій выстрѣлъ, Гиппо былъ уже надъ нимъ; какъ разъяренный мамонтъ, онъ вскочилъ на него и, отдуваясь, топталъ его,—въ слѣдующую минуту Масонъ уже бросилъ кандалы и мчался на улицу, спасая свою жизнь,—Гиппо сбѣсился, Гиппо воевалъ, своими жирными ногами онъ стоялъ на лавочникѣ и вытаптывалъ изъ него душу, въ то же время онъ, все еще не произнося ни слова, размахивалъ руками во всѣ стороны и сокрушалъ все, что ему попадалось; полки валились на полъ, прилавокъ обрушивался на нихъ, крокодилъ, сорванный съ потолка, тоже низвергался внизъ. Дольше Масонъ не въ силахъ былъ смотрѣть на этотъ ужасъ, онъ помчался прочь за помощью, безъ шапки, съ вставшими дыбомъ волосами; ничего подобнаго онъ еще не переживалъ никогда въ жизни.

Можно было видѣть, какъ онъ улепетывалъ вдоль по улицѣ, его трепала лихорадка отъ всего видѣннаго, и онъ продолжалъ повторять самъ про себя: „Ужасъ... ужасъ... ужасъ“...

— Ужасъ! — закричалъ онъ, увидѣвъ издали полицейскаго на углу улицы, но, когда добѣжалъ до него, онъ

никакъ не могъ объяснить ему, въ чемъ дѣло, онъ никакъ не могъ рѣшиться подѣлиться съ нимъ всѣми своими ужасами, хотя они такъ и просились наружу изъ каждаго его волоска, онъ только все повторялъ:

— Идите! Идите же, Бога ради! Свисните скорѣе другому полицейскому! Гдѣ ближайшій полицейскій? Нужно нѣсколькихъ... Да торопитесь же! Торопитесь же... чортъ возьми!

И они уже вдвоемъ спѣшили, что было силы, къ слѣдующему полицейскому посту.

А въ это время воинственный духъ уже покинулъ Гиппо. Онъ также быстро остылъ, какъ и вышелъ изъ себя, и когда онъ оглянулся и увидѣлъ, что онъ надѣлалъ, онъ остановился среди всего этого разгрома, стоя на злополучномъ растоптанномъ лавочникѣ и разразился слезами. Ему было страшно непріятно, онъ раскаивался въ свой горячности, крупныя свѣтлыя слезы катились по его жирнымъ щекамъ. Передъ лавочкой начали собираться люди, цѣлая толпа, всѣ они смотрѣли на него и были, повидимому, въ негодованіи. Гиппо было стыдно передъ ними, и онъ плакалъ, не поднимая головы.

Гиппо вѣдь ничего не понималъ. Онъ пришелъ сюда съ опредѣленнымъ и вполнѣ дозволительнымъ намѣреніемъ купить глаза, правда, онъ взялъ потомъ свиной зубъ, но онъ вѣдь отдалъ его назадъ. А теперь его довели до того, что онъ растопталъ въ лепешку человѣка, это ему очень грустно; но развѣ тотъ не цѣлился въ него изъ револьвера, не стрѣлялъ въ него? Неужели его не могутъ выпустить... вѣдь онъ же не виноватъ... неужели это ужъ такая важная штука этотъ зубъ; его отецъ, навѣрно, можетъ заплатить за него. Не за то же на него такъ сердятся, что онъ подобралъ на улицѣ мертваго мученика и взялъ его къ себѣ домой. Неужели причина въ этомъ? Вѣроятно, Гиппо думалъ объ этомъ, когда онъ стоялъ и плакалъ.

Да, онъ пошелъ гулять ночью, что онъ часто дѣлалъ, такъ какъ ночью ему не мѣшали люди, и онъ могъ спокойно собирать вещи для своего музея. И тутъ онъ наткнулся на красиваго мученика, полупогребеннаго въ снѣгу у одного большого отеля. Сначала Гиппо подумалъ, что, пожалуй, это самъ турецкій Богъ: такъ красиво выглядѣлъ этотъ человѣкъ; но потомъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что это скорѣй какой-нибудь миссіонеръ или очень благочестивый святой, котораго заморозили и оставили лежать въ снѣгу. Въ коллекціи у Гиппо не было ничего подобнаго настоящему мученику, и онъ созналъ это въ ту самую минуту, когда увидѣлъ прекраснаго святого. Ухъ! Онъ нѣ-

сколько разъ обошелъ вокругъ него, боролся съ искушеніемъ, но желаніе завладѣть этой рѣдкостью все сильнѣе овладѣвало имъ. Наконецъ, онъ уже не въ силахъ былъ противиться соблазну, ночь была такъ благопріятна, въ эту ужасную погоду на улицѣ не было ни одного человѣка, и вотъ Гиппо взвалилъ себѣ на плечи мертвеца, поволокъ его по улицѣ и благополучно втащилъ въ свою комнату, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Остатокъ ночи онъ провелъ въ серьезныхъ размышленіяхъ, какъ ему устроитъ свою находку. Послѣ обстоятельнаго взвѣшиванья всѣхъ условій, онъ принялъ рѣшеніе сдѣлать чучело изъ этого изумительнаго человѣка, отчасти для того, чтобы онъ могъ сохраниться, а отчасти потому, что онъ правильнымъ инстинктомъ коллекціонера предпочиталъ такой рѣдкій экземпляръ безъ всякихъ украшеній. Изумительно прекрасныя одежды должны были составить отдѣльный номеръ. Горя нетерпѣніемъ, какъ всякій настоящій знатокъ, онъ не могъ дождаться утра, и сейчасъ же принялся сдирать кожу со святого. Но тутъ его ожидали разочарованія, такъ какъ это оказался старый человѣкъ, и его трудно было рѣзать, кромѣ того онъ совсѣмъ закоченѣлъ,—словомъ, Гиппо былъ вынужденъ отложить эту работу до болѣе благопріятнаго момента. Въ худшемъ случаѣ можно вѣдь было приготовить его скелетъ. А пока онъ принялся приготовлять четырехугольную деревянную колоду, въ которой человѣкъ могъ бы стоять. Онъ имѣлъ намѣреніе поставить его на ноги, давъ ему искусственную подпорку. Когда настало утро, онъ снова вышелъ, чтобы купить глаза для покойника. И вдругъ съ нимъ случилась такая ужасная исторія. Гиппо горько плакалъ и бросалъ отчаянные взгляды на людей, которыхъ набиралось все больше у лавки; они тамъ громко кричали, навѣрно, они скоро ворвутся сюда и что-нибудь съ нимъ сдѣлаютъ...

Въ этомъ онъ не ошибался, за дверями собиралась гроза. Въ толпѣ накоплялось напряженіе, въ воздухѣ запахло „судомъ Линча". По улицѣ бѣжали люди изъ бѣдныхъ кварталовъ, толпа росла съ изумительной быстротой, всѣ старались протолкаться впередъ. Тамъ, гдѣ напоръ толпы былъ особенно великъ, уже раздавались отвратительные крики стиснутыхъ и задыхающихся людей. Даже тѣ, которые и не подозрѣвали, въ чемъ дѣло, видѣли передъ глазами кровь тамъ, куда ихъ затиснула толпа; воздухъ сталъ густымъ и насыщеннымъ, наконецъ, безпредметная ярость толпы нашла свой ритмъ. Толпа зарычала.

Это были безработные. Это были голодные. Они устремлялись съ нижнихъ улицъ точно потокъ, и въ безголовой

толпѣ начиналъ наростать самый слѣпой изъ всѣхъ инстинктовъ, инстинктъ вражды всѣхъ противъ одного.

Но безнадежный оборотъ дѣло приняло только тогда, когда вернулся Масонъ съ полицейскими. Когда Масонъ увидѣлъ эту невѣроятную толпу, онъ не смогъ противостоять стремленію стать самому центромъ ея; онъ не въ силахъ былъ замкнуть ротъ, страшное возбужденіе, важность того, что онъ таилъ въ себѣ, положительно распирало его. Онъ изо всѣхъ силъ проталкивался впередъ; весь этотъ ужасъ принадлежалъ ему по праву, это онъ нашелъ убійцу Канцера, вотъ такъ-то и такъ-то—дорогу же,—правосудіе должно совершиться!.. да! и ему, наконецъ, удалось заставить себя слушать, во всемъ этомъ столпотвореніи онъ одинъ говорилъ членораздѣльнымъ языкомъ, и онъ до тѣхъ поръ объяснялъ все это, пока всѣ поняли...

На минуту воцарилось молчаніе. Потомъ началъ наростать ропотъ. Холодомъ повѣяло отъ заглушенныхъ голосовъ въ толпѣ... вѣдь всѣ они сидѣли на скамьяхъ тамъ, когда Канцеръ обѣщалъ отдать имъ Чикаго, это вѣдь все были преданные слушатели Канцера... и теперь то, что они узнали, переходило изъ устъ въ уста. Ахъ, вотъ оно что! Это молодой милліонеръ, сынъ м-ра А. Гронау. Ахъ, такъ! Ну, за это онъ расплатится жизнью! Его высочество жирное брюхо, тотъ самый, что отнималъ у бѣдняковъ даже корки хлѣба на улицахъ, будь онъ проклятъ! Тотъ, что чуть не съ рожденія еле двигался отъ жира! Ну, теперь онъ получитъ свое! И онъ то убилъ Канцера, единственнаго друга народа, его умертвилъ и посадилъ на рогатину, и вотъ онъ тутъ передъ ними, и еще погубилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка!.. Что мы съ нимъ сдѣлаемъ?.. Вымажемъ дегтемъ и закатаемъ въ перья? Разорвемъ живьемъ въ клочки? Только не думайте отнять его у насъ!

Вдругъ этотъ глухой ропотъ толпы перешелъ въ стихійный взрывъ массоваго бѣшенства, который сдѣлалъ Масона и полицейскихъ совершенно безсильными передъ лицомъ разыгравшихся событій, выкинулъ ихъ за бортъ. Голодъ предъявлялъ свои права, ненависть требовала пищи. И въ этомъ вихрѣ хаоса погибъ несчастный Гиппо.

Сначала онъ не хотѣлъ выходить, онъ умолялъ о пощадѣ, но его все-таки выволокли дрожащаго отъ страха. Онъ еще плакалъ отъ раскаянія и не пытался драться, такъ какъ онъ былъ, въ сущности, добрый малый и не могъ два раза приходить въ бѣшенство по одному поводу. Но тутъ онъ долженъ былъ въ первый и послѣдній разъ допустить исключеніе. Его во что бы то ни стало хотѣли раздразнить, чтобы получить право истязать его.

Онъ долженъ былъ начать кусаться, чтобы дать и имъ поводъ бить его, и они добились этого. Когда общее возбужденіе достигло крайняго напряженія, и они набросились, чтобы убить его, маленькая искра разума, теплившаяся въ немъ, погасла и уступила мѣсто бѣшенству, прорвавшемуся, какъ залпъ цѣлой батареи. Тогда сказалось, что въ жилахъ этого колосса текла могучая нѣмецкая кровь. Когда его довели до бѣлаго каленія и вышибли изъ него все смиреніе, его вдругъ точно прорвало, онъ началъ кидаться, какъ бѣшенный быкъ. На нѣсколько минутъ онъ овладѣлъ положеніемъ, онъ лбомъ расшвыривалъ людей, рвалъ въ клочья свои жирныя дѣтскія лапки объ ихъ ножи, и неукротимая первобытная сила вырывалась точно выстрѣлы изъ его ноздрей; онъ топталъ своими тяжелыми, какъ бревна, ногами, стряхивалъ съ себя цѣплявшихся за него снизу карапузовъ, онъ повалилъ ихъ такое множество, что ужъ надѣялся продраться и убѣжать куда нибудь на волю... Но въ концѣ концовъ его таки осилили. Онъ истекалъ кровью, онъ терялъ силы, масса одолѣвала его. И въ то время, какъ его еще продолжали съ безсмысленной жестокостью толкать и щипать со всѣхъ сторонъ, онъ вдругъ завизжалъ, какъ маленькій беззащитный щенокъ, и это былъ послѣдній звукъ, который услышали люди. Во время убійства толпа была молчалива, въ ней все время происходило движеніе: она то отливала, то приливала къ центру, страшно разгоряченная, но безмолвная. Молча наносились удары, точно это была толпа ребятишекъ, собравшихся помучить крота. Люди безмолвно входили въ дома и возвращались оттуда съ палками и большими камнями, чтобы сокрушить ими чудовищное отродье капиталистовъ. Это были люди, голодавшіе цѣлую недѣлю и до того ослабѣвшіе, что они сами могли упасть отъ каждаго удара, который они наносили.

Когда Гиппо уже давно представлялъ собой мертвую массу, отъ него все еще не могли оторваться. Но большинство составляли уже не мущины. Теперь женщины хотѣли выместить на трупѣ свои обиды; онѣ толпились около него, нѣкоторыя съ грудными дѣтьми на рукахъ и старались свободной рукой ударить его, съ сверкающими ненавистью глазами или вырвать кусокъ мяса своими ногтями.

Это происходило въ бѣдномъ кварталѣ, невдалекѣ отъ ядовитой рѣки, въ одной изъ глубокихъ, узкихъ улицъ, одной изъ современныхъ улицъ съ окнами, дверями, электрическими звонками и всѣмъ, что полагается. Снѣгъ беззвучно падалъ съ блѣднаго неба; погода была самая подходящая для наступающаго вечера Рождественскаго сочельника. Это происшествіе, въ которомъ не была виновата ни

одна изъ партій, произошло въ современномъ Чикаго—въ этомъ, поскольку возможно, христіанскомъ городѣ.

XVII.

Но *колесо* продолжало вертѣться.

Еще вращалась стальная змѣя, блестящая отъ масла, еще сверкало, какъ солнце, маховое колесо въ темныхъ подвалахъ подъ высокими, какъ башни, домами и вырабатывало свѣтъ и тепло для грѣшнаго города; тамъ наверху еще молола динамо-машина. Еще гремѣлъ громъ на вокзалахъ, этихъ воротахъ Чикаго, куда приходили поѣзда съ Атлантическаго и Великаго Океана и снова уходили въ далекія страны Америки, на сѣверъ, туда, гдѣ бѣлый медвѣдь взбирается на ледяныя скалы, и на югъ, къ тропическимъ берегамъ, гдѣ альбатросъ паритъ надъ солнечнымъ моремъ.

Еще звучало колесо. Мрачный гулъ нависъ надъ днемъ, сулившимъ счастье Чикаго, когда тьма казалась пораженной въ самое сердце, когда всѣ бѣгали до того, что почувствовали лѣто въ крови. Густой морской ревъ городского движенія охватилъ городъ, точно кольцо, точно горизонтъ звуковъ, но не замкнутый, а, напротивъ, простирающійся до конца свѣта. Колесо еще вертѣлось, несмотря на всѣ препятствія, тяжелое колесо, получившее размахъ, колесо, которое никогда не остановится, пока сама земля вращается въ солнечной системѣ.

И ничего не случилось, ничего не было достигнуто, ничего не кончилось, никакая новая, великая эра не началась. Потрясеніе, которое пережилъ Чикаго, не было предвѣстникомъ новаго порядка вещей, а, напротивъ, послѣдней болѣзненной судорогой первобытнаго варварскаго времени, эпилептическимъ припадкомъ со всѣми признаками предсмертнаго разложенія. Но и въ томъ, что общество осталось такимъ, какимъ было, не было никакого примиренія, никакого торжества, никакой увѣренности. Вернулись только будни, съ ихъ обычными шансами и обычными опасностями, будни и прежній вкусъ къ работѣ.

Но тотъ, кто отнялъ у Чикаго воскресенье со всѣми его праздничными иллюзіями, долженъ былъ самъ бѣжать изъ Чикаго.

Рано утромъ Ли былъ уже на дорогѣ въ Калифорнію. Три дня и три ночи ѣхалъ онъ безостановочно черезъ Небраску, Уэйомингъ, Утаху и Неваду; и черезъ день послѣ пріѣзда въ Санъ-Франциско, онъ сѣлъ на пароходъ „Ниппонъ-Мару", отправлявшійся въ Японію. Незадолго до отхода

парохода, онъ увидѣлъ человѣка, поспѣшно поднимавшагося по сходнямъ на корабль. Ли не двинулся съ мѣста, онъ продолжалъ стоять и смотрѣлъ прямо въ глаза этому человѣку, пока онъ приближался къ нему; это былъ Томасъ Масонъ.

— Гало!—вскричалъ Масонъ, переводя дыханіе, точно онъ всю дорогу бѣгомъ догонялъ Ли. — Гало! — повторилъ онъ съ непринужденностью, комическій характеръ которой не ускользнулъ отъ его собственной наблюдательности.— Здравствуйте, мистеръ Ли! Вы ѣдете въ Японію?

Когда Ли ничего не отвѣтилъ, Масонъ сталъ рядомъ съ нимъ, вытеръ платкомъ вспотѣвшую подкладку своей шапки и замѣтилъ:

— Не покончимъ ли мы съ этимъ безъ шума? Пойдемте на мостикъ, сейчасъ тамъ никого нѣтъ; намъ надо переговорить кой о чемъ, что пока еще составляетъ наше съ вами частное дѣло. Мы можемъ это обдѣлать глазъ на глазъ, вѣдь перваго звонка еще не было?... Monsieur!

Масонъ съ французскимъ жестомъ посторонился и указалъ Ли на лѣстницу, ведущую на верхнюю палубу. Самъ онъ пошелъ слѣдомъ за нимъ, но, по несчастью, споткнулся и чуть не упалъ впередъ, такъ что ему пришлось ухватиться за Ли, какъ разъ за то мѣсто, гдѣ у того приходился боковой карманъ... никакого твердаго предмета тамъ не было, и Масонъ разсыпался въ извиненіяхъ. Они поднялись на верхнюю палубу, совершенно пустую съ длинными узенькими половицами и широкими щелями.

— Не присядемъ ли мы здѣсь,—сказалъ Масонъ, указывая на стоявшую спиной къ окну салона скамейку, передъ которой было широкое пространство палубы.. Былъ прохладный зимній полдень, пароходъ стоялъ одной стороной къ перегруженной пристани, а другой къ открытой гавани. Изъ трубы валилъ дымъ, пассажиры группами поднимались по сходнямъ. Масонъ выдержалъ нѣкоторую паузу, разсчитанную на то, чтобы подѣйствовать на нервы Ли. Потомъ онъ сказалъ тономъ, избавлявшимъ его отъ необходимости всякихъ предварительныхъ объясненій:

— Мы могли бы, впрочемъ, пойти въ городъ и приступить къ разговору гдѣ нибудь въ отелѣ или въ поѣздѣ... такъ какъ вѣдь мы ѣдемъ вмѣстѣ назадъ въ Чикаго, Ли, неправда-ли?

Тутъ Ли, по разсчету Масона, долженъ былъ спасовать; Масонъ, не отрываясь, наблюдалъ за нимъ, но не замѣтилъ никакого дѣйствія своихъ словъ. Цѣлая туча энергіи прорвалась въ немъ, онъ долженъ былъ набрать въ себя воздуху

черезъ носъ, который служилъ ему чѣмъ то вродѣ предохранительнаго клапана:

— Кх... кх!..

Онъ какъ то особенно, сбоку посмотрѣлъ на Ли, не мѣняя выраженія и не подмигивая. Что-то до такой степени переполняло его, что онъ не находилъ словъ, не зналъ, съ чего начать. Онъ цѣлую минуту просидѣлъ молча, наблюдая за парой чаекъ, летавшихъ вокругъ корабля.

— Вы вѣдь читали газеты?—спросилъ, наконецъ, Масонъ самымъ безпечнымъ голосомъ въ мірѣ. Ли нахмурилъ брови и кивнулъ головой. Онъ прочелъ удивительныя вещи о Канцерѣ и молодомъ Гронау. Ну, и что же? Что знаетъ Масонъ? Что ему нужно?

Масонъ безпокойно задвигался по скамейкѣ. По лицу его было видно, что его до краевъ переполняли самыя деликатныя мысли. Онъ не могъ справиться со своими представленьями, далъ трещину и выпустилъ воздухъ... наконецъ, онъ произнесъ:

— Или я идіотъ, мистеръ Ли, а вы убійца... или я величайшій тайный агентъ, а вы въ этомъ дѣлѣ не виновны! Вотъ что называется дилемма! Правду я говорю?

Онъ вытеръ себѣ лобъ; это была нелегкая задача.

— Будемъ ли мы исходить изъ перваго предположенія, что я идіотъ? Едва ли вамъ это будетъ пріятно, вы слишкомъ вѣжливы для этого. Нѣтъ, вамъ не непріятна мысль, что я величайшій, если возможно, полицейскій агентъ, вѣдь правда, Ли?.. и я чувствую себя польщеннымъ, я конфужусь, но мнѣ трудно не признать, что вы правы. Итакъ, дѣло рѣшенное: вы невиновны, а я величайшій полицейскій агентъ. Мистеръ Ли, позвольте же мнѣ показать себя достойнымъ того уваженія и почтенія, которое вы выказали ко мнѣ, какъ къ тайному агенту, и разсказать вамъ, на основаніи какихъ соображеній я поймалъ убійцу Канцера... Мистеръ Ли, я заранѣе молча признаю, что вы все прекрасно знаете и поэтому мнѣ нѣтъ надобности забираться въ доисторическія времена, не правда ли? Ну съ, итакъ!

Масонъ хитро подмигнулъ, успокоился, заложилъ ногу на ногу; онъ приготовился говорить. И онъ началъ длинный разсказъ, имѣвшій видимость исповѣди, но въ сущности игравшій роль допроса.

— Видите-ли, въ ту ночь, когда Канцеръ, онъ же Эванстонъ, былъ убитъ, я былъ на ногахъ, о чемъ вы, вѣроятно, вспомните, такъ какъ мы разговаривали съ вами передъ тѣмъ самымъ, какъ вы пошли въ отель къ Эванстону. Я пошелъ дальше, чтобы заняться розысками по поводу исчезновенія Миріамъ Карекинъ, вы помните, конечно?.. но, какъ

вы думаете, куда я направился? Неужели вы воображаете, что я среди темной ночи и въ такую ужасную погоду пустился къ рѣкѣ на поиски за мѣшкомъ и его содержимымъ. Нѣтъ, я этого не сдѣлалъ, я пошелъ прямо въ вашу квартиру, на Эри-стритъ, да, Ли. Какъ я добился, чтобы меня впустили и на какомъ основаніи, объ этомъ мы еще поговоримъ. Словомъ, я проникъ туда и самымъ тщательнымъ образомъ обыскалъ вашу комнату, все измѣрилъ, изслѣдовалъ мебель и ковры, вычислилъ кубическое содержаніе воздуха, ничто не ускользнуло отъ моего вниманія. И подъ самый конецъ я увидѣлъ прямо передъ собой то, что я искалъ, это часто бываетъ. Ваша квартира въ первомъ этажѣ и выходитъ окнами въ скверикъ,—вещь опасная въ Чикаго. Въ вашей спальнѣ задвижныя окна, Ли, и въ той щели, куда окно спускается, я нашелъ...

Масонъ вытащилъ небольшой продолговатый свертокъ и началъ развязывать веревочку.

— Вѣдь не трудно предположить, что человѣкъ можетъ вечеромъ войти въ садъ и сунуть эту вещицу въ щель окна, это вполнѣ возможно... Показать вамъ руку Миріамъ Карекинъ?..

Масонъ развернулъ бумагу и показалъ Ли что-то, напоминавшее скорѣй всего мумію какого нибудь маленькаго животнаго съ очень длинными волосами. Это была длинная тонкая человѣческая рука, завернутая въ черныя женскія волосы; волосы могли, дѣйствительно, принадлежать Миріамъ Карекинъ, но руку невозможно было узнать. Ли откинулъ назадъ голову, такъ какъ замѣтилъ, что отъ этой вещи распространялся запахъ... сладкій, печальный запахъ, напомнившій ему ту черную ночь, когда онъ любилъ смерть... Миріамъ! Да, все вокругъ него было черно...

Голосъ тайнаго агента доносился, казалось, откуда то издалека, но постепенно сталъ звучать ближе:

— Неправда-ли, я васъ предупреждалъ, что Эванстонъ подсунетъ вамъ что-нибудь, что будетъ не слишкомъ хорошо пахнуть. Почему вы никогда не довѣряли мнѣ, Ли? Ну-съ, спрячемъ теперь эту уличающую руку—она, къ сожалѣнію, не можетъ уже принести намъ пользы. Она больше никому не опасна. Вы поблѣднѣли, Ли?.. позвольте мнѣ повторить вамъ, что я, само собой разумѣется, ни одной секунды не сомнѣваюсь, что убилъ миссъ Карекинъ Эванстонъ, и онъ же подсунулъ къ вамъ ея руку, само собой разумѣется, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Это дѣло конченное. Объ этомъ больше и говорить не стоитъ. Пусть это останется между нами. Теперь онъ мертвъ... а мы обратимся къ живымъ, и я говорю вамъ: жизнь предъявляетъ свои права, понимаете вы меня?

Сказать вамъ, что я еще нашелъ, обыскивая вашу квартиру? Я нашелъ нѣчто, что имѣетъ большое значеніе въ данный моментъ. Одинъ вопросъ... Передъ той ночью, когда Канцеръ былъ убитъ, вы цѣлый день не были дома?

Ли покачалъ головой.

— Такъ! Я не спрашивалъ раньше, потому что я зналъ. Вы не были дома, потому что посреди вашего стола лежало чрезвычайно важное письмо къ вамъ, незапечатанный листокъ... Я его прочиталъ, мистеръ Ли. Это, пожалуй, не вполнѣ корректно съ моей стороны, но, когда служишь тайнымъ агентомъ, приходится дѣлать такія вещи. Это было письмо отъ Маргариты Гронау...

Масонъ замолчалъ, пристально глядя на Ли, который сидѣлъ съ внезапно постарѣвшимъ лицомъ.

— Она была у васъ въ теченіе этого дня,—продолжалъ Масонъ,—и, не заставъ васъ дома, написала вамъ нѣчто на клочкѣ бумаги, прежде чѣмъ ушла отъ васъ. Всего нѣсколько словъ, но для меня они имѣли большое значеніе. Если можете, мистеръ Ли, вслушайтесь теперь внимательно. Словомъ, миссъ Гронау сообщала, что Канцеръ грозилъ ей, что вамъ будетъ плохо, если она не уговоритъ отца продолжить стачку; долженъ сказать, что я не сразу понялъ, въ чемъ дѣло: я былъ больше занятъ другой находкой, которую я передъ тѣмъ сдѣлалъ. Но когда я утромъ услышалъ, что Канцеръ исчезъ, мнѣ сейчасъ же припомнилось это письмо, и, вы можете повѣрить, что мнѣ не трудно было возстановить связь. Я вѣдь слѣдилъ за общимъ ходомъ событій и не мало удивлялся страннымъ колебаніямъ м-ра А. Гронау; теперь я понялъ все, и съ присущей тайнымъ агентамъ способностью сводить запутанныя положенія къ личностямъ, я увидѣлъ, что все, что произошло, было связано съ вами, Ли, только съ вами! Вы можете себѣ вообразить, что стачка и всѣ остальныя обстоятельства помимо этого мнѣ совершенно неинтересны. Понимаете-ли вы, что послѣ того, что я узналъ, я весь свой инстинктъ и всѣ силы своего вниманія устремилъ только на васъ. Если вы меня поняли, васъ не удивитъ, что я прямо отправился въ домъ м-ра А. Гронау, въ то время, какъ остальные агенты бродили на удачу по городу. По двумъ основаніямъ, Ли,—потому что я хотѣлъ васъ найти, и потому что я искалъ васъ по близости отъ миссъ Гронау. Признаете вы у меня психологическія способности?

Масонъ откинулся назадъ и посмотрѣлъ на Ли съ значительной миной, которую онъ пытался скрыть подъ улыбкой.

— О, я кое-что смекаю! Въ обоихъ предположеніяхъ я былъ совершенно правъ, я предвидѣлъ это, Ли, я страшно правильно это предвидѣлъ. Гм... гм..! Но тутъ наступаетъ мо-

ментъ, когда я поступилъ, какъ идіотъ... впрочемъ, мы условились исходить изъ того предположенія, что я геніальный сыщикъ, неправда-ли? Итакъ, я нахожу трупъ Канцера въ комнатѣ молодого Гронау и въ ту же минуту прихожу къ заключенію, что убійца—онъ. До тѣхъ поръ я поступалъ совершенно правильно, но тутъ я уклонился въ сторону и бросился по совершенно новому слѣду. Я хочу сказать, Ли, что самъ по себѣ этотъ скачекъ отъ одного предположенія къ другому былъ геніаленъ, такъ какъ для него нужна была вся рѣшительность и гибкость ума, присущая генію, особенно, если первое предположеніе такъ прочно установлено въ умѣ, какъ оно и было... согласны вы съ этимъ, Ли?

Масонъ говорилъ тономъ глубоко скрытаго сарказма.

— Не забывайте, пожалуйста, что именно въ этомъ пунктѣ вы заранѣе признали меня идіотомъ... ради васъ же, милѣйшій мой Ли. Гм, гм! Прекрасно, я безъ малѣйшаго колебанія готовъ былъ признать убійцей молодого Гронау. Одно только—примите во вниманіе, что на это указывалъ фактъ. А фактъ всегда служитъ указаніемъ и самымъ безошибочнымъ путемъ для сыщика. Факты, Ли, всегда были, такъ сказать, исходнымъ пунктомъ моихъ самыхъ святыхъ чувствъ. Такимъ образомъ, было вполнѣ разумно, что мои подозрѣнія устремились на молодого Гронау, когда я нашелъ убитаго въ его комнатѣ со слѣдами истязаній, произведенныхъ инструментами, принадлежащими молодому Гронау. Что касается психологіи, то тутъ сразу поражало одно—толщина молодого Гронау. Хотя я не знатокъ въ этой грязной области и ко всему, входящему въ нее, отношусь съ тѣмъ отвращеніемъ, какое находится, такъ сказать, въ законной зависимости отъ моихъ здоровыхъ наклонностей и поддерживается статьей уголовнаго уложенія... гм, однако, я все-таки знаю достаточно, чтобы представить себѣ ясно столкновеніе между Канцеромъ и молодымъ Гронау,—предложеніе со стороны перваго, на что молодой Гронау могъ отвѣтить со всей, къ сожалѣнію, намъ теперь хорошо извѣстной, звѣрской несдержанностью своей природы. Съ перваго взгляда я счелъ все это совершенно достаточнымъ основаніемъ для подозрѣній противъ молодого Гронау. Я сталъ его искать, но не успѣлъ я взять его, какъ онъ сталъ жертвой ужаснаго народнаго самосуда, описаніе котораго вы, разумѣется, читали въ газетахъ. Вы должны были читать со смѣшаннымъ чувствомъ объ этой исторіи, Ли: облегченіе соединялось, вѣроятно, съ тяжелымъ чувствомъ, такъ какъ молодой Гронау былъ какъ никакъ вашимъ другомъ, былъ до нѣкоторой степени близокъ вамъ. Никогда въ жизни я не переживалъ

ничего болѣе ужаснаго, чѣмъ его смерть. И только подумать, что онъ былъ невиненъ...

Масонъ сталъ мраченъ:

— Ли... только подумать, что онъ былъ невиненъ! Но отложимъ на время эту мысль, какъ слишкомъ компрометирующую васъ... пожалѣемъ только въ скобкахъ, что онъ былъ невиненъ. Мнѣ, въ сущности, очень бы хотѣлось, чтобы онъ былъ виновенъ, въ такомъ случаѣ у меня была бы совѣсть чиста. Я-то, положимъ, съ какой бы стороны на это ни посмотрѣть, дѣйствовалъ, только какъ представитель закона, я не принимаю на себя ни малѣйшей нравственной отвѣтственности, хотя и признаю, что смерть молодого Гронау произвела на меня потрясающее впечатлѣніе; я не лишенъ сострадательности, какъ частный человѣкъ. Между прочимъ, замѣтили ли вы, что пресса—не знаю было ли это въ Санъ-Францисскихъ газетахъ, въ одной изъ Чикагскихъ я читалъ это,—разсматривала смерть молодого Гронау, какъ трагическое крушеніе идеи капитализма. Это было замѣчательно, я самъ думалъ нѣчто подобное. И, знаете ли вы, въ этомъ есть нѣчто примиряющее, не правда ли? Это моментъ, поднимающій несчастіе до высшей области трагедіи. Вѣрно я говорю? Молодой Гронау палъ жертвою капитализма, въ этомъ заключается родъ красоты, который во всѣхъ отношеніяхъ покрываетъ понятіе вины. Миръ его памяти... впрочемъ, пусть я ослѣпну на мѣстѣ, если этотъ кусокъ сала не колотилъ все кругомъ себя, какъ самый смирный бизонъ во время пожара... за всю мою жизнь я не видалъ ничего подобнаго. О, это было изумительно, великолѣпно, потрясающе!.. Ну-съ, теперь мы переходимъ къ тому пункту, относительно котораго вы уже давно ждали отъ меня разъясненій: причина моего присутствія здѣсь. Чего я хочу? Какъ вы должны меня понять? Когда мы бесѣдовали въ послѣдній разъ, я весь былъ заряженъ стремленіемъ уничтожить Канцера, а теперь похоже на то, что я стремлюсь отомстить за его смерть. Какъ связать это между собой? Гдѣ смыслъ этого скачка? Мистеръ Ли, разрѣшите мнѣ ознакомить васъ съ другимъ принципомъ дѣятельности тайнаго агента. Я говорилъ съ вами о фактѣ, какъ основѣ нашего метода, или, лучше сказать, моего метода, за все сословіе я не отвѣчаю. Позвольте же мнѣ сказать вамъ, что результатъ является мѣриломъ моей работы. Я не дилетантъ, я работаю не ради самой работы, я слуга закона, я смотрю только на результатъ, ни на что, кромѣ результата. Канцеръ былъ убійца и величайшій преступникъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы поймать его и передать въ руки правосудія; теперь онъ убитъ, и тѣмъ нанесъ большой ущербъ висѣлицѣ... Мистеръ

Ли, вы человѣкъ, получившій хорошее образованіе, вы знаете, что значитъ отвлеченность; я нахожусь въ ея предѣлахъ; я преслѣдую убійство, преступленіе, въ чистомъ его видѣ, и я здѣсь въ качествѣ человѣка, разыскивающаго убійцу Канцера, понимаете вы это? Результатъ, любезнѣйшій мой! Такъ же, какъ раньше я говорилъ, что жизнь предъявляетъ свои права, такъ теперь можно сказать, что законъ долженъ получить удовлетвореніе. Мистеръ Ли, первый звонокъ прозвонилъ, прежде чѣмъ пароходъ отчалитъ, вы присоединитесь къ моему мнѣнію. Я вижу, какъ вы утомлены, какъ вы измучились въ одиночествѣ. Законъ и общество ждутъ васъ. Возвращайтесь домой, великій утѣшитель ждетъ васъ, слышите, мистеръ Ли, мягкія объятія закона открыты для васъ, раньше или позже вы все равно броситесь въ нихъ!

Масонъ немного помолчалъ, вытащилъ сложенную бумагу и продолжалъ, держа ее въ рукѣ:

— Итакъ, Ли, вы слѣдили за мной во время этого небольшого уклоненія отъ правильнаго пути, который привелъ меня въ домъ м-ра А. Гронау въ поискахъ за вами. Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы теперь снова послѣдовать за мной по правильному пути, не правда ли? Исторія съ молодымъ Гронау была ошибкой, одной изъ тѣхъ ошибокъ, которыя подтверждаютъ истину. Мнѣ нужно было подумать еще о письмѣ Маргариты Гронау, и поэтому я поѣхалъ слѣдомъ за вами, по дорогѣ многое обдумалъ, и вотъ я здѣсь. Съ вашего позволенія я дамъ вамъ корректное по существу описаніе того, что произошло въ ту ночь, со всѣми подробностями; всѣ ключи къ этому я беру изъ того письма, которое я нашелъ на вашемъ столѣ. Я, кстати, спряталъ его у себя—такъ какъ почему же мнѣ не передать его адресату,—вѣдь въ этомъ же назначеніе каждаго письма. Извольте, Ли!

Масонъ протянулъ Ли сложенный листъ бумаги. Ли увидѣлъ, что это бумага, какую онъ обыкновенно употреблялъ; онъ развернулъ листъ и узналъ почеркъ Маргариты; онъ густо покраснѣлъ и съ горящими глазами обернулся къ Масону:

— Разрѣшите мнѣ отойти немного въ сторону и прочитать это?

— Пожалуйста!—отвѣтилъ Масонъ съ нѣкоторымъ чувствомъ.

Ли отошелъ на нѣсколько шаговъ и прочелъ, что ему написала Маргарита. Весь листъ былъ исписанъ огромными сумасшедшими буквами. Тамъ было что-то объ угрозахъ Канцера и о томъ, гдѣ могъ быть Ли, и не придетъ ли онъ?— и о томъ, какъ она несчастна; это былъ какой-то ураганъ

фразъ, рядъ криковъ, она была такъ безумно взволнована, что не могла писать; это было раскрытое сердце Маргариты, это была она сама, почти что живая...

Маргарита, Маргарита! Какъ она была ему дорога, единственная!.. Маргарита! Теперь она бродила гдѣ-то тамъ въ морозномъ Чикаго, засыпанномъ снѣгомъ и окутанномъ дымомъ, тамъ далеко, гдѣ храмъ массоновъ поднимаетъ къ небу свою спину, точно гора, покрытая глетчерами—тамъ была она, Маргарита, его лѣто; Маргарита, которая отдалась ему въ ночь преступленья, которая любила его... О, цѣлый міръ тепла охватилъ его, такъ что онъ заплакалъ и забылъ все... Маргарита! Маргарита!

Масонъ видѣлъ, какъ Ли сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, какъ-то странно, бокомъ, втянувъ голову въ плечи; онъ пошелъ за нимъ слѣдомъ, перегнулся впередъ и увидѣлъ, что Ли стоялъ съ закрытыми глазами, точно погрузившись въ сонъ, но сквозь замкнутыя рѣсницы по щекамъ его струились слезы.

Масонъ тихонько проскользнулъ назадъ. Онъ не хотѣлъ вторгаться въ это—онъ чувствовалъ—сильное душевное волненіе. Онъ потеръ руки. Онъ разсчитывалъ на эту уловку съ письмомъ, и все произошло такъ, какъ онъ надѣялся.— Ли совсѣмъ смягчился. Теперь все устроится само собой.

Но въ этомъ Масонъ ошибся. Когда Ли овладѣлъ собой и вернулся на скамейку, онъ былъ совершенно въ иномъ настроеніи, чѣмъ за минуту до того. Когда онъ увидѣлъ Масона и во все время до этихъ поръ у него было чувство, побуждавшее его сдаться и принять на себя послѣдствія своего поступка. И именно потому, что онъ считалъ необходимымъ подчиниться судьбѣ, онъ такъ невозмутимо встрѣтился съ Масономъ. Но теперь онъ хотѣлъ жить. ...Теперь бурное волненіе овладѣло его сердцемъ. Онъ сѣлъ. Теперь онъ вступитъ въ борьбу. Всѣ нервы у него были напряжены, но онъ ничего не боялся, онъ весь былъ полонъ жизни, ему трудно было держать себя въ уздѣ.

Масонъ собирался сказать ему братскимъ великодушнымъ тономъ, что самое лучшее будетъ, если Ли не станетъ устраивать никакихъ исторій, а спокойно отправится съ нимъ домой... но тутъ его взглядъ упалъ на Ли, и онъ счелъ за лучшее промолчать. Ли, повеселѣвшій послѣ слезъ, казался такимъ удивительно кроткимъ и въ то же время пламеннымъ, что Масонъ нашелъ болѣе благоразумнымъ на минутку оставить его въ покоѣ. Ли имѣлъ видъ человѣка, только что причастившагося,—подумалъ Масонъ и кивнулъ головой—да, человѣка, обрѣтшаго, наконецъ, душевный миръ, исполненнаго раскаянія и ожидавшаго прощенія, Масонъ

снова кивнулъ головой; но въ тоже время и человѣка, способнаго на все, способнаго любоваться цвѣточкомъ на могилѣ или убить какого нибудь ближняго, хотя бы мелкаго полицейскаго агента. О, нѣтъ, теперь Ли сталъ добрымъ, теперь не надо только пробуждать въ немъ звѣря, отъ этого всегда недалеко до всяческаго насилія! Гм!..

Машины работали въ передней части парохода, толчокъ за толчкомъ слѣдовали непрерывно. Масонъ закурилъ сигару и посмотрѣлъ на Ли. Теперь тотъ сидѣлъ совершенно спокойно, онъ былъ очень, очень серьезенъ, но не казался опаснымъ.

— Такъ!—произнесъ Масонъ,—теперь, Ли, соберитесь съ силами. Я хочу сказать, обсудимъ спокойно положеніе вещей. Пойдемъ навстрѣчу другъ другу, поможемъ другъ другу въ обоюдномъ сознаніи. Я не стыжусь раскрыть передъ вами главу изъ признаній тайнаго агента; что до меня касается, я сознаюсь, что велъ себя, какъ идіотъ, когда пошелъ и хотѣлъ арестовать молодого Гронау: вы сами должны признать это, если вы пожелаете быть искреннимъ, а если справедливость на вашей сторонѣ, то вы ее и получите. Я велъ себя, какъ полицейская кляча, когда набросился на молодого Гронау, потому что Канцера убили вы, Ли! Такъ то, Ли!

Ли опустилъ голову. Конечно, Канцера убилъ онъ. Этого онъ не могъ отрицать, онъ не раскаивался въ этомъ, напротивъ. Всѣ три ночи послѣ этого онъ прекрасно спалъ въ поѣздѣ, три долгія, счастливыя вѣчности, въ гремящемъ поѣздѣ; онъ хорошо ѣлъ, а слѣдующій день онъ весь просидѣлъ у окна, глядя на поля и горы, чувствуя себя, какъ выздоравливающій; его до самаго горла наполняла благодарность къ жизни, у него кружилась голова отъ радости при видѣ всего живого: вола, запряженнаго въ повозку, дровосѣка около своей избушки, негра, сидящаго у стола, пока поѣздъ мчался въ далекій путь по обширнымъ пустынямъ. Да, онъ убилъ Канцера. Но теперь дѣло шло не о томъ, чтобы сознаться въ своемъ поступкѣ, а о томъ, чтобы сдѣлать подарокъ бѣднягѣ Масону... почему Масонъ не попросилъ о какомъ нибудь другомъ одолженіи, этого одного Ли не въ состояніи былъ ему оказать. Ли прекрасно зналъ, что ловкій, предусмотрительный Масонъ, со всѣми своими дурацкими ужимками ждалъ только одного его сознанія, чтобы превратиться въ полицейскаго агента съ желѣзными пальцами. Когда Масонъ опять подскочилъ къ нему, Ли взглянулъ на него, уклончиво разсмѣялся и замѣтилъ:

— Я продолжаю думать, что вы выдающійся полицейскій агентъ, мистеръ Масонъ, я не убивалъ Канцера.

— Вы лжете!—быстро вскрикнулъ Масонъ.

Ли посмотрѣлъ ему въ глаза, смѣяться онъ больше не могъ... и вдругъ онъ почувствовалъ, что руки его тянуться къ Масону. Масонъ немного отодвинулся, лицо у него сейчасъ же сдѣлалось такимъ, что его трудно стало оскорбить.

— Милый Ли! — началъ онъ примирительно, — прежде всего не волнуйтесь. Это вамъ вредно! Вы раньше времени замучите себя сами. Я надѣялся, что мнѣ удастся счастливо взять васъ на буксиръ, я радовался тому, что вы отдадитесь сами... не возвращайтесь же опять къ упорству и непримиримости! Вѣдь я не ради себя хочу, чтобы вы сознались, а исключительно ради спасенія вашей души. Я хотѣлъ бы, чтобы вы заглянули въ себя. Вы должны согнуться, вы должны добровольно отдаться на милость и немилость общества, которое вы оскорбили. Развѣ вы не знаете, что внѣшнія условія въ жизни не имѣютъ никакой цѣны; единственное, что имѣетъ значеніе — это быть въ мирѣ съ самимъ собой. Могутъ ли помочь богатства всего міра, если человѣкъ потерялъ самого себя? И мы должны быть вполнѣ самими собой, должны брать на себя все послѣдствія своихъ поступковъ, иначе мы выйдемъ изъ борьбы инвалидами. Милый Ли, вы не достаточно цѣните страданіе въ жизни человѣка! Только страданіе облагораживаетъ сердце. Вы обязаны передъ обществомъ, передо мной, пострадать за свое преступленіе, но больше всего вы обязаны это сдѣлать передъ самимъ собою. Повѣрьте мнѣ, вы будете несчастнымъ человѣкомъ, вы не найдете покоя до тѣхъ поръ, пока вы не вернетесь назадъ къ обществу, законы котораго вы нарушили, но которое всегда готово снова принять васъ къ себѣ и окружить васъ всѣмъ комфортомъ, который представляютъ современныя мѣста заключенія. Галль испыталъ это, и, могу васъ увѣрить, онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ тюрьмѣ. Я бы очень хотѣлъ видѣть васъ въ безопасности, Ли, вы знаете, какъ я къ вамъ хорошо отношусь, мнѣ крайне тяжело видѣть, что вы скитаетесь по пустынымъ путямъ, внѣ охраны закона. Когда Эдмундъ Галль, больной, одинокій, глубоко несчастный, предалъ себя въ руки правосудія, онъ сказалъ мнѣ: „Мнѣ кажется, точно я вернулся домой, я по настоящему радуюсь“,—и онъ горько заплакалъ. Мнѣ было бы такъ пріятно увидѣть, что и вы также спасены, милый Ли; когда нибудь вы должны будете также придти ко мнѣ, не замыкая своего сердца для тѣхъ чувствъ, какія у васъ все-таки есть, хоть вы и проклинаете ихъ—только тогда, вы станете человѣкомъ, только тогда, предавъ себя, вы спасете лучшее, что есть въ васъ, вашу душу.

Вы не должны смотрѣть на жизнь, какъ на простую

борьбу. Что за недовѣрчивость; вамъ, право, необходимо прібрѣсти нѣкоторую шлифовку въ обществѣ, къ вамъ подойти нельзя безъ того, чтобы вы сейчасъ же не встали на дыбы! Богъ знаетъ, кто васъ такъ воспиталъ, что вы не поддаетесь никакимъ принятымъ формамъ общежитія, не говоря уже о дружбѣ. А ужъ, что касается довѣрія... нѣтъ...

— Васъ не затруднитъ сѣсть немного подальше? - спросилъ Ли, посмотрѣвъ потухшими глазами на Масона, пододвинувшагося къ нему вплотную.—Мнѣ мучительно ощущать кого нибудь такъ близко отъ себя!

Масонъ умолкъ. Что это значитъ?.. Вотъ такимъ же былъ и Эдмундъ Галль. Что такое, чортъ возьми?.. Въ своемъ изумленіи Масонъ забылъ даже отодвинуться. Ли въ упоръ смотрѣлъ на его удивленное лицо съ разинутымъ ртомъ, и его глаза походили на двѣ черныя холодныя бездны.

— Я считаю себя въ правѣ,—сказалъ Ли,—всякому человѣку, который такъ близко прикасается ко мнѣ, что я ощущаю его теплоту, или воткнуть ножъ въ тѣло, или дунуть въ лицо, или...

Онъ взялъ Масона двумя пальцами за носъ и повернулъ его съ такой силой, что хрящики въ носу у того захрустѣли. Масонъ судорожно повернулся всѣмъ тѣломъ въ ту сторону, куда Ли поворачивалъ его носъ, и остался сидѣть такъ, изогнувъ спину и безпомощно протянувъ руки, до тѣхъ поръ, пока Ли не выпустилъ его. Потомъ онъ весь опустился, свѣсилъ голову на грудь и едва могъ опомниться: до такой степени ему было больно. Изъ глазъ у него потекли слезы.

— Извините, если можете,—произнесъ Ли.—Мнѣ непріятно, что я прикоснулся къ вамъ. Вы не заслужили этого,—какъ вы могли знать, что если на меня дышатъ, это мнѣ хуже, чѣмъ если бы мнѣ на голову опустилась бадья съ углемъ. Я не хотѣлъ васъ оскорблять, мистеръ Масонъ, но теперь я думаю, мы квиты.

Масонъ молчалъ.

— Господи какъ это больно!—сказалъ онъ, наконецъ, переведя духъ и добродушно поднялъ вверхъ полные слезъ глаза.—Просто, нельзя повѣрить, какая боль! Да, это была скверная понюшка табаку. Пожалуйста, больше меня такъ не угощайте! Возможно, что я черезчуръ близко къ вамъ пододвинулся, мистеръ Ли. Долженъ сказать, что послѣ того, какъ я познакомился съ Эдмундомъ Галлемъ, я всегда чувствую себя нѣсколько неувѣренно въ отношеніи такихъ нервныхъ типовъ, какіе встрѣчаются въ наши дни. Никогда не знаешь, что тебя ожидаетъ... если я по неосторожности наступилъ вамъ на мозоль, извините меня. Какъ вы сказали,

можно сказать, что мы сквитались. Если бы это былъ кто-нибудь другой на вашемъ мѣстѣ... но я знаю, что вы не дѣлите людей на букашекъ и... и на себя самого, поэтому я могу выслушать отъ васъ урокъ. Это было опытъ. Это было не по злобѣ, вы не хотѣли причинить мнѣ зла, не хотѣли также и оскорбить меня, вы взвѣшивали на собственныхъ, вами провѣренныхъ вѣсахъ — я мучилъ васъ, не замѣчая этого, но тѣмъ не менѣе вамъ было больно; тогда и вы схватили меня такъ, чтобы сдѣлать мнѣ больно—значитъ, квиты. Вѣрно я говорю? Правда, я самоучка, но я не глупъ, такъ какъ у меня есть чутье. Не правда ли, я васъ понялъ? Вмѣсто того, чтобы разъяриться, я посмотрѣлъ въ корень и понялъ.

Масонъ потеръ свой пострадавшій носъ и украдкой бросилъ взглядъ на Ли.

— Совершенно также ухватили вы Канцера... точь въ точь такъ, Ли. Онъ стѣснялъ васъ, онъ дышалъ на васъ, вы не могли жить на свѣтѣ вмѣстѣ съ нимъ — и такъ какъ у него было слишкомъ мало нервовъ, чтобы вы могли отплатить ему физическимъ оскорбленіемъ, вы отплатили ему тѣмъ, что онъ могъ вполнѣ ощутить,—вы сбросили его съ седьмого этажа внизъ. Неправда-ли? А, Ли?

Ли молчалъ. Масонъ чихнулъ три-четыре раза.

— Быть можетъ, это и возстановило равновѣсіе. Но всетаки этого нельзя. Нельзя дѣлать такія вещи, не становясь преступникомъ, вѣдь правда? А-апчихъ!

— Развѣ нельзя предположить, что я до такой степени буду оскорблять васъ, что вы въ концѣ концовъ наброситесь на меня?—спросилъ Ли. — И если вы при этомъ убьете меня, неужели вы сразу станете преступникомъ? Неужели у васъ выростутъ другія уши на головѣ?

— Если бы вы напали на меня, я обратился бы къ суду,— сказалъ Масонъ и громко фыркнулъ. Казалось, что онъ снова вбиралъ въ себя весь тотъ воздухъ, который онъ передъ тѣмъ такимъ же способомъ выпустилъ изъ себя.—Я обратился бы къ врачу, если бы вы меня сильно избили, я протащилъ бы васъ черезъ всѣ судебныя инстанціи, разумѣется. Если вамъ это непонятно, значитъ, вы человѣкъ, стоящій внѣ закона, иными словами, —преступникъ. Если вы чувствуете не такъ, какъ средній человѣкъ, вы преступникъ.

— Развѣ вы не можете понять, что можно уничтожить человѣка, именно что-бы остаться честнымъ?—спросилъ Ли.— Въ этомъ именно заключается цивилизація, особенно въ Америкѣ, это то я могу вамъ сказать. Человѣкъ общества, т. е. человѣкъ, слѣдующій въ жизни законамъ чистаго ра-

зума, имѣетъ право убить человѣка, который хочетъ увлечь его въ область импульса... это простая месть самихъ инстинктовъ... мы въ Америкѣ поступаемъ такъ. Мы сохраняемъ равновѣсіе, намъ предстоитъ много дѣла, оскорблять наши чувства запрещено и, кромѣ того, опасно; мы бьемъ; мы желаемъ жить, какъ мужчины, съ достоинствомъ, если бы даже намъ вслѣдствіе этого пришлось драться; мы представляемъ собой общество, такъ организованное, націю...

Масонъ пристально и немного удивленно смотрѣлъ на Ли. Вдругъ онъ вскричалъ:

— Такъ, значитъ, вы убили Канцера, чтобы избавить отъ него общество?

Ли едва не сказалъ „да", но во время опомнился и улыбнулся:

— Я, право, не убивалъ Канцера, мистеръ Масонъ.

Полицейскій агентъ закусилъ губы.

— Вы, значитъ, лжецъ!—пробормоталъ онъ.—Хм, хм!—Хорошо, мистеръ Ли! Хорошо! Я, конечно, не избалованъ тѣмъ, чтобы мои обвиняемые поступали, какъ джентльмэны. Но на этотъ разъ я разсчитывалъ на это, Богъ вѣсть почему. Боюсь, что вѣсъ и мѣра у васъ не совсѣмъ въ порядкѣ, такъ какъ вы не удовольствовались тѣмъ, что подержали меня за носъ. Вы хладнокровно лжете мнѣ въ глаза, фу, чортъ! Да, да, я воображалъ, что мы побесѣдуемъ объ этомъ, какъ образованные люди, и вы должны признать, что въ отношеніи отсутствія предвзятаго мнѣнія я пошелъ очень далеко, чтобы облегчить вамъ. Но если вы становитесь опять на путь голаго отрицанія, то ужъ тутъ ничего не подѣлаешь. Теперь васъ едва-ли удивитъ, если я начну говорить нѣсколько инымъ тономъ, который болѣе соотвѣтствуетъ тому уровню, на который вы себя ставите тѣмъ, что лжете, какъ какой нибудь обыкновенный негодяй съ бубновымъ тузомъ на спинѣ.

На губахъ у Ли мелькнула усталая усмѣшка. Онъ не даромъ имѣлъ нѣкоторую опытность въ перенесеніи оскорбленій.

— Что вы теперь лжете,—продолжалъ Масонъ, начинавшій сердиться,—это именно служитъ доказательствомъ, что вы убили Канцера. Вы не могли бы лгать, если бы дѣло не шло о спасеніи вашей жизни, настолько-то я васъ знаю То самое обстоятельство, что вы отрицаете, является для васъ уничтожающимъ...

— Вотъ какъ,—вскричалъ Ли, расхохотавшись, — ну, въ такомъ случаѣ я сознаюсь!

Масонъ тоже засмѣялся, но принужденно:

— Вы сознаетесь?

— Да, ваша діалектика заставляетъ васъ въ такомъ случаѣ отпустить меня на свободу.

— Берегитесь! — сказалъ Масонъ и сильно скосилъ глаза.—Не шутите съ закономъ! На основаніи того, что вы сейчасъ сказали, я могу арестовать васъ. Вы арестованы!..

— Ну, теперь вы окончательно сбились съ роли, — коротко отвѣтилъ Ли и поднялся. — Я не сознавался! Вы не можете меня арестовать. Я прекрасно понялъ, что вы ничего не можете со мной сдѣлать безъ моего сознанія. На этомъ пароходѣ вы не можете арестовать меня. А добровольно содѣйствовать вамъ, способствовать исполненію вами вашей полицейской роли, нѣтъ, этимъ я не могу вамъ служить. Очень вамъ благодаренъ!.. Третій звонокъ, мистеръ Масонъ, честь имѣю кланяться!

Ли пошелъ къ лѣстницѣ. Масонъ остался на мѣстѣ и съ вытянутымъ лицомъ слѣдилъ за нимъ. Потомъ онъ опять чихнулъ. Ли сошелъ внизъ въ свою каюту.

Когда онъ черезъ три четверти часа опять поднялся на палубу, пароходъ миновалъ уже „Золотыя Ворота" и выходилъ въ открытый океанъ. Масонъ сидѣлъ все тамъ же на скамейкѣ. Онъ кивнулъ Ли съ бѣглой улыбкой.

— Злой духъ тянетъ меня,—сказалъ онъ. —Я хочу проѣхаться въ Гонолулу, мистеръ Ли.

XVIII.

Во время путешествія между ними установилось нѣкотораго рода соглашеніе. Ли сдѣлалъ удовольствіе Масону, признавая, ради удобства, когда они разговаривали, фактъ убійства, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Масонъ не принималъ этого за сознаніе; Масонъ, съ другой стороны, удержалъ за собой полное право дѣлать все, что ему будетъ угодно, чтобы побудить Ли отдаться добровольно ему въ руки и считать себя его плѣнникомъ, если Масону удастся переубѣдить его.

Безконечные разговоры шли между ними, пока пароходъ пересѣкалъ Тихій океанъ, и воздухъ съ каждымъ днемъ становился теплѣе. Передавать всѣ эти разговоры имѣло бы смыслъ, если бы они показали Масона или Ли въ новомъ свѣтѣ или имѣли вліяніе на ходъ событій. Но въ дѣйствительности неотступные разспросы Масона, и его неутомимыя разглагольствованія только все больше и больше поднимали Ли надъ тѣмъ, что онъ совершилъ, такъ какъ давали Ли поводъ сознательно и хладнокровно обосновать то, что онъ сдѣлалъ, повинуясь инстинкту, въ порывѣ аф-

фекта. Онъ вполнѣ оправился во время этихъ исповѣдей; онъ сталъ полнымъ внутреннимъ хозяиномъ того, что было первоначально совершено подъ гнетомъ необходимости. Подѣйствовать на Ли было теперь невозможно. Это полнѣйшее отсутствіе раскаянія у Ли вызывало у Масона постоянно взрывы негодованія; онъ кричалъ, шипѣлъ, потѣлъ, всплескивалъ руками; онъ заклиналъ, пѣлъ, умолялъ, свистѣлъ, былъ мягокъ и металъ громы; терпѣлъ пораженія и вновь бросался въ бой, трубилъ въ рогъ и опускалъ щитъ, онъ взлеталъ вверхъ, какъ аэростатъ, придумавъ новую уловку и падалъ на землю отъ разочарованія. Потомъ онъ снова раздувалъ ноздри, вскакивалъ въ стремена, кричалъ ура; въ запасѣ у него всегда были новые ужасы,—словомъ, онъ жилъ.

Собственно, слѣдовало бы подробнѣе разсказать, какъ Масонъ въ гавани Гонолулу произносилъ высоконравственною и вообще вполнѣ правильную рѣчь о законѣ, о равенствѣ. „Бога ради, не будемъ больше переряживаться“, и въ тоже время бросалъ шиллинги голымъ канакамъ, которые цѣлые дни съ приливомъ и отливомъ въ сердцахъ ныряютъ на вулканическое дно моря.

Слѣдовало бы предоставить ему собственными словами объяснить, почему онъ съ радостью отправился сопровождать Ли дальше вглубь Японіи и было бы чрезвычайно поучительно выслушать тончайшія опредѣленія церковнаго понятія „убійство“, данныя имъ въ уголовно-психологическомъ трактатѣ, сдѣланномъ на улицѣ Токіо, въ то самое время, когда мимо маршировали двадцать тысячъ маленькихъ солдатъ микадо, и Масонъ былъ весь восторгъ и пламя по поводу этой тучи дрессированныхъ комаровъ.

Не лишнее было бы тоже послѣдовать за Масономъ и Ли въ древній городъ Шанхай и послушать, какъ они обмѣниваются мнѣніями, передъ деревянной клѣткой, въ которой долженъ былъ стоять на пальцахъ, пока не умретъ, китаецъ и это изъ-за сущаго пустяка, изъ-за того, что онъ отрѣзалъ голову другому такому же язычнику. Слѣдовало бы пролить полный свѣтъ на то комическое обстоятельство, что въ Сингапурѣ Масонъ занялъ у Ли денегъ для того, чтобы имѣть возможность дальше слѣдовать за нимъ по пятамъ... но это не веселая книга, и она не должна кончаться фарсомъ.

Ли и Масонъ объѣхали вмѣстѣ кругомъ всего свѣта и достигли, наконецъ, Краснаго моря, которое, кажется, съ древности было предназначено къ тому, чтобы разлучать людей. Здѣсь они были разлучены, такъ какъ Масонъ, благодаря досадной ошибкѣ властей, былъ задержанъ въ

Аденѣ. Но къ этому моменту дѣла обстояли такъ, что Масонъ не вслѣдствіе внѣшней неудачи, а благодаря глубоко лежащимъ нравственнымъ основаніямъ почти совершенно отказался отъ мысли предать Ли въ руки правосудія.

Масонъ имѣлъ несчастье быть арестованнымъ въ Аденѣ по той причинѣ, что совершенно случайно его наружность оказалась вполнѣ отвѣчающей описанію примѣтъ одного преступника.

Англійскій тайный агентъ явился на палубу того океанскаго парохода, на которомъ путешествовали Ли съ Масономъ, въ сопровожденіи двухъ сильныхъ арабовъ и началъ самымъ деликатнымъ образомъ осматривать всѣхъ пассажировъ. Отъ опытнаго взгляда Масона не ускользнуло, что это коллега при исполненіи обязанностей и при мысли о Ли его охватилъ мучительный страхъ. Ахъ, если бы дѣло шло не о Ли! Неужели и на этотъ разъ все произойдетъ такъ же, какъ съ Галлемъ, который былъ вырванъ у него изъ-подъ носа самымъ обыденнымъ полицейскимъ агентомъ. Страхъ Масона оказался неосновательнымъ, но перешелъ въ другое тоже довольно мрачное настроеніе, когда вниманіе полицейскаго агента, нѣсколько разъ бѣгло коснувшись его, наконецъ, всецѣло сосредоточилось на немъ.

Сыщикъ выступилъ впередъ съ описаніемъ примѣтъ и началъ читать его вполголоса, дѣлая въ каждомъ пунктѣ сравненія съ наружностью Масона и всякій разъ все болѣе и болѣе убѣжденно кивая головой.

Сѣро-голубые глаза... такъ! Цвѣтъ волосъ обыкновенный... вѣрно; ростъ средній... правильно; одежда, не бросающаяся въ глаза, брюки на колѣняхъ потертыя... какъ разъ такъ! Языкъ англійскій... это сразу видно; общее впечатлѣніе: средній человѣкъ... Полицейскій махнулъ арабамъ, и они подошли къ Масону съ двухъ сторонъ и окружили его плотной рамой. Масонъ художественно ругался, взывалъ къ законамъ своей страны, но безъ всякой пользы, такъ какъ онъ попалъ именно въ клещи этихъ законовъ; онъ рычалъ, какъ раненый левъ, но оба араба держали его крѣпко, а полицейскій обыскивалъ его, пока не наткнулся на собственные ручные кандалы Масона.—Ого! Прожженный малый, видимо, искусный въ своемъ дѣлѣ,—трахъ!—и Масонъ стоялъ уже со связанными руками, въ умоляющей позѣ; теперь онъ сталъ кроткимъ. Ясно, что правосудіе должно идти своимъ путемъ... позднѣе, когда ошибка будетъ выяснена, онъ можетъ искать удовлетворенія и возмѣщенія убытковъ за безпричинный арестъ; иначе къ чему существовало бы правосудіе?

Прежде, чѣмъ Масона увели съ корабля, онъ простился

съ Ли, и это для обоихъ переполнило чашу. Масонъ всхлипывалъ, онъ былъ очень растроганъ, такъ какъ онъ любилъ Ли; онъ всегда говорилъ это, и это была правда.

Ли, то же самое, былъ огорченъ, онъ чувствовалъ, что ему трудно будетъ обходиться безъ Масона. Такъ какъ, что бы тамъ ни говорить, въ Масонѣ было нѣчто возбуждающее довѣріе, было какое-то непосредственное народное чувство справедливости, противъ котораго можно сколько угодно бороться, но которое, когда борьба окончена, оставляетъ въ душѣ странное ощущеніе одиночества, какой-то непріятный осадокъ, что-то вродѣ сожалѣнія, зачѣмъ мы не были искреннѣе и дружелюбнѣе.

XIX.

Ли проѣхалъ въ Скандинавію, раньше, чѣмъ вернулся въ Америку. Но то, что онъ и въ этотъ разъ и при другихъ обстоятельствахъ видѣлъ на сѣверѣ, какъ онъ нашелъ своихъ родныхъ въ Даніи, это самостоятельная исторія, которая появится позднѣе.

Чикаго былъ залитъ солнцемъ и пропитанъ бѣлой пылью, когда Ли вернулся въ него, фіолетовая дымка тумана поднималась надъ нимъ, онъ грохоталъ, какъ всегда, и весь былъ наполненъ запахомъ солода и сѣрнаго газа.

На лѣстницѣ его встрѣтила Маргарита, все та же Маргарита, какою онъ ее оставилъ, бѣленькая, съ свѣжимъ, какъ ручей ртомъ, и черными, прохладными, какъ трава, волосами. Увидѣвъ его, она остановилась и, не здороваясь съ нимъ, прошептала:

— Папа умираетъ.

Но когда они вмѣстѣ поднимались вверхъ по лѣстницѣ, она тѣсно прижалась къ нему, вспыхнула, какъ огонь, и горячимъ шепотомъ разсказала ему, что она не хотѣла ему говорить, но что у нея будетъ чудный ребенокъ и что она такая толстая, и...

М-ръ А. Гронау умеръ черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ увидѣлъ Ли.

Послѣдніе дни онъ чувствовалъ, что умираетъ. Утромъ того дня, когда Ли ждали въ Чикаго, началась агонія, но до полудня м-ръ Гронау не умиралъ, онъ зналъ, съ какимъ поѣздомъ Ли долженъ пріѣхать. Онъ лежалъ молча, когда Ли вошелъ и сталъ у смертнаго ложа, но онъ все же могъ подать ему знакъ, онъ безмолвно посмотрѣлъ на него, и Ли понялъ старика, онъ подумалъ о немъ, не какъ объ умирающемъ, съ цѣлымъ міромъ невысказанныхъ мыслей въ

потухающихъ глазахъ, но какъ о сильномъ и честномъ человѣкѣ, какимъ онъ былъ до послѣдней минуты. М-ръ А. Гронау не хотѣлъ ничего другого,—только взглянуть въ глаза Ли. Когда они поняли другъ друга, м-ръ А. Гронау опустилъ подбородокъ и умеръ, какъ умираютъ всѣ люди.

Онъ былъ очень красивъ мертвый. Отъ него осталось немногимъ больше скелета, но самый остовъ его былъ очерченъ сильными и значительными линіями. Маленькій черепъ не заключалъ въ себѣ никакой иной идеи, кромѣ простой честности; онъ всегда былъ мертвымъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе всей долгой рабочей жизни онъ никогда не обладалъ богатствомъ духа и талантомъ. Крупныя, сильныя руки теперь послѣ смерти не казались устрашающими. Ихъ останки сжимали другъ друга въ печальномъ и вѣрномъ пожатіи. Глядя на это мертвое тѣло, нельзя было усомниться, что это м-ръ Гронау и никто другой, и что дѣло его кончено. Онъ могъ служить доказательствомъ, что наше тѣло—наше единственное проявленіе въ мірѣ и что, кромѣ него, у насъ нѣтъ ничего.

XX.

Ли встрѣтилъ Крэна, и они разговорились о разныхъ вещахъ. Они ничего не знали другъ о другѣ съ того вечера, полгода назадъ, когда Ли развивалъ передъ пріятелемъ свои планы упорядочить прошлое Америки. Крэнъ напомнилъ ему объ этомъ, сказалъ, что это было великое видѣніе и спросилъ Ли, написалъ ли уже онъ произведеніе, которое было бы достойно этой идеи.

Ли покачалъ головой.

— Развѣ ты не пишешь больше стиховъ? — спросилъ Крэнъ.—Извини, что я спрашиваю, но я нахожу эту мысль такой плодотворной, что ты долженъ бы былъ подарить ее намъ въ той формѣ, которая доступна только тебѣ...

— Я больше не пишу, — сказалъ Ли, — я не хочу. Публика, къ которой лежитъ мое сердце, не читаетъ, или, лучше сказать, моя публика—это именно тѣ люди, которые не читаютъ. Нѣтъ, я рѣшилъ на другомъ пути соединиться съ ними. Я беру въ руки дѣла м-ра А. Гронау.

Крэнъ кивнулъ головой.

— Да, да, Ральфъ, это хорошо. Но все же въ твоей мысли соединить всѣхъ американцевъ, расширивъ нашъ взглядъ на прошлое и придать тѣмъ нашей духовной жизни историческое направленіе, было нѣчто великое.

— Американцы *живутъ*,—промолвилъ Ли такимъ тономъ, какъ будто онъ уже тысячу разъ говорилъ это.—Ни-

какого другого направленія намъ не нужно. Мы живемъ и работаемъ. Духовная жизнь это—слова, жалкое круженіе вокругъ самихъ себя, подъ тѣмъ, надъ тѣмъ и вокругъ того, что мы дѣлаемъ. Эдда, вѣроятно, тоже возникла въ темномъ углу, гдѣ жили маленькіе рабы и давали себя одурманивать и пытались облекать въ стихи свои собственныя миѳическія представленія о практическихъ людяхъ, которые были для нихъ недосягаемы, о тѣхъ свободныхъ, которые и въ то время были просты и не нуждались ни въ какихъ внутреннихъ схемахъ, чтобы жить, не нуждались даже въ мудрости. О нѣтъ, наши предки на сѣверѣ, конечно, чувствовали себя выше рабскаго катехизиса Эдды, который называется „Гавамолъ", и намъ онъ тоже не нуженъ, даже въ его современномъ видѣ...

— Это жестокая мысль!—сказалъ Крэнъ.

— Да, знаешь-ли, ты самъ это разъ сказалъ, только я тогда не понялъ: всякая эстетика только болѣзнь чувства дѣйствительности... если не охрана правъ собственности...

Крэнъ улыбнулся; точно по его тонкимъ твердымъ чертамъ пробѣжалъ вѣтерокъ. Одну минуту онъ внимательно смотрѣлъ на своего друга и потомъ сталъ чрезвычайно серьезенъ:

— Ты, должно быть, много выстрадалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой видѣлись послѣдній разъ,—осторожно замѣтилъ онъ.

— Да, на плечахъ у меня былъ самъ дьяволъ, —вздохнулъ Ли, смертельно поблѣднѣвъ; на лицѣ у него появились двѣ глубокія страдальческія морщины.

Холодомъ пахнуло на него и по тѣлу его прошла дрожь. Цѣлую минуту просидѣлъ онъ, не дыша, съ полуоткрытымъ ртомъ, близкій къ обмороку. Воспоминанія обезьяньей рукой схватили его за сердце.

Крэнъ, такъ же, какъ его другъ, затаилъ дыханіе. И среди воцарившагося вокругъ нихъ молчанія—они сидѣли въ Пальмовомъ саду аудиторіи—слышенъ былъ грохотъ поѣздовъ, грохотъ поѣздовъ Иллинойской желѣзной дороги.

Конецъ.

ПѢСНИ.

I.

„Тихо по озеру лодка скользитъ,
Дѣвушка въ бѣломъ на веслахъ сидитъ,
Юноша смѣлый стоитъ на кормѣ..."
 — Душно въ тюрьмѣ!

„Лодка качается, лодка плыветъ,
Дѣвушка пѣсню печально поетъ,
Юноша, въ думѣ, поникъ головой..."
 — Эй, часовой!

„Лодка качается, свѣтитъ луна,
Даль необъятная дымкой полна.
Какъ зачарована, мертвая тишь".
 — Не убѣжишь!

„Лодка качается, лодка плыветъ...
Холодъ тюремный томитъ и гнететъ.
Счастье далёко, промчалась весна".
 — Эй, отъ окна!..

Юноша блѣдный къ рѣшеткѣ приникъ,
Но не слыхалъ часового онъ крикъ.
Выстрѣлъ. Изъ сердца кровь струйкою бьетъ...
Лодка качается, лодка плыветъ.

II.

Въ темномъ лѣсу я цвѣты собирала,
И собирала цвѣты на лугахъ.
Эти цвѣты и траву я сплетала,
 Чудный вѣнокъ примѣряла
На разсыпчатыхъ русыхъ кудряхъ.

Папортникъ вѣщій, кукушкины слезы
И иммортели вплела я въ вѣнокъ,
Тёрномъ повила разбитыя грезы...
    Алые маки и розы,
Вамъ отвела я въ вѣнкѣ уголокъ.

И торопилась сплести до разсвѣта
Другу послѣдній, прощальный вѣнокъ,—
Тихую ласку угасшаго лѣта,
    Полную грусти, привѣта,
Догорающій въ тьмѣ огонекъ.

Степью я шла и отъ бурь не шаталась,
Въ темномъ лѣсу я звѣрей не пугалась,
Но у тюрьмы, гдѣ стоялъ часовой,
Въ страхѣ поникла къ дверямъ головой.

Тщетно молила: „Ужъ близокъ разсвѣтъ,
Другу послѣдній отдайте привѣтъ,
Пусть онъ предъ смертью надѣнетъ вѣнокъ,
Съ нимъ переступитъ тюремный порогъ".

Но не открылись тяжелыя двери,
Люди въ отвѣтъ засмѣялись,—не звѣри:
    Другу палачъ ужъ сплетаетъ вѣнокъ,
    Петлю готовитъ и саванъ-мѣшокъ.

А. Тулубьевъ.

Страхованіе рабочихъ на случай увѣчья.

II.

Русское законодательство о вознагражденіи увѣчныхъ, при общей отсталости его отъ западно-европейскаго, представляетъ пеструю картину.

Для частныхъ предпріятій фабрично-заводской и горно-заводской промышленностей у насъ существуетъ, такъ называемый,—«законъ 2-го іюня 1903 года».

Для предпріятій казенныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ—цѣлый рядъ нормъ: «законъ 9-го іюня 1904 г.», «законъ 6-го іюня 1903 года» и т. д.

Для частныхъ предпріятій, не входящихъ въ кругъ дѣйствія «закона 2-го іюня 1903 года» (пароходныхъ, желѣзнодорожныхъ и др.), продолжаютъ примѣняться общія положенія гражданскаго права.

И если къ этому добавить, что въ недалекомъ будущемъ для извѣстнаго круга предпріятій предполагается ввести обязательное страхованіе рабочихъ на случай увѣчья, то тогда Россія будетъ представлять собой, такъ сказать,—живую исторію развитія законодательства объ увѣчьяхъ.

Изъ дѣйствующихъ узаконеній насъ интересуетъ, главнымъ образомъ, «законъ 2-го іюня 1903 года», во-первыхъ, потому, что фактически онъ имѣетъ наиболѣе обширный кругъ дѣйствія, а во-вторыхъ—потому, что внесенный въ Государственную Думу законопроектъ о страхованіи «является какъ съ формальной стороны, такъ и по существу своему послѣдовательнымъ развитіемъ» вышеупомянутаго закона.

Основныя положенія его заключаются въ слѣдующемъ:

«При несчастныхъ случаяхъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности владѣльцы предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ за утрату болѣе, чѣмъ на три дня, трудоспособности отъ тѣлеснаго поврежденія... если же послѣдствіемъ была смерть рабочаго, то вознагражденіемъ пользуются члены его семейства». «Владѣлецъ предпріятія освобождается

отъ обязанности вознаграждать рабочихъ и членовъ ихъ семействъ, ...если докажетъ, что причиной несчастнаго случая былъ злой умыселъ пострадавшаго, или грубая неосторожность его, не оправдываемая условіями и обстановкой производства работъ».

Вознагражденіе производится: 1) въ видѣ пособій, назначаемыхъ со дня несчастнаго случая по день возстановленія трудоспособности или признанія утраты ея постоянной въ размѣрѣ половины дѣйствительнаго заработка пострадавшаго и 2)—пенсій, назначаемыхъ въ случаѣ постоянной утраты трудоспособности: при полной утратѣ ея въ размѣрѣ $^2/_3$ годового заработка, а при неполной—въ уменьшенномъ размѣрѣ, опредѣляемомъ соотвѣтственно степени ослабленія трудоспособности потерпѣвшаго.

Въ случаѣ смерти пострадавшаго, пенсіи членамъ его семьи производятся въ размѣрѣ слѣдующихъ долей его годового заработка: а) вдовѣ—въ размѣрѣ $^1/_3$ пожизненно или до выхода замужъ; б) дѣтямъ обоего пола: законнымъ, узаконеннымъ, усыновленнымъ и внѣбрачнымъ, а также воспитанникамъ и пріемышамъ до достиженія ими 15-ти-лѣтняго возраста, каждому въ размѣрѣ $^1/_6$ при жизни одного изъ родителей и $^1/_4$—круглымъ сиротамъ; в) родственникамъ по прямой восходящей линіи пожизненно каждому—$^1/_6$ и, наконецъ, г) братьямъ и сестрамъ, круглымъ сиротамъ, до 15 лѣтъ, каждому—$^1/_6$.

Исчисленіе «годового содержанія потерпѣвшаго» производится слѣдующимъ образомъ: «сумма, дѣйствительно заработанная потерпѣвшимъ въ теченіе года, предшествовавшаго дню несчастнаго случая... дѣлится на число дней, проведенныхъ потерпѣвшимъ въ томъ же году на работѣ, и полученный указаннымъ путемъ средній поденный заработокъ помножается на 260... Если при этомъ потерпѣвшій получалъ и довольство натурой, то къ исчисленной суммѣ прибавляется: при довольствѣ квартирой—20% этой суммы, а при довольствѣ харчами—дѣйствительная ихъ стоимость. Исчисленное такимъ порядкомъ годовое содержаніе не должно быть менѣе произведенія средней поденной платы чернорабочему на 260».

Пенсіи увѣчныхъ малолѣтнихъ и подростковъ, по достиженіи малолѣтними возраста подростковъ, а подростками—возраста взрослыхъ рабочихъ, «увеличиваются въ соразмѣрности съ возрастаніемъ средней поденной платы чернорабочему для означенныхъ возрастныхъ группъ».

По взаимному соглашенію сторонъ пенсіи какъ самимъ пострадавшимъ, такъ и членамъ ихъ семействъ могутъ быть замѣняемы единовременными выдачами въ размѣрѣ, равномъ десятикратной годовой пенсіи.

Къ этимъ «основнымъ положеніямъ» нужно добавить, что очень видная роль въ законѣ, по крайней мѣрѣ, въ той его части, гдѣ рѣчь идетъ объ установленіи характера увѣчья и, особенно, при заключеніи соглашенія между сторонами о размѣрахъ вознаграж-

денія отводится фабричной инспекціи. Такъ, ст. 31-ая, предоставляя увѣчнымъ и ихъ семьямъ право входить съ работодателемъ въ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ вознагражденія, требуетъ, чтобы соглашеніе это, облеченное въ письменную форму и подписанное обѣими сторонами, непремѣнно было засвидѣтельствовано фабричнымъ инспекторомъ (или окружнымъ инженеромъ въ горно-заводской промышленности), который *отказываетъ въ засвидѣтельствованіи соглашенія, если признаетъ его явно и существенно нарушающимъ настоящія правила»*. А ст. 25-ая инструкціи фабричнымъ инспекторамъ, изданной въ развитіе закона, говоритъ, что «явно и существенно нарушающими правила почитаются тѣ соглашенія, въ коихъ владѣлецъ предпріятія выговариваетъ для себя освобожденіе отъ какой-либо обязанности, возложенной на него прямымъ постановленіемъ правилъ, или же потерпѣвшая сторона отказывается отъ полученія вознагражденія въ причитающемся ей размѣрѣ».

Такимъ образомъ мы видимъ, что фабричный инспекторъ (или окружный инженеръ) призванъ, такъ сказать, стоять на стражѣ закона, или даже вѣрнѣе,—охранять интересы слабѣйшей стороны.

Въ заключеніе нужно добавить, что всѣ недоразумѣнія, происходящія на почвѣ соглашенія между сторонами относительно размѣра вознагражденія, подлежатъ вѣдѣнію дѣйствующихъ судебныхъ установленій.

Таковъ дѣйствующій законъ, введенный съ 1-го января 1904 г. По сравненію съ тѣмъ, какъ обстояло дѣло обезпеченія увѣчныхъ до его изданія, когда всѣ подобныя дѣла рѣшались въ гражданскомъ порядкѣ, законъ этотъ являлся шагомъ впередъ. Но какъ и все, вышедшее изъ-подъ пера нашихъ бюрократическихъ законодателей, онъ не только не удовлетворялъ въ значительной степени назрѣвшихъ потребностей въ огражденіи интересовъ рабочихъ, но, скажемъ больше,—во многихъ отношеніяхъ для россійскихъ работодателей онъ являлся болѣе выгоднымъ, чѣмъ существовавшій до того гражданскій порядокъ.

Дѣло въ томъ, что быстрое развитіе промышленности въ 90-хъ г.г. минувшаго вѣка и сопутствующій ему колоссальный ростъ числа увѣчій, съ одной стороны, и полное игнорированіе нашими промышленниками самыхъ элементарныхъ требованій охраны безопасности рабочихъ во время работъ, съ другой, — породили массу судебныхъ процессовъ, которые, въ виду сравнительно легкой доказуемости вины работодателей, нерѣдко приводили къ благопріятному для рабочихъ рѣшенію. А такъ какъ по гражданскому уложенію убытки, причиненные потерпѣвшему, возмѣщаются въ полной мѣрѣ, то понятно, что «гражданскій порядокъ» съ теченіемъ времени сталъ для предпринимателей очень ощутительнымъ зломъ.

Однимъ изъ доказательствъ только что сказаннаго служитъ непрерывный ростъ у насъ въ 90-хъ г.г. добровольнаго страхованія.

Число рабочихъ, застрахованныхъ въ частныхъ страховыхъ обществахъ, было: въ 1890 году—93.432 чел., въ 1895 г.—205.008 чел., а въ 1900 г.—936.309 чел. *), а сумма ежегодно уплачиваемыхъ страховымъ обществамъ премій въ 1900 г. превышала 3 милліона рублей. Если бы гражданскій порядокъ гарантировалъ нашимъ промышленникамъ въ достаточной степени неприкосновенность ихъ кармана, то врядъ ли бы они стали тратить такія значительныя суммы изъ чувства человѣколюбія. Быстрый ростъ затратъ на страхованіе вызвалъ къ жизни общества взаимнаго страхованія на западно-европейскій образецъ: первое такое общество возникло въ 1898 г. въ Ригѣ, а позднѣе такія же общества были учреждены въ Одессѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ.

Само собой разумѣется, что введеніе закона, который, хотя бы и устанавливалъ отвѣтственность предпринимателей, но въ то же время ограждалъ бы интересы послѣднихъ, ставя эту отвѣтственность въ строго-опредѣленныя и очень узкія рамки,—было для нашихъ промышленниковъ очень желательнымъ. Такимъ именно и являлся законъ 2 іюня 1903 года. Устанавливая высшій размѣръ вознагражденія въ $^2/_3$ «годового содержанія», исчисленнаго при этомъ такимъ способомъ, что максимальный размѣръ пенсіи часто не превышаетъ $^2/_3$ отъ $80^0/_0$ дѣйствительнаго заработка пострадавшаго, этотъ законъ игнорируетъ совершенно профессіональныя болѣзни и вводитъ очень гибкое понятіе «грубой неосторожности», какъ причины, освобождающей работодателя отъ всякой отвѣтственности и пр.

Слѣдуетъ указать, что одной изъ причинъ установленія у насъ отвѣтственности предпринимателей, явились соображенія чисто политическаго характера: «общіе гражданскіе законы,—гласила объяснительная записка къ закону 2-го іюня,—по назначенію своему не имѣющіе въ виду предусматривать права увѣчныхъ рабочихъ... *не могутъ способствовать достиженію по этимъ дѣламъ мировыхъ соглашеній, столь желательныхъ не только для сторонъ, но и съ точки зрѣнія упорядоченія взаимныхъ отношеній между нанимателями и рабочими... судебные процессы поселяютъ раздоръ между тяжущимися и отношенія ихъ принимаютъ непріязненный характеръ»* **). Другими словами,—издавая законъ, правительство видѣло въ немъ одно изъ средствъ умиротворенія рабочихъ.

Всѣмъ только что сказаннымъ мы вовсе не хотимъ отрицать огромнаго общественнаго значенія «закона 2-го іюня, но считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что содержаніе его въ значительной степени не соотвѣтствовало прямой цѣли его назначенія—огражденію интересовъ увѣчныхъ рабочихъ.

*) Прокоповичъ «Къ рабочему вопросу въ Россіи», стр. 139.

**) См. «Представленіе министра финансовъ отъ 19 сентября 1902 г.», стр. 75. (Курсивъ нашъ).

Законъ 2-го іюня примѣняется уже шестой годъ. За это время онъ успѣлъ породить довольно обширную критическую литературу, которая, однако, трактуетъ о немъ, главнымъ образомъ, со стороны теоріи. Свѣдѣнія же о результатахъ его примѣненія на практикѣ чрезвычайно скудны. Но тѣ, которыя имѣются, говорятъ въ значительной степени не въ его пользу. За недостаткомъ мѣста, мы остановимся только на нѣкоторыхъ сторонахъ практики его примѣненія, особенно важныхъ въ связи съ будущимъ закономъ о страхованіи.

Изъ оффиціальныхъ «данныхъ о продолжительности рабочаго времени за 1904 и 1905 гг.» въ предпріятіяхъ, подвѣдомственныхъ надзору фабричной и горной инспекціи, видно, что среднее число рабочихъ дней на каждаго рабочаго было: въ 1904 г.— 289,2, а въ 1905 г.—287,5. Слѣдовательно, законъ 2-го іюня не принимаетъ во вниманіе, приблизительно, около 30 рабочихъ дней, т. е. «годовое содержаніе», исчисленное указаннымъ въ законѣ способомъ, будетъ менѣе дѣйствительнаго заработка почти на 10%, а соотвѣтственно этому и полная пенсія увѣчнаго составитъ не $^2/_3$, а 60% дѣйствительнаго заработка. Это по оффиціальнымъ даннымъ. Въ дѣйствительности же для рабочихъ дѣло обстоитъ еще печальнѣе. По произведенной въ нынѣшнемъ году московскимъ обществомъ фабрикантовъ и заводчиковъ анкетѣ о количествѣ праздниковъ на 93 металло-обрабатывающихъ заводахъ Москвы, Петербурга и юга Россіи, выяснилось, что среднее число рабочихъ дней въ Москвѣ—296, а на югѣ—302. «Но въ особенно невыгодныхъ условіяхъ,—говоритъ инженеръ Козминыхъ-Ланинъ въ своей очень цѣнной работѣ: «Законъ 2-го іюня .. и опытъ примѣненія его въ жизни», —рабочіе, занятые непрерывными и вспомогательными работами. Такіе рабочіе тамъ, гдѣ установлена 8-ми-часовая трехкомплектная работа, могутъ быть заняты ежедневно», т. е. 365 дней въ году. И «полная пенсія въ этомъ случаѣ будетъ составлять лишь 47,4% отъ годового заработка». На основаніи этого тотъ же авторъ дѣлаетъ справедливый выводъ, говоря, что «*пенсія будетъ представлять изъ себя тѣмъ меньшую часть годового заработка рабочаго, чѣмъ меньше у него будетъ нерабочихъ дней*» *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ не выгодна пресловутая ст. 16-я, трактующая о способахъ исчисленія «годового содержанія»,—для рабочихъ, и, наоборотъ,—какимъ благодѣяніемъ является она для работодателей.

Можно думать, что слѣдствіемъ неимовѣрно низкихъ размѣровъ пенсій, обусловливаемыхъ, главнымъ образомъ, вышеуказаннымъ способомъ ихъ исчисленія, явилось то, что допускаемая закономъ замѣна пенсіи единовременнымъ вознагражденіемъ, получила самое

*) Указ. соч. стр. 6. (Курсивъ нашъ).

широкое распространеніе. По вычисленіямъ Варзара, изъ 18,836 утвержденныхъ (фабричными инспекторами) соглашеній по ликвидаціи несчастныхъ случаевъ за трехлѣтіе 1904—1906 г.г., потерпѣвшіе удовлетворены:

выдачей въ видѣ пенсій . . . . 1554 случая, 8.2% общ. числа.
въ видѣ единовременнаго вознагражденія . . . . 17,282 случая, 91,8% общ. числа *).

По закону единовременное вознагражденіе должно равняться десятикратной годовой пенсіи. Въ дѣйствительности оно значительно меньше. Даже *при полной инвалидности*, по оффиціальнымъ даннымъ Варзара, средній размѣръ капитализированныхъ пенсій на 30% ниже размѣра пенсій, дѣйствительно выдаваемыхъ: въ то время, какъ для послѣднихъ онъ равенъ 221 руб. 48 коп., для первыхъ—только 155 руб. 62 коп. **). При неполной же потерѣ трудоспособности разница эта достигаетъ 60%.

Огромное количество нашихъ рабочихъ еще не порвало связи съ землей. Понятно, что они предпочитаютъ сразу получить болѣе или менѣе значительную сумму, которая можетъ оказать имъ значительное подспорье въ ихъ деревенскомъ хозяйствѣ, чѣмъ ежегодно получать ничтожную пенсію, необезпечивающую отъ полуголоднаго существованія. Какъ справедливо указываетъ Козминыхъ-Ланинъ, «для рабочаго во что бы то ни стало надо получить или пенсію за нѣсколько лѣтъ впередъ или же единовременное вознагражденіе».

Ради этого рабочіе готовы идти на всяческія уступки, чѣмъ и пользуются предприниматели и страховыя общества. Правда, соглашеніе о единовременномъ вознагражденіи должно быть непремѣнно засвидѣтельствовано фабричнымъ инспекторомъ. Но практика выработала уже цѣлый рядъ способовъ для обхода этого установленія. И, какъ на одинъ изъ самыхъ распространенныхъ, К.-Ланинъ указываетъ на слѣдующій: «получивъ отказъ въ засвидѣтельствованіи соглашенія... рабочаго склоняютъ обратиться въ судъ, гдѣ «миролюбивая» сдѣлка и оформливается» ***).

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на тѣхъ мытарствахъ, которыя приходится проходить увѣчному рабочему при установленіи какъ самаго факта утраты трудоспособности, такъ и опредѣленія размѣровъ ея, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Приведемъ лишь одинъ случай, передаваемый тѣмъ же К.-Ланинымъ. «Въ концѣ апрѣля 1908 г. рабочій одного изъ московскихъ заводовъ получилъ, какъ видно изъ полицейскаго протокола, ушибъ лѣвой ноги. Онъ обратился къ заводскому фельд-

*) См. «Статистическія свѣдѣнія о результатахъ примѣненія закона 2 іюня», составилъ В. Варзаръ, стр. 17.

**) Ib., стр. 19.

***) Указ. соч. стр. 13.

теру, но тотъ поврежденія не призналъ и отъ работъ не освободилъ. Съ нестерпимыми болями пострадавшій обратился къ заводскому врачу. Врачъ никакихъ наружныхъ знаковъ ушиба не нашелъ, а у рабочаго, какъ видно изъ заключенія ординатора городской больницы, «вслѣдствіе полученнаго ушиба голени образовался гнойный periostitis и воспаленіе мозгового вещества кости, послужившіе источникомъ общаго гнилокровія, отъ котораго больной и умеръ». Когда же родственники покойнаго обратились въ заводоуправленіе съ требованіемъ причитающагося имъ вознагражденія, то въ отвѣтъ отъ управляющаго получили бумагу, въ которой онъ, между прочимъ, писалъ: ...«отъ добровольной уплаты вознагражденія отказываемся, въ виду категорическаго заявленія нашего врача, которому извѣстно заключеніе городской больницы, что смерть потерпѣвшаго послѣдовала не отъ несчастнаго случая, бывшаго съ нимъ у насъ на заводѣ» *). «Комментаріи излишни»,— говоритъ въ заключеніе авторъ. И съ нимъ нельзя въ этомъ не согласиться. Нужно только добавить, что случай этотъ является однимъ изъ многихъ.

Сказаннаго, мы полагаемъ, достаточно для оцѣнки дѣйствующаго закона.

III.

Закону 2-го іюня былъ приданъ характеръ временной мѣры. При разсмотрѣніи его Государственный Совѣтъ поручилъ министру финансовъ въ теченіе пяти лѣтъ со дня введенія его въ дѣйствіе войти съ представленіемъ о введеніи обязательнаго страхованія утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Нынѣ порученіе это нашимъ правительствамъ выполнено, и законопроектъ объ обязательномъ страхованіи на случай увѣчья внесенъ «на уваженіе Государственной Думы».

Не касаясь пока подробно вопроса о кругѣ лицъ, подлежащихъ дѣйствію будущаго закона о страхованіи, скажемъ только, что кругъ этотъ предположенъ гораздо меньшій, чѣмъ таковой-же по закону 2-го іюня». А такъ какъ введеніемъ обязательнаго страхованія дѣйствіе закона 2-го іюня отмѣняется лишь по отношенію къ тѣмъ предпріятіямъ, на которыя получитъ распространеніе новый законъ, тамъ-же, гдѣ этого не послѣдуетъ, будетъ продолжать дѣйствовать законъ 2-го іюня,—то *временность* этого послѣдняго въ значительной степени уже теряетъ свой характеръ (удѣлъ всѣхъ нашихъ «временныхъ мѣръ»). По отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ рабочихъ онъ грозитъ обратиться въ постоянный.

Что касается новаго законодатальства,—законопроекта о страхованіи на случай увѣчья, то, подобно германскому и австрійскому

---

*) Ib. стр. 17.

законамъ, онъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ таковымъ-же—на случай болѣзни: потерпѣвшій первые 13-ть недѣль находится на иждивеніи больничной кассы и только съ 14-ой недѣли поступаетъ на иждивеніе страхового товарищества, вѣдующаго обезпеченіе на случай увѣчья.

Основныя положенія законопроекта почти цѣликомъ сходны съ основными положеніями закона 2-го іюня. Поэтому мы приведемъ здѣсь лишь тѣ изъ нихъ, которыя отличаютъ его отъ нынѣ дѣйствующаго закона.

Страхуемыя лица пользуются вознагражденіемъ за счетъ страховыхъ товариществъ въ случаѣ утраты трудоспособности отъ тѣлѣснаго поврежденія, причиненнаго несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ при работахъ или вслѣдствіе таковыхъ работъ. Если послѣдствіемъ несчастнаго случая была смерть пострадавшаго, то вознагражденіемъ пользуются члены его семейства (ст. 11-ая).

Страховое товарищество освобождается отъ обязанности предоставить вознагражденіе пострадавшему *только въ томъ случаѣ, если докажетъ, что причиной несчастнаго случая былъ злой умыселъ самого пострадавшаго»* (ст. 12-ая). *).

Вознагражденіе пострадавшимъ производится изъ средствъ страховыхъ товариществъ въ видѣ пособій и пенсій, а членамъ семействъ въ видѣ пенсій (ст. 15-ая).

Пособія назначаются въ размѣрѣ двухъ третей средняго поденнаго заработка пострадавшаго и уплачиваются по день возстановленія трудоспособности или по день, съ коего назначена пенсія; пособіе это причитается пострадавшему по истеченіи тринадцати недѣль со дня несчастнаго случая, если пострадавшій состоялъ участникомъ больничной кассы; въ противномъ-же случаѣ—со дня несчастнаго случая (ст. ст. 16 и 17).

Пенсіи.... назначаются въ случаяхъ постоянной утраты трудоспособности: при полной утратѣ въ размѣрѣ двухъ третей годового содержанія пострадавшаго, а при неполной въ уменьшенномъ размѣрѣ, опредѣляемомъ соотвѣтственно степени утраты трудоспособности. *Утрата менѣе 5% трудоспособности не даетъ права на пенсію. Въ случаѣ сумасшествія, полной слѣпоты, потери обѣихъ рукъ или ногъ пенсія назначается въ размѣрѣ полнаго годового содержанія* пострадавшаго. (ст. 19-ая).

Пенсіи малолѣтнимъ и подросткамъ по достиженіи малолѣтними возраста подростковъ, а подростками—возраста взрослыхъ, увеличиваются пропорціонально возрастанію средней поденной платы чернорабочему для означенныхъ возрастныхъ группъ, *при чемъ пенсія не должна превышать размѣра двойной платы чернорабочему* (ст. 20-ая).

---

*) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и всюду въ основныхъ положеніяхъ нашъ І. З.

Статьи, трактующія о пенсіяхъ членамъ семействъ пострадавшихъ, аналогичны соотвѣтствующимъ статьямъ закона 2-го іюня съ однимъ только исключеніемъ, а именно: «пенсіи подлежатъ назначенію: 1) вдовѣ, *если она вступила въ бракъ съ пострадавшимъ до приключившагося съ нимъ несчастнаго случая*, 2) узаконеннымъ и усыновленнымъ дѣтямъ, а равно воспитанникамъ и пріемышамъ, если ихъ узаконеніе, усыновленіе и принятіе на воспитаніе и въ семью состоялось *раньше постигшаго рабочаго несчастнаго случая*» (ст. 25-ая).

Исчисленіе «сренняго заработка» и «годового содержанія» потерпѣвшихъ въ главныхъ своихъ чертахъ аналогично таковому же по закону 2-го іюня, но съ однимъ измѣненіемъ: при довольствіи квартирой къ исчисленной суммѣ «прибавляется по нормамъ, устанавливаемымъ для отдѣльныхъ мѣстностей подлежащими присутствіями по дѣламъ страхованія рабочихъ, *отъ 10 до 20%* этой суммы».

По желанію пенсіонеровъ и съ согласія страховыхъ товариществъ, пенсіи могутъ быть замѣняемы, *если онѣ не превышаютъ пяти рублей въ мѣсяцъ и при томъ 20% годового содержанія* пострадавшаго,—единовременными выдачами (ст. 32-ая).

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ еще то, что проектъ подобно закону 2-го іюня устанавливаетъ отвѣтственность предпринимателей только за «тѣлесныя поврежденія» и совершенно игнорируетъ профессіональныя заболѣванія.

Таковы положенія законопроекта, устанавливающія право рабочаго на вознагражденіе. Остановимся пока на нихъ.

Нужно отдать справедливость законопроекту,—въ двухъ отношеніяхъ онъ является значительнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ закономъ 2-го іюня: 1) въ исключеніи изъ обстоятельствъ, освобождающихъ предпринимателей отъ отвѣтственности, «грубой неосторожности» пострадавшаго; 2) въ назначеніи пенсіи въ размѣрѣ полнаго годового содержанія въ вышеуказанныхъ случаяхъ особенно тяжелыхъ поврежденій, и 3) въ опредѣленіи пособія, получаемаго потерпѣвшимъ до назначенія ему пенсіи, въ размѣрѣ двухъ третей, «средняго поденнаго заработка» вмѣсто половины его дѣйствительнаго заработка, въ каковомъ размѣрѣ это пособіе было установлено закономъ 2 іюня. Впрочемъ, трудно сказать, насколько это послѣднее улучшеніе будетъ значительно, такъ какъ способы исчисленія заработка по дѣйствующему закону и новому законопроекту, какъ видно изъ сказаннаго, различны. Кромѣ того слѣдуетъ напомнить, что «пособіе» пострадавшему въ большинствѣ случаевъ будетъ назначаться по истеченіи 13 недѣль, а до этого момента онъ будетъ пользоваться пособіемъ изъ больничной кассы. Такимъ образомъ и примѣненіе указаннаго положенія будетъ ограничено.

Какъ бы то ни было, отмѣченныя измѣненія можно только при-

вѣтствовать. Но, къ сожалѣнію, имъ только законопроектъ и отличается выгодно отъ нынѣ дѣйствующаго закона. Другія измѣненія съ точки зрѣнія охраны интересовъ пострадавшихъ носятъ ярко выраженный регрессивный характеръ.

Мы видѣли, какую вопіющую несправедливасть по отношенію къ рабочимъ представляетъ собой установленный «закономъ 2-го іюня» способъ исчисленія «годового содержанія» потерпѣвшаго. По проекту въ основѣ своей способъ этотъ остается безъ измѣненія: по прежнему за среднюю продолжительность рабочаго времени въ году принимается 260 дней. И хотя мы указывали выше, что даже по оффиціальнымъ даннымъ число это (260) ниже дѣйствительнаго, министерство въ объяснительной запискѣ продолжаетъ утверждать, что «приведенное число *ближе другого* выражаетъ среднюю продолжительность рабочаго года" *). Такой... настойчивости (чтобы не сказать больше) остается только удивляться. Но мало того, проектъ не только не исправляетъ всей несправедливости «исчисленія», но и по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ еще усугубляетъ ее. По закону 2-го іюня», въ случаѣ пользованія рабочимъ хозяйской квартирой, къ «годовому содержанію» прибавляется еще 20% исчисленной суммы. по проекту же въ подобныхъ случаяхъ прибавляется отъ 10 до 20%, смотря потому, какой % установленъ для данной мѣстности подлежащимъ присутствіемъ по дѣламъ о страхованіи рабочихъ. Какъ ни незначительно, на первый взглядъ, это измѣненіе, оно тѣмъ не менѣе въ конечномъ счетѣ можетъ причинить интересамъ рабочихъ довольно значительный ущербъ. Рабочій бюджетъ вообще, а у насъ въ особенности—область очень мало изслѣдованная. Насколько, однако, можно судить по имѣющимся даннымъ, расходъ рабочаго на квартиру при низкомъ уровнѣ заработной платы всегда превышаетъ 20% ея. И если принять во вниманіе, съ одной стороны, почти полное отсутствіе у насъ данныхъ о рабочихъ бюджетахъ, а съ другой—составъ будущихъ «присутствій» **), то едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что разсматриваемое измѣненіе послужитъ къ уменьшенію и безъ того ничтожной пенсіи увѣчныхъ.

Далѣе, по закону 2-го іюня право на вознагражденіе получаетъ всякій увѣчный, независимо отъ степени утраты трудоспособности; по проекту же—утрата трудоспособности менѣе 5% права на пенсію не даетъ. Намъ уже приходилось указывать, какъ несовершенны и «гибки» существующіе способы опредѣленія степени утраты трудоспособности. И къ этому нужно еще добавить, что чѣмъ меньше % утраты, тѣмъ труднѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить его болѣе или менѣе точно. Нерѣдко по-

*) Об. записка, стр. 96, курсивъ нашъ.

**) Об. записка, стр. 82.

этому въ случаяхъ небольшого % утраты добросовѣстный врачъ затрудняется дать точную цифру, а ограничивается приблизительнымъ опредѣленіемъ предѣловъ,—вродѣ: «отъ 5 до 15 %, или «отъ 10 до 20 %» и т. п. Отсюда ясно, какой широкій просторъ открываетъ устанавливаемый пятипроцентный предѣлъ для произвола нашихъ будущихъ страховыхъ товариществъ въ многочисленныхъ случаяхъ, такъ называемыхъ, «мелкихъ поврежденій».

Очень значительно также отразится на интересахъ нѣкоторыхъ группъ застрахованныхъ вносимое проектомъ ограниченіе увеличенія размѣровъ пенсій малолѣтнихъ и подростковъ.

По дѣйствующему закону пенсии увѣчныхъ этихъ категорій возрастаютъ (по мѣрѣ достиженія ими возраста взрослыхъ) пропорціонально увеличенію средней поденной платы чернорабочему для тѣхъ же возрастныхъ группъ. По проекту же пенсія эта въ конечномъ счетѣ ни въ коемъ случаѣ «не должна превышать размѣра двойной платы чернорабочему».

Въ объяснительной запискѣ по этому поводу министерство указываетъ на то, что «нѣкоторыя работы могутъ быть исполняемы исключительно малолѣтними и подростками; при этомъ заработная плата такимъ лицамъ настолько велика, что почти приближается къ платѣ взрослыхъ рабочихъ» *).

Что такія работы «могутъ быть»,—это безспорно. Но составляютъ ли онѣ общее явленіе? На этотъ вопросъ министерству пришлось бы дать отрицательный отвѣтъ. И вслѣдствіе такого произвольнаго обобщенія пострадаютъ интересы малолѣтнихъ и подростковъ очень многихъ производствъ, гдѣ заработная плата взрослаго рабочаго превышаетъ плату чернорабочаго не въ два, а въ нѣсколько разъ. Укажемъ хотя бы на механическое производство, гдѣ отношеніе это выражается какъ 4:1 или 3:1 и даже болѣе.

Но самымъ достопримѣчательнымъ отступленіемъ отъ дѣйствующаго закона является устанавливаемое проектомъ ограниченіе въ правахъ на полученіе пенсіи вдовы и дѣтей умершаго отъ увѣчій рабочаго: по закону 2-го іюня вдова получаетъ право на пенсію, независимо отъ времени вступленія въ бракъ съ потерпѣвшимъ—до или послѣ несчастнаго случая, а узаконенныя и усыновленныя дѣти—независимо отъ времени ихъ узаконенія и усыновленія. По проекту же всѣ эти лица пользуются правомъ на полученіе пенсіи лишь въ томъ случаѣ, если заключеніе брака или усыновленіе и узаконеніе «состоялись ранѣе постигшаго рабочаго несчастнаго случая».

Не останавливаясь на этомъ измѣненіи по существу, мы считаемъ небезынтересным привести, такъ сказать,—въ качествѣ критическаго матеріала для сравненія «сужденіе» по этому поводу Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи закона 2-го іюня—съ

*) Об. записка, стр. 90.

одной стороны, и «мнѣніе» творцовъ настоящаго законопроекта — съ другой.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорится въ «сужденіи»,— что *получившій увѣчье рабочій нуждается въ уходѣ близкихъ людей*, и, слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *его бракъ послѣ несчастнаго случая долженъ считаться естественной заботой о себѣ*. Потерпѣвшій увѣчье рабочій не можетъ опредѣленно знать, когда онъ умретъ, а потому *въ его бракѣ нельзя видѣть исключительнаго посягательства* на полученіе отъ владѣльца предпріятія вознагражденія въ пользу его близкихъ» *).

Такъ разсуждалъ старый Государственный Совѣтъ.

Нынѣшнее конституціонное министерство торговли стоитъ на иной точкѣ зрѣнія.

«Признавая право на пенсію за членами семьи пострадавшаго,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—законъ имѣетъ въ виду доставить обезпеченіе тѣмъ лицамъ, которыя вслѣдствіе постигшаго рабочаго несчастнаго случая оказываются лишенными тѣхъ средствъ къ существованію, кои при жизни своей пострадавшій имъ доставлялъ. *Но было бы едва ли послѣдовательно распространять это право на лицъ, которыя вступили въ семью пострадавшаго съ видимой цѣлью лишь воспользоваться назначенной пенсіей»* **).

Какое изъ этихъ двухъ разсужденій наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ рабочихъ,—ясно, намъ думается, само собой.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ устанавливаемомъ въ проектѣ ограниченіи возможности замѣны пенсій единовременными выдачами: такой замѣнѣ могутъ подлежать лишь тѣ пенсіи, которыя не превышаютъ 5 руб. въ мѣсяцъ и 20% годового содержанія пострадавшаго, между тѣмъ какъ по закону 2-го іюня такой замѣнѣ можетъ подлежать, при условіи согласія на то обѣихъ сторонъ, всякая пенсія, независимо отъ ея размѣровъ.

Является ли это нововведеніе положительнымъ или отрицательнымъ,—вопросъ чрезвычайно интересный и съ юридической, и съ практической стороны.

Что касается до юридической стороны дѣла, то министерство старательно обходитъ этотъ вопросъ и опирается главнымъ образомъ на практическія соображенія. Констатируя тотъ фактъ, что «на практикѣ наблюдается замѣтное стремленіе рабочихъ получать вмѣсто періодическихъ платежей единовременно сравнительно крупную сумму», министерство никакъ не можетъ согласиться, что рабочій сумѣетъ распорядиться съ полученными деньгами съ такой предусмотрительностью и разсчетливостью, чтобы суммы эти по-

*) Деменгьевъ: „Законы о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ" изд. 1908 г. стр. 112, курсивъ нашъ.

**) Объясн. записка, стр. 98; курсивъ нашъ.

служили къ обезпеченію его существованія до конца жизни». «Въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—заключаетъ авторъ объяснит. записки,—полученныя такимъ образомъ средства растрачиваются въ непродолжительный срокъ, и увѣчный оказывается ввергнутымъ въ нищету».

Такія разсужденія нельзя не признать односторонними, а выводы изъ нихъ—слишкомъ непринужденными.

Стремленіе рабочихъ получить единовременное пособіе объясняется ничѣмъ инымъ, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, какъ черезчуръ мизернымъ размѣромъ установленныхъ пенсій. «Для рабочаго, во что бы то ни стало, надо получить или пенсію за нѣсколько лѣтъ, или предусмотрѣнное ст. 19-ой единовременное вознагражденіе», говоритъ Козминыхъ-Ланинъ *), такъ какъ, только получивъ сразу болѣе или менѣе крупную сумму, онъ получаетъ и возможность устроить свое благополучіе. Въ противномъ же случаѣ увѣчный обреченъ на существованіе впроголодь. Это не мѣшало бы принять во вниманіе творцамъ проекта, тѣмъ болѣе, что допущеніе замѣны пенсіи единовременнымъ вознагражденіемъ при условіи согласія на то обѣихъ сторонъ ничьихъ интересовъ нарушить не можетъ.

Что же касается того, будто бы получаемыя рабочими единовременныя вознагражденія «въ громадной массѣ случаевъ растрачиваются въ непродолжительный срокъ», то мы сомнѣваемся, чтобы министерство было въ состояніи представить въ доказательство этого положенія какія-либо фактическія данныя. Вѣдь увѣчный находится, такъ сказать, въ полѣ зрѣнія статистики лишь до того момента, пока онъ еще не заключилъ съ работодателемъ соглашенія относительно единовременнаго вознагражденія. Но какъ только это соглашеніе заключено, такъ получившій вознагражденіе исчезаетъ въ морѣ житейскомъ, и что съ нимъ потомъ происходитъ, это остается покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Такъ что,—мы полагаемъ,—вышеприведенный выводъ объяснительной записки страдаетъ значительной долею произвольности, чтобы не сказать больше.

Обратимся теперь ко второй части законопроекта и посмотримъ, насколько дѣйствительно будущій законъ обезпечиваетъ увѣчному скорую и справедливую реализацію его правъ на вознагражденіе.

Страхованіе осуществляется за счетъ работодателей въ страховыхъ товариществахъ, участниками которыхъ состоятъ только владѣльцы предпріятій.

«Страховое товарищество учреждается *для каждаго отдѣльнаго страхового округа*; границы округовъ опредѣляются Совѣтомъ по дѣламъ страхованія» (ст. 65-ая) **).

Но Совѣту предоставляется право разрѣшать «владѣльцамъ

---

*) Указ. сочин. стр. 12.

**) Курсивъ здѣсь и всюду, гдѣ цитируется законопроектъ—нашъ (I, 8).

однороднымъ по предмету производства предпріятій, расположенныхъ въ одномъ или нѣсколькихъ страховыхъ округахъ, образовывать особыя страховыя товарищества вмѣсто участія въ окружныхъ» (ст. 67-ая).

«Средства товарищества образуются изъ: 1) единовременныхъ и ежегодныхъ взносовъ участниковъ, 2) доходовъ съ имуществъ товарищества, 3) пожертвованій, 4) случайныхъ поступленій и 5) штрафовъ и пеней, налагаемыхъ товариществами» (ст. 77-ая).

«Размѣръ ежегодныхъ взносовъ участниковъ опредѣляется правленіемъ въ порядкѣ, устанавливаемомъ общимъ собраніемъ, согласно основаніямъ исчисленія сихъ взносовъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы этими взносами вмѣстѣ съ прежними, имѣющимися въ распоряженіи товариществъ средствами, покрывались всѣ расходы и обязательства товарищества» (ст. 89-ая).

«Основанія исчисленія размѣра страховыхъ взносовъ... устанавливается общимъ собраніемъ... При исчисленіи сихъ основаній принимается въ соображеніе степень опасности, представляемой отдѣльными предпріятіями или входящими въ ихъ составъ работами» (ст. 85-ая).

Изъ приведенныхъ статей видно, что въ основу организаціи нашихъ будущихъ товариществъ положенъ австрійскій принципъ, т. е. территоріальность при организаціи товариществъ и капитализаціонная система при исчисленіи взносовъ. Послѣдняя, правда, не совсѣмъ въ «чистомъ» видѣ.

Насколько такая организація окажется подходящей и примѣнимой въ условіяхъ нашей дѣйствительности,—сказать напередъ довольно трудно. Необходимо, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что для правильной и устойчивой постановки страхованія на такихъ началахъ, особо важной представляется наличность обширныхъ и точныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ и качествѣ увѣчій въ различныхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ только эти данныя позволяютъ вычислить съ достаточной степенью вѣроятности коэффиціенты опасности и смертности, какъ для отдѣльныхъ отраслей, такъ и для отдѣльныхъ предпріятій какой-либо отрасли. Коэффиціенты эти—величины, являющіяся результатомъ цѣлаго ряда условій,—не бываютъ одинаковы даже въ однородныхъ предпріятіяхъ.

И если въ Германіи при профессіональной организаціи страховыхъ товариществъ, входящія въ ихъ составъ предпріятія дѣлятся на цѣлый рядъ категорій по степени опасности, то при территоріальной организаціи товариществъ группировка эта принимаетъ чрезвычайно сложный характеръ, что и наблюдается въ Австріи.

Тамъ предпріятія подраздѣляются на 12 классовъ и 2 подкласса, а каждый классъ—въ свою очередь на нѣсколько группъ. И можно полагать, что, при отсутствіи у насъ необходимыхъ ста-

тистическихъ данныхъ, исчисленіе страховыхъ взносовъ при предполагаемой организаціи товариществъ на первыхъ порахъ поведетъ къ неимовѣрнымъ затрудненіямъ и путаницѣ, что можетъ повлечь за собой оттяжку вступленія закона въ силу на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Поэтому намъ думается, что наиболѣе цѣлесообразнымъ было бы на первый разъ введеніе у насъ профессіональной организаціи товариществъ при смѣшанной системѣ годовыхъ взносовъ.

Но, положивъ въ основу организаціи товариществъ австрійскую систему, творцы проекта не выдерживаютъ характера ея до конца, дѣлая въ организаціи управленія дѣлами товариществъ очень значительное отъ этой системы отклоненіе.

Органами товариществъ являются: 1) общее собраніе, состоящее только изъ участниковъ, т. е. изъ предпринимателей или ихъ уполномоченныхъ и 2) правленіе, избираемое также только изъ числа участниковъ и ихъ уполномоченныхъ. Такимъ образомъ рабочіе, не въ примѣръ австрійской системѣ, будутъ совершенно устранены отъ управленія дѣлами товариществъ.

Въ этомъ отношеніи законопроектъ стоитъ позади даже германскаго. Такъ, общему собранію участниковъ товарищества предоставляется право «въ предупрежденіе несчастныхъ случаевъ издавать обязательныя для участниковъ постановленія о мѣрахъ предосторожности во время работъ, устанавливать за неисполненіе такихъ постановленій штрафы не свыше 300 руб. и слѣдить за исполненіемъ постановленій черезъ своихъ уполномоченныхъ» (ст. 114-я). Какъ извѣстно, въ Германіи, гдѣ рабочіе также отстранены отъ участія въ правленіи и общемъ собраніи, они все-таки допущены къ участію въ обсужденіи мѣръ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Нашъ же будущій законъ даже въ этомъ случаѣ игнорируетъ рабочихъ.

При такомъ положеніи вещей огромную важность представляетъ собой та часть проекта, которая устанавливаетъ порядокъ полученія потерпѣвшимъ слѣдуемаго ему вознагражденія.

И въ Германіи, и въ Австріи, какъ мы уже видѣли, всѣ дѣла, возникающія на почвѣ примѣненія подобныхъ законовъ, изъяты изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ установленій и переданы въ вѣдѣніе спеціальныхъ третейскихъ судовъ съ участіемъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Насколько эти учрежденія отвѣчаютъ своему назначенію, — это другой вопросъ. Въ разсмотрѣніе его мы въ данномъ случаѣ не входимъ, а отмѣчаемъ только принципъ.

У насъ при старомъ порядкѣ о чемъ-либо подобномъ третейскимъ судамъ не могло быть, конечно, и рѣчи. Всѣ спорныя дѣла, возникающія на почвѣ примѣненія закона 2-го іюня, оставлены на общемъ основаніи въ вѣдѣніи существующихъ судебныхъ установленій, но съ однимъ принципіально очень существеннымъ из-

мѣненіемъ: какъ мы уже указывали объ этомъ подробнѣе выше, мировыя сдѣлки между заинтересованными сторонами признаются законными лишь въ томъ случаѣ, если онѣ засвидѣтельствованы фабричнымъ инспекторомъ.

Вводя это исключеніе, законодатель руководился двумя соображеніями: во 1), что «*право на вознагражденіе находится въ данномъ случаѣ въ распоряженіи слабѣйшей стороны*, поставленной прекращеніемъ средствъ къ существованію въ крайнее положеніе, которымъ можетъ пользоваться сторона сильнѣйшая», и во 2), «что *интересы потерпѣвшихъ рабочихъ не суть интересы частные*, защита которыхъ могла-бы быть предоставлена исключительно ихъ собственной инціативѣ, а потому нуждаются въ особой охранѣ» *).

Соображенія эти нельзя не признать справедливыми.

Правда, институтъ фабричныхъ инспекторовъ, которому поручалась эта охрана, благодаря своей зависимости и другимъ всѣмъ извѣстнымъ условіямъ, не вполнѣ отвѣчалъ этому высокому назначенію. Но въ данномъ случаѣ важенъ самый фактъ признанія публично-правового характера правъ на вознагражденіе и необходимости ихъ охраны.

Законопроектъ, предоставляя по прежнему окончательное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ о размѣрахъ вознагражденія суду, существенно измѣняетъ и въ другихъ отношеніяхъ существующій порядокъ.

О приключившемся несчастномъ случаѣ владѣлецъ предпріятія обязанъ немедленно сообщить полиціи и страховому товариществу или его уполномоченному. Для разслѣдованія обстоятельствъ несчастнаго случая товарищество на мѣсто происшествія можетъ командировать своего уполномоченнаго, который составляетъ «свидѣтельство», т. е. описаніе обстоятельствъ происшедшаго случая; и если со стороны пострадавшаго не послѣдуетъ требованія о составленіи полицейскаго акта, то вышеупомянутое «свидѣтельство» и является *единственнымъ* «удостовѣреніемъ» обстоятельствъ, при которыхъ произошелъ несчастный случай» (ст. ст. 33—37).

Такимъ образомъ фабричный инспекторъ, который по закону 2-го іюня немедленно увѣдомлялся о каждомъ увѣчьѣ, будущимъ закономъ совершенно устраняется въ самый важный моментъ—разслѣдованія обстоятельствъ несчастнаго случая. Все дѣло предоставляется уполномоченному страхового товарищества и полиціи.

Кто долженъ присутствовать при составленіи «свидѣтельства», должно-ли оно быть подписано очевидцами происшествія, необходимо-ли присутствіе врача или, по крайней мѣрѣ, фельдшера,—все

---

*) Литвиновъ-Фалинскій: «Новый законъ объ увѣчныхъ рабочихъ». Спб. 1908 г., стр. 36 и 38. Курсивъ нашъ.

это предусмотрѣно въ отношеніи полицейскаго протокола, какъ указано, необязательнаго,—но обо всемъ этомъ въ отношеніи «свидѣтельства» законопроектъ совершенно умалчиваетъ. Другими словами: *пресловутое «свидѣтельство» будетъ являться актомъ единоличнаго дознанія уполномоченнаго страхового товарищества.*

Право медицинскаго освидѣтельствованія пострадавшаго «въ цѣляхъ, какъ первоначальнаго установленія послѣдствій несчастнаго случая, такъ и послѣдующей повѣрки состоянія его здоровья», предоставлено, какъ самому увѣчному, такъ и товариществу, при чемъ приглашеніе врача предоставлено свободному выбору. Но пострадавшій ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ права отказаться отъ медицинскаго освидѣтельствованія товарищества, въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть лишенъ частью или даже полностью слѣдуемаго ему вознагражденія.

Далѣе, увѣчный долженъ предъявить тому товариществу, въ составъ котораго входитъ предпріятіе, гдѣ онъ работалъ, требованіе о вознагражденіи не позже двухъ лѣтъ со дня увѣчья.

Получивъ это требованіе, товарищество обязано не позже семи дней разсмотрѣть его въ томъ отношеніи, подвѣдомственно ли данное требованіе этому именно товариществу или другому; въ послѣднемъ случаѣ оно препровождаетъ требованіе подлежащему товариществу, одновременно увѣдомляя объ этомъ просителя. Въ *случаѣ же возникновенія по данному вопросу* (о подвѣдомственности) *между товариществами пререканія, они разрѣшаются „Совѣтомъ по дѣламъ страхованія рабочихъ“.*

Если же товарищество найдетъ, что требованіе подвѣдомственно ему, то оно обязано не позже одного мѣсяца со дня полученія его сообщить просителю свое постановленіе.

Недовольный рѣшеніемъ товарищества потерпѣвшій долженъ представить свои возраженія не позднѣе двухъ мѣсяцевъ; если же въ теченіе этого срока возраженій не послѣдуетъ, то дѣло считается оконченнымъ на условіяхъ, предложенныхъ товариществомъ. По полученіи же возраженій товарищество обязано не позже, какъ черезъ мѣсяцъ, назначить день для новаго разсмотрѣнія дѣла и пригласить просителя лично или черезъ его уполномоченнаго присутствовать при этомъ разсмотрѣніи. Неприбытіе ихъ разсмотрѣнія дѣла не останавливаетъ.

О вторичномъ своемъ рѣшеніи товарищество увѣдомляетъ просителя не позже одного мѣсяца со дня принятія постановленія.

Недовольный окончательнымъ рѣшеніемъ потерпѣвшій можетъ подавать въ судъ, при чемъ, «если несогласіе между рѣшеніемъ товарищества и требованіемъ просителя касается размѣра вознагражденія, то проситель, *не лишаясь права предъявленія иска на судѣ, можетъ немедленно получить вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ рѣшеніемъ товарищества*“ (ст. 5-я проекта).

Изъ приведенныхъ положеній видно, что въ будущемъ увѣч-

ный, безпомощный рабочій будетъ поставленъ лицомъ къ лицу съ экономически могущественнымъ страховымъ товариществомъ работодателей. И никакихъ посредниковъ между обѣими сторонами, посредниковъ, которые хотя бы въ самой незначительной степени увеличивали шансы рабочаго въ его непосильной борьбѣ съ предпринимательскими союзами—не будетъ.

Такимъ образомъ, принципы, намѣченные въ законѣ 2 іюня,—публично-правовой характеръ права на вознагражденіе и необходимость охраны правъ рабочихъ, какъ стороны слабѣйшей,—принципы эти, долженствующіе, казалось бы, въ новыхъ узаконеніяхъ получить болѣе широкое примѣненіе, совершенно игнорированы нашими законосоставителями. И тѣмъ самымъ право рабочаго на вознагражденіе вновь приравнивается къ правамъ частнымъ.

Еще разъ повторяя высказанное уже нами мнѣніе о томъ, что фабричная инспекція при настоящемъ ея положеніи не можетъ до конца охранять интересы рабочихъ, мы все-таки должны сознаться, что нынѣ дѣйствующій порядокъ, безъ сомнѣнія, лучше будущаго. Каковъ бы ни былъ фабричный инспекторъ, какъ бы онъ ни относился къ интересамъ рабочихъ, онъ едва ли засвидѣтельствуетъ соглашеніе, уменьшающее въ два или три раза слѣдуемое увѣчному вознагражденіе. И, кромѣ того, право инспектора, въ случаѣ обращенія къ нему одной изъ сторонъ за разъясненіемъ, собирать необходимыя свѣдѣнія и приглашать врача для освидѣтельствованія потерпѣвшихъ имѣетъ огромное значеніе въ дѣлѣ справедливаго разрѣшенія спора о вознагражденіи: акты, составляемые фабричной инспекціей, являются въ настоящее время чрезвычайно важными документами для суда при разбирательствѣ споровъ между сторонами. Судомъ они разсматриваются, «какъ оффиціальные документы, содержащіе въ себѣ заключеніе, исходящее отъ должностнаго лица, дѣйствовавшаго при составленіи ихъ въ силу предоставленной ему власти и возложенной на него обязанности».

Представьте теперь себѣ положеніе, которое создается для увѣчнаго будущимъ закономъ.

Онъ обращается къ товариществу съ требованіемъ о вознагражденіи. Товарищество черезъ мѣсяцъ извѣщаетъ его о своемъ постановленіи, которое, весьма вѣроятно, не удовлетворитъ потерпѣвшаго. Что въ такомъ случаѣ остается дѣлать послѣднему?

Представить «не позднѣе двухъ мѣсяцевъ свои возраженія», которыя могутъ быть признаны не заслуживающими вниманія? Кто удостовѣритъ, что постановленіе товарищества не противорѣчитъ закону?

Остается надежда на судъ, въ который потерпѣвшій можетъ обратиться въ поискахъ за правдой.

Но вѣдь документами, удостовѣряющими обстоятельства дѣла, являются: или «свидѣтельство, составленное уполномоченнымъ все

того же товарищества, или, въ лучшемъ случаѣ, «актъ полиціи». Неужели же наши законосоставители настолько наивны, что вѣрятъ въ безпристрастіе «уполномоченнаго товарищества» или въ освѣдомленность околоточнаго надзирателя?!

При такихъ условіяхъ, думается намъ, врядъ ли можетъ быть рѣчь о гарантіи справедливаго рѣшенія.

Правда, потерпѣвшій *можетъ* съ своей стороны выставить свидѣтелей, очевидцевъ и представить медицинское свидѣтельство другого, «своего» врача. Но эта *возможность* можетъ на дѣлѣ оказаться для рабочаго весьма проблематичной. Не всякій «очевидецъ» согласится показывать противъ своего хозяина изъ страха быть уволеннымъ.

Да и вообще доводить дѣло до суда для рабочаго не всегда будетъ безопасно. Извѣстно, что нѣкоторыя изъ нынѣ существующихъ «обществъ взаимнаго страхованія рабочихъ» практикуютъ бойкотъ тѣхъ рабочихъ, которые, не соглашаясь на мировую сдѣлку на предложенныхъ условіяхъ, подаютъ въ судъ *). При дѣйствіи же закона о страхованіи, когда всѣ предприниматели даннаго округа будутъ сорганизованы въ союзъ, зачисленіе «непокорныхъ» въ черные списки можетъ принять довольно широкіе размѣры.

Несомнѣннымъ плюсомъ, по сравненію съ дѣйствующимъ закономъ, является статья 51-ая законопроекта, по которой увѣчный можетъ начать немедленно получать вознагражденіе въ размѣрѣ, опредѣленномъ постановленіемъ товарищества, не лишаясь въ то же время права иска въ судѣ, если онъ находитъ это вознагражденіе слишкомъ низкимъ: эта статья даетъ рабочимъ нѣкоторую опору въ ихъ борьбѣ съ товариществомъ. Можно, однако, опасаться, что предприниматели сумѣютъ ограничить примѣненіе этой статьи, для чего они имѣютъ нѣсколько способовъ. Страховое товарищество, предвидя несогласіе рабочаго, можетъ, напримѣръ, вовсе отказать ему въ вознагражденіи, заподозривъ наличность злого умысла или опредѣливъ потерю трудоспособности въ размѣрѣ менѣе 5%. Лишенный всякой матеріальной поддержки, рабочій волей-неволей вынужденъ будетъ согласиться на мировую сдѣлку.

Въ проектѣ мы не находимъ ни одного пункта, обязывающаго работодателя точно указывать пострадавшему то товарищество, въ которомъ послѣдній застрахованъ. А между тѣмъ проектъ предусматриваетъ, что между двумя товариществами могутъ возникнуть пререканія по вопросу о подвѣдомственности застрахованнаго тому или иному изъ нихъ. И для разрѣшенія этихъ пререканій министерство не нашло лучшаго способа, какъ обращеніе въ «Совѣтъ по дѣламъ страхованія рабочихъ», находящійся въ Петербургѣ, иногда за нѣсколько тысячъ верстъ отъ мѣста возникновенія пререканій. Принимая во вниманіе составъ этого «почтеннаго» учре-

*) См. „Рѣчь“ № 188 отъ 8 августа 1908 г.

жденія *), можно разсчитывать, что дѣла въ немъ будутъ вершиться съ обычной бюрократической «скоростью». Каково же будетъ, въ такомъ случаѣ, положеніе увѣчнаго, находящагося въ ожиданіи?!

Послѣ сдѣланнаго обзора законопроекта по отдѣламъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о немъ въ его цѣломъ.

Намъ уже приходилось указывать по поводу законопроекта о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни на то, что ранѣе существовавшія нормы во многихъ отношеніяхъ были лучше предполагаемыхъ. То же самое, но еще въ гораздо большей степени, можно сказать и о разсматриваемомъ законопроектѣ.

Будущій законъ о страхованіи въ сферѣ основныхъ его положеній, уничтожая «грубую неосторожность», повышая размѣръ пенсіи для нѣкоторыхъ видовъ полной инвалидности до полнаго годового содержанія и т. п.,—является, несомнѣнно, шагомъ впередъ. Но въ то же время въ процессуальномъ отношеніи онъ настолько ограждаетъ интересы работодателей, что, по мѣткому выраженію одного публициста, является «проектомъ взаимнаго страхованія предпринимателей отъ увѣчныхъ рабочихъ».

Любопытно, что министерство въ своей объяснительной запискѣ, указывая, что законопроектъ является «послѣдовательнымъ развитіемъ введенныхъ мѣропріяій», между прочимъ, добавляетъ: «проектируемая мѣра направлена, съ одной стороны, къ *приданію правамъ потерпѣвшихъ на вознагражденіе той обезпеченности, которая въ недостаточной мѣрѣ достигалась правилами 2-го іюня 1903 года, а съ другой стороны—къ созданію условій, облегчающихъ для владѣльцевъ предпріятій несеніе возложенной на нихъ обязанности* по вознагражденію утратившихъ вслѣдствіе несчастій при работахъ трудоспособность рабочихъ и членовъ ихъ семействъ» **).

Насколько оба эти намѣренія правительства выполнены *равномѣрно*, мы полагаемъ, ясно безъ особыхъ комментаріевъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ остановиться на кругѣ дѣйствія будущаго закона.

Кругъ этотъ точно совпадаетъ съ таковымъ же будущаго закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни. И это совпаденіе министерство обусловливаетъ тѣсной связью, существующей между обоими законопроектами: проектируемое страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—находится въ непосредственной связи съ страхованіемъ на случай болѣзни, такъ какъ обязательства страховыхъ товариществъ возникаютъ лишь по истеченіи 13-ти недѣль со дня несчастнаго случая. Въ виду сего *правильная дѣятельность проектируемаго страхова-*

---

*) См. о его составѣ нашу статью „Страхованіе рабочихъ на случай болѣзни", „Русское Богатство", кн. III-я, стр. 3-я за 1909 г.

**) Об. записка, стр. 29. (Курсивъ нашъ).

нія обусловливаетъ совпаденіе его какъ по кругу предпріятій, на которыя законъ распространяется, *такъ и по категоріямъ рабочихъ*, подчиняемыхъ его дѣйствію, съ положеніемъ о страхованіи на случай болѣзни» *).

Это единственный аргументъ, приводимый министерствомъ въ обоснованіе своего положенія.

Насколько аргументъ этотъ слабъ по существу, показываетъ лучше всего примѣръ Запада, куда министерство такъ часто любитъ обращаться за подкрѣпленіемъ своихъ положеній. Такъ, въ Германіи въ 1905 году застрахованныхъ на случай болѣзни было 11.184.476 чел., а на случай увѣчья—18.743.000 чел., т. е. разница составляла крупную цыфру около $7^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Въ то время, какъ страхованіе на случай болѣзни распространяется тамъ, главнымъ образомъ, на рабочихъ фабрично-заводской и горно-заводской промышленности, страхованіе на случай увѣчья охватываетъ почти всѣ виды наемнаго труда. И несмотря на то, что тамъ оба эти вида страхованія находятся въ тѣсной связи, это несовпаденіе не мѣшаетъ «правильной дѣятельности» каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Между тѣмъ у насъ это обстоятельство служитъ главной и единственной причиной того, что страхованіе на случай увѣчья не распространяется на сельско-хозяйственныхъ строительныхъ и др. рабочихъ, которымъ оно такъ необходимо.

Г. Зининъ.

Конституціонный кризисъ.

(*Изъ Англіи*).

I.

Въ четверть перваго утра перваго декабря красныя ракеты, пущенныя въ разныхъ мѣстахъ Лондона, возвѣстили населенію, что бюджетъ, надъ которымъ Нижняя палата работала съ 29 апрѣля,—отвергнутъ лордами. За принятіе бюджета высказалось только 75 наслѣдственныхъ законодателей, а противъ него—350. Сегодня, на второй день послѣ отклоненія бюджета, я получилъ по почтѣ воззваніе, приглашающее населеніе Лондона на форумъ, на Трафальгарскую площадь для протеста противъ революціоннаго выступленія наслѣдственныхъ законодателей.

«Палата лордовъ объявила войну народу,—говорится въ этомъ

*) Об. записка, стр. 74. (Курсивъ нашъ).

воззваніи.—Впервые въ нашей исторіи Верхняя палата отклонила бюджетъ, въ которомъ находятся ассигновки на армію, флотъ, на пенсію для стариковъ, на соціальныя реформы и вообще на содержаніе правительственной машины. Впервые въ нашей исторіи отрицается право народа облагать себя черезъ посредство своихъ законныхъ представителей налогами. Бюджетъ отклоненъ лордами потому, что онъ облагаетъ налогами очень богатыхъ людей. Палата, состоящая изъ крупныхъ помѣщиковъ, отказалась утвердить обложеніе незаработаннаго приращенія. Водочные короли возстали противъ повышенія стоимости патентовъ закрѣпленныхъ кабаковъ. Палата, состоящая изъ очень богатыхъ людей, протестуетъ противъ обложенія очень высокихъ доходовъ. Вмѣсто всего этого лорды хотятъ налога на хлѣбъ, на мясо и на всѣ предметы первой необходимости. Шестьсотъ наслѣдственныхъ законодателей, не отвѣтственныхъ ни передъ кѣмъ, требуютъ себѣ права опредѣлять, какіе налоги долженъ нести сорокамилліонный народъ. Если рѣшеніе лордовъ не будетъ немедленно отмѣнено, то у насъ установится слѣдующее:

«Палата наслѣдственныхъ законодателей будетъ по своему усмотрѣнію отправлять министерства въ отставку;

«Палата лордовъ будетъ опредѣлять, какіе налоги должны быть введены и какіе надо снять;

«Верхняя палата получитъ преобладающее вліяніе въ странѣ, господствуя одинаково и надъ короной, и надъ народомъ;

«Выборная палата захудаетъ, тогда какъ наслѣдственная торійская олигархія заберетъ въ руки всю власть. Граждане Лондона, сопротивляйтесь претензіямъ наслѣдственной палаты, являющейся посмѣшищемъ всей культурной Европы!

«Возстаньте противъ Верхней палаты, добивающейся права вводить налоги. Ни одинъ свободный народъ въ мірѣ не потерпѣлъ бы подобной палаты. Мы переживаемъ теперь великій историческій кризисъ. Заявите же немедленно, что только палата, состоящая изъ непосредственныхъ законныхъ выборныхъ представителей народа, должна властвовать. Надо совершенно отнять у Верхней палаты возможность причинять намъ вредъ. Всѣ, кому дороги британскія вольности, вырванныя съ такимъ трудомъ нашими предками, должны явиться на Трафальгарскую площадь.»

Талантливая народная газета *Star* напоминаетъ своимъ читателямъ пѣсню, которую сложилъ Шелли много десятковъ лѣтъ тому назадъ. Въ этой пѣснѣ есть, между прочимъ, такія слова:

«Rise like lions after slumber
In unvanquishable number!
Shake your chains to earth, like dew
Whick in sleep had fall'n on you:
Ye are many—they are few».

(т. е. «Пробудитесь, какъ львы, ото сна. Выступите непобѣди-

мыми рядами. Стряхните, какъ росу, цѣпи, наложенныя на васъ во снѣ. Васъ много. Людей, поработившихъ васъ, мало».)

Передъ нами важный кризисъ, назрѣванiе и развитiе котораго я пытался отмѣтить въ двухъ предшествующихъ письмахъ, посвященныхъ бюджету (*Революцiонный бюджетъ* и *Разгаръ борьбы*). Для выясненiе значенiя кризиса мнѣ приходится разсказать дальнѣйшую судьбу бюджета послѣ тѣхъ событiй, которыя изложены въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Богатства*. Четвертаго ноября бюджетъ прошелъ въ Нижней палатѣ въ третьемъ чтенiи. Министръ финансовъ въ заключительной рѣчи своей указалъ на то, что никто не сомнѣвается въ необходимости добавочныхъ шестнадцати миллiоновъ ф. ст., для покрытiя которыхъ потребовались новые налоги. Деньги эти необходимы для пенсiи старикамъ, которая требуетъ ежегодно девять мил. ф. ст., и для сооруженiя новыхъ *дрэднотовъ*. Необходимость пенсiи признаетъ оппозицiя. Что же касается броненосцевъ, то она желаетъ сооружать ихъ еще больше, чѣмъ либеральная партiя. Весь вопросъ только, *какъ* собрать необходимые добавочные шестнадцать миллiоновъ ф. ст. Кромѣ проектируемыхъ налоговъ на незаработанное приращенiе, на наслѣдства и на большiе доходы,—для покрытiя дефицита можно было бы указать только на возвращенiе къ протекцiонизму. Если отказаться отъ налоговъ, перечисленныхъ въ бюджетѣ, то пришлось бы ввести налоги на хлѣбъ, на мясо и на иностранные фабрикаты. Доктрина «обложенiя иностранца», которую выставляютъ протекцiонисты, то есть, что при протекцiонизмѣ платятъ только иностранцы, ввозящiе свои товары въ Англiю,—нелѣпость. Тяжесть налоговъ на хлѣбъ и на другiе предметы первой необходимости падетъ не на «иностранца», а на британскаго потребителя. Ллойдъ-Джорджъ еще разъ выяснилъ справедливость налоговъ, на которыхъ построенъ бюджетъ. Обложенiе незаработаннаго приращенiя, называемое протекцiонистами «разбоемъ» и «грабежомъ», впервые предложено экономистомъ, авторитетъ котораго признается консерваторами—Джономъ Стюартомъ Миллемъ *). Министръ финансовъ привелъ еще нѣсколько примѣровъ «незаработаннаго приращенiя». Вотъ городъ Шефильдъ. Одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ промышленныхъ центровъ Англiи выстроенъ на частной землѣ, которая раньше принадлежала общинѣ, а потомъ была захвачена. Пло-

---

*) «Предположимъ, что у насъ есть родъ дохода, стремящагося постоянно увеличиваться, безъ всякихъ усилiй или старанiй со стороны владѣльца,— говоритъ Милль. Передъ нами будутъ классы, которыхъ естественный ходъ вещей постоянно продолжаетъ обогащать, несмотря на вполнѣ пассивную роль этихъ классовъ. Въ такомъ случаѣ принципы частной собственности не будутъ нарушены, если государство возьметъ себѣ часть этихъ увеличивающихся богатствъ. Государство, въ такомъ случаѣ, собственно говоря, ничего не отнимаетъ. Оно употребляетъ только на общественныя нужды богатства, созданныя естественнымъ ходомъ вещей» (J. S. *Mill*, «Principles of Political Economy», Book V, Chapter, II. § 5.

щадь этой бывшей общинной земли около 63 тысячъ акровъ. Лучшія улицы Шефильда проложены на бывшихъ общинныхъ выгонахъ. Первые захватчики получили право на землю подъ предлогомъ, что «она не годится для улучшеній». Теперь „не пригодная“ земля эта приноситъ владѣльцамъ колоссальный доходъ. Кто создалъ цѣнность земли? То населеніе, которое проложило улицы, вымостило ихъ, освѣтило и построило фабрики, заводы и лавки. Шефильдъ изготовляетъ, между прочимъ, брони для военныхъ кораблей. Заказы на эти брони даетъ правительство. По мѣрѣ увеличенія заказовъ, возникаютъ новые заводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается цѣнность земли. Государство, слѣдовательно, содѣйствуетъ возрастанію незаработаннаго приращенія, а потому, тѣмъ болѣе, имѣетъ право на часть его.

Бюджетъ былъ принятъ въ Нижней палатѣ подавляющимъ большинствомъ 379 голосовъ противъ 149. Такимъ образомъ, выборные представители народа высказались за историческій бюджетъ. Но вотъ финансовый билль отправленъ въ Верхнюю палату. Выражаясь библейской терминологіей, которую англичане такъ любятъ,—Даніилъ былъ вверженъ въ ровъ львиный. Дальше я подробно коснусь того факта, что лорды во время этого кризиса являются только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ протекціонистовъ. Въ Нижней палатѣ силы ихъ незначительны. Утвержденіе бюджета сняло бы на много десятковъ лѣтъ съ очереди вопросъ о тарифныхъ реформахъ. И вотъ оппозиція пустила въ ходъ все, чтобы заставить лордовъ отклонить бюджетъ, т. е. сдѣлать революціонный шагъ, безпримѣрный послѣ 1689 года. Мы подходимъ къ курьезному зданію, въ которомъ первоначальный фундаментъ замѣненъ другимъ,—обычаемъ. Теоретически лорды имѣютъ право отклонять бюджетъ en bloc, точно такъ, какъ теоретически корона имѣетъ право накладывать veto на каждый билль. Но фактически съ 1689 года лорды никогда не отвергали бюджета точно такъ, какъ корона, со времени королевы Анны, никогда не пользовалась своимъ теоретическимъ правомъ veto. И вотъ установился *обычай*, въ силу котораго отклоненіе бюджета лордами, точно такъ же, какъ пользованіе короны своимъ правомъ veto, стало признаваться революціоннымъ шагомъ и важнымъ нарушеніемъ конституціи. Когда «Даніилъ отправился въ ровъ львиный», возникъ вопросъ: имѣютъ ли лорды право нарушить обычай?

Къ этому прибавлялся еще второй вопросъ: безопасно ли это для наслѣдственныхъ законодателей?

Протекціонисты нашли двухъ авторитетовъ, доказывающихъ, что такъ какъ теоретическое право лордовъ на отклоненіе бюджета не отмѣнено, то повтореніе шага, который они дѣлали до 1689 г.— не будетъ нарушеніемъ конституціи. Одинъ изъ этихъ авторитетовъ — довольно извѣстный въ Россіи профессоръ Дайси. Онъ брался еще доказывать, что наслѣдственные законодатели, откло-

няя бюджетъ, защищаютъ интересы демократіи и являются, такимъ образомъ, стражами народныхъ вольностей. Лорды защищаютъ свободу народа отъ деспотическихъ покушеній со стороны выборныхъ представителей народа. Таковъ тезисъ, который взялся защищать Дайси. Аргументація его сводится къ слѣдующему. Правительство, желая увеличить свое значеніе при помощи большинства, которымъ располагаетъ въ Нижней палатѣ,—нарушило конституцію. Доказательствами служатъ: 1) правительство воспользовалось бюджетомъ не для того, чтобы ассигновать суммы, необходимыя на текущіе расходы, а чтобы осуществить рядъ широкихъ соціальныхъ и политическихъ реформъ; 2) бюджетъ содержитъ рядъ соціалистическихъ мѣръ, о которыхъ населенію не было сказано во время выборовъ 1906 года; 3) кабинетъ нѣсколько разъ заявлялъ о своемъ желаніи уничтожить палату наслѣдственныхъ законодателей. «Нынѣшнее министерство утверждаетъ,—говоритъ проф. Дайси,—что партія, обладающая большинствомъ въ Нижней палатѣ, должна располагать всею суммою власти, принадлежащей коронѣ, лордамъ и коммонерамъ, хотя бы страна уже не поддерживала партію. Это—политика узко-партійная». «Мы, юніонисты,—пишетъ проф. Дайси,—поддерживаемъ лордовъ въ борьбѣ противъ бюджета. Пэры возстаютъ не противъ народа, но противъ узурпаціи власти со стороны партіи, имѣющей большинство въ Нижней палатѣ». Лорды, отклоняя бюджетъ, спасутъ, по мнѣнію проф. Дайси, чистоту политическихъ партій въ Англіи. «Бюджетъ называютъ *Poor Man's Budget* (бюджетъ бѣдняковъ).—Не доказываетъ ли это, что финансовый билль является колоссальной взяткой массамъ?—говоритъ Дайси.—Взятка означаетъ политическій развратъ. Такимъ образомъ, лорды, отклонивъ бюджетъ, явятся спасителями Англіи» *).

Профессору Дайси отвѣтили многіе спеціалисты. Любопытно, прежде всего, возраженіе, сдѣланное проф. сэромъ Фредерикомъ Поллокомъ. Авторъ—знаменитый юристъ, а по политическимъ убѣжденіямъ—консерваторъ. Сэръ Фредерикъ абсолютно отрицаетъ за лордами право вмѣшиваться въ контроль надъ финансами страны. «Никто изъ писавшихъ объ англійской конституціи,—говоритъ онъ,—не содѣйствовалъ такъ много защитѣ традиціи и обычая, какъ проф. Дайси. И теперь именно онъ оправдываетъ революціонное нарушеніе обычая. Чѣмъ мотивируетъ проф. Дайси свой призывъ къ лордамъ? Онъ боится, что если наслѣдственные законодатели не вмѣшаются, судьба Англіи будетъ находиться всецѣло въ рукахъ Нижней палаты. Но и я, и проф. Дайси, и всѣ, изучавшіе конституціонный строй,—продолжаетъ сэръ Фредерикъ Поллокъ,—всегда утверждали, что именно такъ и должно быть. Въ своемъ собственномъ трудѣ проф. Дайси утверждаетъ, что характерной чертой конституціоннаго строя является подчиненіе всѣхъ рѣшенію, при-

*) The Battle of the Budget. «Times», November 25.

нятому Нижней палатой, а также признаніе всѣмъ народомъ верховной воли парламента. Если мы признаемъ за лордами право добиваться роспуска парламента, когда имъ захочется, то оба упомянутые выше принципа превращаются въ пустой звукъ. Если лорды вправѣ рѣшать, какія мѣры были приняты принципіально населеніемъ на общихъ выборахъ и какія нѣтъ,—то хозяевами положенія становится Верхняя палата. Не народъ и не Палата общинъ выражаетъ тогда свою волю черезъ посредство парламента, а одни лорды» *).

На сторону проф. Дайси сталъ Джонъ Мёррей, пытавшійся доказать, что Верхняя палата спасаетъ народъ отъ деспотизма своихъ собственныхъ представителей. «Когда Палата общинъ во дни королевы Елизаветы добилась права контроля надъ обложеніемъ налогами,—говоритъ Мёррей,—она не получила еще тогда права иниціативы въ расходахъ. Палата общинъ должна была находить деньги для осуществленія плановъ и проектовъ, въ вырабатываніи которыхъ ея мнѣнія не спрашивали. Такъ, напр., Яковъ I послалъ безъ вѣдома парламента сэра Хораса Вира въ Германію во главѣ войска, а затѣмъ потребовалъ у Палаты общинъ девять тысячъ ф. ст. на содержаніе этой арміи. Парламентъ отпустилъ только семь тысячъ ф. ст., и экспедиція должна была вернуться обратно. Въ общемъ, пэры всегда становились въ эпоху борьбы королей съ парламентомъ на сторону короны. Въ 1690 году, напр., лорды постановили, что деньги должны быть прежде ассигнованы по требованію короны, а потомъ уже коммонеры могутъ говорить о своихъ нуждахъ. Палата общинъ усмотрѣла тогда въ этомъ рѣшеніи лордовъ серьезное покушеніе на свои привилегіи. Такимъ образомъ, въ былое время Нижняя палата боролась за плательщиковъ налоговъ и отстаивала ихъ право знать, на что и какъ расходуются собранныя деньги. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось,—утверждаетъ Джонъ Мёррей. Палата общинъ, или, точнѣе, кабинетъ, опирающійся на большинство въ Нижней палатѣ, постепенно завладѣлъ правомъ иниціативы въ государственныхъ расходахъ. Кабинетъ же изыскиваетъ деньги. И въ пріисканіи новыхъ налоговъ онъ, какъ мы полагаемъ—продолжаетъ Мёррей,—проявляетъ большую тиранію, чѣмъ короли изъ дома Стюартовъ. Въ XVII вѣкѣ Палата общинъ боролась съ королями, пытавшимися выжать у населенія возможно больше денегъ. Теперь мало-по-малу Нижняя палата завладѣла всѣми правами короны и исполнительной власти и передала все это небольшому комитету **) (т. е. кабинету), пользующемуся своею властью еще болѣе деспотически, чѣмъ прежніе ко-

*) «The Nation», vol. VI, № 9. P. 354.

**) *Кабинетъ* имѣетъ свою любопытную исторію. Напрасно стали бы мы искать въ анналахъ англійской конституціи королевскій приказъ или парламентскій законъ объ учрежденіи кабинета. Возникъ онъ такимъ образомъ. Уже бароны, вырвавшіе у Іоанна Безземельнаго великую хартію, требовали

роли. Палата общинъ, держащая въ своихъ рукахъ казну, располагаетъ, такимъ образомъ, контролемъ надъ дѣйствіями короны, но ея контроль надъ кабинетомъ, выразителемъ всѣхъ правъ Нижней палаты,—совершенно номинальный. Вотъ почему,—говоритъ Джонъ Мёррей,—народъ теперь нуждается въ такомъ же защитникѣ, какъ и въ XVII вѣкѣ» *). И этимъ защитникомъ являются... лорды. Населеніе выбираетъ Палату общинъ. Члены кабинета отвѣтственны передъ избирателями. По мнѣнію Джона Мёррея, наслѣдственные законодатели охраняютъ населеніе отъ его же власти. Джону Мёррею отвѣтили многія авторитетныя лица, между прочимъ, проф. Морганъ. Онъ указалъ, что съ теченіемъ вѣковъ Верхняя палата принимала все больше и больше характеръ олигархіи, тогда какъ представительный характеръ Нижней палаты растетъ. Наслѣдственная палата идетъ назадъ къ среднимъ вѣкамъ, Палата общинъ съ каждымъ новымъ избирательнымъ закономъ все болѣе всесторонне представляетъ цѣлое населеніе. «Англичанъ, выткавшихъ на станкѣ времени свою конституцію подобно платью безъ швовъ, приглашаютъ теперь разорвать ткань по живому мѣсту,—говоритъ проф. Морганъ.—Поразительно то, что приглашеніе дѣлается со стороны консерваторовъ» **).

Рѣшительнымъ противникомъ революціоннаго выступленія Верхней палаты является лордъ Кортней, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ государственнаго права въ Англіи. «Люди, которые, повидимому, должны знать дѣло,—писалъ лордъ Кортней,—предлагаютъ средства, могущія только ухудшить положеніе вещей... Доктрина объ авторитетѣ Палаты общинъ во всѣхъ финансовыхъ вопросахъ теперь принята всѣми». Правда, теоретически лорды имѣютъ право

чтобы король не предпринималъ никакихъ рѣшеній безъ magnum concilium, получившаго впослѣдствіи названіе тайнаго совѣта (Privy Council).

Король обязанъ былъ совѣщаться съ тайнымъ совѣтомъ; но уже во времена Стюартовъ Privy Council отказывался быть послушнымъ исполнителемъ приказовъ короны. Тогда король изъ членовъ тайнаго совѣта сталъ отбирать наиболѣе раболѣпныхъ и послушныхъ, которые собирались въ одномъ изъ кабинетовъ дворца. Таково происхожденіе *кабинета*. Онъ пережилъ революцію 1688 года и мало-по-малу измѣнился настолько, что осталось только названіе. «Кабинетъ» сталъ выразителемъ желаній не короны, а народа. Короли долго не могли примириться съ тѣмъ, что кабинетъ формируется не изъ послушныхъ имъ лицъ; даже при первыхъ короляхъ ганноверской династіи корона навязывала парламенту своего лорда-канцлера. И только въ концѣ XVIII вѣка кабинетъ принялъ тотъ характеръ, какъ теперь, т. е. сталъ совѣтомъ вождей парламентской политической партіи, располагающей большинствомъ голосовъ, избираемымъ не королемъ, а главнымъ лидеромъ партіи. Члены кабинета сходятся во взглядахъ на всѣ главные вопросы политики, за которую всѣ отвѣтственны передъ Палатой общинъ. Корона долго не хотѣла отказаться отъ права вмѣшиваться въ дѣла кабинета. И только со времени вступленія на престолъ Викторіи кабинетъ окончательно принимаетъ тотъ характеръ, который имѣетъ теперь.

*) «Times», November 11.

**) «Westminster Gazette», November 22.

отклонять бюджетъ, но практически всѣми уже давно признается, что только коммонеры имѣютъ контроль надъ финансами.

«Почему небольшая группа, засѣдающая въ Верхней палатѣ, должна управлять нами? Почему ихъ дѣти должны управлять нашими дѣтьми?—задаетъ вопросъ Черчель.— На всѣ эти вопросы нѣтъ удовлетворительнаго отвѣта, кромѣ того, что конституція досталась намъ по наслѣдству отъ предковъ. Но основой этой самой конституціи является принципъ, что лорды не имѣютъ права вмѣшиваться въ обсужденіе денежныхъ биллей. Финансы являются привилегіей только Палаты общинъ. Отклоненіе бюджета явится вторженіемъ со стороны лордовъ въ сферу правъ не только коммонеровъ, но и короны... Если на общихъ выборахъ лорды установятъ свое право контроля надъ финансами страны, то наслѣдственные законодатели явятся главной силой въ королевствѣ. Они не только получатъ возможность калѣчить каждый законопроектъ, но пріобрѣтутъ также право ежегодно добиваться общихъ выборовъ. Для этого наслѣдственнымъ законодателямъ придется только отклонить бюджетъ, что заставитъ министерство выйти въ отставку. Такимъ образомъ, больше года у власти сможетъ пробыть только правительство, угодное наслѣдственнымъ законодателямъ. Такъ какъ 90% лордовъ консерваторы, то либераламъ не будетъ возможности больше, до осуществленія радикальной реформы Верхней палаты,—стать у власти. Лорды никогда не встанутъ поперекъ пути консервативному министерству, состоящему на половину изъ членовъ Верхней палаты и отстаивающему интересы крупныхъ землевладѣльцевъ. Верхняя палата станетъ пропускать всѣ билли, выработанные такимъ министерствомъ, все равно, будетъ ли то протекціонизмъ, конскрипція, законы объ усиленной охранѣ или войны съ цѣлью захвата. Наслѣдственные законодатели допустятъ такое министерство оставаться у власти, хотя бы оно вносило абсолютно непопулярные законопроекты, хотя бы въ рядахъ кабинета былъ рѣзкій расколъ. За то либеральное министерство будетъ отправлено въ отставку, какъ только оно внесетъ свой первый бюджетъ» *).

II.

Задолго до второго чтенія финансоваго билля въ Верхней палатѣ можно было предсказать отклоненіе его. Оппозиція стянула всѣ свои силы. Верхняя палата далеко не однородна по своему составу. По закону каждый пэръ, достигшій совершеннолѣтія, можетъ засѣдать въ Верхней палатѣ и рѣшать судьбы величайшей въ мірѣ имперіи. Въ дѣйствительности мы видимъ, что по-

*) «Times», November 17.

литикой интересуются не больше тридцати—сорока лордовъ. Остальные гораздо болѣе извѣстны въ модныхъ курортахъ и въ Монте-Карло, чѣмъ въ Верхней палатѣ. Среди наслѣдственныхъ законодателей мы видимъ немногихъ, выдвинувшихся изъ рядовъ среднихъ классовъ своими талантами. Эти—«сами предки». Затѣмъ передъ нами цари биржи и промышленнаго міра, увѣнчавшіе свой успѣхъ въ жизни короной барона или виконта. Дальше слѣдуютъ малые потомки великихъ предковъ. Тутъ мы входимъ въ міръ дегенератовъ и ничтожностей. Носителями историческихъ именъ являются лорды, прославившіеся въ громкихъ бракоразводныхъ процессахъ. Передъ нами подставные директоры, продающіе свои титулы для проектовъ грюндерамъ широкаго размаха. И каждый разъ, когда такой грюндеръ кончаетъ колоссальнымъ банкротствомъ, въ дѣлѣ фигурируютъ маркизы, графы, виконты и бароны. Передъ нами лорды, славные не столько своими дѣяніями, сколько статями своихъ лошадей и породой своихъ собакъ. Графъ такой-то замѣчателенъ тѣмъ, что ему принадлежитъ *Нетопырь*, сына *Принца Флоризеля* или *Памелы*, несравненный жеребецъ, взявшій подрядъ призы на дербійскихъ и аскотскихъ скачкахъ. Маркизъ NN замѣчательный знатокъ бокса и изобрѣтатель спеціальной оплеухи, носящей его имя. Маркизъ Англези поражаетъ обширной эрудиціей въ вопросѣ о пѣтушиномъ боѣ. Графъ Росслинъ—спеціалистъ по части скандаловъ и не разъ фигурировалъ уже въ судѣ. «Незаработанное приращеніе» доставляетъ лордамъ легкую и привольную жизнь. Чѣмъ больше трудится населеніе, чѣмъ оно талантливѣе и настойчивѣе, тѣмъ быстрѣе растетъ незаработанное приращеніе, достигая колоссальныхъ размѣровъ, какъ было показано въ статьѣ «Разгаръ борьбы». Подавляющее большинство лордовъ не имѣетъ никакого представленія объ Англіи, о силѣ ея демократіи, о запросахъ массъ. И эту титулованную армію собрали вожди ко дню второго чтенія бюджета въ Верхней палатѣ.

Семьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда въ Верхнюю палату былъ посланъ великій билль о реформахъ, принятый подавляющимъ большинствомъ въ Нижней палатѣ, лорды просто отклонили законопроектъ. «Онъ намъ не нравится; мы не хотимъ господства черни», — говорили тогда наслѣдственные законодатели. Теперь времена измѣнились. Демократія окрѣпла. И вотъ, отклоняя билль, вожди лордовъ говорятъ, что дѣлаютъ это только въ интересахъ демократіи, вѣрными стражами который являются. Въ поправкѣ маркиза Лэнсдауна говорится, что лорды отказываются пропустить финансовый билль до тѣхъ поръ, покуда за него не выскажутся избиратели. Аргументація маркиза сводилась къ слѣдующему. До 1689 года лорды отклоняли финансовые билли. Теоретическое право осталось, поэтому имъ можно воспользоваться теперь. Совершенно вѣрно, что больше

двухсотъ лѣтъ лорды не пользовались своимъ правомъ; но это еще не означаетъ отказъ отъ него. Бюджетъ 1909 года — исключительный, революціонный по своему характеру, поэтому лорды должны, какъ стражи народныхъ интересовъ, прибѣгнуть къ исключительнымъ мѣрамъ. Въ прошломъ году, — продолжалъ маркизъ Лэнсдаунъ, лорды отклонили билль объ оцѣнкѣ земли въ Шотландіи. Тогда всѣ нашли, что Верхняя палата имѣла право поступить такъ. Ничего нѣтъ революціоннаго въ томъ, что въ этомъ году лорды отклонили такой же билль для Англіи. Что касается налоговъ на патенты и на спиртъ, то Верхняя палата всего лишь въ прошломъ году отклонила такой билль. Никакая уважающая себя палата поэтому,—продолжалъ Лэнсдаунъ,—не можетъ пропустить тотъ же законопроектъ вторично. Налоги на такъ называемое неразработанное приращеніе являются выдумкой соціалистовъ, поэтому Верхняя палата, охраняющая священное право собственности, не можетъ одобрить такую форму грабежа. Для спасенія Англіи необходимо возвратиться къ протекціонизму. Отъ отклоненія финансоваго билля никакого замѣшательства не произойдетъ, потому что правительство уже выработало временный безспорный бюджетъ, который быстро пройдетъ въ обѣихъ палатахъ. Вотъ суть рѣчи не только лорда Лэнсдауна, но и ряда другихъ пэровъ, стоявшихъ за отклоненіе бюджета. Просматривая стенографическій отчетъ объ историческомъ засѣданіи, мы убѣждаемся, что лорды явились только выразителями тѣхъ взглядовъ, которые ранѣе уже формулированы въ прессѣ протекціонистовъ. Одинъ за другимъ вставали наслѣдственные законодатели, доказывая справедливость рѣшенія, которое они приняли уже давно. И во всѣхъ этихъ доказательствахъ мы не видимъ ни одного аргумента, который раньше не былъ бы приведенъ въ «Observer» или въ «Times». Благородные лорды запомнили даже полемическія красоты «Daily Express». Лордъ Лэнсдаунъ, напр., не забылъ упомянуть, что бюджетъ является продуктомъ дѣятельности «демагога изъ Уэльса» (т. е. Ллойдъ-Джорджа).

Упоминаніе Лэнсдауномъ про временный бюджетъ означаетъ слѣдующее. Такъ какъ лорды уже 300 лѣтъ не отклоняли бюджета, то каждый разъ, когда Нижняя палата принимала принципіально (во второмъ чтеніи) проектъ новыхъ налоговъ, ихъ начинали сейчасъ же собирать. Такъ было и въ этомъ году. Если бюджетъ будетъ отклоненъ, то всѣ уплатившіе уже налоги могутъ потребовать ихъ обратно. Не уплатившіе еще, конечно, не сдѣлаютъ взносовъ. Отъ этого образуется дефицитъ почти въ пятьдесятъ милл ф. ст. Кромѣ того, казначейство останется безъ суммъ на флотъ, на армію, на пенсію для стариковъ и т. д. Консерваторы рекомендуютъ сдѣлать, съ одной стороны, заемъ (на этой мѣрѣ наживутъ громадныя деньги банкиры, стоящіе за отклоненіе бюджета), а съ другой—совѣтуютъ издать «временный безспорный

бюджетъ», одобренный всѣми партіями. Премьеръ заявилъ, что временнаго бюджета не будетъ. Уплата налоговъ остается на совѣсти обывателей. Если они хотятъ, то могутъ платить; si non—non. Если министерство возвратится къ власти въ январѣ 1909 г., то оно снова внесетъ тотъ же бюджетъ и взыщетъ налоги съ неплательщиковъ. Союзъ чаеторговцевъ немедленно заявилъ, что онъ по прежнему будетъ платить налогъ на чай. Надо отмѣтить тутъ слѣдующее. И теперь къ концу финансоваго года получится дефицитъ, который отчасти покроется, если выборы кончатся побѣдой либераловъ. Если у власти станутъ консерваторы, то они должны измѣнить налоги на незаработанное приращеніе, на спиртъ и на большіе доходы, противъ которыхъ все время возставали. Получится колоссальный дефицитъ, для покрытія котораго потребуются временная мѣра (заемъ) и постоянная (немедленное введеніе налога на хлѣбъ).

Независимые лорды-консерваторы предостерегали Верхнюю палату отъ революціоннаго выступленія. Такой характеръ носила рѣчь организатора Египта, лорда Кромера. Ораторъ находилъ, что бюджетъ нехорошъ. Противъ налоговъ на наслѣдства и на большіе доходы лордъ Кромеръ ничего не имѣетъ. Напротивъ, онъ полагаетъ, что это—самая справедливая форма обложенія. Кто имѣетъ больше—долженъ больше платить. Эти налоги ничего общаго съ соціализмомъ не имѣютъ. Протекціонизмъ не является противоядіемъ противъ соціализма. Нагляднымъ доказательствомъ являются страны на континентѣ. Протекціонизмъ не можетъ также ни доставить государству необходимыхъ на расходы суммъ, ни гарантировать отъ безработицы, ни спаять имперію въ болѣе прочный союзъ. Лордъ Кромеръ осуждалъ бюджетъ, потому что въ немъ есть налогъ на незаработанное приращеніе. Если признать за лицомъ право имѣть капиталъ, то оно также вправѣ помѣщать его такъ, какъ находитъ болѣе выгоднымъ для себя, т. е. имѣетъ одинаковое право купить фабрику, винокуренный заводъ или землю. Правительство, по мнѣнію оратора, не имѣетъ права выбирать одну форму помѣщенія капитала (въ видѣ покупки земли) и облагать его болѣе высокими налогами, чѣмъ помѣщеніе въ видѣ пріобрѣтенія фабрики. Но, осуждая бюджетъ, лордъ Кромеръ предостерегалъ Верхнюю палату отъ «роковой ошибки», т. е. отъ отклоненія финансоваго билля. Такая мѣра,—предсказывалъ лордъ Кромеръ,—поведетъ къ продолжительной борьбѣ между двумя палатами. Либеральная партія, если станетъ снова у власти, непремѣнно приступитъ къ радикальному измѣненію Верхней палаты, что поведетъ къ измѣненію вѣками сложившейся конституціи. Къ лорду Кромеру присоединились еще три лорда-консерваторы.

Лордъ-канцлеръ, отвѣчая лордамъ, стоявшимъ за отклоненіе бюджета, указывалъ, что теперь вся англійская конституція дер-

жится въ равновѣсіи, благодаря ряду не писанныхъ опредѣленій, освященныхъ временемъ. «Власть въ Англіи распредѣлена между королемъ, лордами и коммонерами,—сказалъ ораторъ. Коронѣ принадлежитъ верховная власть надъ всѣмъ, ограниченная и сдерживаемая доктриной отвѣтственности министровъ и правомъ Нижней палаты отказывать въ отпускѣ суммъ на государственные расходы. Нижней палатѣ принадлежитъ абсолютный контроль надъ общественнымъ сундукомъ, а потому и контроль надъ министрами короны. Власть общинъ сдерживается прерогативой короны распускать парламентъ. Палата лордовъ представляетъ собою высшую судебную инстанцію. Само по себѣ это уже большая привилегія. Кромѣ того, Верхняя палата принимаетъ еще участіе въ разработкѣ всѣхъ законопроектовъ, за исключеніемъ финансовыхъ биллей. Власть Верхней палаты сдерживается только угрозой создать новыхъ пэровъ. Такова британская конституція, державшаяся издавна въ равновѣсіи въ силу обычая и вызывавшая зависть на континентѣ». Лордъ-канцлеръ дальше доказывалъ, что Верхняя палата своимъ рѣшеніемъ опрокинетъ всю эту постройку. Въ будущемъ либеральное министерство можетъ стать у власти только тогда, когда получитъ отъ страны полномочія на огражденіе правъ Нижней палаты. Еще съ большей точностью и опредѣленностью высказался лордъ Морлей, извѣстный русской публикѣ по книгамъ его «Дидеро» и «Вольтеръ». Ораторъ разобралъ детально поправку, внесенную лордомъ Лэнсдауномъ *), и отмѣтилъ въ ней пять пунктовъ. Вопервыхъ, принимая поправку, Верхняя палата присваиваетъ себѣ право контролировать налоги. Во вторыхъ, лорды своимъ отказомъ требуютъ права заступленія парламента. Въ-третьихъ, разъ поправка будетъ принята, Парламентъ будетъ обновляться каждый разъ, когда онъ не понравится Верхней палатѣ. Лорды проявляютъ, въчетвертыхъ, тенденцію превратить парламентъ, держащійся на представительномъ началѣ, въ наслѣдственную олигархію. Въ-пятыхъ, принятіе поправки разстроитъ финансы въ этомъ году, и создастъ большой дефицитъ. Если Верхняя палата вмѣшается въ финансовую политику страны, то со стороны коммонеровъ будетъ наивностью въ апрѣлѣ приняться за обсужденіе бюджета: въ іюлѣ мѣсяцѣ они могутъ получить отъ лордовъ намекъ, что новая смѣта тоже не будетъ пропущена. Лордъ Морлей указалъ дальше, что отклоненіе лордами бюджета будетъ отчаянной ставкой проигравшагося игрока. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни кончились выборы 1910 года, поплатятся въ концѣ концовъ лорды. Пэры мотивируютъ свою поправку тѣмъ, что министерство не имѣло полномочій отъ страны на внесеніе «революціоннаго» бюджета; но консервативное министерство внесло въ 1902 году школьный билль, тоже револю-

---

*) Верхняя палата отказывается утвердить бюджетъ до тѣхъ поръ, покуда по поводу него не выскажутся избиратели".

ціоннаго характера. Верхняя палата тогда пропустила законопроектъ, хотя министерство не получило полномочій отъ страны на проведеніе его. Чѣмъ больше голосовъ будетъ подано въ Верхней палатѣ за поправку, — продолжалъ лордъ Морлей,—тѣмъ большій скандалъ произведетъ это.

III.

Не смотря на рѣчи лордовъ-радикаловъ и на рядъ предостереженій со стороны лордовъ-консерваторовъ, понимающихъ положеніе дѣла, какъ Кромеръ, Бальфуръ Бурлейскій, Литонъ, Херфордъ и др.,—наслѣдственные законодатели приняли поправку Лэнсдауна и отклонили бюджетъ. Парламентъ отсроченъ. Въ концѣ мѣсяца онъ будетъ распущенъ, а въ январѣ 1910 г. состоятся новые выборы. Вопросы, возникшіе вслѣдствіе отклоненія бюджета, въ высшей степени важны. Мы имѣемъ передъ собою начало настоящей революціи. «Лично я не вѣрю въ то, что мы можемъ выйти изъ настоящаго положенія дѣла безъ политической революціи,—пишетъ въ «Times» извѣстный консервативный публицистъ, подписывающійся «Historicus».—Она будетъ не первая въ нашей исторіи» *). Передъ нами любопытная «революція», которой желаютъ не массы, не соціалисты, не «элементы разрушенія», а часть имущихъ классовъ, выразителемъ которой являются лорды.

Чтобы выяснить значеніе поправки, принятой лордами, скажу нѣсколько словъ о роспускѣ палаты вообще. До революціи 1688 года парламентъ могъ быть распущенъ только или по приказу короля, или вслѣдствіе смерти его. Теорія конституціи предполагала тогда, что такъ какъ парламентъ представляетъ собою совѣтъ, созванный королемъ для совмѣстной работы относительно управленія государствомъ, то вслѣдствіе этого корона можетъ удержать этотъ совѣтъ или распустить его, соображаясь только со своею волею. Вслѣдствіе этого же парламентъ распускался послѣ смерти короля. Впослѣдствіи эта теорія конституціи была значительно измѣнена писанными статутами и неписанными обычаями. Фактически король не имѣетъ вліянія на роспускъ парламента. Смерть главы государства тоже не ведетъ больше къ новымъ выборамъ. Консервативное министерство не вышло въ отставку послѣ смерти королевы Викторіи, и пробыло у власти еще болѣе трехъ лѣтъ. До революціоннаго выступленія лордовъ полагалось, что парламентъ можетъ или умереть естественной смертью послѣ истеченія семилѣтняго срока, или быть распущеннымъ манифестомъ, изданнымъ королемъ *по совѣту министровъ*. До революціи 1688 г. король при роспускѣ и созывѣ парламента былъ связанъ только однимъ закономъ: эти два момента

---

*) „Times", December 6.

не могли быть раздѣлены срокомъ, большимъ, чѣмъ три года. Происхожденіе этого закона интересно. Въ 1629 году англійскіе купцы отказались платить спеціальныя налоги (*tonnage* и *poundage*), введенные Карломъ I помимо согласія общинъ для своей личной надобности. Одинъ изъ коммонеровъ сэръ Джонъ Элліотъ внесъ въ парламентъ протестъ противъ незаконнаго налога. И такъ какъ секретарь парламента не рѣшился прочитать протестъ, то это сдѣлалъ самъ сэръ Джонъ, спикеръ, отказавшись поставить на обсужденіе протестъ Элліота, заявилъ, что имѣетъ приказъ короля закрыть засѣданіе, и поднялся, чтобы уйти. Но два коммонера, Холлсъ и Валентайнъ, силой усадили спикера въ кресло и держали его, покуда палата не приняла протеста открытымъ голосованіемъ. Карлъ I находился въ то время въ палатѣ лордовъ. Услыхавъ, что происходитъ въ Нижней палатѣ, онъ приказалъ главному приставу, Черному жезлу (*Black Rod*), унести «дубину», т. е. скипетръ Нижней палаты, безъ котораго засѣданіе не можетъ продолжаться. Такимъ образомъ закрылось историческое засѣданіе. Черезъ нѣсколько дней, 10 марта 1629 года, парламентъ былъ распущенъ и созванъ снова только черезъ 11 лѣтъ, въ 1640 году. То былъ знаменитый «Долгій парламентъ», продержавшійся двадцать лѣтъ. Часть этого парламента, по грубой терминологіи того времени, огузокъ, Rump,—была разогнана въ 1655 году уже Кромвелемъ за недостаточное послушаніе. Еще черезъ семь лѣтъ, послѣдніе остатки Долгаго парламента, счетомъ 42 коммонера, собрались вмѣстѣ и составили тотъ Конвентъ, который возвратилъ Карла II. И только новый король, наконецъ, распустилъ парламентъ. Долгій парламентъ еще въ 1641 году принялъ законъ, въ силу котораго король не можетъ распустить палату только по собственному усмотрѣнію. Тотъ же законъ говоритъ, что между роспускомъ палаты и новыми выборами не можетъ пройти болѣе трехъ лѣтъ. Англійскому народу три года безъ выборныхъ представителей казались долгимъ срокомъ, но Карлъ II держался другого мнѣнія. Для короля срокъ этотъ былъ слишкомъ коротокъ. Революція 1648 года ничему не научила Карла II. Онъ считалъ ее только простой смутой, устроенной нѣсколькими вѣроломными подданными. Карлъ II въ 1664 году отмѣнилъ законъ 1641 года и созвалъ свой собственный долгій парламентъ, продержавшійся семнадцать лѣтъ. И когда палата была, наконецъ, распущена въ 1680 году, новый парламентъ созвали только черезъ четыре года.

Въ настоящее время дѣло съ роспускомъ обстоитъ такъ. Въ манифестѣ, возглашающемъ о роспускѣ палаты, назначаются немедленно же новые выборы. По закону 1852 года *) срокъ между двумя парламентами опредѣляется въ тридцать пять дней. Такимъ

*) Lord Brougham's Act.

образомъ, трехлѣтній срокъ, допускавшійся по закону 1641 года, сократился теперь до пятинедѣльнаго.

До революціи парламентъ жилъ до тѣхъ поръ, покуда король не распускалъ его: два года, пять и даже семнадцать лѣтъ. Долголѣтіе парламента находилось въ прямой зависимости отъ угодливости его. Стюарты мирились только съ послушной палатой. Въ 1694 году, при смѣнѣ династіи, внесенъ былъ законъ о трехлѣтнемъ парламентѣ. Законъ просуществовалъ до вошествія на престолъ Георга I, когда трехтѣтній срокъ былъ замѣненъ семилѣтнимъ. При вступленіи на престолъ Георга I всюду въ странѣ происходила усиленная агитація за изгнаніе династіи. Стюарты имѣли много агентовъ въ Ирландіи и Шотландіи. Въ 1715 году сынъ Якова II сдѣлалъ даже попытку, высадиться въ Шотландіи. Мятежъ былъ раздавленъ; но такъ какъ черезъ годъ наступали выборы, то парламентъ опасался, что «якобиты» къ тому времени черезъ своихъ агентовъ подготовятъ избирателей. Слѣдуетъ помнить, что въ то время массы были отстранены отъ выборовъ, такъ что три четверти мѣстъ въ Нижней палатѣ находилось всецѣло во власти помѣщиковъ. Было опасеніе, что новый парламентъ будетъ «якобитскій», отмѣнитъ всѣ вольности, выговоренныя революціей и опять призоветъ Стюартовъ.

Чтобы предупредить бѣдствіе подобнаго рода, парламентъ въ 1716 году замѣнилъ трехлѣтній срокъ существованія палаты семилѣтнимъ. При Георгѣ III внесены были новыя измѣненія въ парламентскій регламентъ. Обычай, что парламентъ распускается со смертью короля, отмѣнялся. При новомъ королѣ старый парламентъ могъ существовать еще шесть мѣсяцевъ, если не былъ ранѣе распущенъ. Согласно закону, если король умиралъ послѣ роспуска палаты, но до выбора новой,—старая палата немедленно собиралась еще на шесть мѣсяцевъ. Всѣ эти законы времени Георга III преданы теперь забвенію. Реформа 1868 года отмѣнила всѣ прежніе законы относительно выборовъ, и жизнь парламента стала внѣ зависимости отъ смерти короля. По закону парламентъ можетъ жить семь лѣтъ; но, согласно обычаю, министерства оставались у власти не больше пяти лѣтъ. Въ Англіи не было еще такого министерства, которое умерло бы естественной смертью, послѣ истеченія семи лѣтъ. Кабинеты падали вслѣдствіе того, что коммонеры выражали имъ свое недовѣріе. Другіе кабинеты выживали шесть лѣтъ и, убѣдившись въ собственной дряхлости, выходили въ отставку; но не было еще прецедента, на основаніи котораго можно было бы сказать, какъ поступаетъ министерство, когда истекаетъ полный срокъ его жизни. Въ XIX вѣкѣ самый короткій парламентъ продолжался четыре мѣсяца и четырнадцать дней (15 декабря 1806—29 апрѣля 1807 года), а самый длинный—шесть лѣтъ одинъ мѣсяцъ и семь дней (23 апрѣля 1820—2 іюня 1826 года). Либеральное министерство 1885 года было у власти только пять мѣся-

цевъ и четырнадцать дней. Оно вышло въ отставку по поводу законопроекта о самоуправленіи въ Ирландіи. Консервативное министерство Солсбери было возвращено послѣ пятилѣтняго пребыванія у власти «солдатскими выборами» 1900 года и затѣмъ продержалось еще пять лѣтъ (кабинетъ Бальфура) до декабря 1905 года.

По буквѣ закона король, если пожелаетъ, можетъ въ любой моментъ, не считаясь съ мнѣніемъ своихъ министровъ, распустить парламентъ. Но въ дѣйствительности король при роспускѣ палаты слѣдуетъ исключительно совѣту премьера. И если бы король пожелалъ теперь поступить такъ, какъ разрѣшаетъ ему буква закона, то это было бы сочтено въ Англіи важнымъ нарушеніемъ духа конституціи. Въ послѣдній разъ корона воспользовалась своимъ правомъ распускать парламентъ по собственному усмотрѣнію въ 1834 году. Лидеръ министерской партіи въ палатѣ общинъ (лордъ Олторпъ) былъ отозванъ тогда въ Верхнюю палату послѣ смерти своего отца. Вильгельмъ IV воспользовался этимъ, какъ предлогомъ, чтобы распустить парламентъ. Роспускъ палаты не является неожиданностью. Ему предшествуетъ обыкновенно отсрочка (prorogation) засѣданій. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ оффиціальной «London Gazette» появляется манифестъ о роспускѣ парламента «по соглашенію съ нашимъ тайнымъ совѣтомъ», — какъ говорится въ документѣ. Въ дѣйствительности, единственными совѣтниками короля являются члены кабинета. До Георговъ короли присутствовали иногда на засѣданіяхъ тайнаго совѣта. Георгъ II не ходилъ туда, потому что не понималъ по-англійски. Съ тѣхъ поръ и остальные короли, выучившіеся уже по-англійски, были устранены отъ участія въ совѣтѣ. Теперь король участвуетъ только въ томъ засѣданіи кабинета, на которомъ рѣшается роспускъ палаты.

Въ парламентской исторіи Англіи извѣстны случаи, когда палата была распущена помимо воли коммонеровъ. Такъ было, напр., двадцатаго апрѣля 1653 года, когда Кромвель обратился къ «огузку» Долгаго парламента съ единственной въ своемъ родѣ рѣчью: «Вы не составляете больше парламента,—сказалъ лордъ-протекторъ. — Одни изъ васъ—пьяницы, другіе—прелюбодѣи, открыто преступающіе Божьи заповѣди и живущіе въ грѣхѣ. Нѣкоторые изъ васъ продажны, другіе—лицепріятны. Какъ можете вы себя называть парламентомъ избраннаго народа? Убирайтесь!» — и Кромвель взялъ со стола скипетръ спикера и отдалъ его мушкатеру.

Другой, не менѣе знаменитый, случай роспуска парламента помимо воли коммонеровъ произошелъ въ 1830 году. Виги, стоявшіе тогда у власти, уступая давленію со стороны англійскаго общества, внесли билль о реформахъ, противъ котораго былъ король и вся помѣщичья партія. Въ три часа утра 23 марта билль послѣ упорнаго сопротивленія прошелъ во второмъ чтеніи большинствомъ *одного* голоса (303 противъ 302). Законопроектъ былъ перенесенъ

въ коммиссію, гдѣ враги реформы всѣми силами тормазили ее. Помѣщики вопили, что Англія погибнетъ, если избирательные законы будутъ измѣнены въ демократическомъ смыслѣ. «Мы создавали британскую культуру и мы отвѣтственны за нее», — говорили сквайры. Партія имѣла многочисленныхъ друзей при дворѣ, и подъ давленіемъ ихъ король рѣшился распустить палату. Лордъ-канцлеръ убѣждалъ короля свершить coup d'etat и лично возвѣстить о роспускѣ палаты. «Въ Нижней палатѣ,—говоритъ Гревиль въ своихъ запискахъ,—извѣстіе о намѣреніи короля вызвало настоящую бурю. Сэръ Реджинальдъ Вивайэнъ яростно напалъ на правительство. Еще болѣе рѣзкую рѣчь произнесъ Пиль. Онъ обвинилъ правительство въ бездарности, безуміи и въ слѣпотѣ. Въ этотъ моментъ пушки возвѣстили о прибытіи короля въ парламентъ. Пиль продолжалъ свою рѣчь даже и тогда, когда королевскій приставъ позвалъ коммонеровъ въ Верхнюю палату. Коммонеры кричали, что теперь наступилъ моментъ произнести своего рода serment du jeu de paume. Въ воздухѣ пахло революціей. Коммонеры уполномочили Уорнклифа обратиться къ королю съ протестомъ противъ роспуска палаты; министры возстали противъ этого; но протестъ все-таки былъ внесенъ въ журналы парламента. Лорды кричали, что не позволятъ коммонерамъ произносить рѣчь въ Верхней палатѣ. Лордъ Лондондери размахивалъ собачьимъ арапникомъ и пришелъ въ такую ярость, что его пришлось держать за руки. Между тѣмъ, король былъ уже въ сосѣдней залѣ. До него донесся шумъ. «Въ чемъ дѣло»?—спросилъ Вильгельмъ IV. «Ваше величество,—отвѣчалъ лордъ-канцлеръ,—лорды ведутъ дебаты». Когда король появился, шумъ стихъ. Коммонеры сравнительно спокойно выслушали о роспускѣ палаты. Но немедленно въ странѣ началось такое сильное броженіе, что билль о реформахъ не только былъ внесенъ опять черезъ годъ, но и принятъ подавляющимъ большинствомъ. Опять возникло опасеніе, что лорды отвергнутъ законопроектъ, противъ котораго былъ король. Шли слухи, что герцогъ Веллингтонъ убѣждаетъ Вильгельма IV дѣйствовать рѣшительно. И вотъ тогда, по совѣту извѣстнаго радикала того времени Фрэнсиса Плэса, на стѣнахъ въ Лондонѣ было расклеено слѣдующее воззваніе: «Если хотите, чтобы герцогъ не вмѣшивался, требуйте въ банкѣ золото». Прокламація появилась въ воскресенье; въ понедѣльникъ и во вторникъ вкладчики толпились у кассы англійскаго банка, а въ среду король послалъ за вождемъ оппозиціи, лордомъ Греемъ. Въ пятницу законопроектъ прошелъ въ Верхней палатѣ, потому что лордъ Грей, прежде чѣмъ стать у власти, взялъ у короля письменное обѣщаніе создать еще сто пятьдесятъ новыхъ пэровъ. Вильгельмъ IV сперва было отказался, но лордъ Грей, указавъ на настроеніе страны, объяснилъ, что отказъ въ реформѣ вызоветъ шквалъ, который смететъ тронъ.

Мы видимъ изъ этого краткаго обзора, что роспускъ парла-

мента уже давно фактически зависитъ только отъ воли Нижней палаты. Единичныя попытки короны воспользоваться по своему усмотрѣнію прерогативой, теоретически признаваемой за нею,— кончались неудачей. Послѣдняя попытка была сдѣлана въ дореформенное время, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И вотъ теперь Верхняя палата отклоненіемъ бюджета предъявила требованіе на то, въ чемъ Нижняя палата упорно отказывала коронѣ. Обладаніе властью ведетъ къ употребленію ея и къ злоупотребленію. Лорды, получивъ право фактически распустить парламентъ (отклоненіе бюджета ведетъ къ отставкѣ министерства и къ новымъ выборамъ), конечно, поспѣшатъ воспользоваться этимъ каждый разъ, когда страна подастъ голосъ за партію, не нравящуюся наслѣдственнымъ избирателямъ.

IV.

Либералы, рабочая партія и трэдъ-юніоны поспѣшили отвѣтить рѣзкими «манифестами» на выступленіе лордовъ.

Въ воззваніи, выпущенномъ Національной либеральной федераціей, указывается, что вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ, какъ Англія не переживала подобнаго кризиса. «Слова слишкомъ слабы, чтобы выразить негодованіе, вызванное вѣроломной поправкой, которой бюджетъ былъ убитъ,—читаемъ мы дальше въ манифестѣ.—Увѣренія лордовъ, что они не могутъ пропустить билль, покуда избиратели не выскажутся,—никого не могутъ обмануть. Верхняя палата отклоняетъ законопроекты только либеральнаго министерства. Всѣмъ извѣстно, что лорды предприняли свое рѣшеніе только потому, что они, какъ помѣщики, не хотятъ платить земельныхъ налоговъ и, какъ владѣльцы «закрѣпленныхъ кабаковъ»,—они не хотятъ налоговъ на патенты. Лорды, кромѣ того, послушное орудіе въ рукахъ протекціонистовъ, сознающихъ, что бюджетъ наноситъ смертельный ударъ тарифнымъ реформамъ. Только вслѣдствіе этихъ причинъ палата лордовъ, руководимая Лэнсдауномъ и управляемая Бальфуромъ, разорвала конституцію, создала финансовую анархію и требуетъ себѣ права распускать парламентъ по своему усмотрѣнію. По конституціи, неписанной, но совершенно ясной, согласіе Палаты лордовъ хотя необходимо, чтобы придать финансовому биллю законный видъ,—но представляетъ только одну формальность, точно такъ же, какъ и утвержденіе короны. И хотя король, конечно, согласился бы утвердить бюджетъ, лордъ Лэнсдаунъ наложилъ свое veto и помѣшалъ финансовому биллю стать закономъ. И если избиратели утвердятъ на предстоящихъ выборахъ выступленіе Верхней палаты,—они установятъ этимъ прецедентъ, который перевернетъ всю нашу конституцію.

«Выборы будутъ имѣть гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ рѣшеніе судьбы бюджета, хотя онъ самъ по себѣ въ высшей

степени важенъ. Если народъ не отмѣнитъ въ январѣ 1910 года рѣшенія лордовъ, то онъ отречется этимъ отъ правъ и привилегій, добытыхъ предками съ такимъ трудомъ послѣ упорной борьбы за свободу. Тогда пэры окончательно добьются права опредѣлять, какіе налоги слѣдуетъ вводить. Нижняя палата, потерявъ абсолютный контроль надъ денежнымъ сундукомъ, перестанетъ быть институтомъ, ставящимъ министровъ у власти и заставляющимъ ихъ выходить въ отставку. До сихъ поръ правительству необходимо было только довѣріе Палаты общинъ, избранной населеніемъ и отвѣтственной передъ нимъ. Теперь судьба министерствъ ежегодно будетъ зависѣть отъ воли наслѣдственной палаты, не отвѣтственной передъ страной и открыто дѣйствующей въ интересахъ только одного класса. Сами пэры рѣшили, чтобы преобладающее значеніе на предстоящихъ выборахъ имѣлъ вопросъ объ ихъ политическихъ правахъ. Вотъ почему предстоящая борьба не можетъ ограничиться только сферой финансовъ. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ Верхняя палата не отвергла ни одного законопроекта, внесеннаго консерваторами. Но вотъ у власти стали либералы. Не проходитъ сессіи безъ того, чтобы наслѣдственные избиратели не отвергали или не калѣчили биллей, принятыхъ Нижней палатой *). Положеніе дѣлъ обстоитъ такъ. Страна можетъ выбрать либеральное министерство, опирающееся на значительное большинство въ Нижней палатѣ.

«Но хотя бы министерство имѣло за собою большинство, единственное въ англійской парламентской исторіи **), оно не имѣетъ возможности законодательствовать, какъ торійское министерство, опирающееся на гораздо меньшую партію... Время подоспѣло измѣнить отношенія обѣихъ палатъ такъ, чтобы либеральная партія, когда она станетъ у власти, не встрѣчала помѣхъ въ своей законодательной работѣ. Это можетъ быть достигнуто только тогда, когда сокращено будетъ право veto, которымъ располагаютъ теперь пэры. Лорды не должны касаться совершенно финансовыхъ биллей, что же касается остальныхъ законопроектовъ, то рѣшаю-

---

*) Съ 1906 г. лорды отвергли законопроекты: школьный, питейный, земельный шотландскій, избирательный (для Лондона) и, наконецъ, бюджетъ. Всѣ перечисленные билли имѣютъ громадное значеніе и долго разрабатывались коммонерами.

**) На выборахъ 1880 года либералы получили 414 мѣстъ, а консерваторы—238 г. Выборы 1895 года дали консерваторамъ 314 мѣстъ, либераламъ націоналистамъ 70, гладстоніанцамъ—177 и ирландцамъ—82. Такимъ образомъ, союзная консервативная партія имѣла въ парламентѣ большинство надъ союзными радикальными партіями въ 143 голоса. Послѣ «солдатскихъ» выборовъ 1900 года консерваторы располагали большинствомъ въ 134 гол. Выборы 1906 г. кончились полнымъ пораженіемъ консерваторовъ. Они получили только 134 мѣста, а ихъ союзники юніонисты—только 23 мѣста. Радикалы получили 376 мѣстъ, рабочіе—54 мѣста, ирландцы—83. Абсолютное большинство—въ 356 гол.

щій голосъ въ случаѣ столкновенія палатъ долженъ принадлежать коммонерамъ. Безъ гарантіи, что права пэровъ будутъ сокращены, ни одно либеральное министерство не можетъ отнынѣ стать у власти. Вопросъ, предстоящій разрѣшенію на выборахъ, въ высшей степени серьезенъ. Побѣда торійской партіи будетъ означать уменьшеніе правъ Нижней палаты, увеличеніе значенія Верхней палаты и возвращеніе къ протекціонизму съ неизбѣжными налогами на предметы первой необходимости... Въ предстоящей борьбѣ милліонамъ избирателей надлежитъ рѣшить, хотятъ ли они сами быть вершителями своей собственной судьбы или намѣрены отдать это право наслѣдственнымъ законодателямъ, которые теперь бросили британскую конституцію въ плавильный тигль, чтобы взвалить всю тягость налоговъ на массы... Когда каждый избиратель пойметъ значеніе предстоящей борьбы; когда ему станетъ ясно, что отъ него требуютъ отреченія отъ своихъ правъ,—вердиктъ можетъ быть только одинъ... На предстоящихъ выборахъ сознательный англичанинъ будетъ голосовать за самоуправленіе, за господство Нижней палаты и за свободную отъ пошлинъ пищу. Онъ будетъ голосовать противъ привилегій, противъ пэровъ и противъ протекціонизма».

Рабочая партія тоже поспѣшила выпустить свой манифестъ.

«Палата лордовъ,— читаемъ мы,—отклонивъ бюджетъ, добилась назначенія общихъ выборовъ. Вамъ предстоитъ рѣшить важный вопросъ, кому править Англіей: народу ли или пэрамъ. Со времени послѣднихъ выборовъ, каждую сессію Палата общинъ обсуждала въ высшей степени серьезные законопроекты, которые въ концѣ концовъ или отвергались, или калѣчились Верхней палатой, состоящей изъ наслѣдственныхъ законодателей, представляющихъ только свои собственные интересы. Не довольствуясь этимъ, пэры требуютъ теперь себѣ права рѣшать, какіе налоги мы должны платить, на кого налоги должны падать и какъ надо расходовать собранныя деньги. Наслѣдственные законодатели желаютъ также указывать намъ время, когда парламентъ долженъ быть распущенъ. Наступило время положить конецъ власти пэровъ отмѣнять волю коммонеровъ. Страна дозволила помѣщикамъ класть ежегодно себѣ въ карманы милліоны ф. стерл., собранные въ видѣ незаработаннаго приращенія. И, не смотря на это, лэндлорды отказываются давать въ видѣ налоговъ часть того, что, по справедливости, все принадлежитъ государству. Помѣщики во чтобы то ни стало желаютъ сохранить за собою право грабить народъ.

«Рабочая партія привѣтствуетъ борьбу съ лордами. Пора доказать, что вѣкъ феодализма кончился, и что народъ больше не желаетъ зависѣть отъ произвола наслѣдственныхъ законодателей.

«Вопросъ, который вамъ предстоитъ разрѣшить на выборахъ, очень простъ. Существующая теперь система владѣнія землей

опустошила деревни, взвалила тяжкое бремя на промышленность, мѣшаетъ развитію городовъ и рабочихъ.

Лорды должны исчезнуть»!

Дальше въ своемъ манифестѣ рабочая партія говоритъ, почему она вправѣ разсчитывать на поддержку трудящихся массъ во время предстоящей борьбы. «На выборахъ 1906 года рабочая партія обѣщала дать трэдъ-юніонистамъ тѣ же права во время стачекъ, какими пользуется капиталъ. Это обѣщаніе было исполнено. Партія обѣщала настаивать на осуществленіи государственной пенсіи для стариковъ. И это обѣщаніе было исполнено. Партія обѣщала стоять за рѣшительный законъ, который доставилъ бы населенію дешевыя и удобныя жилища. И это обѣщаніе исполнено. Въ программѣ партіи говорилось также, что бремя налоговъ для людей съ небольшими доходами должно быть облегчено путемъ обложенія незаработаннаго приращенія. Рабочая партія усиленно поддерживала въ парламентѣ бюджетъ и, такимъ образомъ, сдержала обѣщаніе, данное на выборахъ. Въ своей избирательной программѣ партія удѣляетъ особенное вниманіе вопросу о безработныхъ и обѣщаетъ оказать давленіе на правительство съ цѣлью содѣйствовать разрѣшенію вопроса. И это обѣщаніе было также выполнено». Заканчивается манифестъ къ избирателямъ такъ. «Голосуйте за рабочихъ кандидатовъ. Земля должна принадлежать народу! Цѣнности принадлежатъ тѣмъ, кто ихъ производитъ. Долой привилегіи! Да здравствуетъ народъ!» Въ предстоящей избирательной борьбѣ рабочая парламентская партія собирается выставить еще больше своихъ кандидатовъ, чѣмъ въ 1906 году. Нѣкоторые изъ этихъ кандидатовъ выступятъ въ округахъ, представленныхъ либералами. На борьбу «на три угла», какъ говорятъ англичане, ведущую за собою дробленіе голосовъ, сильно разсчитываютъ протекціонисты, такъ какъ перебаллотировки въ Англіи нѣтъ.

«Манифестъ» выпущенъ также парламентскимъ комитетомъ представителей отъ трэдъ-юніоновъ. Воззваніе озаглавлено: «Коммонеры противъ лордовъ; кто долженъ имѣть верхъ?» Обращено оно къ 1.700,000 организованнымъ работникамъ.

«Палата лордовъ въ томъ видѣ, какъ мы ее видимъ теперь, является угрозой политической свободѣ, — читаемъ мы въ манифестѣ.—Отклоненіе бюджета является обдуманнымъ и непростительнымъ оскорбленіемъ законныхъ народныхъ представителей. Наслѣдственные законодатели вызвали насъ на бой. Примемъ же этотъ вызовъ. Во время послѣднихъ четырехъ лѣтъ рабочая партія сдѣлала очень много. Она подготовила тотъ билль о трэдъ-юніонахъ, который сталъ впослѣдствіи закономъ *). Она внесла также

*) Либеральное правительство, ставъ у власти, въ первый же годъ внесло законопроектъ, который долженъ былъ отмѣнить крайне невыгодный

поправку въ законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье работниковъ, въ силу которой законъ распространился на всѣхъ служащихъ вообще. Представители отъ трэдъ-юніоновъ принимали также дѣятельное участіе въ выработкѣ закона о государственной пенсіи для стариковъ. Многое, однако, приходится еще сдѣлать. Покуда бѣдность и безработица существуютъ, до тѣхъ поръ соціальная проблема не можетъ считаться разрѣшенной. Работники являются созидателями богатствъ Англіи. Обладая правомъ голоса, работники обязаны выступить въ защиту конституціонныхъ правъ народа и выбрать своихъ представителей, которые будутъ контролировать финансы страны».

«Изъ года въ годъ,—читаемъ мы дальше въ манифестѣ,—конгрессы трэдъ-юніоновъ постановляли резолюціи въ пользу соціальныхъ реформъ, которыя осуществятся только тогда, когда рабочая партія будетъ имѣть многихъ представителей въ Нижней палатѣ. Резолюціи намѣчаютъ, между прочимъ, слѣдующія реформы: Билль о безработныхъ *).

«Распространеніе закона о государственной пенсіи для стариковъ, на шестидесятипятилѣтнихъ и на прибѣгавшихъ къ общественной помощи **).

«Безплатное обученіе, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ школахъ, до университета включительно.

«Избирательная реформа, включающая допущеніе къ урнамъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ, жалованіе коммонерамъ, принятіе избирательныхъ расходовъ на счетъ казны и болѣе справедливое распредѣленіе мѣстъ.

«Восьмичасовой рабочій день.

«Голосуйте противъ кандидатовъ, желающихъ обложить налогами предметы первой необходимости и привозные фабрикаты. Поддерживайте только тѣхъ, которые стоятъ за абсолютный контроль Нижней палаты надъ финансами».

для трэдъ-юніоновъ законъ о стачкахъ, явившійся результатомъ судебныхъ рѣшеній. На основаніи прецедента, установленнаго рѣшеніемъ по поводу стачки на желѣзной дорогѣ въ долинѣ Тафъ «пикетированіе» (сниманіе) признавалось не законнымъ, а трэдъ-юніоны являлись имущественно отвѣтственными за поступки отдѣльныхъ членовъ. Министерскій законопроектъ не удовлетворилъ рабочую партію, такъ какъ въ немъ не было пункта о неприкосновенности фондовъ трэдъ-юніоновъ. Тогда рабочая парламентская партія выработала свой собственный законопроектъ. Покойный сэръ Генри Кэмпбель-Баннермэнъ имѣлъ мужество замѣнить министерскій билль законопроектомъ, предложеннымъ трэдъ-юніонистами.

*) Законопроектъ о государственномъ страхованіи отъ безработицы долженъ былъ явиться послѣдствіемъ бюджета.

**) Билль о распространеніи закона о пенсіяхъ и на получавшихъ общественную помощь долженъ былъ обсуждаться въ 1910 году.

V.

Анализъ манифестовъ различныхъ партій и тщательное изслѣдованіе агитаціонной литературы, выпущенной теперь въ такомъ изобиліи, приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію. Передъ нами не столько рѣшительное столкновеніе коммонеровъ съ лордами, сколько генеральный бой фритрэдеровъ съ протекціонистами. Безъ поддержки протекціонистовъ лорды не рѣшились бы на революціонное выступленіе. Отклоненіе бюджета рѣшено было не въ Верхней палатѣ. При обсужденіи билля въ Нижней палатѣ въ третьемъ чтеніи вожди протекціонистовъ выступили своего рода махальщиками, подавая сигналъ лордамъ, какъ поступать. Термины «консерваторъ» и «либералъ» употребляются еще въ Англіи, равно какъ и совсѣмъ архаическія опредѣленія «тори» и «виги». Но «тори» или «консерваторъ» стараго типа теперь въ Англіи исчезли, какъ Hyaena spelaea или какъ пещерный медвѣдь. Либералы стараго типа, т. е. юніонисты, получили на выборахъ только 23 мѣста. Даже наиболѣе непримиримые лорды выступаютъ теперь демократами и защитниками главенства народа. Герцоги и маркизы, отклоняя бюджетъ, отстаивали референдумъ! Въ Англіи теперь политическая борьба сводится къ борьбѣ двухъ промышленныхъ міровъ. Одинъ изъ этихъ міровъ обрабатываетъ волокнистыя вещества и ему абсолютно необходима свободная торговля. Центромъ этого міра является Манчестръ. Другой міръ обрабатываетъ не волокнистыя вещества. Свое спасеніе онъ усматриваетъ въ возвращеніи къ протекціонизму. Центромъ этого міра является Бирмингэмъ. Консервативная партія превращается теперь по преимуществу въ партію тарифныхъ реформъ. Что касается ея политической программы, то она отличается отъ программы либеральной партіи только отсутствіемъ гомруля. Но и то не непреодолимое препятствіе. Побѣда протекціонистовъ на предстоящихъ выборахъ находится въ предѣлахъ возможности. Если партія эта станетъ у власти, то, повсей вѣроятности, будетъ располагать только незначительнымъ большинствомъ. Въ такомъ случаѣ балансъ будетъ находиться въ рукахъ ирландской партіи. Никого, знакомаго съ переговорами, которые велъ съ Парнеллемъ Солсбери, не удивитъ, если поддержка ирландцевъ будетъ куплена протекціонистами при помощи областного сейма. Реформа эта, вѣроятно, будетъ называться не «гомрулемъ», а какимъ-нибудь псевдонимомъ, пріемлемымъ для консерваторовъ. Когда у власти былъ Бальфуръ, тоже шла рѣчь о «псевдонимѣ». Вмѣсто «гомруля», говорили о «деволюціи». Сдѣлка съ ирландцами тѣмъ болѣе находится въ предѣлахъ возможности, что націоналисты симпатизируютъ протекціонизму. Ирландія теперь страна мелкихъ фермеровъ, которымъ было бы вы-

годно, если бы высокіе тарифы удалили съ англійскаго рынка датскихъ или голландскихъ конкурентовъ. Что касается «соціальныхъ реформъ», то протекціонисты обѣщаютъ массамъ и государственную страховку отъ безработицы, и дешевыя школы, и распространеніе закона о пенсіи на получавшихъ общественную помощь. Однимъ словомъ, партія тарифныхъ реформъ, т. е. протекціонисты или консерваторы, обѣщаетъ тѣ же реформы, что и либералы.

Въ статьѣ «Разгаръ борьбы» я старался уже доказать, что предстоящіе выборы являются послѣднимъ шансомъ протекціонистовъ. Бюджетъ снялъ бы надолго съ очереди вопросъ о тарифныхъ реформахъ. И протекціонисты толкнули впередъ лордовъ, воспользовавшись ихъ яростью по поводу обложенія незаработаннаго приращенія и большихъ наслѣдствъ. Если избиратели выскажутся противъ бюджета, вся ставка будетъ взята протекціонистами. Они немедленно внесутъ законъ объ обложеніи хлѣба, мяса и привозныхъ иностранныхъ фабрикатовъ. Лордамъ протекціонисты прикажутъ закоченѣть, и тѣ послушно исполнятъ это. Если страна выскажется за бюджетъ, то положеніе протекціонистовъ не будетъ хуже, чѣмъ теперь. Вся отвѣтственность за отклоненіе бюджета падетъ тогда на наслѣдственныхъ законодателей. Они заплатятъ за разбитые горшки.

Партія тарифныхъ реформъ напрягаетъ теперь всѣ усилія, чтобы добиться побѣды на предстоящихъ выборахъ. Побѣда можетъ быть достигнута только при помощи массъ. И вотъ мы видимъ стемленіе убѣдить ихъ, что протекціонизмъ для нихъ выгоденъ. Доказывается это въ безчисленныхъ памфлетахъ, листкахъ, газетахъ. Протекціонизмъ пропагандируется со сцены мюзикъ-холловъ въ куплетахъ, затѣмъ карикатурами, картинами. На службѣ у протекціонистовъ цѣлая армія странствующихъ штатныхъ пропагандистовъ. Съ дѣйствительностью пропагандисты и выпущенная протекціонистами литература мало считаются. Надо всѣми силами доказать тезисы въ родѣ слѣдующихъ: «Протекціонизмъ означаетъ работу для всѣхъ. Фритрэдерство означаетъ захватъ рынка иностранцами, а потому безработицу. Чѣмъ въ странѣ товары и предметы первой необходимости стоятъ дешевле, тѣмъ хуже жить работникамъ и наоборотъ. Дорогіе товары означаютъ дорогое производство, а дорогое производство—выгодную заработную плату». Знакомство съ фактами говоритъ намъ совершенно другое. Возьмемъ, напримѣръ, Германію, на которую безпрерывно ссылаются протекціонисты, какъ на страну, гдѣ массамъ живется, будто бы, неизмѣримо лучше, чѣмъ въ Англіи. Мы видимъ, прежде всего, гидру, выростающую только въ странахъ, защищенныхъ таможенными тарифами—картели. Въ протекціонныхъ Соединенныхъ Штатахъ тресты достигли еще большаго развитія.

Цѣны на продукты первой необходимости въ Германіи быстро

возрастаютъ. Въ 1908 году цѣны на мясо повысились въ общемъ на 300 милліоновъ марокъ. Цѣны на германскую рожь повысились на 463 мил. марокъ, а на привезенную—на 212 мил. марокъ. Въ 1900 году 1000 килогр. пшеницы стоили въ Берлинѣ 153,30 мар., а въ Лондонѣ $126^1/_2$ шиллинговъ (марка равна шиллингу). Въ 1908 году цѣны были 211,20 марокъ въ Берлинѣ и $150^1/_2$ шил. въ Лондонѣ. Вслѣдствіе пошлины на масло, сыръ, яйца, фрукты, медъ и пр.,—цѣны на эти продукты въ Берлинѣ сильно поднялись въ послѣднее время. Въ 1891 году килограммъ масла стоилъ въ Берлинѣ 2,34 мар., а въ 1908 году—2,64 м. Въ Мангеймѣ цѣны стояли 2,13 марокъ въ 1891 году и 2,59 мар. въ 1908 году. На долю нѣмца падаетъ больше прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, чѣмъ на долю англичанина. Въ Германіи, напр., есть еще налогъ на соль, который взялъ въ 1907 году 59 мил. марокъ. На семью въ пять человѣкъ приходится въ годъ соляного налога пять марокъ. Соляной налогъ всею тяжестью падаетъ на самые бѣдные классы, потому что при питаніи мясомъ употребленіе соли меньше, чѣмъ при питаніи растительной пищей. Вслѣдствіе вздорожанія мяса, рабочіе классы въ Германіи все больше переходятъ на растительную пищу, тогда какъ въ Англіи массы ѣдятъ мясо трижды въ день. Въ Германіи пошлины на сахаръ приносятъ 150 мил. марокъ въ годъ. Въ результатѣ вотъ что. Въ Соединенномъ королевствѣ потребленіе сахара составляетъ 88,5 англ. ф. на человѣка (на русскія мѣры — 2 пуда 17 ф.), а въ Германіи — только 27 англійскихъ ф. (29,7 русскихъ ф.)*). Акцизъ на спиртъ приноситъ 150 милліоновъ марокъ въ годъ. Въ Германіи мы имѣемъ пошлины на керосинъ, не существующія въ Англіи. Рабочая семья отдаетъ въ годъ въ видѣ пошлины на керосинъ шесть марокъ. Вычислено, что германскій рабочій, получающій въ годъ отъ 800 до 1200 марокъ, отдаетъ государству въ видѣ косвенныхъ налоговъ на соль, сахаръ, кофе, керосинъ, сало, мясо, хлѣбъ, табакъ, пиво и водку отъ 37 до 52 марокъ. Въ этомъ году рейхстагъ, послѣ упорной борьбы, принялъ законъ о реформѣ имперскихъ налоговъ, который еще болѣе отягчилъ положеніе рабочаго класса. Налогъ на табакъ повышенъ теперь такъ, что приноситъ теперь на 43 мил. марокъ больше, чѣмъ раньше. На табачныхъ фабрикахъ работаетъ до 200 тысячъ женщинъ. Заработная плата, получаемая ими, ничтожна съ англійской точки зрѣнія. Въ среднемъ она составляетъ шестьсотъ марокъ. Только небольшая часть этихъ работницъ работаетъ на самыхъ фабрикахъ, остальныя—на дому. Жилища такихъ работницъ въ деревняхъ—очаги чахотки. Семьдесятъ пять процентовъ работницъ страдаетъ этой болѣзнью. Тяжесть новыхъ налоговъ на табакъ падетъ, главнымъ образомъ, на этихъ работницъ. Послѣдствіемъ обложенія было немедленное уменьшеніе

---

*) „Atlas of the World's Commerce“, by J. G. Bartholomew. Таблица 80

потребленія дешеваго сорта сигаръ. Такимъ образомъ, десять тысячъ работницъ получили разсчетъ. Налоги на спиртъ были увеличены на 80 мил. марокъ. Соціалъ-демократы и либералы предлагали употребить часть этихъ денегъ на борьбу съ пьянствомъ, но консерваторы и клерикалы отклонили предложеніе. Налогъ на пиво повышенъ на сто милліоновъ марокъ. Вслѣдствіе наложенныхъ пошлинъ, поднялись также чрезвычайно цѣны на хлѣбъ и на мясо. Цѣны на кофе увеличились въ $1^1/_2$ раза, а на чай—въ четыре раза. Германскіе рабочіе знаютъ косвенные налоги, хорошо извѣстные на континентѣ, но приводящіе въ изумленіе англійскихъ рабочихъ, напр., налогъ на спички. Съ октября 1909 г. введены налоги въ размѣрѣ 15 пфен. на пачку спичекъ, что подняло стоимость ихъ на 50%. Германскій рабочій мечтаетъ о свободной торговлѣ. Въ статьѣ «Разгаръ борьбы» я приводилъ уже цифры, доказывающія, что не только предметы первой необходимости дороже въ Германіи, чѣмъ въ Англіи, но и заработная плата въ первой странѣ ниже. Избавляетъ ли протекціонизмъ отъ безработицы, какъ увѣряютъ тарифные реформаторы? Классическимъ примѣромъ могла бы служить Россія. Но протекціонисты предпочитаютъ указывать на Германію и на Соединенные Штаты. Ссылки, однако, не подтверждаются. Въ самомъ дѣлѣ, семнадцатаго ноября 1908 года статистическій департаментъ Берлина, при содѣйствіи профессіональныхъ союзовъ произвелъ перепись съ цѣлью опредѣленія числа безработныхъ въ столицѣ и въ предмѣстьяхъ. Результатъ переписи показалъ, что въ Берлинѣ при населеніи въ 2 мил. безработныхъ—29124. Если считать и предмѣстья, то всѣхъ безработныхъ нѣсколько больше сорока тысячъ (40124). Цифры эти ниже дѣйствительности, потому что многіе безработные въ силу разныхъ соображеній отказались дать свои имена. Въ среднемъ безработныхъ въ Берлинѣ около $5^1/_2$% *). По даннымъ, сообщаемымъ оффиціальной газетой министерства торговли, въ декабрѣ 1908 года было въ Германіи безработныхъ среди членовъ профессіональныхъ союзовъ:

Среди рабочихъ по металлу	4,2%
» машинистовъ	2,6%
» рабочихъ по дереву	9%
» красильщиковъ	4,9% **)

По оффиціальнымъ даннымъ въ апрѣлѣ 1908 года въ Соединенныхъ Штатахъ было 4,75 мил. безработныхъ. Въ счетъ не вошли сельскіе рабочіе ***). На основаніи оффиціальнаго отчета, мы можемъ видѣть движеніе безработныхъ въ штатѣ Нью-Іоркъ за послѣднія десять лѣтъ:

*) Monthly Notes on Tariff Reform. December, 1908, p. 414.
**) Board of Trade Labour Gazette, February, 1909.
***) Monthly Notes on Tariff Reform. December, 1908, p. 451.

Въ 1899 г.	18,3%
» 1900 »	20 »
» 1901 »	18,5 »
» 1902 »	13,6 »
» 1903 »	12,1 »
» 1904 »	27,2 »
» 1905 »	15,1 »
» 1906 »	9,9 »
» 1907 »	19,1 »
» 1908 »	35,7 »
» 1909 г. (въ мартѣ)	21,1 »

Обратимся теперь къ цифрамъ, показывающимъ число безработныхъ въ Англіи. Мнѣ приходилось уже писать о двухъ отчетахъ, представленныхъ коммиссіей для изслѣдованія дѣйствія законовъ о бѣдныхъ. Обращусь снова къ отчету большинства *). Здѣсь констатируется, что въ Англіи можно наблюдать правильвильные «циклы» подъема и упадка промышленности. Продолжительность каждаго цикла—около 10—11 лѣтъ. Циклы эти прослѣжены, начиная отъ великаго бѣдствія, слѣдовавшаго непосредственно послѣ наполеоновскихъ войнъ. Въ зависимости отъ этихъ цикловъ находится коэфиціентъ безработныхъ. По оффиціальнымъ даннымъ безработныхъ было во всѣхъ англійскихъ трэдъ-юніонахъ:

1898 г.	3,15%
1899 »	2,4 »
1900 »	2,85 »
1901 »	3,80 »
1902 »	4,60 »
1903 »	5,30 »
1904 »	6,8 »
1905 »	5,6 »
1906 »	4,1 »
1907 »	4,3 »
1908 »	8,9 » **)

VI.

Познакомлю теперь читателей съ образцами агитаціонпой литературы. Вотъ «картонъ» (рисунокъ), смыслъ котораго тотъ, что при системѣ свободной торговли массамъ придется довольствоваться привозной тощей китайской свининой; при протекціонизмѣ же рабочіе станутъ ѣсть такую жирную говядину, что на нее, по выраженію

*) The Majority Report of the Poor Law Commission.
**) Majority Report of tte Poor Law Commission, p. 326.

гоголевскаго Ивана Ивановича (не Перерепенка, а того, съ которымъ Шпонька встрѣчается у Сторченка),—«противно будетъ глядѣть». Еще картонъ. Джонъ Буль въ ужасѣ. Онъ только что разсмотрѣлъ въ микроскопъ «каплю бюджета». Вмѣсто инфузорій, въ ней кишатъ уродливыя чудища: «красный флагъ», «демагогія», «соціализмъ», «анархія» и пр. На другомъ рисункѣ смерть, на косѣ которой надпись «свободная торговля», мчится надъ промышленными городами, сокрушая всюду рабочихъ. Либеральное министерство, конечно, можетъ похвалиться одною грандіозною реформою,—пенсіею для стариковъ. Консерваторы когда-то обѣщали эту реформу на выборахъ 1895 года, но потомъ сказали, что для осуществленія законопроекта нѣтъ денегъ. И вотъ теперь въ своихъ «картонахъ» протекціонисты пытаются разрушить то хорошее впечатлѣніе, которое должна произвести на массы реформа. Запертая вслѣдствіе ликвидаціи дѣла фабрика. Рабочій съ семьей стоятъ на улицѣ. Ллойдъ-Джорджъ, одѣтый уличнымъ проповѣдникомъ, предлагаетъ рабочему душеспасительную брошюру—бюджетъ. «Это гарантируетъ вамъ полученіе пяти шиллинговъ въ недѣлю, когда вамъ исполнится семьдесятъ лѣтъ»,—говоритъ Ллойдъ-Джорджъ. «Но мнѣ теперь только тридцать лѣтъ,—отвѣчаетъ безработный. Кто же будетъ кормить мою жену и дѣтей?.—«Почему бюджетъ не хорошъ?»—читаемъ мы подъ другими картонами. И мы узнаемъ, что составители бюджета «нападаютъ на свободу», такъ какъ «покушаются на даръ, оставляемый умирающими своимъ дѣтямъ и роднымъ». Бюджетъ, кромѣ того «не демократиченъ», потому что «создаетъ лѣнтяевъ», внушая имъ «надежду на полученіе поддержки отъ государства». Лига протекціонистовъ не скупится на обѣщанія. Вотъ, напр., листки за №№ 116, 117 и 122. Изъ перваго листка мы узнаемъ, что налогъ на хлѣбъ будетъ, но жизнь станетъ дешевле, такъ какъ протекціонисты снимутъ существующіе налоги на чай, какао и кофе. Листокъ № 117 обѣщаетъ уменьшить налоги на табакъ. «Система тарифныхъ реформъ лучшая политика для работника,—читаемъ мы,—такъ какъ она увеличитъ заработную плату, получаемую имъ, и повыситъ спросъ на трудъ». «Бѣдная женщина платитъ за фунтъ чая 1 ш. 2 пенса (52 коп. за 1,1 русскаго ф.),—скорбитъ составитель листка № 122. Чай самъ по себѣ стоитъ 9 пенсовъ, а 5 пенсовъ это—пошлина. Тарифные реформаторы отмѣнятъ пошлину на чай. Голосуйте на выборахъ за тарифные реформы». Надо прибавить, что, когда вопросъ о бюджетѣ обсуждался въ Нижней палатѣ и оппозицію спрашивали, какъ она думаетъ пополнить дефицитъ въ шестнадцать мил. ф. ст., никто изъ протекціонистовъ не говорилъ о возможности снять пошлины на чай и кофе, а тѣмъ болѣе—на табакъ. Мы имѣемъ примѣры безчисленныхъ обѣщаній, которыя протекціонисты ни въ коемъ случаѣ не могутъ исполнить. Протекціонисты пытаются использовать рѣшительно все. Вотъ одинъ примѣръ. На-дняхъ получена была те-

леграмма, что въ Берлинѣ выпалъ глубокій снѣгъ, для очистки котораго потребовалось 3000 работниковъ, но явилась только тысяча. Сейчасъ же протекціонисты выпустили листокъ подъ названіемъ: «Наглядный урокъ изъ Берлина. Снѣжная буря доказала, что въ протекціонной Германіи нѣтъ свободныхъ рабочихъ рукъ». Впослѣдствіи газета «Daily News» навела справки, почему въ Берлинѣ вмѣсто 3000 чистильщиковъ явилась тысяча. Главный комитетъ германскихъ трэдъ-юніоновъ отвѣтилъ, что причиной является чрезмѣрно низкая заработная плата. Что касается безработныхъ, то въ Берлинѣ ихъ 40 тысячъ. «Вы стояли за свободную торговлю и теперь не имѣете работы,—читаемъ мы въ листкѣ, выпущенномъ протекціонистами.—Вы поддерживали радикаловъ и получаете нищенскую заработную плату. Голосуйте за тарифныя реформы, и у каждаго желающаго будетъ работа. Голосуйте противъ радикаловъ, и у васъ будетъ заработная плата, которая дастъ вамъ и вашимъ семьямъ возможность жить порядочно».

«Въ то время, какъ наши безработные печально бродятъ по улицамъ самыхъ богатыхъ въ мірѣ городовъ, иностранцы ежегодно привозятъ въ Англію товары на 150 мил. ф. ст.,—читаемъ мы въ листкѣ № 852,—выпущенномъ Національнымъ союзомъ консерваторовъ.—Что это означаетъ? Это означаетъ, что мы еженедѣльно получаемъ иностранныхъ товаровъ на три милліона ф. ст., то есть даемъ занятіе иностраннымъ работникамъ, когда наши собственные умираютъ съ голода». Къ слову сказать, оффиціальные отчеты показываютъ, что въ 1908 году ввезено въ Англію товаровъ на 143 мил. ф. ст., а вывезено—на 297 мил. ф. ст. Такимъ образомъ, перевѣсъ вывоза надъ ввозомъ будетъ 153,9 мил. ф. ст.

Развивая свои основные взгляды, протекціонисты дошли до единственнаго въ своемъ родѣ тезиса, на который они постоянно указываютъ работникамъ. Тезисъ этотъ—«обложеніе иностранца». Выходитъ такъ. Въ странѣ съ свободной торговлей будетъ всѣ налоги платятъ граждане. При протекціонной системѣ платитъ «иностранецъ», т. е. тотъ коварный конкурентъ, который привозитъ въ Англію свои товары спеціально съ цѣлью убить мѣстную промышленность. Въ прошлыхъ статьяхъ о бюджетѣ я анализировалъ уже этотъ удивительный тезисъ, который протекціонисты не рѣшаются высказать въ парламентѣ, но повторяютъ на тысячу ладовъ въ своихъ газетахъ и памфлетахъ. Среди чернорабочихъ и сельскихъ работниковъ предложеніе «обложить иностранца» имѣетъ большой успѣхъ.

Вы видите изъ упомянутой литературы, что протекціонисты въ своихъ народныхъ листкахъ нигдѣ не рѣшаются открыто выступать въ защиту наслѣдственныхъ законодателей, которые теперь, рискуя всѣмъ, добились назначенія общихъ выборовъ. Чтобы заставить населеніе помириться съ налогами на хлѣбъ, — протекціоналисты обѣщаютъ массамъ реформу, которая ни въ коемъ

случаѣ не можетъ понравиться лордамъ. Дѣло идетъ не болѣе не менѣе, какъ объ обѣщаніи отдать землю народу. Этотъ пунктъ, фигурировавшій до сихъ поръ только въ программахъ крайнихъ радикаловъ и соціалистовъ, — приводилъ всегда консерваторовъ въ страшное негодованіе. Площадь всего Соединеннаго королевства исчисляется въ 77 мил. акровъ, изъ которыхъ 16,4 мил. акровъ принадлежатъ лордамъ. Любопытно, какъ отнесутся къ обѣщанію «отдать землю народу» лордъ Коодоръ, имѣющій сто тысячъ акровъ, герцогъ Файфъ, имѣющій 249 тысячъ акровъ, графъ Сифильдъ, обладатель 305 тысячъ акровъ, графъ Бридэльбэнъ, которому принадлежатъ 438 тысячъ акровъ и герцогъ Сѣтерлэндскій, собственникъ 1.358.545 акровъ земли?

Налогъ на мясо и на хлѣбъ протекціонисты должны будутъ ввести для того, чтобы добиться отъ самоуправляющихся колоній покровительственныхъ тарифовъ для англійскихъ фабрикатовъ. Дѣло представляется протекціонистамъ въ такомъ видѣ. Бирмингэмскій заводчикъ, скажемъ, Джонъ Смитъ вывозитъ сельско-хозяйственныя машины въ Австралію; но туда же являются съ такими же машинами заводчикъ Курцъ изъ Германіи и Грантъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Австралійская республика облагаетъ одинаковымъ тарифомъ машины, привезенныя изъ метрополіи и изъ другихъ государствъ. Джонъ Смитъ предполагаетъ, что въ случаѣ возвращенія къ протекціонизму, Австралія обложитъ англійскія машины тарифомъ въ 10 шил., а нѣмецкія или американскія—тарифомъ въ фунтъ или въ два. Но почему Австралійская республика сдѣлаетъ это? Австралія вывозитъ въ Англію хлѣбъ, мороженое мясо и шерсть. Тѣ же товары привозятъ въ Соединенное королевство Аргентина и Соединенные Штаты, съ которыми Австраліи приходится конкурировать. И вотъ бирмингэмскій заводчикъ Джонъ Смитъ полагаетъ, что, въ случаѣ возвращенія Англіи къ протекціонизму, можно будетъ сказать Австраліи: «уменьшите пошлины на наши машины, а мы введемъ налогъ на привозный заграничный хлѣбъ въ размѣрѣ двухъ шиллинговъ съ четверти». Привозъ изъ колоній не будетъ обложенъ совсѣмъ или будетъ обложенъ небольшой пошлиной. Такимъ образомъ, австрійскіе фермеры, помогая бирмингэмскимъ заводчикамъ, вытѣснятъ сѣверо-американскихъ и аргентинскихъ конкурентовъ на рынкѣ въ метрополіи. Это предположеніе протекціонистовъ о возможности имперскаго цолльферейна не выдерживаетъ критики. Колоніи не являются только производителями сырья. Каждая изъ нихъ стремится превратиться въ промышленный центръ. Въ особенности это относится къ Австраліи, гдѣ большая часть бѣлаго населенія живетъ въ городахъ. Австралія предлагаетъ уменьшить пошлины на фабрикаты, привезенные изъ метрополіи; но твердо имѣетъ въ виду при этомъ интересы собственной промышленности. Образно это можетъ быть представлено такъ. Австралія окружила свою собственную промышленность

очень высокой таможенной стѣной. Теперь республика предлагаетъ Англіи слѣдующее: «введите у себя налоги на хлѣбъ и на мясо, а мы снимемъ для васъ два ряда кирпичей со стѣны». Эта стѣна станетъ, правда, нѣсколько ниже, но будетъ еще на столько высока, что черезъ нее не переберется ни одинъ англійскій заводчикъ со своими фабрикатами. Въ Англіи пошлины на хлѣбъ и на мясо немедленно поднимутъ стоимость предметовъ первой необходимости. Прежде всего почувствуютъ это работники въ городахъ. Будетъ ли выгоденъ налогъ для сельскихъ работниковъ и для мелкихъ фермеровъ, которые должны появиться, когда, по проекту протекціонистовъ, землю возвратятъ народу? Протекціонисты доказываютъ теперь, что безъ налоговъ на хлѣбъ нельзя осуществить земельную реформу: мелкіе фермеры иначе будутъ немедленно задушены дешевымъ аргентинскимъ и сѣверо-американскимъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что пошлины должны охранить будущаго мелкаго фермера *вообще* отъ конкурентовъ. И тутъ мы опять наталкиваемся на нелѣпость. Если дать преимущество колоніямъ, то англійскіе фермеры будутъ задушены привознымъ хлѣбомъ, но только не аргентинскимъ или сѣверо-американскимъ, а австралійскимъ, индійскимъ или канадскимъ. Для будущаго мелкаго фермера, конечно, безразлично, кто его раззоритъ: чужой ли конкурентъ или колоніальный. Когда у лавочника Ивана Петрова подъ бокомъ выростаетъ громадный магазинъ, который доводитъ Петрова до банкротства, то онъ не утѣшится тѣмъ, что его раззорилъ не инородецъ, а представитель господствующей народности.

Мы видимъ, что поддержка будущихъ мелкихъ фермеровъ путемъ покровительственныхъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ и преимущественные тарифы для колоніи — взаимно исключаютъ другъ друга. Если мы обратимся къ прессѣ въ колоніяхъ, то мы увидимъ, что она, обсуждая налоги на хлѣбъ и на мясо, считается *только* съ интересами Австраліи или Канады, но отнюдь не будущихъ англійскихъ фермеровъ. Австралійская печать хочетъ, чтобы пошлины на привозимый въ Англію хлѣбъ были бы очень высоки. Обратимся, напримѣръ, къ лучшему австралійскому журналу «Sydney Bulletin». Въ немъ доказывается теперь постоянно, что Австралія можетъ вступить въ таможенныя соглашенія съ Англіей только тогда, когда она введетъ очень высокіе налоги на пшеницу, мясо, масло и шерсть, привозимыя изъ-за границы. Если Англія этого сдѣлать не въ силахъ,— продолжаетъ «Sydney Bulletin», то о таможенныхъ соглашеніяхъ не можетъ быть и рѣчи... Пошлина въ размѣрѣ одного или двухъ шиллинговъ на четверть для насъ безполезна. Она не прибавитъ ни одного акра вспаханной земли у насъ. Даже при стоимости на англійскомъ рынкѣ четверти пшеницы въ 40 ш. засѣянная площадь не особенно увеличится. Въ прошломъ году въ Соединенное королевство ввезено пшеницы на 38,2 мил. ф. ст. Австралія прислала пшеницы только на

2,4 мил. ф. ст., а Канада — на 5,0 мил. ф. ст. Чтобы вытѣснить иностранныхъ конкурентовъ, колоніи должны потребовать отъ метрополіи очень высокую пошлину. Предположимъ она будетъ введена. Запротестуютъ тогда не только рабочіе. «Sydney Bulletin» указываетъ на то, что въ Аргентинѣ помѣщено около 200 мил. ф. ст. англійскихъ денегъ. Аргентина ввозитъ ежедневно въ Англію на 13,1 мил. ф. ст. хлѣба и мяса. Если устранить высокими пошлинами съ англійскаго рынка аргентинскіе товары, то сильно пострадаютъ британскіе вкладчики. Кромѣ зернового хлѣба, Англія ввозитъ еще муку на 7 мил. ф. ст. Только седьмая часть этой муки привозится изъ Канады и Австраліи. Пошлина на муку надетъ тяжелымъ бременемъ на населеніе Англіи. Австралія ввозитъ на 169 т ф. ст. говядины; но ея конкуренты Аргентина и Соединенные Штаты ввозятъ въ Англію на 6,1 мил. ф. ст. и на 3,2 мил. ф. ст. Чтобы вся эта торговля досталась Австраліи, метрополія должна ввести у себя очень высокій налогъ на мясо.

Осуществленіе требованій колоній поставитъ англійскихъ протекціонистовъ въ отчаянное положеніе.

Чтобы получить абсолютное большинство въ парламентѣ, протекціонисты должны захватить хоть часть того міра, который обрабатываетъ волокнистыя вещества и который, вслѣдствіе этого, до послѣдняго времени стоялъ за свободную торговлю. И мы видимъ теперь крайне любопытный походъ со стороны протекціонистовъ на Ланкаширъ. «Въ цѣломъ мірѣ,—говоритъ англійскій экономистъ,—нѣтъ ничего подобнаго этой изумительной странѣ (т. е. графствамъ, обрабатывающимъ хлопокъ) и ея удивительной промышленности. Несмотря на то, что страна отстоитъ на четыре тысячи миль отъ хлопчатобумажныхъ плантацій и на шесть тысячъ миль отъ ея главныхъ покупателей,—она, какъ Венеція въ средніе вѣка, владычествуетъ надъ иностранными рынками. Каждая катастрофа, каждая великая буря, случающаяся за шесть тысячъ миль,—отражается въ Ланкаширѣ. Циклонъ въ Теннесси грозитъ Ланкаширу гибелью. Самумъ въ Индіи является для Манчестра «благословеніемъ». На небольшой площади въ Ланкаширѣ работаютъ столько же веретенъ, сколько на всемъ остальномъ земномъ шарѣ.

	Работаютъ веретенъ.
Въ Россіи	6.500,000
Во Франціи	6.800,000
Въ Германіи	9.339,000
Въ Соединенн. Штатахъ	26.242,000
Во всѣхъ прочихъ странахъ, кромѣ Англіи .	14.539,000
Въ Англіи	50.680,000

Ланкаширъ вывозитъ ежегодно фабрикатовъ на 110 мил. ф. ст. Въ послѣдніе пять лѣтъ этотъ экспортъ ежегодно увеличивается

на 26 мил. ф. ст. Кромѣ готовыхъ фабрикатовъ, Ланкаширъ вывозитъ еще прядево. Вслѣдствіе свободной торговли Ланкаширъ имѣлъ возможность до сихъ поръ вывозить свои фабрикаты даже въ Соединенные Штаты, откуда получаетъ свой хлопокъ. Промышленные соперники Ланкашира могутъ конкурировать съ ними только при его же помощи: фабрики въ Россіи выписываютъ свои ткацкіе станки изъ Ланкашира. То же самое можно сказать о южной Германіи. Отъ хлопка такъ или иначе въ Ланкаширѣ живутъ милліоны людей: ткачи, прядильщики, машинисты, инженеры, лавочники, желѣзнодорожные рабочіе, паковщики, трактирщики, углекопы. Нигдѣ во всей Англіи нѣтъ такихъ сознательныхъ рабочихъ, какъ въ царствѣ хлопка. Ни въ Англіи, ни на континентѣ нѣтъ такихъ высокихъ заработковъ, какъ въ Ланкаширѣ. Населеніе міра, обрабатывающаго не волокнистыя вещества, увлекалось имперіализмомъ, такъ какъ надѣялось, что войны, въ особенности маленькія и совершенно безопасныя,—принесутъ большіе заказы на пушки, ружья, штыки, патроны, ранцы, манерки, и пр. Захватъ новыхъ территорій означалъ для этого населенія сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, новыхъ стальныхъ мостовъ, т. е. опять громадные заказы. Населеніе это почти поголовно теперь стоитъ за протекціонизмъ, такъ какъ желаетъ охранить себя отъ иностранныхъ конкурентовъ.

Ланкаширу надобенъ былъ прежде всего миръ. Война означаетъ перерывъ въ доставкѣ хлопка, а это ведетъ за собою такую же катастрофу, какъ во время столкновенія Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными. Ланкаширъ готовъ былъ тогда поддержать рабовладѣльцевъ и доставить имъ побѣду надъ Сѣверомъ, лишь бы скорѣе кончился хлопковый голодъ. Что касается свободной торговли, то для Ланкашира она все. Только вслѣдствіе фритрэдерства, дающаго возможность Ланкаширу получать безпошлино хлопокъ, краску, кое-какія машины и все необходимое при производствѣ,—фабрикаты могутъ довольствоваться барышемъ въ $^{1}/_{64}$ фартинга на ярдъ. Довольствуясь такой ничтожной прибылью и выпуская ежегодно столько миткаля, что имъ можно было бы много разъ обвернуть земной шаръ по экватору, — ланкаширскіе фабриканты въ состояніи были захватить всѣ нейтральные рынки.

«Что стало бы съ нами, если бы ввели пошлину на американскій хлопокъ, съ цѣлью дать преимущество хлопку изъ британскихъ колоній!—пишетъ видный фабрикантъ.—Что стало бы съ нами, если бы завязалась таможенная война съ Соединенными Штатами и эти наложили бы пошлину на вывозимый въ Англію хлопокъ?

«Ткацкія фабрики тогда закрылись бы, а рабочіе умерли бы съ голода... Тарифъ не только раззоритъ хлопчатобумажную промышленность въ Ланкаширѣ, но еще цѣлую сотню подчиненныхъ производствъ... Налогъ на сталь, на машины, на все, что требуется для

производства, будетъ гибельно для Ланкашира. Дешевыя машины въ рукахъ искусныхъ рабочихъ, получающихъ очень высокую плату, означаютъ для насъ возможность держаться на такихъ рынкахъ, гдѣ потребителей очень много, но гдѣ покупательная способность ихъ ничтожна (Китай). Дешевыя машины даютъ возможность ланкаширскому фабриканту платить своимъ рабочимъ шиллингъ тамъ, гдѣ его конкуренты въ Азіи платятъ пенни, а въ Европѣ—шесть пенсовъ. Дешевизна машинъ помогла Ланкаширу вытѣснить на нейтральныхъ рынкахъ Америку, имѣющую плантаціи хлопчатника» *). «Быть можетъ, кто нибудь выиграетъ въ Англіи отъ возвращенія къ протекціонизму, но только это будетъ не ланкаширскій фабрикантъ или рабочій... Каковъ бы ни былъ тарифъ, онъ, несомнѣнно, будетъ гибеленъ для Ланкашира». И вотъ теперь мы видимъ своего рода крестовый походъ протекціонистовъ съ цѣлью обратить царство хлопка. Если опытъ удастся, то это будетъ одно изъ самыхъ любопытныхъ проявленій «аберраціи здраваго смысла».

Читатели видятъ, какимъ образомъ конституціонный кризисъ сводится въ концѣ концовъ къ борьбѣ двухъ промышленныхъ міровъ. Протекціонисты рѣшились на отчаянное средство, толкнувъ впередъ лордовъ. Если побѣдятъ либералы, они первымъ дѣломъ поспѣшатъ немедленно покончить съ наслѣдственной палатой. Если на выборахъ одержатъ верхъ протекціонисты, лорды закоченѣютъ на нѣсколько лѣтъ, но реформа Верхней палаты немедленно же выдвинется, когда у власти станутъ снова радикалы.

Діонео.

Франциско Ферреръ.

Всѣмъ памятенъ единодушный взрывъ негодованія, всемірный протестъ общественной совѣсти, вызванный разстрѣломъ въ Монжуихской крѣпости Франциско Феррера 13 октября этого года. Напряженно ждала вся Европа со дня на день, съ часа на часъ исхода безцеремонной комедіи, которая носитъ въ Испаніи названіе военнаго суда. Когда же стало извѣстно, что наперекоръ всѣмъ протестамъ и петиціямъ, просьбамъ и угрозамъ, со всѣхъ сторонъ стекавшимся въ Испанію, преступленіе совершилось,—сразу, само собою, все, что есть честнаго, думающаго, чувствующаго въ европейскихъ странахъ, откликнулось. Въ чувствѣ безпредѣльнаго возмущенія вопіющимъ нарушеніемъ всего, что въ человѣ-

*) „Daily News", November 15, 1909.

чествѣ связано съ самою элементарною справедливостью объединились вчерашніе и завтрашніе враги: соціалъ-демократы и анархисты, революціонные рабочіе синдикаты Франціи и умѣренные англійскіе трэдъ-юніоны, политическіе республиканцы, либералы, антиклерикалы и, наконецъ, просто люди, не допускающіе, чтобы можно было разстрѣлять человѣка даже не за политическое преступленіе, даже не за революціонный актъ, а за одну чистую идею.

Люди, увы! привыкли къ кровавому подавленію революцій, къ казнямъ революціонеровъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Но разстрѣлять человѣка, который не только завѣдомо не принималъ никакого участія въ барселонскомъ возстаніи, не только оказался въ это время въ Испаніи совершенно случайно, но и вообще уже многіе годы боролся совершенно инымъ оружіемъ: исключительно школой и книгой, человѣка, который завѣдомо не былъ членомъ никакихъ активныхъ революціонныхъ группъ, и при томъ организовать этотъ разстрѣлъ строго обдуманно, послѣ долгаго и тщательнаго подготовленія судебной комедіи,—это оказалось превысившимъ всякую мѣру. Составить «дѣло» въ 600 листовъ и не привести на судъ ни одного свидѣтеля, даже со стороны обвиненія (вѣроятно, чтобы этихъ свидѣтелей нельзя было уличить во лжи),—это явилось неслыханнымъ даже для тѣхъ, у кого вообще нѣтъ никакихъ иллюзій относительно функціонированія этого рода судовъ.

Большую роль во взрывѣ всеобщаго негодованія сыграло, несомнѣнно, и то, что здѣсь, особенно для католическихъ странъ, какъ Франція и Италія, на сцену выступилъ давно знакомый имъ вѣковой врагъ,—католическая церковь. Въ дѣлѣ Феррера возродилась испанская инквизиція, выплыли на свѣтъ всѣ темныя силы средневѣковья. Монахи и священники руководили королемъ, министрами и судомъ, и не оставляли въ покоѣ уже осужденнаго Феррера до самаго порога смерти, навязывая ему свое присутствіе и свои молитвы въ зловѣщей часовнѣ, куда его привели на послѣднюю ночь. Здѣсь проявился вновь—но только въ гораздо болѣе яркомъ видѣ—знаменитый союзъ «сабли и кадила», который создалъ когда-то во Франціи дѣло Дрейфуса. И какъ тогда дрейфусарское движеніе дало громадный толчекъ политическому и умственному прогрессу страны, такъ и теперь грандіозный международный протестъ, связанный съ именемъ Феррера, несомнѣнно, не останется безъ вліянія на общественное сознаніе европейскихъ странъ.

По существу, однако, сравнивать дѣло Феррера съ дѣломъ Дрейфуса, какъ это дѣлалось въ нѣкоторыхъ газетахъ,—совершенно невозможно. Тамъ—жертва расовой ненависти и религіозной нетерпимости, но только жертва. Самъ Дрейфусъ ничто, его личность не имѣетъ никакого отношенія къ вызванной его дѣломъ общественной борьбѣ. Здѣсь, въ лицѣ Феррера, испанскіе охранители мечтали убить и свободную мысль,—все освободительное полити-

ческое и соціальное движеніе въ Испаніи. Ферреръ—не только жертва, онъ самъ—выдающійся дѣятель этого движенія.

Многіе изъ тѣхъ, кто примкнулъ къ общему протесту лишь въ послѣднюю минуту, когда стало видно, какъ широко захватываетъ онъ массы, стараются теперь изобразить Феррера такимъ, какимъ бы они хотѣли видѣть его: свободомыслящимъ либераломъ, основателемъ свѣтскихъ школъ въ Испаніи, проповѣдникомъ раціоналистическихъ идей, но не болѣе. Они затушевываютъ истинную личность Феррера, чтобы сдѣлать изъ него болѣе удобное орудіе чисто антиклерикальной борьбы.

Въ молодости, въ 80-хъ годахъ, Ферреръ, вышедшій изъ очень религіозной и консервативной семьи зажиточныхъ крестьянъ, воспринялъ прежде всего тѣ идеи, которыя ставили его въ непосредственную оппозицію къ окружающей средѣ: онъ сдѣлался свободомыслящимъ республиканцемъ. Первымъ его политическимъ шагомъ было участіе въ республиканской агитаціи того времени. Въ 1885 году онъ оказался замѣшаннымъ въ республиканскомъ заговорѣ генерала Виллокампа, и ему пришлось бѣжать изъ Испаніи.

Онъ поселился во Франціи и провелъ тамъ долгіе годы, занимаясь уроками испанскаго языка. Встрѣчи съ людьми разныхъ партій, богатая общественная жизнь Франціи—все это сильно повліяло на него: его міросозерцаніе расширилось, и отъ простого антиклерикализма и республиканской политической оппозиціи Ферреръ перешелъ къ постановкѣ на первый планъ соціальнаго вопроса. За это же время онъ сошелся и съ нѣкоторыми выдающимися дѣятелями анархическаго движенія, какъ Элизэ Реклю, Жанъ Гравъ, Малато и др.

Но анархо-соціалистическіе взгляды Феррера имѣли, поскольку дѣло касалось ихъ практическаго осуществленія, свою особую окраску, и въ общемъ движеніи его работа занимала всегда особое мѣсто. Онъ поставилъ себѣ цѣлью преобразованіе системы воспитанія; ему казалось это дѣломъ, наиболѣе подходящимъ для интеллигента, по самому положенію своему поставленнаго въ невозможность принимать непосредственное участіе въ чисто рабочей борьбѣ.

Главнымъ образомъ, однако, на вопросы воспитинія наталкивало его положеніе дѣлъ на его родинѣ. Испанія представляетъ собою въ смыслѣ просвѣтительномъ ужасающее зрѣлище: въ ней 85% безграмотныхъ, а изъ тѣхъ, которые считаются грамотными, многіе едва умѣютъ читать и писать. Положеніе народныхъ школъ самое плачевное. Вліяніе духовенства безгранично; оно сказывается не только въ правительственной политикѣ, но и въ школѣ, и въ семьѣ, во всей ежедневной жизни. Во всей странѣ только Каталонія съ Барселоной живутъ жизнью цивилизованныхъ странъ.

Ферреру, вѣроятно, долго не удалось бы привести въ исполненіе своихъ педагогическихъ плановъ по недостатку средствъ, если бы не одна счастливая случайность. Въ 1894 году онъ познакомился

съ французской семьей Meunier, въ которой давалъ уроки испанскаго языка. M-lle Meunier, его ученица, вначалѣ ревностная католичка, сдѣлалась подъ его вліяніемъ гораздо болѣе терпимой, прониклась либеральными взглядами и во время дѣла Дрейфуса стала даже рѣшительно на сторону его защитниковъ. Педагогическіе планы Феррера очень заинтересовали ее, и она предложила ему средства на открытіе въ Испаніи школы на новыхъ началахъ. Ферреръ согласился, добросовѣстно предупредивъ ее, что школа будетъ чисто-свѣтская и что всякое преподаваніе религіозныхъ догматовъ будетъ изъ нея исключено *). Въ 1901 г. m-lle Meunier умерла, оставивъ Ферреру въ полное его распоряженіе, безъ всякихъ условій, часть своего состоянія.

Ферреръ немедленно приступилъ къ осуществленію своихъ плановъ, и дѣятельность его въ этомъ направленіи шла, все расширяясь, до самой его смерти. Онъ былъ вообще главнымъ образомъ человѣкомъ практическаго дѣла, умѣлымъ организаторомъ, въ высшей степени энергичнымъ, упорнымъ, не останавливающимся ни передъ какими затрудненіями. А затрудненій и препятствій, въ отсталой странѣ и при неограниченной власти духовенства было такъ много, что всякій человѣкъ съ менѣе упорною волею много разъ отчаялся бы.

Первымъ дѣломъ Феррера было основаніе въ Барселонѣ знаменитой «Современной школы» (Escuela moderna). Въ Испаніи, точнѣе въ Каталоніи, уже существовало въ то время нѣсколько свѣтскихъ школъ; однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого движенія, зародившагося еще въ 80-хъ годахъ, былъ извѣстный испанскій естествоиспытатель Odon de Buen. Созданіе свѣтскихъ школъ вообще было въ то время главною заботою всѣхъ испанскихъ антиклерикаловъ, да и не только ихъ. Тѣмъ же занимались и всѣ вообще передовые элементы Испаніи: соціалисты (какъ соціалъ-демократы, такъ и анархисты), дѣятели рабочихъ союзовъ, члены кооперативныхъ обществъ и т. д. Ферреръ объединилъ всѣ эти разрозненныя усилія, выработалъ новыя и болѣе опредѣленныя программы, а главное—и этимъ его педагогическія и просвѣтительныя начинанія отличаются отъ всего того, что дѣлалось и дѣлается большинствомъ педагоговъ свѣтскихъ школъ разныхъ странъ,—онъ вдохнулъ въ это движеніе совершенно новый духъ. Въ своемъ profession de foi по поводу основанія «Современной Школы» Ферреръ говоритъ не только объ устраненіи преподаванія догматовъ религіи, но и о томъ, что Школа отрицаетъ *всякую* рутину, *всякій* обычай, замыкающій умственную жизнь человѣка въ рамки, приспособленныя къ поддержанію того или иного обще-

*) Если мы нѣсколько останавливаемся на этихъ подробностяхъ, то только потому, что онѣ были извращены, съ цѣлью набросить тѣнь на личность Феррера, иностранной и русской реакціонной печатью.

ственнаго строя данной минуты; что преподаваніе въ новой школѣ будетъ свободно отъ всякой предвзятой идеи, что она будетъ держаться строго въ предѣлахъ доказаннаго и несомнѣннаго. Цѣлью школы Ферреръ ставитъ освобожденіе человѣческаго ума отъ всѣхъ путъ и служеніе тому идеалу, въ которомъ научныя истины станутъ достояніемъ всего человѣчества, а не однихъ только привилегированныхъ счастливцевъ. Все это, въ первомъ заявленіи, излагалось до нѣкоторой степени эзоповскимъ языкомъ, и читателю приходилось многое читать между строкъ, но и такое заявленіе было для Испаніи крайне знаменательнымъ и чуть не революціоннымъ.

«Современная Школа» открылась съ 30 учениками (18 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ), а къ концу перваго года ихъ было уже 70. Ферреръ сразу нашелъ себѣ цѣнныхъ сотрудниковъ и помощниковъ въ лицѣ, во-первыхъ, того же Odon de Buen'а, а затѣмъ профессора барселонскаго медицинскаго факультета Martinez Vargas'a, стараго дѣятеля Интернаціонала, автора замѣчательной книги по исторіи испанскаго рабочаго движенія «El proletariado militante»— Anselmo Lorenzo, и многихъ другихъ. Внѣ Испаніи школу поддерживали своимъ сочувствіемъ такіе люди, какъ Элизе Реклю, Летурно и другіе.

Вся постановка преподаванія, вся система воспитанія въ «Современной Школѣ» крайне интересны съ педагогической точки зрѣнія. Мы не будемъ долго останавливаться на спеціальной сторонѣ вопроса; замѣтимъ только, что одно изъ лицъ, вблизи видѣвшихъ жизнь школы, William Heaford *), описываетъ преподаваніе въ ней какъ дѣйствительно, а не по программѣ только, приспособленное цѣликомъ къ одной цѣли: пробудить въ ребенкѣ самостоятельную мысль: «Сидитъ ли ребенокъ за своимъ рабочимъ столомъ,—пишетъ онъ—гуляетъ ли онъ по лѣсу или по берегу моря съ товарищами и учителями, осматриваетъ ли онъ съ ними какую-нибудь фабрику, какое-нибудь техническое учрежденіе или научную лабораторію, въ немъ прежде всего стараются возбудить его собственную наблюдательность, собственный живой интересъ къ окружающему. Ему не вбиваютъ въ голову знанія, а стараются, чтобы они сами родились въ его сознаніи, естественнымъ путемъ развились въ его умѣ. Преподаваніе обращается такимъ образомъ въ сотрудничество между учениками и учителями». Въ результатѣ, говоритъ Heaford, душа ребенка становится отзывчивой на все хорошее, на все высокое; краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служатъ произведенія учениковъ школы, помѣщавшіяся въ издававшемся ею бюллетенѣ. По поэзіи, безыскуственности, искренности и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой наблюдательности и отзывчивости на

*) Статья «L'Ecole Moderne» въ журналѣ «Ecole Renovée», Брюссель № 7, 15 іюня 1908 года.

все благородное, мысли этихъ дѣтей (10—12 лѣтъ) показались Heaford'у въ высшей степени замѣчательными.

«Современная Школа» представляла собою, такимъ образомъ, нѣчто гораздо большее, чѣмъ простую свѣтскую школу, изъ которой исключено преподаванiе религiозныхъ догматовъ; такъ оно и должно было быть въ планахъ Феррера, для котораго школа являлась орудiемъ выработки новаго поколѣнiя борцовъ за общественный идеалъ. Вскорѣ по образцу ея въ Испанiи создалось болѣе 60 подобныхъ же школъ; влiянiе «Современной Школы» распространилось и за-границу: въ ея направленiи преобразовался цѣлый рядъ свѣтскихъ школъ въ Португалiи, Италiи, Южной Америкѣ.

Рядомъ со школой, пришлось вскорѣ основать издательство: для совершенно новаго дѣла нужны были и совершенно новыя пособiя. Всѣ общепринятые учебники не годились. Приходилось разыскивать за-границей, а чаще всего составлять самостоятельно руководства по исторiи, географiи, естественной исторiи, антропологiи, грамматикѣ, ариѳметикѣ и т. д. Издательство «Современной Школы» выпустило, по свидѣтельству компетентныхъ людей, единственные въ мiрѣ учебники по всеобщей исторiи, дѣйствительно проникнутые освободительными идеями и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно приспособленные для дѣтскаго пониманiя (три тома Всеобщей Исторiи г-жи Jacquinet и Исторiя Испанiи Estevanez'а). Помимо этого, издательствомъ были выпущены такiя книги, какъ «Жизненный пиръ» Ансельмо Лоренцо, «Бѣдность, ея причины и средства къ ея устраненiю» Малато, «Приключенiя Ноно»—дѣтская книга Жана Грава, и его же, также для дѣтей или для юношества, «Свободная земля», написанная специально по просьбѣ Феррера, и многое другое. Предполагалось издать испанскiй переводъ Э. Реклю «L'Homme et la terre», рядъ сочиненiй Летурно и проч. Послѣднимъ изданiемъ, которымъ занимался Ферреръ передъ своимъ арестомъ, былъ испанскiй переводъ «Великой революцiи» П. Кропоткина, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вышедшей на французскомъ языкѣ.

Въ 1906 году, послѣ покушенiя Матео Морраля на Альфонса XIII, въ помѣщенiи «Современной школы» былъ сдѣланъ обыскъ. Ферреръ былъ арестованъ вмѣстѣ со всѣми учителями, и школа закрыта,—все подъ тѣмъ предлогомъ, что Морраль работалъ одно время при издательствѣ школы. Больше года продержали Феррера въ тюрьмѣ по обвиненiю въ соучастiи въ покушенiи; испанское правительство намѣревалось отдѣлаться отъ него еще тогда, но при отсутствiи военнаго положенiя и военныхъ судовъ это было не такъ легко, и Феррера пришлось на судѣ оправдать. Однако «Современная Школа» и всѣ ея отдѣленiя остались закрытыми. Но за время заключенiя Феррера его дѣло стало извѣстно во всей Европѣ; явились новые сочувствующiе, издательское дѣло расширилось.

Одновременно съ этимъ Ферреръ, которому пришлось вновь

уѣхать изъ Испаніи, сталъ работать на нѣсколько иной почвѣ: въ виду невозможности имѣть свои собственныя школы, онъ пришелъ къ мысли о преобразованіи системы преподаванія и воспитанія въ школахъ, уже существующихъ, посредствомъ вліянія на самихъ учителей. У него былъ, между прочимъ, проектъ устройства въ Испаніи, при первой возможности, своего рода учительской семинаріи и педагогическаго музея. Этой же цѣли должна была служить, главнымъ образомъ, и основанная Ферреромъ въ 1907 году «Международная лига раціональнаго воспитанія», поставившая себѣ заботой, съ одной стороны, «проведеніе во всѣхъ странахъ въ преподаваніе идей науки, свободы и солидарности», а съ другой — изученіе психологіи ребенка. Лига эта, душой и фактическимъ предсѣдателемъ которой былъ Ферреръ, а почетнымъ предсѣдателемъ Анатоль Франсъ, насчитывала въ числѣ своихъ членовъ, между прочимъ, такія имена, какъ Геккель, Серджи, Метерлинкъ и др.; присоединились къ ней съ самаго начала и многіе видные дѣятели соціалистическаго и рабочаго движенія, а также и цѣлыя организаціи: народные университеты, учительскіе синдикаты, кооперативныя общества и т. д.

При участіи «Лиги» возникло нѣсколько періодическихъ изданій: возобновился «Boletin de la Escuela Moderna» въ Барселонѣ, основались журналы «Scuola laica» въ Римѣ, «Razon» въ Перу, а главное, самое крупное и вліятельное изъ этихъ изданій, журналъ «Ecole Renovée» (Обновленная школа), издававшійся сначала въ Брюсселѣ, затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ преданные дѣлу люди будутъ продолжать его и теперь. Поставивъ себѣ задачей формировать воспитателей, журналъ этотъ, кромѣ чисто-педагогическихъ вопросовъ, неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ вопросами, касающимися положенія самихъ учителей, такъ какъ духовная и матеріальная независимость послѣднихъ является необходимымъ условіемъ сколько-нибудь нормальнаго преподаванія. Сильное движеніе государственныхъ служащихъ во Франціи, возникшее въ послѣдніе годы и направленное къ освобожденію отъ черезчуръ тяжелой опеки государственной власти, движеніе, приведшее нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ къ извѣстной почтовой забастовкѣ, должно было неизбѣжно найти себѣ откликъ въ «Обновленной школѣ». Слѣдующая небольшая выдержка изъ программной статьи 1-го номера «Ecole Renovée» второй (парижской) серіи даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ ставится въ настоящее время этотъ вопросъ среди передовыхъ учителей французскихъ народныхъ школъ.

«Мало сказать учителю: ты долженъ сдѣлать то-то и то-то» нужно еще спросить у него: «можешь ли ты это сдѣлать»? Всякій, кто знакомъ съ положеніемъ школы, хорошо знаетъ, что учитель на казенной службѣ не сможетъ сдѣлать почти ничего, пока не освободится отъ тройнаго гнета: административнаго, политическаго и нравственнаго. Въ этомъ мы сходимся съ товарищами,

сорганизованными въ рабочіе союзы и борющимися за свое освобожденіе. Бюллетень *Федераціи учительскихъ союзовъ* избралъ своимъ лозунгомъ: «Будь человѣкомъ, разъ ты призванъ воспитывать людей». Этотъ лозунгъ будетъ и нашимъ лозунгомъ. Органъ техническаго совершенствованія, «Обновленная школа» будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и органомъ корпоративной борьбы. Въ нашихъ глазахъ, впрочемъ, одно неотдѣлимо отъ другого. Нашъ идеалъ—сгруппировать теперь же учителей, являющихся одновременно и наиболѣе сознательными воспитателями и наименѣе покорными государственными служащими. Нашъ идеалъ—сформировать людей, которые, въ тотъ моментъ, когда производители овладѣютъ, наконецъ, производствомъ, призваны будутъ создать, въ согласіи съ нами, прекрасныя, свободныя школы».

Уже эти одни слова ясно показываютъ, какое положеніе заняла «Обновленная Школа» по отношенію къ общему соціалистическому и синдикалистскому движенію. Что просвѣтительныя предпріятія Феррера имѣли для него не только педагогическое, но и болѣе широкое общественное значеніе, это было хорошо извѣстно для всѣхъ тѣхъ, кому приходилось работать вмѣстѣ съ нимъ. А вотъ что писалъ, между прочимъ, самъ Ферреръ въ одномъ воззваніи по поводу своей Современной Школы въ 1905 году:

«Суть вопроса заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы воспользоваться школою, какъ самымъ пригоднымъ средствомъ для полнаго, т. е. нравственнаго, умственнаго и экономическаго освобожденія рабочаго класса.

«Если мы признаемъ, что рабочему классу или, даже лучше сказать—всему человѣчеству, нечего ждать ни отъ какой сверхъестественной силы, то какъ можемъ мы ставить на мѣсто этой силы какую-нибудь иную, подобную же, напримѣръ, власть государства?

«Нѣтъ, освобожденіе пролетаріата можетъ быть только прямымъ и сознательнымъ дѣломъ самого рабочаго класса, его желанія знать и учиться...

«Если рабочій народъ останется въ невѣжествѣ, онъ не избавится отъ подчиненія церкви, государству и капиталисту. Если же, наоборотъ, его будутъ вдохновлять разумъ и наука, онъ скоро пойметъ свои интересы, положитъ конецъ эксплуатаціи и сдѣлаетъ такъ, что рабочій сможетъ стать хозяиномъ судебъ человѣчества.

«Мы думаемъ, поэтому, что нужно прежде всего дать рабочему классу возможность понять эти истины.

«Въ то время, какъ въ рабочихъ союзахъ онѣ будутъ проникать въ умы взрослыхъ рабочихъ, постараемся о томъ, чтобы онѣ одновременно проникали и въ умы дѣтей и юношества.

«Создадимъ такую систему воспитанія, въ которой ребенокъ быстро и хорошо понялъ бы происхожденіе экономическаго нера-

венства, церковныхъ заблужденій, вреднаго патріотическаго чувства и всякой семейной и иной рутины, держащей его въ рабствѣ».

Между такимъ міросозерцаніемъ и взглядами антиклерикальныхъ педагоговъ оффиціальной свѣтской школы хотя бы даже такихъ демократическихъ странъ, какъ Франція и Швейцарія,— несомнѣнно, цѣлая пропасть. Тамъ задаются цѣлью создать вѣрныхъ служителей даннаго государственнаго и общественнаго порядка, гражданъ, уважающихъ существующій законъ, патріотовъ, выше всего на свѣтѣ ставящихъ свое національное знамя. Здѣсь — въ педагогическихъ начинаніяхъ Феррера—наоборотъ, стремленіе посѣять недовольство, вызвать критику существующаго, создать борцовъ противъ него, превративъ и самое существующую народную школу, черезъ посредство учителей-синдикалистовъ, въ орудіе этой борьбы.

И испанское правительство отлично знало это. Оно не уничтожило всѣхъ свѣтскихъ школъ въ странѣ, не арестовало всѣхъ свободомыслящихъ республиканцевъ, а направило всю свою ненависть именно на Феррера, котораго считало духовнымъ руководителемъ всѣхъ современныхъ революціонныхъ движеній въ Испаніи, въ томъ числѣ и барселонскаго возстанія. Такимъ образомъ, если имя Феррера ставится теперь рядомъ съ именами Джордано Бруно, Этьена Долэ и другихъ мучениковъ свободной мысли въ эпоху средневѣковой инквизиціи, то его слѣдуетъ поставить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и рядомъ со всѣми извѣстными и неизвѣстными жертвами современной соціальной борьбы.

Рабочіе всѣхъ странъ отлично почувствовали это. Первые и энергичнѣе всѣхъ откликнулись они на агитацію противъ испанскихъ репрессій, первые встали на единодушный протестъ противъ казни Феррера. И недаромъ одной изъ самыхъ яркихъ формъ недавняго движенія была всеобщая забастовка и бойкотъ грузчиками—портовыми рабочими испанскихъ торговыхъ судовъ. Рабочіе почувствовали, что здѣсь задѣта *ихъ* идея, *ихъ* кровное дѣло, *ихъ* будущее, и встали на защиту его.

Въ первые дни своего ареста Ферреръ не подозрѣвалъ всей опасности своего положенія: ему казалось, что его непричастность къ барселонскому возстанію (которая неопровержимо доказывается его письмами, писанными незадолго до ареста) не замедлитъ выясниться сама собою. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше сгущались тучи надъ его головою, и скоро стало очевиднымъ, что испанскому правительству не важно вовсе ни участіе, ни неучастіе, не нужны ни судъ, ни доказательства, ни свидѣтели, а нужна только голова Феррера. Слѣдствіе тянулось долго, но въ послѣдніе дни правительство поторопилось: 15 октября должны были собраться кортесы, а за этимъ послѣдовало бы возстановленіе конституціонныхъ гарантій, т. е. невозможность военнаго суда. Вотъ почему нужно было

покончить съ Ферреромъ раньше. Въ послѣднее время Ферреръ ясно видѣлъ, что долженъ умереть ни за что другое, какъ за свою педагогическую дѣятельность; послѣдней его заботой были планы дальнѣйшихъ изданій, а послѣднимъ возгласомъ передъ взводомъ солдатъ во рву монжуихской крѣпости: «Да здравствуетъ Современная Школа!»

Ферреръ умеръ со спокойствіемъ всѣхъ мучениковъ идеи, которое всегда такъ поражаетъ ея враговъ. Цѣлую ночь онъ диктовалъ нотаріусу свое завѣщаніе, ходя взадъ и впередъ по часовнѣ, между рядами перебирающихъ четки колѣнопреклоненныхъ монаховъ. Въ этомъ завѣщаніи намѣчается планъ ближайшихъ изданій, даются указанія относительно отысканія подходящихъ книгъ для перевода съ иностранныхъ языковъ на испанскій, относительно еженедѣльной педагогической и синдикалистской газеты, которую Ферреръ находитъ очень желательной, и т. д. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого документа, характерныхъ для самой личности Феррера.

«Я не хочу, чтобы при какихъ бы то ни было условіяхъ и по какому бы то ни было случаю, въ ближайшемъ или въ отдаленномъ будущемъ, мои останки послужили предметомъ демонстрацій политическаго или религіознаго характера, потому что считаю, что время, потраченное на мертвыхъ, гораздо лучше употребить на улучшеніе условій, въ которыхъ находятся живые—въ чемъ большинство ихъ сильно нуждается...

«Я хотѣлъ бы также, чтобы мои друзья какъ можно меньше говорили или даже вовсе не говорили обо мнѣ, потому что, восхваляя людей, мы создаемъ изъ нихъ идоловъ, а это—большое зло для человѣчества.

«Изучать, хвалить или порицать слѣдуетъ только поступки, отъ кого бы они ни исходили. Пусть ихъ хвалятъ, чтобы вызвать подражаніе имъ, если они кажутся ведущими къ общему благу; пусть критикуютъ, чтобы они больше не повторялись, если они кажутся вредными для всеобщаго благосостоянія».

Эти желанія Феррера не осуществились: имя его съ самаго момента его смерти стало символомъ и объединяющимъ лозунгомъ всего поднявшагося протеста. Теперь уже больше пятидесяти городовъ дали имя Феррера своимъ улицамъ. Повсюду идетъ подписка на памятники ему; въ Парижѣ памятникъ будетъ возвышаться противъ знаменитаго собора Sacré Coeur, въ Римѣ—противъ Ватикана.

Желаніе Феррера и не могло исполниться. Психологія массовыхъ движеній слѣдуетъ своимъ особымъ законамъ; этимъ движеніямъ даетъ толчокъ одинъ какой-нибудь конкретный фактъ, на поверхность выступаетъ одно имя, которое сразу становится символомъ, предметомъ общаго поклоненія или общей ненависти. Голая обстракція не обладаетъ способностью вызывать необходи-

мый подъемъ чувства, въ ней нѣтъ достаточной двигательной силы. Съ этимъ нужно считаться, и сколько бы усилій ни было положено на то, чтобы вызвать энтузіазмъ къ тому, что почему-нибудь не дѣйствуетъ живо на воображеніе и чувство, это не приведетъ ни къ чему.

Какъ бы то ни было, широкое и бурное общественное движеніе, поднятое дѣломъ Феррера, очень знаменательно. Оно показываетъ существованіе международнаго общественнаго мнѣнія, какой-то всемірной совѣсти, способной откликаться на нарушеніе человѣческаго чувства справедливости, въ какомъ бы концѣ земного шара оно ни происходило. Это—завоеваніе самаго послѣдняго времени.

М. Г—тъ.

В. В. Башкинъ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

И близокъ сталъ послѣдній, мѣрный часъ:
Уходъ минутъ хоть тише, но замѣтнѣй...
А жизнь зоветъ, и зовъ ея привѣтнѣй.
В. В. Башкинъ, «Передъ концомъ».

Есть люди, которыхъ для того, чтобы полюбить, нужно близко и хорошо узнать. И есть такіе, что съ перваго знакомства заставляютъ отнестись къ себѣ искреннѣе, дружественнѣе—я бы сказалъ, довѣрчивѣе. Чѣмъ ближе узнаешь этихъ людей, тѣмъ глубже чувствуешь близость ихъ къ себѣ, тѣмъ больше цѣнишь ихъ и сильѣе любишь.

Есть въ нихъ что-то неуловимое, такое, чего не опредѣлишь сразу: мягкость ли это, доброта ли, искренность ли, заставляющая выдѣлить такого человѣка изъ десятковъ другихъ, или это совокупность и доброты, и мягкости, и искренности, и глубокой душевной чуткости. Съ такими людьми самъ дѣлаешься правдивѣе и чище, свѣтлѣе становится на душѣ съ ними, и бодрѣе смотришь въ жизнь. Общеніе съ ними смягчаетъ старую ноющую тоску,—особенную присущую кажется однимъ россійскимъ людямъ,—тоску жестокой, тяжкой и нелѣпой жизни, лѣзущей съ каждаго газетнаго листа, изъ каждой телеграммы.

— Нѣтъ, не такъ уже плохо на самомъ дѣлѣ,—думаешь послѣ встрѣчи съ такимъ человѣкомъ,—есть еще люди чуткіе, искренніе люди, не такъ ужъ темно кругомъ...

Такіе люди—какъ огни: не яркіе, пылающіе кровавымъ отблескомъ непримиримой борьбы, факелы, не зарева далекаго пожара, а тихіе, радостные огоньки, вродѣ тѣхъ, что темной ночью въ глухой и безлюдной степи мерцаютъ мягкимъ вздрагивающимъ свѣтомъ и зовутъ, и манятъ, и гонятъ тревожную думу о безлюдьѣ, о темнотѣ, объ одиночествѣ...

Трудно сказать, былъ ли хоть одинъ человѣкъ, хотя бы разъ встрѣтившійся съ Вас. Вас. Башкинымъ, который не вынесъ бы отъ встрѣчи впечатлѣнія тихаго довольства, какого-то удовлетворенія и особенной мирной радости.

Сейчасъ трудно писать о немъ. Еще не засыпалась снѣгомъ его могила въ Сергіевой пустыни, не увяли живые цвѣты вѣнковъ, возложенныхъ на нее, и не привыкло еще сознаніе къ безвременной утратѣ. Мрачнымъ и тусклымъ призракомъ давятъ память извѣстія о послѣднихъ дняхъ его и заслоняютъ свѣтлый и тихій образъ образомъ больнымъ и скорбнымъ.

Припоминаю, стараюсь возстановить подробности, слова, просматриваю кучку писемъ, написанныхъ неровнымъ, прыгающимъ почеркомъ, и съ грустью чувствую, что многое ушло изъ памяти, многое затушевалось личной жизнью и все подернулось тусклой дымкой прошлаго.

Знакомство мое съ Вас. Вас. состоялось на литературной вечеринкѣ у писательницы К—ой. Была тамъ преимущественно молодежь и молодежь «начинающая» или едва-едва «начавшая». Было шумно и весело, кто-то пѣлъ, кто-то игралъ на роялѣ, читали чей-то—теперь уже не помню чей—разсказъ. Потомъ стали читать стихи и, между прочимъ, дочь хозяйки—поэтесса.

Рядомъ со мной на низенькомъ пуфѣ сидѣлъ высокій совершенно бѣлокурый молодой человѣкъ съ простымъ, блѣднымъ лицомъ и ясными голубыми глазами.

Простодушнымъ довѣрчивымъ взглядомъ, бѣлыми, какъ чесанный ленъ, волосами, какъ и всѣмъ безусымъ и безбородымъ лицомъ своимъ съ полными, немного по дѣтски выпяченными губами, похожъ онъ былъ на деревенскаго парня, немного наивнаго, немного сдержаннаго, чуть-чуть конфузящагося.

Синяя рубашка-косоворотка, виднѣвшаяся изъ-подъ простенькаго пиджака, добавляла это сходство.

Дочь хозяйки кончила чтеніе и обратилась съ просьбой прочесть какое нибудь стихотвореніе къ моему сосѣду.

— Я не знаю, право, у меня ничего новаго... — началъ было отказываться онъ, но тутъ стали просить другіе. Онъ уступилъ, торопливо докурилъ папиросу и поднялся.

Латаніи грустятъ о солнечномъ теплѣ...

началъ онъ неровнымъ, вздрагивающимъ голосомъ и опустилъ глаза. И такъ не поднялъ ихъ во все время, пока прочелъ стихотвореніе. Читалъ онъ не громко, но четко, чуть чуть картавя на «р», и было что-то въ его чтеніи мягкое, я бы сказалъ—интимное, что необыкновенно подходило къ стихотворенію, нѣжному и грустному.

Когда онъ кончилъ, его заставили еще прочесть, и еще, и онъ соглашался безъ обычнаго въ такихъ случаяхъ ломанья, просто и спокойно. И когда кончилъ третье или четвертое, поднялъ глаза и сказалъ съ чуть замѣтной усмѣшкой:

— Все! Больше нѣтъ!—и сталъ курить папиросу.

Послѣ ужина мы съ нимъ познакомились ближе.

— Да, деревня!—говорилъ онъ, когда я отвѣтилъ на его вопросъ, постоянно ли я живу въ Петербургѣ,—вы не можете представить себѣ, какъ хотѣлъ бы я пожить въ деревнѣ, въ настоящей русской деревнѣ, и подольше... Мнѣ хочется много знать о ней, а я не знаю, не знаю крестьянъ, ихъ жизни, а вѣдь какъ это интересно!

Башкинъ говорилъ о деревнѣ такъ, какъ невольный эмигрантъ говоритъ о покинутомъ отечествѣ.

Впослѣдствіи, послѣ трехлѣтняго знакомства, Вас. Вас. навѣстилъ меня въ псковской деревнѣ, гдѣ я жилъ тогда съ семьей.

Онъ пріѣхалъ лѣтомъ, кажется, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, прямо изъ Ялты, забросивъ,—какъ онъ говорилъ—вещи домой въ Сергіево.

И тутъ я могъ видѣть, какъ близокъ душѣ его деревенскій пейзажъ, какъ любопытна для него была самая деревня, ея люди, ея жизнь.

— Вы не повѣрите,—говорилъ онъ, когда мы бродили съ нимъ по полямъ среди уже наливающихся, уже тяжелѣвшихъ волнъ ржи,—какъ мечталъ я тогда тамъ, въ Крыму, обо всемъ этомъ. Мечталъ просто, можетъ быть, наивно придти, вотъ такъ въ поле, сѣсть гдѣ нибудь у дороги, а то лечь на межѣ, гдѣ нибудь во ржи и слушать ее...

Онъ останавливался, смотрѣлъ вдаль и улыбался. И тогда я понялъ, какая тоска была для него жить далеко отъ такихъ пахучихъ, тихо шуршащихъ полей, отъ сонной рѣчки, обросшей по берегамъ ольховыми кустами.

Онъ любилъ деревню, любилъ скромную и величественную въ своей печальной простотѣ природу русскую и мечталъ о ней грустными и красивыми стихами. Всѣ эти «рощи, ярко зеленѣющія кружевомъ березъ», юные сады, что «въ жемчужно-матовомъ цвѣту утомленною невѣстою стоятъ», строки о томъ, какъ «смолой и хмелемъ дышетъ тишина и сокъ въ березахъ бродитъ, какъ вино»,—все это мечты одинокаго, оторваннаго отъ родины человѣка, присужденнаго жить въ коридорахъ улицъ, сдавленныхъ каменными громадами домовъ или подъ лубочно яркимъ синимъ небомъ въ крикливомъ и чуждомъ городѣ.

Онъ жилъ одной жизнью съ этой природой, и для него она была живой и близкой по внутреннимъ переживаніямъ, и кленъ, «свѣтлокудрый, стройный кленъ» встрѣчалъ его поклономъ, «о чемъ то подумалъ пушистый ячмень за дорогой, вздохнулъ, прошумѣлъ и стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало»—и мертвой, ненужной, утомительной была для него Ялта, надоѣвшая своими пляжами, курзалами, татарами, проводниками и курортными барынями, всей своей показной шумихой пустой жизни, съ опошленной тысячами фотографій и открытокъ, подчищенной и подстриженной природой, на лбу которой красуется клеймо велосипедовъ «Dux» или шоколада Gala-peter...

Онъ тосковалъ тамъ—и письма его оттуда были грустныя.— «...—здѣсь уныніе и грусть,—писалъ онъ въ мартѣ 1907 г. изъ Ялты,—качается море, такъ что въ глазахъ рябитъ, а интересы—погода и Думбадзе, Думбадзе и погода... Словно кукушка тянетъ безъ конца свое ку-ку... Если къ этому прибавить одиночество, туманъ и курортную публику—станетъ тошно!..»

Въ тотъ же пріѣздъ, какъ-то сидя за чаемъ на балконѣ, онъ говорилъ:

— Знаете, я часто думаю иногда, какъ интересно было бы поступить рабочимъ въ крестьянскую большую семью, ну на годъ, что ли... Вѣдь тогда все узналъ бы, увидѣлъ бы «своими собственными» глазами, и какъ онѣ живутъ, и чѣмъ живы... Но это, конечно, мечты, я боленъ...

Это были, конечно, мечты и не по одному тому только, что онъ былъ боленъ, но эта болѣзнь и связанный съ нею вопросъ смерти, съ которымъ онъ столкнулся съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ, часто и много мѣшали ему.

Цѣль этой бѣглой замѣтки не оцѣнка достоинствъ и размѣровъ таланта покойнаго, это—просто черты, можетъ быть, только черточки изъ личныхъ воспоминаній и встрѣчъ,—но нельзя не сказать, что смерть, мысль о которой рано встала передъ Вас. Вас., наложила свою тяжелую руку на неокрѣпшее, нѣжное дарованіе.

Большинство послѣднихъ беллетристическихъ вещей Башкина кончаются тѣмъ или инымъ варіантомъ этого страннаго вопроса. Отъ чтенія иныхъ разсказовъ его получалось жуткое впечатлѣніе: какъ будто мысль этого человѣка, какъ привязанная невидимой нитью, тоскливо мечется около смерти, взлетаетъ и падаетъ, обезсиленная, пораженная безысходнымъ ужасомъ непроницаемой тьмы, и снова пытается подняться, и трепещетъ, и не можетъ отойти, порвать невидимую нить, и снова падаетъ... Та нѣжная, мягкая печаль, которой овѣяны произведенія перваго періода недолгой литературной дѣятельности его, во второмъ превращается въ судорожное летаніе, въ какое то битье головой объ стѣну, страшную, молчаливую стѣну...

Страшно и больно сложилась его судьба: ничего общаго не

имѣвшій съ коммерціей, среднее образованіе онъ получилъ въ коммерческомъ училищѣ, и въ то время, когда уже писалъ и печаталъ стихи, сушилъ себя надъ бухгалтеріями и торговыми корреспонденціями; совершенно не активный революціонеръ по темпераменту, человѣкъ раздумья и творчества, въ годы студенчества онъ близко стоялъ къ партійнымъ кругамъ и ушелъ отъ нихъ, когда здоровье стало настолько шаткимъ, что на него надо было обратить серьезное вниманіе, ѣхать въ Крымъ, лѣчиться, оставить всякую, даже литературную работу; онъ былъ молодъ и сталъ на литературную дорогу и—казалось бы—тутъ бы ему и развернуть тѣ силы, что вложены были въ чуткую душу, и съ первыхъ литературныхъ шаговъ столкнулся съ вопросомъ смерти, своей, личной смерти, разомъ подломившимъ его, и началось это круженіе...

Въ книжкѣ его стиховъ, выпущенной за два года до смерти, есть стихотвореніе «Передъ концомъ», кончающееся такими строками:

...И близокъ сталъ послѣдній, мѣрный часъ;
Уходъ минутъ хоть тише, но замѣтнѣй...
А жизнь зоветъ, и зовъ ея привѣтнѣй...

Она звала, звала своими красками, настроеніями, переживаніями, манила къ себѣ непонятной и влекущей игрой,—и все это было для него подернуто чернымъ флагомъ медленнаго и неуклоннаго умиранія, не сознавать котораго онъ не могъ, забыть которое не былъ въ силахъ.

Двѣ черты я призналъ бы существеннѣйшими чертами духовнаго облика Башкина: его подкупающую искренность, чувствовавшуюся сразу, съ первыхъ минутъ знакомства, и его особенную, свойственную только ему нетерпимость. Я написалъ это слово и чувствую, что употребилъ выраженіе неточное, не исчерпывающее того, что было въ немъ. Это была не та нетерпимость, что отталкиваетъ все, не подходящее къ личному міропониманію и личнымъ исканіямъ, но заставляющая относиться осуждающе ко всему, что не я, и не входитъ въ область, не занимающую это я, а это была особая нетерпимость скорѣе по отношенію къ себѣ, чѣмъ къ другимъ.

Башкинъ не могъ откладывать разрѣшеніе какого нибудь насущнаго, важнаго вопроса, изъ тѣхъ, про которые обычно говорятъ: «потомъ разберусь», «потомъ подумаю объ этомъ», «тамъ видно будетъ». Столкнувшись съ такимъ вопросомъ въ жизни, онъ настойчиво и упорно искалъ разрѣшенія его и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не приходилъ къ тому или иному выводу. Онъ не могъ терпѣть какой либо путанницы, неясности въ себѣ, не могъ жить «пока» до яснаго и опредѣленнаго разрѣшенія.

Я не могу умолчать объ одномъ эпизодѣ, могущемъ служить нѣкоторой иллюстраціей вышесказанному. Это произошло въ то же

пребываніе его у меня въ деревнѣ, чуть ли не въ первый день пріѣзда. Разспрашивая о новостяхъ литературнаго міра, о знакомыхъ писателяхъ, я спросилъ его, между прочимъ, объ авторѣ много нашумѣвшей тогда книги, общемъ нашемъ знакомомъ. Книга, написанная имъ, вызвала бурные толки въ печати и публикѣ, не замолкшіе и по сей моментъ, и была типичной выразительницей тѣхъ новыхъ настроеній и исканій—часто безплодныхъ,—которыя одно время воплотились въ цѣлое литературное теченіе. По формѣ и трактовкѣ она была нѣсколько парадоксальна, и эта парадаксальность порою граничила съ рискованностью въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, образы затрагивали такъ называемый половой вопросъ, и я не могу забыть, съ какимъ волненіемъ говорилъ Вас. Вас. именно объ этой части книги.

— Тутъ что то не такъ, я какъ то не могу понять, въ чемъ тутъ дѣло,—говорилъ онъ своимъ неровнымъ, вздрагивающимъ голосомъ, безпрерывно закуривая все тухнувшую папироску,—какое то недоразумѣніе, не то онъ не такъ выразился, какъ хотѣлъ, не то я не такъ понялъ... Я не могу принять и помириться съ тѣми, что онъ говоритъ...

И онъ, горячо и волнуясь, началъ указывать тѣ мѣста въ книжкѣ, которыя ему казались непріемлемыми.

По отношенію къ женщинамъ, а въ особенности къ дѣвушкамъ, Башкинъ былъ настроенъ особеннымъ образомъ: онъ подходилъ къ нимъ немного застѣнчиво, но всегда искренне, довѣрчиво и, употребляя старинное слово, — смотрѣлъ на нихъ идеально. Немного грубоватая трактовка половой жизни женщины въ упоминаемой книгѣ его не оскорбляла, не обижала и не сердила, а ставила въ тупикъ, изъ котораго онъ никакъ не могъ выбраться. Онъ недоумѣвающе разводилъ руками и удивлялся:

— Вѣдь не все же сводится къ *этому*, и *это* даже не главное, не вопросъ перваго плана, наоборотъ,—это, если и есть, то гдѣ то глубоко, въ видѣ крохотной точки, можетъ быть, даже безсознательно, можетъ быть, а вѣдь тутъ, смотрите...

Онъ привелъ какую то цитату и опять развелъ руками.

Похоже было, будто онъ натолкнулся на нѣчто такое, чего никакъ не ожидалъ, и не могъ справиться съ этимъ. Впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, и еще позже—въ Ялтѣ, я видѣлъ у него на столѣ книги Крафтъ-Эбинга, «Половой вопросъ» Фореля и другія. Очевидно, онъ «выяснялъ недоразумѣніе», искалъ отвѣта и примиренія «недоразумѣнія» съ своими воззрѣніями. И помню, что неоднократно у насъ возобновлялся этотъ разговоръ. Говорилъ онъ по этому поводу и съ авторомъ пресловутой книги.

Разъ столкнувшись въ жизни съ какимъ нибудь явленіемъ, Башкинъ не могъ оставаться въ сторонѣ, не выяснивъ точно своего отношенія къ нему, какъ составивъ опредѣленное мнѣніе о че-

ловѣкѣ, при всей своей деликатности и мягкости, не могъ скрыть этого мнѣнія.

Помню такой случай: какъ то въ Петербургѣ на масляной онъ зашелъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ идти куда нибудь въ ресторанъ ѣсть блины. Пошли мы въ маленькій ресторанчикъ, издавна пользующійся славой литературнаго кабачка, пришли, усѣлись и потребовали блиновъ. Подошелъ еще кто то изъ знакомыхъ, присоединился къ намъ, стали ѣсть втроемъ. Подошедшій оказался вернувшимся недавно съ Дальняго Востока, гдѣ онъ былъ военнымъ корреспондентомъ, и сталъ разсказывать, что онъ тамъ видѣлъ. Разсказывалъ онъ живо, передавалъ любопытные факты, и Василій Васильевичъ съ интересомъ разспрашивалъ его. Отъ случаевъ на войнѣ разговоръ перешелъ на общія темы, и какъ то незамѣтно создалась обстановка дружеской, интимной бесѣды. Башкинъ оживился, глаза у него заблестѣли, и часто онъ улыбался свойственной ему улыбкой, освѣщавшей все лицо мягкимъ внутреннимъ свѣтомъ.

Въ это время къ столу подошелъ одинъ поэтъ, человѣкъ не безъ дарованія, но личная жизнь котораго была полна странностями, если не сказать больше. Незадолго передъ тѣмъ одна изъ такихъ «странностей» была проявлена по отношенію къ одному нашему общему знакомому. «Странность» была такъ велика и послѣдствія ея такъ плохо отразились на нашемъ знакомомъ, что имъ частнымъ образомъ былъ созванъ тѣсный товарищескій кружокъ для обсужденія проявленной поэтомъ «странности».

Василій Васильевичъ, очень мягко высказывавшійся на обсужденіи, послѣ него порвалъ всякія отношенія съ поэтомъ. Мнѣ кажется, что я не ошибусь, если скажу, что явилось это слѣдствіемъ не принципіальнаго осужденія, не холоднаго, умственнаго подраздѣленія на «правыхъ» и «виноватыхъ», а результатомъ той нетерпимости, больше по отношенію къ себѣ, чѣмъ къ другимъ, той нравственной чистоты, *невозможности* для него лгать, подавать руку, говорить, слушать человѣка, котораго онъ не могъ уважать,—поступать противъ правды, которою полна его искренняя натура.

Онъ, не глядя, сморщившись, какъ отъ боли, поздоровался съ подошедшимъ, кстати сказать, чувствовавшимъ себя очень свободно, такъ, какъ будто бы все случившееся было только веселымъ анекдотомъ, и потухъ. Я не сумѣю лучше опредѣлить то состояніе, въ которое впалъ Башкинъ съ момента появленія безцеремоннаго господина. Онъ погасъ, потухъ, потухло лицо, стало напряженнымъ и болѣзненнымъ, словно онъ переносилъ непріятную операцію, потухли глаза, онъ замолчалъ.

Наконецъ, не выдержалъ, наклонился ко мнѣ и шепнулъ:

— Я не могу... Пойдемте, вѣдь это же, богъ знаетъ, что такое...

И, быстро расплатившись, направился къ двери.

Я зналъ его долго и видѣлъ, что для него, дѣйствительно, невозможно было оставаться вблизи человѣка, въ правдивости и нравственной чистоплотности котораго онъ разувѣрился. Самъ онъ былъ правдивъ до мелочей и не требовалъ—онъ, по мягкости своего душевнаго строя, никогда ничего не могъ потребовать, а *хотѣлъ* того же въ другихъ. И если онъ не находилъ этого, то отходилъ въ сторону, грустный и какъ то по особенному, по своему, тоже мягко и какъ то скромно негодующій...

— Я не могу, понимаете, не могу! — твердилъ онъ въ такихъ случаяхъ, безпомощнымъ, дѣтскимъ движеніемъ прижимая руку къ груди,—понимаете, можетъ быть, я жестокъ, неправъ, но... не могу!..

Мягкость—вотъ основная черта его душевнаго склада, какъ мнѣ кажется. И не ей ли обязанъ былъ онъ той любовью и вниманіемъ, которыя встрѣчали его, гдѣ бы онъ ни побывалъ?

Въ тотъ достопамятный пріѣздъ его ко мнѣ, въ моей семьѣ было много дѣвушекъ, молодыхъ и веселыхъ. Онѣ знали Башкина по литературѣ и, если можно сказать такъ, заглазно любили его, уже и это было характерно: нѣжная, мягкая грусть, разлитая въ стихахъ и разсказахъ его, его стремленіе къ иной, свѣтлой и радостной жизни, не рѣзкое, не требовательное, а подернутое какимъ то тихимъ, какъ бы вечернимъ свѣтомъ, его глубокая печальная неудовлетворенность тѣмъ, что есть, наконецъ, кристальная чистота его, воплощенная въ грустныхъ поэтическихъ дѣвушкахъ его разсказовъ—все это влекло къ нему, служило отвѣтомъ дѣвичьей печали, дѣвичьей мечтѣ.

Но когда онъ пріѣхалъ, когда пробылъ первый день, онъ буквально очаровалъ всѣхъ. Полное отсутствіе даже намека на какое либо «ухаживанье», чрезвычайная простота и естественность обращенія, стихи, которые онъ читалъ, какъ всегда, безъ особыхъ просьбъ, соглашаясь охотно, создали атмосферу какой то дружественности, я бы сказалъ—даже братства.

Я былъ тогда очень занятъ и не могъ посвящать много времени своему гостю, но это не стѣсняло, и потому, что чувствовалось, какъ далекъ былъ онъ отъ какого либо осужденія, и потому, съ какимъ удовольствіемъ бродилъ онъ по полямъ и горамъ съ моими юными родственницами.

Не задолго до его отъѣзда произошелъ шутливый инцидентъ, о которомъ теперь, послѣ его смерти, почему то немного больно вспоминать.

Мѣстность, въ которой я жилъ, была гористая. По дорогѣ отъ деревенскаго кладбища, куда ходили обычно гулять по вечерамъ, былъ довольно сильный подъемъ. Каждый разъ, приближаясь къ нему, Башкинъ говорилъ:

— Тутъ будетъ моя могила!

Онъ былъ уже тогда боленъ, подниматься ему было трудно, и

послѣ подъема онъ долго отдыхалъ, сидя на крылечкѣ сельской школы. Это крылечко съ тѣхъ поръ въ хроникѣ моей семьи стало извѣстнымъ подъ названіемъ Башкинской могилы.

Весною 1908 года я съ женой былъ въ Ялтѣ. Мы заранѣе списались съ Василіемъ Васильевичемъ, условились телеграммами о днѣ нашего пріѣзда, но какое то обстоятельство задержало насъ на сутки въ Севастополѣ и, благодаря этому, онъ не могъ насъ встрѣтить. Оставивъ вещи въ гостиницѣ, едва умывшись и переодѣвшись съ дороги, мы отправились разыскивать Башкина. Но не успѣли завернуть въ первую улицу, какъ еще издали увидѣли высокую фигуру въ черномъ пальто и мягкой шляпѣ. Щуря близорукіе глаза, онъ подходилъ къ намъ, очевидно, не узнавая, и, только когда подошелъ вплотную, улыбнулся.

— А я о васъ справляться шелъ, вчера ждалъ, нѣтъ васъ, думалъ, обманули.

Выглядѣлъ онъ очень хорошо: сильно поправился, порозовѣлъ, и была въ немъ, во всей фигурѣ, какая то бодрость, упругость въ быстрыхъ, точныхъ движеніяхъ, въ легкой сильной походкѣ. Я сказалъ ему объ этомъ.

— Режимъ, режимъ, въ десять часовъ спать, молоко, яйца и отдыхъ!—отвѣчалъ онъ,—чувствую себя недурно въ общемъ...

Мы пошли къ нему и долго сидѣли за чаемъ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, и лежавшая внизу Ялта освѣтилась тысячами огней, а вверху загорѣлись звѣзды, мы вышли на балконъ. Вечеръ былъ тихій и теплый. Смутный шумъ большого города постепенно замиралъ и на смѣну ему мягкими, ритмическими взмахами доносился шумъ моря. Днемъ его не было слышно за трескотней колесъ, криками торговцевъ, пароходными свистками и всѣмъ сложнымъ гамомъ яркаго крикливаго дня, но теперь онъ росъ и подымался, затушевывалъ всѣ звуки, и казалось, что волны бьются совсѣмъ близко, вотъ подъ этой горой.

— Здѣсь было бы хорошо, ежели бы не такъ скучно,—говорилъ Василій Васильевичъ,—а то когда сидишь здѣсь одинъ, то съ тоски помереть можно. Лѣченіе, докторъ, діэта, режимъ, все это дѣйствуетъ угнетающе и подъ конецъ получается такое впечатлѣніе, будто кромѣ твоей болѣзни на свѣтѣ ничего нѣтъ... А это скверно... уходить въ себя такъ!

Я сказалъ ему, что къ разгару сезона въ Ялту пріѣдутъ нѣкоторые знакомые, и будетъ не такъ скучно.

— Это хорошо, а то я стосковался безъ разговоровъ о литературѣ даже!..—отвѣтилъ онъ.

Въ тотъ годъ въ Ялтѣ, дѣйствительно, собралась литературная компанія. Все время Башкинъ былъ веселъ и оживленъ и, несмотря на то, что отъ режима остались одни только воспоминанія здоровье его казалось болѣе устойчивымъ, чѣмъ когда либо.

— Хочу работать, надо работать,—говорилъ онъ,—облѣнился и опустился я тутъ, ничего не дѣлаю...

Я говорилъ ему, что ему нужно сперва основательно поправиться, отдохнуть и тогда уже приниматься за работу.

— Такъ-то-такъ, а все таки надо... Понимаете, хорошо бы написать такую вещь, гдѣ было бы много молодежи, солнца, радости, «веселую» вещь...

Онъ посмотрѣлъ на меня затуманеннымъ, мечтательнымъ взглядомъ. Мнѣ показалось, что, говоря это, онъ чувствовалъ не одну только необходимость работы, написанія именно такой вещи. И я не ошибся: черезъ нѣсколько дней, встрѣтившись въ городскомъ саду, онъ представилъ мнѣ и женѣ моей барышню, шедшую съ нимъ:

— Моя невѣста!..

Кажется, въ тотъ же или въ одинъ изъ слѣдующихъ вечеровъ онъ былъ у насъ на дачѣ со своей невѣстой. Въ немъ проявилось что-то новое, какая-то особая черта не то сдержанности, не то серьезности. Она что-то напоминала мнѣ, эта черта, но я никакъ не могъ уловить, что именно.

За чаемъ говорили о томъ, что лѣто и зиму онъ проживетъ въ Ялтѣ, а къ веснѣ будущаго года переѣдетъ въ Петербургъ и поселится по близости его въ одной изъ дачныхъ мѣстностей.

Когда онъ говорилъ объ этомъ времени, о томъ, какъ онъ устроится гдѣ-нибудь въ Финляндіи, я понялъ, что или, вѣрнѣе, кого напоминала мнѣ эта новая появившаяся въ немъ черта: такъ хорошій, молодой крестьянинъ, отгулявшій въ парняхъ, думаетъ и мечтаетъ о томъ времени, когда ему надо будетъ взяться за серьезную жизнь, стать серьезнымъ хозяиномъ и завести свое серьезное гнѣздо.

Онъ не знаетъ и не думаетъ, почему и зачѣмъ это нужно, чувствуетъ только, что это «нужно», и что этимъ онъ выполняетъ какой-то большой, смутно имъ понимаемый, законъ.

Нельзя было не порадоваться за него, хотя одновременно легкое опасеніе являлось при мысли о томъ, какъ повліяетъ эта перемѣна жизни на его здоровье. Но, глядя на него, на бодрую, жизнерадостную улыбку, хотѣлось думать, что онъ уже совсѣмъ почти здоровъ, что опасности нѣтъ, что легочный процессъ закончился.

И только разъ смутное чувство сжало сердце. Какъ-то утромъ я зашелъ къ нему. Жилъ онъ тогда не на горѣ, въ Гимназической улицѣ, гдѣ жилъ постоянно въ Ялтѣ, а на берегу моря, въ маленькомъ переулочкѣ между Чукурларомъ и самой Ялтой. Жилъ онъ вмѣстѣ съ писателемъ А—ымъ, тоже больнымъ, и вмѣстѣ, надо сказать—довольно юмористически, они лѣчились: температуру измѣряли, когда вздумается, вѣрнѣе, когда вспомнятъ, вечерами просиживали въ сыромъ городскомъ саду, спали мало и не во

время. Къ тому времени, когда надо было идти къ доктору, они выводили показанія термометра способомъ, обычнымъ при исканіи средней: брали maximum и minimum, дѣлили на число показаній и ставили въ извѣстныхъ колебаніяхъ цифру, споря, кому «играть на повышеніе и кому на пониженіе». А—въ увѣрялъ, что это самый точный способъ, до котораго еще не додумались доктора.

Я пришелъ въ то время, когда имъ принесли молоко. Оба они пили его съ утра по два стакана. И тутъ, когда я увидѣлъ, съ какимъ отвращеніемъ и брезгливостью, проступившей на лицѣ судорожной гримасой, пьетъ это молоко Башкинъ, тутъ я подумалъ, что онъ совсѣмъ не такъ здоровъ, какъ это казалось, и что, въ сущности, всю бодрость, подобранность и твердость его физическую можно отнести на счетъ приподнятыхъ, натянутыхъ нервовъ, державшихъ его въ непрестанномъ напряженіи.

Это ялтинское свиданіе было, увы! послѣднимъ нашимъ свиданіемъ. Къ тому времени, когда онъ, уже женатый, переѣхалъ въ Петербургъ и устроился, какъ и предполагалъ, въ Финляндіи, я уѣхалъ въ провинцію. Время отъ времени онъ писалъ мнѣ и, судя по этимъ письмамъ, настроеніе у него было не изъ важныхъ. Это усугублялось еще нуждой, недостаткомъ средствъ, неожиданно вошедшимъ въ жизнь. Письма его пестрятъ фразами о томъ, что «обстоятельства мои финансовыя на нѣкоторое время весьма плохи, а расходовъ бездна», «бьюсь, какъ бѣлка въ колесѣ, а денегъ все нѣтъ», «деньги, слѣдовательно, нужны до зарѣзу» и т. д.

Съ этого же времени начинаются и тревожныя вѣсти о здоровьѣ.

«Напишу нѣсколько нескладно, ибо мысль въ туманѣ и нездоровъ. Вчера температура была 38...» (26 мая).

«Изъ Сергіева покуда не выѣзжаю, надо укрѣпиться...» (10 іюня).

«Сижу въ Райволѣ безвыѣздно, запертъ докторами. Окаянная температура не хочетъ войти въ норму...» (20 августа).

И послѣднее:

«...Живу плохо. Сталъ почти инвалидомъ. Ослабъ и нуждаюсь въ длительномъ отдыхѣ. Запертъ въ квартирѣ, какъ въ тюрьмѣ. Не вижу жизни, не чувствую ее и превращаюсь въ желчнаго и раздражительнаго ипохондрика. Не работаю, ибо и письмо мнѣ написать—трудъ обстоятельный, почти непосильный. А «какъ дошла ты до жизни такой»—разсказывать долго. У жены подвигаются роды. Трушу, какъ сойдетъ неизбѣжное. И трушу самъ, вообще: похоже на то, что почву вырываютъ изъ-подъ ногъ и *скоро полечу въ пропасть...*» (21 сентября).

Эти подчеркнутыя мною слова больно рѣзнули по сердцу. Въ пустой дачѣ, чуждой и нелюбимой Финляндіи, умираетъ человѣкъ, измученный тяжкимъ недугомъ, нуждой и страшнымъ ожиданіемъ смерти.

Вотъ - вотъ долженъ былъ пробить «послѣдній, мѣрный часъ». Его ждали давно и съ напряженной тревогой слушали уходъ минутъ, послѣднихъ минутъ этой молодой жизни. Это ожиданіе обострялось и падало, и бывало такъ, что занятые сегодняшнимъ днемъ и сегодняшнимъ дѣломъ—люди порой забывали о молчаливой трагедіи медленнаго, одинокаго умиранія. И опять вспоминали, и шелъ глухой и неясный слухъ о томъ, что умиралъ онъ въ нуждѣ, въ бѣдности, въ безпросвѣтномъ безденежьи. Торопливо, наскоро дѣлали, что могли, а иногда ограничивались только однимъ желаніемъ сдѣлать, откладывая исполненіе на завтра, на будущую недѣлю и, занятые сегодняшнимъ днемъ и сегодняшнимъ дѣломъ, забывали порой.

И когда часъ пробилъ, когда человѣка не стало — растерянно оглянулись и съ тоской, съ болью, обезкураженные внезапной пустотой на томъ мѣстѣ, гдѣ была молодая, цѣнная жизнь, съ горькимъ позднимъ сожалѣніемъ вспомнили, какъ мало было сдѣлано для ушедшаго, какъ мало было выражено любви ему... Она была, эта любовь, она заставила сжаться сердце при послѣднемъ извѣстіи, но пряталась она, робкая и стыдливая, подъ сегодняшнимъ днемъ и сегодняшимъ дѣломъ...

В. Муйжель.

Объ „Анатэмѣ" въ связи съ общимъ жизнеотношеніемъ Л. Андреева.

Леонидъ Андреевъ подвергался упрекамъ въ мимолетности темъ, за которыя берется въ своихъ произведеніяхъ. Сегодня одна злоба дня, у Л. Андреева одна тема; завтра другая злоба дня, у Л. Андреева другая тема, и т. д. Это не вѣрно въ дѣйствительности, но до извѣстной степени похоже на правду. Л. Андреевъ неизмѣнно откликается на всякое общественное переживаніе. Примѣръ—хотя бы «Анатэма», резюмирующій отношеніе автора къ религіозному началу въ жизни человѣка и въ жизни человѣчества, и съ субъективной, и объективной точекъ зрѣнія. Русская интеллигенція переживаетъ теперь полосу мистическаго влеченія. Л. Андреевъ присматривается къ этому распространенному и даже модному теченію. Присматривается и резюмируетъ свое отношеніе въ «Анатэмѣ».

Тѣмъ не менѣе мы должны подчеркнуть то, что уже подчеркнули: непостоянность и случайность темъ, овладѣвающихъ творчествомъ Л. Андреева, по существу только кажущаяся.

На самомъ дѣлѣ всѣми случайными темами Л. Андреева руководитъ одна и та же мысль—или вѣрнѣе—одно и то же чувство: *какъ принять жизнь*? Какъ сжиться съ нею? Какъ примирить съ нею свою собственную мысль?

Это сполна относится къ «Анатэмѣ». Если начать съ первыхъ произведеній Л. Андреева, то окажется, что черезъ весь лабиринтъ андреевской выдумки ведетъ непрерывная нить, приводящая къ «Анатэмѣ», какъ логическія посылки приводятъ къ логическому выводу.

Разрѣшите поэтому начать съ небольшого отступленія въ сторону раннихъ вещей Л. Андреева.

И пусть читатель не посѣтуетъ, если это покажется докучнымъ повтореніемъ того, съ чѣмъ уже приходилось встрѣчаться въ нашихъ замѣткахъ о Л. Андреевѣ.

Вѣдь жизнь человѣка разсказана въ произведеніяхъ Л. Андреева давно, много раньше, чѣмъ написана схематическая пьеса «Жизнь Человѣка». Въ сущности, онъ никогда и ни о чемъ иномъ не разсказывалъ, какъ о той темной сути, которая называется громкими словами «жизнь человѣка».

При этомъ получилась, какъ мы отмѣчали, почти странная вещь. Мы живемъ въ пору всеобщаго поклоненія художникамъ. Отъ нихъ ждутъ вѣщихъ словъ, проникновеній и постиженій... Имъ приписывается чуть не сверхъ-естественная способность видѣть чѣмъ то въ родѣ всепроникающихъ рентгеновскихъ лучей, — тамъ, гдѣ простые люди ничего не видятъ. Именно по этимъ причинамъ жадно ловятъ каждое слово Л. Андреева, по своему думающаго, а онъ съ первыхъ же вещей утверждаетъ одно: люди непонятны. Гораздо больше, чѣмъ пространство о 4-хъ измѣреніяхъ. У него даже вырываются слова: «*ужаснѣе всего*» для человѣка люди, потому что ихъ нельзя *понять*.

Припомните хоть мрачный анекдотъ на тему: «Нѣтъ прощенія?»

Выводъ Л. Андреева изъ этого анекдота такой: душа человѣка-ребусъ.

Два человѣка—въ разсказѣ дѣйствующихъ лицъ двое: мужъ и жена—два ребуса. Возьмите тысячу людей, сотни тысячъ—вы получите такое же количество ребусовъ. Разница будетъ только въ подробностяхъ; одни ребусы будутъ называться героями, другіе преступниками; одни ребусы будутъ въ лохмотьяхъ; другіе въ кружевахъ. Впрочемъ, будетъ еще другая разница: люди, слившіеся въ коллективъ, люди, требующіе и ожидающіе чего то одинъ отъ другого и въ то же время непонимающіе и непонятные, перестанутъ быть только жалкими, какими бываютъ въ одиночку, и въ массѣ пріобрѣтутъ характеръ чего то угрожающаго и внушающаго страхъ.

Вы помните, вѣроятно, эту Андреевскую лирику о большомъ городѣ въ сборникѣ мелкихъ разсказовъ Л. Андреева.

Разсказъ такъ и называется: «Городъ».

«И чѣмъ больше было людей—подчеркивалъ Л. Андреевъ въ этомъ разсказѣ — которые не знали другъ друга, тѣмъ ужаснѣе становилось одиночество каждаго. И въ эти черныя, грохочущія ночи Петрову часто хотѣлось закричать отъ страха, забиться куда-нибудь въ глубокій подвалъ и быть тамъ совсѣмъ одному. Тогда можно думать только о тѣхъ, кого знаешь, и не чувствовать себя такимъ безпредѣльно одинокимъ, среди множества чужихъ людей».

Оцѣните сами этотъ ужасъ одареннаго человѣка передъ человѣкомъ,—ужасъ передъ тѣмъ, что человѣка никакимъ усиліемъ мысли и желанія нельзя понять.

Все это, однако, было бы просто и понятно, если бы затерянный герой «Города», а тѣмъ больше—его авторъ, были бы ненавистниками жизни и людей. Тогда вѣдь все становится просто. Люди непонятны и внушаютъ страхъ,—уйди отъ нихъ, живи одинъ! Но именно это *невозможно* ни для Петрова, героя «Города», ни тѣмъ больше для самого Л. Андреева. Имъ обоимъ *нужны* люди, *нужно тепло человѣческихъ отношеній*; нужна красота человѣческихъ отношеній. Л. Андреевъ меньше всего готовъ удовлетвориться презрительнымъ, саркастическимъ или сардоническимъ отношеніемъ къ человѣческой массѣ, къ этому живому ужасу домовъ и улицъ въ его разсказахъ.

Но вѣдь въ жизни есть же красота! есть безкорыстное влеченіе къ тому, что называется моральной красотой!

Л. Андреевъ не отрицаетъ этого. Онъ только задалъ себѣ уже давно вопросъ, многаго ли все это стоитъ? И разсказалъ о человѣкѣ—юномъ и чистомъ, который такъ просто и легко способенъ упасть въ «бездну». Вы помните?—Стоило нѣсколькимъ негодяямъ напасть на чистыхъ людей, напоминавшихъ автору ручей въ весеннюю ночь, стоило имъ свершить надъ дѣвушкой гнуснѣйшее, что доступно звѣрю въ человѣкѣ—и юноша, только что разговаривавшій о безсмертной любви и красотѣ, пользуется плодами совершеннаго преступленія и идетъ по слѣдамъ совершившихъ его. «Черная бездна поглотила его»...

Чѣмъ собственно отличается отъ первоначальныхъ преступниковъ юноша Нѣмовецкій? Только тѣмъ, что звѣрь у него въ душѣ сначала спалъ, убаюканный разговорами о безконечности, красотѣ и безсмертіи, а у нихъ совсѣмъ не спалъ, и они повиновались ему.

И это не было исключеніемъ—съ точки зрѣнія Л. Андреева. Онъ вѣдь далъ и другой разсказъ на близкую тему: «Въ туманѣ».

Потомъ пришло новое. Русская жизнь кругомъ автора «Бездны» переживала потрясеніе, о которомъ историки будутъ писать

и раздумывать еще черезъ сотни лѣтъ. А онъ присматривался, присмотрѣлся и нашелъ дополненіе для своего «не вѣрую» и не вѣрю. Если въ раннихъ произведеніяхъ Л. Андреевъ утверждалъ, что въ каждомъ, даже самомъ чистомъ героѣ его «Бездны», сидитъ звѣрь,—въ пору общественныхъ надеждъ на коренное обновленіе жизни онъ прибавилъ новую діагностическую подробность: въ человѣкѣ сидитъ не только звѣрь, но еще и рабъ.

Припомните. Въ разсказѣ «Такъ было» Л. Андреевъ точно боялся, что читатель не сдѣлаетъ необходимыхъ выводовъ, и потому вставилъ въ общій рисунокъ разсказа рѣзко подчеркнутую бесѣду двоихъ, что «стояли на мосту»:

— Я не вѣрю въ ихъ свободу. Они слишкомъ радуются смерти ничтожнаго... Власти нѣтъ, есть только рабство...

— Но вѣдь они любятъ свободу.

— Нѣтъ, они только боятся бича.

Казалась бы, дальше идти некуда. Все взвѣшено, исчислено и измѣрено. Смѣшными кажутся слова стараго поэта о томъ, что «надежда—кроткая посланница небесъ». Для Л. Андреева надежда на что бы то ни было—только сонъ на яву, отъ котораго не хочется проснуться.

Оказалось, однако—если вы опять таки припомните—что идти можно еще дальше.

Жизнь мрачна и безнадежна, но она такова, *потому что* таковы люди. Они звѣри въ скрытыхъ глубинахъ души и они рабы въ замолчанныхъ уголкахъ ея. Но они все таки дѣлатели своей мрачной, безнадежной по звѣриному, рабской жизни. Они жнутъ, гдѣ сѣютъ, и жнутъ то, что сѣяли.

Можно, однако, отнять у нихъ и эту гордость. Можно усомниться и въ этой послѣдней гордости звѣря и раба.

Это и сдѣлалъ Л. Андреевъ въ «Жизни Человѣка». Это вѣдь своего рода художественная ариѳметика въ сценическихъ формахъ. Взяты всѣ слагаемыя, какія только можетъ дать жизнь, и грубо вычислена summa summarum—сумма суммъ; огромный, чудовищный, мучительный нуль... Жизнь *всякаго*, хотя бы онъ писался Человѣкомъ съ большой буквы, неизбѣжно должна быть похожа на эту сценическую ариѳметику. Всякій кончитъ ее въ какомъ-нибудь символическомъ кабакѣ, гдѣ будетъ одурманивать не совѣсть свою, какъ утверждалъ 70-лѣтній юный великій старикъ, а свою человѣческую *гордость*... Къ этимъ неновымъ мотивамъ въ его творчествѣ авторъ «Жизни Человѣка» прибавилъ, несомнѣнно, новый: онъ указалъ на *причину*, почему все это должно быть такъ, а не иначе—во вѣки вѣковъ. И эта причина оказалась *во-внѣ* человѣка. На вопросъ, поставленный себѣ, что есть истина о человѣческой жизни, авторъ принужденъ былъ дать мучительный для него самого отвѣтъ: Нѣкто въ сѣромъ. Все остальное — снова иллюзія, нѣчто въ родѣ тѣхъ узоровъ изъ плѣсени, которые укра-

шаютъ стѣны комнаты у Человѣка въ пору его бодрой «Бѣдности».

Авторъ взялъ человѣка, который имѣетъ право писаться съ большой буквы,—талантливаго, энергичнаго и нужнаго для жизни, окрыленнаго счастьемъ раздѣленной любви. Юный боецъ увѣренъ въ томъ, что онъ хозяинъ своей жизни.

Но гордый человѣкъ сраженъ. Онъ на колѣняхъ передъ тѣмъ, кто сильнѣе его.

— Я молюсь, видишь Ты? Согнулъ старыя колѣни, въ прахѣ разостлался передъ Тобой. Не о милосердіи я Тебя прошу, не о жалости, нѣтъ, *только о справедливости*... прошу, на колѣняхъ, въ прахѣ, цѣлуя землю...

— Равнодушно внемлетъ... Нѣкто, именуемый Онъ.

Не помогла смиренная молитва, съ которой человѣкъ обратился, забывъ о былой гордости Человѣка. Онъ разражается безсильными проклятіями.

— Проклинаю все данное тобою!.. Проклинаю мое сердце, мою голову—и все бросаю назадъ въ твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣкъ! *И проклятіемъ я побѣждаю тебя.*

— ...Равнодушно внемлетъ проклятію Нѣкто въ сѣромъ.

Замѣтьте эти строки!

Замѣтьте, что Человѣкъ въ изображеніи Л. Андреева говоритъ, что онъ «*побѣдилъ*»—тѣмъ, что проклялъ. Онъ былъ бы побѣжденъ, если бы смирился и молчалъ, но онъ проклинаетъ, а сталобыть, онъ побѣдитель!—Вотъ *все*, что можетъ дать Человѣку Л. Андреева кроткая посланница небесъ—надежда: устоять передъ всѣмъ, что обрушится, и проклясть—неизвѣстно кого!

Дальше, кажется, на самомъ дѣлѣ идти некуда. Какъ ни безотрадно было настроеніе ранняго Л. Андреева-разсказчика; какъ ни тяжелы были его творческія переживанія,—въ нихъ все-таки было что-то похожее на выходъ. Жизнь—кошмаръ, люди—кошмарныя явленія, но вѣдь время великій цѣлитель и реформаторъ: можно надѣяться, что жизнь все-таки перестанетъ быть кошмаромъ, разъ люди захотятъ быть людьми и сдѣлаютъ жизнь такою, какой захотятъ. Авторъ «Жизни Человѣка», какъ мы сейчасъ видѣли—вспоминали, поставилъ послѣднюю точку на своемъ символѣ вѣры: человѣкъ—не дѣлатель своей жизни; онъ игрушка чего-то невѣдомаго, но жестокаго.

Прибавьте къ этому, что признанія автора получили въ «Жизни Человѣка» яркую форму, били своей яркой искренностью, и у васъ станетъ свѣжо представленіе не только о значеніи «Жизни Человѣка» въ ряду другихъ произведеній Л. Андреева, но и о той роли, которую она знаменовала въ эволюціи творческаго настроенія самаго мрачнаго изъ русскихъ художниковъ, не только въ настоящемъ, но и во всемъ прошломъ русской литературы.

Мы попытались вкратцѣ напомнить драму въ творческихъ формахъ, которая называется эволюціей художественнаго настроенія Л. Андреева. Мы не могли останавливаться болѣе подробно. Но для насъ важно было оттѣнить и повторить, что произведенія Л. Андреева это—вопль логической *мысли*, лишенной утѣшительнаго выхода. Его безнадежность—безнадежность мысли. Справиться съ жизнью, понять ее—не можетъ, главнымъ абразомъ, *его мысль*. Недаромъ же онъ такъ скептически относится къ ея заслугамъ и въ разсказѣ «Мысль« и въ «Іудѣ» и въ цѣломъ рядѣ подробностей.

И мы прослѣдили вновь этотъ крестный путь скептической мысли отъ ея первыхъ этаповъ до послѣдняго.—Выхода нѣтъ. Надежды, дѣйствительно, нѣтъ.

Но вѣдь есть еще и другая сторона во внутренней жизни человѣка! Область того, что называется чувствомъ.

Есть!

И *потому* черезъ всю толщу гнѣва на человѣка и на жизнь, черезъ всю толщу страданій скептической мысли—у Л. Андреева, какъ мы знаемъ, просвѣчиваетъ неопредѣленная, смутная, но страстная надежда.

Здѣсь мы, конечно, въ области противорѣчій у Л. Андреева.— Мы въ правѣ спросить: гдѣ здѣсь логика?

Авторъ «Жизни Человѣка» намъ отвѣтитъ, что логики на самомъ дѣлѣ нѣтъ, *но внутри него логика есть*, и эта логика подсказываетъ ему одновременно и «вѣрую», и «не вѣрую». Не вѣрую—мыслью, допускаю—гдѣ-то въ невѣдомыхъ мнѣ самому тайникахъ души!

Андреевъ самъ знаетъ эту раздѣленность своей мысли и своего чувства. Но онъ отрицаетъ у насъ, своихъ читателей, право требовать отъ него этой логики. Онъ давно утверждаетъ: «*лживѣе логики нѣтъ ничего на свѣтѣ, когда ею—логикой—мѣряютъ человѣческую душу*» *).

Вотъ почему онъ, авторъ «Бездны», написалъ свои «Черныя маски» съ гимномъ живому огню въ человѣческихъ душахъ.

Вотъ почему Ограждающій входы къ истинѣ—въ его «Анатэмѣ»—провозглашаетъ разсудочному искателю истины, что существуетъ «иной невѣдомый огонь», кромѣ краснаго, желтаго и бѣлаго, который только и видитъ своими глазами аналитикъ «Анатэма». И этотъ «иной невѣдомый огонь»—то, чѣмъ живутъ люди; то, что создаетъ безсмертіе.

Прежде, чѣмъ перейти къ «Анатэмѣ», составляющей спеціальную тему для нашей бесѣды,—резюмируемъ сказанное по поводу болѣе раннихъ произведеній Л. Андреева.

---

*) Приведеная характеристика извлечена изъ нашей сводной статьи о Л. Андреевѣ, напечатанной въ «Бодромъ Словѣ» (1909, февраль—мартъ).

Нѣтъ въ природѣ человѣка отдѣльныхъ началъ: Добра и Зла; нѣтъ *двухъ* началъ, рѣзко и отчетливо разграниченныхъ одно отъ другого. Въ душахъ живетъ хаотическое смѣшеніе обоихъ началъ, опредѣляющее «бездну». Здѣсь все близко и все возможно. Здѣсь все хаосъ. Отсюда непостижность людей другъ для друга. Отсюда отсутствіе доминирующей идеи, мірового Разума—въ міровой жизни, по жизнепониманію Л. Андреева.

Ею управляетъ *не* нѣкто въ черномъ, и *не* нѣкто въ бѣломъ.

Нѣтъ ни опредѣленно бѣлаго, ни опредѣленнаго чернаго—въ глазахъ Л. Андреева. Руководитъ міромъ Нѣкто въ *сѣромъ*. Именно въ сѣромъ.

Эта идея приняла въ творчествѣ Л. Андреева устойчивую форму. Онъ отчетливо видитъ передъ собой непонятнаго руководителя міровымъ хаосомъ и, какъ художникъ, разыскиваетъ въ легендахъ прошлаго тѣ образы, которымъ онъ могъ бы довѣрить свой человѣческій протестъ противъ этого сѣраго руководительства.

Онъ нашелъ для этого почву въ легендѣ о Дьяволѣ и въ сказаніяхъ объ Іудѣ Искаріотѣ.

Помнятъ ли читатели «Іуду Искаріота и другихъ»?

Въ темной массѣ разсказа чувствовалась какая-то надтреснутая горячность.

Разсказывалось что-то несомнѣнно серьезное и острое.

Казалось, что разсказъ опредѣленно тяготѣетъ въ сторону Іуды, въ пользу Іуды, несмотря на упорное подчеркиваніе—самимъ авторомъ — отрицательныхъ подробностей, внѣшнихъ и внутреннихъ, въ образѣ «предателя». Рыночная карикатура даже изображала автора получающимъ тридцать серебрияковъ—отъ Іуды...

Онъ,—Леонидъ Андреевъ,—хотѣлъ возвеличить и превознести Іуду?

Онъ? Леонидъ Андреевъ?—Но развѣ не онъ же авторъ «Мысли», гдѣ человѣческая мысль такъ слаба, такъ ненадежна и обманчива? А кто же Іуда—въ разсказѣ—какъ не фанатикъ человѣческой мысли, увѣренный, что по ея путямъ можно и должно идти?

Онъ—Леонидъ Андреевъ—«воспѣлъ» Іуду изъ Каріота?—Нѣтъ, онъ только воздалъ ему должное.

Вѣдь онъ, авторъ «Іуды» и «Анатэмы», какъ мы видѣли, чуть не съ первой литературной строки своей доказывалъ, что человѣкъ для человѣка не волкъ, но хуже волка: онъ непонятенъ и, какъ непонятное, чуждъ до страха.

И тѣмъ не менѣе люди живутъ одинъ около другого; иногда говорятъ, что *любятъ* другъ друга; умѣютъ горѣть внутреннимъ огнемъ, какъ его символическій герой въ «Черныхъ маскахъ» и не символическіе герои въ «Разсказѣ о семи».

Откуда же все это?

Очевидно, не изъ разума и не отъ разума.—Не отъ Іуды и не по слову Іудину.

Убѣдиться въ этомъ и приходится—Анатэмѣ.

При чтеніи «Анатэмы» съ первыхъ же страницъ бросается въ глаза, что Дьяволъ говоритъ, почти какъ Іуда. Тѣ же ужимки, то же самовосхваленіе (именованіе себя мудрымъ, безстрашнымъ); тѣ же жалобы на всеобщее обманываніе Анатэмы...

Было странно, что Іуда жаждетъ правды—въ изображеніи Л. Андреева.

Но оказывается, что самъ Дьяволъ—Анатэма жаждетъ правды.

«...Кто же любитъ правду больше, нежели Анатэма? Не ты-ли? Молчаливый песъ, грабитель, укравшій истину у міра, желѣзомъ заградившій входы!» —говоритъ гнѣвно Анатэма Ограждающему входы къ Вѣчной Истинѣ.

А Іуда только похожъ въ этомъ отношеніи на дьявола. Ибо оба они разновременные символы одной и той же человѣческой мысли. Быть можетъ, даже слѣдовало бы подчеркнуть: человѣческой мысли спеціально «андреевскаго» оттѣнка, т. е. не согрѣтой вѣрой въ жизнь.

Между тѣмъ жизнь и міръ по «андреевски» непостижны и непостижимы. И ихъ можно принять, только повинуясь безотчетному чувству, влекущему къ міру и жизни, но не пытаясь ни разложить, ни опредѣлить это цѣльное слитное чувство—стремленія жить. Все сущее—въ томъ числѣ человѣкъ—приняло этотъ основной законъ жизни, такъ ярко подчеркнутый въ творчествѣ Л. Андреева. Не принялъ и не подчинился этому лишь одинъ Духъ, не пожелавшій отказаться отъ своего дара видѣть и умозаключать. А умозаключеніе приводило къ одному единственному выводу, что законность, тяготѣющая надъ міровой жизнью, только «жестокая и дикая игра въ законы, злой смѣхъ деспота надъ безгласіемъ и покорностью раба»,—какъ осмѣливается утверждать Анатэма въ спорѣ съ Ограждающимъ.—Самъ онъ примириться съ этой ролью раба не въ состояніи. Это могъ только «глупый человѣкъ»—по презрительному выраженію Анатэмы.

Такимъ образомъ Л. Андрееву принадлежитъ попытка истолковать дьявола, не какъ источникъ сомнѣній, а какъ источникъ стремленій познать истину и прочно взять ее—что называется—въ руки. Онъ не скептикъ, а фанатикъ истины, тоскующій по ней. Онъ жаждетъ ея, но не имѣетъ къ ней, какъ и люди, доступа.

Съ этой точки зрѣнія Духъ-соблазнитель былъ изгнанъ изъ высшихъ міровъ, съ момента сотворенія жизни и человѣка, только потому, что не хотѣлъ принять міръ безотчетно.

Онъ не хотѣлъ и не могъ отказаться отъ своей собственной природы: желанія постигать, знать и быть автономнымъ въ жизни, творимой въ соотвѣтствіи съ постигаемымъ и очевиднымъ.

При такихъ условіяхъ гордый Духъ не былъ нуженъ жизни и міру, и потому подвергся заклятію.

Но заклятіе не измѣнило «возставшаго раба» Анатэмы. Онъ по прежнему жаждетъ познанія. И безсиленъ найти его.

Онъ на все готовъ — лишь бы проникнуть за Врата, охраняющія безспорную истину. Иногда онъ пытается взять дерзостью. Иногда «ползетъ на брюхѣ, какъ собака», по его собственному выраженію,—умоляя Ограждающаго входы. Иногда готовъ цѣловать край одеждъ его... Онъ умоляетъ Ограждающаго: «Вотъ я у ногъ твоихъ, открой мнѣ твое лицо.—Только на мгновеніе, короткое какъ блескъ молній,—открой мнѣ лицо твое.

— Не хочешь?—Тогда назови мнѣ имя того, кто за вратами. Тихимъ голосомъ назови его, и никто не услышитъ, и только я буду знать, *мудрый Анатэма*, тоскующій объ истинѣ»...

Но и дерзкія попытки и униженныя мольбы заклятаго Духа одинаково тщетны.

— Имя! Назови имя! Освѣти путь Діаволу и Человѣку. Все въ мірѣ хочетъ добра и не знаетъ, гдѣ найти его, все въ мірѣ хочетъ жизни—и встрѣчаетъ только смерть. Имя! Назови имя добра, назови имя вѣчной жизни! Я жду.

Нѣкто, ограждающій входы.

Нѣтъ имени у того, о чемъ ты спрашиваешь, Анатэма. Нѣтъ числа, которымъ можно исчислить, нѣтъ мѣры, которою можно измѣрить, нѣтъ вѣсовъ, которыми можно взвѣсить то, о чемъ ты спрашиваешь, Анатэма. Всякій, сказавшій слово: любовь—солгалъ. Всякій, сказавшій слово: разумъ—солгалъ. И даже тотъ, кто произнесъ имя Богъ — солгалъ ложью послѣдней и страшной. Ибо нѣтъ числа, нѣтъ мѣры, нѣтъ имени у того, о чемъ ты спрашиваешь, Анатэма.

Вотъ все, что получаетъ въ отвѣтъ заклятый духъ на свои страстныя домогательства познать и опереться на абсолютную или даже прочно установленную истину. Ограждающій входы или молчитъ или—если даетъ отвѣтъ, то этотъ отвѣтъ немногимъ лучше молчанія: Нѣтъ имени у абсолютной истины! и назвать ее не можетъ даже Ограждающій входы! Но нѣтъ и безспорной истины,—утверждаетъ Ограждающій. И всѣ важнѣйшія слова въ жизни человѣчества—не что иное, какъ ложь невѣдѣнія. Всякій, сказавшій слово: любовь—солгалъ. Ибо не существуетъ того *опредѣленнаго* чувства, которое обозначается словомъ: любовь. Есть только бездна душевная, гдѣ все близко-взаимно уничтожающее другъ друга: любовь и поруганіе... И всякій, сказавшій слово: разумъ—тоже солгалъ бы. Ибо нѣтъ и разума въ мірѣ, т. е. по сю сторону вратъ. Міромъ управляютъ «безуміе и ужасъ» и «Красный смѣхъ»... Ограждающій входы прибавляетъ и еще одно: даже тотъ, кто вымолвилъ слово Богъ,—солгалъ. Ибо взялъ на себя утверждать, что міромъ управляетъ *благостная* сила. Познаваемая или

непознаваемая, но *благостная* сила. И это утвержденіе—самообманъ, ибо не можетъ быть такой увѣренности, оправдываемой усиліями мысли...

А міръ и жизнь все-таки существуютъ. И что еще удивительнѣе для Анатэмы; міръ и жизнь полны надежды на вѣчную грядущую радость.

Для Анатэмы это отсутствіе логики; все въ немъ протестуетъ противъ этого оскорбленія очевидности. Но люди, но міръ живутъ этимъ отсутствіемъ логики, этимъ оскорбленіемъ очевидности, и въ немъ черпаютъ свою радость—надежды.

Нѣтъ надобности снова подчеркивать, до какой степени эта характеристика Анатэмы гармонируетъ и цѣльно сливается съ недоумѣннымъ отношеніемъ къ жизни самого Л. Андреева,—съ тѣмъ недоумѣннымъ отношеніемъ, которое намъ уже много разъ приходилось отмѣчать.

Теперь, когда прочитана «Анатэма», много темнаго разъясняется—для насъ—въ «Іудѣ Искаріотѣ и другихъ».

Когда Ѳома назвалъ Іуду сыномъ дьявола, Іуда—если вы припомните—очень живо реагировалъ на замѣчаніе Ѳомы. Тотъ правъ: Іуда на самомъ дѣлѣ сынъ Анатэмы.

Какъ и «отецъ» его, Іуда лишенъ совершенно той внутренней, чистой непосредственности, той готовности принять міръ и жизнь, которую онъ нашелъ въ такой ослѣпительной красотѣ—въ лицѣ Іисуса.

Іуда правъ былъ, когда съ ужимками и кривляньями (какъ и Анатэма) именуетъ себя мудрымъ. Онъ на самомъ дѣлѣ мудръ, какъ змѣя. Но это мудрость—отрицательнаго характера. Отъ него не скрывается никакой дефектъ. Онъ видитъ всѣ слабости и всѣ недостатки человѣка. Онъ знаетъ, что «хорошими называются тѣ, которые умѣютъ скрывать свои дѣла и мысли; но если такого человѣка обнять, приласкать и выспросить, то изъ него потечетъ, какъ гной изъ проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь».

Поскольку Іуда—представитель этого воинствующаго критицизма, постольку же Іисусъ—воплощеніе чистой, всепокрывающей непосредственности. Онъ, въ противность Іудѣ, любовно принялъ міръ, какъ онъ есть. Со всѣми его недостатками. Онъ видитъ ихъ, какъ и Іуда, но молча проходитъ мимо нихъ, покрывая все своей лучистой любовью.

Для Іуды ясны были послѣдствія этого любовнаго невоинствующаго пріятія міра и людей, каковы они суть...

Со всѣмъ тѣмъ «мудрость» Іуды—творчески безсильная мудрость. Въ ней нѣтъ того, что двигаетъ не только горами, но и людьми *).

*) Любопытно, что Анатэма, принявъ человѣческое воплощеніе, назвался именемъ: „Нуллюсъ".

Это недостающее Іуда и нашелъ въ ослѣпительной красотѣ Іисуса.

Іудѣ казалось, что, *вмѣстѣ* съ Іисусомъ, они дадутъ ту гармонію аналитической зоркости и творческой непосредственности, которыя порознь осуждены на пораженіе,—ту гармонію критицизма и созидающей силы, которой лишенъ хаотическій міръ.

Это и опредѣлило навсегда судьбу Іуды: онъ остался около Іисуса. И то, что Іисусъ *захотѣлъ* оставить Іуду около себя, исполнило его радостной надежды.

Но такъ не сбылось. Іисусъ не захотѣлъ, не призвалъ къ содѣйствію волчью зоркость Іуды.

И сбылось такъ, какъ предвидѣлъ Іуда—погибъ Іисусъ.

...Іуда не былъ «предателемъ» въ точномъ значеніи этого слова. Только это мы и знаемъ—или чувствуемъ—въ темномъ, обрывочномъ разсказѣ Л. Андреева.

— Ты знаешь, куда иду я, Господи? Я иду предать Тебя въ руки твоихъ враговъ.

И было долгое молчаніе, тишина вечера и острыя черныя тѣни.

— Ты молчишь, Господи? Ты *приказываешь* мнѣ идти?

И снова молчаніе.

— *Позволь мнѣ остаться.* Но ты не можешь? Или не смѣешь? Или не хочешь?

И снова молчаніе, огромное, какъ глаза вѣчности.

— Но вѣдь ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты все знаешь. Зачѣмъ ты такъ смотришь на Іуду? Велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, *но развѣ моя—меньше? Повели мнѣ остаться!..*

Но Ты молчишь, Ты все молчишь? Господи, Господи, затѣмъ ли въ тоскѣ и мукахъ искалъ я Тебя всю мою жизнь, искалъ и нашелъ! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжелѣе горъ и свинца. Развѣ ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды изъ Каріота?

И послѣднее молчаніе, бездонное, какъ послѣдній взглядъ вѣчности.

— Я иду.

Даже не проснулась вечерняя тишина...

О чемъ здѣсь рѣчь? „*Позволь* мнѣ остаться,—говоритъ предатель *предаваемому.* «Велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя—меньше? Повели мнѣ остаться».

О чемъ здѣсь рѣчь? О какой «тайнѣ», о какомъ огромномъ планѣ Іуды здѣсь идетъ рѣчь? Въ чемъ заключался этотъ планъ?— Этого мы, читатели, не узнали изъ разсказа. Всѣ подробности этого плана утонули въ глубинѣ какихъ то возможностей, неуловимыхъ для читателя. Но этотъ планъ *былъ*—по автору. И цѣлью этого мучительнаго плана *было* какое то содѣйствіе міровымъ

добру и истинѣ... И, несомнѣнно, составной частью этого плана былъ бунтъ противъ хаотическаго мірового порядка вещей; бунтъ противъ неба, противъ Отца, отдающаго возлюбленнѣйшаго Сына на «закономѣрную» гибель.

Но больше этого мы не узнали относительно Іуды. За то точно знаемъ планъ Анатэмы, «отца» Іуды.

Его планъ—поднять къ бунту противъ Ограждающаго входы и заставить *его* содрогнуться отъ того, что именуется естественнымъ порядкомъ. вещей.

Первая часть его задачи—поднять на бунтъ людей. И даже Давида Лейзера. «... Къ тебѣ иду я, Давидъ. *Твою печальную жизнь, какъ камень изъ пращи, метну я въ гордое небо*—и дрогнутъ основы высокихъ небесъ. Рабъ мой Давидъ: *твоими устами возвѣщу я правду о судьбѣ человѣка*».

Нетрудно видѣть: кто и что скрывается за символомъ Давида Лейзера.

Разница между образомъ Іисуса въ «Іудѣ» и Лейзера въ «Анатэмѣ» та же, что между конкретнымъ вообще и символичнымъ вообще. Въ «Іудѣ» мы получили конкретный образъ Іисуса, въ Анатэмѣ имѣемъ *символъ* христіанства, его духовной и моральной сущности.

А исторія христіанства, это—въ «Анатэмѣ»—исторія Давида Лейзера, брата *Моисея* Лейзера.

Кто же былъ этотъ Давидъ Лейзеръ, братъ Моисея Лейзера—іудейства, отъ котораго Давидъ Лейзеръ, ставшій любимымъ сыномъ Божіимъ, получилъ свое «огромное» наслѣдственное богатство?

Это былъ чистый сердцемъ, старый и больной еврей. Онъ вѣчно молчалъ, вѣчно бесѣдовалъ съ Богомъ, вопрошая его о смыслѣ жизни. Его собственная жизнь характеризовалась недостаткомъ радости и избыткомъ голода, холода и смерти близкихъ людей. Но онъ безропотно принималъ ее и только молился.

Анатэма убѣжденъ, что онъ пересталъ бы—въ своей душевной безупречности—безропотно молиться, если бы перешелъ отъ молитвы къ активному вмѣшательству въ хаосъ жизни.

Анатэма убѣжденъ, что Давидъ оставилъ бы свою безропотность, если бы получилъ въ свои руки предѣльную мощь человѣческую и убѣдился, что и съ этой огромной мощью онъ все-таки безсиленъ хоть что нибудь измѣнить въ этомъ мірѣ—по сю сторону вратъ.

Анатэма убѣжденъ, что Давидъ пересталъ бы молиться, если бы зналъ, что міръ осужденъ жить въ горѣ отъ вѣка и до вѣка, и этого никто и ничто не въ силахъ измѣнить, безъ бунта противъ Ограждающаго.

Чтобы сдѣлать это яснымъ Давиду, Анатэма, какъ вы знаете, дѣлаетъ Лейзера наслѣдникомъ братнина огромнаго богатства и

внушаетъ ему мысль не только молиться, но и активно бороться съ неустройствомъ міра.

Чистый душою, старый Лейзеръ охотно повинуется внушеніямъ Анатэмы: зоветъ къ себѣ *всѣхъ* несчастныхъ и голодныхъ, ибо въ глазахъ своихъ онъ—несмѣтный богачъ и потому—мощный устроитель жизни.

Какъ видите, пути, по которымъ пошелъ Лейзеръ, пути христіанства. И дальнѣйшая судьба Лейзера—тоже судьба христіанства.

Христіанство не могло—по Л. Андрееву—устроить жизнь человѣчества въ его цѣломъ. Оно поставило своей задачей только нейтрайлизовать человѣческое горе, но не уничтожить его, смѣнивъ и замѣтивъ радостью бытія. Такое устроеніе потребовало бы, конечно, мѣста всѣмъ сторонамъ человѣческой души, всѣмъ ея порывамъ и стремленіямъ. Но христіанство съ самаго начала оставило въ сторонѣ одну изъ сторонъ человѣческой души: тяготѣніе въ красотѣ, къ устроенію жизни въ красотѣ. То же дѣлаетъ символическій Давидъ Лейзеръ и тяжело платится за это: съ нимъ, чадолюбивымъ отцомъ, разрываетъ связи красавица дочь—Роза. Оскорбленная тѣмъ, что Давидъ созвалъ къ себѣ *только* нищихъ и блудницъ, она навсегда уходитъ изъ отцовскаго дома, говоря: «Мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Я слышала, ты всѣхъ призвалъ... О, ты звалъ очень громко!.. Но позвалъ ли ты—красивыхъ?...»

Удачливъ-ли Давидъ хоть въ этомъ отношеніи? въ отношеніи тѣхъ, кому онъ отдалъ всего себя, подчиняясь внушеніямъ Анатэмы? Тоже нѣтъ.

Давидъ забылъ о томъ, что онъ—всего только—обладатель двухъ милліоновъ, доставшихся ему отъ брата.

Ему казалось, что въ отношеніи нищихъ и сиротъ онъ все-таки достаточно силенъ.

Онъ не видѣлъ того, что видѣлъ направлявшій его Анатэма: не видѣлъ, что для устроительства, по которому тоскуетъ міръ, нужно *чудо* полнаго преображенія жизни. Чудо, котораго не въ силахъ совершить бѣдный богачъ Давидъ.

А между тѣмъ призывъ Давида, обращенный къ униженнымъ и оскорбленнымъ, нищимъ, сирымъ и блудницамъ, былъ истолкованъ ими, какъ обѣщаніе желаннаго чуда: *все* сдѣлаетъ символическій Давидъ: преобразитъ жизнь, уничтожитъ голодъ и холодъ и даже смерть.

Отовсюду стекался народъ холодный и голодный, печальный, бросившій свои жилища, тащившій мертвецовъ на своихъ плечахъ, чтобы ихъ воскресилъ Давидъ.

Но когда являются тьмы несчастныхъ, Давидъ видитъ, наконецъ—чего такъ хотѣлось Анатэмѣ—что онъ безсиленъ уничтожить голодъ и насадить на землѣ радость. Когда онъ раздѣлилъ свое призрачное несмѣтное богатство, оказалось, что всѣ получили

по копѣйкѣ. Давидъ не вѣритъ самому себѣ, пересчитываетъ и провѣряетъ. Но ошибки не оказывается: призрачный несмѣтный богачъ можетъ дать людямъ, пришедшимъ на зовъ, только по копѣйкѣ.

Копѣйка—вотъ символъ того, что получило человѣчество отъ устроенія жизни христіанствомъ.

Когда милліоны превратились въ «копѣйку на человѣка», Давидъ бѣжитъ отъ людей, повѣрившихъ въ него, и умоляетъ именуемаго Отцомъ: взять его, Давида Лейзера, тѣло и душу и ею «утолить печаль и смѣхъ возрастить».

Это какъ разъ то, что хотѣлъ доказать Давиду Анатэма. Итакъ, человѣку дано чувство любви къ другимъ, и это чувство высоко расцѣнивается: самимъ Ограждающимъ. Но это не мѣшаетъ человѣку быть безсильнымъ въ своихъ высокоцѣнимыхъ порывахъ.

Пользуясь этимъ явнымъ «обманомъ» человѣка, Анатема энергично поднимаетъ на бунтъ противъ неба «обманутыхъ»: Лейзера и повѣрившихъ въ него:

Такъ пойдемъ же къ Тому, кто далъ Давиду любовь, и спросите его: зачѣмъ ты обманулъ брата нашего Давида?

Давидъ.

Да, да Нуллюсъ! Зачѣмъ человѣку любовь, когда она безсильна? Зачѣмъ жизнь, если нѣтъ безсмертія?

Анатэма (быстро).

Выйди и скажи имъ это—они послушаютъ тебя. Они поднимутъ свой голосъ къ небу, и мы услышимъ отвѣтъ неба, Давидъ! Скажи имъ правду, и ты поднимешь землю.

Но Анатэмѣ не пришлось дождаться бунта со стороны Давида. Онъ былъ убитъ. Тѣми самыми, что горячо повѣрили въ него и нетерпѣливо ждали чуда преображенія жизни и уничтоженія Давидомъ смерти.

Случилось, какъ предвидѣлъ Анатэма. Онъ зналъ, что людямъ нужно чудо.

И вотъ Давидъ лежитъ—умирающій отъ руки любимыхъ.

Заклятый духъ съ торжествомъ провидца вынимаетъ изъ разжатой ладони умершаго—копѣйку, одну копѣйку! Онъ, Анатэма, не ошибся: Давидъ, не умѣвшій сотворить чудо, могъ дать человѣчеству копѣйку.

Итакъ, заклятый духъ правъ: человѣчество получило только символическую копѣйку. И въ то же время, какъ мы знаемъ, Анатэма торжествуетъ напрасно.

Все спокойно тамъ, гдѣ вершится трагедія. Убійство Давида оказалось непротиворѣчащимъ планамъ мірозданія... Отецъ нѣкогда «не закричалъ отъ ужаса» отъ того, что Іисусъ *могъ* быть распятъ: и кѣмъ же—людьми... Не закричалъ и Ограждающій входы отъ происшедшаго съ Давидомъ.

Анатэма, разсчитываетъ, что уже самый фактъ гибели лучшаго—

«любимаго сына Бога» — докажетъ Охраняющему входы, что міръ не устроенъ.

Но оказывается, что онъ не правъ. Происшедшее вовсе не такъ безславно, какъ кажется Анатэмѣ. Оно—даже—огромно по своему внутреннему значенію для міра.

Но это огромное значеніе происходившаго для Анатэмы—оказывается—такъ же непонятно, какъ нѣкогда было непонятно значеніе смерти Іисуса—Іудѣ. Ограждающій входы не отрицаетъ, что все было, какъ утверждаетъ Анатэма, но прибавляетъ, что отъ Давида осталась нѣчто огромное: его безсмертіе, память о немъ, которой будетъ вѣчно жить міръ.

Такъ какъ это непонятно Анатэмѣ, то въ этомъ его приговоръ.

Онъ не нуженъ для жизни. Анатэма еще разъ слышитъ этотъ приговоръ изъ устъ Ограждающаго входы.

Согласно этому приговору Анатэма нуженъ и даже «безсмертенъ», какъ и Давидъ. Но только тамъ, гдѣ примѣнимы мѣра и вѣсъ. Поэтому онъ нуженъ наукѣ, нуженъ знанію. Но онъ не нуженъ тамъ, гдѣ ничто не мѣряется мѣрой и вѣсомъ. А жизнь, по Л. Андрееву, именно не мѣряется ни мѣрой, ни вѣсомъ.

Скажи, узнаетъ ли Анатэма истину?

Нѣкто.

Нѣтъ.

Анатэма.

Скажи, увидитъ ли Анатэма врата открытыми? Увижу ли лицо твое?

Нѣкто.

Нѣтъ. Никогда. Мое лицо открыто—но ты его не видишь. Моя рѣчь громка—но ты ея не слышишь. Мои велѣнія ясны—но ты ихъ не знаешь, Анатэма. И не увидишь никогда—и не услышишь никогда—и не узнаешь никогда. Анатэма—несчастный духъ, безсмертный въ числахъ, вѣчно живой въ мѣрѣ и вѣсахъ, *но еще не родившійся для жизни.*

Итакъ, Анатэма—по словамъ Ограждающаго входы—*несчастный* духъ, еще не родившійся для жизни. Когда же онъ «родится»?

Въ этомъ отношеніи любопытно вернуться къ концу «Іуды Искаріота и другихъ». Тамъ въ послѣднихъ строкахъ—почти навязчиво—утверждается Іудой, что онъ еще вернется на землю съ Іисусомъ, «обнявшись, какъ братья».

Безъ поясненій эта фраза казалась почти кощунственной. Теперь, когда мы знаемъ, въ чемъ духовная сущность Анатэмы, эта фраза уже не отпугиваетъ. Она значитъ только, что авторъ «Анатэмы», примирившись съ непостижностью міра для воинствующаго разума, не отказался отъ гармоніи въ далекомъ будущемъ. Когда нибудь все-таки сольются они: волчья зоркость и безошибочность Іуды и лучистая непосредственность Іисуса. Когда-нибудь мысль и непосредственное чувство все-таки будутъ едины.

Но это будетъ лишь при второмъ пришествіи Іисуса. Пока же авторъ «Анатэмы» «принимаетъ» міръ. Онъ не *понимаетъ* міра, но онъ *принимаетъ*, ибо существуетъ «безсмертный огонь» въ душѣ Человѣка, которому поклонился безумный герцогъ Лоренцо и о которомъ говоритъ Ограждающій:

«...не мѣрою измѣряется и не числомъ вычисляется, и не вѣсами взвѣшивается то, чего ты не знаешь, Анатэма... есть еще иной, невѣдомый огонь, имени котораго никто не знаетъ... Погибшій въ числахъ, мертвый въ мѣрѣ и вѣсахъ, Давидъ достигъ безсмертія въ безсмертіи огня».

Какъ видите, не ясно, хотя и ясно, что рѣчь о *Живомъ Огнѣ*, какъ и въ «Черныхъ маскахъ». Но эта неясность—судьба всякой мистической и всякой метафизической формулы, если можно говорить о мистикѣ и метафизикѣ въ «Анатэмѣ». Въ ней вѣдь нѣтъ—по существу—ни того, ни другого. На лицо только мистическія и метафизическія формулы, показавшіяся автору удобной оболочкой для стараго, знакомаго намъ, пессимизма—*идейнаго* пессимизма Л. Андреева.

И если вы вслушаетесь въ эти мистическія и метафизическія формулы, вы убѣдитесь, что для автора онѣ имѣютъ смыслъ, далекій и отъ мистики, и отъ метафизики.

Мы мимоходомъ уже подчеркнули это, говоря о всеобщей лжи, когда произносятъ благовѣстныя слова: любовь, разумъ, Богъ... Говорилось вѣдь какъ-будто объ абсолютныхъ вещахъ: любви, разумѣ, Богѣ. Но въ дѣйствительности говорилось только о томъ, что во всѣхъ этихъ мнимыхъ словахъ нѣтъ никакого *мыслимаго* содержанія... И если у васъ могло быть сомнѣніе въ этомъ толкованіи при чтеніи начальной картины трагедіи, то всякое сомнѣніе получаетъ свой предѣлъ въ послѣдней картинѣ, когда Анатэма задаетъ обвинительные вопросы Ограждающему: «*Не любилъ ли Давидъ?—Отвѣть. Не отдалъ ли душу Давидъ?—Отвѣть.—И не камнями-ль побили Давида, отдавшаго душу?—Отвѣть*».

Вотъ что по прежнему волнуетъ автора «Анатэмы». Все та же «бездна» въ человѣческихъ душихъ, гдѣ *рядомъ* живутъ: и чувство поклоненія до криковъ «Осанна», и способность убить... Все живетъ рядомъ и всегда рядомъ... Вотъ почему всякій, сказавшій слово: любовь, солгалъ. Ибо не знаетъ авторъ «Анатэмы», что можетъ значить это слово въ человѣческихъ отношеніяхъ: между Іисусомъ и кричавшими «Осанна»; между Давидомъ и его восторженными убійцами.

Такъ же мало интересуетъ Л. Андреева и абсолютный разумъ. Какое ему дѣло—въ дѣйствительности—до этого абсолюта, когда и при болѣе скромныхъ маленькихъ требованіяхъ, все равно ничего не понять въ этомъ «лучшемъ» изъ міровъ, созданномъ «благостной» Силой... Если вы хотите и въ этомъ убѣдиться, прочтите дальше сцену обвинительныхъ пунктовъ противъ Ограждающаго.

Исходный пунктъ все тотъ же: отношеніе людей къ Давиду. Но теперь рѣчь о томъ, что было послѣ смерти Давида: о религіозныхъ войнахъ и взаимныхъ преслѣдованіяхъ; о томъ. что «во имя Давида поднялись люди другъ на друга и производятъ насилія, убійства и грабежъ»... Результирующій вопросъ Анатэма формулируетъ словами: въ концѣ концовъ—«... не сотворилъ ли Давидъ великаго *зла*, которое можно исчислить и мѣрою измѣрить»?

Вотъ сущность «непостижимаго», какъ она установлена въ конечной картинѣ.—Любилъ и былъ камнями побитъ... А изъ стремленія къ великому добру родится великое зло...

Какъ видите, метафизика здѣсь почти не при чемъ. Она дала только словесную форму, за которой все то же недоумѣніе Андреева передъ реальной жизнью, неразложимой ни на какіе опредѣленно-мыслимые элементы.

Тоже и съ мистикой. Мы привели выше слова о «безсмертіи» огня, въ которомъ будетъ жить «безсмертно» Давидъ. Что это за безсмертіе?

Несомнѣнно, что авторъ «Анатэмы» жаждетъ и иного безсмертія, кромѣ условной «вѣчной памяти» о побитомъ камнями...

Но если судить объ этомъ безсмертіи по точнымъ выраженіямъ «предателя» въ «Іудѣ Искаріотѣ и другихъ» —оно не имѣетъ общаго съ мистическимъ безсмертіемъ. Эго безсмертіе осуществится здѣсь же—*на землѣ*... Когда? Это мы уже знаемъ. Когда совершится общее чудо преображенія жизни, о которомъ мечталъ Іуда? Когда «Іисусово» начало въ жизни сольется съ «Іудинымъ» въ одно творчески-всемогущее цѣлое?..—Тогда же...

А до тѣхъ поръ: «... Плачь, плачь—обращается Іуда къ плачущей матери Іисуса—и долго еще будутъ плакать съ тобою всѣ матери земли. Дотолѣ, пока не придемъ мы вмѣстѣ съ Іисусомъ и не *разрушимъ смерть*».

Вотъ конкретное содержаніе внѣшне-метафизическихъ и мистическихъ формулъ въ «Анатэмѣ».

Объ эстетической сторонѣ «Анатэмы» приходится сказать не много.

Трагедія мало удалась Л. Андрееву. Точнѣе сказать—въ ней двѣ разноцѣнныхъ части: съ одной стороны, прологъ и эпилогъ (первая и седьмая картина); съ другой стороны, самая пьеса о Давидѣ Лейзерѣ. Первая часть интересна и большею частью красива. Въ ней сконцентрированъ «андреевскій» протестъ противъ сомнительности человѣческаго знанія, противъ міровыхъ «закономѣрныхъ» жестокостей, противъ потемокъ, въ которыхъ строится міровая жизнь. Для второй части—для пьесы—авторъ не нашелъ удачныхъ символовъ. Трагедія дана безъ достойнаго выраженія трагедіи человѣческаго безсилія: познать и сдѣлать—по волѣ своей.

Символическіе разговоры безжизненны. Все растянуто; носитъ характеръ выкладокъ. Выкладки, выкладки—безъ конца.

Все, что нужно сказать, сказано уже: въ двухъ картинахъ — первой и послѣдней. Промежуточныя сцены должны бы только усилить яркость сказаннаго: того, что утверждалъ Анатэма въ обвинительныхъ рѣчахъ противъ неба и Ограждающаго входы, — въ первой картинѣ трагедіи.

Но именно это и есть слабѣйшая, почти отталкивающая часть трагедіи. Въ рецензіи «Р. Б.» была уже отмѣчена эта особенность «Анатэмы»: смѣшеніе элементовъ Фауста съ элементами изъ г. Юшкевича. Къ этому можно прибавить только, что это смѣшеніе сдѣлано по рецепту «Ваньки-ключника» г. Сологуба. Чего стоитъ хотя бы только *подчеркнутый* «боярскій квасъ», которымъ торгуютъ—и совсѣмъ покупателей нѣтъ!—въ трагедіи человѣческаго духа: объ ограниченности человѣческаго вѣдѣнія; объ отсутствіи у человѣчества достовѣрныхъ знаній, что есть, въ существѣ своемъ, любовь, разумъ и не лжетъ ли «послѣдней и страшной ложью» тотъ, кто рѣшается произнести слово: Богъ, т. е. утверждаетъ, что все происходитъ въ мірѣ по волѣ *благостной*, доброжелательной силы!!

Все намѣчено въ схемахъ, обо всемъ говорится въ огромнообъемлющихъ формулахъ... И вдругъ содовая и сельтерская воды, которыми торгуютъ символы космополитическаго еврейства, и ультра національный россійскій напитокъ—квасъ, да еще «боярскій», которымъ торгуетъ символъ (?), обозначенный именемъ Ивана Безкрайняго!

Вѣроятно, въ замыслѣ это казалось очень цѣлесообразнымъ. Вставки à la Сологубъ имѣли повысить впечатлѣніе отъ чисто символическаго и абстрактнаго. Онѣ должны были повысить *общую* жизненность трагедіи. Но получилось какъ разъ обратное. Реалистическія, умышленно шаржированныя вставки не только убиваютъ, но и принижаютъ пьесу.

Вся сила и все значеніе «Анатэмы», конечно, въ разговорахъ Анатэмы съ Ограждающимъ входы. Протестующіе монологи Анатэмы сильны и красивы; на самомъ дѣлѣ, красивы и сильны. Если вы сами жаждете абсолютнаго знанія, эти монологи ваши: Анатэма за васъ говоритъ. Если васъ лично не пугаетъ условность человѣческой истины, монологи Анатэмы все-таки ничего не теряютъ: они—яркое выраженіе идейнаго голода у другихъ, у *большинства* людей, не способныхъ удовлетвориться полусытостью положительной мысли.

Но вѣдь монологи Анатэмы ничѣмъ органически не связаны съ пьесой и могли бы жить отдѣльно отъ нея въ качествѣ драматическаго послѣсловія къ безнадежнымъ разсказамъ Леонида Андреева въ пору былого реализма.—Вопреки текста: ищите и найдете, онъ искалъ и не нашелъ смысла въ жизни. Но въ концѣ концовъ нашелъ—оправданіе ей въ «безсмертномъ огнѣ», живущемъ въ душѣ Человѣка...

Вотъ существенное въ трагедіи, для чего не нужно ни сельтерской воды Суры, ни боярскаго кваса Ивана Безкрайняго.

Наша задача по существу закончена. Но намъ хотѣлось бы остановиться на обвиненіи, которое предъявляется къ автору «Анатэмы». Утверждаютъ, что его отношеніе къ религіозной сторонѣ въ жизни—отношеніе пренебрежительное и даже кощунственное. Мы уже видѣли, что это грубое, ложное пониманіе Л. Андреева. Мы видѣли, какое высокое мѣсто отвелъ онъ чувству импульсивнаго непосредственнаго отношенія къ жизни, сущность котораго и составляетъ начало религіознаго отношенія къ міру, жизни и людямъ... Онъ остается аналитикомъ, взвѣшивающимъ на вѣсахъ и измѣряющимъ мѣрой. Онъ начинаетъ съ утвержденія, что религіозное отношеніе къ жизни, символизованное въ образѣ Давида Лейзера, само по себѣ мало значуще даже въ глазахъ Ограждающаго входы. Вѣдь Давидъ Лейзеръ былъ никѣмъ до вмѣшательства въ его жизнь «Анатэмы». Давидъ Лейзеръ сдѣлался огромной величиной только благодаря тому, что около него былъ «Нуллюсъ». Л. Андреевъ прибавляетъ въ этомъ отношеніи одну мелкую подробность, освѣщающую значеніе «малаго разума», какъ презрительно окрестилъ Ницше начало, представляемое Анатэмой. Въ его изображеніи самъ Ограждающій входы *не* выдѣлялъ Давида Лейзера изъ милліоновъ темной массы, живущей по сю сторону вратъ. Только содѣйствіе Анатэмы—Нуллюса выдѣлило Давида въ глазахъ самого Ограждающаго входы, и онъ изрекаетъ приговоръ о безсмертіи погибшему Давиду, котораго раньше не зналъ и самъ... Все это принадлежащее по праву Анатэмѣ отмѣчаетъ авторъ, но все это сравнительно мелкими, сравнительно незамѣтными подробностями. Главное же, на что онъ ударяетъ со всей силой въ своей трагедіи, это—безсиліе, конечную малость Анатэмы—«несчастнаго духа»... Все пытался сдѣлать Анатэма, но что сдѣлалъ? Вѣдь что удалось ему сдѣлать? Только дать пищу «невѣдомому огню», жившему въ душѣ Давида Лейзера. Этотъ огонь разгорѣлся. И въ конечномъ счетѣ Давидъ Лейзеръ сталъ безсмертенъ. Но не въ силу того, что внушилъ ему Анатэма, давъ пищу «невѣдомому огню». Міру оказался нуженъ именно этотъ символическій огонь, чуждый самому «Анатэмѣ». Именно этотъ огонь и только этотъ огонь. Міръ забудетъ о томъ, что горѣло въ этомъ огнѣ, забудетъ объ идеяхъ, внушенныхъ Нуллюсомъ, но не забудетъ о фактѣ, что нѣкогда горѣлъ огнемъ Давидъ Лейзеръ и этой памятью о фактѣ горѣнія огня будутъ жить люди.

А бунтъ, поднятый Анатэмой противъ Ограждающаго?—Бунтъ, по Л. Андрееву, остается законнымъ и послѣ словъ Ограждающаго... Да, есть «безсмертный «огонь». Да, есть «безсмертный свѣтъ, который есть *жизнь*—сама жизнь, по точному слову Ограждающаго... Но вѣдь отъ этого не измѣняется другой *фактъ*: міръ все-таки «одна сплошная ложь» и «жестокая игра въ за-

коны», по такому же точному слову Анатэмы... Возможно ли примиреніе съ *этимъ* фактомъ?.. Нѣтъ.—Пока человѣчество не узнаетъ «имени» того, что превращаетъ міръ въ сплошную ложь; пока человѣчество живетъ на землѣ, въ качествѣ «безгласнаго и покорнаго раба»,—бунтъ, поднятый Анатэмой, остается въ силѣ. Онъ законенъ и послѣднее угрожающее слово въ трагедіи принадлежитъ Анатэмѣ.—Трагедія человѣческаго духа продолжается.

А. Е. Рѣдько.

О гражданской казни Н. Г. Чернышевскаго *).

(Замѣтка).

О времени исполненія гражданской казни надъ Н. Г. Чернышевскимъ было объявлено въ газетахъ за нѣсколько дней. Я съ двумя своими товарищами, студентами-технологами, въ назначенный день рано утромъ отправился на Конную площадь. Здѣсь, по срединѣ площади стоялъ эшафотъ—четырехъ-угольный помостъ высотою аршина $1^1/_2$—2 отъ земли, выкрашенный черною краскою. На помостѣ высился черный столбъ, и на немъ, на высотѣ приблизительно одной сажени, висѣла желѣзная цѣпь. На каждомъ концѣ цѣпи находилось кольцо, настолько большое, что черезъ него свободно могла пройти рука человѣка, одѣтаго въ пальто. Середина этой цѣпи была надѣта на крюкъ, вбитый въ столбъ. Двѣ-три сажени отступя отъ помоста, стояли въ двѣ или три шеренги солдаты съ ружьями, образуя сплошное карре съ широкимъ выходомъ противъ лицевой стороны эшафота. Затѣмъ, отступя еще 15—20 саженъ отъ солдатъ, стояли конные жандармы, разставленные довольно рѣдко, а въ промежуткѣ между ними и нѣсколько позади—городовые. Непосредственно за городовыми расположилась публика ряда въ 4—5, по преимуществу интеллигентная. Мы стояли на правой сторонѣ площади, лицомъ къ ступенямъ эшафота. Рядомъ съ нами стояли писатели: С. Максимовъ,

*) Въ книгѣ В. Г. Короленко „Отошедшіе" приведенъ разсказъ очевидца гражданской казни Н. Г. Чернышевскаго, г-на Вѣнскаго. Было также нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній объ этомъ въ историческихъ журналахъ. Въ виду значенія, какой этотъ эпизодъ имѣетъ въ исторіи русской литературы и русской интеллигенціи, мы считаемъ не лишнимъ привести его въ изложеніи еще одного очевидца. *Ред.*

авторъ извѣстной книги «Годъ на Сѣверѣ», Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, этнографъ-народникъ, и А. Н. Моригеровскій, сотрудникъ «Русскаго Слова» и «Дѣла». Всѣхъ троихъ я зналъ лично.

Утро было хмурое, пасмурное. Послѣ довольно долгаго ожиданія появилась карета, въѣхавшая внутрь карре къ эшафоту. Въ публикѣ произошло легкое движеніе: думали, что это Н. Г. Чернышевскій, но изъ кареты вышли и поднялись на эшафотъ два палача. Прошло еще нѣсколько минутъ. Показалась другая карета, окруженная конными жандармами съ офицеромъ впереди. Карета эта также въѣхала въ карре, и вскорѣ мы увидѣли, какъ на эшафотъ поднялся Н. Г. Чернышевскій въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ круглой шапкѣ. Вслѣдъ за нимъ взошелъ на эшафотъ чиновникъ въ треуголкѣ и въ мундирѣ, въ сопровожденіи, сколько помнится, двухъ лицъ въ штатскомъ платьѣ. Чиновникъ всталъ къ намъ лицомъ, а Чернышевскій повернулся спиной. Надъ затихшей площадью послышалось чтеніе приговора. До насъ, впрочемъ, долетали лишь отдѣльныя слова. Когда чтеніе кончилось, палачъ взялъ Чернышевскаго за плечс, подвелъ къ столбу и просунулъ его руки въ кольца цѣпи. Такъ, сложивши руки на груди, Чернышевскій простоялъ у столба около четверти часа.

Въ этотъ промежутокъ времени около насъ разыгрался слѣдующій эпизодъ. Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, по своему обыкновенію, въ красной кумачной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ простые смазные сапоги, въ крестьянскомъ армякѣ съ плисовой оторочкой изъ грубаго коричневаго сукна и въ золотыхъ очкахъ,—вдругъ быстро проскочилъ мимо городовыхъ и жандармовъ и направился къ эшафоту. Городовые и конный жандармъ бросились за нимъ и остановили его. Онъ сталъ горячо объяснять имъ, что Чернышевскій близкій ему человѣкъ, и что онъ желаетъ съ нимъ проститься. Жандармъ, оставивъ Якушкина съ городовыми, поскакалъ къ полицейскому начальству, стоявшему у эшафота. Навстрѣчу ему уже шелъ жандармскій офицеръ, который, дойдя до Якушкина, сталъ убѣждать его:—«Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ, это невозможно!» Онъ обѣщалъ ему дать свиданіе съ Николаемъ Гавриловичемъ послѣ.

На эшафотѣ въ это время палачъ вынулъ руки Чернышевскаго изъ колецъ цѣпи, поставилъ его на серединѣ помоста, быстро и грубо сорвалъ съ него шапку, бросилъ ее на полъ, а Чернышевскаго принудилъ встать на колѣни; затѣмъ взялъ шпагу, переломилъ ее надъ головою Н. Г. и обломки бросилъ въ разныя стороны. Послѣ этого Чернышевскій всталъ на ноги, поднялъ свою шапку и надѣлъ на голову. Палачи подхватили его подъ руки и свели съ эшафота.

Черезъ нѣсколько мгновеній карета, окруженная жандармами, выѣхала изъ карре. Публика бросилась за ней, но карета умча-

лась. На мгновеніе она остановилась уже въ улицѣ и затѣмъ быстро поѣхала дальше.

Когда карета отъѣзжала отъ эшафота, нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ на извозчикахъ поѣхали впередъ. Въ тотъ моментъ, когда карета нагнала одного изъ этихъ извозчиковъ, въ Н. Г. Чернышевскаго полетѣлъ букетъ цвѣтовъ. Извозчика тотчасъ же остановили полицейскіе агенты, четырехъ барышень арестовали и отправили въ канцелярію генералъ-губернатора, князя Суворова. Бросившая букетъ, какъ тогда передавали, была Михаэлисъ, родственница жены Н. В. Шелгунова. Разсказъ о цвѣтахъ я слышалъ отъ одной изъ четырехъ барышень, которая тоже была арестована и препровождена къ Суворову.

Послѣдній, впрочемъ, ограничился выговоромъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій исторія, кажется, не имѣла.

М. П. Сажинъ.

Новыя книги.

И. Ѳ. Анненскій. Вторая книга отраженій. Спб. 1909. Стр. 135. Ц. 80 к.

Предъ свѣжей могилой автора приходится говорить о новомъ сборникѣ критическихъ статей И. Ѳ. Анненскаго. Едва два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы на страницахъ «Русскаго Богатства» привѣтствовали его превосходный «Театръ Еврипида» и выражали надежды видѣть вскорѣ законченнымъ этотъ классическій и нужный русскому читателю трудъ; но надеждамъ этимъ не суждено сбыться, и именно «Театръ Еврипида» показалъ, какъ много мы потеряли въ покойномъ ученомъ. Это былъ классическій филологъ новаго типа, какіе уже не рѣдкость въ Германіи, но непонятными исключеніями являются у насъ, гдѣ самая постановка классицизма въ образовательной системѣ является залогомъ его непониманія и отчужденности. Школьнымъ педантомъ, чуждымъ жизни, скучнымъ кладеземъ безплодной учености представляется намъ до сихъ поръ— въ сущности, не по нашей винѣ—ученый филологъ; и тѣмъ выше должны мы цѣнить исключительныхъ знатоковъ классической литературы, которые умѣютъ раскрыть предъ нами смыслъ и красоту до-христіанскаго творчества южной Европы. Такого знатока и глубоко культурнаго писателя обличали въ покойномъ изслѣдователѣ его переводы и монографіи. Критическіе очерки, съ которыми онъ выступилъ не такъ давно, казалось, показали въ немъ нѣчто новое и неожиданное. Чѣмъ-то противорѣчивымъ, не вяжущимся съ общимъ его обликомъ казались его статьи о новой—по преимуще-

ству русской—литературѣ, собранныя въ двухъ книгахъ «Отраженій». Претенціозной казалась ихъ манера, ненужно-туманнымъ ихъ языкъ, неожиданными и необоснованными ихъ «модернистскія» тенденціи, разрозненнымъ и случайнымъ—подборъ темъ. Въ извѣстной степени все это не только казалось, но и было. Важнѣе, однако, было то, что сквозило изъ-за всего этого. На упрекъ въ случайности темъ авторъ съ спокойнымъ достоинствомъ отвѣчаетъ въ предисловіи ко второй книгѣ «Отраженій»: «книга моя, хотя и пестрятъ ее разныя названія, вовсе не сборникъ. И она не только одно со мной, но и одно въ себѣ. Мои отраженія спѣпила, нѣтъ, даже раньше ихъ вызвала моя давняя тревога. И всѣ ихъ проникаетъ проблема творчества, одно волненіе, съ которымъ я, подобно вамъ, ищу оправданія жизни». Страннымъ можетъ казаться это исканіе смысла жизни, ея оправданія—гдѣ?—въ панегирикѣ Бальмонту; но оно не только глубоко искренне, оно и серьезно, оно и въ самомъ дѣлѣ вызвано «давней тревогой». Не все ли равно, какой уголокъ человѣческаго творчества стараемся мы осмыслить если въ процессѣ этого осмысленія раскрывается намъ иной, болѣе общій, болѣе важный смыслъ. А работа надъ Бальмонтомъ—и надъ другими представителями символизма, вплоть до самыхъ ничтожныхъ,—была для автора именно попыткой осмыслить ихъ, вложить свои переживанія въ ихъ податливые образы, оправдать своей теоріей ихъ причудливости. Здѣсь слишкомъ многое требуетъ возраженій: слишкомъ многое, порожденное слабостью, было въ теоретическомъ оправданіи неожиданно и неосновательно представлено сильнымъ. Несмотря на то, что покойный изслѣдователь выступалъ, какъ поэтъ-переводчикъ и самостоятельный лирикъ, въ его критикѣ, несмотря на ея лирическія формы, явно перевѣшивалъ раціонализмъ; и этотъ раціонализмъ нерѣдко переоцѣнивалъ какъ разъ то, что требовало для своей правильной оцѣнки не вѣрной теоріи, а вѣрнаго чутья. Но теорія была вѣрна, методъ былъ правиленъ, и, не соглашаясь съ оцѣнками и выводами статей И. Ѳ. Анненскаго о декадентахъ, можно многое въ нихъ признать, можно многія попытки раціонализировать поэтическую форму, перевести ея безсознательную выразительность въ формулы сознательной мысли, признать очень удачными. И это относится также къ другимъ статьямъ покойнаго критика. Не легко съ ними освоиться и подчасъ еще труднѣе согласиться; онѣ обращаются къ очень немногимъ, подготовленнымъ и спеціальнымъ знаніемъ предмета, и общимъ образованіемъ. Статьи о Достоевскомъ, напримѣръ, предполагаютъ въ читателѣ положительно исключительное знакомство съ нимъ. Но тотъ, кто, пройдя сквозь толщу этого напряженнаго стиля, пробьется до скрытой подъ нимъ напряженности мысли, тотъ признаетъ ея серьезность, ея паѳосъ и едва ли будетъ имѣть основаніе пожалѣть о духовной работѣ, потраченной на это. Онъ будетъ въ общеніи съ мыслящимъ человѣкомъ, трогательно любившимъ

литературу и въ ней искавшимъ отвѣта на основные вопросы жизни.

Борисъ Зайцевъ. Разсказы. Кн. 2. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1909. Стр. 197 Ц. 1 р.

Вслѣдъ за другими молодыми писателями г. Борисъ Зайцевъ не удержался отъ искушенія сцены, испыталъ себя въ соблазнительномъ и модномъ жанрѣ, въ драмѣ, и, конечно, неудачно. Меньше чѣмъ чье нибудь годится дарованіе Бориса Зайцева для драмы— и разсказы его служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. При всѣхъ ихъ достоинствахъ въ нихъ нѣтъ какъ разъ того, что необходимо для драмы: нѣтъ рѣзко очерченныхъ человѣческихъ фигуръ и нѣтъ движенія. И это не только недостатокъ: съ этимъ медлительнымъ ходомъ событій—если у Зайцева можно говорить о событіяхъ,—съ этой волнистой и волнующей туманностью дѣйствующихъ лицъ связано у Зайцева такъ много цѣннаго, ибо своеобразнаго, ему одному свойственнаго, что не хотѣлось бы промѣнять все это на опредѣленные образы и стремительный сюжетъ. По первому взгляду можетъ показаться, что и то, и другое есть въ самомъ большомъ разсказѣ сборника «Спокойствіе». Но характерно самое заглавіе разсказа. Въ немъ ли нѣтъ событій?—и экспропріаторъ, даже съ двумя револьверами, и дуэль съ роковымъ исходомъ, и смерть ребенка, который есть вся жизнь отца, и мгновенное появленіе безумно любимой и навѣки ушедшей женщины; но движеніе жизни высосано изъ этихъ событій; надъ всѣмъ этимъ всепроникающее, всеопредѣляющее *спокойствіе*, и нѣтъ движенія, нѣтъ событій, нѣтъ людей: все въ напряженіи, но все въ неподвижности. Никогда у Зайцева люди не куютъ своей судьбы—и оттого они негодны для индивидуализаціи, негодны для драмы. Сама творится эта судьба; идетъ, гигантская, вѣчная, ледяная и ясная, и только о ея велѣніяхъ, о ея твореніяхъ, о ея спокойной мощи говоритъ Зайцевъ.

Конечно, онъ только лирикъ этой космической необходимости. Онъ покажетъ ее на Аграфенѣ, на Константинѣ Андреевичѣ, на Равеніусѣ; но никогда въ жизни, встрѣтивъ человѣка, вы не опредѣлите его Зайцевскимъ образомъ, не поймете его *благодаря Зайцеву*; скажете: это Гамлетъ, это Левинъ, это Передоновъ, но никогда не скажете: это Аграфена, это Равеніусъ. Они не столько люди, сколько аттрибуты Зайцева, атомы жизни, познанные имъ и погруженные имъ въ сладостную для него напряженную нирвану. Онъ хорошо видитъ; онъ чувствуетъ бытъ; эпическія мелочи ему удаются; иногда онъ манерничаетъ этимъ, какъ манерничаетъ въ стилѣ, и подчасъ непріятны эти типично-зайцевскія штучки: «молчаніе вокругъ было все золотѣе» или «Константинъ Андреевичъ смотрѣлъ длинно» или «воздухъ вдыхалъ остро» и «Нѣмецъ (лошадь) шелъ остро». Непріятны эти штучки, потому что онѣ не необходимы для оттѣнковъ, и чувствуется въ нихъ что-то вродѣ самодовольства.

А иногда Зайцевъ и выдумываетъ; еврейчикъ-соціалистъ у него говоритъ: «Спасибо за гостепріимчество... Безсомнѣнно». Коверкаютъ языкъ евреи, но не такъ,—и вдругъ все честно видѣнное и честно разсказанное окутывается какой то дымкой подозрительности: о такихъ важныхъ, высокихъ, серьезныхъ вещахъ говоритъ, а отъ кокетливаго словечка не удержался. Это разбиваетъ иллюзію, разбиваетъ напряженіе.

А въ напряженіи—напряженіи безпрерывномъ, напряженіи познанія, напряженіи ощущенія жизни—весь паѳосъ лирики Зайцева. Не даромъ такъ пьяно у него въ разсказахъ. Могла бы казаться поразительной роль, которую играютъ не только въ его бытовыхъ картинахъ, но и въ его стилѣ, въ его сравненіяхъ и метафорахъ алкоголь и его дѣйствіе, если бы эта роль хмеля не была чрезвычайно характерна для его художественнаго міровоззрѣнія. «Ѣдимъ медъ,—бѣлый, пьяный, онъ кристально капаетъ съ ложки», на закатѣ «воздушное какое-то вино пьянитъ, охъ, какъ опьяняетъ», глаза у Глашки «пьяно блистаютъ»; «какое опьяненіе!»—восклицаетъ молодая женщина, отдавалась радостному ощущенію жизни, и свой прожитый день сравниваетъ съ «гигантскимъ букетомъ, опьяняющимъ, сладкимъ»; сѣно на сѣнникѣ, гдѣ любила Аграфена, «душное и пьянительное, какъ сладкое луговое вино», а когда пришли къ ней страданія, то «опьяняющій кинжалъ кѣмъ то былъ воткнутъ въ нее»; «полупьяный» возвращается гимназистъ отъ любимой дѣвушки и «вѣтерокъ ласкательно опьянялъ» Аграфену, когда она шла домой. Въ «Спокойствіи» меньше этого вина въ метафорахъ, но тѣмъ больше всякаго спирта въ бытовой реальности. Что угодно забудетъ Зайцевъ, но выпивку отмѣтитъ. Вокзалъ—«мелкота желѣзнодорожная за пивомъ»; герой у племянницы—«какъ угодно, должны моихъ наливокъ попробовать»—и онъ пріемлетъ «нѣсколько рюмокъ»; вечеромъ деревенскіе гости—«алчно горѣли посреди графинчики, англійская горькая подымала журавлиное горлышко, водка простая была скромна, твердо знала свою силу»; воспоминанія о жизни близъ Пизы—«chianti bonissimo»; неудачный экспропріаторъ сдѣлался гостемъ—«выпилъ нѣсколько рюмокъ»; по дорогѣ въ Италію «тянули пиво»; въ Венеціи въ маломъ ресторанчикѣ послѣ «веронскаго» пили асти, вспѣнявшееся, сладковатое; въ кафе «подали бенедиктинъ, душистую жидкость, глубоко настоенную самой природой»; одинъ обѣдалъ герой—«запивалъ ризотто виномъ»; опять въ кафе «ликеръ золотѣлъ»; въ Равеннѣ опять «Константинъ Андреичъ пилъ вино»; въ Москвѣ—«большое питье», въ кабачкѣ «три зубровки» и такъ далѣе. Прочіе напитки—портеръ, «огненная вода», шампанское—въ другихъ разсказахъ. Тянетъ Зайцева къ хмелю въ людяхъ, нужно ему это опьяненіе. Самъ онъ только въ увлекательномъ экстазѣ познаетъ то, что ему кажется символомъ жизни, и экстазомъ этимъ хочетъ заразить читателя, и героевъ своихъ рисуетъ неизмѣнно приподнятыхъ и преображенныхъ экстазомъ:

захватывающимъ экстазомъ любви или легкимъ хмелемъ вина—все равно, но только въ подъемѣ чувствуетъ человѣкъ себя человѣкомъ, и только поэтомъ этого познающаго жизнь подъема хочетъ быть Зайцевъ. Жизнеощущеніе въ самоощущеніи: это его тема, его нота, его своеобразіе.

Анатолій Каменскій. Люди. Романъ. Книжный магазинъ „Прогрессъ". Спб. 1910. Стр. 202. Ц. 1 р.

«Окруженный студентами и молодыми дѣвушками, стоялъ беллетристъ Береза и, равномѣрно дирижируя рукой, говорилъ гудящимъ басомъ: — «И оттого, что люди такъ живутъ, не думая о жизни, только потому, что такъ жили до нихъ и будутъ жить послѣ нихъ, и оттого, что, умирая, они не думаютъ о смерти, отъ всего этого люди живутъ и умираютъ во лжи. И ужасъ не въ томъ, что, живя и умирая во лжи, люди не желаютъ объ этомъ и думать, и не въ томъ, что это было раньше и будетъ всегда, а въ томъ, что этого нельзя поправить. А нельзя этого поправить, во первыхъ, потому, что люди сами не хотятъ этого, ибо жить во лжи легче и удобнѣе, чѣмъ жить въ правдѣ, и, во вторыхъ, потому, что никто не знаетъ, гдѣ правда»... На Березѣ черная суконная блуза съ узенькимъ ремешкомъ. Г. Анатолій Каменскій счелъ, какъ мы видимъ, удобнымъ усвоить «пустопорожней Березѣ» нѣкоторыя внѣшнія черты Максима Горькаго и стиль моральныхъ поученій Льва Толстого. Сомнителенъ и ничтоженъ этотъ Береза чрезвычайно, и особенно преслѣдуетъ его создателя его костюмъ, эта пошлая черная суконная блуза, да еще съ узенькимъ ремешкомъ. Гораздо больше нравится и кажется болѣе естественнымъ г. Каменскому одѣяніе другого героя его романа Нароновича, котораго мы въ первый разъ видимъ въ его «излюбленномъ домашнемъ костюмѣ, состоявшемъ изъ черной шелковой женской рубашки и красныхъ кожанныхъ туфель на босу ногу». Въ этомъ костюмѣ Нароновичъ встрѣчаетъ бывшую съ нимъ въ перепискѣ женщину, которая его никогда до сихъ поръ не видала,—и когда она—правда, въ общемъ знавшая, на что она идетъ—испугалась его вида и его циническаго требованія—«снимайте... и не только пальто, но и все остальное»,—онъ говоритъ не такъ, какъ злополучный Береза съ его суконной блузой и суконнымъ языкомъ. «Глупая, трусливая баба, жаждущая позолоченнаго, подсахареннаго развратца! Замолчи, не махай руками. Другъ, ты говоришь! Другъ? А костюмчика то испугалась? А въ отдѣльный кабинетъ на троечкѣ бы поѣхала? А винца изъ красивенькихъ бокальчиковъ бы напилась? Небось кабацкой обстановки бы не побоялась? А объявленія печатать, и мѣщанство ненавидѣть, и отъ скуки изнемогать, и о безумной новой и смѣлой страсти мечтать на бумагѣ—все это можно? А придти къ «дальнему другу» и взять его такимъ, какъ онъ есть, нельзя?.. Подойди ко мнѣ. Не унижай себя нелѣ-

пымъ бабьимъ крикомъ... Стыдно, стыдно, стыдно! Съ привычными любовниками и законными мужьями развратничать со скукой можно, а придти и прямо положить руки на плечи «дальнему другу» нельзя? Съ дальнимъ, неизвѣстнымъ, желаннымъ—постепенности захотѣлось? Хорошая, очень хорошая вещь постепенность, какую угодно гадость можно скушать подъ ея соусомъ»...

Все дѣло въ соусѣ. Г. Каменскій не любитъ гадостей съ постепенностью; но внезапность возвышаетъ для него какую угодно гадость: мы это видѣли и въ «Четырехъ», и въ «Ледѣ», и въ «Солнцѣ». Онъ совсѣмъ не такой любитель амурныхъ авантюръ и раздѣвающихся женщинъ; но тамъ, гдѣ амурныя пантомимы совершаются, хоть на людяхъ, лишь бы внезапно, гдѣ дамы появляются голышомъ совершенно неожиданно, онъ примиренъ, онъ даже восхищенъ, и поручикъ Нагурскій, оставаясь персонифицированнымъ фаллусомъ, становится его героемъ: побѣдителя не судятъ. Это не случайно, это цѣлое міровоззрѣніе или, вѣрнѣе, тотъ тупикъ, въ который оказалось загнаннымъ коротенькое міровоззрѣніе бѣдненькаго Каменскаго. Онъ, видите ли, презираетъ и ненавидитъ пошлость и обличаетъ ее по мѣрѣ разумѣнія. Въ обличеніи пошлости онъ, пожалуй, и не слабъ; онъ талантливый человѣкъ и подмѣчаетъ пошлое, гдѣ можно. Но не только въ этомъ дѣло. Когда видишь, что кажется Каменскому *не* пошлымъ, какіе положительные образы онъ противополагаетъ своимъ пошленькимъ обывателямъ, то понимаешь, что весь размахъ его обличеній не шире классическаго возгласа провинціальной барышни: фи, пошлость! Черная блуза, въ качествѣ мундира модной литературной знаменитости, можетъ быть и пошла, но чѣмъ же преодолѣваетъ ее Каменскій? Черной шелковой женской рубашкой на эротоманѣ, ищущемъ приключеній по объявленіямъ? Надо прочитать новый романъ Каменскаго, чтобы видѣть, въ какихъ трущобахъ человѣческаго помышленія и поведенія ищетъ онъ спасенія отъ преслѣдующей его и окутавшей его пошлости, какихъ уродовъ онъ дѣлаетъ своими героями, лишь бы это были другіе герои, новые герои, не такіе, какъ всѣ. Сдѣлано все это очень недурно, съ яркими изображеніями, съ остающимися въ памяти фигурами, съ умѣло раздражающимъ своеобразіемъ выдумки,—словомъ, сдѣлано талантливо, но развязно до ужаса, претенціозно до ужаса и до ужаса не умно. Жалко Каменскаго, потому что дарованіе у него все таки есть, и на одномъ дарованіи, ограниченномъ и не культурномъ, далеко не уѣдешь. Сегодня уроды, завтра уроды, послѣ завтра мода потребуетъ людей, а на созданіе ихъ уже не будетъ силы: заѣлъ парадоксъ, заѣла привычка ходить на головѣ, ибо это обращало на себя вниманіе, заѣла безграмотность мысли. А начинать съ начала будетъ уже поздно.

А. Вернеръ.—Разсказы. Москва, 1909.

Въ небольшой (211 стр.), опрятно и безпретенціоно изданной книжкѣ пять разсказовъ. Если не ошибаюсь, первый изъ нихъ «Излучина» былъ и первымъ печатнымъ произведеніемъ молодого автора. Онъ появился въ «Русскомъ Богатствѣ», и читатели, вѣроятно, не забыли еще эти парижскія картинки, на фонѣ которыхъ разыгрываются приключенія молодого русскаго эмигранта-искателя, утомленнаго тоскливой сутолокой русской жизни, одиноко скитающагося среди чужихъ людей въ столицѣ міра. Здѣсь онъ попадаетъ «на дно», потомъ выбивается на поверхность уже въ Лондонѣ съ какимъ-то техническимъ изобрѣтеніемъ и кидаетъ всѣ эти успѣхи, блестящую карьеру, любовь, чтобы вернуться къ просыпающейся родинѣ... «Данилова», «Художники», «Старые счеты» рисуютъ ту-же жизнь русскихъ за рубежомъ. Это эмигранты, мечтатели, разочарованные скитальцы, художники. Все это изображено ярко, живо, выразительно. Сюжеты, которые трактуетъ г. Вернеръ, очень часто служатъ теперь темой разсказовъ, очерковъ, повѣстей. Въ общемъ это, пожалуй, стало слишкомъ извѣстно и отчасти надоѣло, потому что проникнуто однимъ знакомымъ тономъ однозвучной и одноцвѣтной тоски, своего рода специфическаго русскаго сплина. Въ разсказахъ г-на Вернера нѣтъ какъ разъ этого тона. Онъ хорошо знаетъ зарубежно-русскую жизнь и умѣетъ рисовать эту тоску. Но его особенность въ томъ, что самъ онъ не тоскуетъ. Онъ понимаетъ русскій сплинъ, но не зараженъ имъ. Онъ схватываетъ его выраженіе, но самъ стоитъ въ сторонѣ. Рисунокъ его поэтому художественно объективенъ.Это какъ будто талантливый иностранецъ, случайно сошедшійся съ русскимъ тоскующимъ скитальцемъ, изучившій его, понявшій и полюбившій. Но строй его собственной души другой, и отъ этого картина ничего не теряетъ, а становится только ярче. Въ этомъ, кажется, источникъ оригинальности, которую чувствуешь при чтеніи этихъ свободно смѣняющихъ другъ друга легкихъ, красивыхъ эпизодовъ и картинъ.

Послѣдній разсказъ «День генерала» рисуетъ уже не заграничную, а «внутреннюю» русскую жизнь. Генералъ г-на Вернера по внѣшнимъ признакамъ напоминаетъ знакомыя намъ фигуры полномочныхъ сатраповъ, которымъ иронія русской современности ввѣряетъ судьбы цѣлыхъ районовъ. Онъ такъ же несвѣдущъ въ элементарныхъ законахъ и рѣшителенъ, какъ любой генералъ Думбадзе ялтинскій или Толмачевъ одесскій. Но г. Вернеръ упустилъ одну современную черту этого типа: полное отсутствіе оглядки, сомнѣній, рефлексіи. День генерала—полонъ «кипучей дѣятельности» въ думбадзевскомъ родѣ. Ночь мрачна. Въ его собственной семьѣ уже готовится нравственное возмездіе: дѣти знаютъ, судятъ и ужасаются. Генералъ мрачно пьетъ. Это возможно, но характерно теперь другое. Быть можетъ, самой замѣтной чертой такого «генерала» въ наше время является какъ разъ беззаботность, цѣльность, своего

рода душевная невинность. Можетъ быть, мы и ошибаемся, но намъ генералъ Думбадзе, напримѣръ, представляется прежде всего человѣкомъ самоувѣреннымъ и даже веселымъ... Человѣкомъ пикантнаго анекдота, случайно превращающагося въ трагедію.

Слогъ г-на Вернера свободенъ и красивъ. И что особенно пріятно, — нигдѣ ни малѣйшей попытки словесныхъ вывертовъ и сомнительныхъ стилистическихъ эффектовъ. Вообще этой первой книгѣ молодого автора слѣдуетъ пожелать всякаго успѣха.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12 и 13. Москва. Изд. Т—ва «Міръ».

Послѣдніе выпуски (12 и 13) «Исторіи русской литературы», издаваемой т-вомъ «Міръ» подъ ред. проф. Овсянико-Куликовскаго, посвящены эпохѣ 1860-хъ гг. Составлены они изъ статей г.г. Иванова-Разумника Вѣтринскаго и Плеханова. Г. Плеханову принадлежатъ даже двѣ статьи: о Герценѣ и Чернышевскомъ, послѣдняя, впрочемъ, не окончена. О томъ же Чернышевскомъ пишетъ главнымъ образомъ г. Ивановъ-Разумникъ въ статьѣ «Общественныя и умственныя теченія 60-хъ гг. и ихъ отраженія въ литературѣ». Наконецъ, Чернышевскому же удѣляетъ достаточно вниманія и г. Вѣтринскій, статья котораго занимаетъ наибольшее мѣсто въ обоихъ выпускахъ. Такимъ образомъ, всѣ статьи 12 и 13 вып. трактуютъ такъ или иначе о Чернышевскомъ и въ его лицѣ объ общественномъ движеніи 60-хъ гг.

Читателю статьи эти даютъ не равноцѣнный и не одинаковый матеріалъ. Съ большимъ интересомъ читается статья г. Иванова-Разумника, особенно въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ онъ характеризуетъ революціонное настроеніе Чернышевскаго. Своеобразны и въ своемъ смыслѣ ярки и статьи г. Плеханова. Своеобразны онѣ по закостенѣлой преданности г. Плеханова философіи Гегеля и ярки по его готовности положить къ ногамъ гегелевской діалектики всю исторію умственнаго развитія Россіи. Герценъ говорилъ когда то про европейскихъ эмигрантовъ 50-хъ годовъ, что ихъ часы остановились на 1848 годѣ. Часы г. Плеханова, по которымъ онъ и нынѣ измѣряетъ свое время, стали, пожалуй, еще ранѣе. Сообразно этому у г. Плеханова сложилась простая, но своеобразная философія умственнаго развитія русской интеллигенціи. Бѣлинскій, Герценъ, Чернышевскій—чѣмъ они были прежде всего? Конечно, людьми, прошедшими школу гегельянства, ужъ одно это располагаетъ въ ихъ пользу г. Плеханова, и располагаетъ постольку, поскольку онъ слышитъ въ нихъ вѣрныхъ паладиновъ «діалектики». Затѣмъ начинается расцѣнка съ этой точки зрѣнія всей нашей исторіи послѣднихъ трехъ четвертей вѣка. Послѣдовательный гегельянецъ не можетъ не быть діалектикомъ, а діалектикъ не можетъ не быть «матеріалистомъ», матеріализмъ же основа научнаго соціализма. Соо-

бразно этому вся наша исторія шла, такъ сказать, задомъ напередъ, не прогрессировала, а регрессировала. Первое теоретическое грѣхопаденіе русской интеллигенціи было совершенно еще Бѣлинскимъ его отказомъ отъ Гегеля. «Разрывъ Бѣлинскаго—говоритъ г. Плехановъ—съ Гегелевымъ «философскимъ колпакомъ» дѣлалъ *при тогдашнихъ обстоятельствахъ* большую честь его *сердцу*, но въ то же время знаменовалъ собою весьма значительное пониженіе той *теоретической требовательности*, о которой свидѣтельствуетъ, напр., очень односторонняя, а потому *въ общемъ* неудачная, но все же весьма замѣчательная статья о Бородинской годовщинѣ. (Стр. 165, курс. г. Плеханова). Статья о Бородинской годовщинѣ для г. Плеханова это—начало русской соціологіи. Послѣ нея чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Самое постылое время это, разумѣется, 70-е гг., когда о Гегелѣ совсѣмъ не было слышно, и господствовала какая-то «субъективная» соціологія.

Да не подумаетъ читатель, что въ нашихъ словахъ есть шаржъ и преувеличеніе. Разумѣется, у г. Плеханова все это выходитъ не такъ голо и обнаженно, но тѣмъ не менѣе его схема исторіи нашего общественнаго развитія именно такова, какъ сказано выше. И понятны результаты всего этого: эпоха 70-хъ годовъ, ознаменовавшаяся глубокимъ идейнымъ и общественнымъ движеніемъ, оказывается какимъ-то проваломъ въ нашей исторіи,—покрайней мѣрѣ, самъ г. Плехановъ отъ гегельянцевъ 40-хъ и 60-хъ годовъ проводитъ черезъ головы семидесятниковъ прямую связующую линію къ гегельянцамъ 80-хъ гг., т. е. къ самому себѣ.

Что г. Плеханову нужно просто изъ чувства литературнаго самосохраненія обезцѣнить въ глазахъ читателей значеніе эпохи 70-хъ годовъ сравнительно съ эпохой гегельянства и «просвѣтительства»—это вполнѣ понятно. Г. Плехановъ въ русской литературѣ есть прежде всего авторъ книги «Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ», а эта книга—манифестъ разрыва съ предыдущей эпохой, и не обосновывать всячески этого разрыва значитъ для г. Плеханова отказаться отъ самого себя. Но, разумѣется, это его, г. Плеханова, личное дѣло, а не дѣло русской литературы. Русская литература не можетъ встать на тотъ путь, на которомъ стоитъ г. Плехановъ, и для нея эпохи 60-хъ и 70-хъ гг. органически связаны всѣмъ цѣннымъ, что было выработано тогда лучшими преставителями нашей общественности. На какой именно единственно правильной точкѣ зрѣнія и стоятъ въ разбираемыхъ книгахъ гг. Ивановъ - Разумникъ и Вѣтринскій, статьи которыхъ являются въ этомъ смыслѣ противовѣсомъ статьямъ г. Плеханова, хотя и ихъ взгляды не всегда одинаковы и не всегда равноцѣнны. Г. Ивановъ - Разумникъ, напр., слишкомъ преувеличиваетъ анти-эстетизмъ Чернышевскаго и Добролюбова, взгляды которыхъ на задачи искусства гораздо полнѣе и правильнѣе изложены у г. Вѣтринскаго. Съ другой стороны, г. Ивановъ-Разумникъ слишкомъ преуменьшаетъ общественное значеніе До-

бролюбова, отводя ему «въ исторіи умственныхъ теченій», въ отличіе отъ исторіи критики, «очень скромную роль», тогда какъ эта скромная роль Добролюбова не помѣшала ему очень ярко и въ характерной формѣ предвосхитить центральный пунктъ соціологіи 70-хъ гг.—отожествленіе интересовъ личности и интересовъ труда. И если бъ г. Ивановъ-Разумникъ обратилъ должное вниманіе на эту сторону, то онъ, вѣроятно, не такъ ужъ рѣшительно отвелъ бы Добролюбову столь скромное мѣсто въ исторіи нашего умственнаго развитія, хотя бы уже потому, что примѣръ Добролюбова въ этомъ случаѣ еще рѣзче подчеркиваетъ органическую связь всѣхъ цѣнныхъ сторонъ общественнаго міровоззрѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Вл. Горнъ. Крестьянскія движенія за полтора вѣка. Научно-популярная библіотека, № 9, 1-я серія, ц. 50 к. Книгоиздательство «Польза», В. Антикъ и К°, Москва.

Крестьянскія волненія, игравшія важную роль въ исторіи крестьянскаго вопроса вообще и въ исторіи паденія крѣпостного права въ частности, до настоящаго времени очень мало изслѣдованы. Поэтому приходится привѣтствовать каждую попытку освѣтить вопросъ о формахъ, цѣляхъ и значеніи крестьянскихъ волненій и ознакомить съ ихъ исторіей широкіе слои общества. Книжку г. Горна можно бы привѣтствовать еще и потому, что она является попыткой обобщить свѣдѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ за $1^1/_2$ вѣка, разбросанныя по спеціальнымъ трудамъ, воспоминаніямъ, статьямъ и проч., относящимся къ исторіи крестьянскаго вопроса. Къ сожалѣнію, авторъ совершенно не справился съ своей задачей. Не предъявляя къ краткому очерку тѣхъ требованій, какія можно предъявить къ обстоятельному научному труду, нельзя, однако, не замѣтить, что обобщающій очеркъ долженъ все-же опираться на возможно болѣе глубокое и всестороннее изученіе фактовъ. Слѣдовъ этой предварительной, кропотливой, но необходимой работы въ книжкѣ г. Горна не видно. Какъ съ фактической стороны, такъ и по тенденціозности и поверхности изложенія эта книжка, несмотря на сильную потребность въ такой обобщающей работѣ, врядъ ли можетъ быть рекомендована мало освѣдомленному читателю, не могущему критически отнестись къ излагаемымъ авторомъ фактамъ.

Поставивъ своей цѣлью доказать, что крестьянское *движеніе* въ послѣдніе $1^1/_2$ вѣка «носитъ въ себѣ извѣстную цѣльность и единство, является послѣдовательно развернувшейся борьбой въ существенныхъ чертахъ одного и того же соціальнаго слоя», г. Горнъ на самомъ дѣлѣ даетъ лишь бѣглый, крайне неполный и тенденціозно составленный очеркъ крестьянскихъ *волненій* за указанный періодъ времени. Побѣги, физическія расправы съ угнетателями (убійства и покушенія на нихъ, побои), поджоги и прочія формы крестьянскаго протеста совершенно игнорируются въ этомъ

очеркѣ. Идейныя теченія въ крестьянствѣ (сектантство, расколъ и проч.), стоящія въ такой тѣсной связи съ крестьянскимъ движеніемъ, едва намѣчены авторомъ. Мало того, даже тѣ немногіе факты, которые имѣются въ книжкѣ, относятся исключительно къ помѣщичьимъ крестьянамъ; о волненіяхъ государственныхъ, удѣльныхъ и другихъ крестьянъ не говорится ни слова, и они лишь сведены въ общій подсчетъ волненій съ 1827 по 1840 годъ. Самое изложеніе автора страдаетъ отсутствіемъ объективности. Подчеркивая такія сравнительно рѣдкія формы движенія въ XVIII вѣкѣ (не считая Пугачевщины), какъ разрушеніе помѣстій, изгнаніе помѣщиковъ и разборка ихъ движимаго имущества, г. Горнъ упоминаетъ лишь вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи, о наиболѣе частыхъ формахъ движенія — неисполненіи работъ, отказѣ отъ платежей, неповиновеніи; туда же загнаны и причины волненій, при чемъ относительно XVIII в. причины и формы движеній указаны правильно, но относительно XIX в. допущены явныя преувеличенія и неточности.

О волненіяхъ николаевской эпохи г. Горнъ говоритъ, будто бы «каждый изъ типовъ» этихъ волненій,—стремленіе освободиться изъ крѣпостного состоянія, протестъ противъ притѣсненій помѣщиковъ,—«охватывая цѣлые обширные районы, вовлекалъ въ себя иногда до 10,000 челов. и требовалъ для своего подавленія цѣлыхъ армій, которыя подвергали «исправительному наказанію» до 4000 челов. (волненія Псковской губ.) (стр. 21). Нисколько не уменьшая громаднаго значенія крестьянскихъ волненій, приходится все-таки видѣть въ этомъ большую гиперболу. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, исключительное движеніе 1847 г. въ Витебской губ. на почвѣ недостатка продовольствія и слуховъ о волѣ (г. Горнъ невѣрно относитъ его къ Псковской губ.) и мало извѣстное доселѣ волненіе въ Курской губ. 1849 г. считать характерными крестьянскими движеніями той эпохи. Въ дѣйствительности, и въ Николаевское время, и въ XVIII в., какъ это отмѣчено уже В. И. Семевскимъ, волненія изъ одного имѣнія обыкновенно не перекидывались въ сосѣднія; въ XIX в. сосѣди рѣдко даже оказывали помощь въ такихъ случаяхъ. Явнымъ преувеличеніемъ является также утвержденіе г. Горна, будто въ движеніи 1854 — 55 гг. «уже начали сговариваться не нѣсколько деревень, а нѣсколько уѣздовъ» (стр. 21). Опять-таки нисколько не уменьшая силы и историческаго значенія этого движенія, нельзя, однако, не замѣтить, что общность слуховъ, вызвавшихъ движеніе въ Кіевской губ., о которомъ главнымъ образомъ и говоритъ авторъ, и сходство формъ движенія въ различныхъ селеніяхъ и уѣздахъ еще не означаютъ «сговора» этихъ селеній и уѣздовъ. Кромѣ того, г. Горнъ забываетъ, что быстрому росту движенія здѣсь не мало способствовало то обстоятельство, что въ волновавшемся районѣ находились громадныя вотчины гр. Браницкихъ и кн. Лопухина, населеніе которыхъ и въ

обыденное время находилось въ извѣстномъ общеніи между собою. Вообще нужно сказать, что въ XIX в. волненія, видимо, участились, легче возникали и возобновлялись, но не выросли по силѣ сопротивленія и активности крестьянъ. Это по прежнему были большею частью «бунты на колѣняхъ».

О волненіяхъ періода выработки реформъ 1861 г. авторъ ошибочно утверждаетъ, что эти волненія прекратились послѣ опубликованія рескриптовъ 1858 г. о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ и открытіи губернскихъ комитетовъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ, ибо въ 1858 г. мин-ву внутр. дѣлъ было извѣстно до 200 случаевъ неповиновенія крестьянъ, и волненія эти были не только въ первые 4 мѣсяца, но и въ послѣдніе и лишь рѣже къ концу года. Въ 1859 г. по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ было 70 волненій, въ 1860 г. до высочайшаго свѣдѣнія доведено было о 100 случаяхъ неповиновенія. Затѣмъ, если въ 1858 г. по тѣмъ-же оффиціальнымъ даннымъ дѣйствительно не было ни одного случая убійства помѣщиковъ, то въ 1859 г. уже было 4 случая убійства, 6 покушеній на убійство и 7 случаевъ нанесенія побоевъ помѣщикамъ или ихъ управляющимъ; въ 1860 г., согласно всеподданнѣйшимъ докладамъ, было 4 случая убійствъ помѣщиковъ, 2 покушенія и 3 случая нанесенія имъ побоевъ.

Волненія 1861—63 гг. авторъ совершенно скомкалъ и ограничился перепечаткой оффиціальной реляціи изъ «Русскаго Слова», въ печатныхъ источникахъ имѣются болѣе полныя и точныя свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ. Совершенно произвольнымъ далѣе является утвержденіе автора, будто въ крестьянскихъ волненіяхъ съ каждымъ новымъ періодомъ все чаще и чаще проявляется внутренній антагонизмъ различныхъ слоевъ крестьянства, обусловленный экономической дифференціацией и достигшій яснаго выраженія въ волненіяхъ 1902—4 гг. Думается, что убѣжденіе это почерпнуто авторомъ не въ фактахъ дѣйствительности, ибо послѣдніе не даютъ пока основанія для такого утвержденія. Также совершенно произвольно утвержденіе, будто антагонизмъ этотъ парализовался мірской организаціей деревни.

Переходя къ послѣднему десятилѣтію, ознаменовавшемуся громаднымъ проявленіемъ активности и сознательности крестьянства, г. Горнъ останавливается на выясненіи отношеній различныхъ общественныхъ группъ къ крестьянству наканунѣ революціи. Къ сожалѣнію, здѣсь вниманіе автора почти исключительно занято характеристикой отношеній къ крестьянству русской соціалъ-демократіи, хотя послѣдняя, какъ извѣстно, вплоть до самой революціи удѣляла очень мало вниманія крестьянству, какъ классу «мелко-буржуазному» и даже «реакціонному». Правда, г. Горнъ осуждаетъ это доктринерство, надъ которымъ жизнь скоро такъ жестоко насмѣялась. Но онъ почти ничего или очень мало говоритъ объ отношеніи къ крестьянству, напр., соціалистовъ-революціонеровъ, объ

ихъ роли въ крестьянскомъ движенiи, хотя они наибольшее вниманiе удѣляли именно крестьянству.

Въ новѣйшей политикѣ правительства по отношенiю къ крестьянству г. Горнъ усматриваетъ, помимо желанiя разслоить деревню и создать въ ней буржуазныя отношенiя,—между прочимъ, также желанiе насадить въ деревнѣ «буржуазное гражданство» и «административно - правовой порядокъ», чтобы этимъ оградить крестьянъ отъ революцiи. Но и это мнѣнiе довольно трудно согласовать съ фактами дѣйствительности.

О смертной казни. Мнѣнiя русскихъ криминалистовъ. Сборникъ съ приложенiемъ указателя литературы на русскомъ языкѣ о смертной казни. М. 1909. Стр. II+117+XI. Ц. 50 к.

Настоящiй сборникъ, какъ объяснено въ небольшомъ предисловiи къ нему, изданъ по инициативѣ группы лицъ, изъ числа проектировавшихъ учрежденiе въ Москвѣ «Лиги для борьбы со смертною казнью», при чемъ редакцiя сборника поставила своей задачей «показать, насколько рѣшительно и единодушно люди науки, русскiе криминалисты, осуждаютъ смертную казнь». Эта задача опредѣлила собою и все содержанiе сборника. Редакцiя включила въ него постановленiе о необходимости отмѣны смертной казни, единогласно принятое въ 1883 г. коммиссiей Московскаго Юридическаго Общества, обсуждавшей проектъ уголовнаго уложенiя, аналогичныя резолюцiи Русской группы Международнаго союза криминалистовъ, принятыя въ 1905 и 1909 гг., и мнѣнiя по этому вопросу 33-хъ русскихъ криминалистовъ, частью заимствованныя изъ ихъ университетскихъ курсовъ и другихъ печатныхъ произведенiй, частью изложенныя ими спецiально для настоящаго изданiя. Изъ этихъ 33 ученыхъ лишь одинъ покойный проф. Сергѣевскiй, первоначально принадлежавшiй къ числу противниковъ смертной казни, позднѣе, подъ конецъ своей жизни, перешелъ въ ряды условныхъ ея защитниковъ. Всѣ остальные авторы, представленные въ сборникѣ, являются безусловными противниками смертной казни. Для читателя, знакомаго съ положенiемъ вопроса о смертной казни въ научной литературѣ, эти мнѣнiя, правда, въ большинствѣ случаевъ не дадутъ ничего новаго, такъ какъ трудно выставить противъ смертной казни доводы, которые не были бы уже выставлены. Но даже и для такого читателя собранiе доводовъ противъ смертной казни, хотя бы и извѣстныхъ, хотя бы и не свободныхъ отъ неизбѣжныхъ повторенiй, въ мнѣнiяхъ ряда отечественныхъ ученыхъ, конечно, представитъ извѣстный интересъ. Тѣмъ большiй интересъ, конечно, должно оно представить для такого читателя, который сравнительно мало знакомъ съ научною литературой по этому вопросу и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ не задумывался надъ нимъ сколько нибудь пристально. Перелистывая стра-

ницы сборника, наполненныя доводами противъ смертной казни, этотъ читатель скоро долженъ будетъ убѣдиться, что приходится спрашивать себя не о томъ, можно ли примѣнять смертную казнь, а о томъ, почему государство продолжаетъ примѣнять ее, хотя она безповоротно осуждена здравымъ смысломъ и наукой.

«Жизнь,—говоритъ по этому поводу одинъ изъ авторовъ сборника, г. Люблинскій,—намъ подсказываетъ только одинъ отвѣтъ: примѣненіе казней это—демонстрація силы въ рукахъ фактически слабой государственной власти. Если правительство признаетъ, что оно не можетъ предупредить преступности иными средствами, кромѣ казней, то этимъ оно указываетъ, что оно потеряло всякое руководящее значеніе въ народной жизни, что силы, творящія правопорядокъ и двигающія развитіе государства, не оказываютъ ему достаточной поддержки. Если казни признаются мѣрой успокоенія, то это значитъ, что правительство видитъ это успокоеніе въ установленіи застоя, такъ какъ дѣйствіе болѣе глубокихъ факторовъ броженія не можетъ быть пріостановлено смертными казнями. Висѣлица или топоръ устраняютъ лишь то, что выходитъ виднѣе другихъ на поверхность, оставляя все ту же пучину внутри» (66—7). «Воспоминаніе о казняхъ, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — покажется столь же мрачнымъ для грядущихъ потомковъ, какъ нынѣ мрачны страницы средневѣковыхъ пытокъ и мучительствъ, и стыдно будетъ за тѣхъ, кто дѣлалъ висѣлицы однимъ изъ аттрибутовъ государственнаго правосудія» (67). Это будетъ когда-то, но сейчасъ, пока висѣлица остается у насъ «однимъ изъ аттрибутовъ государственнаго правосудія», наличность ея оказываетъ могущественное воздѣйствіе на весь характеръ послѣдняго, создавая глубокое его извращеніе. Въ частности примѣненіе смертной казни неизбѣжно соединяется у насъ, какъ это констатируетъ другой изъ представленныхъ въ сборникѣ писателей, г. Синицкій, съ примѣненіемъ «своеобразной юридической идеи», согласно которой «разбирательство дѣлъ о такихъ преступленіяхъ, за которыя грозитъ наиболѣе тяжкая кара, а именно смертная казнь, слѣдуетъ ввѣрять преимущественно наименѣе удовлетворительнымъ судамъ, рѣшающимъ дѣла безъ соблюденія цѣлаго ряда наиболѣе основныхъ изъ тѣхъ правилъ судопроизводства, которыя установлены для разбирательства дѣлъ о преступныхъ дѣяніяхъ, караемыхъ менѣе тяжкими наказаніями» (84—5). Эта идея оказывается неизбѣжной спутницей смертной казни, такъ какъ суды, дѣйствительно соблюдающіе порядокъ «серьезнаго судопроизводства», суды съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, смертныхъ приговоровъ выносить у насъ не станутъ. Поэтому, ради дѣйствительнаго примѣненія смертной казни, приходится волей-неволей примѣнять «желѣзный принципъ», который, по словамъ Беккаріа, «могъ быть установленъ глупостью, преисполненной жестокости», и согласно которому при наиболѣе жесто-

кихъ преступленіяхъ судьѣ разрѣшается выходить за предѣлы права. «Дѣлу физическаго истребленія преступниковъ,—говоритъ г. Синицкій,—подобныя начала, конечно, содѣйствуютъ. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что смертные приговоры, соединенные съ примѣненіемъ «желѣзнаго принципа», съ желѣзной же неуклонностью истребляютъ у насъ и правовую культуру страны. Государство имѣетъ, конечно, право и такъ поступать. Но это право—право на самоубійство» (85).

Въ печальныхъ условіяхъ переживаемой нами дѣйствительности напоминаніе объ этихъ истинахъ и пропаганда ихъ въ возможно болѣе широкихъ слояхъ общества являются какъ нельзя болѣе современными и съ этой точки зрѣнія можно только привѣтствовать московскій сборникъ. Интересъ послѣдняго еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что къ книгѣ приложенъ указатель литературы на русскомъ языкѣ по вопросу о смертной казни, при чемъ въ этотъ указатель включены, какъ ученая и публицистическая литература, такъ и «хроника» смертной казни за послѣдніе десятилѣтія. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній отдѣлъ указателя страдаетъ значительной неполнотой и случайностью и, въ сущности, имѣетъ серьезное значеніе только для хроники смертной казни въ эпоху нашей «конституціи».

В. Базаровъ. На два фронта.—Книгоиз-во „Прометей". Спб. 1910. (XXXIX+211 стр.).

Г. Базаровъ полемизируетъ, съ одной стороны, съ марксистами—ортодоксами по праву давности, т. е. съ г.г. Плехановымъ, Ортодоксомъ, Ильинымъ и т. д., а съ другой стороны,—съ нѣкоторыми представителями мистическаго идеализма и религіозной метафизики, какъ г.г. Бердяевъ, Шестовъ, Мережковскій, Мейеръ. Полемика г. Базарова выгодно отличается отъ многочисленныхъ произведеній воинствующаго марксизма серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ противникамъ «на два фронта».

«Ортодоксы» въ послѣднее время усердно занимались починкой философскихъ прорѣхъ марксизма, и самый видный изъ нихъ, г. Плехановъ, дошелъ при этомъ полезномъ занятіи до «матеріалистически исправленнаго» кантіанства (стр. 3). При такой комбинаціи оказывается, что внѣпространственная и внѣвременная «вещь въ себѣ» причинно воздѣйствуетъ на наши органы чувствъ (стр. 12), при чемъ въ результатѣ все-таки получаются только «іероглифы» дѣйствительныхъ формъ и отношеній вещей (стр. 4). Совпаденіе «матеріи» съ «вещью въ себѣ» носитъ у Плеханова мистическій характеръ; эта «вещь въ себѣ» гарантируетъ для него реальность внѣшняго міра и его закономѣрность, она—богъ истинный, во славу котораго борется Плехановъ противъ иныхъ боговъ ложныхъ (с. 11—12). Мистицизмъ г. Бердяева или г. Мейера отли-

чается только сознательнымъ характеромъ и противоположными намѣреніями: онъ жаждетъ чуда отъ «вещей въ себѣ» для того, чтобы разрушить нестерпимую закономѣрность міра «для насъ», міра явленій. И тамъ, и здѣсь взоръ искателей устремленъ «за предѣлы предѣльнаго», утоляя жажду «абсолютнаго». (стр. 13—23).

Г. Базаровъ довольствуется міромъ «даннаго», міромъ «опыта», и, какъ послѣдователь эмпиріокритицизма, устраняя принципіально-«непознаваемое», противопоставляетъ послѣднему широкую область «непознаннаго». Область «непознаннаго» даже расширяется по мѣрѣ того, какъ лучи познанія освѣщаютъ все новые пункты, но сфера познанія всегда остается принципіально-однородной, опредѣляясь соотносительной координаціей субъекта и объекта, какъ составныхъ элементовъ опыта.

Развивая точку зрѣнія Авенаріуса, г. Базаровъ желаетъ быть самостоятельнымъ. Не всегда, однако, это обходится безъ недоразумѣній. Довольно проблематичнымъ представляется и раскрытіе «несомнѣнно марксистскихъ» тенденцій въ гносеологіи Авенаріуса.

Любопытна въ книгѣ г. Базарова статья: «Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма» (стр. 69—98). Здѣсь авторъ занимается изысканіемъ «подлинной философіи Маркса» и, вопреки воззрѣніямъ Плеханова и другихъ «ортодоксовъ» на этотъ предметъ, находитъ таковую въ раннихъ работахъ Маркса 40-хъ г.г., когда онъ развивалъ идеи антропологическаго реализма. Для Маркса того времени дѣйствительность не есть «іероглифъ» субстанціи, какъ для нашего современника Плеханова, а, наоборотъ, субстанція —метафизическій іероглифъ дѣйствительности (стр. 75); для него «субъективное» и «объективное» представляли лишь «различные элементы конкретной человѣческой практики», которая въ одно и то же время и субъективна, и предметна (стр. 84). Если эти взгляды Маркса получили позднѣе «рядъ блестящихъ подтвержденій» (стр. 87) въ психологіи, физіологіи, въ методологіи точныхъ наукъ, то, напротивъ, какъ указываетъ г. Базаровъ въ предыдущей статьѣ, многіе отдѣльные взгляды Энгельса, занимавшагося позднѣе развитіемъ философскихъ концепцій Маркса, «теперь уже устарѣли». Въ концѣ концовъ, г. Базаровъ, снова возвращаясь къ г. Плеханову, откровенно сознается, что съ этимъ «философомъ» и спорить-то собственно не о чемъ: «въ его философской концепціи нѣтъ не только какой-либо *опредѣленной* теоріи познанія, но нѣтъ и намека на теорію познанія вообще» (стр. 98).

Если бы эта статья г. Базарова появилась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, можетъ быть, многіе и не повѣрили бы, что она написана марксистомъ. Тогда призывъ подъ знамя эмпиріокритицизма Маха и Авенаріуса, критика «истинъ» метафизическаго матеріализма, ссылки на раннія работы Маркса въ пику «догматическому» марксизму г.г. Плехановыхъ, и т. д.—клеймились, какъ

«мелкобуржуазная идеологія» послѣдователей П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго. Но—tempota mutantur...

Проф. Карлъ Форлендеръ. Кантъ и Марксъ. Очерки этическаго соціализма. Пер. съ разрѣшенія автора Б. И. Элькина съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1909. VIII+226 стр. Цѣна 1 руб.

Книга проф. Форлендера представляетъ собраніе его статей и рефератовъ (1900—1906), освѣщающихъ съ различныхъ сторонъ историческую и логическую связь философіи Канта съ соціалъ-демократіей и дающую вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельный очеркъ неокантіанскаго теченія послѣднихъ лѣтъ и его отношеній къ ортодоксальному марксизму. Авторъ считаетъ несомнѣннымъ и не требующимъ доказательствъ, что между соціализмомъ и философіей существуетъ необходимая связь. Изложивъ вкратцѣ теорію экономическаго матеріализма, Форлендеръ утверждаетъ, что «матеріалистическое пониманіе исторіи вполнѣ и всецѣло, несмотря на свое наименованіе, соединимо съ критическимъ идеализмомъ» (стр. 17). Путеводной звѣздой соціализма можетъ и долженъ быть, по мнѣнію Форлендера, высшій нравственный принципъ Канта, принципъ всеобщаго законодательства и идеальнаго царства цѣлей, въ которомъ каждый человѣкъ является самоцѣлью. «Внѣ этики, говоритъ Форлендеръ, т. е. внѣ преслѣдованія самостоятельно и сознательно анти-эгоистическихъ цѣлей нѣтъ соціалиста и не можетъ быть рѣчи о соціализмѣ» (стр. 32, см. также стр. 53 и др.). Необходимо только примѣнить этотъ принципъ Канта къ различнымъ сторонамъ общественной жизни,—экономической, правовой, педагогической и т. д. Путемъ обстоятельнаго анализа различныхъ и рѣдко обращавшихъ на себя вниманіе отрывковъ изъ сочиненій Канта Форлендеръ доказываетъ, что «хотя Кантъ и не можетъ быть названъ соціалистомъ... тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ его государственныхъ и философско-историческихъ идей соприкасается съ идеями соціализма» (стр. 46—53). Дальнѣйшее и чрезвычайно цѣнное примѣненіе этическихъ принциповъ Канта къ общественной жизни было сдѣлано неокантіанцами, Когеномъ, Штаммлеромъ и въ особенности Наторпомъ и Штаудингеромъ, а также примыкающими къ кантіанству Герлахомъ, Липпсомъ и Масарикомъ; обзоръ ихъ работъ въ данномъ отношеніи представляетъ очень существенную часть книги Форлендера. Столь же интересенъ очеркъ этическаго теченія среди соціалистическихъ писателей различныхъ странъ (Германіи, Франціи и Россіи) и ихъ полемики съ ортодоксальнымъ марксизмомъ. Изъ русскихъ теоретиковъ авторъ касается писателей, переводимыхъ или отчасти пишущихъ на иностранныхъ языкахъ—Лаврова, Н. Бердяева, П. Струве и др. Обзоръ его заканчивается вышедшей въ 1906 г. книгой Каутскаго «Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи».

Основная мысль Форлендера, что соціализмъ можетъ и долженъ быть обоснованъ этически, несомнѣнно совершенно правильна. Интересно и развитіе этого общаго положенія въ его книгѣ. Но попытка его связать кантовскій моральный принципъ именно съ марксовскимъ соціализмомъ все таки остается совершенно искусственной. Сколько нибудь подробнаго очерка этическихъ воззрѣній Маркса и Энгельса Форлендеръ и не даетъ. Если бы онъ остановился на этихъ воззрѣніяхъ ближе, ему пришлось бы не только ссылаться на Маркса, но и возражать ему, а слѣдовательно, разобрать по существу вопросъ о соединимости общечеловѣческой этики Канта съ классовой теоріей общества, составляющей основу Марксовскаго соціализма. Вѣдь согласно этой теоріи соціализмъ обосновывается не высшими этическими цѣлями, а классовыми интересами пролетаріата.

Русскій читатель врядъ ли будетъ также удовлетворенъ очеркомъ этическихъ исканій русскаго соціализма. Самъ авторъ, впрочемъ, и не претендуетъ на его точность и полноту.

Въ общемъ книга Форлендера, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія читателей, интересующихся глубоко важнымъ вопросомъ о той роли, которую этика можетъ и должна играть въ общественной жизни.

Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Авторизированный пер. съ нѣм. Н. Вокачъ и И. Ильина, подъ ред. и съ пред. Б. А. Кистяковскаго. М. 1909. Изд. Сабашниковыхъ. X 223 стр. Цѣна 1 руб.

Среди современныхъ европейскихъ соціологовъ Зиммель занимаетъ выдающееся мѣсто по своей громадной эрудиціи, широтѣ философскаго образованія, блеску и изяществу изложенія, иногда причудливаго и капризнаго, какъ наброски художника, но всегда остроумнаго и приковывающаго вниманіе. «Соціальная дифференціація»—первая крупная работа Зиммеля, появившаяся еще въ 1890 г. и уже имѣющаяся въ сокращенномъ русскомъ переводѣ (изд. «Всеобщей библіотеки» Іогансона). Хотя съ тѣхъ поръ вышла (въ 1908 г.) «Соціологія» Зиммеля,—къ сожалѣнію, до сихъ поръ не переведенная на русскій языкъ,—но и «Соціальная дифференціація» сохраняетъ свое полное значеніе, какъ чрезвычайно цѣнная постановка вопросовъ соціологіи и удачная попытка разрѣшенія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Задачей соціологіи является, по Зиммелю, описаніе формъ человѣческаго общежитія и установленіе правилъ, лежащихъ въ основѣ взаимоотношеній индивидовъ, какъ членовъ группы, и группъ между собой. Общество именно и отличается отъ простой суммы индивидовъ взаимодѣйствіемъ его частей. Съ этой точки зрѣнія между самымъ свободнымъ соединеніемъ людей для общаго дѣла или бесѣды и всеохватывающимъ единствомъ класса или народа

различіе только въ степени. «Но, можетъ быть, границы собственно соціальнаго существа, говоритъ Зиммель, можно видѣть тамъ, гдѣ взаимодѣйствіе личностей между собой проявляется не только въ ихъ субъективныхъ состояніяхъ или поступкахъ, но создаетъ объективное образованіе, которое обладаетъ извѣстной независимостью отъ отдѣльныхъ участвующихъ въ немъ личностей» (стр. 23).

Если вообще наука ставитъ своею цѣлью разложеніе сложныхъ явленій на ихъ элементы, то въ частности это относится и къ соціологіи, и къ соціальному познанію вообще; а такъ какъ оно составляетъ одинъ изъ факторовъ общественнаго развитія, то уже поэтому одной изъ его характерныхъ чертъ является постепенная дифференціація въ пестрой массѣ соціальныхъ явленій, выдѣленіе видовъ и отношеній, дѣйствій и чувствъ изъ всеохватывающихъ комплексовъ, переходъ соціальнаго поведенія отъ неопредѣленной однородности къ опредѣленной разнородности. Такъ, напр., въ первобытныя эпохи вредный поступокъ отдѣльнаго человѣка разсматривается, какъ наказуемая вина его соціальнаго круга, цѣлой семьи, рода и т. п.; «именно вѣра въ неразрывную солидарность семьи, возникшая изъ недифференцированнаго представленія, привела къ тому, что семья, какъ цѣлое, подвергалась отвѣтственности за индивидуальные поступки противъ третьихъ лицъ» (стр. 38). Точной дифференціаціи мы не достигли и до сихъ поръ; не говоря уже о томъ, что душа самого преступника наряду съ испорченными склонностями заключаетъ и здоровыя, одновременно съ преступникомъ страдаетъ лично и его семья, обрекаемая на нужду и позоръ. «Только тогда, говоритъ Зиммель, когда каждое отношеніе, каждая составная часть публичной и индивидуальной жизни получитъ въ результатѣ дифференціаціи такую самостоятельность, что для нея станетъ возможнымъ претерпѣвать воздѣйствія и проявлять дѣятельность такъ, чтобы механическія сплетенія съ разнородными по существу элементами не навязывали имъ ту же участь, только тогда можно будетъ при помощи точнаго разграниченія удалить вредные элементы, не касаясь сосѣднихъ съ ними полезныхъ элементовъ» (стр. 51—52). Но въ то же время изъ за дифференціаціи различныхъ элементовъ явленій нельзя забывать ихъ сходства, изъ за того, что разъединяетъ,—того, что соединяетъ, какъ это бываетъ съ близкими другъ другу партіями и сектами, которыя больше враждуютъ другъ съ другомъ, чѣмъ съ общимъ врагомъ.

Работа сознанія, приводящая къ соціальной дифференціаціи, сама зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ стихійныхъ факторовъ, каковы: ростъ населенія, возрастающее общеніе между людьми и т. п. Для грубаго мышленія случайное сосуществованіе въ пространствѣ и во времени бываетъ достаточнымъ для того, чтобы связывать представленія психологически; но когда представленіе является въ нѣсколькихъ разнородныхъ сочетаніяхъ, тогда «то, что есть одинаковаго во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ, выступаетъ въ

яркомъ освѣщенiи и вступаетъ во взаимную связь, все болѣе освобождаясь отъ соединенiя съ тѣмъ, что является по существу инымъ и что было связано съ нимъ лишь вслѣдствiе случайнаго сосуществованiя въ одномъ предметѣ» (стр. 141). Аналогичный процессъ наблюдается и въ развитiи отношенiй индивидовъ другъ къ другу, происходящемъ, разумѣется, не безъ влiянiя работы сознанiя. Возрастающее разнообразiе цѣлей и сношенiй объединяетъ схожихъ между собою индивидовъ изъ совершенно чуждыхъ первоначально и не связанныхъ между собою круговъ, такъ что съ теченiемъ времени каждая разнообразно одаренная личность «можетъ найти для каждой стороны своего существа среду для объединенiя и совмѣстной дѣятельности. Это приближаетъ одинаково къ идеалу коллективизма и къ идеалу индивидуализма» (стр. 158).

Но эти процессы идутъ далеко не прямолинейно, такъ какъ въ общественной жизни постоянно сталкиваются противоположныя стремленiя отдѣльныхъ людей и группъ. Соцiологiя въ этомъ отношенiи стоитъ, по мнѣнiю Зиммеля, на одномъ уровнѣ съ психологiей, въ которой, благодаря сложности явленiй душевной жизни, «нельзя наблюдать ни одного изолированнаго простого дѣйствiя силъ, но каждое изъ нихъ сопровождается столькими побочными явленiями, что никогда нельзя установить съ полной достовѣрностью, что же именно въ дѣйствительности является причиной даннаго слѣдствiя или слѣдствiемъ данной причины» (стр. 10). Но въ сущности дѣло не такъ безнадежно, и самъ Зиммель, примѣняя такъ называемый соединенный методъ сходства и различiя, достигъ значительныхъ результатовъ, благодаря отчетливой постановкѣ вопроса и богатству разнообразнаго матерiала. Таковы его этюды о зависимости соцiальнаго уровня отъ обширности группы, объ отношенiи дифференцiацiи индивида и соцiальной группы и т. д. Очень интересна также попытка вывести самый принципъ дифференцiацiи въ мышленiи и общежитiи изъ универсальнаго принципа наименьшей траты силъ.

Переводъ Зиммеля требуетъ большого труда въ виду своеобразности его мышленiя и стиля. Переводчики въ общемъ удачно справились съ своей задачей, хотя нѣкоторыя мѣста оказались тяжеловаты (стр. 24, 150 и др.). Быть можетъ, для большей доступности такого цѣннаго труда, какъ «Соцiальная дифференцiацiя», слѣдовало бы, соблюдая полную точность въ передачѣ мыслей подлинника, нѣсколько измѣнить его стиль, разбить длинные перiоды на болѣе короткiе и т. п.

Предисловiе г. Кистяковскаго даетъ интересный очеркъ общей постановки соцiологическихъ проблемъ и характеристику Зиммеля въ этомъ отношенiи.

В. Л. Омелянскій. Основы микробіологіи. Спб. 1909 г. 400 стр. съ 289 рисунками въ текстѣ. Ц. 3 р. въ переплетѣ.

Изъ всѣхъ областей естествознанія самая молодая, микробіологія, завоевала въ послѣднія 50 лѣтъ важное положеніе не только среди спеціальныхъ наукъ, но и среди отраслей положительнаго знанія, необходимыхъ для общаго пониманія жизненныхъ явленій.

Вопросы, касающіеся жизни клѣтки, ея строенія и отправленій значеніе микробовъ въ экономіи природы, роль въ возникновеніи заразныхъ болѣзней, взаимоотношенія высшихъ и низшихъ организмовъ при зараженіи,—все это разработано различными отдѣлами микробіологіи и развилось въ точную позитивную науку, благодаря интенсивной работѣ многочисленныхъ учениковъ геніальнаго Пастера и Коха. Помимо разрѣшенія чисто теоретическихъ вопросовъ, микробіологія нашла и практическое приложеніе въ области бродильныхъ процессовъ, агрикультуры, гигіены, эпидеміологіи и въ ученіи о невоспріимчивости, которое всесторонне разработано И. И. Мечниковымъ. Создались цѣлыя практическія отрасли медицины, какъ серотерапія, вакцинація, дезинфекція, серодіагностика, которыя основаны на данныхъ бактеріологіи.

Книга г. Омелянскаго, извѣстнаго спеціалиста въ области микробіологіи, является поэтому какъ нельзя болѣе кстати. Въ сжатомъ, живомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строго научномъ изложеніи она подробно касается вопросовъ о роли микробовъ въ природѣ, разсматриваетъ различные виды броженій, знакомитъ съ микробной флорой воды, воздуха и почвы. Въ началѣ книги изложены: историческій очеркъ развитія микробіологіи, методика и общая морфологія микробовъ. Въ концѣ приведены важнѣйшія данныя о болѣзнетворныхъ микробахъ, ихъ значеніи для эпидеміологіи и изложено ученіе о невоспріимчивости (теоріи Мечникова и Эрлиха).

Благодаря прекрасно подобраннымъ примѣрамъ, живому изложенію и массѣ рисунковъ, книга читается легко и можетъ быть рекомендована не только спеціалистамъ, которые оцѣнили ее уже по достоинству, но и широкому кругу читателей, которые захотѣли бы ознакомиться съ современнымъ состояніемъ микробіологіи.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Книгоизд. „Прометей". Спб. 1910. *И. Олигеръ*. Разсказы. Т. III. Ц. 1 р. 25 к.—***В. Базаровъ***. На два фронта. Ц. 2 р.—***Е. Войничъ***. Оводъ. Романъ изъ жизни XIX в. 4-е изд. Ц. 75 к.—***Отто Пфлейдереръ***. О религіи и религіяхъ. Пер. А. Мейера подъ ред. П. Юшкевича. Ц. 1 р. 25 к.—

Л. Лельсе и ***Р. Маркъ.*** Проблема воздухоплаванія. Пер. Ю. Лавриновича. Ц. 80 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1910. ***Г. Плехановъ.*** Н. Г. Чернышевскій. Ц. 3 р.—***Леонидъ Андреевъ.*** Анатэма. Трагедія. Ц. 1 р.—***Кнутъ Гамсунъ.*** Собраніе сочиненій IV и VIII томы. Ц. по 1 р. 25 к.

Альманахъ. Кн. XI. Ц. 1 р.—***В. Джемсъ.*** Прагматизмъ. Пер. П. Юшкевича. Библ. совр. философіи. В. I. Ц. 1 р. 50 к.

Изд. Т-ва Сытина. М. 1909. ***В. П. Алексѣевъ.*** Разсказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 70 к.—***В. Е. Ермиловъ.*** А. В. Кольцовъ. какъ поэтъ и человѣкъ. Ц. 15 к.—***А. В. Кольцовъ.*** Полное собраніе стихотвореній. Ц. 25 к.—***В. В. Половцевъ.*** Практическія занятія по ботаникѣ. Ц. 35 к.—***Ѳ. Ѳ. Нелидовъ.*** Западники 40-хъ годовъ: Н. Станкевичъ, В. Бѣлинскій, А. Герценъ, Т. Грановскій и др. Ц. 1 р.

Изд. „Образованіе". Спб. 1909. ***Эрнстъ Махъ.*** Популярно-научные очерки. Пер. Г. Котляра Ц. 2 р.—Популярная естественно-научная библіотека: № 1. ***В. Оствальдъ*** Очеркъ натуръ-философіи. Пер. Г. Котляра. Ц. 70 к.—№ 2. ***Зиг. Гюнтеръ.*** Исторія естествознанія въ древности и ср. вѣка Пер. П. С. Юшкевича. Ц. 50 к.

Эдм. Гусерль. Логическія изслѣдованія. Пер. Э. Бернштейнъ подъ ред. С. Франка. Ц. 1 р. 50 к.—***Максъ Планкъ.*** Единство физической картины міра Пер. Г. Котляра. Ц. 25 к.—***Отто Винеръ.*** Расширеніе нашихъ чувствъ. Пер. Г. Котляра. Ц. 30 к. —***У. Рамсей и В. Оствальдъ.*** Изъ исторіи химіи. Пер. Г. Котляра. Ц. 75 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1909. ***Р. Хиченсъ.*** Чары Египта въ его памятникахъ. Пер. кн. А. Оболенской. Ц. 1 р.—***Э. Гриммъ.*** Политическія воззрѣнія Ип. Тэна. Ц. 60 к.

Кн-во „Скорпіонъ". М. 1909. ***Ш. Ванъ-Лербергъ.*** Маленькія драмы. Пер. С. А. Полякъ. Ц. 40 к.—***Валерій Брюсовъ.*** Огненный Ангелъ. Повѣсть въ XIV главахъ. Изд. 2-е испр. и доп. Ц. 2 р. 50 к.

Кн-во „Всемірная библіотека". Одесса. ***Оск. Уайльдъ.*** De profundis. Цѣна 10 к.—***Фр. Геббель.*** Юдиѳь. Трагедія. Ц. 10 к.—***Кнутъ Гамсунъ.*** Рабы страстей. Ц. 10 к.

Изд. Горбунова-Посадова. М. 1909. ***В. фонъ-Поленцъ.*** Крестьянинъ Романъ. Пер. В. Величкиной съ пред. Л. Толстого. Ц. 75 к.—***С. Т. Семеновъ.*** По чужимъ землямъ. Ц. 30 к.—***О. Шмейль.*** Человѣкъ, животныя и растенія. Пер. С. Порѣцкаго. Ц. 70 к.—***И. Горбуновъ-Посадовъ.*** Золотые колосья. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Ц. 1 р.—Календарь для каждаго на 1910 г. Ц. 25 к.—Сельскій и деревенскій календарь на 1910 г. Ц. 20 к.

Изд-во „Разумъ". Спб. 1909. Альманахъ—Календарь для всѣхъ. Ц. 20 к.—Труженикъ. Кн. вторая. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Составили Стеллинъ и Ганъ. Ц. 20 к.

Кн-во „Современныя проблемы". М. 1910. ***Авг. Стриндбергъ.*** Собраніе сочиненій. Т. IX. Историческія драмы. Ц. 1 р. 25 к.—***Ген. Маннъ.*** Собраніе сочиненій. Т. III. Минерва. Ц. 1 р.—***Бернаръ Шоу.*** Собраніе сочиненій. Т. II. Человѣкъ и сверхчеловѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.

Кн-во „Освобожденіе". Спб. 1910. У источника жизни. Пер. А. Полоцкой. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Библіотека «Всходовъ». Спб. 1909. ***Г. Аанрундъ.*** Пастушка Зидсель. Ц. 25 к.—***К. Эвальдъ.*** Море и др. сказки. Ц. 25 к. — ***Т. Штормъ.*** Даніилъ Башъ. Ц. 20 к. — ***Гек. Мало.*** Въ семьѣ. Повѣсть. Ц. 60 к.—***Коломбо.*** За правое дѣло. Ц. 35 к. — ***Генри Вудъ.*** Семейство Чаннинговъ. Въ передѣлкѣ для дѣтей. А. Н. Анненской. Ц. 80 к.

В. Ферри. Сборникъ басенъ, стихотвореній для заучиваній наизусть. Елецъ. 1910. Ц. 50 к.

Г. Вилліамъ. Хитровскій альбомъ. М. 1909. Ц. 60.

Николай Могучій. Штрихи углемъ. М. Ц. 75 к.

Н. Животовъ. Клочья нервовъ. Собраніе стихотвореній. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

Апполонъ. Ежемѣсячникъ. Ноябрь. № 2. 1909.

Конст. Подоводскій. Безволіе. Лирическая пьеса. М. 1910. Ц. 35 к.

Анатолій Каменскій. Люди. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Алексѣй Ремизовъ. Разсказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Е. К. Кузьмичева. Изъ тьмы. Стихотворенія. М. 1910. Ц. 20 к.

Федоръ Черный. Тѣни жизни. Спб. 1910. Ц. 50 к.

Е. Милицына. Разсказы. 2 т. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Вл. Гординъ. Одинокіе люди. Разсказы. Спб. 1910 Ц. 1.

С. Желѣзнякъ. Разсказы. Изд.

Дороватовскаго и Гарушникова. 1910. Ц. 1 р.

В. Винниченко. Третя книжка. Оповіданнів. Київ. 1910. Ц. 80 к.

Б. Журавлевъ. Хозяева. Повѣсть. Спб. 1910. Ц. 1 р. 60 к.

А. И. Остроглазовъ. Стихотворенія. Пѣсни наболѣвшей души. М. 1910. Ц. 60 к.

Евг. Лундбергъ. Мои скитанія. Кіевъ. 1909. Ц. 75 к.

Его-же. Разсказы. Кіевъ. 1909. Ц. 75 к.

Альманахъ Смерть. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Руд. Борхардтъ. Книга Іорамъ. Пер. А. Эліасберга, пред. В. Розанова. Кн-во „Пантеонъ". Спб. 1909. Ц. 80 к.

С. Карасевичъ. Повѣсти и разсказы. Т. II. Спб. 1910. Ц. 1 р.

М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. М. 1909. Ц. 1 р.

Д. Вергунъ. Червоннорусскіе отзвуки. 2-е изд. Львовъ. Ц. 1 р.

Сер. Кречетовъ. Летучій голландецъ. Кн-во „Грифъ". М. 1910. Ц. 80 к.

Я. Боткинъ. Замѣтки и воспоминанія врача. Симферополь. 1909. Ц. 60 к.

Конст. Шрейберъ. Тихіе кануны. М. 1910. Ц. 1 р.

И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе. Изъ современной народной жизни. Спб. 1909.

С. Натинъ. Болѣзнь нашей жизни и др. разсказы. М. 1909. Ц. 75 к.

Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Сер. Хатунскій. Около волости, М. 1910. Ц. 85 к.

Бернаръ Шоу. Собраніе сочиненій. Т. I. Кн-во „Современныя Проблемы". Спб. Ц. 1 р.

Вл. Грабельскій. Исторія польскаго народа. Пер. подъ ред. пр.-доц. Н. Ястребова. Спб. 1910.

Э. С. Вульфсонъ. Персы въ ихъ прошломъ и настоящемъ. М. 1909. Ц. 75 к.

Его-же. Черногорія и черногорцы. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 12 и 13. Изд. Т-ва „Міръ". 1909.

К. Бархинъ. Поэзія А. В. Кольцова, 1809—1909. Одесса. 1909. Ц. 15 к.

П. Коноди. Рафаэль. Съ 8-ю иллюстр. въ краскахъ. Пер. З. Крашенинниковъ. М.

О. Пфлейдереръ. Возникновеніе христіанства. Пер. и изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Д. Дембскій. I. Философія права и нравственности Л. Петражицкаго.— II. Право и нравственность съ точки зрѣнія историческаго матеріализма. Харьковъ. 1909. Ц. 50 к.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Горькій и ***В. Мейеръ.*** Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи. 5/18 Декабря 1905 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.

М. Гершензонъ. Историческія записки. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. Шинкуцъ. Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. 2 ч. Спб. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

А. М. Петрункевичъ. Кола ди Ріенци. Эпизодъ изъ исторіи Рима XIV в. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Павлинова. Цицеронъ. Молодые годы. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Г. А. Максимовичъ. Ученіе первыхъ славянофиловъ. Кіевъ. 1907.

Шурцъ. Исторія первобытной культуры. Пер. Э. Пименовой и М. Негрескулъ. Спб. 1910. Ц. 3 р. 60 к.

Ан. Бурнакинъ. Трагическія антитезы. М. 1910. Ц. 1 р.

П. Ардашевъ. Разборъ книги А. Ону. Выборы 1789 г. во Франціи. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Исторія Россіи въ XIX в. Вып. 28. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Спб. 1909.

А. А. Чупровъ. Очерки по теоріи статистики. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

М. М. Ковалевскій. Соціологія. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к

Ивановъ-Разумникъ. Объ интеллигенціи. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Его-же. Литература и общественность. Сборникъ статей. Спб. 1910. Ц. 1 р.

В. Рогойскій. Наиболѣе назрѣвшія и необходимыя новеллы по гражданскому праву. Спб. 1910. Ц. 10 к.

Л. Кофенгаузъ. Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. М. 1909. Ц. 1 р.

Труды II-го съѣзда представителей учрежденій мелкаго кредита Уфимской губ.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михаиловичъ. Т. I. Сергіевъ-Посадъ. 1909. Ц. 3 р.

И. К. Гудзь. Земскіе дѣятели Тверской губ. В. I. П. А. Корсаковъ. Тверь. 1909. Ц. 40 к.

Пименъ Карповъ. Говоръ Зорв.

Страницы о народѣ и интеллигенціи. Спб. Ц. 60 к.

Діонео. Рефлексы дѣйствительности. Литературныя характеристики. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунаивномъ обложеніи на Западѣ. М. 1909. Ц. 2 р.

В. М. Гессенъ. Подданство, его установленіе и прекращеніе. Т. I. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Сем. Масловъ. Новый законъ о крестьянскомъ землевладѣніи. Спб. 1910. Ц. 35 к.

В. Виттъ. Екатерина II, какъ криминалистка. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Ю. С. Гамбаровъ. Свобода и ея гарантіи. Спб. 1910. 1 р. 50 к.

А. М. Обуховъ. Народное образованіе въ Мюнхенѣ. М. Ц. 1 р. 20 к.

Фидель. Новая книга о Чеховѣ. Спб. Ц. 60 к.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ: Австро-Венгрія, Россія, Германія. Подъ ред. А. И. Кастелянскаго. Спб. 1910. Ц. 7 р. 50 к.

С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Эрн. Бернгеймъ. Философія исторіи, ея исторія и задачи. Пер. пр.-доц. А. Рождественскаго. М. 1910. Ц. 40 к.

Г. И. Георгіевскій. Религіозныя исканія Максима Горькаго. 1909. Ц. 30 к.

Вил. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. Пер. В. Малахіевой-Мировичъ и М. Шикъ. п. ред. С. Лурье. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Вил. Бельше. Монизмъ. Кн-во „Освобожденіе“. Ц. 30 к.

А. А. Кауфманъ. Теорія статистики. М. 1909. Ц. 2 р.

К. А. Хрѣновъ. Скромные таланты. М. 1910. Ц. 10 к.

Проф. I. Малиновскій. Общественное значеніе литерат. дѣятельности Гоголя. Томскъ. 1909.

Ю. В. Португаловъ. Къ психологіи русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 гг. Оренбургъ. 1908. Ц. 1 р.

Л. Дашкевичъ. Аграрный переворотъ. Сельскій судъ. М. 1909. Ц. 1 р.

А. А. Корниловъ. Пятидесятилѣтіе Литературнаго фонда. 1859—1909 гг. Спб. 1909. Ц. 50 к.

З. Каценеленьбаумъ. Меліораціи, меліоративныя товарищества и меліоративный кредитъ въ Россіи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Ж. Клодъ и Вл. Оствальдъ. Электричество и его примѣненіе въ общедоступномъ изложеніи. Пер. Т. Кравецъ. Ред. А. Эйхенвальди. В. 2—3. М. 1910.

И. Циденъ. Гигіена городовъ. Пер. Л. Александовъ. Симферополь. Ц. 60 к.

Д-ръ З. Фрейсъ. Психопатологія обыденной жизни. Пер. В. Медема. М. 1910. Ц. 1 р.

Инж. Армангo. Задача авіаціи и ея рѣшеніе при помощи аэроплана. Пер. Н. Авдулапъ. Ц. 50 к.

Ф. А. Кукъ и Р. Э. Пири. Открытіа таинственнаго полюса. Составилъ В. Розовъ-Цвѣтковъ. М. 1910. Ц. 1 р.

П. Д. Успенскій. Четвертое измѣреніе. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Ѳ. Р. Фертнеръ. Донецкая каменоугольная промышленность. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Н. Д. Объ угольной промышленности Донецкаго бассейна. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Д-ръ Л. Рохлинъ. Мѣстечко Краснополье Могил. губ. Опытъ статистико-эконом. описанія типичнаго мѣстечка еврейской осѣдлости. Спб. Ц. 1 р.

А. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Вопросы обществовѣдѣнія. Подъ ред. М. Туганъ-Барановскаго и П. Люблинскаго. Вып. II. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

В. Э. Фельтекманеръ. Доказательство несостоятельности закона Ньютона. Спб. 1910. Ц. 20 к.

С. Веретенниковъ. Путеводитель по Швейцаріи. Спб. 1909. Ц. 75 к.

П. Кара-Мурва. Наканунѣ земской реформы на Кавказѣ. Баку. 1909. Ц. 30 к.

Историко-литературная библіотека. Вып. III. А. С. Грибоѣдовъ. Составилъ А. Алферовъ. М. Ц. 80 к.

Новыя книги для дѣтей отъ 4 до 16 л. Изд. „Дѣтской Библіотеки“. М. Бередниковой. М. 1909. Ц. 65 к.

О. Григорьевъ. Петина тетрадка. Спб. 1910. Ц. 80 к.

Лассаръ Кона. Химія въ обыденной жизни. 2-е изд. А. Ф. Девріена. Пер. подъ ред. проф. В. Ѳ. Тимофеева. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Б. Е. Райновъ. Практическія занятія по зоологіи для начинающихъ, ср. школъ и самообр. Спб. 1910. Ц. 1 р. 30 к.

В. Чарнолускій. Испытанія на званіе начальнаго учителя и учительницъ. Систем. сводъ законовъ распор., правилъ, инструк., программъ и справ. свѣд. по всѣмъ учебн. отраслямъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.

М. М. Панебратцевъ. Методи-

ческая грамматика русскаго языка для ср. учебн. зав. и самообр. 2 ч. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

С. Колосовъ. Въ погонѣ за сельско-хозяйственными знаніями. Гжатскъ. 1909. Ц. 25 к.

К. Теодоровичъ. Педагогическая и психологическая хрестоматія. В. I. Воспитаніе. Лодзь. 1909. Ц. 35 к.

В. Буткевичъ. Соврем. положеніе вопроса объ использованіи азота атмосферы въ с.-хозяйств. цѣляхъ. М. 1909. Ц. 50 к.

Д-ръ *Е. Тауберъ*. Какъ предупредить и лѣчить привычные запоры. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Л. Лемасе и *Р. Маркъ*. Аэропланъ для всѣхъ. Одесса. 1909. Ц. 75 к.

Краткій статистическій обзоръ Тургайско - Уральскаго переселенческаго раіона за 1908 г. Оренбургъ. 1909.

Условіе труда и быта помощн. врачей.

Дѣло А. А. Лопухина въ особомъ прусутствіи прав. сената. Стеногр. отчетъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Оцѣночно-Статистическое Бюро Казанскаго Губернскаго Земства.—Крестьянское Землевладѣніе Казанской губ. В. 13. Ц. 2 р.—Низшее профессіональное образованіе въ Казанской губ. Казань. 1909. Ц. 40 к.

Статистическій Ежегодникъ Московской губ. за 1908 годъ. 2 части. М. 1990.

Матеріалы по статистикѣ Московской губ. Вып. I. Статистика общедоступности начальнаго обученія въ Московской губ. Составилъ *Н. Казиміровъ*.—В. II. Сравнительныя таблицы школьныхъ раіоновъ за 1902 и 1907 г. М. 1909.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губ. за 1907—1908 гг. Н.-Новгородъ. 1909.

Тоже за 1903 годъ. Н.-Новгородъ. 1908 г.

Обзоръ бакинской промышленности за 1908 г. 2 т. Баку. 1909.

Отчетъ о дѣятельности союза обществъ помощниковъ врачей за 1908 г. М. 1909.

Отчетъ Харьковскаго комитета по вывозу минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго раіона Юга Россіи за 1908 годъ. Харьковъ. 1909.

Военно-уголовное дѣло Линевича. Юридическій памятникъ. Спб. 1909.

Отчетъ о дѣятельности санитарно-благотворительныхъ попечительствъ г. Оренбурга въ 1907 и 1908 гг. Оренбургъ.

Современный автомобиль. Справочная книга для владѣльцевъ автомобилей, техниковъ, монтеровъ и шофферовъ. Составилъ инж.-мех. *С. Л. Кременчуцкій*. Одесса. 1909. Ц. 1 р.

Календарь - справочникъ „Народный учитель" въ 2-хъ частяхъ. Составилъ О. Н. Смирновъ. Изд. книжн. маг. „Трудъ". М. 1909. Ц. 50 к.

Ежегодникъ Спб. округа Пут. Сообщенія за 1908 г. Спб. 1909.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организ. врачебн. помощи въ Россіи за 1907 г. Спб.

1909 г. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. В. IV—V. Изд. Гл. Упр. Земл. и земледѣлія. Спб. 1909.

Политика.

Годъ 1909 въ политическомъ отношеніи.

I.

Чѣмъ помянимъ годъ минувшій?

Очень многимъ!.. При томъ такимъ, что займетъ видное мѣсто во всемірной исторіи и броситъ свои тѣни далеко на событія будущихъ лѣтъ.

Отмѣчая годъ тому назадъ характеръ исторіи 1908 года, мы

указали, что этотъ годъ въ значительной степени ограничилъ господство такъ называемыхъ *реальполитики* и *вельполитики*, этихъ двухъ выраженій международнаго хищничества. Мы пожелали наступавшему 1909 году продолжать международную исторію въ томъ же направленіи, возродить принципіальную международную политику, защищать независимость болѣе слабыхъ отъ покушеній болѣе сильныхъ... Пожеланіямъ этимъ не суждено было сбыться. Годъ 1909 принесъ, наоборотъ, возрожденіе международнаго хищничества, торжество реальполитики и много тревоги и опасеній за ближайшее международное положеніе.

Заключая обзоръ 1908 года, мы отмѣтили, что, вѣроятно, Австріи придется согласиться на конференцію по босно-герцеговинскому вопросу и, подписывая актъ объ аннексіи этихъ провинцій, подписать въ протоколѣ и статью о неправильности измѣненія международнаго договора волею одной изъ договорившихся сторонъ безъ согласія всѣхъ остальныхъ, вступившихъ въ договоръ. Оказалось, однако, что ничего подобнаго не произошло. Конференціи не было. Никакого новаго международнаго акта, санкціонирующаго измѣненія берлинскаго трактата, не подписано и присоединеніе Босніи и Герцеговины стало признаннымъ фактомъ простымъ распоряженіемъ императора Франца-Іосифа и его канцлера Эренталя. Европа была довольна, что распоряженія Австріи не пошли дальше. Все было готово для этого, для разгрома маленькой Сербіи и огромной, но обезсиленной реакціи Россіей. Дружное заступничество Англіи и Франціи и явное недовольство Италіи и Турціи остановили уже занесенныя австрійскія и германскія руки. Неожиданно развернувшаяся военная мощь Австріи и снова обнаруженная слабость Россіи были причиною такого оборота международной исторіи 1909 года.

Эта сила австро-германскаго союза очень встревожила даже ихъ союзницу, Италію. Отсюда ея соглашеніе съ Россіей (въ Раконіджи) о сохраненіи statu quo на Балканскомъ полуостровѣ, соглашеніе, явно направленное противъ Австріи, которая пожелала было въ 1909 году проглотить Сербію и явно прокладываетъ себѣ путь къ Эгейскому морю. Россія и Италія оповѣстили державы о своемъ соглашеніи. Въ Лондонѣ, Парижѣ и Константинополѣ оно было принято съ удовольствіемъ и полнымъ одобреніемъ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ дѣлали la bonne mine au mauvais jeu. Соглашеніе въ Раконаджи и его одобреніе еще тремя державами ограничили къ концу отчетнаго года установившееся было международное преобладаніе Берлина и Вѣны.

Угрожающее выступленіе Вѣны въ началѣ года и Раконидджійское соглашеніе въ концѣ года вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ англо-франко-русскаго согласія (entente) представляютъ собою главныя событія международной исторіи 1909 года. Были, однако, и другія немаловажныя, которыя должно здѣсь отмѣтить.

Провозглашеніе независимости Болгаріи, принятіе Фердинандомъ титула короля, окончательное сліяніе Восточной Румеліи съ Болгаріей, соглашеніе Болгаріи и Турціи о желѣзныхъ дорогахъ, финансовое посредничество Россіи въ болгаро-турецкомъ соглашеніи,—такова серія другихъ историческихъ событій, завершавшихъ свое развитіе въ 1909 году и введшихъ новую независимую и свободную націю болгарскую въ семью культурныхъ народовъ земного міра.

Критскій вопросъ тоже занималъ видное мѣсто въ международной исторіи минувшаго года. Дипломатамъ пришлось довольно-таки посидѣть надъ его рѣшеніемъ, или, вѣрнѣе, надъ задачею отказать ему въ рѣшеніи. Сначала рѣшить его захотѣли сами критяне. Они провозгласили присоединеніе къ Греціи и подняли у себя греческіе флаги. Греки королевства рѣшили воевать съ турками. Греки Турціи приготовились къ возстанію. Однако греки королевства убѣдились, что ихъ армія не годится для войны съ Турціей, а флаги греческіе были сняты силою дессантомъ съ европейскихъ эскадръ (англійской, французской, итальянской и русской). Все осталось по старому, т. е. безъ окончательнаго рѣшенія. Это неудобно не для однихъ грековъ, но и для турковъ. И вотъ послѣ неудачи греческой иниціативы, выступаютъ въ концѣ года турки и обращаются къ державамъ покровительницамъ Крита (Англія, Италія, Россія и Франція) съ просьбою дать окончательное устройство Криту. И эта иниціатива не имѣла успѣха. Державы предпочитаютъ держать огонь подъ пепломъ, пока это возможно... А когда пламя вырвется изъ подъ пепла? Будетъ-ли тогда для рѣшенія вопроса моментъ, болѣе благопріятный? Лишь-бы не теперь, думаютъ дипломаты...

Изъ другихъ международныхъ вопросовъ общественное мнѣніе Европы привлекали еще слухи о дальне-восточныхъ дѣлахъ и возможномъ новомъ русско-японскомъ конфликтѣ. Вообще такой конфликтъ не представляетъ собою ничего неправдоподобнаго. Японцы хорошо видятъ, что они ошиблись въ оцѣнкѣ русской силы на Дальнемъ Востокѣ и что можно было взять у Россіи гораздо больше. Стремленіе исправить ошибку совершенно натурально. Однако, пока существуютъ англо-японскій союзъ и англо-франко-русское согласіе, трудно ожидать русско-японскаго вооруженнаго столкновенія. Эта entente, оберегающая наши западныя границы, оберегаетъ въ извѣстной степени и наши восточныя границы. Надо помнить, впрочемъ, что Германія ищетъ сближенія съ Китаемъ и Японіей и, если Англія будетъ долго мѣшать Японіи въ достиженіи ея политическихъ задачъ, японцы, конечно, не постѣснятся замѣнить англичанъ нѣмцами. Это было бы и для японцевъ невыгодно, если бы произошло дѣйствительное обновленіе Россіи... А съ другой стороны, если такое обновленіе не будетъ хотя бы начато, долго ли Англія согласится мѣшать японцамъ?

II.

Внутренняя исторія культурныхъ націй въ отчетномъ году особенно богата важными событіями. Три бюджета, нѣмецкій, англійскій и французскій, сами по себѣ представляютъ историческія событія огромнаго значенія.

Германія, внѣ всякаго сомнѣнія, на сушѣ — самая сильная военная держава. Она желаетъ сохранить это первенство. Она желаетъ достичь первенства и на морѣ. Для сохраненія первенства на сушѣ и пріобрѣтенія первенства на морѣ необходимы огромныя средства. Нѣмцы, т. е. правящіе нѣмцы, ихъ и не жалѣютъ. Надо ихъ, однако, взять откуда-нибудь. Необходима была финансовая реформа. Она и проведена. Вся тяжесть новыхъ налоговъ возложена на бѣдные классы, частью на промышленность и отнюдь ничего на феодальные классы. Въ теченіе отчетнаго года мы подробно говорили объ этой реформѣ и здѣсь повторять ея изложеніе не будемъ. Напомнимъ только, что для такого торжества ультра-реакціонной политики былъ заключенъ союзъ между консерваторами и клерикалами (центромъ) и прибавимъ, что въ Саксоніи и Баденѣ нація уже отвѣтила на эту чудовищную финансовую реформу. Въ этихъ частяхъ имперіи происходили выборы въ ландтаги. Консерваторы и клерикалы потерпѣли пораженіе, выиграли либералы и соціалисты.

Борьба за англійскій и частью за французскій бюджетъ еще не кончилась, и она наполнитъ собою 1910 годъ. Изъ бюджетнаго вопроса въ Англіи выросъ конституціонный кризисъ и поставленъ вопросъ о существованіи палаты лордовъ. Въ январѣ дается генеральное сраженіе на генеральныхъ выборахъ. Тогда и побесѣдуемъ объ этихъ событіяхъ. Генеральные выборы предстоятъ и во Франціи (въ маѣ 1910 года).

Очень осложнилась конституціонная борьба и въ Австро-Венгріи. Конфликтъ короны съ венгерскимъ парламентомъ принимаетъ все болѣе тяжелый характеръ. Францъ-Іосифъ уже пересталъ совѣщаться съ парламентскими дѣятелями. Онъ совѣщается теперь съ Куномъ Хедервари и съ Лукачемъ, лицами, уже доказавшими свою готовность править вопреки конституціи. Международные успѣхи сдѣлали Вѣну неуступчивою и заносчивою. Это сказывается не только въ Венгріи, но и въ Австріи, гдѣ наступленіе пангерманизма на славянъ выходитъ изъ всякихъ культурныхъ предѣловъ.

Тяжелыя и горестныя событія произошли въ Греціи. Положеніе дѣлъ продолжаетъ быть въ высшей степени критическимъ, и годъ 1909 передаетъ ликвидацію этого кризиса наступающему 1910 году. Греки хотѣли воевать съ турками, но обнаружилось,

что Грецiя не готова и что ея военная сила съ 1897 года, когда греки были разбиты турками, нисколько не увеличилась, а скорѣе уменьшилась. Это привело въ негодованiе нацiю и въ особенности армiю. Военный бунтъ былъ результатомъ этого положенiя. Возможные парламентскiе кабинеты (сначала Теотокиса, потомъ Ралли) оказались неугодными мятежнымъ офицерамъ и удалены. Кабинетъ Мавромихалиса, принявшiй программу военной лиги, какъ прозвали себя бунтовщики, кое-какъ держится, но скорѣе номинально. Военная лига смѣняетъ министровъ, пословъ, генераловъ, адмираловъ, всякихъ чиновниковъ, диктуетъ законы и бюджетъ и сводитъ всю нацiональную жизнь къ служенiю армiи! Ужаснѣе всего то, что это дѣлается съ общаго одобренiя огромнаго большинства нацiи, мечтающей о границахъ Юстинiановой имперiи и о славѣ древнихъ эллиновъ. Трудно предвидѣть исходъ изъ этого положенiя. Похоже на агонiю, но Грецiя такъ много пережила и перенесла, выходя, какъ фениксъ, изъ всѣхъ испытанiй съ новыми силами, что будемъ надѣяться, что и въ настоящемъ кризисѣ ея жизнеспособность одержитъ верхъ надъ тяжелыми историческими условiями. Даровитая, трудолюбивая и самоотверженно-патрiотическая нацiя должна найти въ себѣ силы для возрожденiя и болѣе счастливой исторической будущности... Покуда же и самыя послѣднiя извѣстiя изъ Аѳинъ говорятъ все о томъ же военномъ террорѣ, едва ли даже не возрастающемъ.

Если Сербiю чуть не задавила Австрiя, а греки сами себя силятся задавить, то на томъ же Балканскомъ полуостровѣ происходили въ отчетномъ году событiя, на которыхъ лѣтописецъ современности можетъ остановить свое вниманiе съ надеждами и радостью. Выше мы уже упомянули о Болгарiи. Счастливый оборотъ принимаютъ событiя и въ Турцiи. Старый тиранъ Абдулъ-Гамидъ сдѣлалъ покушенiе на контръ-революцiю (около того же времени, когда Вѣна дѣлала покушенiе на Сербiю и Россiю). Сначала ему это удалось, но вѣрные конституцiи войска одержали побѣду надъ султанскими. Фетвой шейхъ-уль-ислама Абдулъ - Гамидъ, какъ клятвопреступникъ, былъ низложенъ, а правительствомъ сосланъ въ Салоники подъ надзоръ администрацiи. Новый султанъ Магометъ V возстановилъ дѣйствiе конституцiи и принесъ присягу на вѣрность конституцiи. Повидимому, онъ заслужилъ популярность среди турецкаго населенiя Имперiи. Арабы, болгаре и армяне тоже поддерживаютъ либеральное правительство, но здѣсь ручаться за будущее трудно. Еще труднѣе ручаться за албанцевъ и курдовъ. Однако, новое турецкое правительство съ такимъ искусствомъ и тактомъ ведетъ свое государственное судно по фарватеру исторiи, что можно надѣяться на благопрiятный исходъ всякихъ возможныхъ осложненiй.

Вслѣдъ за старымъ деспотомъ Стамбула, и молодой тегеранскiй деспотъ потерпѣлъ крушенiе. Шахъ Али-Магомедъ былъ низло-

женъ и нынѣ проживаетъ въ Одессѣ. За малолѣтняго шаха, наслѣдовавшаго престолъ, управляетъ либеральное регентство и только недостатокъ дисциплинированной военной силы мѣшаетъ водворить въ странѣ спокойствіе и порядокъ, постоянно нарушаемый разбойниками и реакціонерами. Но постепенно и это достигается. Собрался новый меджилисъ и приступилъ къ проведенію реформъ. Есть основаніе и здѣсь ожидать благопріятныхъ событій, чего можно отъ всей души пожелать даровитому иранскому народу, такъ много послужившему для человѣчества и такъ много испытавшему въ теченіе четырехъ тысячелѣтій своей страдной исторіи, отъ Джемшида и Зороастра до нашихъ дней.

Изъ другихъ событій, наполняющихъ собою минувшій годъ, надо отмѣтить:

Въ Испаніи казнь Феррера (о ней недавно здѣсь говорилось подробно); паденіе консервативнаго министерства Мауры, совершившаго это преступленіе; образованіе либеральнаго кабинета Морета. Кортесы, имѣющіе консервативное большинство, не распущены и новое правительство предпочло только отсрочить ихъ засѣданія.

Въ Италіи смѣнилось министерство. Кабинетъ Джолити по бюджетному вопросу остался въ меньшинствѣ и вышелъ въ отставку. Его замѣнилъ кабинетъ Сонино. Это нѣкоторое поправѣніе. Вмѣсто Титони министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ Гвіачардини, что въ Парижѣ принято съ удовольствіемъ. Тройственный союзъ и при немъ сохранитъ свою силу, но сохранитъ силу и русско-итальянское соглашеніе, состоявшееся съ Ракониджи между Извольскимъ и Титони.

Въ Даніи тоже смѣнилось министерство. Въ его программу вошло: преданіе суду двухъ бывшихъ министровъ, обвиняемыхъ въ хищеніяхъ; ограниченіе вооруженій; отмѣна тѣлеснаго наказанія, введеннаго при прежнемъ кабинетѣ.

Въ Бельгіи умеръ король Леопольдъ II. Въ самой Бельгіи Леопольдъ былъ просто конституціоннымъ монархомъ и на дѣла государства не вліялъ. Онъ проявилъ много деспотизма въ семейныхъ дѣлахъ и еще болѣе въ управленіи собственнымъ государствомъ Конго, гдѣ господство королевскихъ фаворитовъ, жадныхъ и жестокихъ, чуть не привело къ иностранному вмѣшательству. Новый король Бельгіи, Альбертъ, считается передовымъ прогрессистомъ, даже чуть не соціалистомъ.

Въ той же Бельгіи въ принципѣ въ парламентѣ прошла реформа воинской службы. До сихъ поръ въ Бельгіи, какъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, солдаты были вольнонаемные. Теперь вводится принципъ обязательной воинской повинности. Имѣя европейскую гарантію, бельгійцы все-таки опасаются и вооружаются. Ѳни имѣютъ къ тому достаточно основаній.

Въ Китаѣ обнародованъ указъ о созывѣ парламента. Въ Кореѣ

революціонное броженіе усиливается. Окончательно сформировался Южно-Африканскій Союзъ изъ четырехъ штатовъ: Капланда, Каталя, Оранжа и Трансвааля. Первымъ генералъ-губернаторомъ Союза назначенъ Гербертъ Гладстонъ, сынъ знаменитаго Вильяма, популярнаго и среди буровъ южной Африки.

Если прибавить небольшую войну испанцевъ съ мароканскими кабиллами, да смѣну кабинета въ Лиссабонѣ, то исчерпаемъ важнѣйшія событія отчетнаго года, за исключеніемъ, конечно, русскихъ.

III.

Таково главное содержаніе исторической жизни за 1909 годъ. Если англо-франко-русское соглашеніе въ 1908 году знаменовало ограниченіе вѣнско-берлинскаго клерикально-феодальнаго хищничества, то угрожающее и успѣшное выступленіе Австріи и Германіи въ 1909 году указало на несломленную силу этого хищничества. Въ концѣ года позиція, занятая Италіей, снова ослабила эту грозную и опасную силу, но борьба далеко не кончена и наступающій 1910 годъ можетъ предложить человѣчеству много неожиданнаго и непредвидѣннаго.

Хищничество всюду подняло голову въ 1909 году. Въ Англіи это были лорды и крупные финансисты, въ Германіи — аграріи, во Франціи—клерикалы, они же въ Испаніи, они же и пангерманисты въ Австріи, но всюду демократія встрѣтила возрождающееся хищничество сплоченнымъ отпоромъ. Борьба тоже далеко не закончена, и 1910 годъ и въ этомъ отношеніи готовитъ намъ сюрпризы и неожиданности. Генеральные выборы въ Англіи, Франціи, Испаніи, Венгріи могутъ радикально измѣнить составъ европейскихъ правительствъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Картинки поздней осени.—II. Памяти П. Ф. Лесгафта.

А. Б. Петрищевъ, который велъ въ послѣдніе годы «Хронику внутренней жизни» въ «Русскомъ Богатствѣ», съ 24 сентября находится въ тюрьмѣ. По литературному дѣлу онъ приговоренъ с.-петербургскою судебною палатою къ году крѣпости, но такъ какъ онъ отбываетъ наказаніе въ одиночкѣ, то, за узаконенною скидкою, ему придется пробыть въ заключеніи 9 мѣсяцевъ, т. е.

еще около полугода. Не считая возможнымъ такъ долго оставлять журналъ безъ отдѣла, съ которымъ уже свыклись читатели, редакція намѣрена вести его наличными силами, пока Афанасій Борисовичъ не получитъ возможности вновь вернуться въ нашу товарищескую семью и вмѣстѣ съ тѣмъ къ текущей журнальной работѣ.

I.

Минуло два года, какъ русскій государственный строй оффиціально былъ признанъ «обновленнымъ». Читатели, вѣроятно, помнятъ, какихъ трудовъ въ свое время стоило найти эту формулу,—формулу, которую каждый могъ наполнить какимъ ему угодно содержаніемъ. Она одинаково хорошо покрывала и «конституцію», и «самодержавіе», такъ какъ «старое» и «новое» могла вмѣстить въ любой пропорціи. При этомъ «новое» каждый могъ представлять себѣ по своему,—хотя бы старѣе стараго: «обновленіемъ» можно вѣдь назвать и реставрацію... Какъ бы то ни было, но два года тому назадъ еще возможны были разногласія, что это за строй, въ которомъ послѣ всѣхъ треволненій мы очутились. Послѣ того многое выяснилось,—особенно много дали въ этомъ отношеніи послѣдніе мѣсяцы. «Обновленный» государственный строй успѣлъ обрисоваться передъ нами съ полною отчетливостью. Даже въ деталяхъ...

Возьмите хотя бы г. Думбадзе... Можно вѣдь было думать, что это—часть тѣхъ «лѣсовъ», о которыхъ упомянулъ въ одной изъ своихъ рѣчей г. Столыпинъ. По окончаніи постройки ихъ обыкновенно убираютъ. Многіе думали, что уберутъ и г. Думбадзе послѣ того, какъ надобность въ немъ миновала. И случаи для этого, казалось, были подходящіе. Напомню послѣдній по времени,—извѣстную телеграмму, которую г. Думбадзе, въ качествѣ предсѣдателя ялтинскаго отдѣла союза русскаго народа, послалъ финляндскому генералъ-губернатору. Послѣ этого даже въ старомъ строѣ его терпѣть бы не стали. Но въ «обновленномъ» терпятъ и даже поощряютъ. Очевидно, г. Думбадзе не случайно уцѣлѣвшій обломокъ «лѣсовъ», которыми пользовались при постройкѣ, а неотъемлемая часть самого обновленнаго зданія...

Возьмите г. Пуришкевича... Когда строятъ домъ, то внутри и около него, обыкновенно, скопляется много всякаго мусора. По окончаніи постройки этотъ мусоръ тоже убираютъ,—для этого, между прочимъ, въ деревняхъ служатъ овраги, въ городахъ—свалки... Кое-какая приборка произведена, пожалуй, и въ обновленномъ зданіи русской государственности: съ Половневымъ и Юскевичъ-Красковскимъ, хотя и неохотно, разстались. Но г. Дубровина сохранили,—очевидно, разсчитываютъ, что еще пригодится. Что касается г. Пуришкевича, то къ нему проявляютъ осо-

бо-любовное вниманіе. Повидимому, и онъ — неотъемлемая принадлежность обновленнаго строя, что то въ родѣ стильнаго его орнамента...

Во всякомъ случаѣ и г. Думбадзе, и г. Пуришкевичъ чувствуютъ себя въ этомъ строѣ вполнѣ на мѣстѣ. Подобно одному изъ Людовиковъ, они, быть можетъ, даже думаютъ: «государство—это мы». И имѣютъ для этого основаніе... «Биржевыя Вѣдомости» сообщили какъ-то слѣдующій характерный фактъ.

В. А. Маклаковъ обратился къ г. Пуришкевичу съ просьбой помочь ему относительно г-жи Муравьевой, жены московскаго присяжнаго повѣреннаго, высылаемой изъ Ялты генераломъ Думбадзе въ виду ея якобы политической неблагонадежности.

Пуришкевичъ телеграфировалъ Думбадзе: „Дорогой генералъ! Политическіе враги обратились ко мнѣ съ просьбой содѣйствовать по дѣлу Муравьевой, которая, по ихъ честному слову, не принимала участія въ политическомъ движеніи, и дать ей возможность долѣчиться отъ болѣзни въ Ялтѣ. Любящій васъ Пуришкевичъ".

Получился слѣдующій отвѣтъ: „Дорогой Владиміръ Митрофаніевичъ Радъ исполнить вашу просьбу. Любящій васъ Думбадзе". *).

Всмотритесь немного въ эту деталь. Г. Маклаковъ обращается съ просьбою къ г. Пуришкевичу; жизнь больной женщины оказывается во власти скандалиста-похабника... Такова обновленная русская государственность...

Г. Маклаковъ—одинъ изъ самыхъ видныхъ русскихъ адвокатовъ и къ тому же «народный представитель» вдобавокъ. Онъ выбралъ, конечно, самый вѣрный и близкій путь къ источнику милосердія и справедливости. И вотъ: имѣя «хожденіе» по дѣлу Муравьевой, онъ обратился съ прошеніемъ о помилованіи къ «сыну Митрофанушки».

Не отворачивайтесь съ брезгливостью отъ этого источника! Скажите: слава Богу! два любящихъ друга оказались на этотъ разъ въ благодушномъ настроеніи. Но не всегда это бываетъ...

Г-жа Линдеборгъ разсказала недавно, какъ она лишилась своего сына. Заболѣлъ онъ еще въ тюрьмѣ. Въ Вологдѣ у него открылось кровохарканье и была констатирована чахотка.

Въ началѣ сентября, будучи уже въ Черномъ Ярѣ Астраханской губерніи—пишетъ г-жа Линдеборгъ,—сынъ мой снова заболѣлъ. Явилось какое то осложненіе въ ухѣ. Мѣстный врачъ Т., къ которому онъ обратился за помощью, отказался отъ лѣченія и посовѣтовалъ немедленно ѣхать къ спеціалисту въ Астрахань. Ссылаясь на заключеніе врача и за подписью помощника исправника, я послала губернатору телеграмму, прося разрѣшить въѣздъ больному въ Астрахань.

Но астраханскій Думбадзе нашелъ, что больному будетъ совершенно достаточно съѣздить въ с. Владиміровку. Однако и владиміровскій врачъ, осмотрѣвъ больного, также посовѣтовалъ обра-

---

*) „Биржевыя Вѣдомости", 2 ноября.

титься къ спеціалисту. 5 октября пріѣхалъ въ Черный Яръ губернаторъ и врачебный инспекторъ. Послѣдній тоже нашелъ поѣздку въ Астрахань къ спеціалисту необходимой.

Я пошла,—разсказываетъ г-жа Линдеборгъ,—къ губернатору, но онъ меня не принялъ, а велѣлъ дежурному чиновнику Б. мнѣ передать, что все зависитъ отъ врачебнаго инспектора: если онъ найдетъ нужнымъ, то будетъ разрѣшено...

Но на поданное губернатору прошеніе она никакого отвѣта не получила. Между тѣмъ больному становилось все хуже и хуже, начались обморочные припадки. Мать посылаетъ губернатору телеграмму и получаетъ отвѣтъ: ѣхать въ Астрахань не разрѣшается на томъ основаніи, что врачебный инспекторъ не нашелъ къ тому научныхъ данныхъ. Впрочемъ, губернаторъ милостиво разрѣшилъ еще разъ съѣздить во Владиміровку,—для этого «научныя данныя», очевидно, нашлись. Но ѣхать туда не пришлось: больной слегъ окончательно. Вызвали владиміровскаго врача въ Черный Яръ, устроили консиліумъ и вновь пришли къ заключенію: необходима помощь спеціалиста. Мать шлетъ губернатору телеграмму за телеграммой,—никакого отвѣта. Очевидно, она не сумѣла найти какого-нибудь мѣстнаго Пуришкевича, который сказалъ бы губернатору по-пріятельски:

— Разрѣши, дорогой! Ничего вѣдь тебѣ это не стоитъ...

«Не видя другого исхода—заканчиваетъ свой разсказъ г-жа Линдеборгъ—послали прошеніе и медицинское свидѣтельство на имя министра 26 октября и 4 ноября телеграмму. Отвѣтъ затормазили и здѣсь. 8-го ноября сына не стало: онъ умеръ отъ воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Ему не было 21 года» *).

Что можно сказать этой матери? «Ахъ! зачѣмъ вы не обратились къ Владиміру Митрофановичу?! Можетъ быть, онъ и сжалился бы»... Но вѣдь онъ потребовалъ бы честнаго слова, что ея сынъ «не принималъ участія въ политическомъ движеніи». Впрочемъ, и этого, вѣроятно, оказалось бы недостаточно... Передо мною лежитъ слѣдующее объявленіе «во всеобщее свѣдѣніе»:

Отъ Главной Палаты Русскаго Народнаго Союза, имени Михаила Архангела.

Главная Палата, въ виду ст. 11 Устава Союза, искренно желала бы оказать полную поддержку всѣмъ къ ней обращающимся единомышленникамъ, но, къ сожалѣнію, она не въ состояніи этого исполнить, вслѣдствіе многочисленности таковыхъ обращеній, почему, соблюдая справедливость, Главная Палата должна отдавать предпочтеніе прежде всего своимъ членамъ, заявившимъ себя какою либо полезною дѣятельностью, о чемъ и объявляется во всеобщее свѣдѣніе, дабы не принадлежащія къ Союзу лица не питали напрасной и несбыточной надежды.

Товарищъ Предсѣдателя Союза: *В. Пуришкевичъ.*
Управляющій канцеляріей Союза
Членъ Главной Палаты: *В. Казариновъ.*

---

*) „Рѣчь", 20 ноября.

Мною только что получено письмо съ просьбою переслать его одному изъ депутатовъ. Въ этомъ письмѣ разсказывается исторія одной каторжанки: у нея начались припадки съ потерею зрѣнія,—сначала на день, на два, потомъ они стали затягиваться на недѣли и даже мѣсяцы. Видимо, слѣпнетъ,— и не можетъ добиться необходимой врачебной помощи. Я переслалъ письмо, кому указано, но лично очень сомнѣваюсь, что бы «народный представитель» оказался въ состояніи чѣмъ либо помочь несчастной. Даже обращеніе къ Пуришкевичу, думаю, не поможетъ. Но тамъ гдѣ-то все еще питаютъ «напрасныя и несбыточныя надежды», пишутъ, хлопочутъ, умоляютъ,—и если не за себя, то за другихъ готовы идти съ поклономъ хотя бы къ политическимъ противникамъ.

Впрочемъ, многіе при общемъ молчаніи просто гибнутъ. Подъ покровомъ обновленной государственности бываетъ, что и въ парашахъ съ нечистотами тонутъ... Такой, напримѣръ, «загадочный случай» имѣлъ не такъ давно мѣсто въ Балашовской тюрьмѣ. Утонулъ въ парашѣ арестантъ Соколовъ, утонулъ безъ шума и крика, и никто даже не знаетъ толкомъ, какъ это случилось. Газеты думали, что онъ самъ избралъ этотъ «ужасный родъ самоубійства». Но г. Очевидецъ, лично на себѣ только что испытавшій особенности Балашовскаго тюремнаго режима, объясняетъ дѣло проще.

Балашовская тюрьма,—пишетъ онъ,—переполнена: тифъ и другія болѣзни въ ней свирѣпствуютъ, не зная границъ... Фельдшеръ, являющійся въ камеры не каждый день, всѣхъ больныхъ считаетъ симулянтами, называя ихъ «волынниками» (играетъ «волынку»—притворяется). Въ клозетъ (въ пересыльной и срочной камерахъ онъ устроенъ тутъ же въ стѣнѣ) или на парашку больныхъ заставляютъ ползать самихъ, безъ посторонней помощи. Больной, едва живой человѣкъ, дотащится кое какъ до парашки или клозета, а тамъ, обезсилѣвъ, падаетъ, куда придется. Такъ же упалъ, надо полагать, и Соколовъ, состоявшій въ разрядѣ больныхъ *)...

Фактовъ этого рода, когда обновленная государственность своими острыми гранями не только калѣчитъ, но и добиваетъ уже искалѣченныхъ людей, можно было бы привести множество. Напомню, что А. Б. Петрищеву приходилось иногда заполнять ими чуть не всю хронику. Но мнѣ не хотѣлось бы въ настоящій разъ терзать нервы читателя,—они и безъ того у всѣхъ истерзаны. Да и генеральскій совѣтъ я помню: «Знаете, зрѣлищемъ смерти, печали... сердце грѣшно возмущать». Есть вѣдь и свѣтлыя стороны. «Радъ показать!»

Въ самомъ дѣлѣ: кромѣ жизни и здоровья, имѣются вѣдь и другія цѣнности, ради которыхъ русскій народъ создалъ свое государство. Напримѣръ: вѣра святая, земля-кормилица, потомъ и кровью народной политая, богатство, трудами народными нажитое. Всѣмъ этимъ хозяева обновленной государственности несравненно больше озабочены, чѣмъ жизнью и здоровьемъ гражданъ.

---

*) „Рѣчь", 29 августа.

Особенно вѣрой... Пастыри душъ занимаютъ въ ихъ рядахъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Отцы Иліодоръ и Восторговъ — это такая же неотъемлемая принадлежность обновленнаго строя, какъ г.г. Думбадзе и Пуришкевичъ. Все это одна компанія, — и дѣло свое они сообща дѣлаютъ. Можно думать, что это даже не сложная, а простая кооперація: г. Думбадзе при случаѣ можетъ заняться религіей, а о. Иліодоръ, какъ извѣстно, не всегда бываетъ въ состояніи воздержаться отъ рукоприкладства. Порою одно и то же лицо занимается тѣмъ и другимъ дѣломъ... Позволю себѣ привести кое-какіе отрывки изъ лежащаго предо мною документа:

Внушать дѣтямъ не забывать молиться Богу дома утромъ, вставши съ постели и умывшись, вечеромъ — передъ сномъ, передъ принятіемъ пищи и послѣ принятія ея.

Молиться за Государя Императора, родителей и всѣхъ сродственниковъ, въ одномъ домѣ съ ними живущихъ, поименовывая каждаго отдѣльно. Молиться за ближайшихъ родныхъ покойниковъ...

И тутъ же рядомъ:

Поощрять товарищескую борьбу, игры въ шехарду и маневры партіей на партію *)...

Прошу не забывать про циркуляръ мой отъ 6 января 1909 года за № 34, которымъ рекомендованы устройства для мальчиковъ-казачатъ военныхъ игръ и развлеченій...

Подписано: полковникъ Жидковъ... Это—изъ приказа по 2-му донскому округу отъ 27 сентября с. г. за № 7796. Окружной атаманъ, какъ видятъ читатели, одинаково озабоченъ и военной выправкой, и религіознымъ воспитаніемъ. Мысль его то и дѣло перескакиваетъ съ одного изъ этихъ предметовъ на другой.

Проходя мимо церкви снимать шапку и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. То же самое дѣлать при прохожденіи мимо кладбища, крестовъ, часовень и выставленныхъ иконъ...

Внушать дѣтямъ—всѣмъ старшимъ оказывать почтеніе сниманіемъ шапки, людямъ военнымъ, въ формѣ, офицерамъ, урядникамъ и старымъ казакамъ—отдаваніемъ чести. Отдавать честь станичнымъ и хуторскимъ атаманамъ. Окружному атаману и всѣмъ генерамъ отдавать честь, становясь во фронтъ...

---

*) Для читателей, незнакомыхъ съ этимъ деликатнымъ выраженіемъ, пояснимъ: маневры «партіей на партію» означаютъ кулачные бои. Къ прискорбію своему, должны признаться, что это выраженіе попало въ цитируемый документъ со страницъ „Русскаго Богатства". Одинъ изъ нашихъ товарищей Ѳ. Д. Крюковъ, какъ знаютъ читатели, довольно много удѣляетъ вниманія донскому казачеству. Въ числѣ другихъ бытовыхъ особенностей казацкой жизни имъ были какъ то изображены и кулачные бои,—изображены въ видѣ маневровъ партіей на партію (Ѳ. Д. Крюковъ. Казацкіе мотивы. Спб. 1907). Бывшему наказному атаману донского войска генералу Самсонову эти картинки понравились, — и онъ отдалъ приказъ по войску, чтобы бытовая особенность и впредь поддерживалась. Послѣ этого „маневры" начали усиленно рекомендоваться и въ другихъ оффиціальныхъ документахъ Донской области.

Получается такое впечатлѣніе, что «выставленныя иконы», съ точки зрѣнія оказываемаго имъ почитанія, въ глазахъ полковника Жидкова что то вродѣ хуторскихъ и станичныхъ атамановъ... Надо сказать, что много у полковника и всякихъ другихъ заботъ. Напримѣръ, о шароварахъ...

Въ послѣднее время—пишетъ онъ въ своемъ приказѣ — среди казаковъ наблюдается стремленіе шить и носить платье не казачьяго, мужичьяго покроя. Стыдно такимъ казакамъ... Носить казачью форму есть честь, честь, которой многіе очень настойчиво добиваются; такой формой нужно гордиться, а не мѣнять ее на одежду, доступную всякому.

Порою всѣ эти заботы—о военной выправкѣ, о религіозномъ чувствѣ и о головномъ уборѣ — сливаются въ одну простую формулу. Напримѣръ:

Въ церкви дѣти должны держать себя чинно, шапки держать „на молитву"...

Какъ ихъ держатъ въ военномъ строю, на парадѣ.. Было бы, можетъ быть, любопытно болѣе внимательно всмотрѣться въ русское государственное строеніе съ этой стороны,—въ сочетаніе молитвъ и кулачныхъ боевъ, нагаекъ и четокъ, Восторговыхъ и Пуришкевичей. Но сейчасъ оно интересуетъ насъ не само по себѣ, не съ архитектурной точки зрѣнія, а въ его отношеніяхъ къ цѣнностямъ, для сохраненія которыхъ оно создано, и, въ частности, къ той святынѣ, которая называется вѣрой...

Приведу маленькій фактъ.

5-го сего октября въ селѣ Семидесятномъ, въ день тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, у насъ былъ отслуженъ молебенъ. Приставъ третьяго стана Нижнедѣвицкаго уѣзда, Власовъ, пришелъ со своею женой на молебенъ и привелъ собаку, ставъ съ нею въ храмѣ неподалеку отъ царскихъ вратъ. Священники Архангельской церкви села Семидесятнаго смотрѣли на эту картину и ничего не сказали приставу. Народъ глядѣлъ и удивлялся. Прихожане церкви думаютъ вновь освятить храмъ. Народъ глубоко возмущенъ поступкомъ пристава и священниковъ. Молящіеся хотѣли было выдворить собаку изъ храма, но побоялись пристава, окруженнаго стражниками *).

Конечно, этотъ фактъ — исключительный, но и за всѣмъ тѣмъ онъ, какъ нельзя лучше, вскрываетъ отношеніе русской государственности къ народной святынѣ. Если Думбадзе и Восторговъ объединились, — они и въ селѣ Семидесятномъ дѣйствуютъ солидарно,—то, конечно, не для того, чтобы служить чувству, которое теплится въ мужичьей груди. И если ужъ пришла такая прихоть, то что же можетъ помѣшать имъ надругаться надъ этимъ чувствомъ,—помѣшать имъ, окруженнымъ стражниками?

Землей хозяева обновленной государственности озабочены еще

*) „Голосъ Москвы", 4 ноября.

больше, пожалуй, чѣмъ вѣрой. Какъ извѣстно, они устроили изъ нея «ось всей внутренней политики». Сейчасъ не мѣсто, конечно, разсматривать, какъ они это сдѣлали, да и не разъ уже вмѣстѣ съ читателями мы этимъ занимались. Чтобы напомнить, какимъ концомъ эта «ось» обернута къ мужику, приведу лишь одинъ фактъ изъ текущей хроники. Разсказываетъ аткарскій крестьянинъ:

— Теперь ходишь, ходишь за арендой къ банковскому управляющему.. Придешь, говорятъ, нѣтъ дома, уѣхалъ. Придешь завтра—не пріѣхалъ еще. А то придешь и застанешь, да цѣлый день прождешь. То онъ спитъ, то чай пьетъ, то контора закрыта. А выйдетъ, такъ съ полчаса кочевряжится. „Я, говоритъ, тебѣ земли не дамъ... Отдамъ другому... У тебя, говоритъ, борода рыжая"... Просишь, просишь, сплюнешь, да и пойдешь прочь. Съ деньгами пойдешь, и то до-сыта нажденься, пока онъ приметъ *)...

Для народа земля—кормилица, а для нихъ это—«ось», орудіе управленія. И если она находится въ ихъ власти, то почему же надъ мужикомъ, который поливалъ и будетъ поливать ее своимъ потомъ, не «покочевряжиться»? Все равно онъ около нея будетъ вертѣться...

Я упомянулъ еще богатство народное... Имъ въ обновленномъ строѣ какъ будто иначе, въ серьезъ, озабочены. Въ этомъ направленіи, повидимому, можно найти и «свѣтлыя» явленія. При старыхъ порядкахъ лишь лѣнивый не запускалъ своей лапы въ казенный сундукъ и народный карманъ. Правда, государство неутомимо преслѣдовало казнокрадовъ, мошенниковъ и грабителей. Но какъ-то такъ выходило, что только «мелкая плотва», выражаясь языкомъ г. Гучкова, попадалась, а «крупныя щуки», которыя являлись главными хищниками, всегда ускользали. Въ революціонные годы государству было, конечно, не до мошенниковъ,—и полиція даже съ мелкими воришками спознадась, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ съ ними слилась, такъ что трудно даже стало грань найти, гдѣ кончается то или иное сыскное отдѣленіе и гдѣ начинается мѣстная воровская организація. Впрочемъ, и раньше это наблюдалось, да только наружу рѣдко выходило...

Обновивъ свой строй, государство рѣшительно встало на стражѣ народнаго достоянія. Оно энергично взялось за чистку.

Я имѣю въ виду—говорилъ г. Гучковъ 13 апрѣля въ Государственной Думѣ—тотъ смѣлый, мужественный и честный шагъ, который былъ сдѣланъ министерствомъ, согласившимся на назначеніе ревизіи сенатора Гарина... Это безпримѣрный въ этомъ отношеніи фактъ, и мы должны привѣтствовать его. Авторитетность лица, которое поставлено во главѣ этого дѣла, широкія полномочія, которыя ему даны, являются какъ бы гарантіей того, что работы этой ревизіи окажутся не безплодными. Поскольку матеріалы, добытые этой ревизіей, стали мнѣ случайно извѣстны, я могу

*) „Кіевскія Вѣсти", 24 сентября.

сказать, что дѣйствительно раскрываются прямо таки ужасающія картины...

Ну, ужъ теперь и «щукамъ» не сдобровать,—только и могъ сказать прислушивающійся къ думскимъ рѣчамъ обыватель.—Не сдобровать,—было подтверждено и главнымъ интендантомъ.

Вотъ у меня списокъ,—сказалъ онъ, отвѣчая Гучкову,—изъ котораго, если вамъ угодно будетъ прочесть вы изволите усмотрѣть, что со времени утвержденія государственной росписи въ іюлѣ прошлаго года по нынѣшній день мною предано суду 40 человѣкъ. Изъ нихъ 6 человѣкъ—то, что Александръ Ивановичъ назвалъ не плотвой, а какъ онъ сказалъ, я, ужъ простите, забылъ.

Голоса: Щуки.

Главный интендантъ. Изъ нихъ 6 щукъ (*Смѣхъ*). Вы изволите усмотрѣть, что мы принимаемъ мѣры (*Смѣхъ. Рукоплесканія*).

А сенаторъ Гаринъ все ловитъ и ловитъ,—и посейчасъ вѣдь онъ этимъ дѣломъ занятъ. Чуть не ежедневно газеты приносятъ извѣстія о его новыхъ и новыхъ успѣхахъ. Онъ начинаетъ уже выростать въ какую то легендарную личность, въ народнаго героя, какъ его и называютъ въ октябристской прессѣ.

Однако, и въ этой средѣ, повидимому, начинаютъ уже замѣчать, что съ гаринской ревизіей дѣло обстоитъ не совсѣмъ ладно. Какъ будто герой только воробьевъ пугаетъ, а которые посмышленнѣе—нисколько его не боятся. Въ послѣднемъ иллюстрированномъ приложеніи къ «Голосу Москвы» воспроизведена карикатура изъ Шк'а. Гаринъ изображенъ на ней въ видѣ громаднаго мужчины на ходуляхъ, отъ котораго разбѣгается толпа людей всякаго званія,—въ мундирахъ, во фракахъ, въ поддевкахъ; а позади него собралась «невелычка та честна компанія»—въ форменныхъ фуражкахъ, военныхъ шапкахъ и штатскихъ цилиндрахъ,—ухватилась за оберегаемую имъ казну и преспокойно ее грабитъ... Не случайно, конечно, карикатуристъ привязалъ къ гаринскимъ ногамъ и ходули. Кто жъ въ этакомъ видѣ «щукъ» ловитъ? Споткнуться вѣдь можно... Ревизія же воистину ходульная.

Какъ бы то ни было, пойманныхъ г. Гаринымъ «щукъ» до сихъ поръ на сковородѣ мы не видѣли... Въ Казани только что начался «первый интендантскій процессъ», на скамьѣ подсудимыхъ 12 человѣкъ,—изъ нихъ хотя одна должна бы быть «щука». Вѣдь ихъ было 6 въ числѣ 40, отданныхъ главнымъ интендантствомъ подъ судъ. Но первое мѣсто среди подсудимыхъ занимаетъ титулярный совѣтникъ, а изъ военныхъ чиновъ нѣтъ ни одного старше подполковника *).

Положимъ, это—первый процессъ; интендантскихъ щукъ мы, можетъ быть, увидимъ въ дальнѣйшихъ. Но вѣдь раньше интендантства г. Гаринымъ была обревизована полиція въ нѣсколькихъ городахъ. Полицейскую «плотву» мы видѣли, Асланова и Зелло

---

*) См. „Рѣчь“, 10 декабря.

судили, а дѣло г. Рейнбота—тоже вѣдь щучка попалась—гдѣ-то застряло. Московскій желѣзнодорожный узелъ тоже уже давненько обревизованъ г. Гаринымъ, однако и путейскихъ щукъ мы не видѣли. Какъ бы не ускользнули даже тѣ, которыя въ гаринскія сѣти попались? Похоже вѣдь на то, что даже плотва изъ нихъ уходитъ...

Между тѣмъ всѣ, начиная съ г. Гучкова, какъ будто забыли, что кромѣ плотвы и щукъ, бываютъ еще акулы. И таковыя въ россійскомъ морѣ, очевидно, имѣются. Иначе ничѣмъ вѣдь не объяснишь нѣкоторыя вещи,—развѣ только нечистой силой. Знаете, какъ въ провинціальныхъ городахъ бываютъ дома, въ которыхъ происходятъ необъяснимыя явленія. Изъ этихъ домовъ всѣ бѣгутъ,—и лишь потомъ какъ-нибудь выясняется, что не безъ участія тѣхъ или иныхъ людей происходили эти явленія. Такъ и въ обновленномъ зданіи русской государственности,—тоже происходятъ необъяснимыя вещи.

Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, можно объяснить хотя бы такой фактъ, о которомъ заявилъ г. Гужонъ на происходившемъ недавно всероссійскомъ съѣздѣ представителей торговли и промышленности: министерство путей сообщенія сдаетъ заказы на рельсы, паровозы, вагоны и другія желѣзнодорожныя принадлежности по цѣнамъ, превышающимъ рыночныя на 20—25 проц. немногимъ «излюбленнымъ фирмамъ». «Излюбленными фирмами» заинтересовались и въ бюджетной комиссіи Государственной Думы. Почему, въ самомъ дѣлѣ, по журналу совѣта министровъ 7 сентября поставка 140 мил. пудовъ каменнаго угля для желѣзныхъ дорогъ сдана нѣкоему Овчарову? Почему не подождали торговъ, которые должны были состояться 9 сентября въ Харьковѣ? Почему подрядъ сданъ фирмамъ, производительность которыхъ недостаточна для его выполненія? Почему не было принято предложеніе двухъ обществъ, которыя предлагали уголь по болѣе дешевой цѣнѣ? Почему самый договоръ заключенъ черезъ одно лицо, г. Овчарова? Тщетно предлагали эти вопросы представители министерства г. Козыреву,—дать сколько-нибудь удовлетворительныя объясненія онъ оказался не въ состояніи *)...

Или чѣмъ можно объяснить исторію съ Владикавказской желѣзной дорогой. Еще въ декабрѣ прошлаго года Государственная Дума приняла въ порядкѣ 40 ст. срочный запросъ о выкупѣ этой дороги. Единственная цѣль запроса была побудить правительство не упустить благопріятнаго момента для этой операціи, такъ какъ съ 1 января за дорогу пришлось бы платить несравненно больше. Но правительство ничего на запросъ не отвѣтило, пока благопріятный моментъ для выкупа не былъ упущенъ. Оставалось, однако, утѣшеніе: владѣя большинствомъ акцій этой дороги (9000 изъ 17000)

*) См. «Рѣчь», 6 ноября.

государство являлось въ сущности фактическимъ ея хозяиномъ и должно было получать значительную часть дивиденда, который возросъ въ послѣдніе годы до 20—25% (100—125 р. на 500-рублевую акцію), да и выкупать дорогу пришлось бы не всю, а лишь въ меньшей ея части. Но къ осени значительная часть принадлежавшихъ казнѣ акцій оказалась проданной и при томъ по цѣнѣ значительно ниже той, какая стояла на биржѣ. Сдѣлано это было въ строгомъ секретѣ, пока г. Рутценъ не огласилъ этого факта въ печати *). По его словамъ, акціи были проданы по 1115 р., тогда какъ биржевая цѣна имъ была 1330; теперь цѣна имъ дошла уже до 1620 р.,—и это не трудно, конечно, было предвидѣть. Г. Некрасовъ, поддерживая соотвѣтствующій запросъ въ Гос. Думѣ, назвалъ эти операціи «странными» и продажу акцій «необъяснимой». Представитель министерства далъ въ коммиссіи объясненіе, которое похоже на насмѣшку: правительство потому-де продало акціи, что Государственною Думою было высказано какъ-то пожеланіе, чтобы государственныя деньги не затрачивались на покупку частныхъ бумагъ. Можетъ быть, въ думскомъ засѣданіи правительство укажетъ какую-либо другую причину «странныхъ» операцій, но пока явленіе остается, какъ его и назвалъ г. Рутценъ съ самаго начала, «загадочной исторіей».

Много такихъ явленій происходитъ въ обновленномъ строѣ... Надо, однако, сказать, что одно изъ этихъ явленій, казавшееся совершенно необъяснимымъ,—я имѣю въ виду раздачу нефтеносныхъ земель нѣкоторымъ лицамъ вопреки установленнымъ правиламъ,—получило недавно почти исчерпывающее объясненіе. Благодарными за это мы должны быть бывшему министру торговли и промышленности г. Тимирязеву, при участіи котораго происходило самое явленіе и который, уходя въ отставку, не счелъ возможнымъ оставить послѣ себя тайну.

«Вокругъ запроса—сказалъ онъ, приступая къ своимъ объясненіямъ въ Государственной Думѣ,—успѣла уже образоваться атмосфера любопытства, какъ бы въ ожиданіи чего то пикантнаго, сенсаціоннаго; въ печати прямо заговорили о панамѣ и обезпокоились, какъ бы министръ торговли, натворившій всѣ эти бѣды, поспѣшнымъ оставленіемъ своего поста, не улизнулъ отъ отвѣта передъ вами. Смѣю васъ увѣрить, гг., что такихъ помысловъ у меня не было. Напротивъ, именно потому, что мой уходъ весьма близокъ, я очень хлопоталъ о томъ, чтобы этотъ запросъ, не признанный спѣшнымъ, тѣмъ не менѣе, какъ можно скорѣе, былъ предложенъ на обсужденіе общаго собранія Государственный Думы».

Была, впрочемъ, и еще одна причина, которая заставила г. Тимирязева быть откровеннымъ: дѣло въ томъ, что членъ Думы Дмитрюковъ еще въ мартѣ пріоткрылъ завѣсу... Какъ бы то ни было,

*) „Рѣчь“ 24 октября.

министръ торговли объяснилъ, что нефтеносные участки были розданы въ порядкѣ особой милости, частью по представленіямъ самого министра (Шхіанцъ и К°, Бастамову и др.) и постановленіямъ совѣта министровъ (генералъ-майору Сенявину), частью вопреки такимъ постановленіямъ (егермейстеру Мамонтову, Толстому и др.).

«Я знаю—закончилъ свои объясненія г. Тимирязевъ—что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ умахъ, несмотря на все, что мною было сказано, останется мысль о томъ, что какъ бы то ни было, а нефтеносныя земли достались привилегированнымъ лицамъ: военному генералу, егермейстеру, оберъ-егермейстеру и что, можетъ быть, лучше было бы, если бы этого не случилось. Я бы, однако, желалъ сказать этимъ умамъ слѣдующее: Монаршая Милость является во всѣхъ монархическихъ государствахъ, а тѣмъ болѣе въ нашей многострадальной Россіи, свѣтлой прерогативой Верховной Власти, призванной къ возвышеннымъ цѣлямъ. Она призвана утирать слезы несчастныхъ, облегчать участь осужденныхъ, даровать человѣку въ чрезвычайныхъ случаяхъ сохраненіе драгоцѣннѣйшаго его достоянія—жизни, когда суровое правосудіе постановляетъ лишить его этого достоянія. Если же Монаршая Милость порой коснется вѣрныхъ и близкихъ слугъ, то, повѣрьте, что Россіи отъ этого хуже не станетъ!» *)

Я предупредилъ читателей, что въ изслѣдуемомъ направленіи мы можемъ встрѣтить и свѣтлыя явленія... Единственное, что мѣшаетъ намъ полностью раздѣлить оптимистическій взглядъ г. Тимирязева, это—соображеніе о томъ соціальномъ строѣ, въ которомъ мы живемъ. Это—строй противорѣчій и контрастовъ: почти каждое явленіе въ немъ имѣетъ двѣ стороны, и чѣмъ свѣтлѣе одна, тѣмъ темнѣе другая. Такъ и тутъ...

По слухамъ, за одинъ изъ нефтеносныхъ участковъ, о которыхъ идетъ рѣчь (кажется, за Сенявинскій), Ротшильдъ уже предлагалъ свыше 20 милл. руб. Допустимъ, что слухи преувеличены,—во всякомъ случаѣ, это такой подарокъ, которымъ воистину можно утереть слезы. Но народное достояніе не такъ вѣдь ужъ велико и слезы егермейстеровъ не такъ ужъ горьки, чтобы государство, утѣшая ихъ, могло дарить милліоны. Деньги государству не легко даются, и надъ каждымъ рублемъ, какой оно добудетъ, народу горько поплакать приходится. Чтобы показать, съ какимъ трудомъ въ обновленномъ строѣ даются деньги и какъ много слезъ проливается надъ ними, приведу кое-какія данныя изъ текущей хроники. Возьму для этого выборку изъ описи крестьянскаго имущества, предназначеннаго къ продажѣ за недоимки по Едровской волости Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи.

*) Стенографическій отчетъ о засѣданіяхъ Государственной Думы. Сессія III, засѣданіе пятнадцатое. Реплики справа и слѣва, прерывавшія рѣчь министра въ этой ея части, мною опущены.

Андрей Обуховъ, семья 6 человѣкъ, рабочихъ изъ нихъ только двое; долженъ 10 руб., описаны: самоваръ—30 к., чайный приборъ 10 коп., часы—20 коп. Податной инспекторъ пишетъ: „оцѣнка низка", земскій же: „продать".

Парасковія Дядькина—семьи 11 душъ, изъ нихъ 8 неработниковъ, недоимокъ за нею 5 р. 28 к.; описываются въ продажу двѣ послѣднія курицы за 40 к., больше описать нечего; податной инспекторъ, какъ бы въ отчаяніи, пишетъ: „продажа безполезна", земскій же: „продать".

Матвѣй Копагинъ недоимокъ 10 р. 43 к.; описаны: 2 курицы—40 к., самоваръ—1 р., чайный приборъ—20 к., чайникъ—10 к., зеркало—20 к., всего на 2 р. 30 к.; податной пишетъ: „все необходимыя въ крестьянскомъ быту вещи и продажа ихъ не покроетъ недоимокъ", земскій же твердитъ одно: „продать".

Осипъ Макаровъ—недоимокъ 7 р. 41 к.; описаны: самоваръ—30 к., чайный приборъ—20 к. и чайникъ—5 к.; податной инспекторъ пишетъ: „изъ чего дѣти будутъ чай пить, который имъ необходимъ", земскій—„продать"..

Иванъ Симановъ—описана лошадь за 20 р.; податной пишетъ: „нельзя", земскій: „продать".

Петръ Лавушкинъ—описана лошадь за 25 р; податной пишетъ: „ни подъ какимъ видомъ", земскій: „продать".

У многихъ крестьянъ даже такому земскому начальнику нечего назначать въ продажу. Напримѣръ, у крестьянъ: Ивана Мельникова, Михаила Яванкова, Варвары Машутиной, Алексѣя Силантьева—никакого имущества нѣтъ *).

Эта опись, въ виду разногласій на этотъ разъ между податнымъ инспекторомъ и земскимъ начальникомъ, дошла до уѣзднаго съѣзда, который согласился съ послѣднимъ, мотивируя свое заключеніе тѣмъ, что только репрессивными мѣрами можно уменьшить недоимку и что, кромѣ описаннаго имущества, взять съ крестьянъ нечего. Въ большинствѣ же случаевъ никакихъ разногласій, конечно, не бываетъ: всѣмъ ясно, что нужно «выколачивать»...

Труда слугамъ обновленной государственности, конечно, не жалко,—тѣмъ болѣе, что и около недоимокъ кормиться можно. На деревню въ такихъ случаяхъ наваливается, обыкновенно, вся,—выражаясь языкомъ купца, которому «днище вышибали»,—«средиземная эскадра»: и податной инспекторъ, и земскій, и становой, и стражники.

Всѣ берутся за работу,—продаютъ куръ и лошадей, самовары и чайники... Много ихъ нужно продать, чтобы утереть слезы хотя бы одного егермейстера...

* * *

Я отмѣтилъ кое какіе частные факты... При желаніи, какъ уже сказано, количество ихъ можно было бы значительно увеличить. Взять хотя бы казнокрадовъ. Вѣдь

Насъ, что ни ночь, раззоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы...

---

*) „Рѣчь", 2 октября

Что ни день, газеты приносятъ цѣлый рядъ извѣстій о вновь обнаруженныхъ злоупотребленіяхъ и хищеніяхъ.

И никого это не удивляетъ, никого не смущаетъ... «Я вижу себя совершенно обезоруженнымъ,—говорилъ г. Гучковъ во время преній въ Государственной Думѣ объ интендантствѣ,—ибо на каждый мой вопросъ, извѣстно ли вѣдомству то или другое злоупотребленіе, я увѣренъ, вѣдомство можетъ мнѣ отвѣтить: мнѣ извѣстны гораздо большія злоупотребленія»... Какъ будто такъ и быть должно, какъ будто воры и должны въ нашемъ домѣ хозяйничать...

Я уже не говорю о тѣхъ хищникахъ, которые, такъ сказать, легализованы. Имѣются вѣдь «щуки», которыя въ россійскомъ морѣ гуляютъ на законномъ основаніи. Они вслухъ, - на всероссійскихъ съѣздахъ—нисколько не стѣсняясь, обсуждаютъ, какъ удовлетворить имъ свои аппетиты. Напримѣръ, на прошлогоднемъ промышленномъ съѣздѣ одинъ изъ желѣзнозаводчиковъ прямо сказалъ: «Говорятъ, что мы съ казны шкуру деремъ; я скажу, что слѣдовало бы драть двѣ шкуры, если бы было возможно». Какъ дѣлить эту шкуру, имѣются свои правила, освященныя обычаемъ, а иногда и закономъ,—и нерѣдко только потому, что «щуки» между собою не поладили, ссору затѣяли, мы замѣчаемъ ихъ присутствіе и ихъ аппетиты. А то уже свыклись...

Выше я упомянулъ о г. Гужонѣ, который вслухъ заговорилъ объ одномъ изъ странныхъ явленій, какія происходятъ въ обновленномъ строѣ. Такихъ порядковъ, какъ у насъ, - заявилъ онъ,— «еще міръ не видалъ и, вѣроятно, никогда не увидитъ». Предсѣдатель съѣзда поспѣшилъ успокоить взволновавшагося заводчика: «не упрекать—сказалъ онъ—надо правительство въ томъ, что въ цѣляхъ поддержки отечественной промышленности оно платитъ ей дороже за нѣкоторыя издѣлія, чѣмъ частные потребители,—въ этомъ именно и заключается разумная политика государства,—а благодарить». Но совсѣмъ не за это, какъ можно думать, г. Гужонъ упрекалъ правительство. «Кіевскія Вѣсти» *), изъ которыхъ я заимствую весь этотъ эпизодъ, напоминаютъ, что у г. Гужона простона-просто имѣется своя теорія, какъ должны происходить «необъяснимыя», какъ я ихъ назвалъ, явленія. Онъ развилъ ее еще въ 1902 г., на съѣздѣ желѣзозаводчиковъ. «Я утверждаю—говорилъ онъ,—что въ дѣлежѣ правительственныхъ субсидій должны участвовать всѣ металлургическіе заводы, какъ потому, что всѣ они вправѣ разсчитывать на вниманіе къ себѣ правительства, такъ и потому, что казенныя субсидіи, выдаваемыя за счетъ платежныхъ силъ всего государства, не могутъ служить къ обогащенію девяти заводовъ въ ущербъ остальнымъ». И только потому, очевидно, что дѣлежъ казенныхъ денегъ между заводчиками происходитъ недоста-

---

*) См. «Кіевскія Вѣсти», 11 ноября.

точно равномѣрно, г. Гужовъ считаетъ наши государственные порядки черезчуръ ужъ странными...

Я отмѣтилъ факты изъ текущей хроники лишь въ нѣкоторыхъ направленіяхъ. Но ту же рѣзкость и опредѣленность очертаній государственной жизни мы нашли бы и во всѣхъ остальныхъ. Я отмѣтилъ, напримѣръ, какъ въ обновленномъ строѣ доканываютъ больныхъ, но ту же жестокость мы увидѣли бы и въ отношеніяхъ къ здоровымъ «преступникамъ» и даже въ отношеніяхъ къ ни чѣмъ неповиннымъ дѣтямъ. Матеріаловъ для этого можно было бы достаточно найти даже въ думскихъ только запросахъ за послѣдніе два мѣсяца... Я напомнилъ, какую роль играютъ въ нашемъ домѣ воры, но вѣдь не менѣе видную роль играютъ и разбойники...

Пережитый нами годъ получитъ, вѣроятно, прозвище года о провокаціи. Начался онъ дѣломъ Азефа, скачивается дѣломъ Карпова, въ срединѣ было еще дѣло Гартинга-Ландезена, не считая множества среднихъ и мелкихъ разоблаченій. Бурцевъ прославился ими на весь міръ, но вѣдь не въ Бурцевѣ только дѣло. Волей-неволей то и дѣло разоблачаютъ, напримѣръ, суды; адвокаты говорятъ, что не бываетъ въ послѣднее время ни одного мало-мальски значительнаго процесса, въ которомъ, если не на переднемъ, то на заднемъ планѣ, не фигурировали бы провокаторы. Подъ часъ разоблачаютъ ихъ—какъ въ дѣлѣ Карпова—даже бомбы. Достаточно бываетъ неосторожно задѣть что-нибудь, имѣющее то или иное отношеніе къ «охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности», какъ немедленно обнаруживается «сотрудникъ». Говорятъ у Абдулъ-Гамида ихъ было много... Ну, за русскимъ режимомъ и онъ бы не угнался.

Русскія газеты, въ сущности, мало удѣляютъ вниманія этому явленію, и даже не перепечатываютъ, напримѣръ, появляющихся на этотъ счетъ въ заграничной прессѣ извѣстій, разъ въ нихъ нѣтъ ничего сенсаціоннаго. За рубежомъ еще интересуются разоблаченіями, а мы уже перестали. Привыкли...

Прямо удивительно, до чего привыкли... Всѣмъ хорошо извѣстно, какую роль играетъ въ нашей государственной жизни «охрана»: все, можно сказать, ей подчинено... И вотъ нисколько не кажется страннымъ, что эта «охрана» зиждется на людяхъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого,—на Іудахъ, которые изъ предательства сдѣлали профессію, на разбойникахъ, которые убійство превратили въ промыселъ. Они вѣдь готовы организовать убійство, кого угодно, и справа, и слѣва,—и Плеве, и Герценштейна. Не щадятъ они и тѣхъ, кто находится въ ихъ рядахъ, съ кѣмъ они сами «сотрудничаютъ»...

Послушайте же, какъ разсуждаютъ на этотъ счетъ государственные дѣятели,—и не только тѣ, которые къ охранѣ имѣютъ непосредственное касательство, но и тѣ, которые облюбовали для себя въ

обновленномъ строѣ болѣе чистую позицію. Сотрудникъ «Рѣчи» по поводу убійства Карпова имѣлъ бесѣду съ нѣкоторыми изъ думскихъ депутатовъ, и вотъ что онъ отъ нихъ услышалъ. «Такъ что же!—сказалъ гр. Вл. Бобринскій.—Предатели могутъ найтись и среди лакеевъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что высокопоставленнымъ лицамъ не слѣдуетъ держать лакеевъ»?.. «Г. Шубинскій философски замѣтилъ, что ничего не подѣлаешь. Сыскъ—дѣло не очень пріятное. Приходится пользоваться предателями. Джентльмэны въ этомъ дѣлѣ не годятся» *)...

Самъ гр. Бобринскій едва ли, однако, взялъ бы къ себѣ въ домъ, даже въ качествѣ лакея, завѣдомаго предателя и едва ли безопасность своей семьи вручилъ бы разбойнику. А въ домѣ государственности это можно дѣлать и даже нужно. Это какъ бы норма... Да это и дѣйствительно нормальный порядокъ,—старый порядокъ.

«Обновленіе» государственнаго строя не въ томъ вѣдь состояло, что въ немъ появились воры, разбойники и предатели, что его неотъемлемыми частями сдѣлались Думбадзе, Пуришкевичи, Восторговы... Все это, можетъ быть, въ меньшемъ размѣрѣ, но было и раньше: тотъ же Азефъ, напримѣръ, 18 лѣтъ работаетъ на русское правительство. Обновленіе состояло въ томъ только, что все это обнажилось. Покровы сорваны и то, что скрывалось подъ ними—вся гниль, вся грязь, вся мерзость—все это въ натуральномъ своемъ видѣ предстало передъ нами. И государство устами своихъ дѣятелей говоритъ теперь намъ: полюби меня черненькимъ, бѣленькимъ же ты меня никогда не увидишь...

И въ такомъ государствѣ, конечно, жить можно. Если вы хотите пожить съ шикомъ и всласть, то обратитесь къ Азефу,—быть можетъ, и онъ приметъ васъ въ «сотрудники». Если вы думаете о томъ только, какъ бы вѣкъ дожить, не ложась преждевременно въ могилу, то поклонитесь Пуришкевичу,—можетъ быть, онъ за васъ и заступится. Забудьте, что у васъ честь есть, совѣсть, человѣческое достоинство... И жить еще можно.

Да, все обнажилось, - и нагота не только не смущаетъ, но ею даже какъ бы похваляются. Стыдъ какъ будто совсѣмъ покинулъ оффиціальную и оффиціозную Россію,—и русская дѣйствительность давно уже превзошла щедринскую сатиру. Ту сущность, до которой великій сатирикъ могъ проникнуть лишь художественнымъ взоромъ, мы теперь ясно видимъ простыми глазами...

* * *

Когда мы начинали жизнь въ обновленномъ строѣ, то, помню кн. Е. Н. Трубецкой сравнилъ наступавшую пору съ осенью. Онъ еще ожидалъ, что октябристы (и названіе вѣдь у нихъ такое, осеннее!) оросятъ русскую землю «мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній». Но октябрь,—когда г. Гучковъ былъ име-

*) «Рѣчь» 12 декабря.

нинникомъ,—прошелъ; какъ будто и ноябрь уже кончился, а дождя мы такъ и не видѣли.

Осень оказалась бездождная... Давно уже исчезли цвѣты, давно трава поблекла и листья опали, все оголилось. Земля лежитъ, какъ мертвая. И птицъ надъ нею не слышно,—развѣ изрѣдка ворона каркнетъ... Мрачно, уныло кругомъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ прозрачно: все разглядѣть можно. Осенью это бываетъ....

От большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что, какъ иней, къ землѣ прилегли,—
Все отчетливо видно...

Бѣглымъ взоромъ окинули мы открывающуюся передъ нами картину...

Поэтъ сказалъ: «нѣтъ безобразья въ природѣ»... Да! Но есть безобразье въ соціальномъ мірѣ...

Только одна радость у насъ и осталась: поле какъ никакъ засѣяно...

II.

28 ноября скончался Петръ Францевичъ Лесгафтъ. «Въ небольшомъ газетномъ некрологѣ — писалъ совѣтъ біологической лабораторіи въ своемъ извѣщеніи—трудно дать даже приблизительное понятіе о кипучей общественной и научной дѣятельности покойнаго». Трудно это сдѣлать и въ журнальной замѣткѣ...

Дѣятельность Петра Францевича была крайне обширна, — онъ работалъ достаточно долго, работалъ неутомимо, работалъ продуктивно; и вмѣстѣ съ тѣмъ эта дѣятельность была крайне разнообразна,—онъ работалъ, какъ ученый, какъ профессоръ, какъ врачъ, какъ педагогъ, какъ политическій дѣятель... Выяснить результаты этой дѣятельности и подвести имъ итоги, это—сложная и большая задача,—задача біографіи, а не некролога. Сейчасъ, когда мы находимся передъ незасыпанной еще могилой *), чувствуется другая потребность: оглядываясь на путь, пройденный покойнымъ и закончившійся теперь неизбѣжнымъ для всѣхъ концомъ, хочется уяснить себѣ основную линію, по которой онъ шелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту главную борозду, которую онъ провелъ и засѣялъ на необозримомъ полѣ общечеловѣческой жизни...

Прежде всего это былъ, конечно, ученый, — видный ученый, оставившій послѣ себя цѣлый рядъ трудовъ, которые высоко цѣнятся спеціалистами. Ученымъ онъ остался до смерти, продолжая до конца жизни работать въ своей области. Послѣдніе годы, какъ извѣстно, онъ работалъ надъ большимъ и, быть можетъ, самымъ

---

*) Когда я пишу эти строки, Петръ Францевичъ не погребенъ еще: останки его находятся въ пути изъ Каира, гдѣ онъ умеръ, въ Россію.

капитальнымъ трудомъ своей жизни, который остался, повидимому, не вполнѣ законченнымъ.

Спеціальностью его была анатомія, и эта спеціальность до извѣстной степени предопредѣлила, конечно, содержаніе его жизни. Будь онъ юристомъ или механикомъ,—будь онъ даже врачемъ другой спеціальности, — жизнь его, конечно, сложилась бы иначе. Анатомія—это была та полоса,—самимъ ли имъ избранная, Богомъ ли ему отведенная,—на которой развилась его дѣятельность, и съ которой онъ распространилъ ее на прилегающія къ ней области. Но то, что онъ сдѣлалъ на своей полосѣ, а также то пространство, которое онъ, оставаясь на ней, охватилъ своею дѣятельностью и то направленіе, въ которомъ эту послѣднюю онъ развилъ, опредѣлились, конечно, главнымъ образомъ, если не всецѣло, личными свойствами его богато одаренной и въ высшей степени дѣятельной натуры.

Спросите студента-медика, и почти каждый изъ нихъ вамъ скажетъ, что анатомія, это—одна изъ самыхъ сухихъ и утомительныхъ наукъ, какія приходится преодолѣть, чтобы добраться до живой врачебной работы. Въ этой ученической классификаціи наукъ съ точки зрѣнія ихъ утомительности, анатомія занимаетъ мѣсто чуть ли не рядомъ съ пресловутой въ студенческихъ кругахъ кристаллографіей. Въ ней такъ же, какъ и въ послѣдней, преобладаетъ описательная часть съ неизбѣжной номенклатурой. Въ человѣческомъ тѣлѣ такъ много вѣдь всякихъ косточекъ и у нихъ бугорковъ и углубленій; такъ много всякихъ мускуловъ и въ нихъ каналовъ и канальцевъ; такъ много всякихъ нервовъ и у нихъ узелковъ и развѣтвленій.. Все это уже описано, всякой мелочи дано названіе,—и нужно все это выучить. Такова эта «анатомія». Вдобавокъ, это и мертвая наука—мертвая по самому матеріалу: за вываренными костями и за полуразложившимся трупомъ совсѣмъ почти не видно и не слышно жизни съ ея горями и радостями, съ ея трудомъ, нуждой и заботами... Вотъ, въ какой отрасли былъ спеціалистомъ покойный.

И въ этой, хорошо, казалось бы, изслѣдованной и всячески описанной, области онъ нашелъ надъ чѣмъ работать въ теченіе всей долгой жизни. Больше того: эту сухую и мертвую науку онъ наполнялъ такимъ богатымъ содержаніемъ и такимъ философскимъ смысломъ, что не только самъ увлекался ею, но и увлекалъ своихъ слушателей. Чтобы понять строеніе человѣческаго тѣла, онъ призывалъ на помощь всѣ науки, начиная отъ гистологіи и кончая механикой. Да, эта косточка такъ вотъ устроена и расположена, и иначе быть не можетъ, потому что таково-то свойство клѣтки, такъ-то дѣйствуетъ законъ тяжести или диффузіи, такъ-то долженъ дѣйствовать этотъ рычагъ въ предназначенной ему работѣ... Съ другой стороны, онъ привлекалъ къ пониманію строенія человѣческаго тѣла всю жизнь со всѣми ея нормальными про-

явленіями и уродливыми отъ нихъ отклоненіями. Этотъ вотъ мускулъ имѣетъ такой-то видъ, потому что это мускулъ танцовщицы, а этотъ—такой-то, потому что это мускулъ молотобойца; эта кость имѣетъ такой-то цвѣтъ и такую-то твердость, потому что человѣкъ питался мясомъ, а эта кость иная, потому что она принадлежитъ человѣку, который мяса въ своей жизни почти не видѣлъ... Трупъ, даже каждая косточка, каждый бугорокъ на этой косточкѣ оживали при такомъ истолкованіи,—оживали, какъ чудное по своей красотѣ созданіе природы, а нерѣдко и какъ безобразное по своему уродству послѣдствіе соціальной жизни...

Я не изучалъ самъ анатоміи и о томъ, какъ ее понималъ и излагалъ Петръ Францевичъ, знаю лишь по разсказамъ. Возможно, что я представляю дѣло не совсѣмъ точно, но суть, думается мнѣ, я передаю достаточно вѣрно.

Это характерное для покойнаго стремленіе сочетать широкую научную мысль со всею сложностью жизни, — стремленіе, которое онъ проявлялъ въ своей спеціальной сферѣ знанія, столь же характерно для него, какъ я думаю, и въ сферѣ дѣйствія, въ тѣхъ областяхъ, которыя были доступны ему.

Даже какъ ученый съ широкимъ научнымъ горизонтомъ и съ всестороннимъ знаніемъ жизни, Петръ Францевичъ могъ, конечно, затвориться въ своемъ кабинетѣ, не выходить дальше анатомическаго театра, погрузиться всецѣло въ науку. Но онъ по своей натурѣ не могъ этого сдѣлать и не сдѣлалъ. Онъ не ограничился изученіемъ жизни, онъ остался дѣятельнымъ ея участникомъ. Но и тутъ разныя имѣлись вѣдь возможности. Бываетъ, и нерѣдко бываетъ, что ученый, всю жизнь усердно занимающійся, напримѣръ, минералогіей, въ качествѣ общественнаго дѣятеля интересуется бойнями или бюджетными вопросами. Та и другая полоса его жизни идутъ отдѣльно и даже посредственно ничѣмъ между собою не связаны. Но не такъ сочетались между собою научная и общественная дѣятельность покойнаго: послѣдняя тѣсно примыкала къ первой.

Общественная сторона жизни П. Ф. понятнѣе намъ, неспеціалистамъ, и она была у него, какъ я уже сказалъ, крайне разнообразна. Больше всего онъ поработалъ, какъ преподаватель, какъ профессоръ, стремясь разбросать, какъ можно шире, тѣ знанія и мысли, какія имѣлись въ его научной области. Если въ этой дѣятельности покойнаго были перерывы, то не по его винѣ Въ 1869 г. онъ былъ избранъ профессоромъ казанскаго университета, но пробылъ на этомъ мѣстѣ лишь два года. Въ 1871 году газетная статья, въ которой онъ осмѣлился критиковать порядки казанскаго университета, привела его въ столкновеніе съ администраціей: онъ былъ уволенъ изъ университета и, если не ошибаюсь, высланъ изъ Казани. Вмѣстѣ съ нимъ, въ видѣ протеста, ушли изъ университета восемь профессоровъ. Преподавательская дѣя-

тельность Петру Францевичу была преграждена послѣ этого надолго. Лишь въ 1878 году бывшій профессоръ получилъ возможность занять должность второго прозектора при извѣстномъ анатомѣ Груберѣ въ медико-хирургической (теперь военно-медицинской) академіи, въ качествѣ каковаго онъ руководилъ практическими занятіями студентовъ и научными работами молодыхъ врачей. И лишь послѣ введенія новаго университетскаго устава въ 1884 г., учредившаго приватъ-доцентуру, Петръ Францевичъ получилъ возможность оффиціально возобновить свой курсъ анатоміи, каковой онъ и началъ читать въ петербургскомъ университетѣ.

Надо, однако, сказать, что еще раньше, будучи прозекторомъ, онъ началъ читать частныя лекціи по анатоміи на своей квартирѣ. Квартирка была небольшая и немного могла вмѣстить слушателей. Личность же лектора настолько была популярна въ Петербургѣ, что всегда была масса желающихъ попасть въ нее; и вотъ многіе забирались съ ранняго утра, ждали на лѣстницѣ, чтобы только получить себѣ мѣсто. Многіе изъ слушавшихъ тогда Петра Францевича и до сихъ поръ помнятъ его квартирку, помѣщавшуюся на Фонтанкѣ въ домѣ № 18 (рядомъ съ департаментомъ полиціи), квартирку, обыкновенно биткомъ набитую увлеченными слушателями. Эти частныя лекціи покойный продолжалъ и послѣ того, какъ открылъ оффиціальный курсъ въ университетѣ. Тамъ его лекціи тоже пользовались громадною популярностью и собирали массу слушателей со всѣхъ факультетовъ.

Одинъ изъ слушателей П. Ф., а именно Иннокентій Сибиряковъ, увлеченный своимъ учителемъ, явился однажды къ нему и выложилъ на столъ крупную сумму денегъ, а также предоставилъ въ полное его распоряженіе домъ, имѣвшійся у него въ Петербургѣ. На эти средства покойный основалъ С.-Петербургскую Біологическую лабораторію, которой онъ и былъ пожизненнымъ директоромъ. Надо сказать, что средства, предоставленныя Сибиряковымъ, втеченіе многихъ лѣтъ дѣятельности лабораторіи не только не изсякли, но какъ, можно думать, значительно увеличились. Помимо массы цѣнныхъ научныхъ коллекцій, какія собраны лабораторіей, увеличилась и цѣнность другого, принадлежащаго ей имущества. Покойный П. Ф. проявилъ себя крайне умѣлымъ, энергичнымъ и разсчетливымъ хозяиномъ. Онъ, напримѣръ, прикупилъ и перестроилъ сосѣдній домъ, значительно увеличивъ помѣщенія лабораторіи. И сдѣлалъ это все самъ, даже постройку производилъ безъ подрядчика. Онъ съ гордостью говорилъ, что когда умретъ, то оставитъ послѣ себя въ общественномъ достояніи такое-то — что-то больше полумилліона—имущество, и ни одного неоплаченнаго счета. Характерно, что этотъ, столь заботившійся о пріумноженіи общественнаго достоянія, человѣкъ въ личной жизни былъ совершенный безсребренникъ. Жилъ онъ въ высшей степени

скромно, отказывая себѣ въ малѣйшемъ комфортѣ, и даже, когда умиралъ тамъ, въ Каирѣ, не хотѣлъ перейти въ санаторію, ссылаясь на то, что у него нѣтъ для этого достаточныхъ средствъ...

Около Біологической лабораторіи—этого одного изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ живыхъ учрежденій С.-Петербурга — и сосредоточилась, главнымъ образомъ, дальнѣйшая дѣятельность Петра Францевича. Но, чтобы понять эту дѣятельность, нужно вернуться къ отмѣченной уже выше характерной чертѣ покойнаго — къ его стремленію сблизить мысль и жизнь во всѣхъ ихъ проявленіяхъ. Онъ не ограничивался тѣмъ только, что стремился возможно шире разбросать сѣмена научнаго знанія, онъ напрягалъ всѣ силы, чтобы претворить ихъ въ практическія формулы.

Съ анатоміей онъ связалъ прикладныя науки. Прежде всего—какъ врачъ, продолжавшій до конца жизни принимать больныхъ (къ слову сказать, безплатно). Своими знаніями строенія человѣческаго тѣла онъ воспользовался для исправленія его у тѣхъ, у кого оно было повреждено неправильнымъ воспитаніемъ или тяжелыми условіями жизни.

Еще больше онъ сдѣлалъ въ томъ же направленіи, какъ педагогъ. На анатоміи онъ обосновалъ физическое воспитаніе, и не только обосновалъ,—но и ввелъ его въ практику жизни. При Обществѣ физическихъ воспитательницъ и учительницъ, неразрывно связаннымъ въ своей дѣятельности съ Біологической лабораторіей, были учреждены естественно-научные курсы въ цѣляхъ подготовки воспитательницъ и учительницъ,—«лесгафтовскіе курсы», пользовавшіеся такою широкою популярностью въ обществѣ и столь часто навлекавшіе на себя неудовольствіе администраціи... Не разъ приходилось Петру Францевичу отстаивать ихъ въ разныхъ инстанціяхъ.

— Очень ужъ много вашихъ курсистокъ,—говорили ему какъ-то разъ,— всюду, оказывается, замѣшано... Да и буйныя онѣ какія-то...

— Онѣ и должны быть такими! — съ живостью отвѣчалъ П. Ф.—Онѣ вѣдь у меня каждый день занимаются гимнастикой...

— И то сказать,—прибавилъ онъ потомъ, передавая объ этомъ объясненіи съ начальствомъ—вѣдь у насъ какая плата,—дешевая... Публика у насъ демократическая. Понятно, что она радикальнѣе другой учащейся молодежи.

«Лесгафтички» много причинили безпокойствъ начальству. Но и много онѣ принесли пользы обществу. Въ одномъ изъ некрологовъ было сказано, что нѣтъ въ Россіи интеллигентной семьи, среди членовъ которой не нашлось бы учениковъ и ученицъ покойнаго. Это, конечно, преувеличеніе. Но много уже имѣется семей, члены которыхъ при посредствѣ «лесгафтичекъ» воспользовались его методами воспитанія. Нужно желать, чтобы эти методы получили болѣе широкое распространеніе, сдѣлались всѣмъ доступными.

И я думаю, что «лесгафтички» не исчезнутъ изъ жизни, какъ не исчезли на Западѣ, да отчасти и у насъ, «фребелички»...

Какъ врачу, какъ преподавателю и какъ воспитателю, Петру Францевичу приходилось имѣть дѣло съ индивидуумомъ. Но при томъ кругозорѣ, какой былъ у него, онъ, конечно, хорошо понималъ, какую громадную роль въ жизни личности имѣютъ общественныя условія. У насъ же эти условія таковы, что волей-неволей покойному пришлось съ ними рѣзко сталкиваться. И вотъ волей-неволей ученый долженъ былъ выступать въ качествѣ политическаго дѣятеля.

На политической аренѣ и мнѣ лично пришлось съ П. Ф. познакомиться. Это было въ 1901 г., послѣ всѣмъ памятнаго избіенія молодежи на Казанской площади. Въ печати было уже разсказано *), какое участіе принималъ покойный, стремясь облегчить положеніе разсаженной по участкамъ молодежи. Еще больше, быть можетъ, потратилъ онъ силъ, чтобы привести въ извѣстность положеніе избитыхъ, развезенныхъ по больницамъ. Но этимъ не ограничилась его роль въ событіяхъ того времени.

Послѣ казанской демонстраціи и по поводу ея состоялся, какъ извѣстно, первый именованный протестъ противъ дѣйствій правительства. Я имѣю въ виду «протестъ 44 писателей». Онъ произвелъ тогда очень сильное впечатлѣніе, какъ первое открытое выступленіе. У многихъ явилось желаніе примкнуть къ нему,—правда, у нѣкоторыхъ почти тотчасъ же исчезнувшее. Какъ бы то ни было, былъ затѣянъ другой, такой же именованный, но болѣе широкій протестъ. Въ концѣ концовъ подъ нимъ подписалось 99 человѣкъ. Для собраній по этому поводу П. Ф. предоставилъ помѣщенія Біологической лабораторіи и самъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе. Я помню, какъ держалъ онъ себя при этомъ... Мнѣ незачѣмъ, конечно, говорить, сколь многимъ онъ рисковалъ тогда: и курсами, и лабораторіей, не говоря уже о личной свободѣ...

Подписавшіе «протестъ 99-ти» получили высокое названіе «нахаловъ» и въ значительной своей части были высланы изъ Петербурга, какъ люди, хотя и не принимающіе участія въ конспиративныхъ организаціяхъ и «даже сознательно уклоняющіеся отъ участія въ оныхъ»,—буквально такъ и сказано было въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ,—но тѣмъ не менѣе опасные для русской государственности. Былъ высланъ и П. Ф. Но курсы уцѣлѣли. Онъ поселился въ Теріокахъ, оставаясь и тамъ душою дѣла, которое создалъ...

Въ 1906 г., пользуясь относительной свободой, П. Ф. преобразовалъ курсы въ «Высшую вольную школу» съ двумя факультетами: естественно-научнымъ и соціальнымъ. «Вольная школа» быстро пріобрѣла громадную популярность, но просуществовала не

---

*) См. „Русскія Вѣдомости“ отъ 3 декабря.

долго. Послѣ того, какъ реакція восторжествовала, школа немедленно была закрыта. Лесгафтовскіе курсы могли существовать даже при старомъ режимѣ, но они оказались непереносными для обновленнаго строя...

Главное дѣло жизни было такимъ образомъ разбито. Но П. Ф. не впалъ въ уныніе. Онъ немедленно началъ возсоздавать его. Чуть ли не наканунѣ отъѣзда въ Каиръ,—уже больной,—онъ принималъ участіе въ совѣщаніи объ открытіи въ помѣщеніяхъ Біологической лабораторіи «общественнаго университета». И дѣло какъ будто налаживалось. Но дождаться, когда оно осуществится, чтобы стать во главѣ его, Петру Францевичу уже не пришлось.

Сблизить мысль и жизнь—такова была задача, какъ я ее понимаю, всей его жизни. Ведя свою борозду, П. Ф. забиралъ широко и глубоко. Между тѣмъ эта задача и безъ того трудная, особенно у насъ, гдѣ пропасть между мыслью и жизнью такая широкая.

Не мало пришлось Петру Францевичу перенести на своемъ вѣку непріятностей. И не только отъ начальства... Бывало, что онъ не ладилъ и съ молодежью, и съ тѣми общественными дѣятелями, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе. Нерѣдко онъ казался неуживчивымъ, придирчивымъ, не въ мѣру настойчивымъ. Но и ему, вѣроятно, люди часто казались не особенно привлекательными, непонятливыми, надоѣдливыми. Быть можетъ, не разъ охватывало его желаніе уйти отъ нихъ, запереться въ своемъ кабинетѣ, погрузиться въ науку...

Но странное дѣло: люди съ своими общественными начинаніями все время льнули къ Петру Францевичу. Даже сейчасъ, когда помѣщенія біологической лабораторіи оффиціально пустуютъ, въ нихъ ютятся и коломенское общество образованія, и коломенское общество обывателей, и начальная школа, и курсы для рабочихъ, и столовая для безработныхъ... И самъ Петръ Францевичъ, какъ ни надоѣдлива общественная сутолока, все время въ нее вмѣшивался. Очевидно, велика эта потребность—потребность сблизить мысль и жизнь,—которой онъ отдалъ свою жизнь.

Онъ умеръ... Остается опустить его въ могилу. Пробьютъ обледенѣлый покровъ,—и мягкая земля навсегда засыплетъ его останки...

Въ послѣднее время мы и всѣ какъ-то обледенѣли. Но я думаю, что въ общественной памяти найдется мѣсто для Петра Францевича, и она съ благодарностью сохранитъ его образъ на долго,—быть можетъ, на вѣки...

А. Пѣшехоновъ.

Наброски современности.

XXIV.

О думскомъ большинствѣ и закономѣрности.

Время отъ времени въ старомъ Таврическомъ дворцѣ, въ залахъ котораго засѣдаетъ своеобразное учрежденіе, носящее имя третьей Государственной Думы, разыгрываются чрезвычайно пикантные эпизоды. За послѣднія же недѣли такихъ пикантныхъ эпизодовъ въ Таврическомъ дворцѣ было особенно много. И если не всѣ они, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ являются крайне любопытными въ томъ отношеніи, что въ нихъ нашли себѣ яркое отраженіе кое-какія характерныя особенности окружающей насъ жизни.

Съ этой точки зрѣнія наибольшій интересъ представляютъ, пожалуй, тѣ эпизоды, которые произошли недавно въ третьей Думѣ въ связи съ объясненіями, данными ей въ отвѣтъ на обращенные къ нимъ запросы министромъ торговли и промышленности, съ одной стороны, и министромъ юстиціи—съ другой. Въ обоихъ этихъ случаяхъ думскіе запросы касались незаконныхъ дѣйствій представителей власти и въ обоихъ случаяхъ дававшіе объясненія Думѣ министры нисколько не пытались отрицать незакономѣрность своихъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ признавали такую незакономѣрность вполнѣ въ порядкѣ вещей. Это послѣднее обстоятельство и дало поводъ въ томъ и другомъ случаѣ къ пикантнымъ сценамъ, разыгравшимся въ Думѣ, сценамъ, во время которыхъ третьедумское большинство попробовало выступить въ мало ему привычной и мало для него подходящей роли защитниковъ законности.

Запросъ, внесенный въ Думу по поводу дѣйствій министра торговли и промышленности, говорилъ о раздачѣ нѣсколькихъ участковъ нефтеносныхъ земель, совершенной вопреки установленнымъ для такой раздачи правиламъ. Отвѣчая на этотъ запросъ, г. Тимирязевъ, успѣвшій къ тому времени уже покинуть министерскій постъ, призналъ полную достовѣрность изложенныхъ въ запросѣ фактовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавилъ, что послѣдніе не должны бы были становиться предметомъ обсужденія Думы, такъ какъ они явились результатомъ милости монарха, совершенно свободной въ своихъ проявленіяхъ. Это неожиданное заявленіе произвело такой эффектъ, что Дума большинствомъ голосовъ всѣхъ наличныхъ депутатовъ противъ трехъ приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, признающую дѣйствія министра незакономѣрными, а объясненія его — неудовлетворительными. Правда, въ

лицѣ г. Тимирязева третья Дума имѣла передъ собою въ данный моментъ министра, уже вышедшаго въ отставку, и потому думское большинство могло чувствовать себя въ этомъ случаѣ нѣсколько свободнѣе. Но черезъ нѣкоторое время большинство третьей Думы, хотя и нѣсколько меньшее по своему составу, почти съ такою же энергіей выступило противъ дѣйствій другого министра, продолжающаго оставаться у власти и не обнаруживающаго никакого желанія разстаться съ нею, — именно министра юстиціи.

Соціалъ-демократическая фракція внесла въ Думу запросъ по поводу циркуляра, изданнаго 18 января 1908 г. главнымъ начальникомъ тюремнаго управленія и предоставившаго вопреки ясному и точному постановленію закона начальникамъ тюремъ право не допускать на свиданія къ послѣдственнымъ заключеннымъ ихъ защитниковъ. Этотъ циркуляръ впослѣдствіи былъ отмѣненъ и уже по одному этому члены думскаго большинства не ожидали въ данномъ случаѣ серьезнаго столкновенія съ министромъ юстиціи. Но г. Щегловитовъ не оправдалъ такихъ ожиданій. Онъ предпринялъ въ Думѣ горячую защиту упомянутаго циркуляра, при чемъ велъ эту защиту въ тонѣ, доставившемъ большое удовольствіе г. Пуришкевичу и его друзьямъ. Не довольствуясь и этимъ, г. Щегловитовъ категорически заявилъ, что то или иное рѣшеніе Думы по обсуждавшемуся ею вопросу не будетъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій и нисколько не подѣйствуетъ на поведеніе министра юстиціи. Это заявленіе повліяло даже на октябристовъ, и послѣ него г. Гучковъ предложилъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая была принята голосами всей оппозиціи и октябристовъ противъ крайнихъ правыхъ и націоналистовъ. Согласно этой формулѣ, Дума, «находя, что объясненія, представленныя министромъ юстиціи, явились не только оправданіемъ допущенной въ циркулярѣ отъ 18 января незакономѣрности, но и провозглашеніемъ цѣлой системы нарушеній подобнаго рода въ будущемъ», признала «изданіе циркуляра отъ 18 января 1908 г. дѣйствіемъ незакономѣрнымъ, а объясненія министра юстиціи неудовлетворительными».

Объясняя тѣ мотивы, которые побудили его и его товарищей внести подобную формулу, г. Гучковъ откровенно подчеркнулъ, что въ ряду этихъ мотивовъ главное мѣсто занималъ негодованіе на прозвучавшую въ словахъ г. Щегловитова «злорадную насмѣшку надъ безсиліемъ Думы», насмѣшку, въ которой министръ юстиціи неожиданно для самого себя оказался солидаренъ съ крайними лѣвыми элементами самой Думы. «Я увѣренъ,—восклицалъ г. Гучковъ, пытаясь съ своей стороны найти противовѣсъ этой «злорадной насмѣшкѣ»,—что и министры, и крайніе лѣвые разочаруются и что этой именно Думѣ, основанной на этомъ избирательномъ законѣ, приблизительно этого же состава, удастся все-таки водворить въ Россіи правду и справедливость и помѣшать въ то же время

тѣмъ соціальнымъ катаклизмамъ, о которыхъ мечтаютъ наши лѣвые товарищи».

О своей увѣренности г. Гучковъ заявлялъ въ весьма рѣшительномъ и приподнятомъ тонѣ. Но этого, конечно, еще недостаточно для того, чтобы передать такую же увѣренность другимъ. Больше того,—самое заявленіе о существованіи такой увѣренности способно вызвать разнообразныя и далеко идущія сомнѣнія. Начать съ того, что г. Гучковъ ограничился голословнымъ засвидѣтельствованіемъ своей увѣренности, но не потрудился указать тотъ путь, какимъ, по его мнѣнію, третьей Думѣ или какой-либо другой Думѣ «приблизительно этого же состава», созванной на основаніи закона 3 іюня, «удастся все-таки водворить въ Россіи правду и справедливость». Правда, въ томъ конкретномъ случаѣ, о которомъ говорилъ въ своей рѣчи г. Гучковъ, онъ указалъ Думѣ опредѣленный путь—путь запроса и слѣдующаго за нимъ выраженія неодобренія министру. Но вѣдь этотъ путь былъ уже испробованъ и третьей Думой. Въ частности былъ онъ испробованъ, незадолго до конфликта съ г. Щегловитовымъ, и въ инцидентѣ съ г. Тимирязевымъ, инцидентѣ, въ которомъ третья Дума проявила какъ будто гораздо больше единодушія и который, однако, какъ это признавали и органы печати, далеко не склонные чрезмѣрно подчеркивать безсиліе третьей Думы, остался совершенно безрезультатнымъ.

„Будетъ ли этотъ инцидентъ—спрашивали тогда же „Русскія Вѣдомости"—имѣть какія-нибудь послѣдствія?" „Въ этомъ—отвѣчала газета на свой вопросъ—вполнѣ позволительно сомнѣваться... При болѣе внимательномъ отношеніи къ Думѣ преемникъ В. И. Тимирязева, вѣроятно, не безмолвствовалъ бы при обсужденіи даннаго запроса. Бывшій министръ торговли въ своихъ объясненіяхъ, признанныхъ Думой неудовлетворительными, выступалъ еще какъ министръ, какъ представитель правительства, и молчаніе его преемника легко можетъ быть понято такъ, что и онъ солидаренъ съ этими объясненіями. Во всякомъ случаѣ, ясно одно, что ни у новаго министра торговли, ни у прочихъ членовъ объединеннаго совѣта министровъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія подчеркнуть свою несолидарность съ дѣйствіями В. И. Тимирязева, признанными Думой незакономѣрными. Объясняется ли это различнымъ по существу пониманіемъ закономѣрности Думой и правительствомъ или слишкомъ малымъ вниманіемъ правительства къ мнѣніямъ Думы, выводъ для послѣдней получается одинаково безотрадный. Много толковъ было со стороны думскаго большинства о запросахъ, какъ о вѣрномъ средствѣ борьбы противъ незакономѣрныхъ дѣйствій властей, и вотъ чуть не первый примѣръ такого запроса, гдѣ Дума съ рѣдкимъ единодушіемъ дала оцѣнку дѣйствій одного изъ представителей власти, оказывается ударомъ въ пространство. Даже наиболѣе оптимистично настроенный депутатъ Думы врядъ ли рѣшится утверждать, что запросъ о раздачѣ нефтеносныхъ земель приведетъ къ какимъ-либо конкретнымъ результатомъ" *).

Такъ обстояло дѣло въ конфликтѣ Думы съ г. Тимирязевымъ. Что касается г. Щегловитова, то онъ вѣдь впередъ объявилъ, что та

*) „Р. Вѣдомости", 21 ноября.

или иная думская формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, заключающая въ себѣ признаніе незакономѣрности его дѣйствій, не окажетъ никакого вліянія на дальнѣйшую его дѣятельность. Быть можетъ, г. Гучковъ и лица, раздѣляющія его «увѣренность», разсчитывали найти стремленіе къ закономѣрности и къ согласованности своихъ дѣйствій съ указаніями Думы не у министровъ, а у силы, стоящей надъ ними? Но и такое предположеніе противорѣчитъ фактамъ. Дѣйствительно, не только конституціоналисты-демократы, ревностно охраняющіе за отсутствіемъ конституціоннаго духа конституціонную внѣшность, но и октябристы, принимавшіе участіе въ выраженіи неодобренія гг. Тимирязеву и Щегловитову, вслѣдъ за тѣмъ приложили всѣ старанія къ тому, чтобы въ обоихъ этихъ случаяхъ не была примѣнена статья 60-я Положенія о Думѣ, согласно которой, если Дума находитъ дѣйствія какого-либо изъ министровъ незакономѣрными и большинствомъ двухъ третьей голосовъ признаетъ его объясненія неудовлетворительными, ея постановленіе доводится до свѣдѣнія верховной власти. И не приложили они старанія къ этому, конечно, потому, что не надѣялись достичь какого-либо успѣха на такомъ пути и не хотѣли потерпѣть лишняго пораженія. Такимъ образомъ вопросъ о томъ пути, пользуясь которымъ, третья Дума могла бы оправдать увѣренность г. Гучкова и «водворить въ Россіи правду и справедливость», остается все-таки открытымъ.

Открытымъ, впрочемъ, остается и другой вопросъ—вопросъ о томъ, насколько третья Дума въ лицѣ своего большинства стремится дѣйствительно оправдать подобную увѣренность. Можно сказать даже больше,—что этотъ послѣдній вопросъ давно уже разрѣшенъ всею думскою дѣятельностью въ смыслѣ, прямо противоположномъ тому, въ какомъ хотѣлъ бы считать его разрѣшеннымъ г. Гучковъ. И приведенные только что эпизоды въ сущности играютъ роль тѣхъ исключеній, которыя только подтверждаютъ правило. Они скорѣе подчеркиваютъ, чѣмъ измѣняютъ, общій характеръ дѣятельности третьей Думы и именно въ этомъ заключается ихъ пикантность. Въ инцидентахъ съ гг. Тимирязевымъ и Щегловитовымъ центральныя группы третьей Думы постарались показать, что имъ не чуждо пониманіе смысла закономѣрности въ дѣйствіяхъ государственной власти. Въ длинномъ рядѣ другихъ эпизодовъ члены этихъ группъ какъ нельзя болѣе ясно показываютъ, какъ велико ихъ собственное уваженіе къ закономѣрности и за какую именно цѣну они продаютъ послѣднюю.

Въ думской коммиссіи по запросамъ, какъ разсказываютъ газеты, разсматривался недавно запросъ соціалъ-демократической фракціи по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій администраціи, преслѣдующей празднованіе рабочими дня 1 мая. Авторы запроса указывали примѣры незакономѣрныхъ распоряженій въ видѣ принужденія хозяевъ доносить полиціи о бастующихъ 1 мая

рабочихъ или въ видѣ произвольныхъ арестовъ, какъ это было въ Лодзи. Въ засѣданіи коммиссіи октябристскіе депутаты, гг. Матюнинъ, Люцъ, кн. Тенишевъ, вполнѣ признавали незакономѣрность такихъ дѣйствій. Князь Тенишевъ заявилъ даже, что самъ онъ никогда бы не исполнилъ такихъ незакономѣрныхъ распоряженій. Тѣмъ не менѣе — продолжаетъ газетное сообщеніе — «всѣ октябристы высказались за отклоненіе запроса на томъ основаніи, что празднованіе 1 мая преслѣдуетъ исключительно политическія цѣли, является политической демонстраціей, враждебной существующему строю, и потому должно быть подавлено администраціей, дѣйствія которой въ данномъ случаѣ, если и не закономѣрны, то правильны. Баронъ Шиллингъ нашелъ даже, что въ Лодзи слѣдовало арестовать не каждаго десятаго, а всѣхъ рабочихъ». Въ конечномъ результатѣ коммиссія большинствомъ 12 голосовъ противъ 5 рѣшила предложить Думѣ отклонить запросъ *).

Этотъ небольшой эпизодъ, будучи сопоставленъ съ обѣщаніями г. Гучкова, что третья Дума водворитъ правду и справедливость въ Россіи, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ одну изъ наиболѣе яркихъ чертъ въ психологіи центральныхъ группъ этой Думы и даетъ недурной ключъ къ пониманію выносимыхъ послѣдней рѣшеній. Г. Гучковъ и его ближайшіе политическіе друзья не совсѣмъ чужды культурѣ. Они, пожалуй, даже понимаютъ, что закономѣрность вещь сама по себѣ недурная. Въ еще большей мѣрѣ понимаютъ они, что въ современныхъ условіяхъ государственной жизни цинично-откровенные гимны произволу, какъ основному принципу управленія, вовсе не такъ ужъ удобны. Имъ поэтому не совсѣмъ ловко присоединяться къ такимъ гимнамъ и не очень пріятно даже слушать ихъ, и они съ гораздо большимъ удовольствіемъ готовы заняться восхваленіемъ закономѣрности, правды и справедливости. Но какъ только имъ приходится выбирать между закономѣрностью и интересами существующаго строя, они поспѣшно отступаются отъ первой въ пользу вторыхъ, не забывая, впрочемъ, порою даже и при такихъ обстоятельствахъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ законности.

Это своеобразное отношеніе къ закону и законности не составляетъ, впрочемъ, привилегіи третьей Думы. Наоборотъ, оно въ сущности заимствовано послѣдней изъ практики правительственныхъ учрежденій. И стоитъ только оглянуться на эту практику въ современномъ ея видѣ, чтобы въ изобиліи найти въ ней совершенно аналогичные примѣры.

Въ минувшемъ ноябрѣ въ первомъ отдѣленіи перваго департамента сената слушалось дѣло о наложеніи бакинскимъ градоначальникомъ кандаловъ на дворянина Николая Матчиваріани. Послѣдній былъ предводителемъ шайки, покушавшейся ограбить паро-

*) «Рѣчь», 25 ноября.

ходъ «Николай», но задержанной властями. Послѣ ареста шайки къ бакинскому градоначальнику стали поступать сообщенія, что готовится побѣгъ Матчиваріани. Тогда, принимая во вниманіе ветхость бакинской тюрьмы, градоначальникъ распорядился заковать Матчиваріани въ кандалы. Закованный подалъ на это распоряженіе жалобу въ сенатъ, указывая главнымъ образомъ на то, что онъ, какъ дворянинъ, освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія и, пока онъ по суду не лишенъ правъ, градоначальникъ не въ правѣ примѣнять къ нему подобную мѣру, которая вдобавокъ и вообще не можетъ быть примѣняема къ подслѣдственнымъ арестантамъ. «По заслушаніи жалобы—разсказываетъ передающая эту исторію газетная замѣтка,—сенаторы высказались въ томъ смыслѣ, что бакинскій градоначальникъ вышелъ за предѣлы закона, и признали заявленіе Матчиваріани объ отсутствіи у градоначальника правъ примѣнять къ дворянамъ тѣлесныя наказанія правильнымъ. Войдя, однако, въ обсужденіе обстоятельствъ дѣла, сенатъ постановилъ: принимая во вниманіе совершенно исключительныя условія, при наличности которыхъ у градоначальника не было иного исхода къ предупрежденію побѣга важнаго преступника, жалобу Матчиваріани оставить безъ послѣдствій» *).

Такимъ образомъ, по утвержденію высшаго судебнаго учрежденія имперіи, которое, «какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія», «совершенно исключительныя обстоятельства», сводящіяся къ ветхости тюрьмы, позволяютъ администраціи, вопреки закону, налагать оковы на подслѣдственныхъ арестантовъ. Это рѣшеніе сената, вынесенное по частному случаю, заключаетъ, однако, въ себѣ и нѣкоторый общій критерій, позволяющій опредѣлить ту степень уваженія къ законности, какая требуется отъ администраціи. Дѣйствія послѣдней могутъ быть незакономѣрными, если этого требуютъ «исключительныя обстоятельства». Но исключительныя обстоятельства въ разныхъ мѣстностяхъ понимаются различно и влекутъ за собою разныя мѣры. Если въ однихъ тюрьмахъ подслѣдственныхъ арестантовъ во избѣжаніе побѣга заковываютъ въ кандалы, то въ другихъ въ каждаго арестанта, подошедшаго къ окну своей камеры, немедленно стрѣляютъ, не стѣсняясь убивать не только взрослыхъ, но даже и дѣтей. Правда, эти дѣйствія тоже «незакономѣрны», такъ какъ законъ пока еще не предоставилъ тюремной стражѣ права убивать заключенныхъ за приближеніе къ окну. Но въ противовѣсъ «незакономѣрности» и въ этихъ случаяхъ, конечно, могутъ быть указаны «совершенно исключительныя обстоятельства» и интересы огражденія существующаго строя.

Этими интересами огражденія существующаго строя мотивируется отказъ отъ закономѣрности не только въ тюремномъ, но и въ обще-гражданскомъ быту. Въ сущности ради этихъ интересовъ

*) „Рѣчь", 21 ноября.

вся страна обращена въ одну громадную тюрьму, населеніе которой отдано подъ безконтрольную власть разнообразныхъ надзирателей. Количество этихъ надзирателей все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая власть ихъ непрерывно возрастаетъ. И роль третьедумскаго большинства въ этомъ процессѣ является заранѣе предопредѣленной, при томъ предопредѣленной въ направленіи, какъ разъ противоположномъ тому, какое намѣчалъ въ своихъ возраженіяхъ г. Щегловитову г. Гучковъ.

Возражая министру юстиціи, г. Гучковъ торжественно обѣщалъ что и министры, и крайніе лѣвые разочаруются въ безсиліи третьей Думы. Но вотъ правительство, не спрашиваясь Думы, установило правила о порядкѣ перемѣщенія и увольненія желѣзнодорожныхъ служащихъ въ случаѣ признанія ихъ жандармской полиціей политически неблагонадежными. Правила эти отдаютъ судьбу всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ почти всецѣло въ руки жандармовъ, но третья Дума не была призвана высказать свое мнѣніе по этому вопросу и не постаралась сама показать на немъ свою силу. Г. Гучковъ обѣщалъ еще, что третья Дума или вообще какая - нибудь Дума приблизительно этого же состава водворитъ въ Россіи правду и справедливость. Но, по крайней мѣрѣ, для третьей Думы правительство нашло другое дѣло и вноситъ въ нее законопроектъ объ увеличеніи штата губернскихъ жандармскихъ управленій. Согласно этому законопроекту, увеличеніе числа жандармскихъ пунктовъ и управленій настоятельно требуется и въ Астраханской губерніи, и въ Вологодской, и въ Енисейской, и въ Донской области, и въ Забайкальской, и въ Екатеринославской губерніи, и на Уралѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ губерній и областей. И не такъ ужъ трудно догадаться, какъ будетъ принятъ этотъ проектъ думскимъ большинствомъ. Правда, думскіе октябристы по временамъ позволяли себѣ указывать на несовершенство жандармскаго дознанія и на «незакономѣрность» употребляемыхъ при немъ пріемовъ. Но эта дань теоретическаго уваженія къ «закономѣрности» на практикѣ, конечно, не можетъ помѣшать имъ оказать требуемую отъ нихъ услугу. Въ самомъ дѣлѣ, можно представить себѣ, что даже желѣзнодорожное дѣло не особенно много выиграетъ отъ предоставленія жандармамъ чрезмѣрно широкой власти надъ желѣзнодорожными служащими. Но, съ другой стороны, если не предоставить жандармамъ такой власти, то какъ уберечь желѣзнодорожныхъ служащихъ отъ крамолы, опасной для существующаго строя? Можно также представить себѣ, что дальнѣйшее разростаніе жандармскаго корпуса является развитіемъ гангренозной язвы на тѣлѣ страны. Но отказаться отъ содѣйствія такому разростанію не значитъ ли опять-таки отказаться и отъ средства пресѣченія крамолы, несущей съ собою опасность для существующаго строя? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы видѣть, гдѣ лежитъ дорога для людей, взявшихъ на себя обязанности

услуживать существующему строю и связанныхъ съ нимъ всѣми своими кровными интересами. Несомнѣнно, большинство третьей Думы проявитъ полную готовность водворить въ Россіи правду и справедливость путемъ насажденія возможно большаго количества жандармскихъ пунктовъ и управленій, какъ раньше оно водворяло законность путемъ устройства десятковъ новыхъ охранныхъ отдѣленій.

Въ сущности тутъ нѣтъ даже мѣста догадкамъ. Третьедумское большинство само поторопилось продемонстрировать свою вѣрность однажды принятой на себя роли. Прогремѣвшее на всю Россію дѣло Карпова-Воскресенскаго, еще разъ яркой молніей освѣтившее грязную бездну провокаціи, для этого большинства послужило лишь поводомъ подчеркнуть свою неразрывную связь съ системой управленія, построенной на произволѣ и опирающейся на провокацію.

Но эта система нуждается въ различныхъ услугахъ. Въ условіяхъ настоящаго момента ей не всегда бываетъ удобно проявлять себя въ чистомъ своемъ видѣ, ей нужны бываютъ прикрытія, нужны временами декораціи. Роль такой декораціи и играетъ для нея центръ третьей Думы, играетъ даже тогда, когда члены этого центра обращаются къ правительству съ требованіями соблюдать закономѣрность въ дѣйствіяхъ органовъ власти. Правительственные авгуры слишкомъ хорошо знаютъ истинную цѣну такихъ требованій, чтобы сколько-нибудь смущаться ими, а вмѣстѣ съ тѣмъ они создаютъ нужную для цѣлей авгуровъ обстановку, способную подчасъ ввести въ заблужденіе наивныхъ людей. И только, когда наступаетъ моментъ встрѣчи слова съ дѣломъ, повязка спадаетъ съ глазъ самыхъ наивныхъ и довѣрчивыхъ людей и они постигаютъ истинный характеръ тѣхъ разговоровъ о «закономѣрности», какіе ведетъ большинство третьей Думы.

В. Мякотинъ.

Памяти учителя.

(*Письмо въ редакцію*).

Мы, послѣдніе ученики Петра Францевича Лесгафта, сейчасъ чувствуемъ одно: все, что говорено, говорится, можно сказать о Петрѣ Францевичѣ, мало по сравненію съ наполняющими душу каждаго изъ насъ чувствами благодарности, сознанія непоправимой утраты и глубокой, нѣжной любви къ нему.

Словами этого передать нельзя. Съ нами нѣтъ больше Петра

Францевича въ его тѣлесной оболочкѣ; мы не услышимъ его голоса на лекціи: «помните, милостивые государи, основное положеніе»... «пришпильте»... «всѣмъ ясно насквозь»... «Прошу сказать слово, повторить»... этихъ восклицаній, такъ ярко характеризующихъ его, какъ профессора, который ни потокомъ краснорѣчивыхъ словъ, съ темнымъ часто смысломъ, обливаетъ своихъ слушателей, ни демонстраціями картинныхъ моделей затемняетъ истинное представленіе о предметѣ; но который всѣмъ своимъ существомъ работаетъ на лекціи, старается, чтобы все было понято, усвоено, продумано.

«Вообразите, милостивыя государыни, подумайте, придете въ свою комнàтку, возьмите бумажку, начертите»...

Мы не увидимъ его неустаннаго, дѣятельнаго, сосредоточеннаго, мелкими шажками взбѣгающаго по лѣстницѣ во время своихъ утреннихъ осмотровъ всѣхъ лабораторій, всѣхъ уголковъ... Это дорогое прошлое...

Но есть настоящее и будущее. И здѣсь передъ нами встаетъ задача со всей энергіей и стойкостью идти къ осуществленію идей, завѣщанныхъ Петромъ Францевичемъ и хоть по крупинкамъ отдать народу то, что получили отъ нашего учителя.

Не у всѣхъ бываютъ въ жизни такіе учителя. Намъ выпало счастье 2—3 года работать подъ его руководствомъ.

Пусть нѣтъ его больше—въ каждомъ изъ насъ живо возбужденное имъ сознаніе, безпокойный «червячекъ»: «надо умѣть справляться въ жизни», «надо быть интеллигентнымъ», «въ каждомъ человѣкѣ надо признавать личность и данной личности не касаться ни словомъ, ни дѣломъ, ни помыслами», въ каждомъ дѣлѣ «надо быть на своемъ мѣстѣ и въ свое время».

«Справляться въ жизни»... развѣ учили насъ этой великой мудрости въ семьѣ, школѣ? Сплошь и рядомъ въ первомъ случаѣ мы видѣли «предохраненіе, предусмотрѣніе», во второмъ—«запрещеніе, наказаніе».

Иныя начала клалъ въ основу семьи и школы Петръ Францевичъ и этими началами «насквозь» была проникнута его собственная работа.

На бесѣдахъ по анатоміи, онъ громко повторялъ, показывая мертвые препараты: «на живомъ, милостивые государи, на живомъ—вообразите a priori—это для провѣрки».

Самъ живой, увлекающійся, стойкій во всякой своей работѣ, онъ звалъ и насъ къ живому на своихъ лекціяхъ, практическихъ занятіяхъ, пріемахъ, гдѣ при осмотрѣ больныхъ онъ такъ часто задавалъ намъ вопросы, требуя объясненій анатомической ненормальности въ томъ или другомъ случаѣ, огорчался, когда мы не справлялись и какъ хорошо свѣтились его глаза, когда отвѣтъ былъ удовлетворителенъ.— «Вотъ гдѣ экзаменъ, милостивыя государыни, надо умѣть справляться въ жизни».

«Я къ вамъ буду приставать, приставать».

«Возьмите себя за шиворотъ и скажите: «не дамъ чаю, пока не рѣшишь данной задачи»,—сами себѣ это вы сказать въ правѣ».

Или въ другомъ случаѣ: «не позволяйте, что бы васъ водили за ручку; вы не должны быть марксистами, фребелистами, лесгафтистами... каждый человѣкъ самъ по себѣ»...

И мы, взрослые люди, слушали всѣ эти совѣты, порицанія; мы не тяготились тѣмъ, что онъ къ намъ «приставалъ», имѣли терпѣніе приходить съ препаратами на «сдачи» по 15—20 разъ; мы не прекратили своихъ занятій у него послѣ закрытія Вольной Высшей Школы, которая такъ просто открыла намъ свои двери въ 1906 году. Она не обѣщала намъ правъ и привилегій за счетъ необходимыхъ, оборудованныхъ лабораторій, не требовала отъ насъ дипломовъ и золотыхъ медалей, а только желаніе учиться, желаніе, которое явилось естественнымъ откликомъ 1905 года, когда наступила переоцѣнка цѣнности вообще, а въ педагогической работѣ—въ частности. И мы отмѣчаемъ, какъ характерное явленіе, что въ Вольной Высшей Школѣ большинство были народные учителя.

Ея черезъ полтора года закрыли, такъ недолго просуществовала эта школа, плодъ творческаго ума и чуткой любви къ педагогическому дѣлу. Но Петръ Францевичъ не остался безъ учениковъ до послѣднихъ дней жизни; эти ученики, въ одномъ случаѣ молодежь, частью разошедшаяся по другимъ учебнымъ заведеніямъ, все же продолжала слушать его лекціи анатоміи, сдавать препараты; въ другомъ случаѣ его старыя слушательницы въ послѣднее время—помощницы, всю свою личную жизнь вложившія въ скромное, тихое сотрудничество.

И мы, послѣдніе ученики, Петра Францевича обращаемся къ вамъ, работники низшей, средней и высшей школы, дѣлимся съ вами этими свѣжими воспоминаніями о человѣкѣ, которому такъ дорого и близко было педагогическое дѣло.

Повторяемъ: все, что сказано, блѣдно, передать въ словахъ нельзя того чувства, которое наполняетъ душу при воспоминаніи о Петрѣ Францевичѣ, но у каждаго изъ насъ есть одно яркое — желаніе *честно работать*. Это проектъ памятника отъ учениковъ Петру Францевичу.

Л. Толмачева, А. Снарская, П. Іюдина, А. Зудина, Кунстманъ, Тихова, С. Идрисовъ, С. Жорова, М. Чистякова, М. Арутова, М. Борзаковская, А. Шестакова, А. Шляховъ, Л. Кавалерчикъ, А. Румянцева, Ф. Берлинъ, Е. Соболева, С. Раскина, З. Павловская, Ш. Абдушелишвимъ, А. Маликъ, С. Берлинъ, Б. Искозъ, А. Лысковскій, Образцовъ, Врулевичъ, В. Алтынтонъ, Е. Цпкуленко, Р. Корнилова, М. Костинъ, Л. Мальцъ-Федорцова, Пипелина, Мульяшъ, В. Дмитріева, Поскребышева.

С.-Петербургъ
1909 г., декабря 11 дня.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 051337399